

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу
Краевое государственное бюджетное учреждение
Научно-производственный центр по сохранению
историко-культурного наследия Алтайского края
(НПЦ «НАСЛЕДИЕ»)
Алтайский государственный университет

СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Материалы региональной
научно-практической конференции
Выпуск XVIII–XIX

Барнаул, 18–19 апреля 2013 г.

Издательство
Барнаул 2013

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С 689

Ответственные редакторы:
Г.А. Кубрина, В.П. Семибратов

Редакционная коллегия:
Е.Г. Кабанова, М.А. Целищева, Я.В. Фролов, Д.В. Папин

С 689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** : материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций / отв. ред. Г.А. Кубарева, В.П. Семибратов. – Барнаул : Концепт, 2013. – 488 с.: ил.

ISBN

В сборнике опубликованы материалы докладов и сообщений XVIII и XIX региональных научно-практических конференций «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами сохранения, изучения и использования археологических, исторических и архитектурных памятников Алтайского края и сопредельных регионов.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

*Сборник научных трудов подготовлен на средства гранта
Губернатора Алтайского края в сфере культуры на 2013 год
(проект «Проведение региональной научно-практической конференции
«Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края»)*

*На обложке – фото «Дом Полякова и Яковлева
(ул. Короленко 50 // ул. М. Горького 30)»*

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

<i>Рябцева К.Д.</i> Основные законодательные аспекты сохранения и использования объектов культурного наследия	8
<i>Ткаченко Ю.С.</i> Действия органов по охране историко-культурного наследия при обнаружении памятников археологии в зоне производства строительных работ после проведения процедуры земельного отвода	16
<i>Казаков А.А.</i> О некоторых особенностях организации работ и методики исследования аварийных объектов археологии	20
<i>Гребенникова Т.Г.</i> Музеефикация археологических памятников: проблемы и организационно-методические подходы	37
<i>Калугина С.В.</i> Археологическое наследие г. Омска: проблемы исследования, сохранения, презентации	41
<i>Минов И.Г.</i> Башни Казымского (Иильского) острога: практический опыт исследования и использования объекта культурного наследия	47
<i>Усепян Л.Х., Кимеев В.М.</i> Средневековое ритуальное городище тюльберов – археологический памятник экомузeya-заповедника «Тюльберский городок»	51
<i>Поздин С.В.</i> Использование историко-культурных объектов Чистоньского лагеря НКВД в развитие туристического маршрута «Большое Золотое кольцо Алтая»	56
<i>Ольгова Т.В.</i> О концепции создания и развития музейно-туристического комплекса «Завод-Сузун. Монетный двор»	62
<i>Вертман Е.Г.</i> Русское географическое общество и охрана памятников природы и истории Сибири	66
<i>Буржуа Ж., Гейле В., Эбель А.В.</i> Из опыта работы алтайско-бельгийской археологической экспедиции по сохранению культурно-исторического наследия Горного Алтая	69
<i>Смирнова В.Х.</i> Об историко-культурной значимости Музея истории развития горного производства г. Змеиногорска	73

РАЗДЕЛ 2. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

<i>Бондарь Р.А., Вистингаузен В.К., Зеленина И.И., Лысенко И.Н., Огрызкова Л.В.</i> Киндерлинская пещера по результатам обследования 2011 г.	79
<i>Бородовский А.П.</i> Петроглифы на каменных погребальных конструкциях афанасьевского некрополя Сальдьяр-1	83
<i>Вистингаузен В.К.</i> Бирюлинские пещеры	88
<i>Головченко Н.Н.</i> Керамика, имитирующая швы кожаной посуды в фондах краеведческого музея Алтайской государственной педагогической академии (по материалам памятников Масляха-I и Соколово-I)	95
<i>Горбунов В.В.</i> Погребение сросткинской культуры у с. Хабазино	98
<i>Горбунов В.В., Ситдииков А.Г., Тишкин А.А.</i> Новые результаты изучения курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края	102
<i>Горбунов В.В., Фролов Я.В.</i> Крюшино-2 – новый памятник сросткинской культуры в Барнаульском Приобье	107
<i>Грушин С.П., Кунгуров А.Л.</i> К археологической карте Рудного Алтая (долина р. Харьковки)	116
<i>Грушин С.П., Леонтьева Д.С.</i> Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая	121
<i>Дашковский П.К.</i> Археологическая разведка в северо-западном Алтае	128
<i>Дашковский П.К.</i> Исследование курганов на могильнике Чинета-II	133
<i>Илюшин А.М.</i> Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7	137
<i>Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Семибратов В.П.</i> Комплекс одинцовской культуры на поселении Киприно-I	142
<i>Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П.</i> Местонахождение Бураново-острова в пойме Оби	146
<i>Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.</i> Культурные объекты начала XX в. на «Бирюзовой Катунь»: проблемы выявления, атрибутации и охраны	153
<i>Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., Грушин С.П., Ситников С.М., Фролов Я.В.</i> Комплекс эпохи неолита – ранней бронзы памятника «Гилевское водохранилище-3»	159
<i>Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., Ситников С.М.</i> Археологические разведки на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» осенью 2010 г. ...	166

<i>Ковалевский С.А.</i> Особенности топографического расположения ирменских могильников юга Западной Сибири	171
<i>Кунгурова Н.Ю.</i> К карте расположения курганов в северных предгорьях Алтая	181
<i>Марсадолов Л.С.</i> Стелы-менгиры в сакральном ландшафте Алтая и Крыма: особенное и общее	191
<i>Мерц В.К.</i> Раскопки поселения Борлы	196
<i>Мерц И.В., Мерц В.К.</i> Новые материалы раннего бронзового века из Западной части Кулундинской равнины	207
<i>Неверов С.В., Лихачева О.С.</i> Оружие из могильника Новотроицкое-1 (материалы раскопок 1977 г.)	215
<i>Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В.</i> Предварительные итоги изучения городища Пикет	219
<i>Раиткина Ю.Ю.</i> Погребальный обряд ирменской культуры Алтайского Приобья (опыт использования методов многомерного количественного анализа)	223
<i>Серегин Н.Н.</i> Опыт периодизации истории исследования погребальных памятников тюркской культуры Алтае-Саянского региона	228
<i>Скоробогатова А.Ю.</i> Датировка атлымского керамического комплекса поселения Сырой Аган-5	233
<i>Соенов В.И., Константинов Н.А., Соенов Д.В.</i> К вопросу о датировке Манжерокского городища	238
<i>Степанова Н.Ф., Соенов В.И.</i> Проблемы сохранения археологических памятников Средней Катуня	247
<i>Тишкин А.А., Семibrатов В.П.</i> Бронзовый наконечник копья из Новиково (Бийский район Алтайского края)	252
<i>Тишкин А.А., Серегин Н.Н.</i> Культурно-хронологическая атрибуция памятников Уркошского археологического микрорайона (Центральный Алтай)	256
<i>Тишкин А.А., Шелепова Е.В.</i> изучение культовых мест и святилищ Алтая и Западной Монголии в XIX – начале XX в.	263
<i>Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В.</i> К вопросу об особенностях парных захоронений разнополюх индивидов в андроновской культуре Верхнего Приобья (по материалам раскопок могильника Фирсово-XIV 2010–2011 гг.)	272
<i>Фролов Я.В.</i> Положение умершего в могиле как показатель половозрастной дифференциации погребального обряда скифского времени в Верхнем Приобье	279

Археологические исследования в зоне проектируемого строительства магистрального газопровода «Алтай»

<i>Богданов Е.С.</i> Работы Южно-Алтайского отряда в 2011 году в Кош-Агачском районе Республики Алтай	283
<i>Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Грушин С.П., Семибратов В.П., Фролов Я.В.</i> Работы североалтайского археологического отряда в зоне проектируемого строительства магистрального газопровода «Алтай» в 2011 году	286
<i>Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Матренин С.С., Семибратов В.П., Серегин Н.Н., Фролов Я.В.</i> Результаты археологических изысканий по трассе магистрального газопровода «Алтай» на территории Алтайского края в 2012 году	304
<i>Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., Константинова Е.А., Эбель А.В.</i> Археологическое обследование участка, испрашиваемого под проектируемый магистральный газопровод «Алтай», на территории Шебалинского района Республики Алтай (км 2035 – км 2120)	314
<i>Мамадаков Ю.Т. Беликова О.Б., Бородаев В.Б.</i> Новые археологические памятники на участке 2175 – 2310 км магистрального газопровода «Алтай» (Онгудайский район Республики Алтай)	321
<i>Кубарев Г.В.</i> Археологические работы в долине р. Чуи на Алтае	340

РАЗДЕЛ 3. ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Алёхин Ю.П.</i> Змеиногорский исторический некрополь	346
<i>Ананьева М.А.</i> Справочная работа Государственного архива Алтайского края в 1961–1990 гг.	351
<i>Бельгибаев Е.А.</i> Историко-культурное наследие челканцев (культурологический аспект)	354
<i>Бельгибаев Е.А., Бурнаков В.А.</i> Хозяйственный комплекс д. Тондошка Лебедской волости Томской губернии (по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.)	354
<i>Воробьева Н.В.</i> Книжное наследие Алтая: направления и задачи работы с книжными памятниками	365
<i>Дьяченко Ю.С.</i> Сравнительный анализ условий концессиональных соглашений компаний Александра фон Турн-и-Таксиса и доктора Жаннэ и Лена Гольдфильдс Лимитед в первой трети XX века	368

<i>Зимирев А.В., Чекрыжова О.И.</i> Печати земских старост и выборов ...	380
<i>Калашиников Д.С.</i> Казенный винный склад в г. Барнауле	384
<i>Калашиников Д.С., Семибратов В.П.</i> Улица имени И.И. Ползунова	389
<i>Калашиников Д.С., Ситникова А.А.</i> К вопросу о наименовании и датировке памятника архитектуры «Купеческий особняк»	396
<i>Кучукова Д.А.</i> Берестяная утварь северных алтайцев	399
<i>Ситникова А.А.</i> Проект реставрации памятника деревянного зодчества: «Церковь Казанской Божией Матери»	403
<i>Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С., Ачимов А.В., Мендин А.К.</i> О статусе родовых гор алтайцев	407
<i>Целищева М.А.</i> История зданий городской больницы с начала XX в. до конца 1930-х гг., 1940-е гг. XX в. – XXI в. (г. Барнаул)	411
<i>Целищева М.А., Дышлюк М.А.</i> История здания – памятника архитектуры «Дом торговый», по адресу: г. Барнаул, Чехова, 17 (старый адрес: ул. 2 Луговая, 17)	424
<i>Целищева М.А., Слуцкий М.А.</i> Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40)	429

**РАЗДЕЛ 4. МАТЕРИАЛЫ К СВОДУ
ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
ЗМЕИНОГОРСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

<i>Контев А.В.</i> Змеиногорск на планах 1745–1772 годов	438
<i>Кунгуров А.Л., Лыжникова О.Г., Грушин С.П.</i> Свод памятников археологии Змеиногорского района	456

РАЗДЕЛ 1

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

К.Д. Рябцева

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, Барнаул

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Отношения в области сохранения и использования объектов культурного наследия регулируются Конституцией РФ, документами международного права, Основами законодательства РФ о культуре, Федеральным законом от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», иными федеральными законами, законом Алтайского края от 12.05.2005 №32-ЗС «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Алтайском крае» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и Алтайского края.

Статьей 44 Конституции Российской Федерации провозглашена обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

В преамбуле к Федеральному закону от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №73-ФЗ) отражено, объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа Российской Федерации.

Объекты культурного наследия являются особым видом имущества, обращение с которыми накладывает определенные обязательства на их владельцев и пользователей.

Особенности владения, пользования и распоряжения объектами культурного наследия отражены не только в базовом ФЗ №73, но и в Земельном кодексе РФ, Гражданском кодексе РФ, Градостроительном кодексе РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, в федеральных законах «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», «О лицензировании отдельных видов

деятельности», «О приватизации государственной и муниципальной собственности», «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», других федеральных законах.

***Оформление права собственности (пользования)
и регистрация обременений***

Первостепенным в деле сохранения культурного наследия является надлежащее оформление права собственности всех муниципальных образований края на объекты культурного наследия (памятники истории и культуры).

В соответствии со ст. 210 ГК РФ и статьей 48 Федерального закона от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» объекты культурного наследия независимо от категории их историко-культурного значения могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, частной собственности, а также в иных формах собственности, если иной порядок не установлен федеральным законом. Собственник объекта культурного наследия несет бремя содержания принадлежащего ему объекта культурного наследия, включенного в реестр, или выявленного объекта культурного наследия с учетом требований Федерального закона №73, если иное не установлено договором между собственником и пользователем данным объектом культурного наследия.

Длительное время существует ситуация, когда при продаже объектов недвижимого имущества и земельных участков, или при сдаче их в аренду не регистрируются обременения права. В случае если на данных территориях находятся памятники археологии или архитектуры, сохранить данные объекты становится проблематичным.

В соответствии с Федеральным законом от 21.07.1997 №122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» права на недвижимое имущество – объекты культурного наследия и сделки с ним – аренда (более 1 года), оперативное управление, хозяйственное ведение, купля-продажа и т.д. подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре прав, который содержит информацию о существующих и прекращенных правах на объекты недвижимого имущества, данные об указанных объектах и сведения о правообладателях. В соответствии с п. 6 ст. 12 ФЗ №122 в Единый государственный реестр вносятся записи об ограничениях (обременениях) права собственности и других прав на недвижимое имущество (ипотеке, аренде) и других. В записях об ограничениях (обременениях) права указывается содержание ограничения (обременения), срок его действия и т.д. Для объекта культурного наследия указываются содержание обязательств по сохранению объекта культурного наследия, наименование до-

кумента, на основании которого внесена запись о содержании указанных обязательств, то есть реквизиты охранных обязательств. Федеральная служба государственной регистрации кадастра и картографии для государственной регистрации ограничения (обременения) прав на объект недвижимого имущества, являющийся объектом культурного наследия, требует обязательно предоставления выписки по объекту культурного наследия, а также кадастровый план объекта культурного наследия.

На сегодняшний день по имеющимся в НПЦ «Наследие» данным на территориях муниципальных районов края расположено 1685 памятников ВОВ и гражданской войны. Из них 808 памятников включены в реестры муниципальной собственности поселений, по 557 памятникам муниципальными образованиями не представлена информация о правообладателях (г. Белокуриха, г. Бийск, г. Славгород, районы: Алтайский, Бийский, Быстроистокский, Егорьевский, Ельцовский, Завьяловский, Зональный, Косихинский, Мамонтовский, Михайловский, Павловский, Поспелихинский, Родинский, Рубцовский, Солтонский, Топчихинский, Третьяковский, Тюменцевский, Усть-Калманский, Усть-Пристанский, Чарышский). Ужасающее количество памятников – 245 являются бесхозными.

По результатам проведения прокурорских проверок в 2009–2010 гг. исполнения законодательства в области охраны культурного наследия в субъектах РФ, в том числе и в Алтайском крае было отмечено, что большое количество памятников истории и культуры используются в отсутствие оформленных прав собственности на данные объекты и заключенных собственниками (пользователями) охранных обязательств. Отсутствие надлежащим образом оформленного права собственности муниципальных образований на объекты культурного наследия создает условия для многочисленных нарушений законодательства в указанной сфере. В частности отсутствие юридического собственника может повлечь за собой его разрушение либо изменение облика и интерьера в результате неблагоприятного воздействия окружающей среды и от иных негативных последствий. При этом ущемляются конституционные права каждого на доступ к культурным ценностям и на сохранность объекта культурного наследия в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа РФ в целях сохранения памяти о подвиге предков, погибших при защите Родины, а также не исполняются конституционные обязанности каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, в целях предотвращения их разрушения или причинения им вреда.

Принимая во внимание вышеизложенное, в целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия и соблюдения норм законодательства, необходимым и обязательным является организация работы по оформлению прав собственности муниципальных образований края,

затем государственная регистрация в Росреестре прав собственности одновременно с регистрацией ограничений (обременений) данных прав на объекты культурного наследия. На практике существует два способа оформления прав на объекты культурного наследия. Первый – в некоторых районах края приняты нормативные правовые акты о принятии данных объектов в муниципальную собственность района, затем объекты переданы в собственность поселений. Но и этого не достаточно для надлежащего оформления юридических прав на памятники истории и культуры. Требуется зарегистрировать право муниципальной собственности в Росреестре. Для этого необходимо наличие правоустанавливающих документов на объект культурного наследия (постановление или распоряжение о принятии в собственность), охранного обязательства, кадастрового плана на памятник с указанием адреса. Второй способ оформления прав на объект культурного наследия заключается в следующем. Постановка в Росреестре памятника истории и культуры на учет как бесхозное имущество (ст. 225 ГК РФ, постановление Правительства РФ от 17.09.2003 №580 «Об утверждении Положения о принятии на учет бесхозных недвижимых вещей»). По истечении года в судебном порядке признать право муниципальной собственности на данный объект и зарегистрировать данное право в Росреестре на основании решения суда, охранного обязательства, кадастрового плана на памятник с указанием адреса.

Заключение охранных обязательств

Обеспечить надлежащее сохранение, содержание и использование объектов культурного наследия должны также охранные обязательства, которые обязаны подписать собственник и пользователь.

Сохранение и использование объекта культурного наследия должно осуществляться при условии обременения прав на данные объекты обязательствами по надлежащему сохранению, содержанию и использованию, включая требования по сохранению облика и интерьера объекта культурного наследия, по обеспечению доступа к объекту культурного наследия в качестве существенных условий соответствующих договоров. Указанные требования содержатся в охранных обязательствах.

Согласно положений Федерального закона №73, заключение охранных обязательств является односторонней сделкой, обязательства по его заключению возникают у собственника объекта культурного наследия в силу закона. Ограничения (обременения) на объект культурного наследия, указанные в охранных обязательствах, возлагаются на собственника и регистрируются им при государственной регистрации права на данный объект.

Сохранение объектов культурного наследия прежде всего заключается в соблюдении порядка проведения работ на данных объектах.

В силу ч. 2 ст. 35 Федерального закона №73 «Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ на территории памятника или ансамбля запрещаются, за исключением работ по сохранению данного памятника или ансамбля и (или) их территорий, а также хозяйственной деятельности, не нарушающей целостности памятника или ансамбля и не создающей угрозы их повреждения, разрушения или уничтожения».

К работам по сохранению объекта культурного наследия относятся направленные на обеспечение физической сохранности объекта культурного наследия ремонтно-реставрационные работы, в том числе консервация объекта культурного наследия, ремонт памятника, реставрация памятника или ансамбля, приспособление объекта культурного наследия для современного использования, а также научно-исследовательские, изыскательские, проектные и производственные работы, научно-методическое руководство, технический и авторский надзор (ст. 40 Федерального закона №73).

Статьей 45 Федерального закона №73-ФЗ и статьей 15 закона Алтайского края №32-ЗС определен порядок проведения работ по сохранению объекта культурного наследия.

Работы по сохранению объекта культурного наследия проводятся на основании письменного разрешения и задания на проведение указанных работ, выданных органом охраны объектов культурного наследия – управлением, и в соответствии с согласованной с ним проектной документацией.

При этом согласно ч. 3 ст. 45 Федерального закона №73 к проведению работ по сохранению объекта культурного наследия допускаются юридические лица и индивидуальные предприниматели, имеющие лицензии на осуществление деятельности по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры).

Работы по сохранению объекта культурного наследия проводятся в соответствии с реставрационными нормами и правилами, утверждаемыми федеральным органом охраны объектов культурного наследия.

Строительные нормы и правила применяются при проведении работ по сохранению объекта культурного наследия только в случаях, не противоречащих интересам сохранения данного объекта культурного наследия.

Непринятие мер к сохранению, в том числе проведению ремонтно-реставрационных работ объекта культурного наследия может повлечь за собой его разрушение либо причинение ему непоправимого вреда, изменение облика и интерьера.

Особым видом памятников истории и культуры являются объекты археологического наследия. Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ осуществляются при отсутствии на данной территории

объектов культурного наследия, в том числе памятников археологии либо при обеспечении заказчиком работ требований к сохранности расположенных на данной территории объектов наследия.

В случае расположения на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов культурного наследия, в том числе памятников археологии землеустроительные, земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы на территориях, непосредственно связанных с земельными участками в границах территории указанных объектов, проводятся при наличии в проектах проведения таких работ разделов об обеспечении сохранности данных объектов культурного наследия, получивших положительные заключения государственной экспертизы проектной документации. При отводе земель под разработку полезных ископаемых, строительство и ремонт дорог, прокладку газопровода, телефонных сетей и т.д. в случае нахождения на данных участках или в непосредственной близости от них объектов археологического наследия в проекты проведения работ включаются разделы об обеспечении сохранности данных объектов.

В случае обнаружения на территории, подлежащей хозяйственному освоению, объектов, обладающих признаками памятника, в проекты проведения землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ должны быть внесены разделы об обеспечении сохранности обнаруженных объектов, а действие положений землеустроительной, градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов на данной территории приостанавливается до внесения соответствующих изменений. Разработка указанных разделов осуществляется за счет организаций, проводящих землеустроительные, земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы.

В соответствии с Градостроительным кодексом РФ, одним из основных принципов законодательства о градостроительной деятельности является соблюдение требования сохранения объектов культурного наследия. Информация о расположенных в границах земельного участка объектах культурного наследия должна отображаться в составе градостроительного плана земельного участка (ч. 3 ст. 44 ГрадК РФ) – заполняется графа «наличие на участке объектов капитального строительства и объектов культурного наследия». Однако органы архитектуры или иные структурные подразделения органов местного самоуправления без согласования с органами охраны культурного наследия смело ставят прочерк в казанной графе. Если вследствие незаконных действий органа местного самоуправления по выдаче разрешительной документации был разрушен или поврежден объект культурного наследия, ущерб, причиненный государству разрушением памятника, взыскивается с органа муниципальной власти.

По результатам прокурорских проверок 2009–2010 гг. были выявлены факты разработки и утверждения градостроительной документации без учета особенностей использования земельных участков, на которых расположены памятники, осуществления ремонтно-реставрационных и иных работ на объектах наследия без согласования с органами охраны культурного наследия или с нарушениями охранных обязательств, а также факты содержания объектов культурного наследия в ненадлежащем техническом состоянии.

Во избежание нарушений законодательства в сфере сохранения объектов культурного наследия необходимо в состав организаций, согласующих землеустроительные, земляные, строительные, мелиоративные, хозяйственные и иные работы, включать управление Алтайского края по культуре и архивному делу.

Использование объекта культурного наследия

Собственником должно быть обеспечено следующее:

– порядок и условия доступа граждан к объекту культурного наследия, в том числе в научных и образовательных целях, включая периодичность посещений, предельный размер взимаемой платы за посещения, а также основания и порядок изменения указанных условий;

– сохранение профильной деятельности (услуг) объекта культурного наследия или социально-значимого способа его использования, а также организацию обслуживания льготных категорий населения; технические и иные параметры допустимого использования и содержания объекта культурного наследия в случаях, когда его состояние требует соблюдения определенного режима использования, а также приобретение на праве собственности или ином законном основании и применение необходимых для этого оборудования, инвентаря, устройств и материалов;

– доступ к объекту культурного наследия представителей управления края по культуре и архивному делу с целью осуществления ими в соответствии с законодательством Российской Федерации контроля за соответствием порядка сохранения, содержания и использования данного объекта условиям охранных обязательств и требованиям законодательства Российской Федерации об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, предоставление указанному управлению края по культуре и архивному делу необходимых документов и иной информации, относящихся к предмету проверки;

– размещение на объектах культурного наследия информационных надписей и обозначений (информационных табличек).

Использование объекта культурного наследия предполагает осуществление расходов по содержанию объекта культурного наследия и поддержанию его в надлежащем техническом, санитарном и противопожарном состоянии. Необходимо поддерживать территорию

объекта культурного наследия в благоустроенном состоянии, не производить работы, изменяющие предмет охраны, незамедлительно извещать управление края по культуре и архивному делу обо всех известных повреждениях, авариях или иных обстоятельствах, причинивших ущерб объекту культурного наследия и его территории или угрожающих причинением такого ущерба, безотлагательно принимать меры для предотвращения дальнейшего разрушения, а также незамедлительно проводить необходимые работы по его сохранению.

Не допускается использовать объект культурного наследия и его территорию под склады и производство взрывчатых и огнеопасных материалов; под склады и производство материалов, имеющих вредные парогазообразные и иные выделения; материалов, загрязняющих интерьер объекта культурного наследия, его фасад, территорию, земельный участок и водные объекты; под производство, имеющее оборудование, оказывающее динамическое и вибрационное воздействие на конструкции объекта культурного наследия (независимо от их мощности); под производства и лаборатории, связанные с неблагоприятным для объекта культурного наследия температурно-влажностным режимом и применением химически активных веществ.

Кроме того собственник (пользователь) в случае обнаружения в процессе работ на своем земельном участке археологических и иных неизвестных ранее объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, обязан направить в трехдневный срок со дня их обнаружения письменное сообщение о находке в управление края по культуре и архивному делу.

Распоряжение объектами культурного наследия

При приватизации зданий-памятников необходимым является включение в условия приватизации требований по их сохранению, указанных в охранном обязательстве (проект охранного обязательства является неотъемлемым документом), а также регистрация обременений прав собственности. О предстоящей приватизации объектов культурного наследия необходимо уведомлять управление края по культуре и архивному делу путем направления планов приватизации.

При приватизации архитектурных ансамблей и усадебных комплексов, а также их составных частей, необходимо сохранять их композиционную целостность и обеспечивать согласованный режим доступа населения к частям объекта культурного наследия, находящимся в собственности разных лиц.

Сохранение историко-культурного наследия Алтайского края должно представлять систему организации комплексной, взаимосвязанной работы органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также граждан, научных центров, общественных организаций.

Ю.С. Ткаченко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

**ДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПО ОХРАНЕ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ
В ЗОНЕ ПРОИЗВОДСТВА СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ПОСЛЕ
ПРОВЕДЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ЗЕМЕЛЬНОГО ОТВОДА**

Алтайский край обладает обширным историко-культурным наследием – на территории региона расположено более 4,5 тыс. памятников, из них 2983 тыс. памятники археологии (Официальный сайт НПЦ «Наследие» – <http://www.nasledie-altai.ru>). В крае на протяжении многих лет ведется планомерная и системная работа в области сохранения историко-культурного наследия, например, реставрация крупных объектов культурного наследия, проведение мониторинга объектов культурного значения, составление актов технического состояния памятников, выдача заданий на проектирование и разрешений на производство работ и заключение охранных обязательств. Однако в своей работе органы по охране историко-культурного наследия сталкиваются с проблемами при обнаружении памятников археологии при производстве строительных работ. Целью данной работы является разработка алгоритма действий для органов по охране историко-культурного наследия при обнаружении ими памятников археологии в зоне производства строительных работ после прохождения процедуры земельного отвода.

Для более полного рассмотрения данного вопроса следует определить какие органы занимаются данной проблемой, рассмотреть, что входит в понятие историко-культурное наследие, а также дать определенные термину памятник археологии и выявить порядок действий органов для разрешения данной проблемы.

Органом по охране историко-культурного наследия в законодательстве Российской Федерации выступает федеральный орган исполнительной власти, а именно, в соответствии с федеральным закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» Министерство по культуре Российской Федерации (Рос. газ. 2002. 29 июня), непосредственно департамент культурного наследия и департамент контроля, надзора и лицензирования в сфере культурного наследия (О Министерстве культуры Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве культуры Российской Федерации») Постановление Правительства РФ от 20 июля 2011 года №590 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 31. ст. 4758). В Алтайском крае рассматриваемой проблемой занимается Управление Алтайского края по культуре и архивному делу(<http://www.culture22.ru>).

В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» от 09 октября 1992 года № 3612-1 содержатся понятия «культурное наследие народов Российской Федерации», под которым понимаются материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию (Рос. газ. 1992. 18 ноя.).

В статье 3 Федерального закона от 25 июня 2002 года №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» содержится понятие объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации к которым закон относит объекты недвижимого имущества и связанные с ними произведения живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объекты науки и техники и иные предметы материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры (Рос. газ. 2002. 29 июня).

В перечисленных федеральных законах нет определения «историко-культурное наследие», нет его и в последующих нормативных правовых актах принятых в Российской Федерации после принятия Конституции Российской Федерации 1993 года, однако, некоторые исследователи в своих работах его рассматривают.

Л.В. Базанов, подчеркивает в термине «культурное наследие» историческую связь нового и старого, временную преемственность, в силу этого предлагает данное понятие определять как «историко-культурное наследие» (Базанов Л.В., 1991, с. 26). С.Г. Грошенин рассматривает термин «культурное наследие как совокупность культурных ценностей человечества всех прошлых эпох», говоря о необходимости использования термина «культурно-историческое наследие» (Грошенин С.Г., 1992, с. 1). По мнению Н.В. Михайловой в содержание термина «историко-культурное наследие» входит «культурное наследие Российской Федерации» включающее в себя составляющие такого термина как «культурные ценности» в аспекте их значимости для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию (Михайлова Н.В., 2002, с. 30).

Таким образом, историко-культурное наследие необходимо рассматривать как равнозначное понятие с термином культурное наследие Российской Федерации и относить к нему культурные ценности, созданные на территории Российской Федерации и за ее пределами как гражданами Российской Федерации, так и иностранными гражданами.

Дав понятие историко-культурному наследию необходимо выявить, относятся ли памятники археологии к объектам подлежащим защите в рамках понятия историко-культурного наследия. В законодательстве Российской Федерации к термину памятник относят – отдельные постройки, здания и сооружения с исторически сложившимися территориями (в том числе памятники религиозного назначения: церкви, колокольни, часовни, костелы, кирхи, мечети, буддистские храмы, пагоды, синагоги, молельные дома и другие объекты, построенные для богослужений); мемориальные квартиры; мавзолеи, отдельные захоронения; произведения монументального искусства; объекты науки и техники, включая военные; частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (Об объектах культурного наследия..., 2002). Из данного определения следует, что памятники археологии относятся к объектам историко-культурного наследия и подлежат защите органами по охране историко-культурного наследия. В соответствии со статьей 4 федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» памятники археологии относятся к объектам федерального значения (Рос. газ. 2002. 29 июня).

В Российской Федерации существует обширное законодательство по вопросам охраны культурных ценностей от посягательств, проработан и вопрос по обеспечению сохранности объектов культурного наследия при проведении строительных работ. Так в статье 36 федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» говорится, что проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ осуществляются при отсутствии на данной территории объектов культурного наследия, включенных в реестр, а также выявленных объектов культурного наследия.

В случае обнаружения на территории строительных работ объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия в соответствии со статьей 3 рассматриваемого федерального закона, в проекты проведения этих работ вносятся разделы об обеспечении сохранности обнаруженных объектов до включения данных объектов в реестр в порядке, установленном законодательством, а действие положений землеустроительной, градостроительной и проектной документации, градостроительных регламентов на данной территории приостанавливается до внесения соответствующих изменений (Рос. газ. 2002. 29 июня).

Если на территории проведения строительных работ обнаруживают объекты обладающего признаками объекта культурного наследия, строительные работы немедленно приостанавливаются исполнителем работ в

соответствии со статьей 37 рассматриваемого федерального закона, причем, исполнитель работ обязан проинформировать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, уполномоченный в области охраны историко-культурного наследия, об обнаружении объекта.

Орган исполнительной власти после получения информации об обнаружении объекта обладающего признаками объекта культурного наследия обязан выдать предписание о прекращении строительных работ в месте обнаружения объектов и на основании статьи 30 названного федерального закона собрать пакет документов для производства обязательной историко-культурной экспертизы.

После прохождения процедуры историко-культурной экспертизы орган по охране историко-культурного наследия готовит пакет документов об объекте культурного наследия необходимый для включения его в реестр особо ценных памятников истории и культуры Российской Федерации.

После принятия всех выше перечисленных мер и после ликвидации опасности разрушения обнаруженного объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия и устранения угрозы нарушения целостности и сохранности данного объекта, приостановленные работы возобновляются по письменному разрешению соответствующего органа по охране историко-культурного наследия, по предписанию которого работы были приостановлены. Все работы по ликвидации опасности разрушения обнаруженного объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия в соответствии с рассматриваемым законом проводятся за счет средств заказчика работ.

В соответствии со статьей 38 данного закона в зоне обнаружения объекта обладающего признаками объекта культурного наследия может быть установлено ограничение либо запрет на движение транспортных средств, в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации (Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации Федеральный закон от 25 июня 2002 №73-ФЗ // Рос. газ. 2002. 29 июня).

За разрушение и уничтожение объектов культурного наследия предусмотренного данным законом физическое лицо несет ответственность в соответствии со статьей 243 Уголовного Кодекса Российской Федерации, предусматривающей наказание в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Если были повреждены особо ценные объекты или памятников общероссийского значения, к которым в свою очередь и относятся памятники археологии, лица наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо обяза-

тельными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок (Рос. газ. 2013. 06 марта).

Таким образом, проанализировав законодательство Российской Федерации в сфере охраны историко-культурного наследия, нами был выявлен алгоритм действий органов по охране историко-культурного наследия при обнаружении памятников археологии в зоне производства строительных работ после процедуры земельного отвода.

Библиографический список

О Министерстве культуры Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве культуры Российской Федерации») Постановление Правительства РФ от 20 июля 2011 г. №590 // Собрание законодательства РФ. 2011. №31. Ст. 4758.

Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ // Рос. газ. 2010. 17 дек.

Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. №3612-1 // Рос. газ. 2011. 21 июля.

Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // Рос. газ. 2011. 26 июля.

Базанов Л.В. Проблемы сохранения историко-культурного наследия в условиях обновления общества. (На примерах материальных памятников истории и культуры Российской Федерации): дис. ... канд. филос. наук. М., 1991.

Головизнин А.В., Чельшева Н.Ю. Право государственной собственности на культурные ценности. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2010. 129 с.

Грошенин С.Г. Политика советского государства по отношению культурно-историческому наследию в период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Земельное законодательство. Сборник нормативных актов / сост. М.А. Рябов. М.: Т Велби, Изд-во Проспект, 2005. 488 с.

Михайлова Н.В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во вт. пол. XX в.: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002.

Официальный сайт НПЦ «Наследие» – <http://www.nasledie-altai.ru>.

Официальный сайт Управления Алтайского края по культуре и архивному делу – <http://www.culture22.ru>.

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТ И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ АВАРИЙНЫХ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ

С выздоровлением российской экономики значительно увеличились объемы строительных работ. Это поставило на злобу дня извечный вопрос – о необходимости спасения памятников археологии, попадаю-

ших в зоны разрушения при производстве строительных работ. Минимизация финансирования охранной археологии в годы перестройки способствовала переходу многих специалистов-археологов, обладающих богатым опытом производства охранных раскопок, в другие сферы деятельности. Подобное положение привело к тому, что в условиях роста объемов охранных археологических исследований и привлечения к ним молодого поколения археологов спасательной археологией занимаются не всегда всесторонне подготовлены кадры, что в конечном счете приводит к снижению качества работ и их удорожанию.

Поэтому в настоящее время появилась насущная необходимость в обобщении опыта охранных полевых работ специалистов Алтайского государственного университета, накопленного в результате масштабных исследований, проведенных в конце XX века.

В охранной археологии основное внимание уделяется проблемам законодательного регулирования деятельности по охране памятников истории и культуры, определению их правового статуса, методики расчета стоимости работ, выявлению и картографированию памятников. Нисколько не умаляя важности этих направлений, хотелось бы остановиться на крайне мало освещаемой проблеме – а именно на особенностях организации работ, методики исследования аварийного археологического памятника, а ведь она в силу определенных особенностей, прежде всего таких, как крайне сжатые сроки и строго определенные объемы, имеет свою специфику.

Полнота исследования памятника, попадающего в зону разрушения при производстве строительных работ, во многом зависит от правильного определения объема исследований. При этом следует руководствоваться не только полученной от заказчика документацией (копии рабочих проектов), но и в процессе консультаций и рекогносцировочных выездов выяснить следующие вопросы:

1. Насколько реально проект отражает действительные объемы строительных работ. На практике нередки случаи, когда занижаются площади карьеров, резервы грунта разрабатываются в не отведенных местах, в процессе строительства подаются и утверждаются рационализаторские предложения, изменяющие место прохождения трассы и т.п. ситуации.

2. Расположение подъездных путей. Как правило, подъездные пути в проектах не указываются, а при больших объемах они могут представлять серьезную опасность для существования памятника.

3. Технологические особенности строительства, т.е. глубины котлованов и траншей, полосы отчуждения при строительстве, места проведения вскрышных работ со снятием растительного грунта с последующей рекультивацией и т.п.

4. Расположение строительных площадок и их площади.

5. Места базирования рабочих на строительных объектах.

При определении площадей для исследования поселенческих комплексов необходимо руководствоваться выявленной площадью культурного слоя (площадь распространения подъемного материала из различного рода разрушений и шурфов), визуально фиксируемыми объектами (западины, фортификационные сооружения и т.п.), при этом необходимо учитывать и необходимость исследования периферийных зон со слабой насыщенностью культурного слоя. При исследовании курганных могильников следует учитывать площадь межкурганного пространства. Грунтовые могильники необходимо исследовать сплошным раскопом.

После того, как известен объем работ, необходимо определиться с количеством людей и сроками, которые необходимы для выполнения этих объемов. Этот вопрос вызывает наибольшие затруднения.

Состав экспедиции, формируется, как правило, из людей, не имеющих навыков самостоятельной работы в полевых условиях, а потому необходимо определенное время для того, чтобы производительность труда не в ущерб качеству работ повысилась до приемлемого уровня. Кроме того необходимо учитывать, что часть людей будет задействована на дежурстве, хозяйственных работах, обслуживании раскопа, часть будет находиться в лагере по состоянию здоровья. Будут выходные дни, неблагоприятные погодные условия и другие факторы, мешающие непосредственной работе на раскопе.

При расчете сил необходимо учитывать и тот фактор, что в отличие от небольших отрядов рабочий день в крупных экспедициях лимитирован, т.е. не должен превышать 8 часов рабочего времени. Исследование памятника, кроме выборки культурного слоя, предполагает зачистку выбранных площадей, выявление конструкций, их исследование и, как завершающий этап, разборку бровок. На все это требуется не намного меньше времени, чем непосредственно на выборку слоя до материка.

Исходя из опыта аварийных исследований Алтайского государственного университета, при сроках работ не менее 20 дней можно говорить, что выработка из расчета на 1 человека из состава экспедиции (включая начальника, бригадиров, больных и дежурных, выходные и дождливые дни) при количестве людей до 25 человек в среднем составляет порядка 1,5 кв.м в сутки, до 50 человек – около 2 кв.м в сутки на поселенческих комплексах и приблизительно на 0,5 кв.м в сутки больше на погребальных комплексах (курганы и грунтовые могильники). При расчете учитываются не только предполагаемые рабочие дни, а все календарные дни экспедиции в целом. Используя эти данные можно без труда рассчитать необходимые для выполнения намеченных объемов силы и сроки.

При работе на протяженных строительных объектах (дороги, газопроводы и т.п.) или при исследовании больших площадей (мелиорация) возникает необходимость исследования различных памятников, нахо-

дящихся на достаточно отдаленном расстоянии друг от друга. В этом случае целесообразно в составе одной экспедиции организовать самостоятельные отряды с четко поставленными перед каждым задачами и определенным объемом работ, за выполнение которых целиком и полностью отвечают начальники отрядов. При необходимости выполнения больших объемов (свыше 2000 кв.м) на одном памятнике работа экспедиции из двух и более отрядов также более производительна. Это связано с тем, что экспедиция, насчитывающая более 50 человек, становится менее управляемой, а следовательно, требует привлечения большего количества дежурных, выделения освобожденного завхоза, отнимает больше времени на оформление финансовой документации, в ней увеличивается текучесть кадров и т.п., что в значительной мере влияет на производительность труда.

Перед каждым отрядом должна стоять самостоятельная и конкретная задача, они должны быть полностью автономными (допускается обслуживание различных отрядов одной автомашиной) и самодостаточными, стоять разными лагерями, пусть неподалеку друг от друга. Возможна работа отрядов в различные, удобные для каждого из них сроки.

При создании отрядов, кроме задач, стоящих перед ними, необходимо определить общие требования к ведению полевой документации. Необходимо контролировать работу всех отрядов, входящих в состав экспедиции.

При подборе состава экспедиции необходимо учитывать, что несмотря на то, что производительность труда у мужчин выше, чем у женщин, не стоит увлекаться комплектованием чисто мужских коллективов. Это негативно сказывается на моральном климате при длительных сроках общения (свыше 10–15 дней), а следовательно и на производительности труда. Наиболее оптимальной можно считать экспедицию, состоящую приблизительно из 65–70% мужчин и 35–30% женщин. Некоторые работы женщинами делаются лучше. Например, приготовление пищи, камеральная обработка материалов в полевых условиях, нивелировка бровок, зачистки развалов и костяков, замеры объектов, упаковка материалов, этикетирование находок и т.п. Кроме того, наличие женщин на раскопе и в лагере дисциплинирует, что является достаточно важным фактором при нахождении в поле достаточно длительный срок.

Вопрос с обеспечением выезда и экспедиции транспортом решается заблаговременно и постоянно держится на контроле.

Основной вопрос, встающий перед начальником вслед за выездом – это организация необходимых условий для функционирования экспедиции, а именно постановка лагеря.

Место для лагеря должно отвечать следующим требованиям:

1. Наличие поблизости воды.
2. Наличие дров.

3. Наличие возможности поставить палатки в тени.

4. Небольшая возвышенность (чтобы избежать затопления при дождях).

5. Отдаленность от раскопа не более 2 км.

При невозможности выбрать место, отвечающее этим требованиям поблизости от раскопа, следует отдать предпочтение месту более отдаленному, но дающему возможности полноценного отдыха (тень, вода). Желательно с местом постановки лагеря определиться при проведении рекогносцировочных работ.

По прибытии на место первым делом следует организовать полноценное горячее питание членов экспедиции и постановку лагеря. Внутренняя планировка лагеря определяется начальником.

Палатки должны стоять компактно, но не скученно. Палатки руководящего состава (начальник, заместитель начальника, научные сотрудники, часть наиболее подготовленных бригадиров и т.п.) желательно поставить немного обособленно, это способствует установлению необходимой в экспедиции субординации, что в значительной мере сказывается на дисциплине. Палатки хозяйственного блока так же следует ставить отдельной компактной группой, но недалеко от лагеря. Их предпочтительное расположение – рядом с местом приема пищи и между местом расположения палаток руководящего состава и рабочих, чтобы они постоянно были под присмотром с двух сторон ночью и в поле зрения дежурных днем.

Первый подъем можно задержать. После подъема следует поинтересоваться обустроенностью членов экспедиции, при необходимости провести перераспределение спальных принадлежностей. После этого оставить часть людей, необходимых для выполнения работ по окончательной постановке лагеря в распоряжении человека, отвечающего за выполнение этой задачи.

Остальные под руководством начальника готовят необходимое для разбивки раскопа оборудование (колышки, лопаты, буссоль, топоры, шнур и т.п.) и идут на разбивку. К утру следующего дня раскоп должен быть полностью готов к работе на нем всем составом в обычном режиме. Особенности разбивки раскопа будут освещены ниже.

Организация полноценного горячего питания связана с организацией дежурства. При экспедиции численностью от 25 до 50 человек на дежурство следует оставлять не более 3 человек. Кроме того от работ на раскопе освобождается завхоз, который полностью отвечает за приготовление пищи и снабжение необходимыми для ее приготовления продуктами, а так же за порядок в лагере. В составе назначенных дежурных обязательно должно быть не менее одного мужчины, отвечающего за костер и воду. Если их 2 человека, то они помогают девушке в приготовлении пищи и моют посуду.

Посуда должна быть вымыта в ближайшее после приема пищи время.

При назначении дежурных следует учитывать личные симпатии и антипатии людей, идущих на дежурство. В случае, если часть людей задерживается по производственным причинам на раскопе, их число сообщается дежурным, чтобы было оставлено необходимое количество пищи.

Если дежурство выпадает на выходной день, дежурным на следующий день предоставляется отгул. Если день рабочий, но погодные условия работают не позволяют, дежурным отгула не предоставляется.

Перед выходом на работу, после завтрака, необходимо довести до сведения каждого, что необходимо взять на раскоп. Кроме штыковой и совковой лопаты, которые готовятся каждым индивидуально в предыдущий день (точится, проверяется качество насадки, подгоняется длина черенка, зашлифовываются неровности на черенке и т.п.), назначаются ответственные за доставку на раскоп и с раскопа мелкого инструмента (он же собирает его на раскопе и следит за его сохранностью, заступая на дежурство, предупреждает начальника, кому он передал мелкий инструмент), рейки, треноги, теодолита и другого необходимого инструмента.

На раскопе сразу начинать работы не стоит. Следует ознакомить людей с памятным (краткая характеристика), еще раз объяснить задачи, стоящие перед экспедицией, если не окопаны квадраты, начать их окапывать, предварительно объяснив и показав, как это делается (об этом речь пойдет ниже). После того, как квадраты будут окопаны, нужно объяснить методику раскопок, принципы фиксации материала (по слоям и по квадратам), показав, куда материал нужно складывать (тыкнув пальцем в места на бровках). Стоит обязательно предупредить, чтобы оставляли абсолютно все, что находят в квадрате, будь то заведомо современная вещь (кирпич, трак от гусеницы, гвоздь, шифер, осколок стекла, консервная банка, водочная пробка и т.п.) или необработанный на их взгляд камень. После нескольких дней работ подобное требование можно ослабить, требуя, чтобы оставляли все непонятные или спорные находки. Так же необходимо сказать, чтобы крупные предметы или вещи из слоя не вынимали, а сразу подзывали бригадира или начальника экспедиции для получения инструкций, что с этим предметом делать. Особо остановиться следует на развалах сосудов, объяснив, что их по фрагментам вынимать нельзя, а следует зачищать. При возникновении любого вопроса по методике раскопок следует консультироваться с бригадиром или начальником.

После этого объясняется назначение бровок, показывается, что это такое (пальцем) и говорится, что по ним ходить нельзя, сидеть на них нельзя, опираться на них нельзя и ни в коем случае их нельзя копать.

Затем объясняется, что копать нужно не погребя, слою, срезаемые лопатой, по толщине не должны превышать 2 см что копать следует на глубину штыка, не глубже и не мельче, что не бывает слишком твердого слоя, когда штык не идет или слишком мягкого, когда лопата «сама» копает глубже, чем надо. Все сказанное следует подкрепить примером, начав копать квадрат самостоятельно. Лишь после этого следует допустить людей к работе, внимательно следя и делая необходимые замечания в первые 2–3 часа.

После начала работ следует приступить к составлению плана раскопа. К составлению плана следует привлечь наиболее расторопную и смышленную девушку, которой затем будет поручено этикетирование и упаковка находок. После того, как она поймет, что от нее требуется (умение разбираться в ситуационном плане, отслеживание выборки слоев и своевременная упаковка полученного материала, шифровка и раскладка этикеток по квадратам с указанием работающим на квадратах куда что складывать, упаковка пакетов для транспортировки находок в лагерь), следует сразу же пустить ее по квадратам для раскладки этикеток. Все находки наносятся на план либо бригадиром, ведущими полевую документацию, либо непосредственно начальником экспедиции. В свободное от этой работы время она занимается выборкой слоя.

Следует помнить, что первые 2–3 дня работы производительность труда будет постоянно нарастать, достигнув требуемой на 4 день, после чего стабилизируется. Это связано как с физическими особенностями организма, адаптирующегося к новым формам труда и необычным условиям существования, так и получением и освоением новых трудовых навыков.

При организации работ следует помнить, что рабочий день не должен превышать 8 часов. В некоторых случаях (необходимость доборки конструкций, зачистки части слоя, снятия могилы и т.п.) часть людей, занятых непосредственно на этой работе, можно задержать на раскопе.

Начинать работы следует пораньше, пока не сильно жарко, делая перерыв на обед в самое жаркое время дня. Наиболее оптимальный график работы – 5 часов до обеда и 3 после. Работа без перерыва на обед возможна, но после 5 часов работы производительность труда резко падает, а после обеденного перерыва за 3 часа объемы сделанной работы не намного меньше того, что выполнены до обеда. Работать следует с 10–15-ти минутными перерывами после 50–45 минут работы. Время на перерывы в счет рабочего времени не учитывается. Следует назначить человека, который отслеживал бы время работы и перерыва и сообщал об этом всем работающим.

На выборку квадрата 4х4 м следует ставить не более 3 человек, если в их составе есть девушки, и не более 2 мужчин. Эти люди работают на квадрате с момента начала его выборки до ее завершения. За-

зачистка по материку удастся не всем, некоторыми на нее тратится очень много времени и сил, и несмотря на это, зачистка получается неудовлетворительной. Поэтому следует выделить нескольких человек, быстро и качественно производящих зачистку и после подготовки квадрата к зачистке ставить их его зачищать, переставляя людей, выбравших квадрат, на другой.

Следует всегда заблаговременно планировать объемы работ на будущее, чтобы освободившиеся люди не стояли без работы или толкались большим количеством на одном квадрате, помогая его выбирать. У начальника всегда должен быть объем работ (уже разбитый раскоп с окопанными квадратами) как минимум на половину состава экспедиции.

К выборке могил и конструкций следует допускать наиболее подготовленных людей, не обращая внимания на обиды, если таковые есть в составе группы, выбравшей квадрат, в котором обнаружены эти объекты. К этим работам не стоит привлекать более двух человек.

На раскопе следует маневрировать освободившимися силами, меняя их расстановку в зависимости от ситуации, которая постоянно меняется, с целью наиболее рационального использования рабочего времени.

Даже при небольшой насыщенности культурного слоя при работе с большими площадями набирается большое количество материала, который лучше зашифровать в полевых условиях. К камеральной обработке материалов следует привлекать людей, по состоянию здоровья (ОРЗ, небольшие травмы, физиология и т.п.) остающихся в лагере.

При шифровке материала не допускается его смешивание, замена этикеток. По окончании шифровки материал заворачивается в те же пакеты, в которых был до обработки, т.к. на них нанесен раскопный шифр. Слабые или рваные пакеты возможно завернуть в дополнительный слой оберточной бумаги, нанеся на новый пакет раскопный шифр.

В поле стоит заниматься и консервацией некоторых предметов, транспортировка которых до места постоянного хранения может привести к их разрушению. Не рекомендуется в поле заниматься реставрацией сосудов (склевать развалы), т.к. их транспортировка в «разобранном» виде доставляет гораздо меньше неудобств и гарантирует от различного рода неприятных случайностей.

Как уже было сказано выше, к разбивке раскопа следует приступать на следующий день после заезда экспедиции. При разбивке большого раскопа не следует ориентировать его по кромке террасы или по конкретным объектам, визуально фиксируемым на памятнике. Раскоп должен быть ориентирован по сторонам света. Неполные квадраты, усекаемые кромкой террасы или границей существующих разрушений, следует исследовать до границы усечения. Раскоп разбивается на всей площади планируемых работ. В случае очень большой площади раскопа

(более 1000 кв.м) необходимо оставление реперов на неразбитой части, увязанных с уже намеченной сеткой.

К разбивке раскопа необходимо подходить очень ответственно. Сначала пробивается одна линия, наиболее длинная, которая будет служить границей. Прямой угол, образуемый этой линией, проверяется как по буссоли, так и геометрически, используя правило «египетского треугольника», которое гласит, что сумма квадратов катетов у прямоугольного треугольника равна квадрату гипотенузы. Правильность прямого угла следует проверить на длине гипотенузы не менее 15–20 м. Получив правильный квадрат со сторонами не менее 20 м и разбив его стороны с помощью кольшков на отрезки по 2 м натягивают шнуры, на местах пересечения которых ставят кольшки, разбивающие всю сетку на квадраты 2х2 м. При установке кольшков следует следить, чтобы они бились строго с одной стороны шнура, который натягивается, в свою очередь, с одной стороны крайних кольев. После пробивки каждая линия проверяется визуально, **все колья в этой линии должны стоять в одном створе.**

Увеличение площади разбивки допустимо на основании уже существующей сетки при помощи шнура, натянутого между крайними кольями раскопа, при этом правильность и обязательность порядке проверяется как с помощью рулетки, так и используя правило «египетского треугольника». Раскоп ни в коем случае не должен «плавать», особенно это касается крайних реперных кольев. Погрешность при разбивке проверяется по крайним точкам раскопа и не должна превышать 2–3 см. В случае выявления неточностей при разбивке (неправильная ориентация бровок при окапывании, произвольный снос бровки и т.п.) следует принять срочные меры к исправлению неточности, пожертвовав локальным участком в пользу точности целого.

При определении толщины бровок и их ориентации следует учитывать то обстоятельство, что зачастую они будут стоять достаточно длительное время до их разборки, пока работы на выбираемой линии квадратов не будут завершены. Иногда не хватает времени на зарисовку бровок и эту работу приходится откладывать на следующие дни. Бровки должны быть крепкими, т.к. несмотря на запрет, по ним будут ходить, на них будут сидеть и лежать. В то же время не следует увлекаться и чрезмерной толщиной бровок. В этом случае затрудняются планиграфические и стратиграфические наблюдения, остается достаточно большой объем работ по их разборке. Оптимальная толщина бровок – 25 см, на песчаном или ином слабом грунте – не более 30 см.

Ориентировать бровки следует с таким расчетом, чтобы стороны, снимаемые на полевые чертежи (внутри квадрата раскопа), находились большую часть светового дня на теневой стороне (северной и восточной), т.к. их пересыхание ведет к осыпанию слоя и затрудняет стратиграфические наблюдения.

После разбивки раскопа и разметки бровок квадраты, вскрытие которых планируется в ближайшие 2–3 дня, следует окопать. В дальнейшем необходимо следить, чтобы **в запасе всегда было окопанных квадратов как минимум на рабочий день вперед**. К их окапыванию привлекаются люди, закончившие выборку своих квадратов.

При окапывании следует обратить внимание на то, чтобы в местах пересечения бровок не было прокопов. Квадрат окапывается только по внутреннему периметру, который подлежит выборке. Окапывание следует производить по шнурам, втыкая штык лопаты перпендикулярно шнуру в землю на глубину 10–15 см. Канавка должна уходить внутрь квадрата и ни в коем случае не на бровку, это грозит ее неизбежным утончением при зачистке, или даже уничтожением.

Культурный слой выбирается тонкими пластами (2–3 см) на глубину штыка, на квадрате 4x4 м. Отдельным слоем дерн снимать не следует, это затрудняет фиксацию находок по горизонтам и значительно снижает производительность труда. Выбирая слой, землю с лопаты сразу следует укладывать в отвал, исключая переброску внутри квадрата.

Промежуточные зачистки (после выборки каждого горизонта) следует производить лишь при фиксации выраженных объектов и делать локальными, не зачищая весь квадрат.

Слой выбирается по линиям, после выборки которых отвал следующей линии укладывается на место исследованной. При возможности следует ориентироваться на расширение раскопа с запада на восток. Необходимо избежать укладки отвала на неисследованную площадь памятника. Памятник должен исследоваться планомерно, постепенно, подходя к визуальным фиксируемым конструкциям. В этом случае необходимо пожертвовать любопытством, чтобы избежать непроизводительных затрат труда при передвижении отвалов. Всегда следует помнить, что конструкции никуда не денутся и будут исследованы, а объем работ выполнить надо с возможно меньшими трудовыми затратами.

При подходе к матерiku не следует увлекаться его чистотой, так как в этом случае можно пропустить слабовыраженные объекты. Выборку слоя необходимо заканчивать на границе слоя и материка, всегда помня, что 4–5 см уйдут при зачистке. Поэтому при выборке последнего слоя необходимо самому дать указание, на какую глубину он выбирается (1/4, 1/2, 3/4 штыка), руководствуясь конкретной ситуацией. Необходимо следить, чтобы это указание выполнялось неукоснительно, в случае же невольного заглупления на некоторых участках при окончательной зачистке эти участки следует оставить заглупленными, не выводя на их уровень весь квадрат.

Чистовая зачистка производится после выборки последнего горизонта квадрата на уровне границы слоя и материка. Лишь при соблюдении этого условия возможно выявление и фиксация слабовыраженных

объектов. Следует всегда помнить, что **недобренный слой можно добрать, а вынесенный на место уже не вернуть**. В случае с зачисткой не может быть непроизводительных трудозатрат, возможно ее проводить по 2–3 раза на одном квадрате в случае малейших сомнений в наличии конструкций, до полного устранения этих сомнений.

Исследование выявленных конструкций при выборке культурного слоя методом перекидных траншей имеет свои особенности. При обнаружении небольших ям после сплошной зачистки квадрата эти ямы выбираются штыковыми лопатами слоями, мощностью не более 10–12 см. Выбирать их следует не по контуру, а разрезая до половины большей площадью с целью фиксации разреза. Если по разрезу дна ямы не прослеживается, производится зачистка до уровня выбранного слоя и фиксация второго контура, который затем выбирается тем же методом. Зафиксировав дно, вторая половина также выбирается штыковой лопатой до материка на большей площади.

При исследовании ям большой площади (свыше 1,5–2 кв.м) выборка заполнения производится по контуру половинкой, штыковыми лопатами, тонкими слоями на глубину 10–12 см с последующей зачисткой выбранной половины на уровне 15 см от глубины фиксации контура ямы. Контур ямы с выборкой заполнения меняются, все изменения фиксируются на плане и с помощью фотоаппарата. При обнаружении в заполнении находок они зачищаются отдельно и перед выборкой последующего слоя снимаются. Если найденные вещи уходят в заполнение глубже уровня зачистки, они оставляются на месте до возможности их снятия. После выборки одной половинки ямы, слоями такой же мощности выбирается вторая.

Для выявления и фиксации особенностей конструкций с большой площадью котлована, занимающего несколько квадратов 4х4м, желательно все квадраты, в которых эта конструкция прослеживается, зачищать сплошной площадью, в противном случае возможны грубые ошибки в исследовании, вплоть до уничтожения конструкции. Очень большие котлованы допустимо исследовать площадями не менее 64 кв.м, т.е. одновременным вскрытием и зачисткой 4 квадратов с последующей выборкой заполнения конструкции.

Но все же предпочтение следует отдать исследованию сплошным раскопом. Зачистка 9 квадратов одновременно (144 кв.м) не составляет особого труда. При обнаружении котлована, границы которого уходят в другие квадраты (не попадающие в исследуемую линию), работы на этом квадрате следует прекратить. Границы котлована, фиксируемые планиграфически, следует уточнить стратиграфическими данными, порой они бывают более точными. После этого, не начиная работ по выборке котлована, выбирается следующая линия квадратов, причем квадраты, в которые уходят границы котлована, не трогаются или слой

из них выносятся в диагональные квадраты, исследование которых завершено. После выборки и тщательной зачистки квадратов, сопредельных с теми, в которые уходят границы котлована, начинают работы по вскрытию оставленных квадратов, причем глубина зачистки не должна превышать глубины фиксации контуров в ранее вскрытых квадратах, а в некоторых случаях может быть даже меньше (глубина зачистки согласуется со стратиграфическими данными). Отвал укладывается в выбранные соседние квадраты. Если контуры котлована уходят в следующую линию, процедура повторяется в той же последовательности до полного выявления границ котлована. После этого силами наиболее подготовленных рабочих производится сплошная зачистка на всей площади распространения котлована и его дальнейшее исследование.

Выборку котлованов возможно производить штыковыми лопатами тонкими слоями на глубину 10–12 см, с учетом того, что при повторной зачистке мощность выбранного заполнения не будет превышать 15 см. При обнаружении в заполнении котлована развалов сосудов, зернотерок или других предметов они оставляются на месте и зачищаются отдельно. После фотофиксации и фиксации на плане эти предметы снимаются. Исключение составляют объекты, уходящие в заполнение котлована ниже уровня зачистки. Контуры котлована, как правило, меняются с глубиной, все изменения контуров также фиксируются на плане и фотоаппаратом. После обнаружения дна котлована в результате его выборки 15-ти сантиметровыми слоями (которая производится на всей площади котлована одновременно), производится зачистка по дну с целью выявления ям и других объектов, которые исследуются с применением той же методики, что и ямы в других квадратах.

Для нивелирования составляется отдельный нивелировочный план в масштабе 1:100, на который наносятся все нивелировочные отметки. Нивелировочный план должен охватывать всю сетку предполагаемого раскопа. Нивелирование желательно производить заранее, до начала работ по выборке слоя, не дожидаясь момента, когда этот процесс может затормозить работу. При нивелировании несложных поверхностей отметки следует брать через 1 м, при необходимости останавливаясь на границах котлованов и других объектов, которые нивелируются с более дробными отметками.

Все отметки берутся от единого нулевого репера, каковым является один из углов раскопа, визуальное расположение на самой низкой или самой высокой точке. Нивелирование следует производить с использованием оптического прибора.

После нанесения нивелировочных отметок на план следует поручить вычерчивание бровок, верхний контур которых желательно нарисовать предварительно на весь раскоп, что значительно сокращает время, необходимое для снятия бровок.

При исследовании больших площадей возникают проблемы и с ведением полевой документации. Вся полевая документация должна отвечать единым требованиям и постоянно проверяться начальником экспедиции. Основные моменты следует фиксировать непосредственно самому.

Полевая документация ведется в масштабе 1:50, так как новостроечные памятники, как правило, не балуют исследователя насыщенностью слоя. Первоначально составляется ситуационный план раскопа в масштабе 1:100 или 1:200, на который наносится вся сетка раскопа. На этом плане отмечаются выбранные квадраты (они зачеркиваются), квадраты в работе (одна кося черта), нарисованные бровки (они зачеркиваются), приблизительные границы выявленных конструкций. Кроме того, этот план разделяется на сектора, которые соответствуют листам плана в масштабе 1:50. Каждый сектор нумеруется, как и соответствующий ему лист плана. Кроме нумерации каждый лист плана масштаба 1:50 шифруется крайними буквенными и цифровыми отметками участка раскопа, на который составлен этот план. На том же листе плана масштаба 1:50 рисуются и разрезы исследованных конструкций. Все конструкции на плане имеют сплошную нумерацию. В случае ведения планов разными людьми (бригадами) им выделяется определенный диапазон номеров (например, с 15 по 30), которыми они оперируют в процессе работ.

Квадраты раскопа шифруются арабскими буквами и цифрами, бровки – римскими цифрами. Желательно бровки различных направлений во избежание путаницы (С–Ю, З–В) шифровать одни четными числами, другие нечетными.

Обозначение бровок должно отражать их положение при нивелировке на полевом чертеже, т.е. бровка, обозначенная 1–1» на полевом чертеже должна иметь не только то же обозначение, но и отражать плоскость ее зарисовки.

При исследовании конструкций контуры, изменяющиеся с изменением горизонта зачистки, фиксируются различными штрихами, при этом на полях плана делается пометка, какой глубине зачистки соответствует тот или иной штрих. Первоначальные контуры, выявленные при зачистке, фиксируются сплошной линией с указанием рядом с ней глубины фиксации объекта. Различные цветовые оттенки заполнения внутри конструкций так же фиксируются различной штриховкой с соответствующими сносками на полях. В случае сохранения цветodelения на других горизонтах зачистки следует составлять несколько планов, разнося их по горизонтам, иногда допускается, если нет перегруженности, штриховка внутри соответствующих определенным уровням зачистки штрихов.

Ведением полевой документации должен заниматься начальник экспедиции.

Находки с раскопа фиксируются по квадратам 2х2 м, по слоям выборки и по выявленным объектам поквдратно и послойно внутри

крупных объектов. За этим следит специально подготовленный для этой цели человек, который раскладывает этикетки и объясняет, постоянно напоминает, какие находки куда необходимо складывать. После выборки каждого горизонта этот человек пакует находки с горизонта и раскладывает новые этикетки. Наносить находки на полевой чертеж необходимо самостоятельно.

Кроме грамотного планирования немаловажное значение имеет и создание здорового морально-психологического климата в коллективе, сформированном из малознакомых людей. Существуют определенные нюансы руководства, соблюдение которых позволит наладить наиболее производительную деятельность. Попробуем осветить некоторые из них.

Каждый член экспедиции должен осознавать необходимость проведения работ. Для этого следует уже на предварительном собрании объяснить значимость памятника как в научном плане, так и в плане необходимости сохранения историко-культурного наследия. В первые дни работы экспедиции следует постоянно, но не назойливо, объяснять научную значимость всех, в том числе и малоинформативных находок, напоминая, что даже при работе на памятниках со слабонасыщенным культурным слоем, при вскрытии больших площадей, количество материала с памятника будет достаточным для построения новых научных гипотез, пересмотра старых, возникновения новых точек зрения на старые проблемы и т.п. Кроме того, вскрытие большой площади, кроме артефактов, дает очень ценные планиграфические и стратиграфические комплексы информации, что так же необходимо довести до сознания всех участников экспедиции.

Ни в коем случае нельзя ругать памятник, говорить, что материал с него идет стандартный, ничего нового не дающий, что работать на нем приходится только ради отработки договорных денег, что где-то есть более интересный памятник, работать на котором было бы лучше, чем на этом и т.п. Подобные разговоры расхолаживают, обесценивают в глазах рабочих их труд, приводят к снижению дисциплины и производительности труда. Значительно снижается и качество работ.

При реализации решений и распоряжений начальник экспедиции должен проявлять твердость и следить, чтобы все решения претворялись в жизнь до логического завершения и именно теми людьми, на которых возложена их реализация. Это ни в коей мере не исключает, что в период принятия решения исключаются советы, определенные колебания, отметание здравых идей и т.п. Стратегическая цель, которая должна быть достигнута при принятии решения, определяется начальником экспедиции, пути ее достижения (тактика) выбираются коллегиально, ибо коллегиальные решения выполняются охотнее и имеют больший вес. Кроме того, коллегиальное обсуждение страхует от возможных ошибок.

Нельзя бояться от отказа реализации решения, если в процессе его обсуждения или выполнения станет ясна его неправильность. Вполне допустима объективная критика и самокритика, прислушивание к разумным советам и их реализация. Нельзя допускать одного – передоверия права принятия окончательного решения другому лицу. Все стратегические вопросы (методика раскопок, режим дня и т.п.) должны решаться только начальником.

Для поддержания здорового морально-психологического климата и контроля за выполнением принятых решений начальник экспедиции должен постоянно находиться на наиболее значимых участках работы, не допуская послаблений в первую очередь себе, а затем и другим. Следует до минимума сократить все возможные отлучки из экспедиции, передоверяя решение продовольственных и хозяйственных вопросов за пределами лагеря другим лицам.

Твердое руководство должно осуществляться с этапа формирования экспедиции. Первые дни в поле являются основополагающими, базовыми для установления правильных отношений между членами. Как поведет себя начальник в первые дни, так и будет продолжаться в течение всего срока работы экспедиции.

Начиная с момента формирования начальник, несмотря на товарищеские отношения с некоторыми членами экспедиции, должен задать определенную дистанцию, переступить которую никто не вправе. Субординационные отношения могут не распространяться на сферу производственных отношений. Решение производственных вопросов – прерогатива начальника. Необходимо следить, чтобы все решения выполнялись в срок, не нужно откладывать реализацию решений на потом. Нужно быть в курсе всех событий, происходящих в лагере и на раскопе.

Не стоит устанавливать в экспедиции жесткого авторитарного режима. Это негативно влияет на морально-психологический климат. Следует помнить, что у начальника есть заместитель, завхоз и другие люди, каждый из которых выполняет свои, строго определенные обязанности. Нельзя выполнять их обязанности, необходимо контролировать выполнение членами экспедиции своих функций.

Закрытый коллектив требует доброжелательных неформальных отношений между его членами, установить которые так же является одной из задач начальника экспедиции. Дисциплина должна быть не палочной, а осознанной, а авторитет начальника экспедиции должен держаться не на страхе, а на уважении. Не стоит повышать голоса, ругать за мелкие проступки, материться, унижать достоинство. Лучше подсказать, помочь, научить, так как многие первый раз попали в полевые условия и открывают для себя, казалось бы, прописные истины. Лень, ложь и прочие пороки должны быть наказуемы, стремление сделать что-либо хорошее – поощрено, неумение – устранено обучением.

При работе любой экспедиции возникает проблема посторонних как на раскопе, так и в лагере. Любопытство местных жителей вполне понятно. Кроме того, новые люди в окрестностях населенного пункта дают возможности и нового общения. Установление правильных взаимоотношений с местными жителями может служить как стабилизирующим, так и дестабилизирующим фактором в работе.

Не следует допускать панибратских отношений с местными жителями. Посторонние в нетрезвом виде ни под каким предлогом не должны допускаться в расположение лагеря. На раскопе следует объяснять местным жителям задачи работы, показать материал, чтобы они убедились, что археологи ищут не только золото (довольно распространенное заблуждение). В лагере можно организовать соревнование по некоторым видам спорта (футбол, волейбол, бадминтон, шахматы и т.п.) между членами экспедиции и местными жителями. Вполне допустимы посиделки у костра, но только до отбоя. После отбоя посторонних в лагере быть не должно.

В случае возникновения проблем с местными жителями (хулиганство, воровство, порча раскопа и т.п.) их следует решать с местной администрацией, вплоть до привлечения участкового инспектора.

На раскопе в первые дни не стоит гнаться за высокой производительностью. Опытным членам экспедиции необходимо помогать новичкам как советом, так и собственным примером. Производительность труда в первые два дня будет сильно отличаться от таковой в последующем. В эти дни в первую очередь нужно научить людей грамотно работать.

Третий день должен быть заключительным в плане организации работ. Производительность труда должна быть близка к расчетной. Адаптация организма к непривычным условиям труда и быта в этот день заканчивается. На третий день нужно проявить должную, повседневную требовательность, стараясь поднять производительность на желаемый уровень. Все скидки на неопытность, слабость или неприспособленность снимаются. Однако уровень физической подготовки при требованиях необходимо учитывать. Главное – добиться того, чтобы все работали в меру своих сил и способностей и не прятались за спины других. В этот же день нужно скорректировать состав рабочих групп, сформированных в течении первых двух дней.

На четвертый день работа должна быть поставлена на уровень постоянной последующей повседневной работы, с высоким уровнем требовательности и недопущением различных послаблений, которые могут негативно влиять на производственный процесс. С этого дня производительность труда, как и его качество, снижаться не должны, с накоплением опыта они будут постоянно незначительно повышаться, однако не так заметно, как в первые два-три дня.

В большинстве случаев через 12–16 дней работы производительность труда резко падает, настроение членов экспедиции ухудшается, портятся взаимоотношения. Подобное явление можно назвать кризисом двух недель. Причинами этого кризиса является накопление усталости как физической, так и моральной. От успешного его преодоления в значительной мере зависит объем выполненных работ.

В преодолении кризиса двух недель ведущая роль принадлежит начальнику экспедиции. Как бы не было трудно, он не должен поддаваться атмосфере кризиса, быть постоянно бодрым и целеустремленным. В это время желательно больше шутить, высмеивая причины кризиса. Необходимо проявить твердость и в эти дни заставить людей выполнить тот объем работ, который позволяет достигнутая к этому времени производительность труда. Можно позволить себе эмоциональные срывы. В случае, если объем работ, выполненных в эти дни будет меньше предыдущего, вполне допустимо задержать людей на раскопе до выполнения намеченного объема. Ни в коем случае нельзя давать послаблений в дни кризиса, иначе он может затянуться на долгое время, что не способствует выполнению поставленной перед экспедицией задачи. При соблюдении вышеназванных условий он проходит в течение 1–2 дней, после которых начинается новый этап в работе экспедиции, длящийся до ее окончания – спокойной производительной работы по исследованию аварийного археологического памятника.

Начальнику экспедиции, если нет врача или человека с медицинским образованием, необходимо владеть навыками первой доврачебной помощи.

Список рекомендуемой литературы

- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. М., 1980. 336 с.
- Ведение полевой археологической документации. Методические рекомендации / сост.: В.А. Посредников. Барнаул: ПО «Полиграфист», 1978. 19 с.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П. Методика изучения археологических памятников в береговых зонах водохранилищ (на примере Красноярского водохранилища) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: Зодиак, 1992. С. 89–92.
- Инструкция к Открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемым Институтом археологии Академии наук СССР. М., 1984. 24 с.
- Кирьянова Н.А. Отбор образцов зерен и семян для агробиологического анализа // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 47–49.
- Кольцов Л.В. Разведки и раскопки мезолитических и неолитических стоянок // Методика полевых археологических исследований. М., 1983. С. 5–11.
- Кравец Д.П., Посредников В.А. Методические указания к организации самостоятельной работы на археологической практике: «Раскопки курганов в зонах новостроек Донбаса». Донецк, 1990. 96 с.
- Краснов Ю.А. Раскопки грунтовых могильников // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 28–46.

Краснов Ю.А. Обеспечение сохранности археологических памятников в зонах строительных работ // Методика полевых археологических исследований. Л., 1989. С. 84–101.

Матвеев А.В. Некоторые вопросы теории и методики полевого исследования поселений эпохи бронзы и железа в западносибирской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1989. С. 4–26.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации. Утверждено Решением Ученого совета Института археологии Российской академии наук от 30 марта 2007 г.

Программа и учебно-методические рекомендации по проведению археологической практики (для студентов первого курса исторического факультета) / сост. А.Л. Кунгуров, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 50 с.

Розенфельдт Р.Л. Разведки и раскопки памятников железного века в лесной полосе европейской части СССР // Методика полевых археологических исследований. М., 1983. С. 31–39.

Тишкин А.А. Методика отбора проб для радиоуглеродного и дендрохронологического датирования: учебно-методическое пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 40 с.

Т.Г. Гребенникова

Алтайский государственный университет, Барнаул

МУЗЕЕФИКАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ОРГАНИЗАЦИОННО- МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В последние годы проблемы сохранения и презентации культурного наследия оказались в поле зрения различных специалистов: музеологов, историков, археологов и этнографов, искусствоведов и культурологов, географов и экологов. Разрабатываются комплексные программы сохранения и использования регионального и всемирного наследия, рассматривающие объекты культуры и природы в органическом единстве, формировавшемся исторически.

Одной из наиболее сложных в обозначенном контексте является проблема сохранения и использования археологического наследия, которое подвергается как естественному природному, так и антропогенному разрушительному воздействию. В известной литературе по музеологии имеются отдельные работы, в которых затрагиваются проблемы методики музеефикации и создания музеев на базе недвижимых памятников археологии. Н.М. Булатов (1975) рассматривает общие принципы музеефикации памятников археологии и известный опыт в этой области. О.Н. Бадер (1978) рассматривает практики функционирования музеефицированных памятников археологии (наскальной живописи, городища, курганы). От-

дельное внимание исследователь уделил музеефикации памятников в городской среде (Бадер О.Н., 1978, с. 144–146). Памятники архитектурной археологии в городской среде также стали предметом рассмотрения в одной из статей О.Г. Чибезковой (1990, с. 87–88), которая определила их как все сооружения, находящиеся в руинированном состоянии, а также ископаемые археологические остатки, которые долгое время располагались под современной дневной поверхностью и в будущем способны стать неотъемлемой частью городской среды, активным и деятельным элементом, придающим ей оригинальность и своеобразие.

Рассматривая зарубежный опыт музеефикации, М.И. Гарбер (1982, с. 117–124) приводит множество европейских, американских и азиатских примеров, указывая на важность сооружения павильонов на археологических памятниках, что позволяет не только создать оптимальные условия для сохранения и показа объектов, но и создает дополнительные условия для обслуживания туристов и исследователей (служебные помещения, санузел, библиотека, кафетерий и многое другое).

Н.С. Николаева (1997, с. 205–209) в одной из своих статей предприняла попытку обобщить основные подходы в области музеефикации археологических объектов, указав, что рассмотрение памятника в неразрывной связи с его окружением представляет собой основополагающий принцип сохранения культурного наследия.

Детальные рекомендации рассматриваются В.В. Тихоновым (2003) применительно к архитектурно-этнографическому музею-заповеднику «Тальцы», располагающемуся в 47 км от Иркутска. Исследователь уделил внимание вопросам развития экспозиционной и неэкспозиционных зон в музее под открытым небом, обозначив их структуру и особенности организации.

Отметим, что важность музеефикации объектов археологического наследия признана на международном уровне. В Хартии по охране и использованию археологического наследия (1991, с. 295), провозглашенной Ассамблеей Международного Союза по памятникам и достопримечательным местам в 1990 г., указывается, что «демонстрация археологического наследия широкой публике является важным средством ознакомления с истоками и эволюцией современного общества», и самый лучший способ для понимания необходимости сохранять это наследие.

В целом, музеефикация представляет собой направление музейной деятельности и охраны памятников, состоящее в преобразовании историко-культурных и природных памятников в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности (Каулен М.Е., 2005, с. 363). В процессе музеефикации происходит раскрытие археологического памятника, и он, насколько позволяет его техническое и экологическое состояние, становится экспонатом. Такая экспозиция должна

демонстрировать не только научную информацию, но формировать выраженный интерес у аудитории, ее эмоциональные переживания (Гарбер М.И., 1982, с. 116).

Музеефикация недвижимых объектов наследия предполагает формирование особого учреждения – музея под открытым небом. Процесс его организации должен начинаться с детальной концептуальной разработки. Одним из первых шагов в этом отношении является подготовка аналитической справки, включающей характеристику историко-культурных, социально-экономических и природных особенностей региона, анализ состояния памятников наследия (в частности тех, которые послужат основой для становления нового музея), социально-демографические показатели по региону, современное состояние туризма и перспективы его развития, библиографические списки основных изданий и источников по перечисленным блокам сведений.

Обязательным этапом в проектировании музея под открытым небом является составление генерального плана развития музея и бизнес-плана на создание и начальный период развития музея. Первый включает последовательный перечень конкретных практических шагов по созданию и функционированию музея по всем основным направлениям его деятельности (создание экспозиционных зон, экскурсионных маршрутов и иных культурно-образовательных и развлекательных программ, инфраструктуры, охрана и изучение памятников и др.). Бизнес-план программирует управление финансами музея, в том числе его фандрайзинговую политику, что необходимо для развития комплексного музея под открытым небом, организация которого требует значительных финансовых и иных вложений. Фандрайзинг основан на поиске ресурсов (людей, оборудования, информации, времени, денег и др.) для реализации некоммерческих проектов и/или поддержания существования организации (Даушев Д., 2007, с. 18).

Безусловно, в проектировании музея под открытым небом реализация концепции будет сопряжена с необходимыми практическими шагами по музеефикации памятников наследия, на базе которых создается особый комплекс экспозиционных объектов и инфраструктура. При этом для разных категорий памятников имеются свои особенности и единый рецепт выработать сложно и в этом нет необходимости. Музеефикация представляет собой длительный процесс, требующий сотрудничества различных специалистов – археологов, музеологов, историков, географов и других исследователей. Только реализуя комплексное изучение и актуализацию археологических объектов возможен положительный результат, который позволит широко популяризировать регион и археологическое наследие в целом и включить его в сферу туризма. На наш взгляд, в качестве методологической основы музеефикации археологического наследия следует рассматривать теорию культурного

ландшафта, предполагающую сохранение и формы музейного использования памятников культурного наследия в естественной природном окружении, в котором они исторически формировались и функционировали (Веденин Ю.А., 2004, с. 73).

Музеефикация памятника (памятников) включает помимо исследовательских и реставрационных процедур, проектирование не только экспозиционной зоны (зон), но и инфраструктуры будущего музея. Опираясь на схему, предложенную исследователем В.В. Тихоновым (2003, с. 118–119), в качестве основных элементов неэкспозиционной инфраструктуры музея под открытым небом можно обозначить следующие элементы:

1) комплекс коммуникаций, включающий по возможности всепогодную дорожную сеть с возможностями принятия значительного транспортного потока, коммуникации электропитания и связи, водоснабжения и канализации;

2) комплекс административных зданий: для размещения администрации и научного персонала музея, включая специальные помещения для конференций, мультимедийных трансляций, что, на наш взгляд, в настоящее время является обязательным условием успешного развития и позиционирования любого музея;

3) инфраструктура системы безопасности: система сигнализаций, пожарная охрана и др.;

4) инфраструктура первичного приема туристического потока: касса, туалеты, зоны отдыха со скамейками, парковочная площадка, пункты питания, киоски и магазины сувенирной торговли, пункты активного отдыха посетителей (экспериментальные площадки, развлекательные центры) и др.;

5) жилой комплекс: гостиница для туристов, оборудованные зоны для палаточных лагерей, кемпинг и т.д.

Реализация проекта музеефикации предполагает и разработку особых культурных программ и экскурсионных маршрутов, как неотъемлемых элементов в развитии культурного туризма. Надо отметить, что проектирование и апробация таких маршрутов может выступать как форма использования памятников наследия, предвещающая окончательную музеефикацию. Эти меры позволяют изучить туристский интерес к конкретным памятникам наследия, состав аудитории, выявить наиболее оптимальные формы показа объектов.

Библиографический список

Бадер О.Н. Музеефикация археологических памятников // Советская археология. 1978, №3. С. 138–153.

Булагов Н.М. Принципы организации археологических музеев-заповедников // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М.: НИИ культуры, 1975. Вып. III. С. 77–113.

Веденин Ю.А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 68–81.

Гарбер М.И. Из опыта музеефикации памятников археологии за рубежом // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Сб. науч. тр. №109. М.: НИИ культуры, 1982. С. 115–128.

Даушев Д. Искусство фандрайзинга, или как продать моральное удовлетворение // Музей. 2007, №9. С. 18–24.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурных и природных объектов // Музейное дело России. М.: Издательство «ВК», 2005. С. 363–426.

Николаева Н.С. Особенности музеефикации археологических памятников // Музей в современной культуре. СПб.: Санкт-Петербургская Академия культуры, 1997. Т. 147. С. 204–210.

Тихонов В.В. Анализ методической базы музеев под открытым небом России. Иркутск: Издательство ИП «Макаров С.Е.», 2003. 180 с.

Хартия по охране и использованию археологического наследия // Советская археология. 1991, №3. С. 293–296.

Чибезкова О.Г. Функционирование памятников архитектурной археологии в городской среде // Памятники в контексте историко-культурной среды: Сб. науч. тр. М.: НИИ культуры, 1990. С. 87–121.

С.В. Калугина

*Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук, Омск*

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ г. ОМСКА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ, СОХРАНЕНИЯ, ПРЕЗЕНТАЦИИ

Празднование 300-летия г. Омска накладывает огромную ответственность и нагрузку на социальную, экономическую и туристическую сферы самого города и всей области. Особое место здесь принадлежит культурному и природному наследию региона, в которое входят уникальные археологические памятники, историко-культурные и храмовые комплексы, памятники природы.

Современное общество как никогда ранее ощущает себя тесно связанным с глубоким прошлым человечества и рассматривает ранние фазы развития как очень важные и неотъемлемые этапы своей истории, через которые осуществляется преемственность и неразрывная связь прошлого с настоящим и будущим. Это делает проблему сохранения и использования археологического наследия одной из актуальных как в разработке культурной политики на федеральном и региональных уровнях, так и в период подготовки к празднованию 300-летия г. Омска.

Памятники археологического наследия неразрывно связаны с окружающей средой, и концепция их охраны, изучения, использования не может строиться особенно в условиях города без учета антропоген-

ного фактора. Особым направлением при формировании культурной политики, ее мероприятий на региональном уровне выступает исследование и музеефикация памятников археологического наследия.

К началу 1960-х гг. краеведом А.Ф. Палашенковым в Омске было зарегистрировано свыше 30 памятников древности (Павлова Г.А., Новоселова Л.В., Сизова С.Г., 2009, с. 9). С расширением и застройкой территории города многие из них попали в ее черту, вероятно, разрушены и уничтожены.

Среди памятников археологического наследия г. Омска, которые могут и должны стать объектами туризма и широкого экскурсионного посещения во время празднования 300-летия, нужно, прежде всего, отметить памятники археологии – «Омская стоянка», «Большой лог» и историко-культурный комплекс «Омская крепость», расположенные непосредственно на территории города.

Комплекс памятников «Омская стоянка» расположен на левом берегу Иртыша в районе Ленинградского моста и профилактория «Восход». Точно очертить территорию нельзя, так как она в основном скрыта современной застройкой. Омская стоянка открыта в 1918 г. врачом и краеведом Сергеем Александровичем Ковлером (1881–1960) (Конилов Б.А., 1996, с. 5). В 20-е гг. XX века стоянку изучал омский краевед, минеролог, метеоролог Петр Людовикович Драверт (1879–1945). Первые научные раскопки стоянки провела Е.И. Липеровская, выпускница исторического факультета МГУ в 1927 году. В 1928 году на памятнике работала В.П. Левашова, которая предположила, что местное население наряду с железными изделиями продолжало пользоваться каменными орудиями труда (Палашенков А.Ф. 1960, с. 6).

С конца 30-х по 50-е гг. XX в. стоянку исследовал краевед, директор Омского краеведческого музея с 1943 по 1959 годы Андрей Федорович Палашенков (Конилов Б.А., 1998, с. 9). В 1945 году по приглашению Палашенкова в Омск приезжает археолог В.Н. Чернецов, который обследовал памятники на территории города, в том числе Омскую стоянку. В 60–70-е гг. XX в. с коллекцией Омская стоянка в ОГИК музее работали В.И. Матющенко и А.И. Петров (Конилов Б.А., 1998, с. 11).

В 1988 году на месте комплекса памятников «Омская стоянка» началось строительство здания профилактория, при котором, как считается, были разрушены значительные площади памятника. Параллельно строительству (а можно сказать – и вопреки ему) археологи Омского педагогического института и Омского государственного университета вели охранно-спасательные раскопки, в ходе которых впервые удалось открыть часть неолитического жилища и неолитический могильник – один из древнейших некрополей на омской земле (Конилов Б.А., 1996, с. 8).

К сожалению, богатая история изучения и известные фамилии в ряду исследователей не спасли стоянку от «погребения» под современ-

ными постройками: ныне на месте стоянки, а если точнее, над стоянкой, высятся здание профилактория (Конилов Б.А., 1998, с. 7).

В 2008 г. Государственный исторический музей и Омское производственное объединение «Радиозавод имени А.С. Попова» в рамках реализации задач по сохранению и пропаганде культурного исторического наследия на условиях государственно-частного партнерства подписали Соглашение о сотрудничестве по изучению и сохранению памятника культурного археологического наследия «Омская стоянка» (Официальный сайт Радиозавода имени А.С. Попова: [сайт]. URL: [http:// www. relero.ru](http://www.relero.ru)).

Соглашением предусмотрено проведение научно-исследовательских работ на памятнике археологического наследия «Омская стоянка», оказание научной, методической и консультационной помощи, организация совместных выставок и экспозиций, издание сборников научно-исследовательских материалов о памятниках Сибирского археологического наследия.

В 2011 г. сотрудниками Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН были проведены разведочные работы с целью поиска культурного слоя и установление местонахождения памятника Омская стоянка. В результате под двухметровым слоем строительного мусора на территории санатория «Восход» был найден культурный слой, мощностью 40 см.

В 2012 г. были продолжены работы по дальнейшему изучению найденного культурного слоя сотрудниками и студентами Омского государственного педагогического университета. Исследователям удалось найти около 500 артефактов, датированных VI–V – I тысячелетиями до н.э.

С учетом подготовки к празднованию 300-летия со дня основания Омска, данный историко-культурный комплекс может, и должен быть, подвергнут музеефикации. Здесь было бы целесообразным создать музей под открытым небом. Нахождение подобного музея в черте города является еще одним его уникальным преимуществом. Научная реконструкция и музеефикация комплекса памятников «Омская стоянка» приведет к широкому общественному резонансу, он, безусловно, станет объектом постоянного интереса туристов а, особенно, школьников и студентов.

При правильном планировании всех этапов музеефикации памятника и использовании современных средств презентации археологического наследия, можно будет рассчитывать, что музей станет элементом культурного ландшафта, а не статичной ее частью, которая будет развиваться только благодаря вливанию средств государства. Необходимо завоевать интерес горожан и туристов, путем применения технологий, которые ранее не были задействованы в городе. Это технологии активного вовлечения посетителя, которые применяют в экспозиционной

практике, когда изменение или корреляция экспозиции происходит в результате учета мнения посетителей. Использование новых подходов при создании музея и в дальнейшей его работе позволит избежать проблемы функционирования музея после празднования 300-летия. Существует опасность, что после юбилея музей перестанет быть нужен бизнесу и ему придется существовать самостоятельно.

Омская стоянка, расположенная по соседству с памятником природы «Птичья гавань» (Русакова В.Н., 2010, с. 252), мемориалом Победы, вместе может и должны составить единую уникальную историко-культурную зону.

Другим брендом Омской области может стать памятник археологии – городище «Большой Лог», расположенное в черте города, в 12 километрах от устья Оми. Памятник открыт благодаря случайным находкам школьника Ивана Калугина в 1937 году. При осмотре А.Ф. Палашенковым (1960, с. 13) места находки керамики было установлено наличие здесь городища.

В августе 1949 г. Экспедиция ИИМК Академии Наук СССР в составе В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской при участии школьников-краеведов произвела раскопки городища (Палашенков А.Ф., 1960, с. 13). Данные раскопки позволили установить многослойность данного памятника. По имеющимся ныне данным, первыми заселили ирменцы городище Большой Лог в III тыс. до н.э. В ирменскую эпоху городище было застроено крупными наземными прямоугольными жилищами с бревенчатыми стенами и земляным полом, по центру находился очаг, возле стен – земляные ямы для хранения припасов. Существует предположение, что на рубеже перехода от бронзового века к раннему железному веку (X–VIII вв. до н.э.) в пределах одного поселка сосуществовали ирменцы и красноозерцы. На городище Большой Лог собрана коллекция глиняных лепных сосудов, украшенных крестовым орнаментом (хранятся в Музее археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета). В эпоху раннего железного века (VII – IV–V вв. н.э.) территорию городища заселяли представители саргатской культуры. В конце I тыс. до н.э. на территорию нынешнего города пришли кулайцы с северо-востока Западной Сибири. И, как считают некоторые исследователи, наиболее крупным кулайским поселением на этой территории было городище Большой Лог. Кулайцы обжили мыс и прилегающую территорию, возвели с угрожаемых сторон земляной вал и ров, построили жилые прямоугольные постройки с земляным полом. Во второй половине I тыс. н.э. территорию городища заселяли представители потчевашской культуры (Конилов Б.А., 2007, с. 41–51, 248). Найдены археологические свидетельства пребывания барабинских татар (XIV–XVI вв.). На Большом Логу В.Ф. Генингом и его коллегами из Уральского государственного университета вскрыты остатки наземных

жилищ и хозяйственных ям. Здесь же изучены глинобитные печи, возведенные на специально подготовленных площадках. Существует гипотеза, что в рассматриваемое время Большой Лог был одним из многочисленных городков Сибирского ханства.

В 1990-е годы территорию памятника распахали, вокруг возведены дачные кооперативы. В результате изменений конфигурации памятника его площадь сократилась и составляет ныне около 2500 кв.м, хотя прежде она оценивалась в 3000 кв.м (Чернецов В.Н., Мошинская В.И., 1951, с. 78) и даже в 6000 кв.м (Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1967, с. 145).

К сожалению, этот памятник не вошел в план сохранения культурного наследия г. Омска, а также не нашел своего покровителя. Для сохранения памятника необходимо провести исследование современной территории и границ памятника, и выполнить комплекс мероприятий по постановке его на государственную охрану. В дальнейшем при выборе способа музеефикации данного памятника необходимо учесть технологические возможности реставрации объектов на нем и последствия их применения. При сохранении археологического памятника в условиях естественного ландшафта необходимо учитывать возможность его длительного, управляемого, безаварийного существования.

Городище можно будет реконструировать, разместить там музей археологических находок ирменской, кулайской, потчевашской. При музеефикации памятника можно применить комплекс технических средств, созданный для виртуальной реконструкции «Ворота времени». Первая очередь этой интерпретационной системы «временные рамки» была установлена в археологическом музее Энама (Бельгия) в 1997 г. (автор концепции – Дж. Сандерленд, технический проект IBM, научно-информационное обеспечение – Институт археологического наследия Фландрии). При помощи системы производится виртуальная реконструкция церкви бенедиктинского аббатства на разные исторические периоды ее существования (Каллебаут Д., Сандерленд Д., 1998, с. 53). Такой метод представляется оптимальным вариантом при сложной музеефикации многослойного памятника. Для воплощения в жизнь данной идеи необходимо провести полномасштабные раскопки, создать маршрут по раскопу и в определенных точках маршрута поставить кабинки, которые будут защищать саму систему и посетителей. Система состоит из камеры, компьютерной системы, двух мониторов и сенсорного экрана. Камеру необходимо будет направить на раскоп, и она будет передавать изображение на экран. Посетитель увидит изображение раскопа в режиме реального времени, на которое накладываются планы, рисунки и оживленные виртуальные изображения. Использование данной технологии позволит посетителям представить, как выглядело городище в разные эпохи, а ученым даст возможность для широкой реконструкции и интерпретации прошлого.

В настоящее время известна незначительная часть точного местонахождения археологических памятников города. Проблема в том, что и эта часть сейчас разрушается, так как хозяйственное освоение территорий идет достаточно быстрыми темпами, особенно в центральной части города. Следить за всеми работами, которые ведутся по подготовке празднования 300-летия города, их археологической «аккуратности» достаточно сложно, в первую очередь по причине отсутствия археологической карты города. Наличие такой карты позволило бы ускорить процесс музеефикации археологического наследия, усовершенствовать существующие проекты.

Библиографический список

Энциклопедия города Омска: Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год) / под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. Омск: Издат. дом «ЛЕО», 2009. С. 920.

Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Поселение Большой Лог у г. Омска // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967. С. 145–148.

Герасимов Ю.В., Калугина С.В., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Историко-культурное (археологическое) обследование северо-западного сектора историко-архитектурного комплекса «Омская крепость» // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. С. 28–32.

Демченко В.М. Современное состояние и перспективы развития историко-культурного общественного комплекса «Омская стоянка» // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. С. 7–12.

Конилов Б.А. Городище Большой Лог и история исследования кулайских древностей в Омском Прииртышье // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Часть первая. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. С. 49–52.

Конилов Б.А. Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996, №4. С. 340.

Конилов Б.А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 42.

Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск: Изд-во ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2007. С. 466.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Известия омского отдела географического общества союза ССР. Омск, 1959, №3 (10). С. 3–23.

Лебедева Н.И. Омская крепость: этапы застройки северо-западного сектора // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. С. 16–21.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 78–87.

Энциклопедия Омской области: в 2 т. / под общ. ред. В.Н. Русакова. Омск: Омское книжное изд-во, 2010. С. 592: ил., цв. вклейки.

Официальный сайт Радиозавода имени А.С. Попова: [сайт]. URL: <http://www.telero.ru> (дата пересмотра: 16.01.2012).

Каллебаут Д., Сандерленд Д. Энам: новые технологии увековечивают прошлое // Museum. М., 1998, №4. С. 50–54.

И.Г. Минов

*Государственное автономное учреждение Новосибирской области
«Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области», Новосибирск*

БАШНИ КАЗЫМСКОГО (ЮИЛЬСКОГО) ОСТРОГА: ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Казымский (Юильский) острог был расположен в нижнем течении реки Вон-Вошьюган левого притока реки Казым, вниз по течению реки Казым от современного поселка Юильск (Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ).

Первые упоминания о «хантском граде» Казыме встречаются в летописном первоисточнике XVI в. и в архивных документах, сохранившихся от XVII в. Например, о попытке покорения в марте 1582 г. казымских городков Ермаком сообщает «Краткая сибирская летопись», а в государевой грамоте 1607 г. в Березов воеводе Петру Черкасскому есть упоминание о том, что «кунная самаюдь приходит с нашим ясаком в Казым». Это значит, что уже в начале XVII в. на Казыме существовал сборный ясачный пункт.

Самое раннее сохранившееся свидетельство о Казымском-Юильском остроге – рисунок, сделанный Н. Шаховым, скорее всего в первые десятилетия XIX в. На нем видны постройки острога, окруженные тыновой оградой, посередине которой возвышается проезжая башня, крытая тесом. Ворота башни, изображенной на рисунке, имеют полуциркульное завершение, что соответствует воротам северной башни. Но сам острог изображен таким образом, что он как бы стоит на правом, северном, берегу Казыма (в действительности же острог был расположен на левом, южном, берегу реки, причем довольно далеко от основного русла – в 15–20 км), а к реке, тем не менее, обращена именно башня с арочными воротами. Вокруг крепости располагаются многочисленные одноэтажные строения (Курилов В.Н., 2005, с. 10).

Следующее свидетельство относится к началу 1840-х гг., когда Казымский «городок» посетил чиновник Шершеневич, опубликовавший затем два описания уже опустевшего к тому времени острога. В одном

его описании сказано следующее: «Признаки укреплений сохранились в остатках деревянной башни, срубленной в виде шестиугольника со стрельницами, окнами и нижним сводом». Как видим, здесь речь идет о каком-то шестиугольном сооружении с бойницами и окнами, без ворот, имеющем более одного яруса. В другом описании упоминаются две проезжие башни, на одной из которых еще сохранилась кровля, а на другой – створка ворот. Описание это исключительно точное, так как именно эту створку ворот обнаружили участники экспедиции 1973 г. Кроме того, Шершеневич верно указал на то, что башни сложены из относительно тонкого, четырехвершкового леса, что также полностью соответствует действительности.

В конце XIX в. появляется очень подробное описание Казымского острога в «Памятной книжке Тобольской губернии на 1884 г.»: «Существуют 3 (!) деревянные башни, почти уже развалившиеся. Башни расположены на южном конце юрт, расстоянием одна от другой саженьх в 20, треугольником на запад, восток и юг. Крыши их уже провалились, вход уже в них с двух сторон: с северной и южной. К южной башне пристроено нечто вроде амбара вышиной в 1 и длинной в 2 сажени, вся постройка из круглого леса. Башни в длину и ширину имеют по 1,5, а в высоту 2 сажени» (Курилов В.Н., 2005, с. 11).

Примерно в 1745 г. (по данным дендрохронологии, не противоречащим сведениям, содержащимся в письменных источниках) Казымский-Юильский острог представлял собой огражденную почти четырехметровым стоячим тыном территорию в виде неправильного четырехугольника, приближающегося по форме к трапеции с одним прямым углом, его две проездные башни стояли в продольных стенах, причем одна была обращена к реке, а другая к дороге и к существовавшему здесь в это время хантыйскому селению. Внутри острога, в его северо-западном углу находится комплекс, состоявший из башни-зимовья, вытянутой вдоль западной стены острога избы «со связью», небольшой сторожки, расположенной рядом с северной башней и, возможно, «аманатской избы» – полуземлянки. Кроме того, на территории острога были и другие строения. Это небольшая постройка около южной, речной башни, которая могла быть амбаром для хранения снасти и рыбы, одновременно являясь сторожкой. В восточной стороне, скорее всего, построек было мало или не было совсем. Возможно, эту часть острога предполагалось использовать как торговую площадку и место сбора жителей на случай опасности, скажем, при межродовых конфликтах. Ведь, собственно говоря, одной из причин строительства Казымского-Юильского острога было обострение отношений в первой половине XVIII в. между хантами и ненцами в нижнеобских тундрах, причем нападающей стороной были ненцы (Комин Г.Е., 1980, с. 121–126).

В таком виде и при таком составе построек Казымский острог являлся вполне типичным сооружением русских в Сибири в XVI–XVIII вв.

Отдельные постройки – две башни, амбар и изба-казарма Юильского острога сохранялись до 70-х гг. XX в. В 1969–1974 гг. археологи и историки Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а также ведущие архитекторы и историки архитектуры Новосибирского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева в рамках работы Североазиатской экспедиции, руководимой академиком А.П. Окладниковым, проводили обследование острога, после чего остатки этих сооружений были вывезены в Новосибирск. Тогда же, в начале 70-х гг. XX в. на территории острога были зафиксированы сторожевые проезжие башни, дом воеводы, казармы и подсобные сооружения – бани, амбары и прочее.

В ходе исследований на месте Казымского острога были обнаружены руины трех построек: двух проезжих башен и некоего сооружения, именованного «избой-казармой», «гарнизонным домом», «домом приказчика». Кроме того, и на самой территории острога и вокруг него просматривались остатки нескольких десятков построек в виде бревен нижних венцов срубов. Обе проезжие башни были ориентированы по линии север-юг и располагались на местности вместе с «казармой» в вершинах воображаемого треугольника. Двухэтажные башни имели сквозные проезды, а также небольшие бойницы в боковых стенах нижнего яруса и на фронтальной стене на уровне второго этажа. Крыша башен отсутствовала. В еще более руинированном состоянии была «изба-казарма». От нее остался невысокий сруб с окнами и со следами врубок в бревнах стен. После детального обследования памятника башни были разобраны, перевезены в Историко-архитектурный музей под открытым небом в г. Новосибирск и отреставрированы в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

В ходе проведения ремонтно-реставрационных работ были восстановлены северная и южная башни острога по проекту, подготовленному проектным институтом по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Методами дендрохронологии установлено, что башня-зимовье построена из деревьев, срубленных в 1738 г., а башни острога появились на семь лет позже – в 1745 г. Следовательно, «ядро» Казымского острога стало обитаемым в конце 1730-х гг., а уже в 1751 г. был издан указ, упразднявший все караулы в Березовском уезде, в том числе, очевидно, и в Казымском-Юильском остроге. Таким образом, маленький гарнизон березовских служилых людей (который был не более четырех человек) постоянно находился в остроге около двенадцати-тринадцати лет.

Представляет определенный интерес двойное название острога – Казымский (Юильский).

С названием «Казымский» особых затруднений не встречается. Селения или укрепления, называемые «Казымскими», должны были быть «привязаны» к источнику названия – реке Казым. В исторической литературе встречаются упоминания о селе Казымское, позднее названным Полноватским, расположенном на Оби близ устья Казыма.

Со вторым названием острога – «Юильский» – все обстоит более проблематично. Прежде всего, достоверно установлено, что между XVI и XVIII вв. восточнее Северного Урала существовали по меньшей мере два острога, носившие это название. Первый из них находился на реке Сыгве, впадающей в Северную Сосьву близ восточной части Урала. Позднее река Сыгва стала именоваться Ляпин, под этим названием она известна и сейчас. На устье этой реки, при впадении ее в Сосьву, находился Ляпинский острог, своей планировкой и архитектурой очень близкий Казымскому-Юильскому. По-видимому, они и построены были одновременно. Что касается Юильско-Сыгвинского острога, то его местонахождение остается до конца не выясненным, во всяком случае, речь идет о верховьях Сыгвы. Таким образом, принято считать, что двойное название обусловлено массовым переселением хантов в конце XVII – начале XVIII в. с Сосьвы на Казым и является простым переносом привычного названия переселенцами (Курилов В.Н., 2005, с. 19).

В настоящее время историко-культурный интерес представляют две сохранившиеся башни острога – Северная и Южная, после реставрации находящиеся в удовлетворительном состоянии. Срубы башен, близкие к квадрату в плане, имеют два яруса, внутреннюю лестницу, завершаются четырёхскатной шатровой крышей. Верхняя часть сруба, имеющая в плане большие размеры, чем нижняя, опирается на консоли, которыми служат выпуски брёвен нижней части. Со стороны южных и северных фасадов башен расположены проёмы для проезда, северный проём северной башни имеет криволинейное завершение, близкое к полуциркульному, остальные проёмы прямоугольного очертания. Со стороны западных и восточных фасадов расположены бойницы (Архив ГАУ НСО НПЦ).

В 2012 г. памятник истории регионального значения «Башни Казымского (Юильского) острога» в составе Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН включены в долгосрочную целевую программу «Формирование системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музейно-туристических комплексов в Новосибирской области на 2012–2017 годы», утвержденную постановлением Правительства Новосибирской области от 21.05.2012 г. №277-п.

Памятник крепостного деревянного зодчества может быть отнесен к числу уникальных. Уникальность его заключается, во-первых, в том, что он сохранился хотя и со значительными утратами, но без чуждых наслоений, часто искажающих до неузнаваемости памятник деревянного зодче-

ства; во-вторых, в том, что легко реконструируется благодаря частичной сохранности утраченных элементов; в-третьих, реконструированный, он становится аналогом для воссоздания памятников крепостного деревянного зодчества, сохранившихся со значительными искажениями или полностью утраченных, но зафиксированных в подробных описаниях.

Реконструкция построек русских в Сибири, относящихся к XVII–XVIII вв., позволяет открыть неизвестные страницы в истории освоения сибирских земель.

Библиографический список

Комин Г.Е. Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом: принципы и методика организации. Новосибирск: Наука, 1980. С. 121–126.

Курилов В.Н. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве / В.Н. Курилов, А.Ю. Майничева. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 96 с.

Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области / сост. А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003.

Архив ГАУ НСО НПЦ.

Л.Х. Усепян, В.М. Кимеев

Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск;

Кемеровский государственный университет,

Экомузей-заповедник «Тюльберский городок», Кемерово

СРЕДНЕВЕКОВОЕ РИТУАЛЬНОЕ ГОРОДИЩЕ ТЮЛЬБЕРОВ – АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ЭКОМУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТЮЛЬБЕРСКИЙ ГОРОДОК»

В настоящее время изучение и исследование музеев под открытым небом и экомузеев-заповедников становится более актуальной темой в связи с интересом ученых в области музееведения, этнографии, истории, архитектуры, властных структур и инвесторов к сохранению самобытности этносов и народов, проживающих и проживавших на территории Сибири. Особую ценность составляют предметы обихода и быта, сохранившиеся жилые, хозяйственные здания и сооружения, а также все остальные предметы и вещи которые могут послужить ярким наглядным примером жизни народа.

Идея создания экомузея родилась в 1997 г., когда группа исследователей из Кемеровского государственного университета во главе с этнографом В.М. Кимеевым совместно с новокузнецким археологом

Ю.В. Шириным открыли уникальный археологический памятник – средневековое ритуальное городище тюльберов.

В 1990-е гг. территория памятника была передана турбазе АО «Северные сети» под строительство дополнительных зданий, сооружений и комплексов (Кимеев В.М., 2008, с. 324). В связи с этим возникла угроза уничтожения памятника и потери сохранившийся этнографический коллекции по тюльберам (тюркоязычный народ, обитавший в Сибири задолго до появления русских). Научное сообщество на данную ситуацию мгновенно среагировало и решило предпринять все возможные меры для спасения, сохранения, реставрации, реконструкции, воссоздания уникального памятника. В 1997 г. по распоряжению администрации Кемеровского района территория самобытного городища была выведена из владений турбазы, а в 1998 г. прилегающая к городищу территория (2,7 га) была передана Кемеровскому государственному университету под учебно-научный центр этно-экологических исследований и базу для студентов во время прохождения летних практик.

Результаты археолого-этнографических и этноэкологических исследований послужили основным первоисточником для разработки в 2000–2006 гг. архитекторов В.Н. Усольцевым и томским институтом «Сибспеупроектреставрация» (В.Р. Новиков) проекта зон охраны и генплана экомузeya-заповедника «Тюльберский городок».

Распоряжением главы администрации Кемеровского района А.И. Глебова от 10.12.2002 г. за №1735-р в начале 2003 г. было создано муниципальное учреждение «Экомузeya-заповедник «Тюльберский городок»» Кемеровского района. Единая территория экомузeya-заповедника определено в 10 га, в т.ч. 2,7 га принадлежат учебному центру КемГУ, 7,3 га – находится в собственности экомузeya (Кимеев В.М., Глушкова П.В., 2010, с. 6).

5 июня 2003 г., а Международный день эколога, состоялось торжественное открытие первой экспозиции музея. С этого момента этот день отмечается как начало летнего сезона в «Тюльберском городке».

Экомузeya «Тюльберский Городок» включает в себя два комплекса: ритуальное городище тюльберов и сибирский казачий острог XVII–XVIII вв.

Средневековое ритуальное городище тюльберов – это уникальный подлинный палеоэтнографический памятник X–XII вв. н. э. Оно носило культовый характер – тюльберы не проживали постоянно в этом месте, а периодически посещали городище с целью совершения языческих ритуалов, сопровождаемых трупосожжением на костре. Он было сожжено либо врагами, либо самими тюльберами, перебравшими на другое место по реке Томи.

На протяжении XX века городище открывалось археологами несколько раз. Впервые городище было обнаружено (1910 г.) крестьянином Николаем Бурдиным из окрестного села Старочервова, сопровождавшим по кабинетским участкам землеустроителя Ринга. В результате археоло-

гических раскопок в земляном вале были обнаружены: зола, черепки, кости различных животных, сгнившие остатки деревьев. К западу от городища на прибрежной террасе им же были вскрыты два кургана и извлечены скелет человека, кости лошади и железные предметы. Все находки Рингс увез в Барнаул и на сегодняшний день местонахождение их неизвестно.

В 1940 г. городище было осмотрено вторично сотрудниками археологической экспедиции Томского музея Н.А. Чернышевым и Р.И. Корель. В третий раз городище заинтересовало в 1954 г. археолога Новокузнецкого краеведческого музея У.Э. Эрднеевым, который частично вскрыл «три селища» и рассказ Н.Ф. Бурдина о первых раскопках Рингса (на листках бумаги). Позднее городище еще дважды «открывалось» и осматривалось археологами Кемеровского краеведческого музея Г.П. Сафронюк, В.Н. Алексеевым (1958) и А.И. Мартыновым (1962), но затем временно прекратились исследовательские работы по нему. С появлением в 1923 г. деревни Городок вблизи городища территория Тюльберского городка подверглась незначительному воздействию, а с середины 1960-х гг. оказалась включенной в территорию турбазы «Кузбасс-энерго» и заросла березняком.

Весной 1997 г. ученый Ю.В. Ширин обнаружил в архиве Новокузнецкого краеведческого музея рукописный отчет У.Э. Эрднева об исследовании городища Городок и предложил проверить сохранность памятника. 6 мая 1997 г. этнографом В.М. Кимеев организовал экспедицию в составе трех человек и в результате ученые составили глазомерный план городища. При дальнейших археологических исследованиях в толще земляного вала были обнаружены столбы деревянного заплота, подпирающего с внутренней стороны земляную стену городища, и воротный проем. В спекшейся от пожара почве вала отпечатался весь строительные отходы – сосновые ветки, хвоя и шишки. При раскопках одного из пяти ступов – реданов нашлись груды круглых камней с величиной кулак, предназначенный для отражения противника.

На внутренней площадке городища среди стволов берез хорошо прослеживались небольшие поквартальные возвышения – следы жилищ. При раскопках были найдены костяные наконечники стрел, каменные грузики от веретена, кости животных, железные шлаки, обломки глиняной посуды с орнаментом. Жилище, как и крепостные стены, исчезло от пожара, оно имело форму квадратной усеченной пирамиды из наклонно поставленных полубревен. Низ стены представлял собой земляную завалинку. В центре жилища был устроен открытый очаг – обмазанная глиной квадратная площадка. С одной стороны от входа в жилище оказалась хозяйственная яма для кухонного мусора и золы из очага. Вокруг жилища встречались скопления железного шлака, обломки железоплавильной печи и несколько открытых очагов. Рядом с очагами найдено не менее 10 глиняных тиглей, которые использовались

для плавки бронзы и серебра. Все эти находки говорили о том, что исследованную постройку, скорее всего можно отнести к мастерской, где работали плавильщики, кузнецы-оружейники и ювелиры.

Среди кухонных отходов попадаются в основном кости лошади, а из редких диких животных – только кости косули и бобра. Бедность культурного слоя свидетельствует о кратковременном периоде функционирования городища. Даже ров обитатели городища успели почистить всего 1 раз, а он из-за песчаного грунта должен был запылять достаточно быстро. В орнаментации керамики наблюдаются традиции народов степной части Кузнецкой котловины и Северного Алтая. Характер укреплений городища аналогичен ряду укреплений Верхней Оби и Новосибирского Приобья (Кимеев В.М., Глушкова П.В., 2010, с. 19).

При дальнейшей археологической разведке в окрестностях городища на обрывистом берегу вверх по Томи близ устья небольшой речки Порываевки были обнаружены 18 вытянутых в цепочку курганов XI–XII вв. Хотя об их существовании было известно с 1954 г., но детального обследования не проводилось: и по существу они были открыты заново. При вскрытии 3-х из 18 курганов диаметром 5–6 метров были найдены пепел, специальные железные миниатюрные копии реальных предметов: топоры, наконечники стрел, кресала, бусы. Планируются дальнейшие раскопки остальных, более крупных курганов с целью их музеефикации и включения их вместе с окрестными памятниками природы в зоны охраны проектируемого этноэкологического музея «Тюльберский городок».

В 1998 г. была начата работы по реконструкции городища. Причем на первых этапах восстановления городища производилось, в основном, усилиями студентов исторического факультета КемГУ. При музеефикации археологического памятника – ритуального городища был предложен и реализован «реконструктивный» метод с внесением элементов реконструкций на отдельных раскопанных и подвергшихся изучению участках. В результате реконструированы часть бревенчато-земляного оборонительного вала с воротами, смотровыми площадками и мостовой перемышкой через ров, каркасная юрта древних металлургов с ритуальной плавильной печью внутри. Затем постепенно воссозданы навес с плавильными печами, ящики с рудой и древесным углем, чум шамана. В центре городища по результатам раскопок и описаниям этнографов реконструировано святилище с жертвенником – тайелга, округлая земляная площадка со столбом в центре, на которой опирается длинная жердь со шкуркой жертвенного барана. Голова барана ориентирована на заход Солнца, т.е. на входные ворота в городище с запада, – это показывает, что жертва предназначалась Богу подземного мира – Эрлику.

Снаружи оборонительного вала городища частично сохранились 2 конных спуска по склону оврагов к реке Томи. В 50 метрах к западу от городища при раскопках обнаружены основания нескольких жилищ

с очагами эпохи раннего железа и остатки керамической мастерской, которые также подлежат частичной реконструкции (Кимеев В.М., 2006, с. 46).

Пространственное моделирование изначальной структуры позволили включить объекты в экспозиционную структуру музея, в которой они представлены как часть природно-физического феномена изменой историко-культурной среды, что создает уникальную визуально-пространственную модель на базе экспонируемого памятника. Остальная часть городища представлена в «натуральной консервации» – для сохранения первоначального облика памятника. На одном из раскопанных участков с жилищем допустимо сооружение временных защитных зданий и сооружений в виде навесов. Такой «открытый» показ позволит представить городище как часть рекреационной системы историко-ландшафтного комплекса экомuzeя.

На территории городища регулярно проводятся праздничные мероприятия, представляющие собой реконструкцию древних обрядов. На одном из подобных мероприятий был установлен ритуальный телеутский жертвенник сомдор, посредством которого шаман приносит жертву богам.

Экомuzeй «Тюльберский городок» ведет активную работу по трем направлениям: фондохранительная и научно-исследовательская деятельность, реставрационно-экспозиционная работа и культурно-образовательная, издательская деятельность. А выставочная и экскурсионная деятельность позволяет посетителям полностью погрузиться в атмосферу прошлого, а также принять участие в театрализованных экскурсиях и примерить национальные костюмы. Все это позволяет популяризовать культурное, археологическое, этнографическое наследие среди местных жителей и гостей города, а также иностранных граждан из Франции, Бельгии, Англии, Горной Шории и Монголии.

Таким образом, деятельность музея-заповедника «Тюльберский городок» на современном этапе направлена на реставрацию, реконструкцию археологического памятника – средневекового городища тюльберов, на пополнение данной музейной экспозиции редкими экспонатами, а также воссоздание культуры, искусства, истории, самобытности исчезнувшего древнего народа тюльберы и о жизни русских в Сибири.

Библиографический список

Кемеровский государственный университет. Экомuzeй-заповедник Кемеровского района «Тюльберский городок». ИПП «Кузбасс», 2010. 12 с.

Кимеев В.М., Глушкова П.В. Древние дороги тюльберов. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2010. 64 с.: ил.

Кимеев В. М. Проблемы создания экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» // Проблемы развития этнографических музеев под открытым небом в современных условиях: материалы научно-практической конференции. Иркутск, 2006. №6. С. 27–35.

Кимеев В.М. Экомuzeи-заповедники как национально-культурные, учебно-научные и природно-рекреационные центры Притомья // Экологические проблемы развития музеев-заповедников: материалы десятой Всероссийской научной конференции. М.: Институт Наследия, 2006. №12. С. 43–49.

Кимеев В.М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции. Кемерово: КемГУ; Томск: Изд-во ТомГПУ, 2008. 452 с., ил.

Кимеев В.М. Этнокультурное наследие аборигенов Кузбасса в экспозициях национальных экомuzeев // Анохинские чтения. Материалы пятой научной конференции, посвященной 90-летию НМРА (30–31 октября 2008 г.) Горно-Алтайск, 2008. С. 108–111.

С.В. Поздин

*Муниципальное казённое учреждение культуры
«Топчихинский районный краеведческий музей», с. Топчиха*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ ЧИСТЮНЬСКОГО ЛАГЕРЯ НКВД В РАЗВИТИЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО МАРШРУТА «БОЛЬШОЕ ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО АЛТАЯ»

В декабре 2010 г. в крае была утверждена долгосрочная программа «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2011–2016 годы (официальный сайт Управления Алтайского края по развитию туристско-рекреационного и санаторно-курортного комплексов alttur22.ru). Программой определены приоритетные направления в этой важной и перспективной для экономики региона сфере. Как сказано в презентации начальника управления Алтайского края по развитию туристско-рекреационного и санаторно-курортного комплексов Юрия Владимировича Захарова, одним из пилотных проектов в рамках реализации данной программы стало создание брендового туристского маршрута «Малое Золотое кольцо Алтая», протянувшегося на 1387 километров, и охватывающего четыре города и 19 районов края (Официальная страница пресслужбы Администрации Алтайского края http://altairegion22.ru/region_news/171689.html). Несмотря на свою протяжённость у данного проекта превосходные перспективы. О большом внимании и заинтересованности Администрации края и лично губернатора края А.Б. Карлина в успехе проекта свидетельствует личная презентация проекта губернатором края в 2011 г., а так же присвоение проекту статуса межрегионального и трансграничного. По предложению губернатора края была создана группа для доработки концепции маршрута. Обращаясь к главам муниципалитетов, представителям турбизнеса и потенциальным инвесторам губернатор предложил ещё раз проанализировать туристический потенциал включённых в маршрут территорий и подать предложения в рабочую группу. Всё это ещё раз показывает, что туристический

маршрут «Большое Золотое кольцо Алтая, не миф, и не рекламная компания, а серьёзный долговременный, перспективный инвестиционный проект, позволяющий включить в сферу туристического бизнеса 1/3 часть территории региона, со всеми вытекающими отсюда положительными эффектами. Это и ремонт существующих, а так же строительство новых автодорог и иных элементов инфраструктуры в самых отдалённых уголках края, создание дополнительных рабочих мест, приток инвестиционного капитала в районы края, и многое другое.

Маршрут Большого Золотого кольца Алтая включает в себя следующие десять пунктов:

- Приобский бор;
- город Барнаул;
- город Алейск;
- город Змеиногорск;
- Горный Чарыш;
- с. Солонешное;
- с. Алтайское;
- Бирюзовая Катунь;
- с. Сrostки;
- город Бийск (Сайт *Маршрут 22. РФ*, вся информация о маршруте).

В связи с большой протяжённостью и различными стартовыми позициями отдельных участков маршрута запустить его быстро и одновременно не реально, по этому, в настоящее время идёт постепенное освоение отдельных сегментов кольца. В горных районах и предгорьях этот процесс идёт несколько быстрее, за счёт более активного привлечения бизнеса, степные районы пока отстают, но и в них идет работа по освоению маршрута. Правда, с несколько большим привлечением средств муниципалитетов и краевого бюджета. Объектом создаваемым в рамках маршрута, при активном финансировании края, является мемориальный музей Михаила Тимофеевича Калашникова в Курье (Официальный сайт Администрации Алтайского края страничка об организации мемориального музея в с. Курья altregion22.ru>region_news.....muzeya.....Kalashnikova).

Некоторые участки Большого Золотого кольца, особенно степной части маршрута, требуют новых, смелых креативных проектов и предложений. К примеру, если мы рассмотрим участок маршрута г. Барнаул – г. Алейск – с. Поспелиха – с. Курья, то сразу увидим его слабое место. Вот его представление в презентации Юрия Захарова:

«Направляясь по маршруту из Барнаула, на туристов производит неизгладимое впечатление смена удивительных пейзажей от необъятных степей в районе Алейска до предгорий Алтая в районе Курьи.

Алейск является своеобразным географическим центром Алтайского края, в краеведческом музее которого собраны уникальные экспонаты. Город расположен на берегу Алея – самой протяженной реки нашего края.

Село Курья основано в 1749 году. Здесь родился известный во всем мире конструктор стрелкового оружия – Михаил Тимофеевич Калашников».

Маршрут, начинаясь в Барнауле, идёт 4 часа по однообразной окульгуренной степи, среди гречишных и пшеничных полей, где даже чрезвычайно редко встречаются просто участки дикой природы. Автотрасса значительно удалена от Барнаульского бора и от реки Обь. Даже большая часть населённых пунктов по пути маршрута, такие как Калистратиха, Калманка, Кубанка, Чистюнька, Колпаково и т.д., находятся в удалении от трассы. Таким образом, даже по хорошей дороге, при хорошей погоде и при высококлассном гиде данный участок остаётся чрезвычайно утомительным. От Алейска до самой Курьи, пейзаж мало изменяется и это ещё более 4 часов изматывающего пути. Что бы сделать этот участок привлекательным и не утомительным для туриста,двигающегося к красотам Горного Чарыша, Колывани и Змеиногорска, в Курье реализуется проект создания мемориального музея М.Т. Калашникова. Уже в 2010 г. были заложены средства на разработку проектно-сметной документации. В дальнейшем планируется при поддержке краевого бюджета реконструировать здание бывшей школы, в которой учился наш знаменитый земляк. До этого в Курье был небольшой районный, муниципальный краеведческий музей, сотрудникам которого предстоит длительная, кропотливая, трудная и ответственная работа по поиску и сбору вещевого, и иного музейного материала, оформлению экспозиций мемориального музея, и формированию его фондов. Таким образом, на данном участке маршрута появится достойный, современный и качественный, с точки зрения туриста, пункт обзора.

Чтобы сделать данный участок привлекательным для туриста, и удобным для туроператоров необходимы ещё несколько современно оснащённых пунктов обзора на участке маршрута от Барнаула до Курьи.

Определённой перспективой в этом плане обладает участок расположения Чистюньского отдельного лагерного пункта Сиблага НКВД.

В посёлке Кировский Топчихинского района, расположенном в 20 километрах от автотрассы на Алейск, сохранились элементы комплекса Чистюньского ИТЛ НКВД, бывшего Чистюньского ОЛП Сиблага.

Чистюньский отдельный лагерный пункт на территории Алтайского края был создан в 1932 г. Он имел сельскохозяйственную специализацию и являлся одним из самых крупных лагерных пунктов Сибирского лагеря (Сиблага). Располагался он на площади более 29000 гектар и включал в себя 8 лагерных отделений. В 1942 г. ОЛП был выведен из состава Сиблага в самостоятельное лагерное отделение, на базе которого, в 1946 г., был развёрнут уникальный по своей циничности Чистюньский оздоровительный лагерь. Своего рода «курорт» для врагов народа. В лагерь направлялись для оздоровления заключенные, потерявшие трудоспособность на тяжёлых, каторжных работах ГУЛАГа.

После оздоровления по решению специальной медицинской комиссии они этапами отправлялись на новые стройки социализма. Чистюньский ИТЛ являлся самым большим и самым «живучим» островком ГУЛАГа на территории края. Он был расформирован после смерти И. Сталина весной 1953 г. Последний заключённый покинул территорию лагеря 27 апреля 1953 г. Режим лагеря с 1932 по 1946 г. был исключительно жёсткий. В 1937–1938 гг. в нем производились расстрелы заключенных, повторно осуждённых по политическим статьям и сфабрикованным обвинениям. На данный момент установлены имена более шестидесяти расстрелянных в лагере политических заключённых, один из которых Протоиерей Мирон Ржепик был канонизирован Русской Православной церковью и причислен к Священномученикам. Из наиболее известных заключенных лагеря в данный период известен лишь Священномученик Архиепископ Рязанской и Кашинский Ювиналий Масловский, который отбывал срок заключения на 4 отделении Чистюньского ОЛП. Среди известных сидельцев Чистюньского оздоровительного лагеря в период 1946–1953 гг. можно назвать многих: известного литературного критика Вальбе Бориса Соломоновича, популярную как в СССР так и в Израиле писательницу Руфь Зернову, художника Акимовского театра Ленинграда Виктора Алексеевича Глебова, артиста Смоленского драматического театра Гумберто Олега Владимировича, народного артиста Белорусской ССР Зенина, московскую актрису Полякову и певицу из Киева Рейкис, профессора живописи Константинова и исполнительницу русских народных песен Лидию Русланову а так же многих других замечательных людей.

На территории современного посёлка Кировский располагался центральный лагерный пункт, Комендантск, как называли его заключённые. Именно в нем в период массовых репрессий 1937–1938 гг. расстреливали заключённых. Именно здесь в период 1940-х – 1950-х гг. хоронили заключённых, умерших в лагерьной больнице.

В настоящее время на территории посёлка сохранилось и продолжает использоваться капитальное, двухэтажное деревянное здание штаба Чистюньского лагеря 1949–1952 гг. постройки, не подвергавшееся ранее перестройке и перепланировке (рис. 1). Сейчас в нём располагается администрация сельского поселения, и участковая больница. Кроме того сохранилась улица с деревянными двухквартирными домами, где проживало руководство лагеря, а так же магазин обслуживавший сотрудников лагеря и их родственников. В процессе исследований было обнаружено лагерное кладбище 1940-х – 1950-х гг. В настоящее время, сотрудниками Топчихинского районного краеведческого музея, и краеведами района ведётся поиск места захоронения Священномученика Мирона Ржепика. Составлен точный план Комендантска, собран уникальный фотодокументальный материал, и воспоминания бывших

заклученных, а так же служащих лагеря, обнаружено нахождение части мебели, принадлежавшей руководству лагеря (часть мебели из кабинета начальника 4-го лагпункта, и часы из кабинета начальника Чистюньского лагеря). Имеются иконы Священномучеников Мирона Ржепика и Ювиналия Масловского.

Рис. 1. Здание штаба Чистюньского оздоровительного ИТЛ ГУЛАГа в п. Кировский Топчихинский район Алтайский край. Здание построено в период 1949–1952 гг.

Таким образом, мы имеем возможность использовать, при проведении капитального ремонта и частичной реконструкции, здание бывшего штаба Чистюньского лагеря для организации музея политических репрессий в Алтайском крае. Прилегающую к зданию площадь, с которой ранее начинался лагпункт №1, возможно использовать для создания на ней мемориала памяти жертв политических репрессий на Алтае, и строительства часовни священномучеников Ювиналия, Мирона и Киприана (заклученный Чуйского отделения Сиблага Священномученик Иерома-нах Киприан Нелидов был убит при строительстве Чуйского тракта).

С созданием данного мемориального комплекса мы получаем ту самую, необходимую, недостающую площадку обзора для туристов на столь проблемном, и сложном участке Большого Золотого кольца Алтая.

Опыт создания мемориальных комплексов памяти жертв политических репрессий, и их использования в туристической и культурно-просветительской деятельности накоплен во многих регионах России, в том числе и в Западной Сибири.

Так, наверное, самый первый мемориальный комплекс данной тематики был создан в 1996 г. в Пермской области. Тогда были отреставрированы здания закрывшейся в 1987 г. колонии ВС-389/36, бывшего

лагеря для политзаключённых «Пермь-36». На месте некогда политического лагеря открылся музейный комплекс, вошедший в себя и музей, и культурно-просветительный центр общества «Мемориал» (рис. 2).

Рис. 2. Здание реставрированного лагерного штрафного барака 1946 г. постройки. Часть музейного комплекса «Пермь – 36» Пермская область

14 августа 2009 г. в столице Сиблага, городе Мариинске Кемеровской области, открылся мемориал памяти жертв Сиблага. Как составная часть мемориального комплекса «Эхо Сиблага» была открыта и освящена часовня Великомученицы Анастасии Узорешительницы – небесной покровительницы всех несправедливо осужденных, утешительницы заключённых. Мемориальный комплекс «Эхо Сиблага» создавался по инициативе кемеровского отделения общества «Мемориал», и сотрудников музея заповедника «Мариинск исторический», при основном финансировании областного и местных бюджетов, а так же горячей поддержке местного духовенства Русской Православной церкви и меценатов.

Мемориал сооружён на выезде из города, в сторону Кемерово, на месте, где вообще не сохранилось каких либо построек и сооружений, принадлежавших лагерю. Мемориал является комплексом архитектурно-художественных композиций, несущих большую эмоционально-смысловую нагрузку. Он включает в себя участок узкоколейки, символизирующий тяжёлый труд заключённых и их бесконечные этапы, символический барак для заключённых с надписями адресов на стенах, расстрельную стену (имитация) со следами пуль, музейную комнату, и часовню святой Великомученицы Анастасии, расположенную на центральной алее. В ней можно поставить поминальную свечу, и помолиться о душах невинно убиенных (рис. 3). Все сооружения и памятники мемориала являются объектами, созданными творческой архитектурной группой авторов ме-

мемориала. Расположенный у трассы на Кемерово мемориал «Эхо Сиблага» посещаем как отдельными туристами, так и туристическими группами. Отзывы на сайте музея заповедника «Мариинск исторический» позволяют судить о том, что мемориал как культурно исторический объект имеет многочисленные, и положительные отклики.

Рис. 3. Мемориал памяти жертв Сибирского лагеря НКВД «Эхо Сиблага». Город Мариинск Кемеровская область

Мы же имея реально сохранившиеся объекты Чистюньского лагеря, богатый фотодокументальный материал и опыт соседних регионов имеем возможность создать достойный памяти погибших, и так необходимый на туристическом маршруте мемориальный комплекс «Острова ГУЛАГа на Алтае» в п. Кировский Топчихинского района.

Т.В. Ольгова

*Управление культуры, спорта, туризма и молодежной политики
администрации Сузунского района, Барнаул*

**О КОНЦЕПЦИИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ
МУЗЕЙНО-ТУРИСТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
«ЗАВОД-СУЗУН. МОНЕТНЫЙ ДВОР»**

Сузунский район обладает мощным историко-культурным потенциалом, который необходимо использовать для развития духовности, культуры и нравственного здоровья населения района и Новосибирской области.

Создание музейно-туристического комплекса на базе МУК «Сузунский краеведческий музей» и обустройство вокруг МТК туристической инфраструктуры – это наиболее эффективный способ сохранения этого потенциала. Администрация Сузунского района убеждена, что локальный музейно-туристический проект, сформированный на базе исторических и природных преимуществ территории, может стать точкой модернизации инфраструктуры сельского района.

Совет при Губернаторе Новосибирской области по сохранению историко-культурного наследия одобрил концепцию создания в Сузунском районе «Завод-Сузун и монетный двор». Таким образом, Правительство Новосибирской области поддержало муниципальную целевую программу, которая предусматривает создание в Сузуне полноценного музейного объекта, обеспеченного необходимой туристической инфраструктурой.

Почему МТК?

Сохранение памятников истории и архитектуры только на основе создания охранных зон и музейной консервации без учета функциональной и экономической сторон возможно по отношению лишь к отдельным уникальным объектам. В целом же проблема сохранения памятников, которыми богат Сузунский район, должна решаться комплексно.

В создаваемом музейно-туристическом комплексе «Завод-Сузун. Монетный двор» органично соединятся:

- промышленно-исторический музей;
- археологический парк под открытым небом;
- музей-усадьба управляющего Монетным двором и заводом;
- центр исторической информации;
- рекреационно-парковая зона на площади более 30 гектар на берегах верхнего и нижнего заводских прудов.

Это создает предпосылки для разработки единственного в своем роде внутреннего туристского продукта на территории Новосибирской области.

Сузунский монетный двор уникален тем, что здесь на протяжении века работал, по сути, второй эмиссионный центр российской империи, чеканилась из золотистой меди особливая сибирская монета, которая имела обращение 15 лет на территории Сибири (случай исключительный для единого государства) и использовалась для торговли со Средней Азией, Китаем и Персией. А с 1781 по 1847 г. чеканилась монета общероссийского образца.

Оптимальной функцией сохранения исторической среды Завод-Сузун и монетного двора может стать туризм. Мы планируем развивать не только историко-познавательный туризм, но и культурно-событийный, рекреационный, экологический, аграрный, что позволит обеспечить приток инвестиций в организацию музейно-туристического комплекса

и развитие туристической инфраструктуры. Это не просто вопрос капиталовложений и получения прибыли, но, прежде всего, социальная задача.

Наша цель – создать крупный российского уровня музейно-туристический комплекс «Завод-Сузун. Монетный двор», способный обеспечить:

- сохранение историко-культурного наследия Сузунского района;
- изменить структуру туристических потоков юга Западной Сибири;
- стать известным историко-культурным брендом Новосибирской области;

– улучшить социально-экономическое положение Сузунского района.

Каковы ожидаемые результаты программы:

1. Воссоздание средствами нового строительства 10 объектов музейного показа (экспозиции горнорудного производства и исторические), памятника сибирской монете и других малых архитектурных форм.

2. Создание условий для дополнительного привлечения до 50 тысяч туристов за счет развития круглогодичных объектов показа и связанных с ними культурно-досуговых мероприятий.

3. Создание предприятий малого бизнеса, входящих в инфраструктуру туризма, имеющих значительный потенциал для трудоустройства местных жителей.

4. Реализация новой пространственной стратегии Новосибирской области, основанной на создании в районах области новых туристско-рекреационных центров.

5. Привлечение дополнительных инвестиций в сферу культуры и туризма.

При разработке проектных решений по пространственно-планировочной организации территории МТК «Завод-Сузун. Монетный двор» особое внимание уделили 2 направлениям:

– сохранение и использование основного ресурса – объектов уникального историко-культурного наследия;

– развитие туристической инфраструктуры.

Мы планируем, что инфраструктура МТК «Завод-Сузун. Монетный двор» будет включать в себя 4 составляющих:

I. Объекты музейного показа.

II. Объекты туристического показа.

III. Информационная инфраструктура.

IV. Туристическая инфраструктура.

Что планируется создать в МТК?

1. Восстановить здание толчельни и приспособить его для размещения в нем промышленно-исторического музея, посвященного истории медеплавильного завода.

2. Построить здание центра исторической информации, в котором разместятся краеведческий музей и отдел архива администрации района.

3. Создать на территории монетного двора музей Сибирской монеты и археологический парк под открытым небом.

4. Создать музей-усадебу управляющего заводом.

5. Реализовать планы реконструкции, благоустройства и озеленения набережных рек Нижний Сузун, Пивоварка, входящих в зону охран.

6. Сохранить и реставрировать памятники истории и культуры.

7. Создать комплекс информационно-познавательных стендов.

8. Построить памятник сибирской монете и другие малые архитектурные формы.

9. Реализовать план строительства торговых точек и предприятий индустрии развлечений, объектов размещения и обслуживания туристов и других туристских объектов с помощью и силами инвесторов и представителей бизнеса.

Сегодня строительство и реконструкция объектов МТК реализуется через ряд целевых программ:

– по федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта» строится плавательный бассейн и спорткомплекс;

– в ОЦП «Формирование системы исторических территорий, достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музейно-туристических комплексов в Новосибирской области на 2012–2017 годы» предусмотрены средства на реконструкцию здания толчельни и строительство ЦИИ;

– ОЦП «Развитие культуры Новосибирской области» предусматривает целевое приобретение оборудования для МТК;

– в ОЦП развитие туризма в Новосибирской области предусматриваются на развитие придорожного сервиса и инфраструктуры туризма.

Как и чем привлечь инвесторов для дальнейшего развития туристической базы района?

Мы сформировали списки объектов, необходимых для обслуживания туристов, которые предстоит построить. Здесь и автостоянки, и торгово-развлекательные комплексы и гостиничные коттеджи, и Дом рыбака. Этот список и есть тот «магнит», который должен «притянуть» в район инвесторов. Только с их помощью можно построить все эти модели, автостоянки, торгово-выставочные объекты, зоны отдыха.

Но при этом у потенциального инвестора должны быть и полная информация об этом объекте, и подготовленный пакет документов в виде кадастрового номера, технических параметров, наличия или отсутствия инфраструктуры. Поэтому в течение 2011 г. планируем сформировать хотя бы первые 30 объектов с полностью подготовленной документацией – это будет хороший знак для инвесторов.

Е.Г. Вертман

Русское географическое общество, Томское отделение, Томск

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ СИБИРИ

Русское географическое общество было учреждено в 1845 г. высочайшим рескриптом императора Всероссийского, царя Польского и Великого князя Финляндского Николая I. Его Высочество стал и первым попечителем РГО. Первым председателем РГО (1845–1892) был избран его брат Константин Николаевич, великий князь, генерал-адмирал.

В 1848 году РГО разработало анкету, распространенную по всем губерниям России. Ответы на эту анкету легли в основу уникального Архива Общества, содержащего наиболее полную информацию о быте и культуре народов Российской империи. Несколько позднее научный архив и библиотека РГО начали пополняться личными фондами членов Общества, а также материалами экспедиционной деятельности Общества. Уникальным собранием документов являются личные фонды великих русских путешественников и ученых: Н.Н. Миклухо-Маклая, Г.Л. Седова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, П.П. Семёнова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, В.А. Обручева и многих других.

Наряду с издательской, просветительской деятельностью и учреждением наград за научные достижения главной задачей Русского географического общества всегда была организация практических полевых исследований, экспедиций в разные части России и мира. Экспедиции Русского географического общества сыграли большую роль в изучении и освоении Сибири.

В 2009 г. началось возрождение Русского географического общества как Всероссийской общественной организации с назначения его президентом главы МЧС России Сергея Кужугетовича Шойгу и предложения возглавить Попечительский Совет РГО Председателю Правительства России. Таким образом, Русскому географическому обществу вернули государственную значимость и должное внимание государства и народа.

На XIV съезде РГО в декабре 2010 г. было провозглашено: «Ключевой целью Русского географического общества является консолидация сил и стремлений российского общества в деле изучения и популяризации национальной географии для реализации потенциала страны и её граждан». В своём выступлении председатель Попечительского совета Русского географического общества Владимир Владимирович Путин так сказал о задачах Общества и о его миссии: «Прежде всего, говорю о возрождении содержательной миссии РГО, его практической деятельности, главной целью которой учредители Общества определили “воздвигание географии России”, как тогда красиво выражались, причём

географии в самом широком смысле, включающем культуру, традиции, историю, живую природу».

Особое значение эти слова имеют для Сибири и её севера. Эта колоссальная территория изучена очень слабо по причине труднодоступности, сурового климата, недостатка внимания и выделяемых государством средств. Но главное, что нет понимания того, о чём завещал помнить наш величайший мыслитель Михайло Васильевич Ломоносов: «могущество российское прирастать будет Сибирью». Ведь это было сказано не о природных ресурсах, не о нефти и газе, а о древних сибирских традициях – источнике несгибаемого русского духа. Открытия археологов последних лет на Ямале, Таймыре, в Нижнем и Среднем Приобье не вписываются в штампы прежней истории Сибири Г.Ф. Миллера, «как земли неисторической».

В настоящее время беспрецедентно дикого разграбления природных ресурсов Сибири происходит скоростное уничтожение её памятников природы и истории. Труднодоступные места для исследователей, археологов, этнографов, экологов оказываются легкодоступными для нефтяников, газовиков и лесорубов. Необходимость выбирать и расчищать удобные для жилья и работы места под рабочие посёлки, нефтегазоперекачивающие станции, под лесоразделочные площадки и т.п. приводит к тому, что этими местами оказываются древние городища, святилища, уникальные природные памятники. В силу неизученности этих мест, в силу невежества новых «покорителей» Сибири легко попираются все законы и, в том числе, законы об особо охраняемых территориях, которые здесь почти отсутствуют.

Известно, что в настоящее время на территории Сибири под государственные заповедники отведено менее 1%, хотя в государственных документах последнего времени утверждается, что к 2005 г. охраняемые территории должны занимать, в среднем, 3% всей площади России. Для таких труднодоступных и малонаселённых территорий, как Сибирь, эта величина может быть пятикратно увеличена по сравнению со средней, то есть до 15%. Следовательно, в Сибири необходимо десятикратно увеличить число заповедных охраняемых площадей. Однако работы по созданию новых заповедников здесь ведутся настолько слабо, что за 25 лет создано... ни одного! В тоже время, территория Западной и Восточной Сибири уже распределена между организациями и включена в план лицензирования и проведение геологоразведочных работ на нефть и газ. А вот эти работы уже активно ведутся практически без археологическо-этнографического освидетельствования территории.

Хроническое отсутствие средств на научно-поисковые экспедиции привели к деградации, а затем и к дезориентации наших академических и вузовских археолого-этнографических школ. Исследуются места тёплые и доступные, куда мигрировали народы со времён великих ка-

тактизм, а северные истоки цивилизации остаются неизведанными. А не зная прошлого не поймёшь будущего. На наш взгляд, в разрешении вышеизложенных проблем может помочь правильно сориентированное движение энтузиастов-путешественников – членов Русского географического общества на основе научно-разработанных комплексных проектов и программ. Для чего нужен быстрорастущий поток познавательного и экстремального туризма преобразовать в научный туризм, используя различные формы финансирования по специально научно разработанным проектам. Насколько это эффективно может работать демонстрирует пример Комиссии научного туризма Русского географического общества (Голубев С.В., С-Петербург, www.knt.org.ru), которая приглашает в ежегодные планируемые научно-поисковые экспедиции добровольцев, причём на полном самофинансировании (www.knt.org.ru). Другой вариант – на федеральные деньги гранта 2011–2012 года РГО приглашает студентов принять участие в организации и проведении конкурса по отбору волонтеров второго сезона археолого-географической экспедиции «Кызыл–Курагино» (Республика Тува, лагерь «Долина царей»). Томское отделение РГО имеет уникальный опыт работы: на реках Тым и Васюган с 2005 года работает самодеятельная постоянно действующая краеведческая экспедиция «Сибирь – моя Родина», проживающая постоянно на севере Томской области в специально собственноручно построенном посёлке на р. Васюган (Сидоров Г.А. и др., 2011, с. 168).

Реализация призыва В.В. Путина к созданию Попечительских Советов региональных РГО позволит привлечь дополнительные средства спонсоров и Администраций регионов для решения выше поставленных проблем. Профессионалам археологам, историкам, экологам через Русское географическое общество открывается дорога для реализации самых смелых проектов, но, конечно, при наличии определённого количества личного энтузиазма.

Комплексное обследование территории научно-поисковыми экспедициями РГО позволит дать соответствующие рекомендации для создания новых особо охраняемых территорий в соответствии с Федеральным законом от 14.03.1995 №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, №12, ст. 1024). Изменения и дополнения, в предлагаемой мной новой его редакции уточняют терминологию, усиливая действие закона: «Особо охраняемые природные территории – участки земли и недр, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны».

Библиографический список

Археолого-географическая экспедиция «Кызыл-Курагино» / <http://www.rgo.ru/2011/11/dlya-zhelayushhix-uchastvovat-v-provedenii-nashix-proektov/>.

Сидоров Г.А., Вертман Е.Г., Красников Е.А. Краеведческая экспедиция «Сибирь – моя Родина»-2011 // Возможности развития туризма Сибирского региона и сопредельных территорий: сб. науч. ст. по результатам XI межрег. науч.-практ. конф. 31.10.– 01.11.2011г. Томск, 2011. С. 168–170.

Голубев С.В., Кочеганова С.Ю., Матусов Ю.А. Развитие туризма и точные науки / www.knt.org.ru.

Федеральный закон от 14.03.1995 №33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, №12, ст. 1024).

Ж. Буржуа, В. Гейле, А.В. Эбель

Университет г. Гента (Бельгия);

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ АЛТАЙСКО-БЕЛЬГИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

Горный Алтай известен в мире, как одно из мест с красивейшей природой и богатейшим историческим прошлым, являясь по сути перекрестком на пути миграции многих народов с глубокой древности, и в связи с этим обстоятельством на его территории огромное количество памятников различных культурно-хронологических общностей начиная с нижнего палеолита. Исследование этого богатейшего материала позволит ответить на многие вопросы древней и средневековой истории не только народов проживающих ныне на юге Сибири в Центральной и Средней Азии, и находящихся далеко за их пределами. Именно поэтому Горный Алтай привлекает исследователей со всего мира, не стали исключением и наши бельгийские коллеги.

Сотрудничество университетов Гента и Горно-Алтайска по изучению памятников археологии на территории Республики Алтай ведёт свою историю с 1995 г., когда Гентский университет присоединился к бельгийско-российской команде, по раскопкам в Кызыле (в Усть-Коксинском районе). А в экспедициях 1996–1997 гг. в долинах рек Каланегир и Себистей, где были проведены комплексные геофизические и археологические исследования наши две команды составили основной костяк команды.

В 1999–2000 гг. финансирование Фламандского Министерства просвещения позволило нам осмотреть и приступить к инвентаризации археологических памятников в Уймонской степи и Майминском районе.

С 2003 г. по инициативе отдела археологии Гентского университета были начаты исследования с использованием спутниковых снимков (спутника КОРОНА). Для картографии и локализации археологических объектов. В первый год в западной части Чуйской степи (в Кош-Агачском районе) в долинах рек Себистей, Озёк, Ирбисту и Елангаш. Были картографированы и описаны 136 памятников включающие 751 объект.

В 2004 г. работы по инвентаризации и картографированию памятников были продолжены в долине Юстыд на востоке Чуйской степи. На территории приблизительно 8х3 км было зафиксировано более чем 2300 археологических объекта самого широкого культурно-хронологического диапазона.

В 2004 г. эти работы были представлены представителям ЮНЕСКО и послам Россия и Казахстан во Франции. Что привело к поддержке руководством Комитета по делам культуры ЮНЕСКО совместного гранта, кафедры археологии Горно-Алтайского государственного университета с отделом археологии университета г. Гента, в Российском фонде фундаментальных исследований и Фламандском доверительном фонде. Этот проект предусматривал выявление и разработку технологий по сохранению так называемых мерзлотных погребений скифской эпохи, расположенных в Алтайских горах на территории России, Казахстана, Монголии и Китая. Эти древние погребения, содержат выдающиеся реликвии и артефакты некогда процветающей пазырыкской культуры, которая влияла на многие другие культуры в регионе и имела контакты с соседними цивилизациями Китая, Индии, Ирана, Месопотамии и Греции. Уникальная мерзлота погребений создала условия для сохранения всех органических материалов, включая мумифицированное тело покойного, жертвенных лошадей, а также предметов снаряжения и быта из кожи войлока и тканей. Однако их сохранности в настоящее время угрожает несколько факторов как природного так антропогенного характера, включая недостаточность наших знаний о количестве и местоположении таких погребений, а также о влиянии глобального потепления на сохранность в них мерзлоты, которая гарантировала их сохранение за тысячелетия. Более полную информация о реализации и итогах данного проекта содержится в целом ряде публикаций, как в России так и за её пределами (Bourgeois L., Cammaert Cl., Massart J.H. and et., 2000, pp. 128–145; Gheyle W. & Trommelmans R., 2002, pp. 257; Bourgeois J., Bourgeois I., 2006, pp. 17–24; Bourgeois J., De Wulf A., Goossens R. & Gheyle W., 2007, pp. 458–474).

На первом этапе реализации этого проекта создавалась база данных и картографирование археологических памятников на территории Российского и Казахстанского Алтая.

В полевой сезон 2005 года работы проводились в долине реки Джазатор (Кош-Агачский район Республики Алтай). В период с июля до

августа междисциплинарная команда из Бельгии и России зарегистрировала 1 687 различных археологических объектов, расположенных на площади в 284 кв.км.

Используя методологию, которая была отработана в период реализации предыдущих проектов, была сделана детальная топографическая карта всей области исследования. Кроме того, используя геоморфологические и геологические методы, определялись наиболее вероятные участки с наличием мерзлоты.

В 2006 г. подобные работы были проведены и на территории Восточного Казахстана в долинах рек Кара-Коба, Бухтарма и Берель. В ходе работ были картографированы и описаны 94 памятника состоящие из 1194 объектов относящиеся к различным периодам (от эпохи раннего железа до этнографического времени) (Gheyle W., Trommelmans R., Bourgeois J. and et., 2004, pp. 391–403; Bourgeois J., De Wulf A., Goossens R. & Gheyle W., 2007, p. 458–474).

В 2006 г. были, так же, продолжены работы, начатые в 2004 г. по локализации и описанию памятников правобережья реки Юстыд. В компании 2004 г. были зафиксированы 2375 объектов, а в 2006 – ещё 1764, так что общее количество объектов на правом берегу реки Юстыд составило 4139 структур. Практически параллельно с нами левобережье Юстыда картографировала команда учёных из Новосибирска во главе с И.Ю. Слюсаренко.

С 2007 по 2009 гг. были осуществлены подобные работы в долине р. Каракол на территории природно-исторического парка Уч-Енмек (Эбель А.В., Тадина Н.А., Дворников Э.П. и др., 2007, с. 123–126).

Кроме этого в 2008–2009 гг. российско-бельгийская группа археологов и географов продолжила работу в Кош-Агачском районе по изучению и мониторингу мерзлоты в долинах рек Тархата, Джазатор, Уландрык и на плато Укок (Эбель А.В., Штанакова Е.А., 2009, с. 72–74; Эбель А.В., Ван Де Керховен Рубен, Юркова Н.А., 2010, с. 67–72).

В 2010 г. продолжены работы по детализации отдельных видов археологических объектов долины Юстыд, которые не были идентифицированы в ходе экспедиций 2004, 2006 гг., а также продолжены работы по мониторингу мерзлоты.

Итогом совместной работы археологов и географов явилось, кроме чисто геофизических результатов и серьёзное добавление к теории образования мерзлоты в Алтайских курганах (Эбель А.В., Ван Де Керховен Рубен, Юркова Н.А., 2010, с. 67–72). Данное обстоятельство говорит о теоретической возможности искусственного происхождения мерзлотных линз в курганах.

По итогам деятельности экспедиции создана электронная база данных археологических памятников долинах Кош-Агачского района и парка Уч-Енмек Онгудайского района, на основе которой созданы

подробные карты археологических памятников Каракольской долины и долины реки Юстыд, переданные администрациям парка и Кош-Агачского района.

С 2010 г. начался новый этап в совместных исследованиях. За предыдущие годы был выявлен целый ряд памятников ни культурно-хронологическая, ни семантическая принадлежность которых до сих пор не выяснена. Это и различные выкладки из камня наподобие каменных выкладок в пустыне Наска, и огромное количество так называемых «жилищ», которых только на берегах Юстыда было обнаружено более восьмисот, и многие другие. С осени 2010 г. университетами велась активная работа по подготовке Соглашения с администрацией и общественностью Кош-Агачского района на проведение более детальных исследований данных объектов. И в феврале 2011 г. такое соглашение было подписано.

Особенностью данного соглашения является главное обстоятельство которым алтайско-бельгийская экспедиция руководствовалась на протяжении всего времени своего существования – при проведении исследовательских работ учитывать особенности менталитета коренного населения той территории, на которой проводятся исследования.

Из всего обилия интересующих нас объектов были выбраны для исследования только те, которые были признаны обеими сторонами аварийными, с условием их последующей полной реконструкции. На этих объектах были проведены охранные исследовательские работы, взяты пробы на радиоуглеродный и термолюминесцентный анализы.

Библиографический список

Эбель А.В., Тадина Н.А., Дворников Э.П., Шитов А.В. Мировоззрение в ландшафте. Аспекты ритуальных и погребальных комплексов древнего населения Саяно-Алтая (итоги 2006 года) и перспективы исследований // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: материалы VIII международной конференции, г. Горно-Алтайск (19–23 сентября 2007 года). Горно-Алтайск, 2007. Т. I. С. 123–126.

Эбель А.В., Штанакова Е.А. К вопросу образования мерзлотных линз в курганах Алтая // Мир Евразии. Научный журнал. №2. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. С. 72–74.

Эбель А.В., Ван Де Керховен Рубен, Юркова Н.А. Мониторинг температуры почвы в долине реки Уландрык: исследование влияния понижения температуры на курган // Мир Евразии. Научный журнал. №1(8). Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. С. 67–72.

Bourgeois L., Cammaert Cl., Massart J.H., Mikkelsen & W. Van Heule. Ancient Nomads of the Altai Mountains. Belgian-Russian Multidisciplinary Archaeological Research on the Scytho-Siberian Culture, Royal Museums of Art and History, Brussels, 2000. 213 pp.

Bourgeois J., Bourgeois I. Unexplored valleys, potential frozen kurgans and heritage management. Belgian archaeological research in the Altai Republic (Russian Federation): survey and inventory 1996–2000 // Papers of the XIVth UISPP congress on Archaeology, British Archaeological Reports, International Series, 1523, 2006. Pp. 17–24.

Bourgeois J., De Wulf A., Goossens R. & Gheyle W. Saving the frozen Scythian tombs of the Altai Mountains (Central Asia) // Cooney, G. (ed.) The Archaeology of World Heritage, World Archaeology, 2007. Vol. 39, №3. P. 458–474.

Bourgeois J., De Wulf A., Goossens R. & Gheyle W. Saving the frozen Scythian tombs of the Altai Mountains (Central Asia) // Cooney, G. (ed.) The Archaeology of World Heritage, World Archaeology, 2007. Vol. 39, №3. P. 458–474.

Gheyle W. & Trommelmans R. Archeologie en teledetectie. Een onderzoek naar de bruikbaarheid van Corona-satellietbeelden voor het detecteren en in kaart brengen van archeologische structuren. Chuya-depressie (Alta?gebergte, Republiek Alta?), University of Ghent, Ghent, 2002. 257 pp. + ill.

Gheyle W., Trommelmans R., Bourgeois J., Goossens R., Bourgeois J., De Wulf A. & Willems T. Evaluating CORONA: A case study in the Altai Republic (South Siberia) // Antiquity, 2004. 78/300. P. 391–403.

В.Х. Смирнова

*МБУК «Музей истории развития горного производства
имени Акинфия Демидова», Змеиногорск*

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЗНАЧИМОСТИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА г. ЗМЕИНОГОРСКА

В деле сохранения и воспроизводства историко-культурного наследия региона Музей истории развития горного производства занимает одно из ведущих мест в крае. В Музее хранятся уникальные экспонаты, историко-культурное значение которых распространяется далеко за пределы региона. Это обстоятельство естественным образом определяет не только содержание и характер экспозиций, но и состав посетителей, количество которых ежегодно колеблется от 11 до 16 тыс. Это по большей части не только жители города и района, но гости из других районов и городов края, из многих городов России, из ближнего и дальнего зарубежья (Белоруссии, Казахстана, Америки, Германии, Вьетнама, Монголии, Швейцарии). Замечено, что некоторые посетители бывают в музее не один раз в год. Это заставляет сотрудников музея чаще обновлять экспозиции, чтобы еще больше посетителей привлечь в музей.

Исторический центр г. Змеиногорска, сохраняющий значение центра и в настоящее время, формировался в 1-й половине XIX в. Его оригинальность состоит в том, что он не связан с понятием геометрически правильной классической площади, а подчинён местному рельефу. Здесь, на бывшей 1-й Пихтовской улице, а ныне ул. Щорса, 13 расположено красивое здание Музея истории развития горного производства на Алтае.

Здание это было построено по инициативе начальника Колывано-Воскресенских заводов Петра Козмича Фролова в 1823–1825 гг. Строилось здание специально под музей, который и был открыт в нем в 1827 г.

Однако архивные документы того периода зафиксировали и другую информацию, касающуюся музея, информацию о том, что уже с 1828 по 30-е гг. XX в. в этом здании располагалась винная лавка. А затем в нем находился узел связи. И только 27 апреля 1985 г. в здании вновь поселился Музей – как филиал краевого краеведческого музея.

Чтобы поближе познакомиться со зданием, опишу его внешний вид. Здание одноэтажное, кирпичное, прямоугольное, в плане выходит на улицу Щорса главным протяжным фасадом. Кровля четырёхскатная, железная. Главный фасад расчленён семью осями арочных проёмов. В его композиции центральная часть выделена небольшим ризалитом и акцентирована фигурным аттиком. Северный и северо-западный фасады фланкированы широкими лопатками, а углы южного фасада обработаны узким желобком. Цокольная часть отделена широким подоконным поясом.

Историко-краеведческая работа является одним из главных направлений в работе музея. Д.С. Лихачев писал: «Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества». Сегодня музей – наиболее доступный проводник знаний о родном крае в широкие массы.

Музей использует разнообразные формы и направления просветительской деятельности, которые направлены на различные категории посетителей:

- проведение на базе музея международных, межрегиональных научно-практических краеведческих конференций, в работе которых принимают участие ученые, преподаватели вузов, учителя школ края и их одаренные ученики, сотрудники краевых организаций: музеев, библиотек, архива;
- видео-лекторий для старшеклассников по историко-краеведческой тематике;
- проведение мероприятий патриотической направленности;
- использование местного телевидения и газеты «Вестник Змеиногорска» для актуализации истории и культуры региона среди жителей Змеиногорска и Змеиногорского района;
- проведение методической работы. На базе музея ежегодно проводятся семинары практикумы для руководителей школьных музеев района, а также музеев различного профиля близ лежащих районов края (Курынского, Третьяковского, Рубцовского).
- в 2006–2007 гг. в музее проходили занятия и экзамены по изучению исторического краеведения для инструкторов по туризму.

Историко-краеведческая работа музея с учащимися города проводится давно. Дети, занимаясь здесь, изучают историю родного города, готовят рефераты, успешно участвуют в историко-краеведческих конференциях, организуемых педагогическим университетом. Однако, каждый из учащихся, прежде чем отправиться на историко-краеведческую конфе-

рению, обязательно проводит несколько образовательных экскурсий для своих сверстников в музее, школах города и района. Эта работа позволяет также привлекать в музей дополнительное количество посетителей.

Для иллюстрации этого направления работы музея можно остановиться на теме, по которой провела свое исследование ученица Змеиногорской школы Валя Хижняк – «Четыре экспоната династии Талаповых», в котором проследила судьбу рода Талаповых, начиная с первой четверти XVIII в. и до сегодняшних дней. Выступая перед учащимися Карамышевской средней школы, она проиллюстрировала свое выступление небольшим видеосюжетом – интервью с представителем рода Д.К. Талаповым. Заинтересовавшиеся темой школьники, впоследствии приехали в музей и познакомились с подлинными документами, хранящимися в музее, и, конечно с самим музеем. В 2007 г. в музее на основе документов семьи Талаповых был оформлен интерьер жилища мастера.

Довольно часто в музей обращаются студенты и школьники из других городов для изучения материала по тем или иным темам для написания исследовательских работ, в том числе и по туристическим маршрутам. В связи с этим сотрудниками музея разработаны несколько экскурсионных маршрутов. Экскурсия – вид научно-педагогического труда, который заключается в разработке и осуществлении определённой системы показа любого объекта, экспозиции, выставки и т.д. А так как музей посещают очень разнообразные группы, то и общение с ними и проведение экскурсий требует особого подхода и даже определенного маршрута для каждой из них. В результате знакомства посетителей с музейными экспозициями, при правильной их подаче экскурсоводом повышается интерес, появляется масса вопросов, а, следовательно, осуществляется и вторая задача музея – воспитательная. Вот маршрут, который сотрудники музея предлагают тем, кто впервые приезжает в Змеиногорск.

Лучше всего первое знакомство с городом начать с посещения Музея истории развития горного производства, хотя бы потому, что это одна из самых старых построек, сохранившихся в Змеиногорске. Здание музея приветливо смотрит на посетителей окнами с открытыми массивными ставнями, крепкое, приземистое с красивыми украшениями по фасаду. Сразу перед входом в музей под открытым небом выставлены два интереснейших экспоната – чугунные пушки (под номерами 13 и 14), принадлежавшие в конце XVIII в. Змеиногорскому руднику. Всего на руднике их было 23. Слева во дворе так же под открытым небом разместились сразу несколько не менее интересных экспонатов, которые прекрасно иллюстрируют не только историю горного производства XVIII, XIX и XX вв., но и жизнь жителей Змеиногорского края. Это – погрузчик руды, вагонетка, домкрат для буровой, локомобиль¹, катки

¹ Локомобиль (от лат. locus – место, mobilis – подвижной) – передвижная или стационарная паросиловая установка, состоящая из котла паровой машины и вспомогательных устройств, представляющих собой конструктивно единый агрегат.

для обмолота зерна. Стена музея «приютила» около десятка различных мемориальных досок, которые в разное время были отлиты в честь того или иного значимого исторического события или исторического места г. Змеиногорска, Разными путями попали эти доски на стену музея. Некоторые были сданы в металллом, другие долгое время хранились у жителей или в организациях города. Но именно здесь на стене «спасения» началась их вторая жизнь, не менее почетная – они стали музейными экспонатами и как многие другие экспонаты, отражающие историю XVIII–XX вв. пополнили музейные фонды. Люди всегда воспринимают музей как хранилище экспонатов. Но экспонаты – это предметы и вещи, когда-то бывшие частью живой культуры. Именно по ним мы судим о прошедших и уже никогда невозвратных временах.

Речка Мартазиха, довольно полноводная в генеральном плане 1785 г. Козьмы Фролова, еще один исторический объект города, сегодня представляет собой всего лишь узкий мелководный ручеек, но она не потеряла своей привлекательности благодаря красиво выложенным галечником берегам и прекрасно разработанному прибрежному ландшафту. Речка протекает по территории, прилегающей к зданию музея, и привлекает внимание посетителей необыкновенным мостиком, журчанием воды под ним. Здесь можно посидеть в прекрасном деревянном домике, построенном в русском стиле, или изящной беседке, сфотографироваться на память рядом с нарядной черепахой, сказочным драконом или Горным духом-Багюшкой.

Большой зал музея посвящен истории развития горного дела на Алтае. Представленными в зале макетами и художественными полотнами, картами, скульптурами, орудиями труда, архивными документами раскрывается быт и условия труда рудокопов, горняков, секретно-касторжных колодников и творцов новой техники крепостной России. А весь Кольвано-Воскресенский горный округ – на рукописной карте 1837 г., составленной Главной Барнаульской чертежной. Среди экспонатов этого зала вниманию посетителей представлены карты 1749, 1785 гг., чертежи дорог И.И. Ползунова 1750 г., макеты: первой в России чугуно-рельсовой дороги Змеиногорского рудника, построенной П.К. Фроловым в 1806–1809 гг., паровой машины И.И. Ползунова (1764–1766 гг.).

Подлинные экспонаты в другой экспозиции – в воссозданных интерьерах жилища горного инженера и мастерового, очень красочно рассказывают о материальных возможностях, культурных традициях представителей того времени. Уникальный шкаф-буфет потомков основателя Кольванской камнерезной фабрики Филиппа Васильевича Стрижкова позволяет увидеть, почувствовать талант и мастерство краснодеревщиков – мастеров своего дела, живших в XVIII в.

А вот и книжный шкаф, где разместились уникальные книги XVIII, XIX и начала XX вв.: «Потерянный и возвращённый рай» Джона Миль-

тона с рисунками Густава Доре, изданная в 1896 г., несколько томов всемирно известных энциклопедических словарей Брокгауза и Ефрона и братьев Гранат. Здесь же поместился и уникальный экземпляр «Нового атласа или собрания карт всех частей земного шара...», изданный в 1793 г. в Санкт-Петербурге. Книги эти в разные годы были подарены музею жителями города, и сегодня они помогают ответить на возникающие у посетителей вопросы о том, что же читали змеиногорцы 100 и более лет назад, утверждают в мысли о том, что детей в горной школе при Змеиногорском руднике учили не только практическому распознаванию руд.

Уголок мастерового радует посетителя оригинальными вещами, принадлежавшими старинному горняцкому роду Талаповых, переселившихся на Змеиногорский рудник в 1737 г. По имеющимся здесь уникальным экспонатам – документам, письмам и фотографиям – можно узнать о том, кто из династии чем занимался, в каком достатке жил, где и чему учился.

Всё, что могли купить жители Змеиногорска в лавках купцов из Екатеринбурга, Одессы, Петербурга и Москвы, как выглядели эти лавки и торговавшие в них купцы, а также предметы, сопутствующие процессу торговли, можно увидеть в еще одной достаточно интересной экспозиции «Змеиногорск купеческий».

Многим посетителям музея очень хочется сфотографироваться за швейной машинкой «Singer», а также и у стола, на котором красиво расположились самовар, свеча и рукописная лекция приват-доцента Томского технического института В.Г. Карпенко «по машинам внутреннего горения», изданная 1918–1919 гг.

В музее собрана большая коллекция минералов (рудные, нерудные и поделочные камни). Им отведён целый зал. Экспозиция минералов составлена не только из минералов, добытых на Алтае, в России, но и минералов, привезённых из-за рубежа. В отдельной витрине представлены поделочные камни Алтая и изделия из них Кольванской камнерезной фабрики. Отдельно в витрине показаны руды, добываемые сегодня на нашем руднике и те, которые будут добываться в ближайшие 2010–2015 гг.

С августа 2003 г. по май 2006 г. шла реконструкция музея, в это время сотрудниками музея проводились экскурсии только вне музея: по городу «Памятники истории культуры, архитектуры, промышленного зодчества и гидротехнического сооружения г. Змеиногорска», в пос. Кольвань на Кольванский камнерезный завод, на гору Ревнюху, озеро Кольванское, на месторождения: Черепановское, Лазурское, Пихтовское, Карамышевское, Семёновское, Гольцовское.

Современный уровень развития экспозиции как основной формы образовательного воздействия на посетителя определяет необходимость разработки новых, наиболее эффективных подходов к ее совершенствованию. Музей активно использует в экспозиции аудиовизуальные

средства, что несомненно усиливает эмоциональное воздействие на посетителя, которое помогает ему адаптироваться в историко-культурном пространстве музея.

Музей проводит не только выездные экскурсии за пределы города, но он также организует передвижные выставки в различных организациях города, где выставляются живописные полотна художников Алтайского края: «Змеиногорск в работах молодых художников», которые не просто молча экспонируются, а сотрудники музея регулярно проводят экскурсии по ним.

С 2002 г. музей включил в программу экскурсий просмотр фильмов Томской и Алтайской ГТРК, а также собственных фильмов об истории Змеиногорска, о его окрестностях и исторических местах, а также о музее: «Экскурсии по городу и музею», «Исторические места Змеиногорска», «Серебряная корона Российской империи», «Былое», «Золото Демидовых», «Ревенная сопка – мать Царицы ваз», «Колыванское озеро».

Проведение разнообразных акций, порой даже не связанных с профилем музея непосредственно, позволяет их участникам, побывав в стенах музея, по другому поводу, заинтересоваться и коллекциями музея, и его экспозициями, и его историей. Что непременно помогает в привлечении все новых посетителей в музей. Тесное сотрудничество с местным населением одновременно служит и укреплению позиций музея в обществе. Музей сегодня превратил свои залы и помещения в место проведения досуга для местных жителей. Этим он реализует свою образовательную миссию, а также удовлетворяет потребность посетителей в общении в условиях провинциального города, которым является Змеиногорск.

P.S.: 27 сентября 2007 г. за активную и творческую работу с туристами Музей получил от Федерального агентства по туризму Диплом национальной туристской премии им. Ю. Сенкевича в номинации «Лучший региональный музей».

В мае 2010 г. Музею присвоено имя Акинфия Демидова.

В 2011 г. Музей выиграл Грант Управления Алтайского края по культуре и туризму за разработку проекта «Въездная башня крепости Змеиногорского рудника». Построена и открыта башня 16.09.2011 г. В конце этого же года музей входит в губернаторскую программу, по эстетическому воспитанию молодежи средствами искусства.

За весь период работы музея проведено более 10 тыс. экскурсий, выставок, музейных уроков. Его посетили около 400000 человек. Музей сегодня – это более 20 тыс. экспонатов, от 11 до 16 тыс. посетителей в год.

РАЗДЕЛ 2

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

**Р.А. Бондарь, В.К. Вистингаузен, И.И. Зеленина,
И.Н. Лысенко, Л.В. Огрызкова**

*Горно-Алтайский педагогический колледж, Горно-Алтайск;
Алтайское региональное отделение Русского
географического общества, Барнаул*

КИНДЕРЛИНСКАЯ ПЕЩЕРА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ 2011 г.

В период с 31 июля по 7 августа группой краеведов Горно-Алтайского педагогического колледжа проводился мониторинг объектов природного и культурного наследия Чемальского района на левом берегу реки Катунь. При этом была обследована Киндерлинская пещера.

Киндерлинская пещера получила известность после того, как в №9 журнала «Природа» за 1949 г. была опубликована посвященная ей статья (Хороших П.П., 1949). Это было одно из первых подробных описаний алтайских пещер. Автор статьи, известный сибирский археолог П.П. Хороших, посетил ее в июле 1938 г. Ряд сведений о пещере он получил от директора Горно-Алтайского краеведческого музея С.М. Сергеева и от местных жителей. По их сообщениям, в пещере ранее находили железные наконечники стрел, остатки кожаной одежды и человеческие кости. Сам П.П. Хороших нашел в пещере костяное шило.

Сведения П.П. Хороших были изложены в ряде путеводителей (Камбалов Н.А., 1952, с. 92; 1953, с. 105; 1956, с. 111; По Алтаю..., 1960). Позднее информация о пещере вошла в две сводки археологических памятников (Вистингаузен В.К., 1982, с. 149; Степанова Н.Ф., 2009, с. 70). Пещера также включена в число памятников природы Республики Алтай (Красная Книга..., 2000; Памятники природы..., 2006, с. 266). Тем не менее, пещера давно не обследовалась специалистами, а местоположение ее в некоторых изданиях указывается либо приблизительно, либо неверно (Памятники природы..., 2006, с. 266).

Пещера находится в истоках р. Киндерля (левый приток Катунь), в 4,5 км по прямой к западу от с. Аюла, в верхней части горы с двумя скальными вершинами. Преобладающая из этих вершин, юго-восточная, на топографических картах имеет отметку 1340,2 м. Вход в пещеру находится между вершинами, ближе к меньшей, северо-западной, и виден с луговой части долины р. Киндерли. Абсолютная высота входа – около 1240 м (GPS-навигатор дал высоту 1200, но она представляется заниженной). GPS-координаты входа: N – 51°26'41,58"; E – 85°55'06,12".

По долине Киндерли к пещере ведет конная тропа, в нижней части совпадающая со старым волоком дровосеки, но в лесной части склона тропа отклоняется вправо, к северу, с гребня хребта поворачивая на восток, к пещере. Протяженность тропы от выхода р. Киндерли на Катунскую террасу до пещеры – около 10 км. Перепад высот 850 м. По этой тропе один из жителей с. Эликмонар водит в пещеру коммерческие конные экскурсии. Пещеру также хорошо знают жители ближайшего к ней с. Аюла.

Вход в пещеру, шириной 16 и высотой до 10 м обращен на северо-восток (рис. 1–2). Основная часть входного гота имеет размеры 20х10 м, но в тыльной его части массивный выступ скалы, возвышающийся на 6 м над уровнем пола, делит его на 2 части. Из них на юго-запад – юг ведут два параллельных хода длиной по 15–20 м, поднимающиеся вверх уступами по 2–3 м. К востоку от гота отходит высокое шелевидное ответвление, со сквозным отверстием наружу – вверх. Пол ближней части гота до 8–10 м от капельной линии сложен рыхлыми отложениями с большим количеством обломочного материала и частично зарос травой и кустарником. Кроме того, в дальней части юго-восточного ответвлении пещеры, за уступом, имеется ровная площадка, покрытая мелкоземом. Остальная часть пещеры имеет скальное, с наклоном и уступами дно. Общая площадь пола пещеры около 330 кв.м; рыхлые отложения занимают площадь около 200 кв.м. Немного севернее и ниже пещеры (GPS-координаты: N – 51° 26' 44,22"; E – 85° 55' 06,06") обнаружен грот с обрушившимся сводом. Рядом с глыбами имеется свободный участок около 15 кв.м, сложенный типичным пещерным грунтом бурого цвета, с поверхностью в виде пологого холмика.

Превышение Киндерлинской пещеры над ближайшим источником воды составляет 400 м, потому ее трудно рассматривать как жилище древнего человека. Возможные варианты использования пещеры в древности – временное (скорее всего – охотничье) укрытие или культовое место, причем эти функции могли и совмещаться. Наконечники стрел – обычные находки в культовых пещерах. То же можно сказать о частях человеческих скелетов. Наиболее вероятное место, где в пещере могли совершаться обряды – верхняя площадка в юго-восточном ответвлении. То же можно сказать о площадке нижнего обрушенного гота.

В указанной выше статье П.П. Хороших (1949, с. 60), упомянута также «большая Арыдунская пещера», находящаяся «по реке Аюла, в местности Арыду», в которой также находили наконечники стрел и стремена. На топографической карте в верховьях левого притока Катуня, р. Аюлы указаны два правых притока – речки Малая и Большая Ареду, находящиеся уже на территории Шебалинского района. Как указывает О.Т. Молчанова (1979, с. 355), исходная форма этого топонима – «эриди», т.е. «растаял», что, возможно, характеризует исчезающие

водотоки в местах развития карста. В литературе имеется ряд указаний на Арыдунские (Арудинские) или Аюлинские пещеры. Арудинская пещера длиной 47 м и Аюлинская, длиной 27 м, Большая Аюлинская, длиной 100 м, внесены в один из перечней пещер Алтая (Маринин А.М., 1975, с. 28–29). Первая из них локализуемая западнее с. Верх-Анос, на высоте 1200 м, также включена в число памятников природы Республики Алтай (Красная Книга, 2000, с. 240; Памятники природы..., 2006, с. 273). В другой список включена Большая Арыдунская пещера, длиной 100 м (Климонтова А.Н., 1975, с. 4). Однако, отождествление любой из этих пещер с Арыдунской пещерой П.П. Хороших, также включенной в современные списки археологических памятников (Вистингаузен В.К., 1982; с. 149; Степанова Н.Ф., 2009, с. 69), представляется весьма проблематичным, поскольку никакие уточняющие характеристики в его статье не приводятся.

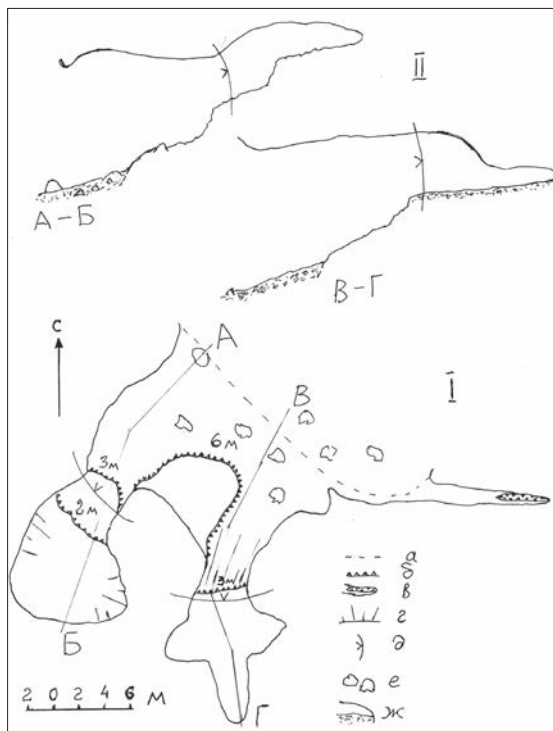

Рис. 1. План (I) и разрезы (II) Киндерлинской пещеры. Съемка 2011 г.
 Условные обозначения: а – капельная линия; б – уступы;
 в – камин в потолке; г – скальные скаты; д – граница освещенной части;
 е – глыбы; ж – донные рыхлые отложения (в разрезах)

Рис. 2. Вход в Киндерлинскую пещеру

При осмотре Киндерлинской пещеры был констатирован при-
корбный факт нанесения ей ущерба посетителями. Стены покрыты
надписями краской, большинство которых датируется XXI веком. Это,
несомненно, следы неконтролируемого коммерческого использования
пещеры. В настоящее время пещеры Алтая в массовом порядке ста-
новятся объектами интереса владельцев и менеджеров туристических
фирм, а также «частнопрактикующих» местных проводников. Турист-
ское использование пещер никак не регламентируется, хотя они яв-
ляются не только особым видом природных ресурсов, что уже признано
в ряде стран, но, в большинстве случаев, и объектами культурного на-
следия. За нанесение ущерба пещерам также никто не несет ответствен-
ности. Необходимо изменить сложившуюся ситуацию.

Библиографический список

- Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография
Алтая. Барнаул, 1982. С. 137–156.
- Камбалов Н.А. По интересным местам Алтайского края. Барнаул, 1952.
119 с.: ил.
- Камбалов Н.А. По интересным местам Алтайского края. Барнаул, 1953.
132 с.: ил.
- Камбалов Н.А. По интересным местам Алтайского края. Барнаул, 1956.
132 с.: ил.
- Климонтова А.Н. Состояние изученности карстовых форм рельефа на Ал-
тае // Материалы по географии Алтайского края. Барнаул, 1975. С. 5–9.
- Красная книга Республики Алтай: особо охраняемые территории и
объекты. Горно-Алтайск, 2000. 271 с., ил.

Маринин А.М. Каталог карстовых пещер Алтая // Материалы по географии Алтайского края. Барнаул, 1975. С. 24–36.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. 400 с.

Памятники природы Республики Алтай // Республика Алтай. Атлас. Новосибирск, 2006. С. 251–305.

По Алтаю и Телецкому озеру. Туристская маршрутная схема. М., 1960. 1 лист, сложен в 4 раза.

Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с. + вкл.

Хороших П.П. Киндерлинская пещера // Природа, 1949. №9. С. 59–60.

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПЕТРОГЛИФЫ НА КАМЕННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ АФАНАСЬЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ САЛЬДЬЯР-1

Петроглифические изображения на каменных погребальных конструкциях имеют важное значение как для культурно-хронологической интерпретации, как самих наскальных рисунков, так и для выяснения их роли в погребальной обрядности. В эпоху развитой бронзы одним из уникальных и ярких примеров этого являются плиты с выбивками из погребальных комплексов Каракола. Эти изображения на камнях, как было установлено В.Д. Кубаревым, были вторично использованы для сооружения погребального ящика каракольской культуры. Такой вывод подтверждается стилистически – принадлежностью выбитых изображений к другому культурно-хронологическому горизонту и конструктивно-стратиграфически – перекрытием выбитых изображений крашенными, при сооружении погребального каракольского каменного ящика (Кубарев В.Д., 2009, с. 15–24).

Для афанасьевской культуры можно привести еще один пример. На некрополе Сальдьяр-1 исследовавшемся О.В. Лариным (2005) с 1988 по 1991 гг. В 2012 г. на этом памятнике в ходе работ по трассе газопровода «Алтай» были осмотрены два петроглифических изображения и обнаружен в раскопе кургана фрагмент плиты с наскальными рисунками (рис. 1–2).

В первом случае на узких камнях-блоках кромлеха афанасьевского кургана (ограда №15) на северо-западной стороне нанесены изображения двух фигур горных козлов теке (рис. 1 – 1). Фотография этих петроглифов присутствует в полевом отчете О.В. Ларина. В монографическом издании приведено следующее описание указанных наскальных

изображений. «Плиты были впущены в материк и прорезали слой погребенной почвы. На двух камнях ограды с северо-восточной стороны были выбиты изображения животных (архар!?) и человек с луком» (Ларин О.В., 2005, с. 17). При недавнем осмотре описанных наскальных изображений фигуру лучника не удалось идентифицировать. Поэтому приведем краткую характеристику этих петроглифов. На камнях кромлеха у животных, рог изображен в виде массивных дуг (рис. 2 – 1), что соответствует манере изображения рогов козлов в эпоху бронзы. Манера нанесения и скальный загар описанных изображений имеет явное сходство с петроглифами находящимися в непосредственной близости от афанасьевского некрополя Сальдьяр на соседних скальных поверхностях (рис. 2 – 2, 3), расположенных северней могильника (Ларин О.В., 2005, с. 10, 37, рис. 2). Аналогичные изображения козлов с сильно закрученными рогами нанесены так же на достаточно близко расположенном петроглифическом местонахождении Аныхах (рис. 2 – 4). Однако однозначно установить время нанесения петроглифов на поверхность камней кромлеха афанасьевского кургана (ограда №15) достаточно проблематично. Поскольку этот край камней не был перекрыт грунтом, относящимся к афанасьевской погребальной конструкции. О чем достаточно отчетливо свидетельствует различие цвета камня в погребенной и не погребенной частях. Сложности с выявлением лучника на петроглифической композиции связаны не только с проблемами его визуальной идентификации на конкретной скальной поверхности, но и его хронологической атрибуцией. Для урочища Сальдьяр (Сальдьяр) в целом достаточно хорошо представлен такой охотничий сюжет, который уверенно можно относить к эпохе развитой бронзы и раннему железу, но не к эпохе энеолита.

Другие петроглифические изображения на скальном осколке, обнаруженном в раскопе этого же кургана Сальдьяра-1, не упоминаются как в отчете О.В. Ларина, так и монографической публикации. Они нанесены на обломке плиты и имеют не законченный характер (рис. 1 – 2). Только в одном случае можно однозначно установить, что изображена фигура копытного (марала?). Однако манера нанесения и насыщенность скального загара этих изображений несколько иная, чем на петроглифах, на камнях погребальной конструкции (ограда №15). Поэтому следует рассмотреть два варианта расположения скального обломка с петроглифами в кургане.

Во-первых, это сколотая или естественно разрушенная скальная поверхность, могла быть помещена в качестве строительного материала при сооружении афанасьевского кургана. Во-вторых, это более поздние петроглифы, попавшие в разрушенном состоянии на поверхность более древнего кургана. Такие факты неоднократно выявлялись при исследовании каменных погребальных сооружений эпохи палеометалла на тер-

ритории горного Алтая. Например, находки петроглифов на каменных насыпях встречены в Чуйской степи (Бородовский А.П., 2003, с. 38). На территории горной долины нижней Катунь в каменной закладке погребения одного из курганов скифского времени Чултукова Лога-1 был так же обнаружен петроглиф, имеющий явные аналогии с отдельными наскальными изображениями юго-восточного Алтая.

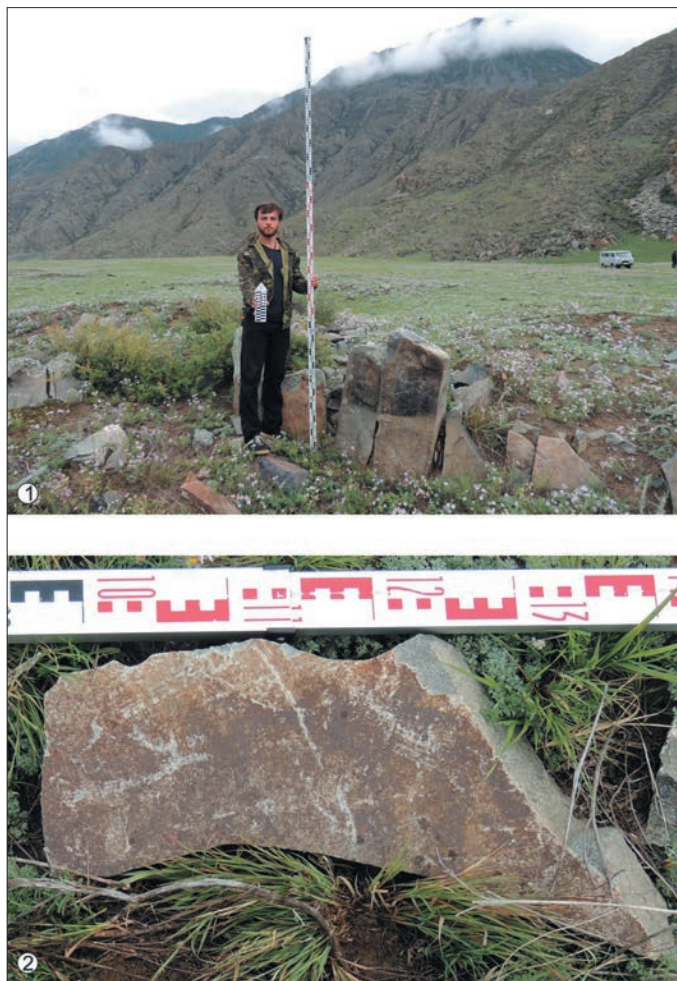

Рис. 1. Петроглифы на афанасьевском могильнике Сальдьяр-1:
1 – изображение на камнях афанасьевского кромлеха (ограда 15);
2 – петроглифы из раскопа кургана (ограда 15) Сальдьяра-1

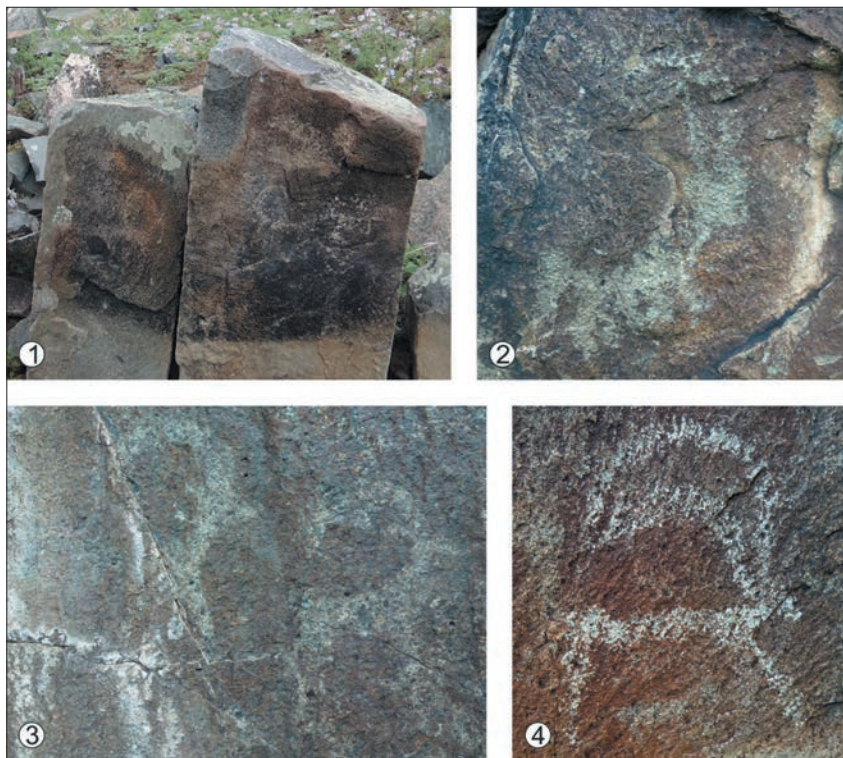

Рис. 2 Аналогии изображения козлов в окрестностях курганной группы Сальдьяр-1: 1 – петроглифы на камнях кромлеха ограды 15 Сальдьяра-1; 2, 3 – петроглифы на скальных поверхностях к северу от Сальдьяра-1; 4 – петроглиф с местонахождения Аныях

Таким образом, интерпретация связи описанных петроглифических изображений с афанасьевского могильника Сальдьяр-1 будет далеко не однозначна. Однако если рассматривать их принадлежность с точки зрения стиля, как индикатора культурно-хронологической принадлежности, то очевидны два факта.

В первом случае, изображения козлов на каменной конструкции кургана вполне соответствуют, эпохе бронзы и возможно могут быть использованы для идентификации афанасьевского пласта среди многочисленных петроглифов урочища Сальдьяр (Сальджар) на правобережье р. Катунь.

Во втором случае, (скальная плита с изображениями из раскопа кургана) если она так же была выполнена в афанасьевское время,

может быть так же использована для приведенной выше культурно-хронологической идентификации петроглифов. Разница между этими случаями заключается лишь в том, что изображения горных козлов на камнях ограды афанасьевского кургана Сальдьяра-1 достаточно типичны для эпохи бронзы, а вот изображение животного на плите из раскопа этого памятника без привязки к афанасьевскому погребальному комплексу было бы очень сложно соотносить с указанным временем. Если, такое положение, верно, то можно говорить еще об одном образе в петроглифических изображениях, соотносимых с эпохой бронзы.

В целом, выявленные петроглифы в афанасьевском кургане могильника Сальдьяр-1 представляют собой еще один из возможных прецедентов культурно-хронологического соотнесения многочисленных писаниц урочища Сальдьяр (Сальджар) с погребальными комплексами определенного периода. Этот подход приемлем и для других эпох (развитая бронза, раннее железо, средневековье и этнографическое время). Таким образом, можно говорить о реальной возможности корреляции различных типов археологических памятников (петроглифы, курганы) урочища Сальдьяр (Сальджар) как инструмента для выявления культурно-хронологических периодов освоения этой территории верхней Катуня. Проведенный в прошедшем полевом сезоне тотальный учет расположения различных археологических комплексов на этой территории, включая петроглифы, открывает широкие возможности для их культурно-исторической атрибуции.

Для петроглифов Сальдьяра можно отметить еще одну особенность. В этом урочище для наскальных изображений характерна преемственность их развития на протяжении почти пяти последних тысячелетий. Таких мест на Алтае не так уж и много. К ним относятся – Калбак-Таш на Катуня, Елангаш и Чаганка в бассейне р. Чуя и высокогорное плато Укок на границе России с Китаем и Монголией. Построение относительной культурно-хронологической колонки для петроглифов Сальдьяра с привлечением не только «стилистическо-образных» аналогий других петроглифов, но и их корреляцией с погребальными комплексами, является одним из условий ее достоверности.

Библиографический список

Бородовский А.П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2003. Вып. XIII. С. 33–39.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2010. 264 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.

В.К. Вистингаузен

Русское географическое общество, Алтайский край

БИРЮЛИНСКИЕ ПЕЩЕРЫ

В окрестностях с. Бирюли Майминского района Республики Алтай известен ряд пещер, три из которых учтены как памятники археологии. В данном сообщении приводится новая информация об этих и некоторых других объектах.

Первые сведения об одной из Бирюлинских пещер получил в 1880 году Н.М. Ядринцев во время экспедиции на Алтай. Вот цитата из его статьи: «Нам указали так же на недавно открытую пещеру на р. Тартакол близ Билюли, которую мы осмотрели. В пещере крестьянами найдены были старинные калмыцкие стремена. Нами же открыт был здесь скелет человека и несколько костей животных. По всей вероятности, пещера была местом убежища во время войны. Местность и план пещеры изображены на рисунке Г, №№4 и 7.» (Ядринцев Н.М., 1883, с. 190). В 1971 г. об этом открытии Н.М. Ядринцева писала Р. Скворцова: «... у ручья Тартакол Ядринцев осмотрел пещеру, открытую за 2 года до него крестьянами. В углублении пещеры на 6–8 сажен обнаружил следы костра, остатки дерева и бересты, кости человека и животных» (Скворцова Р., 1971, с. 64). На основании публикации Р. Скворцовой мы внесли пещеру в список археологических пещер Алтая, дав ей имя Ядринцева (Вистингаузен В.К., 1982, с. 149). В настоящее время есть основания полагать, что так называемая «пещера Ядринцева» тождественна известной в спелеологических кругах, но недостаточно изученной Таркольской пещере. В книге об археологических памятниках Майминского района (Археологические памятники..., 2008, с. 12), где приводятся сведения о «пещере Ядринцева», сообщается, что в 1932 г. «пещеру Тарт-Кол» в одноименном логу обследовал директор Горно-Алтайского музея С.М. Сергеев. Он имел информацию от местных жителей, что в пещере кем-то были найдены медные стремена и «великая кость человека» и что в пещере кто-то «очень давно жег огонь, а по земле разбросаны кости». Сведения о пещере и находках в ней вошли в 4 том Сибирской Советской Энциклопедии, который был подготовлен в 1930-х годах, но опубликован только в 1992 г. Здесь пещера именуется Бирюлинской. Приведем цитату: «Бирюлинская П., около с. Бирюля, имеет 2 зала, общей длиной до 80 м, в ней находили медные удила и стремена» (Иванов А., 1992, стб. 319).

Посещение пещеры в логу Таркол описано в брошюре Е.Л. Певзнер (Певзнер Е.Л., 1957, с. 41–42). Здесь же приводится народное предание, что в пещере был похоронен казахский богатырь Кочкор-Бай, погибший во время набега на Алтай. Е.Л. Певзнер сообщает также о раскопках, проведенных в пещере в 1953 г. под руководством И.С. Че-

валкова, тогда директора областного музея. Как и раскопки С.М. Сергеева, они не были результативными.

В августе 2012 г. мы посетили Таркольскую пещеру, соответствующую описанию Е.Л. Певзнер. Пещера расположена в Пещерном логу, впадающем слева в Таркольский лог (на топографической карте – Тарколов), левый приток Маймы, который впадает в нее на северной окраине с. Бирюля. Пещерный лог не имеет постоянного водотока; в Таркольском логу летом вода появляется только в 2 км выше его устья, чуть ниже впадения Пещерного лога, где в настоящее время находится пасека. От пасеки (рис. 1) до пещеры около 2 км вверх по Пещерному логу. Почти до самой пещеры ведет автомобильная колея, свидетельствующая, что ее посещают туристы. Вход в пещеру высотой 0,6 м и шириной 1,5 м находится в основании небольшого скального обнажения, на высоте примерно 50 м над днищем лога, на его северо-восточном склоне. Снизу вход не виден, так как закрыт растительностью. Абсолютная высота входа 800 м; GPS-координаты: N 51° 47,457'; E 086° 00,554'.

Рис. 1. Вид из Таркольского лога на пасеку и устье Пещерного лога.

Фото Р. Дубровской

Пещера имеет сложное строение. В ней можно выделить несколько морфологических элементов. От входа ведет низкая (до 1 м) галерея с ровным полом, покрытым щебнем, с отдельными глыбами известняка. От входа она расширяется, достигая иногда 6 м ширины. В конце галереи, примерно в 20 м от входа, над уступом около 0,5 м имеется отверстие сложной конфигурации, выводящее в следующую часть пещеры. Это грот шириной 8 м, длиной до 20 м и высотой 5 м, длинная ось которого, с наклоном около 40°, перпендикулярна направлению вход-

ной галереи. В нижней части грота имеется щелевидный колодец глубиной 10 м. Полочка над колодцем приводит в небольшое, но высокое ответвление. Потолок грота интенсивно закопчен, очевидно – дымом костров, следы которых (закопченные камни) видны во входной галерее. Костные остатки не обнаружены.

Почти нет сомнения, что это та же самая пещера, которую обследовали Н.М. Ядринцев и С.М. Сергеев. Таким образом, названия «пещера Ядринцева», «Тарт-Кол», «Бирюлинская» следует считать синонимами названия «Таркольская». Последнее предпочтительнее, как наиболее известное.

Первая информация об Аккаинских пещерах (в бассейне р. Аккай, левого притока р. Бирюли) появилась в 1930-х годах и была использована при подготовке упомянутого выше 4 тома Сибирской Советской Энциклопедии. Вот цитата из нее: «Аккаинские П. по р. Аккая, бассейна Маймы, в 15 км от с. Бирюля – несколько мелких и одна крупная, до 200 м длиной, с высоким входным отверстием, коридорами, 3 крупными залами, сталактитами, сталагмитами» (Иванов А., 1992, стб. 319).

От кого А.К. Иванов получил сведения об Аккаинских пещерах – не известно. Не исключено, что его информатором был некто Моннар, который в 1934 году произвел раскопки в одной из Аккаинских пещер. Об этом есть упоминание в книге А.П. Уманского «Памятники культуры Алтая». Приведем цитату: «Еще в 1934 году Моннар осмотрел Аккаинскую пещеру в Каменном логу на левом берегу р. Акай (приток Бирюли). Она высоко расположена над днищем оврага и обращена входным отверстием на юг. В пещере обнаружены кострища с остатками костей различных животных: возможно, в ней жили люди эпохи камня» (Уманский А.П., 1959, с. 18). Во время нашей беседы в 1981 году Алексей Павлович объяснил, что сведения об Аккаинской пещере и работах Моннара он получил из паспорта, составленного на эту пещеру, как на исторический памятник. По его воспоминаниям, паспорт датировался 1946 г., на нем была подпись Акимова, его предшественника на должности инспектора по охране памятников культуры Алтайского края.

В 1992 году в Алтайском государственном архиве, в фонде 1041, нами найдены документы по учету памятников истории Алтайского края, в которых есть сведения об Аккаинской пещере. В тексте учетной карточке на пещеру, составленной Л.А. Давыдовой, пещера локализуется на левом берегу Аккай, в Каменном логу¹ (Давыдова Л.А., 1949). На приложенной схеме (довольно непонятной и мало соответствующей реальной топографии) указаны пещеры №3 и 4. Пещера упоминается и в других документах фонда (Предварительный список. ..., 1948, л. 61; Списки, л. 41).

На отчет Моннара также ссылается географ из Горно-Алтайска А.Н. Тупотилова (Климонтова). Ссылка дана в форме: «Маннар, 1934 (ру-

¹ Сообщается, что пещеру исследовал Моннар, который открыл «кострище с костями животных», и что отчет о его работах находится в Горно-Алтайском музее

копись)» (Тупотилова А.Н., 1965, с. 34). Таким образом, в 1965 году отчет Моннара был доступен исследователям. По устному сообщению С.М. Киреева в настоящее время этот отчет в музее Республики Алтай отсутствует.

В уже упомянутой брошюре Е.Л. Певзнер описывается посещение Аккаинской коридорной сталактитовой пещеры длиной 125 м, расположенной высоко на склоне, в верховьях Аккаинского лога. Здесь же общается: «Говорят, что в этой пещере при обследовании археологами были найдены следы огневищ, и что она когда-то служила пристанищем человеку каменного века» (Певзнер Е.Л., 1957, с. 41–42).

Аккаинская пещера упоминается и в путеводителе В.С. Кочетова, где тоже локализуется в верховьях Аккай (выше впадения Каменного лога, правого притока Аккай). Автор сообщает: «В свое время она (пещера. – В.В.) вызвала большой интерес у археологов, как место обитания людей каменного века» (Кочетов В.С., 1965, с. 53). Таким образом, о раскопках в Аккаинской пещере в 1950-х – 60-х гг. алтайским краеведам было широко известно.

В 1963 г. А.Н. Тупотилова описала коридорную пещеру Каменного лога длиной 122 м, расположенную «в 7 км от Бирюли, на высоте 200 м на склоне лога» и не имеющую сталактитовых образований (Тупотилова А.Н., 1963, с. 49–50). В дальнейшем, она стала именовать ее просто Каменной (Климонтова А.Н., 1975а, с. 4). Тогда же А.М. Маринин высказался в пользу тождественности Аккаинской пещеры Е.Л. Певзнер (1957) и пещеры Каменного лога А.Н. Тупотиловой (1963) (Маринин А.М., 1975, с. 27). В настоящее время пещера объявлена памятником природы Республики Алтай (Маринин А.М., 20004; Памятники природы..., 2006).

В 1979 г. мы осмотрели в Каменном логу, правом притоке Аккай, пещеру, соответствовавшую описанию А.Н. Тупотиловой (1963). Никаких следов раскопок обнаружено не было, но отождествление А.М. Маринина было нами некритично воспринято и повторено (Вистингаузен В.К., 1982, с. 149). В настоящее время нам представляется, что Каменная пещера и Аккаинская – две разные пещеры, последняя из которых потеряна.

Луковый грот, выявленный при обследовании 1979 года (Вистингаузен В.К., 1982, с. 150) является одним из многих гротов и небольших пещер в окрестностях Бирюли. А.Н. Климонтовой в Бирюлинском карстовом участке учтено 37 «пещер», в основном в правых (орографически) притоках Аккай, Каменном и Вороньем логах (Климонтова А.Н., 1975). Большинство из них не превышают 10–20 м в длину.

В 2012 г. нами были взяты GPS-координаты нескольких гротов Каменного лога. Два грота находятся на левом борту лога, примерно напротив впадения в него Отпетого лога (местное название, на некоторых топографических картах значится как Медвежий). Грот Г-12-А имеет координаты: N 51° 44,462'; E 085° 58,983'; Н 772 м. Грот Г-12-Б имеет координаты: N 51° 44,644'; E 085° 53,922'; Н 802 м. Оба грота имеют протяженность менее 10 м, ширину до 4 м, высоту до 3 м, ровный пол, покрытый мелким щеб-

нем. Примерно в 1,3 км выше по логу в левом борту находится Луковый грот (рис. 2). Его координаты: N 51° 44,167'; E 085° 58,291'; Н 793 м.

Рис. 2. Луковый грот. Фото В. Вистингаузена

Следует отметить, что на карте, помещенной в книгу «Археологические памятники Майминского района» (2008, с. 72), все Бирюлинские пещеры нанесены неверно. Их правильную локализацию дает наша карта (рис. 3).

Рис. 3. Карта расположения некоторых Бирюлинских пещер:
А) Таркольская пещера; Б) Каменная пещера; В) Луковый грот

Необходимо уточнить еще некоторые моменты нашей статьи 1982 г. В частности, так называемая «Ябоганская» пещера (Цыкин Р.А. и др., 1979, с. 110; Вистингаузен В.К., 1982, с. 145), в действительности находится примерно в 15 км севернее Ябогана, в долине р. Дукей (Тюкей), левого притока р. Шиверты, левого притока Песчаной. Спелеологи ТГУ, сделав в ней в 1971 г. археологические находки, дали ей название пещера Аксакалов.

Пещера Искринская (Вистингаузен В.К., с. 146), где Б.Х. Кадииков в 1959 г. нашел палеолитический слой (Лапшин Б.И., 1982, с. 10) расположена на левом берегу Ануя и не тождественна известной пещере Искра.

Пещера «Сибирячихинская» (Вистингаузен В.К., с. 147), в которой В.Д. Лунев нашел якобы «каменное рубило», не требует отождествления с какой-либо известной пещерой, поскольку камень, экспонируемый в Алтайском краеведческом музее, представляет собой естественный обломок известняка.

К настоящему времени установлено более 80 пещер Алтайского края и Республики Алтай, имеющих культурно-историческое значение. Многие из них не изучены, либо обследованы только поверхностно. Однако, исходя из последних наблюдений по археологии пещер, становится ясно, что археологические находки должны быть практически во всех пещерах и гротах, где во входных участках есть рыхлые отложения. Кроме того, в качестве культовых и погребальных пещер древними людьми могли использоваться полости практически любого типа. К сожалению, археологи не всегда внимательно относятся к поздним пещерным памятникам и слоям голоценового периода в многослойных пещерах, что приводит к утрате важной исторической информации. О том, что исследование поздних пещерных объектов может дать первоклассные материалы свидетельствуют результаты раскопок таких памятников, как Денисова пещера, грот Кучерла I (Куйлю), пещера Нижнетыткескенская-I, Тавдинский грот (Дервянко А.П., Молодин В.И., 1991; 1994; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1995; Кирюшин К.Ю. и др., 2005). Поэтому при раскопках многослойных памятников чрезвычайно важно сотрудничество археологов-палеолитчиков и исследователей более поздних культур, как это было сделано при изучении Денисовой пещеры.

Приведем сведения о некоторых малоизвестных объектах. Еще в 1926 г. в Бийский музей поступили находки из пещеры Чайрахан Усть-Канского аймака (археологическая коллекция №74: дротик, шило, астрагал, бусы из зубов марала и птичьих костей). Но в подготовленных музеем списках исторических памятниках Алтайского края (рубеж 1940-х – 1950-х гг.) она отсутствует. В них значатся: пещера в скале Карасук на правом берегу Катуня в 5 км от Аската; пещера в горе Куду, в долине р. Сухой Чеповш в 7 км ниже Аскатского дома туристов (сейчас т/б «Катунь»); Узнезинская пещера на р. Узнезя (правый приток Кату-

ни), в 2 км от с. Узнезя (Списки исторических памятников..., л. 2–6). Документация на эти объекты в музее не сохранилась.

В 1926 г. Л.П. Потапов нашел следы пребывания людей в одной из пещер г. Шибе в долине р. Куюм (Потапов Л.Н., 1948, с. 156). В 1937 г. Б.С. Митропольский нашел костяное шило в Ебагонской пещере на р. Кан, в 7 км от Усть-Кана (Хороших П.П., 1949, с. 9).

В тайге между Катунью и Телецким озером известно несколько охотничьих стоянок и святилищ в пещерах и навесах. Сведения о трех из них опубликованы (Почуфаров Ю., 1972; Бородаев В.Б., 1989; Максимов Г., 1993). В 2011 г. студенты Горно-Алтайского педагогического колледжа обнаружили углистый горизонт в Большой Белобомской пещере.

Библиографический список

Археологические памятники и объекты Майминского района / С.М. Киреев [и др.]. Горно-Алтайск, 2008. 143 с., ил.

Бородаев В.Б. История в камне // Звезда Алтая. 1989. 5 июля. С. 4.

Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 137–156.

Давыдова Л.А. Учетная карточка на Аккаинскую пещеру. 1949 // ГААК. Ф. 1041. О. 1. Д. 472. ЛЛ. 41–46.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 3–7.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Часть 1. Новосибирск, 1994. 262 с.: ил.

Иванов А. Пещеры // Сибирская Советская Энциклопедия. Нью-Йорк, 1992. Т. IV. Стб. 318–324.

Кирюшин К.Ю., Кондрашов А.В., Семибратов В.П. Археологическое исследование в Алтайском районе по левому берегу р. Катунь в 2004 г. (перспективы использования археологических объектов в сфере туризма) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. 14. Барнаул, 2005. С. 90–94.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. Барнаул, 1995. 150 с.: ил.

Климونتова А.Н. Густота и плотность карстовых форм хр. Иолго (Северный Алтай) // Вопросы географии Горного Алтая. Барнаул, 1975. С. 14–17.

Климونتова А.Н. Состояние изученности карстовых форм рельефа в Горном Алтае // Материалы по географии Алтайского края. Барнаул, 1975а. С. 3–9.

Кочетов В.С. Детские туристические маршруты по Горному Алтаю. 2 изд. Барнаул, 1965. 84 с.

Лапшин Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 3–17.

Максимов Г.М. Карст и пещеры центра Горного Алтая // Свет. 1993. №4 (10). С. 20. См. также: www.nskdiggers.h1.ru

Маринин А.М. Каталог карстовых пещер Алтая // Материалы по географии Алтайского края. Барнаул, 1975. С. 24–36.

Маринин А.М. Каменная пещера // Красная книга Республики Алтай: Особо охраняемые территории и объекты. Горно-Алтайск, 2002. С. 113–114.

Памятники природы Республики Алтай / Пещеры // Атлас «Республика Алтай». Новосибирск, 2006. С. 251–305.

Певзнер Е.Л. Голубые тропы. Горно-Алтайск, 1957. 44 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 504[2] с.

Почуфаров Ю. Находки в пещере // Алтайская правда. 1972. 12 марта.

Предварительный список исторических и археологических памятников Алтайского края на 1 декабря 1948 г. // ГААК. Ф. 1041. О.1. Д. 53. Л. 61.

Скворцова Р. Вторая экспедиция М.Н. Ядринцева на Алтай // Страницы из истории Алтая. Барнаул, 1971. С. 63–65.

Списки исторических памятников Алтайского края // ГААК. Ф. 1041. О. 1. Д. 81. ЛЛ. 2–6; 41.

Тупотилова А.Н. Карстовые явления хребта Иолго // Известия Алтайского отдела Географического Общества Союза ССР. Барнаул, 1963. Вып. 3. С. 48–50.

Тупотилова А.Н. Некоторые данные о распространении карста в Горном Алтае // Известия Алтайского отдела Географического Общества Союза ССР. Барнаул, 1965. Вып. 6. С. 29–36.

Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. Барнаул, 1959. 252 с.

Хороших П.П. Киндерлинская пещера // Природа. 1949. №9. С. 59–60.

Цыкин Р.А., Цыкина Ж.Л., Черняева К.П. Пещеры Алтае-Саянской горной области // ВИНТИ, 1979 / Деп. №1875-79. 162 с.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганом и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1883. Т. 9, вв. 2 и 3. С. 181–204.

Н.Н. Головченко

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

**КЕРАМИКА, ИМИТИРУЮЩАЯ ШВЫ КОЖАНОЙ ПОСУДЫ
В ФОНДАХ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ АЛТАЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
(по материалам памятников Масляха-I и Соколово-I)**

Керамика – самый массовый археологический материал, несущий разнообразную информацию о носителях древних культур. Не является исключением в этом отношении и керамический комплекс, происходящий из погребальных памятников скифского времени Верхнего Приобья. Наиболее информационно-насыщенными, по-нашему мнению, для данного периода являются сосуды имеющие орнамент в виде имитации швов на кожаной посуде. В ходе работы по измерению объемов керамических сосудов каменной (большереченской) культуры проводимой в 2009 году в фондах музея АлтГПА (руководитель А.Н. Телегин, результаты не опубликованы) нами было выявлено пять таких сосудов, происходящих с памятников Масляха-I (раскопки 1979 г. (Могильников В.А., Уманский А.П., 1979, с. 69–93)) и Соколово (раскопки 1965–1966 гг.). О них и пойдет речь в настоящей заметке.

Прежде чем перейти к характеристике орнамента, следует оговориться, что все шесть интересующих нас сосудов обнаружены в погребальных комплексах в качестве сопроводительного инвентаря и представляют собой тонкостенные кувшины (Могильников В.А., 1997, с. 30–34; Могильников В.А., Уманский А.П., 1979, с. 69–93). Будучи довольно частыми находками в погребальных памятниках скифского времени на территории Верхнего Приобья эти изделия должны были наделяться определенным глубоким смыслом и отражать некоторые объективные социальные реалии, этим обстоятельством и определяется значение орнамента на ритуальной посуде.

Обо всем поподробнее. Мы не будем останавливаться на аргументации соответствия орнамента и конкретного шва, она была изложена в специальной работе А.П. Бородовского (1983). Пользуясь наработками автора на нашем материале можно обнаружить орнамент в виде штурмовочного шва на одном сосуде объемом 300 мл из кургана 6, могилы 11 памятника Масляха-1, под коллекционным номером 69. Шов через край отображен орнаментом на двух сосудах объемом 940 мл и 1340 мл (коллекционные номера 78, 81), из кургана 1 могилы 8 и кургана 5 могилы 5 того же памятника. Внешний стачной шов представлен на двух кувшинах с памятника Соколово. Один сосуд, происходящий из могилы 6 кургана 2, имеет объем 2 литра. Второй сосуд из могилы 4 кургана 2 имеет объем 630 мл. Аналогичные сосуды, имеющие разный объем, отмечены как в мужских, так и в женских погребениях на памятниках Объездное, Быстровка, Новотроицкое и многих других.

Швы, отображенные на сосудах, позволяют нам пролить свет на некоторые особенности кройки и шитья кожаных и текстильных изделий скифского населения Верхнего Приобья (Бородовский А.П., 1983; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 60). В частности на сосуде из могилы 6 кургана 2 памятника Соколово зафиксирован такой элемент выкройки как клин-вставка, использующийся при конструировании стыковочных частей одежды. Клин-вставка на сосуде из Соколово существенно отличается от аналогичного элемента, изображенного на сосуде из Быстровки (Бородовский А.П., 1983), не только тем, что изображен на венчике изделия, но и тем, что демонстрирует еще один возможный вариант кройки стыковочных частей кожаных и текстильных изделий. Так наблюдается явное визуальное сходство клина-вставки на сосуде из Быстровки, с аналогичным элементом на штанах из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 (Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л., 2005, рис. 2.53, 2.54), и клина-вставки на сосуде из Соколово (рис. 1 – 1) с кроем рукава рубахи из того же могильника (Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л., 2005, рис. 2.52).

Основываясь на многочисленных аналогиях швов отображенных на сосудах каменной (большереченской) культуры среди фрагментов сшитых тканей из раннесакских могильников Казахстана, Синьцяна,

и главным образом Горного Алтая, можно уверенно вслед за А.П. Бородовским (1983) утверждать, что и население Верхнего Приобья в скифское время пользовалась аналогичными швами при шитье одежды. В подтверждение наших выводов можно так же указать на наличие шва через край на фрагменте одежды из кургана 7, могильника Новотроицкое-1 (рис. 1 – 2, 3) (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 17–18, рис. 7–16).

Рис. 1. 1 – керамический сосуд из могилы 6, кургана 2 памятника Соколово-1 (фото автора); 2 – керамический сосуд из могилы 11, кургана 6 памятника Масляха-1 (фото автора); 3 – шов через край на фрагменте одежды из кургана 7, могильника Новотроицкое-1 (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 17–18, рис. 7–16)

Определение семантики таких изделий вопросов не вызывает, большинством исследователей они определяются как «дорожная посуда» (Бородовский А.П., 1983), имитирующая кожаные фляжки широко распространенные в среде кочевых племен Центральной Азии. Такие керамические сосуды в контексте погребального ритуала, вероятно, были призваны сопровождать покойного в загробной жизни.

Таким образом, керамическая посуда, обнаруженная на памятниках Масляха-1 и Соколово-1, имеющая орнамент в виде швов может являться важным косвенным источником для реконструкции костюма скифского населения Верхнего Приобья, а так же может служить одним из диагностирующих признаков распространения кочевых традиций и развития скорняжного и ткацкого дела.

Библиографический список

Бородовский А.П. К вопросу о керамике, имитирующей швы кожаной посуды (по материалам курганной группы Быстровка-1) // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 51–56.

Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 69–93.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине–второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005. 232 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

В.В. Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОГРЕБЕНИЕ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ у с. ХАБАЗИНО¹

Осенью 1992 г. археологическим отрядом АлтГУ под руководством автора проводилось обследование участка проектируемой автодороги между селами Хабазино–Покровка в Топчихинском районе Алтайского края.

В с. Хабазино от местного жителя, краеведа-любителя, Железнова Ивана Алексеевича, учителя Хабазинской средней школы, была получена информация о том, что на окраине села в 1985 г. оврагом была разрушена древняя могила. Им же были переданы железные находки с этого объекта и показано место, где он находился.

Памятник получил название могильник Хабазино-4. Он располагается на первой надпойменной террасе, высотой 10 м, левого берега р. Алей, на юго-восточной окраине с. Хабазино. В этом месте в пойму слегка вдается небольшой мыс овальной формы, размерами 80х50 м. По словам информатора до войны на этом мысе находились постройки конефермы, затем до 1970-х гг. это место использовалось как скотомогильник. В современном состоянии вся площадь мыса занята сельской свалкой. С северо-восточного края свалки расположено кирпичное здание бани, вся терраса к северо-западу от свалки занята редкими деревянными застройками с большими огородами, расположенными без видимого порядка. К юго-западу от мыса в пойму

¹ Исследование выполнено в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Реконструкция социальной организации и системы жизнеобеспечения кочевников Южной Сибири поздней древности и средневековья»; шифр 2010-1.2.2.-028-022).

спускается проселочная дорога. Со стороны поймы, ближе к южному краю мыса террасу прорезает овраг, размерами 10x6 м, с максимальной глубиной до 3 м. Овраг образован в результате действия ветров и весенних разливов Аляя.

По словам И.А. Железнова весной 1985 г. этим оврагом разрушило половину древней могилы. Могила находилась вдоль северо-западного края оврага и длинной стороной была ориентирована по линии ЮЗ–СВ. В образовавшемся срезе стенки оврага просматривалось деревянное перекрытие из жердей, а под ними часть скелета человека и коня. Более точную информацию о положении скелетов, их ориентации, размерах могилы получить не удалось. Не обвалившаяся часть могилы была растащена местами подростками. И.А. Железнов впоследствии собрал у них из всех многочисленных вещей, бывших в могиле части берестяного колчана со стрелами и стремя. Эти находки хранились затем в школе, но в ходе очередного ремонта периодически выбрасывались, и лишь несколько из них в обломках удалось сохранить.

Всего из инвентаря могилы уцелели фрагменты железного стремени и шесть железных наконечников стрел. Стремя представлено двумя обломками, по которым восстановимы его форма и параметры (рис. 1 – 1). Общие размеры стремени высота 15,5 см, наибольшая ширина около 14 см. Ушко стремени петельчатое, овальной формы, вытянутое по горизонтали. Его длина 5 см, ширина 3 см. Дужки имеют абрис округлой формы, в сечении они круглые диаметром до 2 см. Подножка в продольной плоскости, видимо, была слегка прогнута, что в сочетании с дужками давало стремени общий округлый контур. В поперечном сечении подножка прямая, прямоугольной формы, ее сохранившаяся ширина 3,7 см, толщина 0,7 см.

Стремена с петельчатым ушком ранее всего (середина – 2-я половина V в. н.э.) появляются на территории Горного Алтая и отсюда распространяются по значительной части Евразии, активно применяясь, весь период раннего средневековья (VI–XI вв. н.э.). Сочетание таких признаков хабазинского стремени как округлые дужки и горизонтально петельчатое ушко возможно для изделий второй половины IX в. н.э. (Неверов С.В., 1998, с. 145–146).

Наконечники стрел представлены отдельным экземпляром (рис. 1 – 2) и пятью изделиями, спекшимися в монолит (рис. 1 – 3). Все наконечники имеют черешковый насад. Черешки и острия половины наконечников разрушены, однако это не мешает восстановить форму и параметры данных экземпляров, сопоставляя их с лучше сохранившимися аналогами. Общая длина хабазинских наконечников 7,5–9 см. Черешки округлые в сечении длиной 2,5–3 см, диаметром 0,9 см. На них остались следы древков и обмотки. Все наконечники имеют килевидный абрис пера. Тело пера у двух наконечников трех-

лопастное, а у четырех – трехгранное. Длина пера составляет 5–6 см, ширина 1,5–2,4 см. У некоторых экземпляров при переходе пера в черешок различим шайбовый упор.

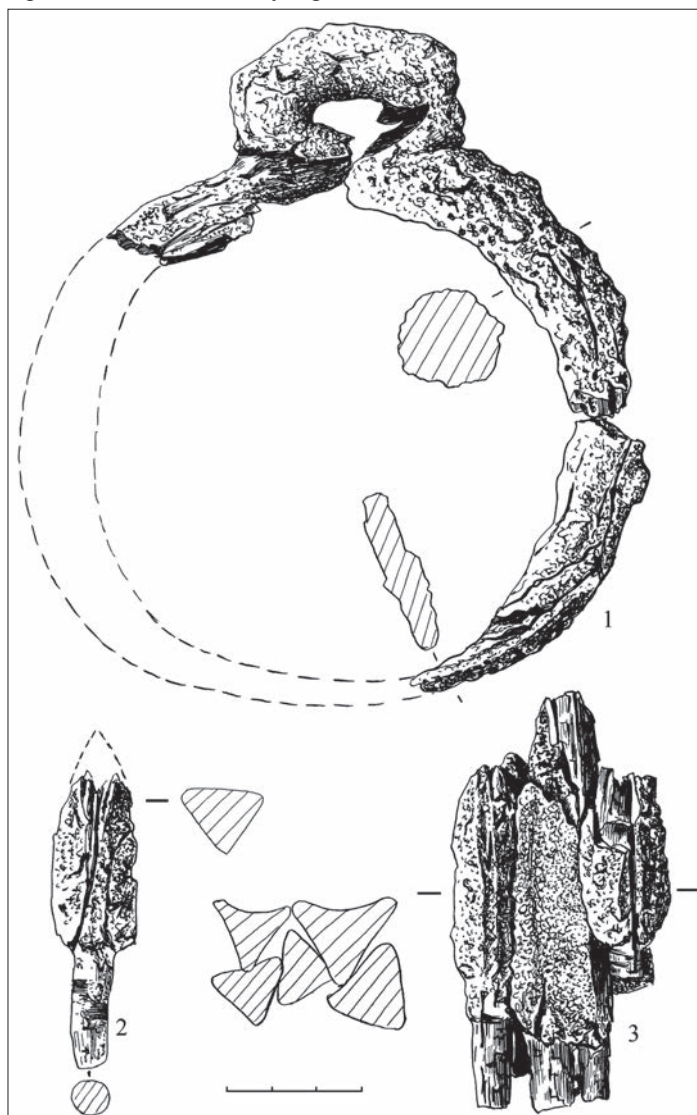

Рис. 1. Железные предметы из разрушенного погребения у с. Хабазино

Аналогичные трехлопастные наконечники стрел бытовали на протяжении второй половины VII–XIV вв. н.э., а трехгранные – во второй половине VI–XII вв. н.э. (Горбунов В.В., 2006, с. 38–40). Однако наконечники с узким пером, как у хабазинских экземпляров, наиболее активно применялись в IX–XI вв. н.э.

В целом инвентарный набор из Хабазино, учитывая более короткое бытование стремени, можно датировать в пределах второй половины IX в. н.э. Это время, когда территория Приобского плато, на котором находится памятник Хабазино-4, входила в ареал сrostкинской археологической культуры.

Сведения о способе погребения – ингумация в сопровождении коня, указывают на тюркский этнокультурный компонент, сыгравший ведущую роль в сложении сrostкинского объединения (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 177). Таким образом, памятник Хабазино-4 следует отнести к начальному периоду Грязновского этапа (вторая половина IX – первая половина X вв. н.э.) сrostкинской культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 176).

Помимо упомянутого оврага разрушившего сrostкинскую могилу, с юго-восточного края мыса, со стороны поймы, в 1990 г. был вырыт карьер для сбрасывания мусора. Его размеры 20x5 м, максимальная глубина 5 м. Визуальное обследование разрушений оврага и карьера результатов не дало. Можно лишь отметить большое скопление мусора, деревянных и бетонных конструкций на поверхности и в верхних слоях разрезов, а на глубине 0,5–1 м скопления костей домашних животных. Проведение здесь археологических работ будет крайне затруднено. Состояние поверхности мыса не позволяет определенно говорить о типе находящегося здесь памятника – грунтовый или курганный могильник. Топографическая ситуация – край террасы господствующий над поймой – позволяет предположить, что в этом месте когда-то находился курганный могильник. Разрушение новых могил возможно со стороны оврага и карьера, которые постепенно расширяются под воздействием эрозии ветров и весенних половодий. Основная же площадь памятника надолго похоронена под слоем свалки.

Библиографический список

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 129–151.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сrostкинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.

В.В. Горбунов, А.Г. Ситдииков, А.А. Тишкин

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань*

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА СРОСТКИ-I В БИЙСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ¹

Курганный могильник Сростки-I является базовым комплексом средневековой археологии на юге Западной Сибири и одним из крупных некрополей на территории Алтайского края. Он расположен в 25 км к юго-западу от г. Бийска, на северо-восточной окраине с. Сростки Бийского района, на правом берегу Катуня, неподалеку от впадения в нее р. Федуловки. Курганы располагаются на южном покатом склоне горы Пикет (другое название этого места – Крутой Солонец).

Первооткрывателем памятника считается сотрудник Бийского музея, археолог-любитель М.Д. Копытов, вскрывший в 1925 г. 39 объектов. В том же году раскопки были продолжены отрядом Алтайской археологической экспедиции Этнографического отдела Русского музея под руководством М.Н. Комаровой (начальник экспедиции – С.И. Руденко). В результате исследовано еще 11 курганов. Дальнейшие археологические работы на памятнике проводила экспедиция Общества изучения Сибири под руководством С.М. Сергеева, которая раскопала в 1930 г. шесть курганов. Тогда же был составлен глазомерный план могильника, на котором отмечена 61 земляная насыпь. Всего за два полевых сезона на памятнике Сростки-I было вскрыто 56 курганов, т.е. большая часть имевшихся объектов. Важно отметить, что исследования под руководством М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева осуществлялись путем вскрытия центральных участков насыпей с помощью колодцев размерами 2x2 м и 3x3 м. М.Д. Копытов также раскапывал курганы по центру, но, вероятнее всего, без четкой разметки. Никакой документации работ он не вел. Коллекция находок, полученных М.Д. Копытовым, хранится в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки и значится под №849 (по описи в ней указаны 242 предмета). Материалы раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева хранятся в Государственном Эрмитаже (коллекции №4381 и 1285).

Отдельные вещи, обнаруженные М.Д. Копытовым, публиковались различными исследователями (Грязнов М.П., 1930; Киселев С.В., 1949; Могильников В.А., 1981; Савинов Д.Г., 1984; Худяков Ю.С., 1981; Неве-

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», 2012-1.1-12-000-3001-017) и НИР Казанского (Приволжского) федерального университета (6.1974.2011).

ров С.В., Горбунов В.В., 1996; Горбунов В.В., 2006, 2010; и др.). Краткая характеристика работ этого археолога-любителя была дана С.М. Сергеевым (1998), а обзор коллекции предпринимался С.В. Неверовым (1991). Однако полной публикации материалов, полученных М.Д. Копытовым, до сих пор так не состоялось. Результаты раскопок одного кургана, исследованного С.М. Сергеевым, представлены в монографии А.А. Гавриловой (1965). Большая часть вещей и полевые дневники М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева введены в научный оборот Д.Г. Савиновым (1995, 1996, 1998).

Найденный инвентарь и данные о погребальном обряде Сросткинского могильника продемонстрировали яркую материальную культуру ранее неизвестного облика. Это позволило М.П. Грязнову (1930) сначала выделить группу аналогичных объектов, которая в серии более поздних его работ была названа сросткинской археологической культурой (Грязнов М.П., 1949; 1951; 1956). Такое наименование сохраняет свое значение по настоящий день, объединяя памятники 2-й половины VIII – XII вв. н.э., среди которых 130 некрополей и шесть поселений, исследованных на территории Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей (Горбунов В.В., 2009, с. 33–34). Сам курганный могильник Сростки-I по найденному инвентарю датируется 2-й половиной IX – 1-й половиной X вв. н.э. и отражает развитую стадию существования обширной этнокультурной общности на юге Западной Сибири.

Современное состояние памятника Сростки-I оставляет желать лучшего. Его западная часть, находящаяся на краю оврага, заросла облепихой, что затрудняет топографическое изучение объектов могильника. Часть курганов некрополя пострадала в результате различной деятельности людей. Памятник нуждается не только в охранных археологических работах, но и в приведении его обезображенного вида в частично музеефицированную площадку. С научной точки зрения представляется целесообразным провести раскопки вскрытых и не потревоженных курганов по современной методике для выявления конструктивных особенностей насыпей и рвов, расположения и устройства могил, фиксации деталей погребального обряда и инвентаря.

Такие работы были начаты на курганном могильнике в 2012 г. экспедицией Алтайского государственного университета при участии Казанского (Приволжского) федерального университета и Института истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Основная цель проводимых исследований заключалась в получении более полной информации о некрополе.

В ходе запланированных работ была осуществлена тахеометрическая съемка визуально фиксируемых насыпей и деталей рельефа. Часть объектов сейчас находится в густых зарослях облепихи и их съемка пока не возможна. Курганы сгруппированы в несколько цепочек вытянутых

по преимуществу с юг на север. Их насыпи – земляные, округлой или овальной формы, диаметром от 5 до 18 м, высотой от 0,3 до 1 м. Вокруг некоторых курганов визуально видны следы ровиков.

Для раскопок на памятнике был выбран один уже раскапывавшийся курган в центральной части могильника. Он получил номер 12, исходя из того, что такая цифра не фигурировала в материалах раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева. Земляная насыпь овальной формы имела размеры 9x8 м и высоту до 0,65 м от уровня современной поверхности. Длинной осью курган был ориентирован по линии юг–север. В центральной части, с небольшим смещением к северу, находилась воронка от ранее произведенных раскопочных работ. Она оказалась глубиной до 1,1 м, была вытянута по линии запад–восток и имела размеры 4,5x2,8 м.

Вокруг кургана размечался раскоп прямоугольной формы (11x10 м) с двумя бровками, ориентированными по сторонам света. По окончаниям бровок закладывались дополнительные траншеи размерами 2x2 м для поиска возможного рва. Общая площадь вскрытия составила 126 кв.м.

Во время снятия насыпи и выборки околокурганного пространства до уровня материка найдены фрагменты керамики, колотые и целые кости животных, а также древнейшие каменные артефакты. Основные средневековые находки концентрировались в северо-восточной части раскопа. Там же, в 1,2 м от полы насыпи, расчищен развал сосуда с отогнутым венчиком, украшенный ямками и гребенчатым орнаментом с треугольными зубьями. Под слоем дерна, к северу–северо-востоку от упомянутой воронки, найден железный наконечник стрелы с черешковым насадом, однолопастным пером вытянуторомбического абриса, снабженным шайбовым упором (рис. 1 – 1). Очевидно, он был выброшен при «раскопках» основной могилы. Под северо-восточной полкой насыпи, в 1,65 м от могилы-1, зафиксированы остатки деревянного столба размерами 0,45x0,15 м. Верхняя часть его оказалась сломана и обожжена. Сам столб стоял вертикально в округлой яме диаметром 0,3 м, углубленной в материк на 0,4 м.

После снятия насыпи на уровне материка зачищено три могильных пятна. Могилы-1 и 2 располагались в ряд по оси юг–север, на расстоянии 1,7 м друг от друга. Могила-3 находилась между ними со смещением к востоку. Заполнение ранее раскопанной могилы-1, ориентированной длинной осью по линии ЮВВ–СЗЗ, было выбрано до материка, в результате чего установлены размеры погребальной камеры – 1,98x0,95 м (глубина от уровня материка – 1,18 м). В ходе такой работы встречены отдельные беспорядочно разбросанные кости человека и лошади, а также несколько вещей: роговая тыльная накладка на рукоять сложно-составного лука (рис. 1 – 2), роговая втулка-пронизка (рис. 1 – 3) и же-

лезная рамчатая пряжка с обломанным подвижным язычком (рис. 1 – 4).
На дне могилы вдоль восточной торцевой стенки зафиксирован слабый
тлен от деревянной рамы.

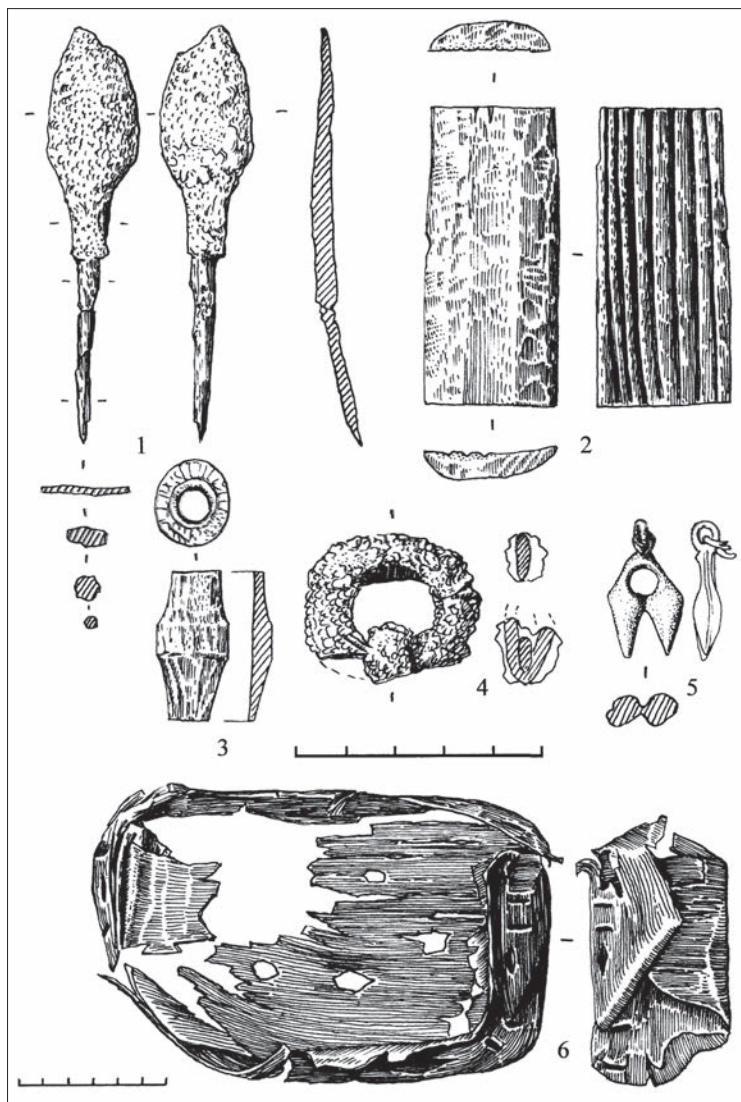

Рис. 1. Могильник Сростки-I. Инвентарь из кургана №12: 1-4 – могила-1;
5-6 – могила-2. 1, 4 – железо, 2-3 – рог, 5 – бронза, кожа, 6 – береста

Пятно могилы-2 имело размеры 1,37х0,5 м, с ориентацией длинной осью по линии запад–восток. На дне могильной ямы (глубина 0,56 м) расчищен потревоженный грызунами скелет ребенка, уложенного вытянуто на спину, головой на восток. В области шеи находилась бронзовая подвеска с остатками кожного шнурка (рис. 1 – 5), а в изголовье – берестяной туесок (рис. 1 – 6) с костями овцы.

Могила-3 имела размеры 0,74х0,34 м и ориентацию длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На дне ямы (глубина 0,12 м) также расчищены остатки скелета ребенка, сильно поврежденные грызунами. Умерший был уложен головой на северо-восток. Инвентарь в могиле отсутствовал.

По завершении работ раскоп кургана №12 подвергся рекультивации и частичной музеефикации. Насыпь восстановлена до своих первоначальных размеров, что позволяет сохранить объект как часть окружающего его культурно-исторического ландшафта.

Находки, полученные во вторично раскопанном кургане, не противоречат датировке памятника 2-й половиной IX – 1-й половиной X вв. н.э. и в целом хорошо вписываются в уже известный инвентарный комплекс могильника. Так однолопастные железные наконечники стрел обнаружены в курганах №3, 4, 5, 6, 11, изученных М.Н. Комаровой (Савинов Д.Г., 1998, рис. 1.-8, 4.-6, 5.-2, 6.-7). Почти идентичная накладка лука происходит из упомянутого кургана №5 (Савинов Д.Г., 1998, рис. 5.-5), а железные пряжки с округлыми и овальными рамками и подвижными язычками есть среди материалов курганов №1 и 6 (Савинов Д.Г., 1998, рис. 1.-4, 6.-6).

Полностью исследованный курган №12 показал, что все выявленные показатели (планиграфия могил, способ погребения, положение и ориентация умерших, традиция сооружения «изголовного» столба и др.) как раз характерны для большинства погребальных памятников сросткинской археологической культуры.

Библиографический список

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Сросткинская культура Алтая: картографический анализ и его историческая интерпретация // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск, 2009. Т. II. С. 33–35.

Горбунов В.В. Антропоморфные подвески из могильника Сростки-I // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 16–19.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. 12 с.

Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. М.; Л., 1949. Вып. XXVI. С. 110–119.

Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. М.; Л., 1951. Вып. XL. С. 105–113.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 226 с. (МИА. №48).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА №9).

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 45–46. (Археология СССР).

Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 125–128.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 163–191.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (дневник раскопок С.М. Сергеева 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. II. С. 166–171.

Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (по материалам раскопок Н.М. Комаровой, 1925 г.) // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 192–206.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115–132.

В.В. Горбунов, Я.В. Фролов

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Научно-производственный центр «Наследие», Барнаул*

КРЮШИНО-2 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ

В 2006 г. одному из авторов публикации передали несколько металлических изделий относящихся к эпохе средневековья, найденных в пойме правого берега р. Оби на песчаных грядках. В июле 2006 г. Я.В. Фролов с находчиком предметов выехал на место их обнаружения. Выяснилось, что вещи найдены на одной из песчаных гряд расположенных между озерами Телеутское и Крюшино в 6,5 км к юго-востоку от с. Речкуново на территории Тальменского района Алтайского края. В 2,5 км к северо-востоку от этого места на берегу оз. Телеутское располагается дом фермера и в 0,4 км к юго-востоку заброшенный летник. Место, где обнаружены предметы, находится в центральной части скопления песчаных гряд, в 100–150 м к югу от небольшого озерца, разделяющего массив песчаных всхолмлений на две части.

Все находки были сделаны на небольшом компактном участке размерами 60х30 м. Он располагается в небольшом понижении и с севера и запада ограничен склонами высоких гряд, с юга небольшой выемкой, разделяющей гряды, с востока понижением в котором произрастают несколько деревьев. Вещи найдены на небольшой глубине от 5 до 20 см и обнаружены при помощи металлоискателя. Костей, животных или человека, а так же керамики здесь обнаружено не было. По словам находчика, основная масса предметов – стремя, наконечники стрел, напильники и один комплект железных удил образовывали скопление в северо-восточной части участка.

Так как археологических работ на месте обнаружения вещей не производилось, охарактеризовать тип памятника пока не представляется возможным. Нахождение предметов близко к поверхности, вероятно, связано с активными процессами ветровой эрозии, происходившими на этом участке в предшествующее время и приведшими к разрушению верхнего слоя почвы. Возможно, активизации процессов почвенной эрозии способствовало функционирование в советское время летника вблизи этого объекта. После прекращения выпаса скота на данной территории выдувы стали дерноваться, и в настоящее время риска дальнейшего разрушения памятника нет.

При обследовании других участков на соседних песчаных грядах, на самой южной гряде в ее юго-западной и центральной части был выявлен еще один памятник – поселение. Здесь в разрушениях на месте полевой дороги собрано несколько фрагментов керамики и обломок железного ножа. Керамика позволяет отнести этот памятник к эпохе раннего железа.

По названию располагающегося в 0,7 км северо-западу озера данный памятник получил название Крюшино-1. Объект, где обнаружены вещи эпохи средневековья, получил название Крюшино-2.

Несмотря на то, что процессы ветровой эрозии на месте памятника Крюшино-2 прекратились, его территория слабо задернована, разрушенные древние объекты находятся практически на поверхности и продолжают разрушаться в результате воздействия осадков. Об этом свидетельствует разная степень сохранности предметов, часть из которых, вероятно долгое время находилась на поверхности и сильно коррозировала. В связи с этим, на памятнике необходимо провести аварийные археологические раскопки, которые также позволят установить его типовую принадлежность.

Весь комплекс находок, сделанных на Крюшино-2, можно разделить на следующие категории вещей: вооружение, снаряжение верхового коня, орудия труда, костюм.

Вооружение представлено серией из 15 наконечников стрел различной сохранности. Они изготовлены из железа, имеют следы кор-

розии и механических повреждений. Отдельные участки некоторых наконечников подверглись воздействию огня, отчего их поверхность гладкая и блестящая. 12 экземпляров сохранили все основные параметры (рис. 1 – 1-12), от одного наконечника уцелела лишь часть черешка и основания пера с упором (рис. 1 – 13), от двух – остались только черешки (рис. 1 – 14-15). Все наконечники снабжены черешковым насадом в основном округлого сечения, только у двух изделий черешки четырехгранные в сечении: подквадратного (рис. 1 – 11) и прямоугольного (рис. 1 – 12) абриса. На поверхности черешков хорошей сохранности видны насечки для вкручивания наконечника в торец древка стрелы. По конструктивным признакам пера среди наконечников публикуемой серии можно выделить пять типов:

1. Наконечники с трехлопастным пером, на самом окончании острия лопасти сливаются, образуя трехгранник. Абрис пера напоминает ассиметричный ромб, однако, небольшие выступы лопастей в основании делают похожим перо и на пятиугольную фигуру с заметным расширением к вершине и прогнутостью боковых сторон. При переходе пера в черешок имеется шайбовый упор округлого сечения. К данному типу относятся семь наконечников стрел (рис. 1 – 1-7) и, вероятно, фрагмент еще одного наконечника (рис. 1 – 13). Размеры: общая длина 7,8–12 см, длина пера 4,2–5,9 см, наибольшая ширина пера 1,2–1,9 см. Ближайшие аналогии таким наконечникам по всем признакам часто встречаются в памятниках сросткинской культуры 2-й половины VIII – 1-й половины XI вв. н.э. и кыргызской культуры 2-й половины IX – 1-й половины X вв. н.э., но отдельные образцы используются и в XII в. н.э. (Горбунов В.В., 2006, с. 30–31, рис. 29 – 7-8, 30 – 17, 32, 46, 31 – 33, 32 – 8, 33 – 4-5, 11, 13, 26, 34 – 1, 3).

2. Наконечник с трехлопастным пером треугольного абриса и шайбовым упором округлого сечения (рис. 1 – 9). Размеры: общая длина 5,5 см, длина пера 3,8 см, наибольшая ширина пера 1,5 см. Данный тип известен по памятникам тюркской культуры 2-й половины VII – 1-й половины X вв. н.э., сросткинской культуры 2-й половины VIII – 1-й половины XI вв. н.э. и кыргызской культуры 2-й половины IX – 1-й половины X вв. н.э. (Горбунов В.В., 2006, с. 29, рис. 27 – 20, 28 – 3, 14, 29 – 2, 30 – 3, 21, 31 – 20, 33 – 3, 16, 29).

3. Наконечник с трехгранным пером треугольного абриса и цилиндрическим упором восьмигранного сечения (рис. 1 – 10). Размеры: общая длина 9,8 см, длина пера 3 см, наибольшая ширина пера 1 см. Близкие экземпляры встречены в сросткинских памятниках 2-й половины IX – 1-й половины XI вв. н.э. и кыргызском памятнике 2-й половины IX – 1-й половины X вв. н.э. (Горбунов В.В., 2006, с. 33, рис. 29 – 31, 31 – 19, 37, 47, 32 – 2, 10, 33 – 36).

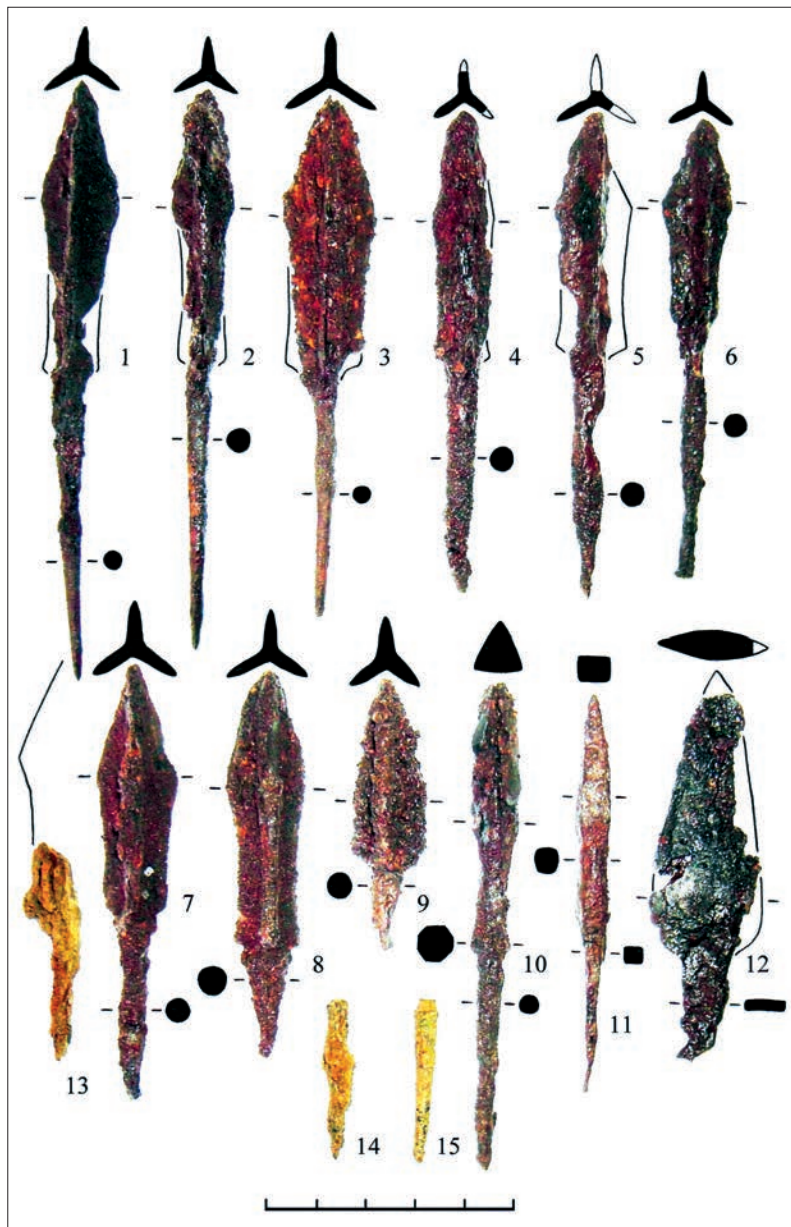

Рис. 1. Крушино-2. Железные наконечники стрел

4. Наконечник с четырехгранным (прямоугольным) пером треугольного абриса и цилиндрическим упором овального сечения (рис. 1 – 11). Размеры: общая длина 8 см, длина пера 3 см, наибольшая ширина пера 7 мм. Аналогичный наконечник найден в сrostкинском памятнике 2-й половины IX – 1-й половины X вв. н.э. (Горбунов В.В., 2006, с. 34, рис. 30 – 30).

5. Наконечник с однолопастным (линзовидным) пером треугольного абриса без упора (рис. 1 – 12). Размеры: общая длина 7,5 см, длина пера 5,3 см, наибольшая ширина пера 2,2 см. Подобные экземпляры известны в хронологическом диапазоне 2-й половины IV–XII вв. н.э., по материалам булан-кобинской культуры и сrostкинским памятникам (Горбунов В.В., 2006, с. 36, рис. 24 – 18, 32 – 6, 15-16).

Если все рассмотренные наконечники стрел принадлежат одному стрелковому набору, то такое сочетание возможно для периода 2-й половины IX – 1-й половины X вв. н.э.

К снаряжению верхового коня относятся удила, псалий и стремя, а также бляхи-накладки на ремни амуниции.

Удила сделаны из железа и составляют три соединенных пары. Внешние окончания звеньев всех удил и грызла имеют прямоугольное или подквадратное сечение, внутренние окончания звеньев более округлые. Одна из пар представляет собой два неравных звена длиной по 6 и 9 см (рис. 2 – 1). Внешние окончания ее звеньев кольчатые, каплевидного абриса по отверстию, внутренние – крюковые. В коротком звене находится частично обломанный псалий. Он изготовлен из железного уплощенного стержня прямоугольного сечения и в целом виде имел S-видную форму. Необычно выполнена его скоба, также из уплощенного стержня, который обернут вокруг центральной части псалия. Длина сохранившегося псалия 5,6 см, максимальная ширина изделия по скобе 2,4 см. Согласно типологии удил разработанной для Верхнего Приобья данная пара характерна для конца VIII – IX в. н.э. (Неверов С.В., 1992, с. 145).

Их внешние окончания крюковые, округлого абриса по отверстию, внутренние также крюковые. Третью пару удил отличает хорошая сохранность (результат пребывания на огне). У нее неравные звенья длиной по 7,2 и 12 см, крюковая конструкция внешних и внутренних окончаний при округлости отверстий внешних окончаний (рис. 2 – 3). Обе пары этих удил, исходя из совокупности присущих им признаков, появляются не ранее середины IX в. н.э. (Неверов С.В., 1992, с. 151).

Стремя изготовлено из железного дрота подквадратного сечения. Его высота 15,2 см, максимальная ширина по дужкам 13 см, по ушку 4,4 см, по подножке 5,8 см (рис. 2 – 4). Ушко стремени петельчатое подтреугольной формы, дужки арочного абриса. Подножка прогнутая, в поперечной плоскости имеет форму вытянутого овала, в сечении она

C-образна со следами слабой нервюры на внешней стороне. Признаки публикуемого стремени позволяют датировать его VIII–IX вв. н.э. (Неверов С.В., 1998, с. 145–147).

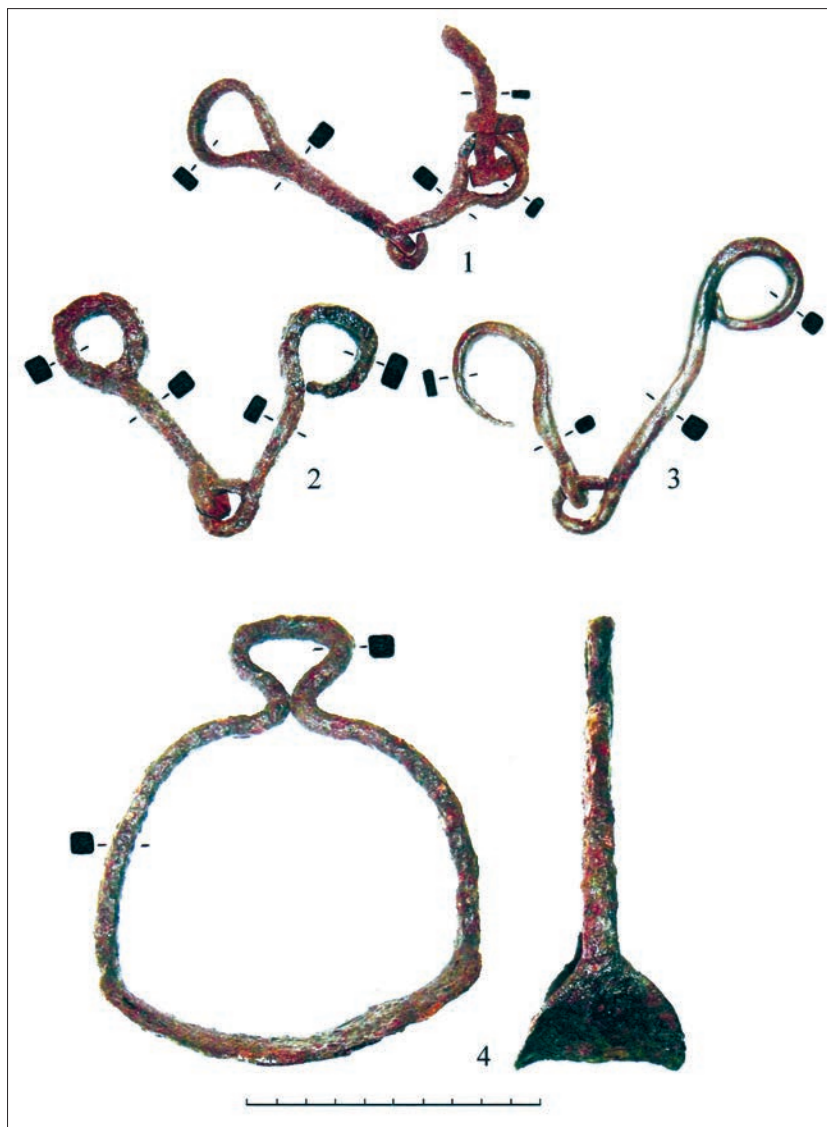

Рис. 2. Крюшино-2. Железные удила с псалием (1), удила (2–3) и стремя (4)

Другая пара удил имеет одинаковые звенья длиной по 9 см (рис. 2 – 2). Бляхи-накладки отлиты из бронзы. К кожаным ремням они крепились при помощи пары острых шпеньков загнутых друг к другу. Корпус блях представляет собой рельефную (трапециевидную в сечении) пластину из центральной части и бортиков. Две бляхи одинаковы (рис. 3 – 13-14). Они имеют общую овальную форму с тремя заостренными выступами: два по бокам и один сверху. На лицевой поверхности есть растительный орнамент в виде стилизованного цветочного бутона. Он состоит из ребристого овала заканчивающегося внизу двумя разнонаправленными завитками, между которыми находится точка ложной зерни. Выше нее веером расположены еще три более крупные точки. Размеры блях: длина 2 см, ширина 1,5 см, общая толщина 4 мм, толщина стенок 1–1,5 мм. Третья бляха отличается только наличием округленного выступа в нижней части (рис. 3 – 15). В нем сделано округлое отверстие для подвешивания кисти или ленты. Размеры бляхи: длина 2 см, ширина с выступом 2 см, общая толщина 5 мм, толщина стенок 1–2 мм, диаметр отверстия 3 мм. Похожие изделия, но без орнамента, зато с выступом-отверстием происходят из могильника Сростки-I – 2-й половины IX – 1-й половины X вв. н.э. (Савинов Д.Г., 1998, рис. 9 – 1).

Орудия труда представлены напильниками и ножами. К первым можно отнести два целых изделия и еще один фрагмент. Самый крупный напильник имеет брусковидную рабочую часть и трапециевидный черен, в месте их перехода есть небольшие плечики (рис. 3 – 1). В поперечном сечении обе части изделия прямоугольные. Из-за коррозии насечки не видны. Размеры: общая длина 15,5 см, длина рабочей части 11 см, ширина до 1,2 см, толщина до 8 мм. Второй напильник отличается меньшими размерами (рис. 3 – 2). Его общая длина 10,4 см, длина рабочей части 7,4 см, ширина до 9 мм, толщина до 5 мм. За счет огневой патины, у основания его рабочей части хорошо видны мелкие диагональные насечки. От третьего напильника сохранился небольшой фрагмент рабочей части размерами 2x1,5 см, толщиной 2 мм, трапециевидный в сечении (рис. 3 – 3). По обоим краям его лицевой стороны есть крупные параллельные насечки. Напильники довольно редкие и не всегда опознаваемые находки в средневековых памятниках Алтая. Более часто они встречаются в кыргызских погребальных комплексах Тувы середины IX – X в. н.э. (Овчинникова Б.Б., Длужневская Г.В., 2000, с. 30, рис. 11 – 9, 35).

Среди ножей три экземпляра сделаны из железа. Самый крупный из них сломан на две части, окончание клинка и черен погнуты (рис. 3 – 4). Переход черена в клинок оформлен одним плечиком со стороны лезвия. Общая длина изделия 12,8 см, длина клинка 9 см, наибольшая ширина 2 см, толщина обуха до 3 мм. У другого ножа окончание

клинка не сохранилось, переход клинка в черен оформлен двумя небольшими плечиками (рис. 3 – 7). Размеры: общая длина 7,7 см, длина клинка 4,3 см, ширина до 1,1 см, толщина обуха до 2 мм. От третьего ножа есть только часть клинка с окончанием (рис. 3 – 6). Его длина 6,9 см, ширина до 1,3 см, толщина обуха до 1,5 мм. Еще одно железное изделие может быть отнесено к ножам условно. Это фрагмент прямоугольного сечения, размерами 5,3x1,3x0,2 см, с погнутой и зауженной верхней частью (рис. 3 – 5). Возможно, это черен ножа. Среди находок есть и фрагмент бронзового ножа (рис. 3 – 8). Его клинок сохранился только у основания, общая длина 4,8 см, длина черена 3,8 см, ширина клинка 9 мм, толщина обуха 2 мм. Все найденные железные ножи имеют достаточно широкий период бытования и могли применяться в раннем средневековье. Определенные сомнения вызывает отношение бронзового ножа к этому периоду.

К элементам костюма человека относится наконечник ремня и несколько нательных украшений: бусина, серьга и пронизка.

Наконечник ремня отлит из бронзы. Судя по параметрам, он накладывался на основной ремень пояса, к которому крепился при помощи трех шпеньков, представляющих собой стерженьки с плоскими слегка расплюснутыми окончаниями. Корпус наконечника сделан в виде рельефной пластины с бортиками (рис. 3 – 12). Высота бортиков у основания меньше за счет специального выреза. Форма пластины пятиугольная. Вершина фигуры выделена легкими прогибами, углы скруглены, основание фигурноскобчатое. Размеры: длина 4,1 см, ширина 2,7 см, общая толщина 3–4,5 мм, толщина стенок 1 мм. Аналогичные наконечники есть в тюркских и сросткинских памятниках 2-й половины VIII – IX в. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 35, рис. 23 – 29; Кубарев Г.В., 2005, табл. 23 – 3).

Бронзовая бусина имела округлую форму с отверстием посередине (рис. 3 – 10). Ее края местами оплавилась под воздействием огня. Диаметр изделия 8–9 мм, диаметр отверстия 2 мм. Датировочного значения не имеет.

Фрагмент бронзовой серьги также оплавился от пребывания на огне (рис. 3 – 11). У него различима нижняя часть кольца с выемкой под подвеску. Размеры фрагмента 9x8 мм. Серьги с такой деталью характерны для тюркских памятников VIII–IX вв. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, с. 51, рис. 26 – 21, 24, 26–28). Встречаются они и в ранних сросткинских погребениях (Горбунов В.В., 2011, рис. 1 – 5).

Бронзовая пронизка представляет из себя изделие цилиндрической формы с небольшим расширением в центре, один край которого помят и частично обломан (рис. 3 – 9). Размеры: длина 1,3 см, диаметр 9 мм, толщина стенки 0,8 мм. По цвету металла она отличается от остальных бронзовых предметов комплекса.

Рис. 3. Крюшино-2. Железные изделия: 1–3 – напильники; 4–7 – ножи.
Бронзовые изделия: 8 – нож; 9 – пронизка; 10 – бусина; 11 – серьга;
12 – наконечник ремня; 13–15 – бляхи-накладки

Исходя, из корреляции приведенных аналогий вещевого комплекса с Крюшино-2 можно датировать 2-й половиной IX в. н.э. Именно в данный отрезок времени возможно сочетание большинства из рассмотренных предметов. Местность, где были найдены публикуемые вещи, в этот период входила в ареал сросткинской археологической культуры. Следы воздействия огня на многих изделиях комплекса наводят на мысль об их происхождении из погребений по обряду кремации. Однако отсутствие сведений о кальцинированных костях оставляет вопрос открытым, ответ на который смогут дать лишь археологические раскопки памятника.

Библиографический список

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Тюрко-самодийское взаимодействие в VIII–IX вв. на юге Западной Сибири (по материалам могильника Иня-1) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. II. С. 19–21.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Неверов С.В. Удила второй половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 141–154.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 129–151.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990. 223 с.

Овчинникова Б.Б., Длужневская Г.В. «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). Екатеринбург, 2000. 50 с.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. С. 175–190.

С.П. Грушин, А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ РУДНОГО АЛТАЯ (долина р. Харьковки)

Река Харьковка (длина ок. 29 км) является правым притоком Корболихи. Несмотря на небольшие размеры, она имеет выраженную долину и значительно врезана в собственное пойменное ложе. Это происходит в силу понижения базиса эрозии р. Алея в четвертичную эпоху, которое тянет за собой и его притоки. Обследование долины Харьковки проводили А.А. Тишкин в 1984 г. и А.Л. Кунгуров в 2001–2004 гг. (Гон-

чаров А.В., Кунгуров А.Л., 2003; Кунгуров А.Л., Гончаров А.В., 2003; Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2001; Кунгуров А.Л., Шмидт А.В., 2002; Памятники истории..., 1996). В ходе отмеченных обследований было зафиксировано 52 археологических памятника: 26 одиночных курганов и курганных групп, 15 поселений бронзового и раннего железного веков, 11 стоянок разных периодов палеолитического времени (Кунгуров А.Л., 2005). На юго-восточном обрамлении долины Харьковки в 2004 г. обнаружено три одиночных кургана (Стрижки-2, 4, Сопка Маяк-4) и две курганные группы, состоящие каждая из двух объектов (Стрижки-3 и Сопка Маяк-5). Диаметр насыпей данных курганов от 5 до 12 м, высота до 1 м. Состояние хорошее, так как объекты находятся на не распахиваемых отрогах сопки Стрижковской и Маяк.

В 2009 г. археологическим отрядом АлтГУ проводилось обследование по обоим бортам долины р. Харьковки по маршруту от с. Новокузнецовка до с. Белянинский. Всего обнаружено восемь новых памятников различной культурной и хронологической принадлежности.

Поселение Гора Раскат-1 (N51.245495° E82.076372°, высота 377 м над у.м.) Поселение, расположенное на левом выположенном борту долины ручья, впадающего в Харьковку на северной окраине с. Новокузнецовка. Ручей берет начало в логу, врезанном в восточный отрог горы Раскат (524 м над у.м.), чем и объясняется название этого и других памятников, привязанных к этому орографическому образованию. Площади поселения частично распахана, частично задернована, но имеет многочисленные разрушения поверхности, связанные с расположением вблизи населенного пункта (грунтовые дороги, ямы, срезы грунта). В разрушениях собрана керамика, в том числе венчик сосуда закрытой баночной формы без орнамента (рис. 1–2). Возможная датировка памятника – ранний железный век (V – I вв. до н.э.).

Курганный могильник Гора Раскат-2 (N51.248173° E82.079282°, высота 408 м над у.м.). Памятник находится в 200 м северо-восточнее памятника Гора Раскат 1 на поверхности гривы – отрога г. Раскат, имеющего простирание с СЗ на ЮВ. Грива образована двумя параллельными логами. Выше и ниже расположения памятника отрог цокольный, а в центральной части образует прогиб, сложенный лассотипной толщей. На юго-западном склоне, обращенном к поселению Раскат-1, расположена группа из трех курганов с каменно-земляной насыпью, вытянутая цепочкой вдоль гривы (с СВ на ЮВ). Курганы очень сильно распаханы, что почти полностью сnivelировало их высоту (0,3–0,2 м) и придало насыпям овально-вытянутую форму, размерами от 12x10 (№1) до 11x7 (№3) м. Датировка не определена.

Поселение Гора Раскат-3 (N51.250131° E82.088352°, высота 365 м над у.м.). Находится на пологом террасовидном понижении, являющемся оконечностью юго-восточного отрога г. Раскат. Понижение

сформировано двумя параллельными логами (западный с активным водотоком) в расширяющийся трапециевидный мыс высотой до 10 м от уровня реки. Вся площадь памятника активно распахивается. На поверхности собрана керамика (обломки не менее 6 сосудов) и металлургические шлаки. Один фрагмент орнаментирован «чистым» жемчужником, характерным для раннего железного века (рис. 1 – 3).

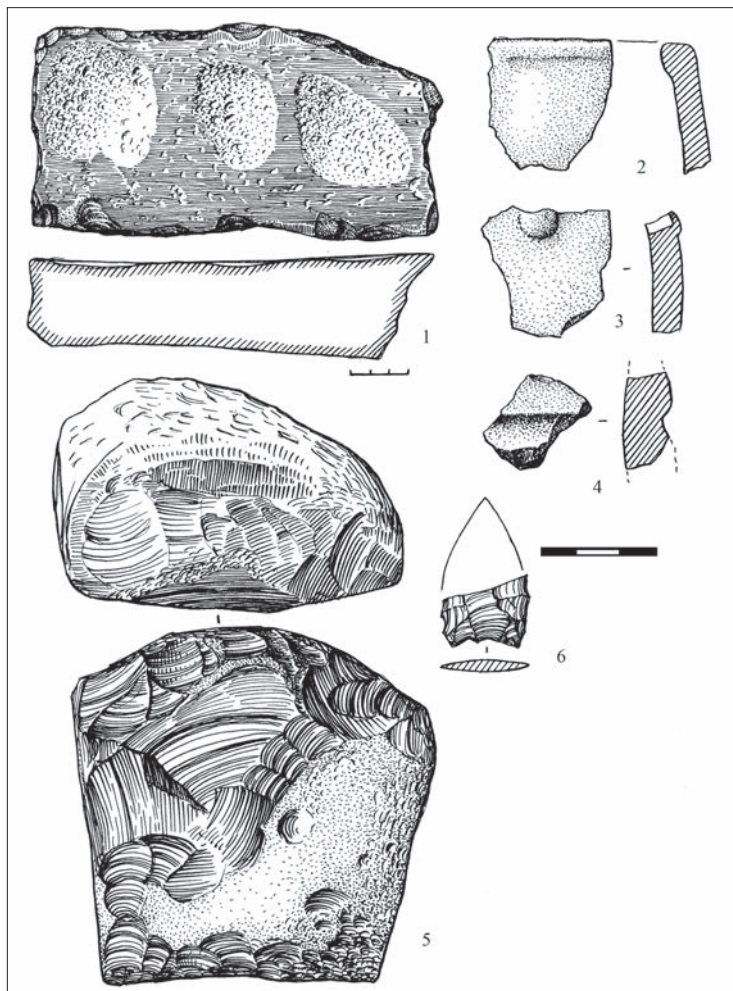

Рис. 1. Археологические находки с памятников долины р. Харьковка: 1 – Белянинский-1; 2 – Гора Раскат-1; 3 – Гора Раскат-3; 4 – Гора Раскат-6; 5 – Белянинский-2; 6 – Гора Раскат-5 (1, 5, 6 – камень; 2, 3, 4 – керамика)

Поселение Гора Раскат-4 (N51.257330° E82.097916°, высота 374 м над у.м.). Расположено на пологом понижении оконечности восточного отрога г. Раскат. Рельеф данного орографического участка очень невыразителен – отсутствуют заметные детали рельефа (мысы, лога и т.п.). Полого наклонная долина, плавно спускающаяся с уровня 50–60 м до уреза поймы, полностью распаханна. На участке пашни собрана керамика без орнамента, характерная по структуре теста и обжигу для раннего железного века.

Поселение Белянинский-1 (N51.260769° E82.105280°, высота 378 м над у.м.). Поселение, расположенное на мысовидном образовании высотой 4–5 м, являющемся оконечностью обширного левобережного полого наклонного цокольного плато, формирующего борт Харьковки от с. Белянинского до Новокузнецовки. Плато расчленено рядом понижений и логов в длинные гривы, простирающиеся с ЮВ на СЗ. В местах с повышением рельефа, видимо, располагались разрушенные цокольные останцы, проявляющиеся повышенным содержанием обломочного материала на распаханной поверхности. К подобному сегменту рельефа приурочено данное поселение. В пашне обнаружена керамика без орнамента, кости животных, скопления металлургических шлаков и обмазок печей (?), а также обломок зернотерки или куранта небольших для этого типа изделий размеров (рис. 1 – 1). Орудие было сломано пополам в древности и вторично использовалось как наковальня для дробления и растирания твердого материала (руды?). От данной работы на отшлифованной поверхности остались заметные каверны и выбоины, не характерные для растирания органического материала. Возможная датировка комплекса – ранний железный век.

Поселение Белянинский-2 (N51.253583° E82.101421°, высота 367 м над у.м.). Поселение, приуроченное к мысовидному выступу левобережного плато борта Харьковки, сформированному выступом рельефа и правым бортом крупного ручья. Высота до трех – пяти метров от уровня уреза реки. Находки аналогичны предыдущему памятнику – керамика без орнамента, шлаки, кости животных. Также обнаружен рудодробильный пест из аллювиальной отдельности (рис. 1 – 5). Подобных валунов ни в русле Харьковки, ни в русле Корболихи, в которую Харьковка впадает справа, нет. Ближайшее местонахождение крупных окатанных аллювиальных галек и валунов, пригодных по структуре и размерам для оформления пестов – долина р. Алей.

Поселение и стоянка Гора Раскат-5 (N51.240978° E82.084043°, высота 383 м над у.м.). Поселение и стоянка. Этот многослойный памятник расположен напротив северо-восточной окраины с. Новокузнецовка и объектов Гора Раскат-1 и 2, чем и объясняется название. Левобережное плато изгибом р. Харьковки сформировано в высокий цокольный мысовидный выступ (высота от уреза реки до 25 м). Вся поверхность распаханна. На северном, наиболее высоком участке мыса собрана коллекция артефактов и каменные орудия. Комплекс достаточно четко распадается на три хроноло-

гические группы. Наиболее поздняя, включающая в себя обломки керамики, кости животных и металлургические шлаки – аналогична предыдущим памятниками. Неолитическим временем следует датировать обломок базы кремневого наконечника стрелы (рис. 1 – 6). Изделие имеет хорошую сохранность, обработано отжимной ретушью и мелкими сколами, сформировавшими зубчатый абрис кромок. Насад наконечника выемчатый. Общий вид и крупные размеры изделия позволяют датировать его неолитом.

Наиболее ранней частью коллекции являются 23 палеолитических каменных орудия. По сохранности (пагинирование) и сырью (кварцит, кремистый синеватый сланец) они отличаются от наконечника стрелы. Найдены мелкие (6) и средние (3) вторичные отщепы, аморфное нуклевидное изделие, крупные сколы с утилитарной ретушью (2), нуклевидный и пластинчатые сколы и два орудия. Наиболее показательны пластинчатые сколы, демонстрирующие не только технику расщепления стоянки, но и уровень технологической культуры оставившего ее населения. Все указанные снятия имеют вторичную обработку по одному – двум краям с дорсальной и вентральной стороны. Размеры шести пластин достаточно сходны (ближе к крупным), две являются проксимальными фрагментами, четыре – сечения. Изделия слегка асимметричны, на проксимальных фрагментах присутствуют остатки фасетированных ударных площадок. Одна из пластин сформирована в обушковое орудие. Крупный пластинчатый скол представляет собой асимметричное остроконечное орудие с зубчатыми продольными кромками, обработанными с двух сторон. Скол полный, имеет характерный остаток фасетированной ударной площадки. Орудия маловыразительны: выемчатое на крупном отщепе и оббитый и ретушированный подтреугольный скол с остатком фасетированной ударной площадки. Датировать ранний комплекс памятника достаточно сложно из-за незначительной выборки материала. Его пластинчатый призматический характер, присутствие архаичных элементов техники расщепления и вторичной обработки, асимметричность ряда изделий указывают на достаточно ранний возраст в рамках верхнего палеолита. Следует также отметить высокое расположение артефактов в рельефе местности, что характерно для таких ранних памятников региона, как Воронеж-5 и Усть-Машинка-3 (Кунгуров А.Л., 2002а; 2002 б).

Поселение Гора Раскат-6 (N51.237688° E82.076998°, высота 396 м над у.м.). Поселение и стоянка. Памятник расположен на соседней мысовидной гриве, отделенной от предыдущего логом. Материал, собранный в разрушениях пашни, немногочисленен – дистальный фрагмент крупной пластины с ретушью, скобель и мелкий отщеп, фрагменты керамики и металлургические шлаки. На одном обломке керамики фиксируется орнамент в виде широкого каннелюра, характерного для посуды бронзового века (рис. 1 – 4). Каменные изделия датировать сложно, так как их форма невыразительна. Можно отметить сходство сырья и сохранности артефактов изделиями раннего комплекса поселения Гора Раскат-5.

Таким образом, в настоящее время в долине р. Харьковки известны 27 курганных могильника, 22 поселения бронзового и раннего железного веков, о также 13 стоянок каменного века, всего 62 памятника (Кунгуров А.Л., 2005). В связи с этим, данный участок Рудного Алтая можно рассматривать как один из самых насыщенных древними объектами археологических микрорайонов Алтайского края.

Библиографический список

Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. IX, ч. 1. С. 327–330.

Кунгуров А.Л. Новый памятник с леваллуазским расщеплением камня из Рудного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2002а. №9. С. 35–42.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Часть 1. Палеолитические памятники. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002б. 176 с.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники долины р. Харьковки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 99–103.

Кунгуров А.Л., Гончаров А.В. К археологической карте Рудного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. Вып. 13. С. 81–86.

Кунгуров А.Л. Тишкин А.А. Новые памятники эпохи бронзы и железа в Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XIII. С. 81–86.

Кунгуров А.Л., Шмидт А.В. Новые памятники эпохи камня в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Том VIII. С. 115–120.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. 256 с.

С.П. Грушин, Д.С. Леонтьева

Алтайский государственный университет, Барнаул

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ¹

В ходе полевых исследований на территории лесостепного Алтая последних нескольких лет были получены новые материалы с аварийных памятников археологии. Данная работа посвящена введению в научный оборот материалов по андроновской археологической культуре.

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проекты «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)» (шифр №2012-1.1-12-000-3001-017).

В 2011 году учитель истории СОШ с. Елбанка Е.В. Шамсутдинова передала в Музей археологии и этнографии Алтая при АлтГУ фрагменты керамического сосуда. По ее словам керамика была найдена весной 2010 года при рытье могилы на современном сельском кладбище. Обнаруженные фрагменты сосуда и кости человека были засыпаны рабочими. Часть керамики была сохранена В.И. Комаровым (на тот момент учителем истории).

В лабораторных условиях удалось полностью реконструировать сосуд (рис. 3 – 4). Он имеет горшковидную форму, с широкой горловиной диаметром по внешней стороне – 25,5см, которая практически равна высоте горшка – 25 см. Сосуд плавно профилирован, тулово немного шире устья – 28,1см. Толщина стенок увеличивается от венчика к днищу от 0,7 до 1,1см.

Поверхность горшка имеет следы лощения и орнаментирована мелкозубчатым гребенчатым штампом. Венчик немного отогнут наружу. Орнамент заполняет верхнюю часть сосуда. Фиксируется его трехзонное членение на венчик, шейку и тулово. Верхняя часть горшка – зона венчика – орнаментирована косоугольными штрихованными треугольниками, которые направлены вершинами вверх. Орнаментация второй зоны – шейки – выполнена штрихованными косыми треугольниками, направленными вершинами друг к другу. Зоны отделены каннелюрами. На тулово горшка нанесено два горизонтальных бордюра. Первый выполнен косыми насечками, с наклоном вправо, высотой 1 см и отступом 0,5 см. Этот ряд с обеих сторон обрамляет гребенчатая горизонтальная линия. Второй бордюр высотой 4,5 см исполнен в виде меандровых фигур. Придонная часть сосуда не орнаментирована. Набор элементов орнамента, украшающих стенки горшка, довольно распространенный для памятников как Верхнего Приобья, так и Западной Сибири (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1993, с. 74). Наиболее типичными являются косые треугольники. Менее распространен меандровый узор, располагающийся на тулове горшка. Он находит аналогии с меандровыми лентами из могильника Гилево-Х и Фирсово-ХIV (Демин М.А., Ситников С.М., 2006, с. 206).

По информации местных жителей с. Елбанки при рытье могил на сельском кладбище часто попадаются древние кости людей и фрагменты глиняной посуды. Это свидетельствует о том, что здесь расположен древний могильник, а полученные материалы позволяют отнести его к андроновской культуре средней бронзы, обозначив его как Елбанка-IV.

В 2011 году в Алтайский государственный университет поступила информация о находке бронзового кинжала местным жителем с. Самарка Локтевского района Алтайского края Д. Колесниковым. В ходе обследования места находки был открыт новый памятник, получивший название Самарка-IV. Памятник расположен на левом берегу р. Грязнуха – правого притока р. Золотуха (левый приток Аля), в 4 км

к юго-западу от с. Самарка (рис. 1). В ходе осмотра места находки в обрыве берега было зафиксировано два каменных ящика, многочисленные современные грабительские ямы. Вокруг ящиков собрано большое количество костей человека и фрагменты керамики.

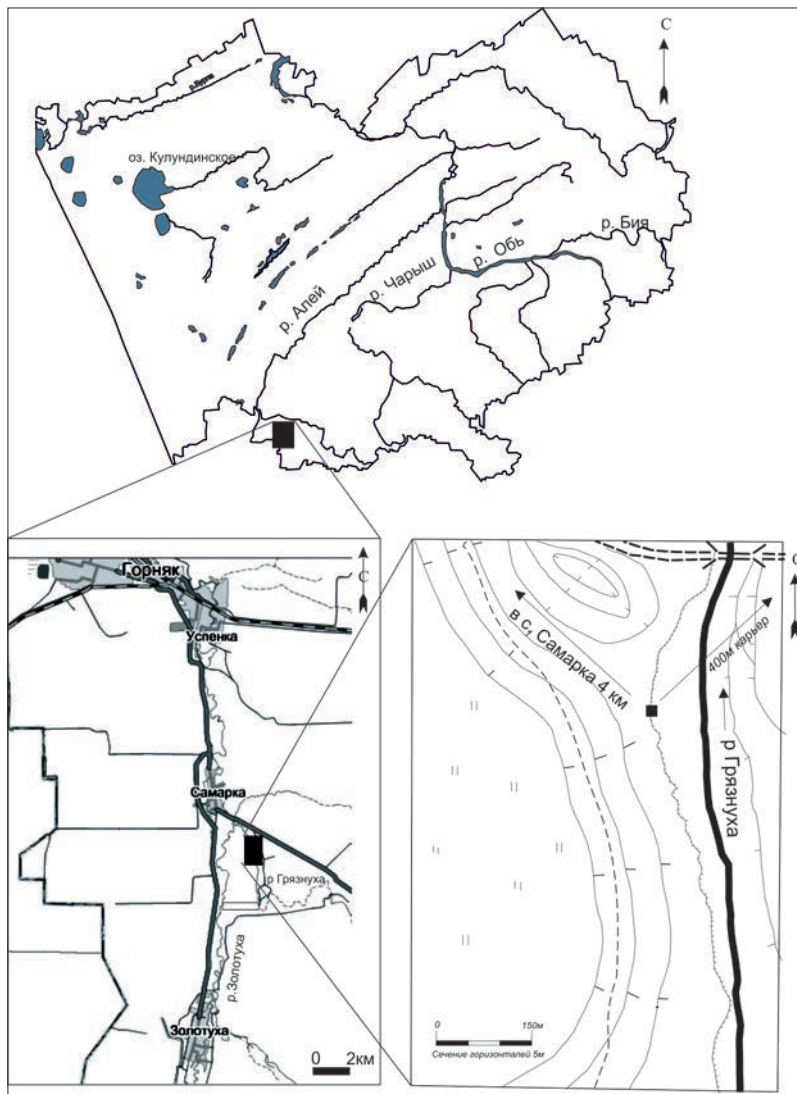

Рис. 1. Месторасположение могильника Самарка-IV

Конструкции были вытянуты длинной осью по линии З–В и составляли ряд ориентированный по направлению С–Ю (рис. 2 – 1).

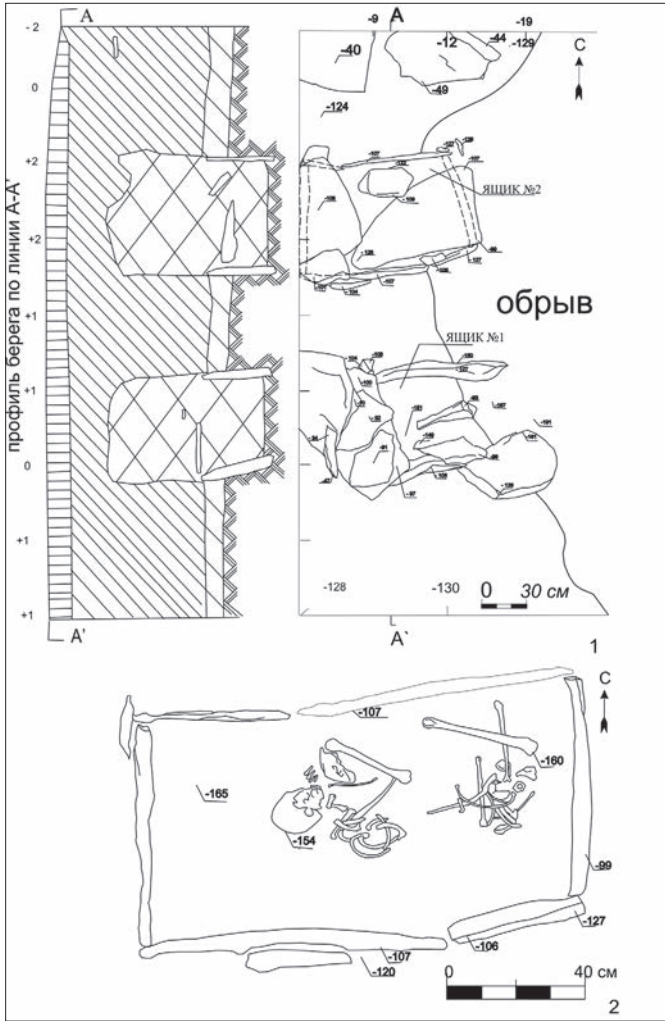

Рис. 2. Могильник Самарка-IV: 1 – план и разрез берега; 2 – план погребения в ящике №2

Ящик 1 имел размеры 70x120x60см, находился на глубине 150 см от уровня современной поверхности. От него сохранились лежащие горизонтально две гранитные плиты, которые являлись частью перекры-

тия, закрывавшие западную часть ящика. Остальные плиты перекрытия оказалась в западной части погребения, на глубине 10–15 см от уровня современной поверхности. Восточная стенка разрушена обрывом. В заполнении вещей не обнаружено.

Ящик 2 имел размеры 110x75x60 см и располагался в 0,6 м к северу от ящика №1. На глубине 1 м от уровня современной поверхности находились две гранитные плиты, являвшиеся частью перекрытия разбитого гравителами. Под ними находился ящик, составленный из пяти гранитных плит. В его заполнении обнаружен разрозненный скелет человека (рис. 2 – 2). Череп и кости рук остались не потревожены, по ним удалось установить позу умершего в могиле. Он был погребен на левом боку, с согнутыми ногами, головой на запад, руки согнуты в локтях, кисти – перед лицом. В могиле найдены фрагменты бронзового браслета очень плохой сохранности.

В лаборатории из фрагментов керамики, обнаруженной в районе ящиков, было реконструировано два сосуда. Первый сосуд (рис. 3 – 1) – горшковидной формы, высотой 11 см, диаметром по венчику 14,5 см. Венчик немного отогнут наружу. Горшок имеет профилировку: слабо фиксируется шейка и тулово, но к придонной части сосуд значительно сужается. Диаметр дна составляет 6 см. Поверхность изделия гладкая, не имеет орнамента. Второй реконструированный сосуд (рис. 3 – 2) – баночной формы высотой 10 см, диаметром горловины 13 см, немного раздутым туловом, которое плавно сужается к плоскому дну. Диаметр дна – 9 см. Стенки изделия гладкие, местами фиксируются следы твердого орудия для обработки поверхности – в виде горизонтальных длинных сгруппированных отпечатков, если не считать данные следы, стенки сосуда не орнаментированы.

Переданный Д. Колесниковым в Музей археологии и этнографии Алтая при АлтГУ бронзовый кинжал, вероятно, происходил из ящика №1, так как был обнаружен в непосредственной близости от него. Черенковый кинжал (рис. 3 – 3) имел длину 18 см, максимальную ширину 3,2 см. Клинок вытянуто-пламевидной формы с ромбовидным сечением не имел упора в зоне перекрестия. Перекрестие кинжала выполнено в виде плоского расширения черенка шириной 2,5 см.

На Алтае погребений в каменных ящиках известно крайне мало, они встречаются пока только в предгорьях, ближе к границе с Казахстаном. Подобные захоронения известны из раскопок могильников Чесноково-I (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 33), Корболиха-I (Могильников А.В., 1980, с. 159) и Сигнал-I (Грушин С.П., 2009, с. 15). Также захоронения с кольцевыми оградами, каменными ящиками и цистами широко распространены в Восточном Казахстане (Черников С.С., 1960; Ткачева Н.А., Ткачев А.А., 2008) и на Енисее (Максименков Г.А., 1978).

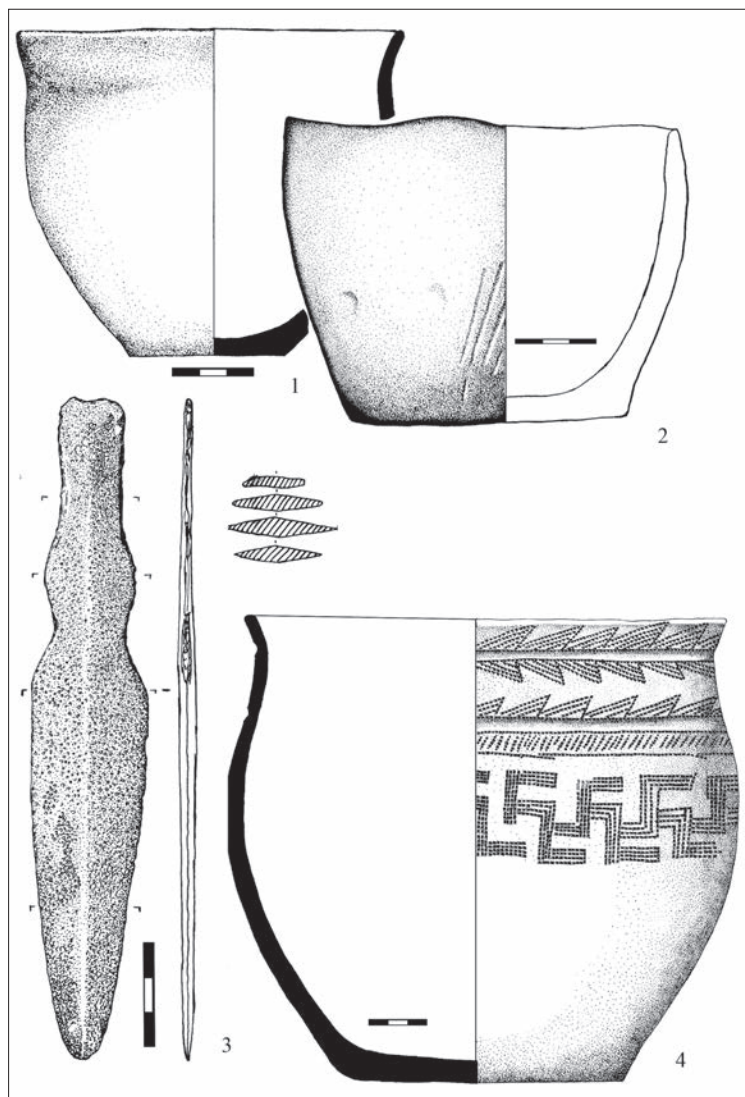

Рис. 3. Материалы андроновской культуры:
1–3 – могильник Самарка-IV; 4 – Елбанка-IV

Ближайшие аналогии бронзовому кинжалу происходят с памятника Малый Койтас (Черников С.С., 1960, с. 14), случайная находка у с. Усть-Таловка (Арсланова Ф.Х., 1973, с. 166), Сопка-II (Молодин В.И.,

1985, с. 61). Ф.Х. Арсланова и С.С. Черников связывают данные артефакты с андроновской культурой. Стоит отметить, что кинжалы данного типа распространены достаточно широко. Они встречены в комплексах срубной, андроновской, баланбалинской культур и датируются последней четвертью II тыс. до н.э.

Еще одной находкой из погребения стали обломки бронзового браслета. Украшение изготовлялось способом отливки и имело спиралевидные окончания. Ближайшие аналогии браслету на Алтае обнаружены в могильниках Чарышское-VI (Тишкин А.А., Позднякова О.А. 2001, с. 463), Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б., 2004, с. 73), Быково-IV (Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю., 1993, рис. 1.-10), фрагменты – с поселения Большой Лог- I (Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., 1990, рис. 5.-5).

Сосуды, найденные на памятнике Самарка-IV, имеют распространенную для андроновской посуды размер и форму. Ближайшие аналогии известны из памятников Рублево-VIII (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Попова О.А., 2010, табл. 1.- 5), Березовка-I, Чекановский Лог-X (Демин М.А., Ситников С.М., 2007, рис. 9.-3; 56.-5). По особенностям погребального обряда, конструкций и сопроводительного инвентаря могильник Самарка-IV можно уверенно связать с андроновской культурой и датировать его эпохой средней бронзы.

Выявленные памятник андроновской культуры находятся в аварийном состоянии и если могильник Елбанка-IV, не представляется возможным исследовать, так как на нем расположено действующее сельское кладбище, то могильник Самарка-IV требует оперативных охранных мероприятий. Кроме того, обстоятельства его обнаружения, многочисленные современные следы «черных копателей» в очередной раз ставят проблему ограничения использования металлодетекторов на законодательном уровне.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Лузин С.Ю., Кунгурова Н.Ю. Раскопки у с. Быково // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 102–105.
- Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. №4. С. 160–169.
- Грушин С.П. Итоги исследования могильника Сигнал-I // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2009. №6. С. 14–18.
- Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. I. Барнаул, 2007. 274 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Поселение Большой Лог-I – новый памятник андроновской культуры Верхнего Приобья // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 42–56.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Известия АГУ. Барнаул, 1996. №2. С. 33–38.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 62–65.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Попова О.А. Андроновский керамический комплекс могильника Рублево-VIII: опыт классификации // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 95–111.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 292с.

Могильников В.А. Памятники андроновской культуры на Верхнем Алее // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 155–159.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 175с.

Тишкин А.А., Позднякова О.А. Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 460–464.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008. 304 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан с эпоху бронзы // МИА. 1960. №88. 272 с.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ¹

Территория Краснощековского района Алтайского края неоднократно привлекала внимание исследователей с XVIII в., хотя в археологическом отношении данной район остается одним из наименее изученных. Краткая история изучения и характеристика открытых памятников уже представлена в отдельных публикациях (Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Караваев А.В., 1996; Дашковский П.К., 2003). В этой связи остановимся на характеристике новых объектов, выявленных Краснощековской археологической экспедицией Алтайского государственного университета, которая работает в этом регионе под руководством автора статьи с 2000 г. (Дашковский П.К., 2004; 2008; 2011; и др.). В задачи экспедиции входило обследование участка от с. Маралиха до с. Тигирек, в процессе которого были обнаружены и картографированы следующие памятники.

Инское поле-I. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Инья в 8 км к СВ от с. Чинета в речной долине вдоль трассы Чинета-Маралиха. В 1,6 км к юго-востоку от могильника находится пасека. Курганы находились преимущественно по краю речной второй надпойменной террасы. Исключением является курган №1, который расположен на первой речной террасы в 0,1 км от р. Инья. В 70 м к за-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект №13-31-01204).

паду от указанного объекта начинается участок густой растительности из кустарников и деревьев, который тянется до самой реки. Курган №2 расположен в 0,15 км к северо-востоку от объекта №1 на второй надпойменной террасе. В 0,2 км к северо-востоку от кургана №2 находится глубокая яма, поросшая кустарником. Курганы №3–4 выявлены в 0,1 км к югу от кургана №2. Курган №5 зафиксирован в 0,35 км к юго-западу от предыдущих объектов. В 230 м к югу от кургана №5 выявлена группа курганов №6–8. Курганы №9, 10, 11 располагались на расстоянии 0,15–0,22 км к юго-западу от кургана №5. В 25 м и 50 м к востоку от курганов №6–8 протянулись две линии электропередач в направлении северо-восток-юго-запад параллельно трассе Чинета-Маралиха. Третья линия электропередач находилась в 170 м к западу от курганов №6–8. В процессе исследования было картографировано 11 курганных насыпей, сооруженных из речных валунов и рваного камня. Диаметр курганов 6–17 м, а высота 0,2–0,8 м. При обследовании насыпей курганов №3, 6, 7, 10, 11 выявлены западины диаметром 1,5–3 м.

Следует подчеркнуть, что насыпи всех курганов значительно запаханы и частично разрушены вследствие регулярного антропогенного воздействия. Долина, в которой расположены курганы, сильно задерновано. В этой связи не исключено, что в процессе дальнейших исследований могут быть обнаружены еще курганы, которые на данном этапе работ оказались не выявлены. Датировать памятник можно только предварительно раннем железным веком – эпохой средневековья.

Инское поле-II. Одиночный курган расположен на второй надпойменной террасе на правом берегу р. Иня, 9 км к северо-востоку от с. Чинета и в 2,5 км к северо-востоку от действующей пасеки. В 0,5 км к юго-западу от указанного памятника находятся северные курганы (№2–4) могильника Инское поле-I. В 15 м к западу от одиночного кургана проходит трасса Чинета-Маралиха, а между дорогой и курганом на расстоянии 7–8 м протянута линия электропередач в направлении северо-восток-юго-запад. В 0,28 км к западу от кургана находится глубокая яма, поросшая кустарником. В 50 м востоку от объекта начинается подножие небольшой горной возвышенности. Каменная насыпь кургана, сооруженная из камней, имела диаметр 17 м, высоту 1 м. В центре насыпи кургана прослеживается западина до 2,5 м в диаметре. Полы кургана значительно запаханы, т.к. место, где он расположен, активно используется для сельскохозяйственных назначений.

Датировать памятник можно только предварительно ранним железным веком – эпохой средневековья.

Первый копанец. Курганный могильник расположен на правом берегу р. Иня в 6 км к северу от с. Чинета и в 0,22 км к северу от пасеки и деревянного дома. В 1,6 км к северо-западу от могильника находился курганный некрополь Инское поле-I. Курган №1 непосредственно

примыкает своей насыпью к трассе Чинета-Маралиха. В 0,2 м к югу от кургана установлен дорожный знак «опасный поворот», который маркирует крутой поворот дороги вдоль русла р. Иня. В 0,4 км к югу от кургана №1 протекает р. Иня, к которой ведет спуск от указанной трассы. Диаметр каменной насыпи кургана №1 – 10 м, а высота – 0,7 м. В центре курган зафиксирована значительная западина, вероятно, от грабительского раскопа, диаметром 3 м. Курган №2 выявлен в 50 м к западу от кургана №1. Диаметр его каменной насыпи 9 м, а высота – 0,5 м. Датировать памятник можно предварительно ранним железным веком – эпохой средневековья.

Инской дол. Курганный могильник обнаружен на второй надпойменной террасе в 2 км к ЮВВ от с. Чинета на левом берегу р. Иня в южной части долины. В этой же долине, только в северной и восточной ее частях выявлены ранее могильники Ханкаринский дол и Чинета-II. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханкара. В 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега р. Иня. На некрополе выявлено два кургана, которые располагались в 20 м к западу от дороги, ведущей в направлении с. Чинета – с. Тигирек. В 0,5 км к северо-востоку от выявленного некрополя находится курганный могильник Чинета-II. Диаметр каменной насыпи кургана №1 – 8 м, а высота – 0,3 м. Кургана №2 практически вплотную к юга примыкает к кургану №1. Его диаметр насыпи составил 10 м при высоте – 0,3 м. Территория, на которой расположен могильник Инской дол, сильно задернована. Это обстоятельство затрудняет установление точных параметров объектов. Кроме того, дальнейшее обследование указанной территории также может позволить выявить новые погребальные и поминальные сооружения. Датировать памятник можно предварительно ранним железным веком – эпохой средневековья.

В процессе археологической разведки в центральной части могильника Чинета-II был обнаружен олений камень. Он выявлен в 12 м к северо-востоку от кургана №21, который отличался значительными размерами диаметра каменной насыпи – до 17,5 м. При этом высота кургана достигала всего 0,5 м. Расположение оленного камня рядом с курганом №21 все-таки не позволяет однозначно утверждать, что он был выпахан из насыпи объекта. В то же время другие курганы удалены на значительное расстояние от местонахождения оленного камня – до 50–100 м. Олений камень имел следующие размеры: длина – 1,43 м, ширина – 25–30 см. Толщина объекта в верхней и нижней части 15–20 см, а в центральной – 30 см. В нижней части оленного камня прослеживается утоньшение, сделанное для удобства его установки. Верхняя и часть боковой стороны объекта закруглены. Вдоль верхней грани почти по самой кромке оленного камня зафиксированы два округлых углубления диаметром до 5 см.

Рис. 1. Оленный камень из насыпи кургана №15
могильника Ханкаринский дол

Следует отметить, что находки оленных камней на территории Западного Алтая достаточно редки, поэтому каждый такой случай заслуживает особого внимания. В тоже время в пределах Чинетинского археологического микрорайона это уже вторая находка такого вида памятников. Первый оленный камень обнаружен при разборе каменной насыпи у северной полы кургана №15 могильника Ханкаринский дол, который находится в одной речной долине вместе с некрополем Чинета-II. Высота оленного камня 39 см, ширина 25 см, толщина 16 см. Верхняя грань оленного камня имеет характерный искусственно сделанный наклонный скос. На одной из сторон в верхней части выбита окружность диаметром около 4 см символизирующая серьгу.

Изучение оленных камней, найденных на Алтае и сопредельных территориях Центральной Азии, занимались многие ученые (Кубарев В.Д., 1979; 1993; 2004; Волков В.В., 2002; Членова Н.Л., 1984; Савинов Д.В., 1994; Худяков Ю.С., 1987; Ковалев А.А., 2001; Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., 1993; 1998; Чугунов К.В., 2007; и др.). Исходя из этапов накопления источников и интерпретации полученных данных, исследователями предлагались классификации оленных камней Сибири и Центральной Азии (Кубарев В.Д., 1979; Волков В.В., 2002; Савинов Д.Г., 1994; 2007; и др.). Опираясь на эти разработки можно отметить, что оленный камень из кургана №15 могильника Ханкаринский дол относится ко второй группе по классификации В.Д. Кубарева. Для данного типа характерно то, что такие объекты не высокие (до 1 м) и в сечении имеют треугольную и подквадратную форму с тщательно сглаженными

гранями. При этом В.Д. Кубарев подчеркнул, что неизвестно первоначальное место установки оленных камней данного типа, поскольку они часто использовались вторично у курганов ранних кочевников и в качестве изваяний у тюркских оградок (Кубарев В.Д., 1979, с. 26–27). Кроме того, согласно его мнению, характер изображений для изваяний первого и второго типов не имел значения, поскольку в обоих случаях могли наносить одинаковые образы животных, предметов и др. По типологии Д.Г. Савинова, которая развивает концепцию В.В. Волкова и охватывает массив оленных камней всего евразийского пояса степей, оленный камень из кургана №15 могильника Ханкаринский дол наиболее близок типу №3 – т.н. «оленные камни без изображения животных». По мнению ученого оленные камни третьего типа существовали на всем протяжении периода их бытования, а именно в первой половине I тыс. до н.э., т.е. до V в. до н.э. (Савинов Д.Г., 1994, с. 78–83, 111–113).

Оленный камень, найденный у кургана №21 могильника Чинета-II, также можно отнести к третьему типу по классификации Д.Г. Савинова, поскольку на нем отсутствовали изображения животных, а были только два выбитых округлых углубления. Согласно подходу В.Д. Кубарева (1979, с. 20) указанный оленный камень более тяготеет к первой группе аналогичных объектов. Для камней данного первого типа характерно использование столбообразных или узких плит песчаника высотой от 0,5 до 3 м. На наш взгляд, на данном этапе исследования более оправдан подход Д.Г. Савинова, учитывающий характер изображений на оленных камнях. В этой связи оба обнаруженных нами оленных камня в Северо-Западном Алтае на могильниках Ханкаринский дол и Чинета-II целесообразно относить к третьему типу оленных камней без изображения животных. В тоже время, накопленная за последние два десятилетия источниковая база по оленным камням Саяно-Алтая и Монголии, ставит перед учеными необходимость нового обобщающего исследования и дальнейшей разработки типологии таких объектов с учетом региональной специфики объектов. В заключение также отметим, что дальнейшие исследования в горной части Северо-Западного Алтая позволят существенно расширить источниковую базу по древней и средневековой истории данного региона.

Библиографический список

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
- Дашковский П.К. К археологической карте Краснощековского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2003. Вып. XIII. С. 62–66.
- Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 34–37.
- Дашковский П.К. Памятники эпохи средневековья Чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае: предварительные итоги

исследования и интерпретации // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 216–218.

Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы межд. конф. Иркутск, 2011. С. 160–163.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленный камень – изобразительная и мифологическая структура // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993. С. 88–103.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (Ч. I. – новые находки, типология и вопросы культурной интерпретации) // Археологические вести. СПб., 1998. №5. С. 143–154.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Караваев А.В. Краснощекровский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 36–49.

Ковалев А.А. О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 160–166.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). Новосибирск, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Оленный камень с р. Катунь // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 146–149.

Кубарев В.Д. Оленный камень из урочища Кызыл-Джар (Алтай) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004. С. 279–283.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. Об оленных камнях «смешанного» типа // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Азбука, 2007. С. 105–108.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 136–162.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. 99 с.

Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 109–113.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II¹

В 2012 г. Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством автора публикации продолжила планомерное исследование памятников Чинетинского ар-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект №13-31-01204).

хеологического микрорайона, расположенного в Краснощековском районе Алтайского края (Дашковский П.К., 2004; 2008; 2011). Целью работ в прошлом году являлось изучение погребально-поминальных памятников кочевников поздней древности и средневековья на могильнике Чинета-II, который находится в 1 км к ЮЮВ от с. Чинета на второй надпойменной террасе реки Иня. На данном памятнике в настоящее время зафиксировано объектов. В тоже время, вероятнее всего, в древности курганов было значительно больше, но вследствие антропогенного воздействия (распашка местности, строительство дороги), многие курганы оказались разрушенными. Кроме того, данная местность характеризуется высокой степенью задернованности, что затрудняет выявление новых объектов. Тем не менее, ежегодно на протяжении 12 лет автором обнаруживаются в процессе целенаправленного обследования площади могильника, новые археологические объекты погребального или поминального характера. В 2012 г. исследование проводилось в восточной части некрополя, в процессе которого были раскопаны курганы №25–27.

Курган №25 располагался в центральной части некрополя Чинета-II. Диаметр насыпи объекта, сложенной в 1–3 слоя из камней, – 12 м, а высота – 0,75 м. При этом камни в насыпи были уложены достаточно плотно, образуя своеобразную «панцирную» кладку плоской формы. По периметру кургана выявлена каменная кольцевая выкладки-крепиды из более крупных камней диаметром 12 м. В западной части крепиды обнаружена каменная стела длиной 0,8 м, шириной до 0,3 м. Дальнейшее исследование данного объекта, включающее контрольный перекопок до уровня материка всей площади кургана, не позволили выявить никаких признаков погребения или артефактов. Вероятнее всего, данное сооружение можно отнести к разряду поминальных кенотафов, практика сооружения которых была широко распространена у кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии в разные исторические периоды (Дашковский П.К., Серегин Н.Н., 2008).

Курган №26 зафиксирован в 22 м южнее исследованного в 2011 г. кургана №22. Диаметр насыпи сооружения, сложенной в 1–2 слоя из «рваного» мелкого камня и речной гальки, составлял 8 м, а высота достигала 0,5 м. В центре насыпи кургана зафиксирован просад камней округлой формой диаметром до 2,5 м. По периметру объекта выявлена каменная кольцевая выкладка из более крупных камней диаметром 8 м. Под насыпью кургана в центральной ее части выявлена могила, ориентированная длинной осью по линии СЗ–ЮВ, которая имела следующие размеры 3,86x2,75x1,6 м. На глубине 0,9–1,27 м вдоль северной, южной, западной и восточной стенок могилы обнаружена каменная обкладка из камней средних размеров. Наибольшее количество камней выявлено у западной и восточной стенок. Умерший мужчина ¹ в возрасте 30–40 лет

¹ Все антропологические определения сделаны к.и.н. С.С. Тур.

был уложен в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на восток с небольшим отклонением к югу. Погребение человека, возможно, носило вторичный характер, поскольку многие кости смещены, хотя погребение не ограблено. В тоже время, не исключено, что расположение костей скелета оказалось, смещено грызунами. У северной стенки могильной ямы выявлено сопроводительное захоронение лошади, которая была уложена на живот с подогнутыми ногами и ориентировано в том же направлении, что и человек головой на восток. В районе ребер лошади найдена костяная подпружная пружка (рис. 1 – 2).

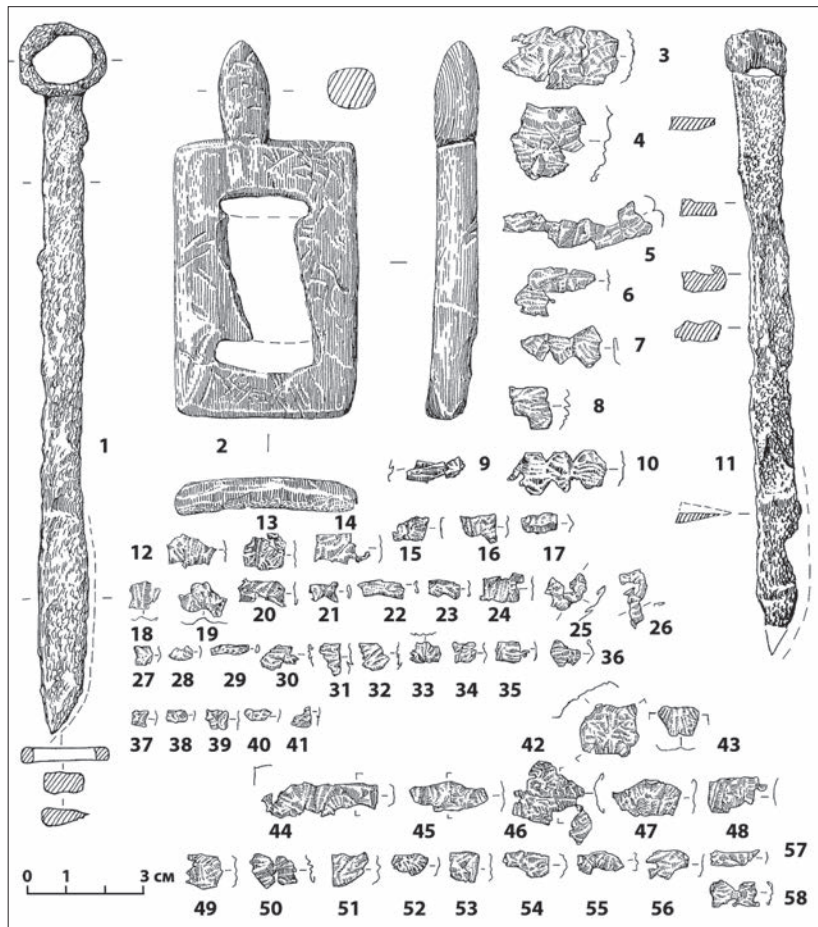

Рис. 1. Инвентарь из курганов №26–27 могильника Чинета-II:
1–10, 12–58 – курган №26; 11 – курган №27

Из погребального инвентаря найдены следующие предметы: фрагменты золотой фольги (рис. 1.– 3-10, 12-58), возможно, от головного убора, деревянная гривна (?), обложенная фольгой, железный нож (рис. 1 – 1), керамический сосуд, ритуальная пища (кости барана).

Курган №27 имел диаметр каменной насыпи, сложенной в 1–2 слоя из рваных камней, 6 м и достигал в высоту 0,5 м. В восточной части насыпи кургана среди камней обнаружено несколько фрагментов костей взрослого человека. Под каменной насыпью обнаружена могила, которая была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ и имела следующие размеры 2,57x1,9x1,73 м. На глубине 1,25–1,32 м по всему периметру могилы выявлены камни средних размеров, которые являлись элементом погребальной конструкции. Внутри такой каменной конструкции у северной, южной и западной стенок выявлены остатки деревянных плах от рамы. Ширина сохранившихся плах составляла всего 10 см, а длина до 80 см. У южной стенки рамы на глубине 1,62 м выявлен череп и отдельные кости человека. Погребение оказалось разрушенным, вероятно, грабителями. Умерший был ориентирован головой на восток и, возможно, был уложен в вытянутом положении на спине. Из сопроводительного инвентаря найдены фрагменты золотой фольги, два керамических сосуда, железный нож (рис. 1 – 11) и ритуальная пища (кости барана).

Особенности погребального обряда и инвентаря, зафиксированные при исследовании курганов №26–27 имеют определенные аналогии среди памятников предгорных и горных районов Алтая скифского времени (Кубарев В.Д., 1987; 1991; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007; и др.), что позволяет предварительно их датировать IV–III вв. до н.э. Необходимо также обратить внимание на то, что курганы могильника Чинета-II расположены в одной долине с ранее изученным могильником пазырыкской культуры Ханкаринский дол (Дашковский П.К., 2011). Дальнейший анализ материалов, полученных из указанных некрополей, позволит более детально остановиться на вопросах культурно-хронологического характера, а также на реконструкции особенностей социальной организации и мировоззрения кочевников скифо-сакского периода.

Библиографический список

Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 34–37.

Дашковский П.К. Памятники эпохи средневековья Чинетинского археологического микрорайона в Северо-Западном Алтае: предварительные итоги исследования и интерпретация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. III. С. 216–218.

Дашковский П.К. Предварительные итоги исследования курганов скифского времени на могильнике Ханкаринский дол (Алтай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы Международной конференции. Иркутск, 2011. С. 160–163.

Дашковский П.К., Серегин Н.Н. Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Азбука, 2008. Вып. II. С. 83–100.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

А.М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово

КАСЬМИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН И РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА ТОРОПОВО-7

С 1988 года Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция проводит полевые исследования в долине р. Касьмы на территории Кузнецкой котловины в предгорьях Салаирского кряжа. В результате этих исследований был выделен Касьминский археологический микрорайон (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1994, с. 39–43), а в настоящее время на его территории выявлены два куста-скопления археологических памятников расположенных в нижнем и среднем течении реки (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2012, с. 88). Полевые археологические исследования, проводимые на протяжении последних пяти лет, были нацелены на изучении «куста» археологических памятников Касьминского археологического микрорайона, который располагается в среднем течении р. Касьмы между населенными пунктами Шабаново и Мусохраново. Этот участок общей площадью чуть более 20 кв.км изобилует археологическими памятниками различных исторических эпох и периодов. Эта территория имеет ярко выраженный степной ландшафт с кустарниковыми зарослями по берегам реки, которая петляя, образует широкую долину, покрытую луговой и степной растительностью, и многочисленные площадки на первой надпойменной террасе удобные для проживания в древности и средневековье. На перспективу в этом живописном месте Кузнецкой котловины целесообразно было бы создать археологический музей (заповедник) под открытым небом, где можно было бы наблюдать культурное развитие этого региона на протяжении тысячелетий. О наличии ярких археологических памятников привлекательных для изучения и знакомства с культурным наследием этой территории свидетельствуют результаты раскопок курганных мо-

гильников Шабаново-1, -4, Торопово-1, курганных групп Шабаново-3, Мусохраново-1, -3, одиночного кургана Шабаново-9, поселений Шабаново-5, -6, -10, Мусохраново-6 и комплекса поселений Торопово-4 (Илюшин А.М., 1998, с. 54–78; 1999; 2009, с. 71–82; 2010, с. 97–106; Илюшин А.М., Бутьян В.А., 2010, с. 175–184; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 15–53; 1999, с. 60–64; 2005, с. 77–80; 2012; Илюшин А.М., Ковтун И.В., 1992, с. 11–17, 161–164; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1995, с. 208–224; 1998, с. 79–106; 2002, с. 67–72; и др.).

Цель настоящей работы познакомить с результатами раскопок на памятнике Торопово-7, который сегодня можно интерпретировать как разновременный комплекс археологических памятников. Этот уникальный по своему содержанию памятник расположен в 1,2 км на ВСВ от с. Торопово на первой надпойменной террасе правого берега р. Касьмы в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области. Памятник открыл и обследовал при помощи миниатюрных шурфов в 2003 г. Ю.В. Ширин, который интерпретировал его как многослойное поселение. В 2008 г. это поселение обследовал А.М. Илюшин. По результатам этого обследования была составлена схема ситуационного плана расположения памятника и границ ОАН с каталогом координат углов поворота границ в системе WGS-84. На поселении были зафиксированы 82 объекта – жилищные западины и подчетыреугольные земляные фундаменты разных размеров. Все объекты располагались единым массивом, вытянутым вдоль края первой надпойменной береговой террасы. Площадь памятника составляла 8,5 га, находилась в муниципальной собственности и использовалась для выпаса домашнего скота. Состояние памятника было охарактеризовано как удовлетворительное, но СЗ часть памятника находилась в аварийном состоянии, так как разрушалась под воздействием паводковых вод, которые подмывали береговую террасу. Последнее обстоятельство стало причиной начала аварийных раскопок на этом памятнике Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 г. и продолженных в 2011 и 2012 гг.

В 2009 году цель археологических раскопок на Торопово-7 состояла в том, чтобы раскопать участок поселения на краю наиболее разрушаемой части террасы и соорудить дренаж. В последующие годы, была поставлена дополнительная исследовательская задача – раскопать различные по своей форме объекты (жилища), чтобы сформировать представление об изменении этой культурной формы в пределах одного и того же ландшафта в широком хронологическом диапазоне.

В 2009 году в результате аварийных исследований раскопа (общая площадь приблизительно 75 кв.м) расположенного в СЗ части поселения на краю береговой наиболее разрушаемой террасы был подтвержден предварительный вывод о том, что этот памятник является многослойным и многокомпонентным. Было высказано предположение, что

его правильнее интерпретировать не как одно поселение, а как комплекс разновременных поселений. На обследованном участке не были выявлены какие-либо конструкции и сооружения связанные с функционированием жилищ. Вероятно, это обстоятельство можно объяснить тремя факторами. Во-первых, раскопками ККАЭЭ в 2009 году была исследована очень малая полоса ранее функционировавшего жилого пространства, что предопределило отсутствие сооружений и конструкций на площадях раскопов. Во-вторых, не исключено, что население, оставившее нам в наследие этот археологический памятник, пользовалось легкими наземными передвижными жилищами типа чума или юрты, следы которых, практически, невозможно зафиксировать, так как они не заглублялись в грунт. В-третьих, при условии наличия у жилищных котлованов небольшой глубины, прочесть их на уровне материка не представлялось возможным из-за берегового оползня и просадки грунта.

Последнее представляется более вероятным, так как перед началом раскопа на его площади имелись следы жилищных западин. О том, что жилые или производственные сооружения имели место, на площади раскопа, указывают два кострища, которые располагаются практически на равном удалении от края современной террасы. Видимо, наземные постройки были привязаны к линии обрыва береговой террасы.

Материалы из раскопа 2009 года, в основной массе представлены фрагментами керамической посуды, костей и зубов животных, единичными костяными и каменными изделиями. Основная масса находок была сделана во втором и третьем слоях раскопа. При камеральной обработке материалов из фрагментов керамических сосудов удалось реконструировать и реставрировать единичные экземпляры посуды (рис. 1 – 1-2; 2 – 1; 3 – 1). По найденным артефактам культурный слой на обследованном участке памятника, предварительно, был интерпретирован как смешанный и датирован эпохами поздней бронзы (ирменская археологическая культура IX–VII вв. до н.э.) и развитого средневековья (шандинская археологическая культура XI–XIV вв. н.э.). Во втором слое преобладали артефакты, относящиеся к периоду развитого средневековья (рис. 1 – 1-2), а в третьем к периоду поздней бронзы (рис. 2 – 1; 3 – 1).

Последующие раскопки на разных участках Торопово-7 позволили открыть жилище поздней бронзы (двухкамерное углубленное в материк на 0,08–0,31 м), жилища раннего средневековья (наземное срубное четырехугольной формы), развитого и позднего средневековья (полуземлянки углубленные в материк на 0,25–0,35 м), а также миниатюрные (семейные) культовые площадки периода развитого средневековья. Последние были впервые обнаружены и исследованы на территории Кузнецкой котловины. По совокупности этих сведений Торопово-7 на современном этапе его изучения может быть интерпретирован как комплекс разновременных археологических памятников.

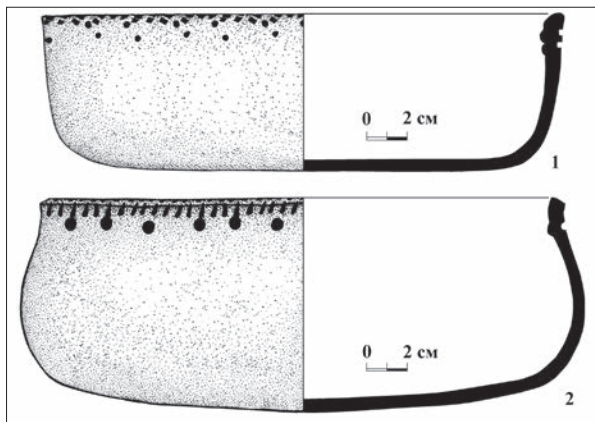

Рис. 1. Поселение Торопово-7. Находки из 2 слоя раскопок 2009 г.:
1, 2 – керамическая посуда (реконструкция)

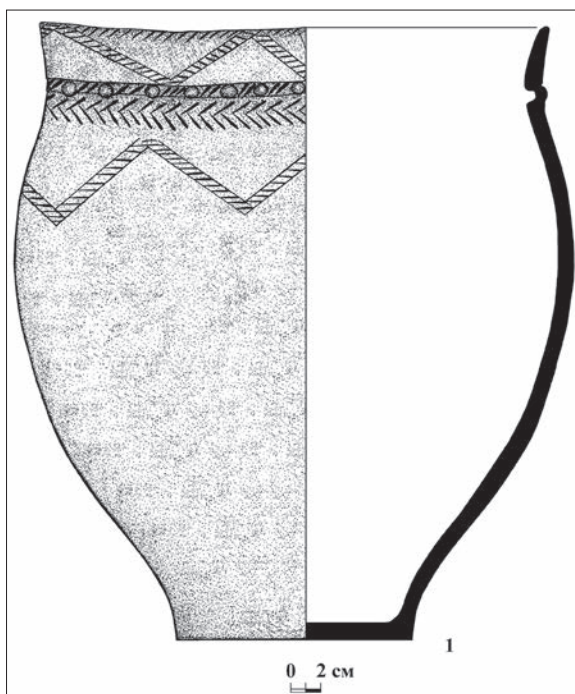

Рис. 2. Поселение Торопово-7. Находка из 3 слоя раскопок 2009 г.:
1 – керамический сосуд (реконструкция)

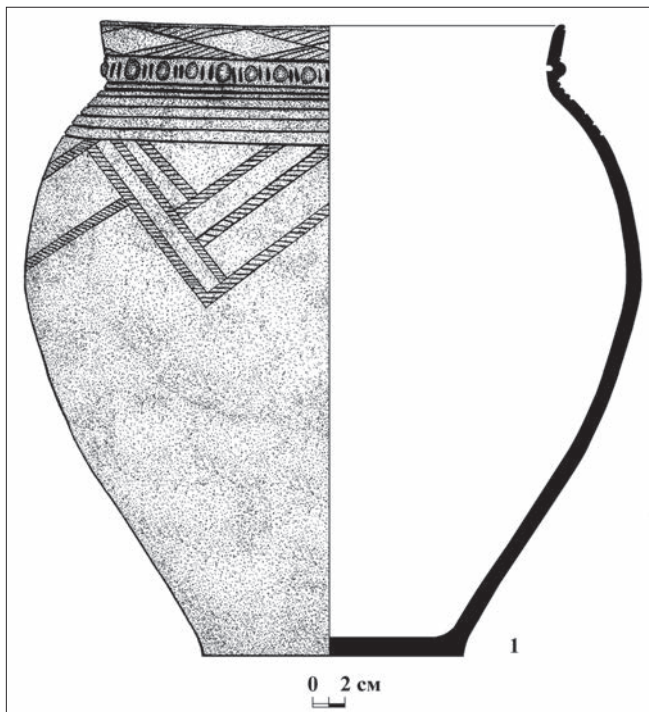

Рис. 3. Поселение Торопово-7. Находка из 3 слоя раскопок 2009 г.:
1 – керамический сосуд (реконструкция)

Библиографический список

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 54–78.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово, 1999. 208 с.

Илюшин А.М. Об использовании огня в погребальном обряде средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок курганной группы Мусохраново-1) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/2. С. 71–82.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново 9) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1. С. 97–106.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2010. №4. С. 175–184.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 15–53.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 60–64.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Ирменские памятники в долине реки Касьмы // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 77–80.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.

Илюшин А.М., Ковтун И.В. Аварийные раскопки ирменских курганов у с. Шабаново // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 11–17, 161–164.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс археологических памятников в долине реки Касьма // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1994. С. 39–43.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Впускные погребения Шабаново-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 208–224.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 79–106.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Поселение Шабаново-6 как источник по истории нового времени Кузнецкой котловины // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С. 67–72.

К.Ю. Кирюшин, В.В. Горбунов, В.П. Семибратов

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул*

КОМПЛЕКС ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПОСЕЛЕНИИ КИПРИНО-1¹

В Шелаболихинском районе Алтайского края поставлено на государственную охрану 43 памятника археологии (Указ Президента РФ №176 от 20.02.1995 г.; Постановление АКЗС №169 от 28.12.1994 г.). Следует отметить, что археологические находки с территории района известны с конца XIX в. (Рудометов П.Л., 1991). Это случайно найденные вещи, курганные и грунтовые могильники, поселения и культовые места. Подробно история исследования археологических памятников Шелаболихинского района приведена в работе А.Б. Шамшина (1998).

¹ Работа выполнена за счет средств госзадания проект №6.3990.2011 «Комплексные исторические исследования древнейших культур Алтая».

В 1952 г. А.П. Уманским были обследованы песчаные дюны около с. Киприно, на которых было выявлено поселение Киприно-I. В некоторых публикациях это поселение фигурирует как «Кипринский Борок» (Рудометов П.Л., 1991, с. 44) или как «кипринская дюнная стоянка «Борок»» (Шамшин А.Б., 1998, с. 18). В 1953 г. поселение на дюнах у с. Киприно обследовано отрядом Новосибирской экспедиции ИИМК под руководством М.Н. Комаровой (1956). В 1963 г. сборы на поселении проводил Ю.С. Орлов, который также составил план памятника и описание, а собранные коллекции передал в АГКМ (Шамшин А.Б., 1998, с. 18). В 1982 г. сборы на поселении проводил Ю.Ф. Кирюшин. Сборы разных лет с этого памятника хранятся в фондах кабинета археологии АГПА, частично они опубликованы П.Л. Рудометовым (1991, с. 44–47). В краеведческом музее с. Шелаболиха хранится коллекция собранная А.П. Андреевым. В школе с. Киприно хранится коллекция собранная П.Л. Рудометовым. Средневековые вещи из ее состава опубликованы (Горбунов В.В., Рудометов П.Л., 2003). В целом подъемные материалы с Кипринского Борка содержат каменные орудия, керамику, бронзовые изделия, монеты, различных исторических эпох от неолита до средневековья.

В 2009 г. сотрудниками Алтайского госуниверситета проводилось обследование современного состояния этого памятника. На схеме 1991 г., опубликованной П.Л. Рудометовым (1991, с. 44), на территории Кипринского Борка обозначено девять выдувов. Можно констатировать, что за прошедшие двадцать лет площадь разрушений на памятнике значительно увеличилась. Некоторые отдельные выдувы практически слились между собой, став единым целым. Это – седьмой, восьмой и девятый выдувы.

Несмотря на эти изменения, второй выдув идентифицируется очень уверенно. В этом пункте, основание Кипринского Борка сложено из плотных глинистых пород, из-за чего разрушений здесь гораздо меньше. Относительно хорошо сохранилась стенка высотой около трёх метров, в которой прослеживается стратиграфия памятника. К сожалению, эта часть памятника тоже подвержена разрушениям. Во время обследования авторы статьи обратили внимание, что часть обрыва (размерами 0,5 на 1,5 м) отстала от борга и сползла вниз по склону. Несмотря на это, в этом фрагменте хорошо прослеживались следы хозяйственной ямы, выделявшейся на фоне светлой глинистой породы более темным заполнением. В заполнении ямы, были видны фрагменты керамики. В ближайшие несколько лет, эта отвалившийся от склона фрагмент стенки должен был разрушиться от воды и ветра. Поэтому было принято решение исследовать этот небольшой фрагмент стенки.

В результате зачистки была прослежена стратиграфия в этой части памятника и условия залегания находок. Слои залегали в следующей последовательности:

- Современный дерновой слой – 0,08 м.
 - Прослойка гумусированной супеси рыжеватого цвета – от 0,05 до 0,07 м.
 - Гумусовый слой черного цвета – от 0,1 до 0,12 м.
 - Гумусированный слой серого цвета – 0,2 м.
 - Гумусированный слой черного цвета – от 0,03 до 0,05 м.
- От поверхности последнего слоя фиксировалась хозяйственная яма диаметром 0,75 м и глубиной 0,35 м, врезанная в глинистый слой кирпичного цвета. При разборке заполнения хозяйственной ямы, на дне обнаружили развалы четырёх сосудов (рис. 1).

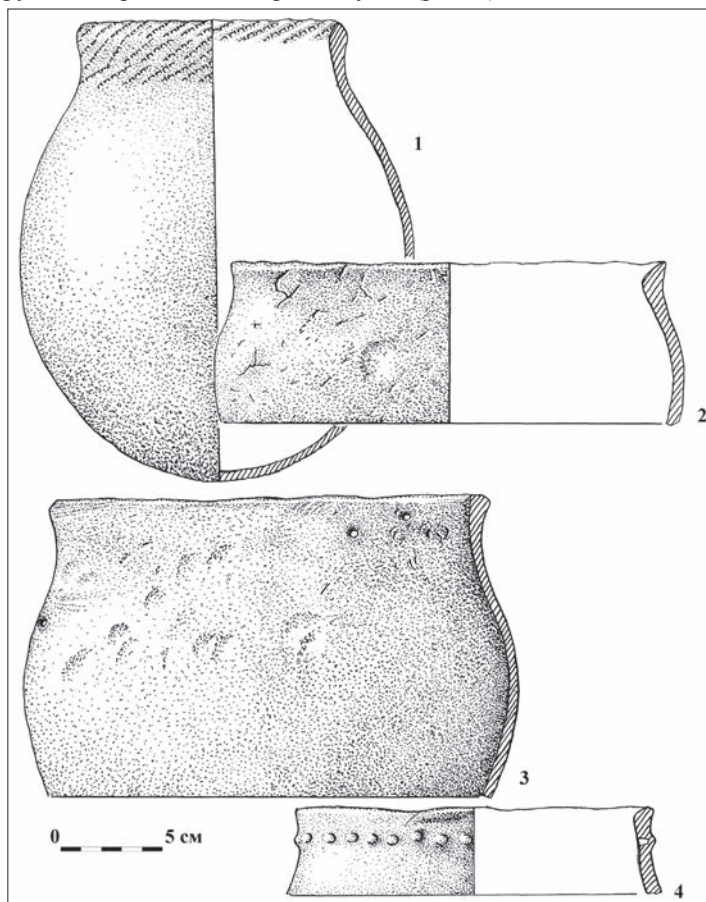

Рис. 1. 1–4 – керамические сосуды из хозяйственной ямы на поселении Киприно-I

Первый сосуд реконструируется полностью и представляет собой круглодонный горшок с узким устьем и шаровидным туловом. Шейка у горшка короткая, плечики покатые хорошо выраженные. Диаметр горловины 14 см, наибольший диаметр тулова 20,2 см, высота изделия 23,6 см. Венчик сосуда профилирован с округлым срезом. С обеих сторон среза он украшен наклонными рядами гребенчатого штампа с квадратными зубьями. С наружной стороны по шейке сосуда расположены аналогичные орнаментальные элементы (рис. 1 – 1).

Остальные три сосуда восстанавливаются лишь в верхних частях, но видимо также были круглодонными, так как фрагментов плоских дниц среди развалов не найдено. У них более широкие горловины диаметром от 18,4 до 22,6 см (рис. 1 – 2-4). Шейки сосудов короткие, плечики хорошо выражены. Два изделия без орнамента с профилированными венчиками. Венчик одного из них имеет срез вовнутрь и утолщение с внутренней стороны (рис. 1 – 2), венчик другого – прямой срез и утолщение с наружной стороны, в разных местах этого изделия есть округлые отверстия от починки (рис. 1 – 3). Венчик последнего сосуда также профилирован и срезан вовнутрь, а под ним идет горизонтальный ряд жемчужин (рис. 1 – 4).

Найденные керамические сосуды по сочетанию таких признаков как круглодонность, выраженные плечики, короткая шейка, форма венчиков находят аналоги в материалах единцовской археологической культуры из памятников V–VIII вв. н.э. (Казаков А.А., 1996, с. 11). Гребенчатый штамп с квадратными зубьями также характерен для единцовской посуды (Горбунов В.В., 1998, с. 188; Горбунов В.В., Рудометов П.Л., 2003, с. 54, рис. 2.-1–3). Орнаментация сосудов жемчужником, согласно исследованию А.А. Казакова, присуща третьему самому позднему типу единцовской керамики, который датируется VII–VIII вв. н.э. (Казаков А.А., 1996, с. 11, 14). Таким образом, находки из хозяйственной ямы в пункте Кипринский Борок-2 можно отнести к заключительному Акутихинскому этапу единцовской культуры, который сейчас датируется 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII вв. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 83–84).

В 1952 г. решением крайисполкома за №126 поселение Киприно-1 поставлено на государственную охрану как памятник археологии. К сожалению, в 90-е гг. XX в. по непонятным причинам памятник «выпал» из списков памятников истории и культуры и в настоящее время «де юре» он не считается памятником истории и культуры (объектом историко-культурного (археологического) наследия). Хотелось бы надеяться, что органы охраны памятников в Алтайском крае восстановят «историческую» справедливость, и вновь вернут памятнику археологии «поселение Киприно-1», по праву принадлежащий ему статус «памятника археологии».

Библиографический список

- Рудометов П.Л. Случайные находки с Кипринского Борка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 4.
- Шамшин А.Б. Список археологических памятников Шелаболихинского района // Из истории населённых мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 15–34.
- Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
- Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с. Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2003. Вып. XIII. С. 52–57.
- Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1996. 19 с.
- Горбунов В.В. Поселения Лесостепного Алтая конца I – начала II тыс. н.э. // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 188–190.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002. С. 82–91.
- Постановление АКЗС №169 от 28.12.1994 г.
- Указ Президента РФ №176 от 20.02.1995 г.

К.Ю. Кирюшин, Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ БУРАНОВО-ОСТРОВА В ПОЙМЕ ОБИ¹

Летом 2012 г. одному из авторов статьи поступила информация от Костина Романа Дмитриевича о том, что напротив с. Бураново на обской протоке им собраны кости животных мамонтовой фауны и обломки керамических сосудов. В сентябре 2012 г. Костин Роман Дмитриевич привёз собранные им коллекции.

Находки вызвали интерес. Было решено выехать на место находки. Выезд состоялся 20 октября 2012 г. К.Ю. Кирюшин, С.П. Грушин и Р.Д. Костин выехали в с. Калистратиха. Дальнейшее передвижение до места находки осуществлялось на катере Р.Д. Костина. Невзирая на плохую погоду, и начинающийся снегопад группа исследователей добралась до двух островов ниже по течению от с. Бураново. Географические координаты по GPS навигатору N 53°02,790'; E083°39,314'. В этом месте проходит коренное русло р. Оби. Напротив островов на правом берегу располагается база отдыха. Летом 2012 г. уровень воды в р. Обь был очень низким, в результате протока между двумя остро-

¹ Работа выполнена за счет средств госзадания проект №6.3990.2011 «Комплексные исторические исследования древнейших культур Алтая».

вами пересохла и на её дне собраны коллекции керамики, фрагмент черепа человека и кости животных.

Плохая погода помешала проведению обстоятельных исследований, но похоже что находки располагаются на дне протоки, в бортах по берегам остатков культурного слоя не выявлено. Скорее всего, река размыла поселения эпохи неолита, энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья, а также слои содержащие кости животных мамонтовой фауны где-то выше по течению. Обнаруженные материалы, несомненно, переотложены, окатаны и долгое время находились в воде.

Наиболее яркой находкой в коллекции является обломок гарпуна выполненный из окаменевшей кости или рога (рис. 1 – 1). Цвет изделия темно-коричневый. Размеры изделия 11,4x1,5x0,6 см. С одной стороны гарпун имеет десять, а с другой одиннадцать мелких зубьев. Сохранность изделия отличная, хотя в нескольких местах имеются современные сломы кончиков зубьев. На поверхности изделия прослеживаются царапины от подшлифовки, следы от прорезывания. Поверхность изделия подшлифована до блеска. На одной плоскости гарпуна нанесены четыре пары насечек, а с другой три пары и тройка (рис. 1 – 1).

В настоящее время известна целая серия костяных или роговых гарпунов и острог с территории Алтая. Известны подобные находки в материалах поселенческих и погребальных комплексов. Хронологический диапазон находок весьма широк.

Наиболее ранние памятники, в которых встречены гарпуны, относятся к эпохе неолита. Это погребение с Чудацкой горы (раскопки М.П. Грязнова. 1927 г.) (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Шмидт А.В., 2009, с. 252, рис. 2 – 8), погребении №9 могильника Усть-Иша (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000, с. 17, рис. 26 – 3). Целая серия гарпунов (пять экземпляров) найдена в погребении №1 грунтового могильника Солонцы-5 (Кунгурова Н.Ю., 2005, с. 18, рис. 24 – 1-5). Гарпуны из погребения с Чудацкой горы и могильника Солонцы-5 – односторонние. В погребении №9 могильника Усть-Иша обнаружен гарпун двусторонний, но форма и расположение зубцов отличается от находки из Бураново.

Два целых гарпуна и два обломка найдены на поселении Костенкова Избушка (Кирюшин Ю.Ф., с. 23, рис. 44 – 1-4). Все эти изделия односторонние. Несколько гарпунов обнаружено в материалах грунтового могильника Тузовские Бугры-1. Односторонний гарпун был найден в погребении №7, которое относится к эпохе энеолита и обломок одностороннего гарпуна обнаружен в погребении №34, которое относится к эпохе ранней бронзы (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 4, рис. 1 – 5).

На поселении эпохи ранней бронзы Берёзовая Лука, найдена целая серия гарпунов из рога и кости (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2004, рис. 146 – 1-3; 147 – 1-2). Одно из орудий одностороннее

(Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2004, рис. 146 – 1), остальные – двусторонние, но все они по размерам, общему виду и форме зубцов отличаются от нашей находки.

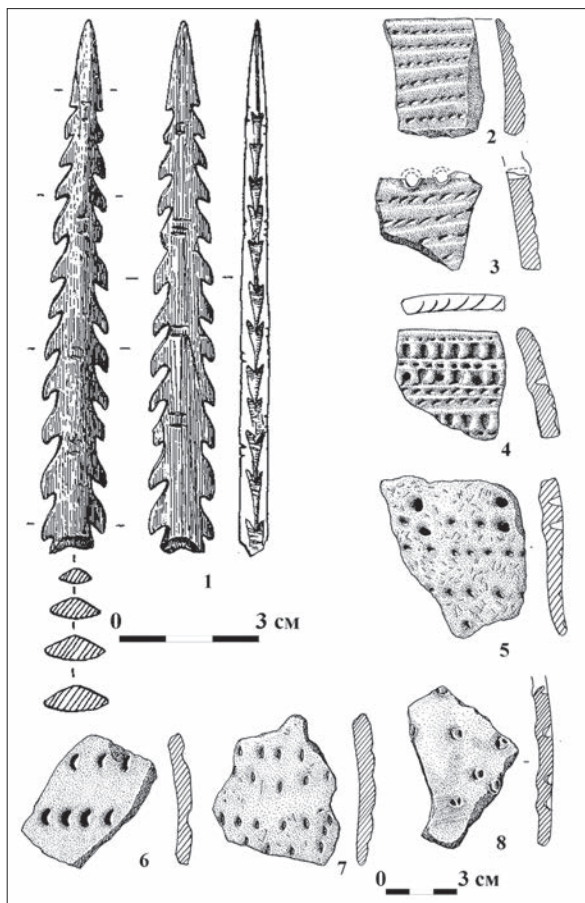

Рис. 1. 1 – гарпун из кости или рога; 2–8 – керамика; 2, 5–7 – эпохе неолита; 3 – эпоха неолита или энеолита; 4 – эпоха ранней бронзы; 8 – эпоха средневековья

Три гарпуна найдены на поселении Мыльниково (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, с. 43; рис. 9 – 6; с. 135; рис. 17 – 1-2, с. 143), которое относится к переходному времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Все они односторонние и по размерам, общему виду и форме зубцов отличаются от нашей находки.

Ещё один односторонний гарпун найден в погребении староалейской культуры раннего железного века грунтового могильника Фирсово-XIV (Фролов Я.В., 1998. с. 213, рис. 1 – 7). Это изделие также как и все вышеперечисленные отличается от гарпуна из Бураново.

Все гарпуны неолита, энеолита, бронзы и раннего железного века с территории Алтая существенно отличаются от находки из Бураново формой, размерами и расположением зубцов. Скорее всего, это объясняется их разным функциональным назначением. Похоже, что наш гарпун предназначен для охоты, а не для добычи рыбы. Наиболее близкие аналоги нашему гарпуну найдены около с. Победа. Это три случайные находки, сделанные на отмели р. Чумыш (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, с. 111–112, рис. 2 – 3-5). Один из гарпунов практически идентичен нашему (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, с. 112, рис. 2 – 4). По мнению исследователей, обработка, размеры, расположение зубцов и насада гарпунов с р. Чумыш вызывают «верхнепалеолитические мадленские ассоциации» (Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 2001, с. 112). У нашей находки насад обломан (рис. 1 – 1), может быть поэтому «мадленских ассоциаций» у нас не возникло. Не отрицая возможной датировки подобных находок верхнепалеолитическим временем, хотелось бы отметить, что в принципе подобные находки более характерны для эпохи мезолита, именно в это время они широко распространяются на огромных пространствах Северной Евразии от Карелии до Дальнего Востока (Мезолит СССР, 1989, табл. 9 – 3, 8-13; 14 – 1-5, 12-13; 15 – 6; 21 – 12-17, 19, 22, 23; 27 – 2; 32 – 1, 4-7, 10, 12-14; 33 – 53-56; 62 – 2, 3, 11, 12; 89 -13; 104 -1, 6, 10, 17, 21). К сожалению, эпоха мезолита является белым пятном в древнейшей истории Алтайского края. В результате радиоуглеродного датирования подобных артефактов найденных в воде, получаются заведомо омоложенные даты. Заражение современной органикой является проблемой, разрешить которую на данном этапе развития техники невозможно. Датировка гарпуна найденного в Бураново носит дискуссионный характер. Скорее всего, эта находка относится к мезолиту, но нельзя исключить и более раннюю датировку.

Коллекция фрагментов керамики состоит из 147 экз., из них 34 экз. – венчики, обломок плоскодонного дна – 1 экз., обломки стенок с орнаментом – 19 экз. и неорнаментированные части тулова сосудов – 93 экз. Фрагменты глиняных сосудов сильно замыты, заглажены, видимо, они длительное время находилась в воде. В собранной коллекции представлены фрагменты керамики различных археологических эпох и культур.

Наиболее ранними в составе коллекции являются фрагменты керамики – 5 экз., которые, скорее всего, относятся к эпохе неолита. Это венчика сосуда орнаментированный отступающей палочкой с элементами накальвания (рис. 1 – 2). Несколько фрагментов сильно замыты и орнамент плохо читается (рис. 1 – 5-7), но ряды ямок в сочетании с насеч-

ками (рис. 1 – 5), ряды ямок (рис. 1 – 6), насечки (рис. 1 – 7) – орнаментальный приём характерный для неолитической культуры Присалаирья (Зах В.А., 2003). Небольшой фрагмент керамики, орнаментированный рядами отступающей палочки с элементами накальвания и рядом ямок, имеет широкий круг аналогов в материалах неолита Верхнего Приобья и энеолита Кулунды (Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., 2011).

К эпохе ранней бронзы относятся, по крайней мере, три фрагмента. Это – два венчика (рис. 1 – 4; 3 – 5) и фрагмент стенки сосуда елунинской культуры орнаментированный шагающей гребенки с элементами протаскивания.

Несколько фрагментов датируются эпохой развитой бронзы и относятся к андроновской археологической культуре (рис. 2 – 1-3). Это фрагмент слабопрофилированной банки орнаментированной рядами каннелюров по венчику, и рядами елочки украшающей тулово (рис. 2 – 1). Несколько сосудов орнаментированы отпечатками гребенчатого штампа образующего, по венчику ряды равнобедренных (рис. 2 – 3) и косоугольных (рис. 2 – 2) треугольников, и елочки по тулову.

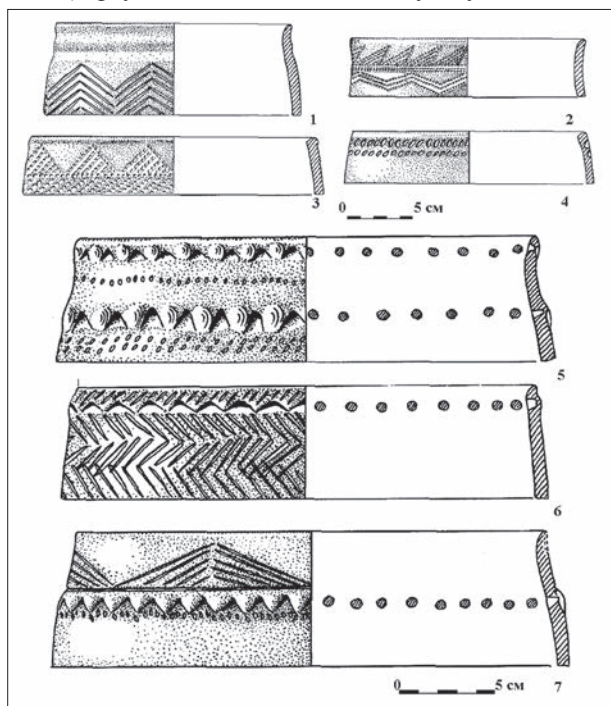

Рис. 2. 1–7 – керамика; 1–3 – андроновская культура; 4–7 – ранний железный век

Керамика раннего железного века составляет большую часть коллекции (рис. 2 – 4-7; 3 – 1-3). Скорее всего, они относятся к различным археологическим культурам часть к староалейской, а часть к больше-реченской.

Несколько экземпляров хорошо профилированных сосудов, которые орнаментированы отпечатками короткого гребенчатого штампа по срезу венчика датируются эпохой средневековья и относятся к одинцовской культуре (рис. 3 – 4-7). Наиболее выразителен фрагмент сосуда (рис. 3 – 4), который орнаментирован отпечатками короткого гребенчатого штампа по венчику и рядом точек в верхней части венчика. Под ними, в месте перехода венчика в тулово, проходят отпечатки более длинного гребенчатого образующего двойную елочку. Верхняя часть тулова орнаментирована двумя рядами вдавлений (ямок) (рис. 3 – 4). К эпохе средневековья, скорее всего, относится фрагмент стенки сосуда, орнаментированный наколами, выполненными полой косточкой (рис. 1 – 8).

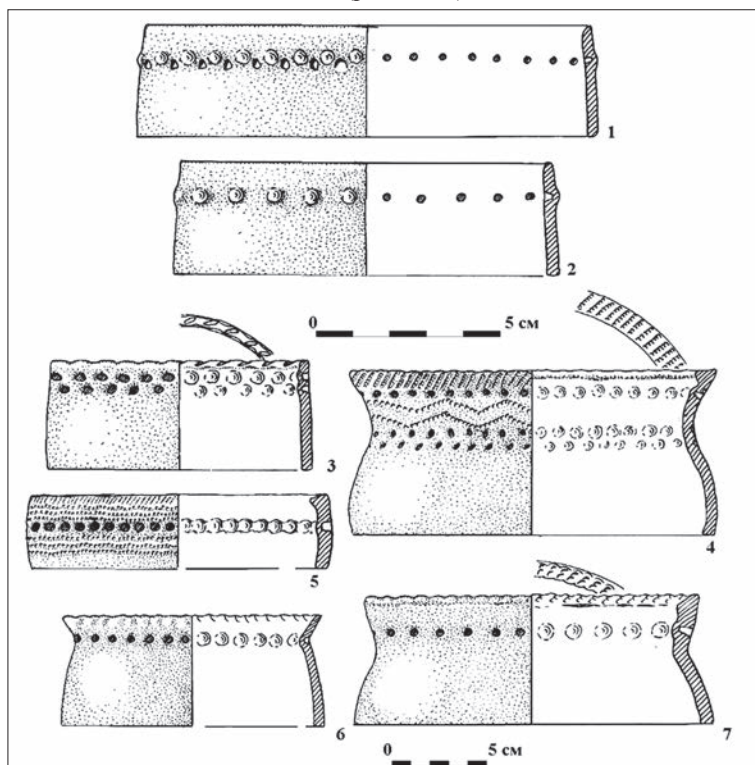

Рис. 3. 1–7 – керамика; 1–3 – ранний железный век; 4–7 – эпоха средневековья, одинцовская культура

Интересна находка керамической фишки.

Среди сделанных находок вызывает интерес фрагмент черепной коробки человека современного вида. Почти полностью сохранились обе теменные кости и верхняя половина чешуи затылочной кости. Сигитальный и затылочные швы заросли как изнутри, так и снаружи. Косвенным показателем значительного возраста антропологической находки является темно-коричневый цвет. Темно-коричневый цвет захватывает глубокие костные слои. Дальнейшее лабораторное исследование образца представляется перспективным.

Можно констатировать, что в пойме Оби собраны интересные коллекции с разрушенных и переотложенных памятников различных исторических эпох. К сожалению, большое количество снега и как следствие высокий уровень воды, скорее всего, сделает невозможным продолжение работ на местонахождении Бураново-острова в этом году. Можно отметить, что в целом разведочные работы в пойме р. Оби с целью выявления археологических памятников представляется перспективным.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Шмидт А.В. Погребение с Чудацкой горы (раскопки М.П. Грязнова. 1927 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 249–257.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадилов Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 117 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребённых неолита Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века из могильника Тузовские Бугры-1 // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 4–6.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи: монография. Барнаул, 2004. Т. I. 288 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: монография / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2005. 202 с.

Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников датированных VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1998. С. 211–219.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблема изучения древней и средневековой истории: Сборник научных трудов. Барнаул, 2001. С. 111–126.

Мезолит СССР. М., 1989. 352 с.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла Лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003. 168 с.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М. Проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятников неолита Кулунды // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (48). 2011. С. 42–50.

К.Ю. Кирушин, В.П. Семибратов

Алтайский государственный университет, Барнаул

**КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ НАЧАЛА XX В.
НА «БИРЮЗОВОЙ КАТУНИ»:
ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, АТРИБУТАЦИИ И ОХРАНЫ¹**

До недавнего времени левый берег реки Катунь в её нижнем течении от Аржан-Су до с. Ая в археологическом отношении оставался практически неизученным. Во многом это было связано с тем, что левый берег р. Катунь на этом участке покрыт лесом с густым подлеском. До 2002 г. от с. Ая к Тавдинским пещерам вела заброшенная дорога. Эти обстоятельства делали территорию от Аржан-Су до с. Ая труднодоступной для исследования. Начавшееся хозяйственное освоение этой территории сделало левый берег р. Катунь более доступным для посещения и привлекло внимание специалистов археологов. Сегодня Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» один из наиболее динамично развивающихся, крупнейших инвестиционных проектов не только в Алтайском крае, но и в России.

До 2002 г. на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» был известен только один памятник археологии – «Большая Тавдинская пещера», поставленный на государственную охрану постановлением АКЗС №169 от 28.12.1994 г. Главной задачей в 2002–2010 гг. являлось выявление объектов археологического наследия, которые могли быть уничтожены в ходе хозяйственного освоения территории. К настоящему времени на территории «Бирюзовой Катунь» выявлено 16 памятников археологии, из которых на шести проведены исследования (грот, курганы и др.). Однако работы по выявлению объектов историко-культурного наследия продолжают.

Археологический парк «Перекресток миров» начал историю своего существования в мае 2005 г., когда между руководством туристического комплекса «Бирюзовая Катунь» и Алтайским государственным университетом был заключен договор о сотрудничестве. В рамках этого договора представители АлтГУ стали осуществлять работу по интеграции объектов историко-культурного наследия в сферу туризма. В результате на протяжении нескольких сезонов парк «Перекресток миров» стал базой для проведения археологических исследований на Нижней Катунь. Кроме раскопок, организовывались разведочные мероприятия, которые также давали существенные материалы. Так летом 2007 г. в результате проведенного обследования по р. Усть-Уба впервые на территории Алтайского края документально зафиксирована наскальная руническая надпись, которая на сегодняшний день является самым северным объектом в корпусе

¹ Работа выполнена за счет средств госзадания проект №6.3990.2011 «Комплексные исторические исследования древнейших культур Алтая».

аналогичных памятников (Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В., 2007). В 2009 г. в деревне Нижняя Каянча был выявлен памятник скифосакского времени, который получил обозначение «Нижняя Каянча» (Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2007).

В августе 2012 г. от сотрудника ООО «Перекресток миров» Д.О. Швецова поступили сведения о том, что в нескольких километрах к западу от ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» на перевале находится искусственная каменная выкладка. В сентябре 2012 г. К.Ю. Кирюшин и В.П. Семибратов в сопровождении информатора и охотоведа Е. Субботина на лошадях выехали к месту нахождения объекта. Зафиксированный объект находится на перевале между реками Тавдушка и Усть-Уба (Устюба), на высоте примерно 670–700 м от уровня моря, в 3,5 км к юго-западу от заруды на р. Тавдушка.

В ходе обследований оказалось, что сооружение не относится к археологическим конструкциям. Оно представляло собой подчетырехугольный алтарь, сложенный из плитоподобных камней. В центре его находится установленный деревянный столб (рис. 1). Невысокая выкладка немного разрушилась, но в некоторых местах она сохранилась довольно хорошо (рис. 2), что позволяет детально ее изучить.

Рис. 1. Культурный объект бурханистов – куре (Алтайский район Алтайского края). Вид с востока

Изучение полученных материалов, позволило предварительно заключить, что на юго-юго-восточном горном склоне находится культурный объект бурханистов – куре (Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А., Семибратов В.П., 2012). Обширные сведения о куре и других сооружениях для

реализации необходимых обрядов представлены в работе А.Г. Данилина (1993). Не являясь специалистами в области изучения бурханизма, позволим себе процитировать некоторые отрывки из опубликованной книги:

«...Если для урочищ с шаманским населением характерной чертой ландшафта является тайылга, то в районах жительства бурханитов определяющим внешним признаком становится мургул (мольбища). Мургул – этим же словом обозначают и самое моление. Культ – это особое сооружение, обычно возводимое на склоне горы, открытым с трех сторон – к востоку и югу, на сторону солнечную. Основная часть этих сооружений – жертвенники – куре, выложенные из каменных плит, в форме почти правильного куба различных размеров. На этом жертвеннике жгут вереск, перед ним совершаются возлияния (точнее – разбрызгивание) молока. Вместе с куре определенным образом устанавливаются деревянные жертвенники (тагыл), сходные с теми, какие ставятся в айылах, в виде невысокого замкнутого кольца, из сложенных на земле плит. Непременной принадлежностью мургула является березка, втыкаемая по углам куре, и длинные шесты (суме), оканчивающиеся весьма разнообразными резными фигурами. Под головкой суме подвязывают длинные ленты, отрезки материи и иногда дибек – голубые шелковые нити, длиной до 90 см. Так же подвешивают модель лука и стрелы (саадак)...

Рис. 2. Культурный объект бурханитов – куре (Алтайский район Алтайского края). Вид с запада

Полностью все вышеуказанные элементы можно встретить редко только в наиболее сохранившемся мургуле; чаще же попадаются по пути лишь развалины мольбищ: одиноко стоящие куре с одним суме в середине или упавшими березками и суме с разбросанными частями. Обзор

многочисленных мест молений бурханистов наводит на мысль о сходстве их с распространенными в Северо-Западной Монголии культовыми местами обо, устраиваемыми обычно на горных перевалах. ...Ламаистские параллели можно обнаружить и в других деталях, например, суме. Кроме символического значения суме, связанного с астральным культом, их назначение – быть местом отдохновения духов, вызываемых молитвами к мургулу; здесь они находятся во время моления для принятия предназначенной им жертвы. Отсюда – разнообразие форм оконечностей суме – то в виде юрты, то в виде горы и т.п.» (Данилин А.Г., 1993, с. 178–180).

Открытие, сделанное в 2012 г. (Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А., Семибратов В.П., 2012) заставило нас вернуться к материалам археологических исследований 2006 г., а именно к объекту Бирюзовая Катунь-2 (Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009).

Памятник Бирюзовая Катунь-2 (координаты по JPS-навигатору: N 51°47.991', E 085°43.968'), располагался на площадке, представляющей собой конус выноса с горы, выходящий почти перпендикулярно долине Катунь и возвышающийся над ней примерно на 3 м. Участок, на котором находится памятник, открыт с трёх сторон к востоку и югу, выходит на солнечную сторону, и его расположение совпадает с особенностями локализации культовых мест бурханистов (Данилин А.Г., 1993).

Обследование данного пункта в 2006 г. показало его аварийное состояние: фиксировались многочисленные ямы, бугры, траншеи, следы недавней работы на террасе (рядом с дорогой) гусеничного трактора с грейдером. На участке фиксировались остатки нескольких каменных конструкций. Из которых для изучения было выбрано наиболее сохранившееся сооружение, которое представляло собой слабо задернованную многослойную каменную конструкцию 2x2 м из рваных булыжников и гранитных плит вперемежку с мелким галечником и гумусированной супесью. Оно напоминало уплощенную насыпь, на поверхности которой (в центре и в юго-восточной половине кладки) фиксировалось несколько плит и рваных камней крупных размеров. Вокруг объекта был заложен раскоп. В результате снятия дернового слоя и зачистки выяснилось, что объект имел прямоугольную форму, длиной с юго-запада на северо-восток 4,5 м, шириной с северо-запада на юго-восток 3,3 м, максимальной высотой от уровня древнего горизонта 0,65 м. При расчистке южной половины было найдено два зуба лошади (рис. 3). По окончании исследования стало ясно, что данный объект сильно разрушен (рис. 3).

По завершению работ раскоп был засыпан грунтом до уровня современной поверхности. Музеефикация изученного объекта не предпринималась по причине его сильного разрушения и невозможности полноценной реконструкции. Значительное повреждение ограды Бирюзовая Катунь-2, объяснялось тем (Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009), что в непосредственной близости от нее до 1970-х гг. располагалась русская

деревня, вследствие чего эта местность подверглась сильному антропогенному воздействию, в результате хозяйственной деятельности. Сейчас мы склоняемся к выводу, что объект подвергся целенаправленному разрушению в период воинствующего атеизма в 20–60-е гг. XX в.

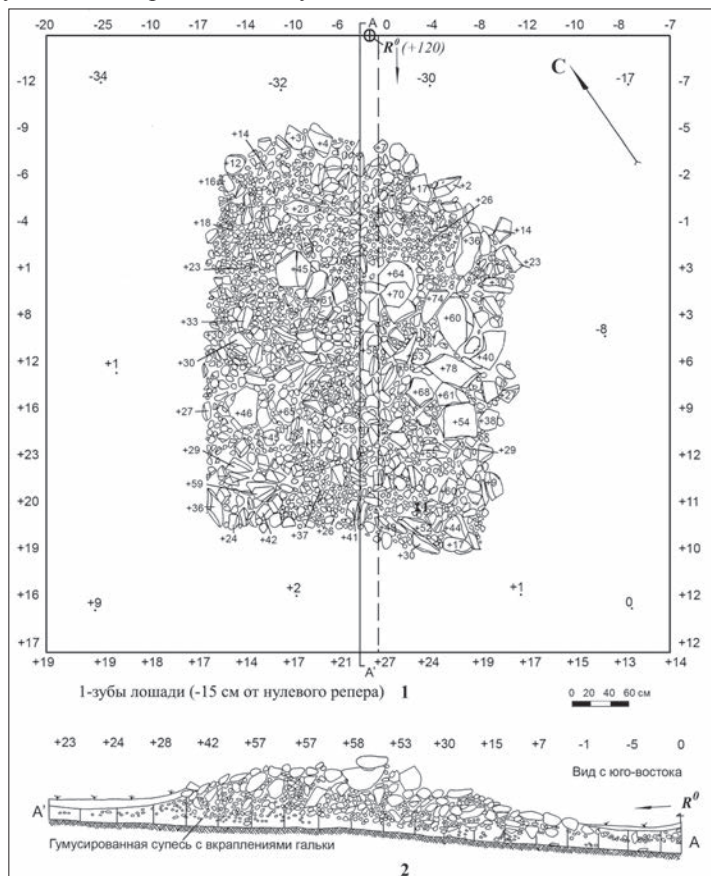

Рис. 3. Ритуальное сооружение «Бирюзовая Катунь-2»
(по: [Кирюшин, Матренин, 2009]).

После проведения раскопок возникли трудности с определением хронологии и культурной принадлежности исследованного объекта. Некоторые коллеги даже усомнились в правомерности отнесения этого сооружения к объектам историко-культурного наследия. Сомнения вызывал слабый дерновой слой. Были высказаны предположения о том, что это «куча камней на окраине распаханного земельного участка».

В публикации (Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009) мы указали, что археологический объект, зафиксированный в пункте Бирюзовая Катунь-2, являлся сильно разрушенной прямоугольной оградой раннего средневековья. Из-за отсутствия вещевого комплекса датировку сооружения определили условно в рамках существования тюркской культуры, не ранее середины VI в. или середины VII в. (Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2009). После работ 2012 г. эти выводы были пересмотрены. Мы считаем, что объект, зафиксированный в пункте Бирюзовая Катунь-2, это – сильно разрушенный культовый объект бурханистов – ку́ре.

В заключение необходимо отметить, что обнаруженный в 2012 г. вблизи «Бирюзовой Катунь» объект историко-культурного наследия культовый памятник бурханистов – ку́ре, требует не только тщательного изучения, но и сохранения, в соответствии с действующим законодательством. В отношении Бирюзовой Катунь-2, ситуация более сложная. В 2010–2012 гг. на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» развернулись масштабные работы по строительству дороги и коммуникаций. Как часто бывает в подобных случаях строительство вышло далеко за пределы согласованной зоны. В данный момент мы не имеем информации о том, сохранились ли каменные конструкции, визуально фиксированные на поверхности в 2006 г.

Нет сомнения, что культовые объекты бурханистов – ку́ре, крайне редкий тип объектов историко-культурного наследия, и их распространение не выходит за рамки северных предгорий Алтайских гор. Наличие культовых сооружений начала XX вв. на территории Алтайского района Алтайского края требует изменения подхода к проведению научно-исследовательских работ в процессе составления разделов в составе проектной документации на строительство.

Библиографический список

Кирюшин К.Ю., Горбунов В.В., Даньшин О.В. Руническая надпись с реки Усть-Уба (Алтайский район Алтайского края) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2006 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2007. С. 57–59.

Кирюшин К.Ю., Семibrатов В.П., Тишкин А.А. Культовый объект бурханизма в предгорьях Алтая // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012. С. 38–43.

Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае. Горно-Алтайск, 1993. 208 с.

Кирюшин К.Ю., Матренин С.С. Исследование ритуального сооружения Бирюзовая Катунь-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 229–235.

Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Семibrатов В.П. Предметный комплекс из памятника скифо-сакского времени Нижняя Каянча на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. XVII. С. 243–247.

**К.Ю. Кирюшин, В.П. Семибратов, С.П. Грушин,
С.М. Ситников, Я.В. Фролов**

*Алтайский государственный университет;
Алтайская государственная педагогическая академия;
НПЦ «Наследие», Барнаул*

**КОМПЛЕКС ЭПОХИ НЕОЛИТА –
РАННЕЙ БРОНЗЫ ПАМЯТНИКА
«ГИЛЕВСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ-3»¹**

Поселение «Гилевское водохранилище-3» находится на высоком участке обрывистого берега Гилевского водохранилища, в окрестностях с. Староалейское. Памятник был открыт С.М. Ситниковым в 1995 г. Им были сделаны сборы подъемного материала, опубликованные совместно с А.Л. Кунгуровым. Собранные каменные артефакты были отнесены исследователями к началу верхнего палеолита (Кунгуров А.Л., Ситников С.М., 1998).

На протяжении многих лет авторами статьи проводится регулярный мониторинг состояния памятника. Как показывают наблюдения последнего десятилетия, памятник постепенно разрушается водами водохранилища. В 1995–2010 гг. на территории объекта археологического наследия была собрана представительная коллекция каменных артефактов эпохи верхнего палеолита, которые изготовлены из алевrolита и сильно патинизированы. В 2000–2010 гг. собрана коллекция каменных артефактов и обломки керамических сосудов, которые, относятся к более позднему времени. Небольшая часть коллекции уже была опубликована (Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Ведянин С.Д., 2001) и отнесена к эпохе энеолита. Материалы, собранные за последние 10 лет, позволяют вернуться к проблемам, обозначенным в предыдущей публикации, используя более представительную источниковую базу.

Среди каменных артефактов наиболее интересна находка обломка «утюжка» (рис. 1 – 1). Длина его сохранившейся части 33 мм. В сечении он имеет форму неправильного эллипса наибольший диаметр, которого 40 мм, наименьший 31 мм. Изделие имеет прямой поперечный округлый в сечении желобок глубиной 5 мм. Утилитарное назначение таких изделий, либо их семантика как ритуальных предметов вызывает дискуссии, хронологические и территориальные рамки распространения очень широки. Подобные изделия известны в материалах поселенческих, погребальных и ритуальных комплексов (Усачева И.В., 2007, с. 10).

¹ Работа выполнена за счет средств госзадания проект №6.3990.2011 «Комплексные исторические исследования древнейших культур Алтая».

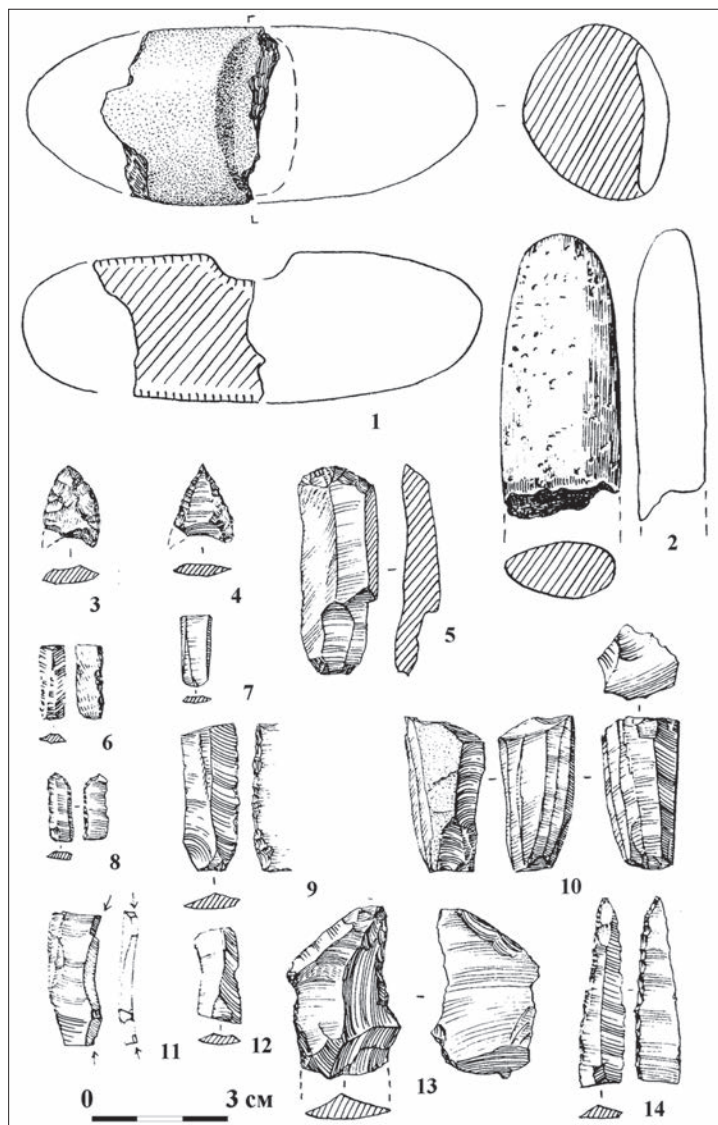

Рис. 1. 1–14 – каменный инвентарь памятника «Гилевское водохранилище-3»:
 1 – «утюжок»; 2 – оселок; 3–4 – наконечники стрел; 5 – скребок на пластине;
 6, 8, 9 – фрагменты пластин с ретушью; 7 – дистальный фрагмент пластины;
 10 – призматический нуклеус; 11 – резец на пластине; 12 – медиальный
 фрагмент пластины; 13 – скобель; 14 – острие на пластине

Стоит отметить, что на Алтае «утюжки» встречаются в основном в погребальных комплексах, которые исследователи относят к неолиту, либо к энеолиту (Молодин В.И., 1977, с. 41, табл. XXXI, XXXII; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000, с. 16, рис. 25 – 22; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т., 2011, с. 105; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т., 2012, с. 61). По костям человека из погребения №9 грунтового могильника Усть-Иша получена радиоуглеродная дата СОАН-5606 3105±115 лет до н.э. (Кунгурова Н.Ю., 2005 с. 57). Не ставя перед собой задачи подробного анализа хронологии данной категории предметов, отметим что, скорее всего, время их широкого распространения приходится на конец IV – III тыс. до н.э. В этих пределах мы считаем возможным датировать находку с памятника Гилевское Водохранилище-3.

Остальные каменные артефакты не столь информативны. Они имеют распространение на огромной территории и датируются в широком хронологическом интервале. Это – оселок (рис. 1 – 2), наконечники стрел (рис. 1 – 3, 4), скребок на пластине (рис. 1 – 5), фрагменты пластин с ретушью (рис. 1 – 6, 8, 9), дистальный фрагмент пластины (рис. 1 – 7), призматический одноплощадочный монофронтальный нуклеус (рис. 1 – 10), резец на пластине (рис. 1 – 11), медиальный фрагмент пластины (рис. 1 – 12), скобель (рис. 1 – 13), острие на пластине (рис. 1 – 14). Большинство этих находок характерно для неолита и энеолита, или даже мезолита-энеолита. Стоит отметить, что находка обломка оселка или абразива (рис. 1 – 2) вне комплекса может датироваться в очень широких пределах от эпохи неолита до средневековья и даже этнографического времени.

В 2001–2011 г. на территории памятника собраны обломки от одного тонкостенного сосуда (толщина стенок 6 мм) чёрного цвета. Фрагментарность собранных материалов не позволяет полностью реконструировать форму сосуда. Можно констатировать, что это сосуд слабопрофилированный, открытой формы. По венчику он орнаментирован жемчужником и налепами (рис. 2 – 1). Вся поверхность сосуда покрыта отпечатками текстильного орнамента (рис. 2 – 1). Собранные фрагменты керамики замыты водой, и техника орнаментации не совсем чётко прослеживается, но скорее всего, это отпечатки шнура, намотанного на палочку (верёвочный штамп), прокатанные по диагонали от днища к венчику.

Коллекция керамики пополнилась в 2010–2011 гг. Обнаруженные обломки, располагались довольно компактно. По видимому, они принадлежат одному сосуду. К сожалению, фрагментарность собранных материалов не позволяет полностью реконструировать форму сосуда. Это крупный (диаметр 25 см), толстостенный (толщина стенок 11 мм) сосуд, скорее всего вытянутых пропорций, с высокой горловиной, профилированный, венчик немного отогнут наружу (рис. 2 – 2). По венчику, снаружи сосуд орнаментирован рядами горизонтальных насечек. С внутренней стороны по венчику украшен отпечатками таких же насечек но ориентированными по диагонали сверху вниз. К сожалению, керамика

замыта, и техника нанесения орнамента плохо читается. Возможно, сосуд декорировался с использованием штампа, который прокатывался по поверхности. Верхняя часть тулова украшена отпечатками шнурового орнамента. В том месте, где плечики сосуда переходят в тулово, насечки перекрывают отпечатки шнурового орнамента. На некоторых фрагментах стенок имеются сквозные отверстия (рис. 2 – 2).

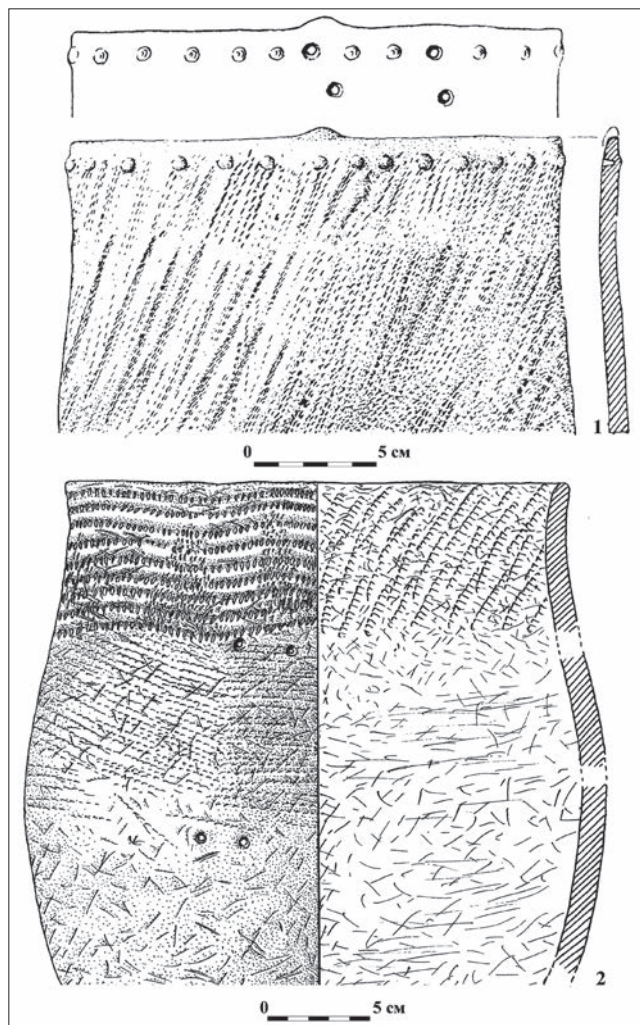

Рис. 2. 1–2 – графическая реконструкция керамических сосудов памятника «Гилевское водохранилище-3»

Стоит отметить ещё одну деталь. Визуально в стенках сосуда прослеживаются следы от выгоревшего волоса животных. Эти отпечатки волос фиксируются в стенках, на внутренней и на внешней поверхности сосуда. На внешней и на внутренней поверхности. Эти следы единичны, в стенках многочисленны и хорошо читаются в изломах. На вертикальных изломах черепков каналы представлены, как правило, отверстиями, а на горизонтальных фиксируются многочисленные четкие отпечатки волосков собранных в пучки.

Рядом с развалом сосуда нами собраны кости человеческого скелета (кости ног, таза, позвонки). Скорее всего, керамика и кости происходят из погребения разрушенного водами водохранилища.

Аналогии слабопрофилированному сосуду (рис. 2 – 1) на территории Алтайского края имеются в материалах поселения Комарово-1 (керамика 8 группы) (Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2011, с. 25–26, фото. 2 – 8). Это группа керамики с различными типами текстильной орнаментации (Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2011, с. 25). По мнению авторов, текстильная керамика встречается вместе с елунинской, а на части сосудов были совмещены текстильные орнаментальные традиции с отступающей и шагающей гребенкой (Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2011, с. 44). Это позволило исследователям датировать текстильную керамику елуниским временем (эпохой ранней бронзы) (Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2011, с. 44).

Керамику «с так называемым ложнотекстильным орнаментом», встреченную на поселении Костенкова Избушка – Ю.Ф. Кирюшин выделяет в особую (третью) группу (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 18, рис. 18–3; 19–2; 20). Автор отмечает, что посуда с Костенковой Избушки по шейке венчика украшена насечками, резными линиями, овальными лунками (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 18). Отметим, что несколько сосудов с этого памятника также как и сосуд с Гилевского водохранилища-3, орнаментированы по венчику одним (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 20 – 5), или двумя (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 20 – 3) рядами жемчужника. В целом прослеживаются какие-то очень общие черты сходства и в формах сосудов. Сосуды с Костенковой Избушки за небольшим исключением (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 20 – 4), также слабопрофилированные, открытых форм (Кирюшин Ю.Ф., 2002, рис. 20 – 1-3, 5-7). В своей работе, автор, подробно останавливается на проблемах датировки керамики с «ложнотекстильной» орнаментацией (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 33–34). По мнению Ю.Ф. Кирюшина, «ложнотекстильную» керамику можно считать местной по своему происхождению, он появляется на рубеже III и II тыс., возможно, в конце III тыс. и существует в период ранней бронзы, т.е. в первой половине II тыс. до н.э.» (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 34). Если учесть, что «ложно-

текстильная» керамика не встречена в елунинских комплексах и явно предшествует им, датировка памятников с «ложнотекстильной» керамикой определяется 2-й половиной III тыс. до н.э.

Графическая реконструкция, выполненная по собранным фрагментам второго сосуда (рис. 2 – 2), не даёт полного представления о его формах. Он сильно отличается от первого сосуда, по форме, цвету (обжигу), толщине стенок, составу теста, способам орнаментации. Определить хронологию, периодизацию и культурную принадлежность этого сосуда проблематично и возможно несколько вариантов его историко-культурной интерпретации. Сосуд имеет черты морфологического сходства с керамикой афанасьевской культуры.

Ближайший афанасьевский памятник расположен в 40–45 км к юго-востоку от Гилевское водохранилище-3. Это поселение Подсинюшка, открытое в 1993 г. Саяно-Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа в районе оз. Белого (Марсадолов Л.С., 1998, с. 10). Одним из авторов статьи на данном поселении проводились охранные раскопки (Грушин С.П., 2009, с. 193–198; Грушин С.П., Лыжникова О.Г., 2009). Полученные материалы подтвердили культурную принадлежность и хронологию памятника IV–III тыс. до н.э. (Грушин С.П., 2009, с. 197).

Рассматриваемый сосуд, также имеет определенные черты морфологического сходства с керамикой четвёртого культурного горизонта поселения Тьткескень-II (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 55–56, рис. 80). В керамике поселения Тьткескень-II от раннего до финального неолита прослеживается очень специфический технологический приём – в качестве армирующей добавки на этапе изготовления в тело сосуда добавлялся волос животных (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г., 2012). Стоит отметить, что этот технологический приём связан преимущественно с керамикой орнаментированной гребенчатым штампом (Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г., 2012).

На данном этапе исследования хронологические рамки рассматриваемого комплекса можно определить только в широких пределах – финальный неолит – энеолит, или конец IV–III тыс. до н.э. Мы не исключаем того, что черты морфологического сходства между толстостенной профилированной керамикой (рис. 2 – 2) с памятника Гилевское водохранилище-3, и афанасьевской керамикой связаны с проникновением афанасьевского населения в северные предгорья Алтая. Возможны какие-то иные варианты, связанные с распространением традиций керамического производства у неолитического населения Средней Катуни на северные предгорья Алтая. Дальнейшие исследования позволят подтвердить, либо опровергнуть выдвинутые предположения.

В ходе работ 2001–2011 гг. нам не удалось выявить культурный слой в обрыве берега. В своё время (Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Ведянин С.Д., 2001) выдвигалось предположение, что поселение может быть практически полностью уничтожено водами водохранилища. Наблюдения

последних лет позволяют иначе взглянуть на обозначенную ранее проблему. Развалы двух обнаруженных сосудов располагались довольно компактно. Большая часть каменных артефактов, отнесённых нами к энеолиту, располагалась рядом с развалом сосуда орнаментированного текстильным орнаментом. В 2010 г. рядом с фрагментами сосуда с высокой горловиной (рис. 1 – 2) обнаружены кости человека. Вполне возможно, что мы имеем дело не с поселенческим комплексом, а с остатками разрушенных погребений. В таком случае становится понятно отсутствие культурного слоя небольшое количество керамики и каменных артефактов. Подобное предположение требует подтверждения, но не выглядит невозможным.

Нельзя исключать вероятность того, что мы имеем дело с разновременными материалами. Поэтому датировать их можно только в широком хронологическом диапазоне. Часть каменных артефактов вполне может относиться к эпохе неолита, но большая часть коллекции относится к энеолиту. Керамические сосуды находят аналогии в материалах энеолита – ранней бронзы и датируются, скорее всего, III тыс. до н.э.

Памятник – несомненно, требует дальнейшего исследования. К сожалению, памятник активно размывается водами Гилёвского водохранилища и необходим постоянный мониторинг, за береговой линией, которая наиболее подвержена разрушению. Хотелось бы надеяться, что органы охраны памятников обратят внимание на разрушающийся памятник и выделят хотя бы небольшие деньги на его мониторинг и аварийные раскопки. Дальнейшие исследования помогут ответить на многие обозначенные в данной работе проблемы.

Библиографический список

Кунгуров А.Л., Ситников С.М. Палеолитические стоянки Гилёвского водохранилища (верховья р. Алей) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практ. конф. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 42–47.

Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Ведянин С.Д. Обследование аварийных памятников Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. С. 147–150.

Усачёва И.В. «Утюжки» Евразии как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 23 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 176 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков *Dentalium* и *Corbicula* в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 // Известия Алтайского государственного университета. 4/1. 2011. С. 105–114.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. №3 (51). 2012. С. 59–66.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребённых неолита Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово-1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул, 2011. 142 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Марсадалов Л.С. Исследования на Западном Алтае (около посёлка Колывань): материалы Саяно-Алтайской археолог. экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб., 1998. Вып. 2. 46 с.

Грушин С.П. Исследование афанасьевского поселения Подсинюшка в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 193–198.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.) монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 336.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. №4 (52). 2012. С. 41–50.

К.Ю. Кирюшин, В.П. Семибратов, С.М. Ситников

Алтайский государственный университет;

Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОЭЗ ТРТ «БИРЮЗОВАЯ КАТУНЬ» ОСЕНЬЮ 2010 г.¹

Осенью 2010 г. сотрудниками и студентами АлтГУ проводилось археологическое обследование 16 земельных участков на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» (рис. 1). Это участки ООО «Алтай-Известь плюс» (рис. 1) на которых, планируется строительство гостиничного комплекса. Археологические разведки проводились в целях выявления объектов археологического наследия, уточнения сведения о них и планирования мероприятий по обеспечению их сохранности.

В непосредственной близости от одного из обследуемых участков, уже был известен объект археологического наследия – поселение «Бирюзовая Катунь-7». Памятник был открыт в октябре 2008 г. при обследовании территорий, попадающих в зону строительства проектируемой автодороги «Алтайское – Ая – Нижнекаянча – Бирюзовая Катунь на участке км 60+000 – км 71+850» (Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Матренин С.С., 2008). В полевой сезон 2010 г. со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье современность)» (№2012-1.1-12-000-3001-017).

трудниками Алтайского государственного университета на памятнике проводились аварийные раскопки (Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Демин М.А., Ситников С.М., 2011).

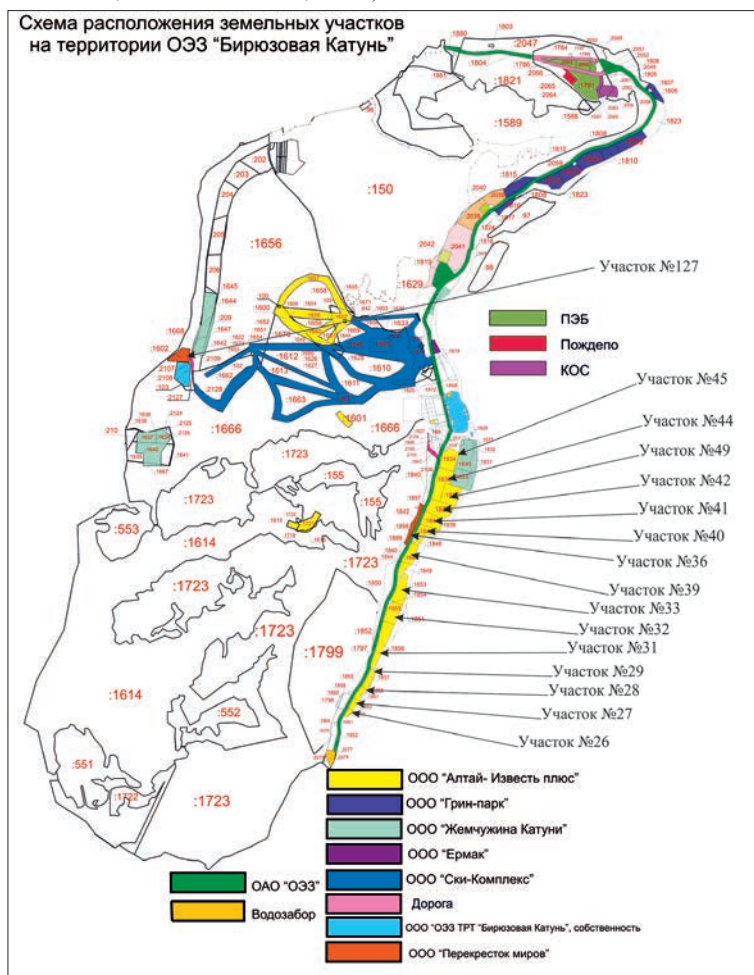

Рис. 1. Земельные участки ООО «Алтай-Известь плюс» на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» на которых осенью 2010 г. проводилось археологическое обследование

Археологические обследования каждого из участков начинались с тщательного осмотра береговой кромки и разрушений поверхностного слоя почвы в результате строительства автодороги «Алтайское – Ая –

Нижнекаянча – Бирюзовая Катунь» на предмет наличия подъемного археологического материала. Также проводился осмотр участков с целью выявления объектов археологического наследия выраженных в неровностях рельефа. После осмотра участков выбирались наиболее перспективные места для закладки шурфов.

В начале работ была обследована часть участка 27, вдоль кромки первой надпойменной террасы р. Катунь, сильно размытой паводковыми водами в 2010 г. На границе участков 27 и 28 в разрушениях берега обнаружена керамика. Фрагменты стенки сосуда без орнамента – 4 экз. и фрагмент стенки сосуда без орнамента 1 экз. (рис. 2) Обломки сосудов светло-коричневого, местами кирпичного цвета, примерно одинаковой толщины (0,5–0,7 см), имеющих схожий состав формовочной массы (рыхлое тесто, с включением песка и каменных фракций размерами от 2 до 5 мм).

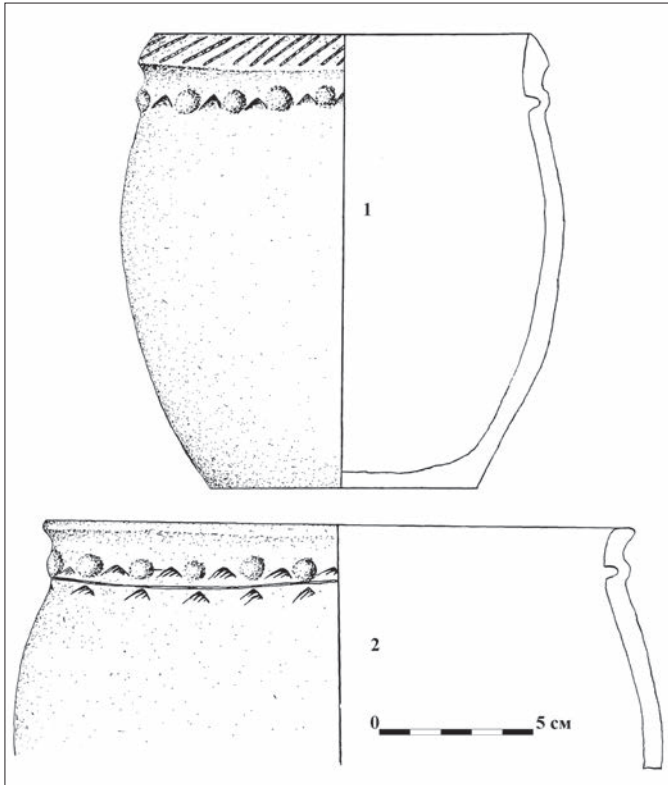

Рис. 2. 1–16 – фрагменты керамических сосудов с поселения «Бирюзовая Катунь-10»: 1–3, 5–6, 8–9 – венчики сосудов; 4, 7, 10, 11, 13–16 – фрагменты стенок; 12 – придонная часть

На границе участков №27 и 28 был заложено три шурфа. В них, в гумусированном слое коричневого цвета обнаружено 16 фрагментов керамики. Из них – 8 экз. фрагменты стенок сосудов без орнамента (рис. 2 – 4, 7, 10, 12-16) темно-коричневого, местами кирпичного или черного цвета, примерно одинаковой толщины (0,5–0,7 см), имеющих схожий состав формовочной массы (рыхлое тесто, с включением песка и каменных фракций размерами от 2 до 5 мм).

Венчики сосудов 7 экз. (рис. 2 – 1-3, 5-6, 8-9) и фрагменты стенок – 1 экз. орнаментированные наколами (рис. 2 – 11), темно-коричневого, местами кирпичного или черного цвета, примерно одинаковой толщины (0,5–0,7 см), имеющих схожий состав формовочной массы (рыхлое тесто, с включением песка и каменных фракций размерами от 2 до 5 мм). Три венчика сильно профилированы (рис. 2 – 1, 3, 6), у остальных профиль прямой.

Таким образом, на границе двух участков №27 и 28 выявлен объект археологического наследия – поселение «Бирюзовая Катунь-10». В осыпи берега и в шурфах найдено значительное количество керамики. К сожалению, только три фрагмента керамики орнаментированы наколами (рис. 2 – 1, 8, 11). Эти фрагменты имеют небольшие размеры, не позволяющие проследить форму сосудов и орнаментальную композицию. Датировать их можно только в очень широком хронологическом интервале от раннего железного века до эпохи средневековья.

Шурфы и сборы с поверхности позволяют проследить границы памятника. Видимо поселение локализуется на первой надпойменной террасе р. Катунь. Терраса хорошо выражена в рельефе. Можно предположить, что в какие-то моменты она в период половодья превращалась в остров, а в какие-то моменты полностью заливалась водой.

При обследовании участков №31–33, исследовались прилегающие земельные участки (между участком и р. Катунь). Эти земельные участки представляют узкую полосу первой надпойменной террасы р. Катунь. Это так называемая пешеходная зона покоя, на которой не планируется строительство. Как показывает практика, подобные участки служат площадками для складирования стройматериалов и организации стоянок для тяжёлой строительной техники. В результате чего, часто происходит разрушение объектов археологического наследия. Поэтому было принято решение провести обследование этих участков.

На участке №31 был заложено пять шурфов и ещё три были заложены в непосредственной близости от участка (между участком и р. Катунь). В одном из них (шурф №9 размеры 2x2 м (географические координаты по JPS-навигатору: N 51°45'44.0"; E085°43'32.1")) обнаружены археологические материалы. Скорее всего, в процессе шурфовки было задето кратковременное жилище раннего железного века, аналогичное исследованному на поселении «Бирюзовая Катунь-7» в 2010 г. (Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Демин М.А., Ситников С.М., 2011).

Шурф размерами 2х2 м, ориентирован стенками по сторонам света. Стратиграфия: дерновой слой мощность 10 см, слой гумусированной супеси темно-коричневого цвета мощностью 50 см, материк – светлая супесь. На глубине 50 см. обнаружены развалы двух сосудов (рис. 3). В восточной части раскопа зафиксировано скопление целых и колотых галек. На уровне светлой супеси (глубина 80 см от современной поверхности) площадь раскопа была зачищена. На фоне светлой супеси хорошо фиксировалось темное пятно. Половина пятна выбрана мелким инструментом. В разрезе пятно имеет линзовидное сечение.

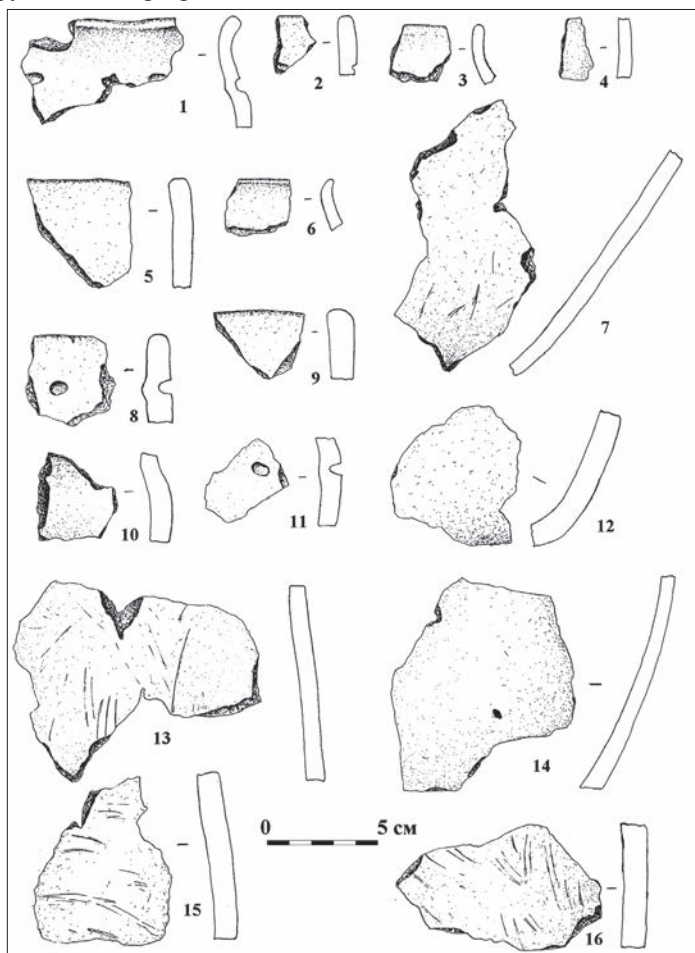

Рис. 3. 1–2 – графическая реконструкция керамических сосудов раннего железного века с поселения «Бирюзовая Катунь-11»

Всего обнаружено 67 фрагментов керамики. Фрагменты сосуда с налепом по венчику орнаментированным отпечатками гребенчатого штампа и рядом жемчужин и угловых вдавлений под налепом – 17 экз. и 10 фрагментов днища и придонной части, являются по-видимому обломками одного сосуда (рис. 3 – 1). Два фрагмента керамики являются обломками венчика сосуда орнаментированного рядом жемчужин и двумя рядами угловых вдавлений (рис. 3 – 2). Также встречен крупный фрагмент стенки сосуда без орнамента. Один фрагмент венчика сосуда без орнамента и 36 экз. мелких фрагментов стенок сосудов без орнамента. Все фрагменты керамики имеют схожий состав формовочной массы, плотное тесто без видимых включений и добавок. Обжиг равномерный. Керамика равномерного кирпичного цвета.

Можно констатировать, что выявлен объект археологического наследия – «поселение Бирюзовая Катунь-11». Обнаруженная керамика имеет широкий круг аналогов в материалах поселенческих и погребальных комплексов скифского времени (V–III вв. до н.э.), Степного, Лесостепного и Горного Алтая. Хронология памятника не вызывает сомнения. Вопрос о культурной принадлежности памятника должен решаться после проведения дополнительных исследований.

Таким образом, осенью 2010 г. в результате археологического обследования на территории ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь» было выявлено два поселения «Бирюзовая Катунь-10» и «Бирюзовая Катунь-11». Вновь выявленные объекты археологического наследия находятся в непосредственной близости от земельных участков ООО «Алтай-Известь плюс», на которых планируется строительство гостиничного комплекса.

Библиографический список

Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Матрёнин С.С. Бирюзовая Катунь-7 – новый памятник раннего железного века в Алтайском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: материалы региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 323–328.

Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Демин М.А., Ситников С.М. Исследование поселения Бирюзовая Катунь-7 в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 294–296.

С.А. Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово

ОСОБЕННОСТИ ТОПОГРАФИЧЕСКОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ИРМЕНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

К настоящему времени могильники ирменской культурно-исторической общности исследованы на территории лесостепной зоны юга Западной Сибири. Наиболее полно они изучены в западной части Кузнец-

кой котловины и в Барнаульско-Бийском Приобье. В меньшей степени ирменские могильники исследованы на территориях Новосибирского и Томского Приобья, Барабинской лесостепи и лесостепного Прииртышья. Ирменские могильники представлены двумя типами – курганные и грунтовые. Курганные могильники являются основным типом и представлены на всех территориях распространения ирменской культурно-исторической общности. Грунтовые могильники известны, главным образом, на территории Барнаульско-Бийского Приобья. Есть и одно грунтовое ирменское погребение на территории Верхнего Прииртышья в г. Павлодар (Пересветов Г.Ю., 2000, с. 79–80). Вместе с тем, Я.В. Фролов ставит под сомнение грунтовый характер большинства некрополей Верхнего Приобья, предполагая, что насыпи над погребениями всё же существовали в древности (Фролов Я.В., 2001, с. 97).

Большая часть ирменских могильников (как и поселений) обнаружено в долине р. Обь и на её притоках первого и второго порядков, в числе которых достаточно полноводные реки Томь и Иртыш, сливающиеся с главной рекой в районе таёжного Среднего Приобья (Место впадения р. Томь в р. Обь является границей Верхнего и Среднего Приобья, а место впадения р. Иртыш в р. Обь – границей Среднего и Нижнего Приобья.).

Однако учитывая систему расселения ирменского населения в лесостепной зоне юга Западной Сибири, связанную с ведением преимущественно пастушеского скотоводческого хозяйства, можно предположить, что «ирменцы» осваивая речные долины р. Оби и её притоков вряд ли проникали в таёжную зону Среднего Приобья, либо это проникновение не было значительным. Следовательно, долины таких крупных притоков р. Оби, как р. Томь и Иртыш (с притоками) были освоены ирменским населением в ходе пересечения междуречий, а не расселения по долине р. Оби. Значит «ирменцы» скорее всего не воспринимали реки Томь и, в особенности, Иртыш как притоки Оби, то есть как единую речную систему. Вероятно, для них это были различные, не связанные между собой речные системы. Это предположение позволяет нам говорить о трёх крупных речных системах, где расселилось ирменское население: это системы Верхней Оби, Томи и Иртыша.

Речная система Верхней Оби. «Ирменцы», как правило, сооружали могильники на возвышенности, неподалёку от водоёма (реки, озера), и зачастую рядом с местом впадения в этот водоём притока (Ближние Елбаны-IV, IX, Староалейка-II, Усть-Алеус-IV, Ордынское-I, Васьково-V, Журавлёво-V и др.). Большинство могильников располагалось в долине р. Оби. Так как Обь меняла своё течение некоторые из этих памятников в настоящее время находятся уже на некотором отдалении от Оби, на берегах проток-старич.

Могильники возводились как на правом, так и на левом берегах р. Оби. Так на правобережье Оби расположены могильники Ближние Елбаны-IV (Грязнов М.П., 1956, с. 28–31), Ближние Елбаны-IX (Абдул-

ганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б., 1996, с. 11–20), Фирсово-ХIV (Шамшин А.Б., 1993а, с. 120–123), МГК-И/5 (Кунгуров А.Л., Папин Д.В., 2001, с. 56–68), Плотинная-I (Уманский А.П., 1972, с. 22–26), Плотинная-V (Бородаев В.Б., Рудометов П.Л., 1991, с. 30–35), Милованово-I (Сидоров Е.А., 1989, с. 35–41), Камень-I (Новиков А.В., 2001, с. 62–64), Дубровинский могильник (Матвеев А.В., Колесин А.Н., Соболев В.И., Зах В.А., 1977, с. 221).

На левобережье Оби находятся могильники Староалейка-II (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1998, с. 105–110), Мельничихин Лог-I (Фролов Я.В., Папин Д.В., 1998, с. 102–105), Ильинка (Уманский А.П., Шамшин А.Б., 2006, с. 158–168), Телеутский Взвоз-I (Шамшин А.Б., 1993б, с. 19–20), Усть-Алеус-IV (Есин В.Я., 1972, с. 76), Ордынское-I (Матвеев А.В., 1993, с. 90–92), Чёрное Озеро-IV (Троицкая Т.Н., 1989, с. 47–54), Спирино-I (Петров А., 2001, с. 11–12), ЕК-II/5 (Матющенко В.И., 1974).

Могильники также известны и на притоках Оби первого порядка. Учитывая, что долина р. Обь простирается в верхнем течении преимущественно в меридиональном направлении, можно говорить о её южных, западных и восточных притоках.

Южные притоки. Как известно, ирменское население освоило долину р. Оби, начиная от её истоков – рек Бии и Катунь на юге и до долины р. Шегарки на севере. Соответственно наиболее южные ирменские некрополи расположены на берегах Бии и Катунь. На р. Катунь находится могильник Суртайка-I (Членова Н.Л., 1970, с. 200), а на р. Бия могильник Солонцы-V (Абдулганеев М.Т., 2007, с. 266). Фактически к южным притокам Оби относится и р. Чарыш, в долине которого был исследован ещё один ирменский некрополь – Чесноково-I (Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М., 1997, с. 124–128). Известны ирменские погребения и в долине одного из притоков р. Катунь второго порядка – р. Каменка, где располагается могильник Змеёвка (Грязнов М.П., 1956, с. 31). Обращает на себя внимание немногочисленность ирменских погребений в данном районе, что может свидетельствовать об эпизодическом его освоении, связанном, вероятно, с сезонными миграциями, постепенным переходом ирменского населения от стоволового к отгонному скотоводству.

Западные притоки. Известны ирменские могильники и на западных притоках Оби первого порядка, таких как реки Уень и Чаус. На р. Уень (в долине р. Обь) расположен могильник Красный Яр-IV, а на р. Чаус могильник Соколово-Колывань-IV (Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980, с. 55, 60; Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н., 1996, с. 67–68, 102). Были освоены ирменским населением и западные притоки второго порядка. Так на р. Порозиха (приток р. Чарыш) расположен могильник Лебяжье-I (Авраменко В.И., Кунгурова Н.Ю., Пугачёв Д.А., 2002, с. 220). На р. Чик (приток р. Оёш) располо-

жены могильники Катково-III (раскопки В.А. Сумина, М.В. Титовой) и Крохалёвка-XIII (Троицкая Т.Н., Софеев О.В., 1990, с. 63–72). На р. Мингер (приток р. Шегарка) расположен могильник Иштан (Матющенко В.И., 1984, с. 63–69).

Восточные притоки. Наиболее крупными восточными притоками первого порядка р. Оби в её верхнем течении являются реки Чумыш, Иня и Томь. На р. Чумыш известны немногочисленные ирменские погребения в таких разновременных могильниках как Новотроицкое-I (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 219, 236, 237, 239, 243), Кораблик-I (Грушин С.П., Кокшенёв В.В., 2004, с. 35–48) и Кытманово (Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2007, с. 14; рис. 25, 26). Учитывая, что р. Чумыш берёт начало и преимущественно протекает по территории таёжного Присалаирья и Бийско-Чумышской возвышенности не благоприятных для ведения продуктивного скотоводческого хозяйства, а также единичность здесь ирменских погребений, можно высказать предположение, что ирменское население Верхнего Приобья лишь эпизодически осваивало долину Чумыша.

Наиболее освоенным ирменским населением восточным притоком Оби является р. Иня. Вообще на современном этапе изучения такого явления древности как ирменская культурно-историческая общность, можно утверждать, что именно долина р. Иня являлась тем коридором, который связывал ирменское население Верхнего Приобья с одной стороны и Кузнецкой котловины, а также Верхнего и Среднего Притомья с другой, с последующим выходом в Мариинско-Ачинский лесостепной коридор. В пользу этого предположения свидетельствуют следующие факты: 1) преимущественно широтное расположение р. Иня, истоки которой находятся в восточной части Кузнецкой котловины, неподалёку от долины р. Томи; 2) равнинный характер реки, протекающий в лесостепной зоне и доступной почти на всём протяжении для хозяйственного освоения; 3) значительное количество ирменских памятников (преимущественно поселений, часть которых имеет долговременный характер), исследованных и разведанных в долине р. Иня.

Действительно, в долине р. Иня известно значительное количество ирменских поселений и немногочисленные некрополи. Это единичные погребения в могильнике Васьково-V (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 5) и достаточно крупный могильник Заречное-I (Зах В.А., 1997, с. 8). Причинами этого могут быть: 1) недостаточная изученность погребально-поминальных памятников на данной территории; 2) распашка большинства курганных могильников в XVIII–XX вв.; 3) наличие некоего церемониального центра, предназначенного для совершения погребально-поминальных действий. Косвенно, наличие такого центра подтверждают раскопки значительного числа некрополей различных археологических культур близ оз. Танай.

Вообще следует сказать, что зачастую могильники сооружались не только на берегах крупных рек и их притоков, но и на берегах озёр или небольших рек, впадающих в эти озёра. В частности на берегах оз. Танай изучено достаточно большое количество ирменских погребально-поминальных памятников. Это могильники Журавлёво-I, II, III, IV, Танай-II, VII (Бобров В.В., 1996, с. 64–81; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993; Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П., 2004, с. 4–34), а также отдельные курганы в составе таких поликультурных могильников как Танай-I, XII, Журавлёво-V (Бобров В.В., Кулемзин А.М., Новгородченкова И.В., 1988, с. 217–218; Бобров В.В., Горяев В.С., 2000, с. 226–230). Неподалёку на р. Исток, впадающей в оз. Танай расположены ирменское поселение и могильник Исток (Бобров В.В., Фрибус А.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г., Баштанник С.В., 2006, с. 274–279).

Роль Танайского АМР, выделенного В.В. Бобровым (1994, с. 17–19) как сакрального и культового центра подчёркивает не только количество ирменских погребально-поминальных памятников, сконцентрированных на ограниченной территории. Важным показателем является также качественная характеристика обряда погребения и состава сопроводительного инвентаря, характерных, прежде всего для некрополей Журавлёво-IV и Танай-VII являющихся одними из самых грандиозных как в Кузнецком регионе, так и в ирменском мире в целом.

Приозёрное расположение могильников характерно также для обширных степных и лесостепных территорий и междуречий. Так на р. Кулунда, впадающей в Кулундинское озеро расположен могильник Баево II (Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С., 1995, с. 66–74). Неподалёку от р. Каргат, впадающей в оз. Чаны расположен могильник Гандический совхоз (Молодин В.И., 1985, с. 117). Вероятно, освоение ирменским населением степных междуречий также следует связывать с процессом постепенного перехода от стойлового животноводства к отгонному.

В отдельных случаях озёра, на берегах которых располагались ирменские некрополи, расположены рядом с рекой и, вероятно, являются старичными. Следовательно, такие могильники также следует считать возведёнными на древних речных берегах. Так на берегу Титовского озера близ р. Иня был исследован Титовский могильник (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1978, с. 47–62; 1981, с. 122–135). На берегу оз. Воловье близ р. Обь был исследован могильник Камень-I (Новиков А.В., 2001, с. 62–64), а на берегу оз. Шибаево, были раскопаны курганы одного из самых крупных некрополей Барнаульско-Бийского Приобья могильника Камышенка-I (Членова Н.Л., 1974, с. 112–119).

Притоки р. Ини также были освоены ирменским населением. Наиболее изученным в археологическом отношении является долина р. Касмы, где полностью исследованы могильники Сапогово-I, Шабаново-I и

IV (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 85–87; Илюшин А.М., Ковтун И.В., 1992, с. 11–17; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 27–28).

Интересно, что курганный могильник Сапогово-I является наиболее представительным (по сравнению с Шабаново-I и IV) по числу погребённых, количеству и разнообразию сопроводительного инвентаря. Кроме того, данный некрополь был возведён неподалёку от устья р. Касьмы, рядом с долиной, богатой травостоем и наиболее выгодной с точки зрения ведения производства скотоводческого хозяйства. Другие притоки р. Ини также были освоены ирменским населением. На р. Тарсьма были исследованы могильники Пьяново и Тарасово, на р. Камышлы могильник Иваново-Родионово (Мартынов А.И., 1964, с. 122–133; 1966, с. 164–182).

Речная система Томи. Проживало ирменское население и на территории Притомья. Ирменские памятники сегодня известны от долины р. Кондома (левый приток р. Томь) на юге и до слияния р. Томь и р. Обь (район Нагорного Иштана) на севере. Однако ирменских памятников здесь известно значительно меньше, чем в долине р. Обь. Это можно объяснить как сравнительно поздним освоением Притомья ирменским населением, так и особенностями ландшафта (горно-таёжный либо таёжный рельеф большей части правобережья; наличие значительных лесных массивов в древности на левобережье), затрудняющими ведение скотоводческого хозяйства. Здесь открыты преимущественно ирменские поселения и немногочисленные погребения. Последние обследованы пока лишь на территории Нижнего Притомья. Это такие некрополи, как Томское мусульманское кладбище и Коларовский грунтовый могильник (оба на правобережье Томи) (Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А., 1993, с. 121–122, 146–147).

Речная система Иртыша. Ирменские памятники на территории Прииртышья известны сегодня от г. Павлодара на юге и до впадения р. Тара в р. Иртыш на севере (хотя ирменское влияние прослеживается и севернее, что проявляется в материалах городища Чудская Гора). Все известные ирменские могильники (Боровянка-XVII, XVIII, XXIII, XXVII, Сибирское-VI, Калачёвка-II) расположены на левом берегу р. Иртыш (Полеводов А.В., Погодин Л.И., 2002; Погодин Л.И., Полеводов А.В., 2006, с. 117–133; Полеводов А.В., 2008, с. 69–77; Труфанов А.Я., 1991, с. 72–78). Из притоков Иртыша наиболее освоенной «ирменцами» являлась р. Омь, протекающая по территории Барабинской лесостепи. Именно здесь расположены ирменские могильники Абрамово-IV, Венгерovo-I и самый крупный некрополь Барабинской лесостепи – Преображенка-III (Молодин В.И., 1985, с. 117–118; Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988, с. 125–201). Зафиксированы ирменские захоронения и в составе одного из самых крупных поликультурных погребально-поминальных

комплексов юга западной Сибири – Сопка-II, расположенного рядом с устьем р. Тартас, впадающей в р. Омь (Молодин В.И., 1985, с. 119). Учитывая преимущественно широтное расположение р. Омь и её притока р. Тартас, можно предполагать, что долина Оми являлась в древности путём передвижения ирменских (а ранее андроновских) скотоводов между территориями Верхнего Приобья и Прииртышья. Вероятно долина р. Омь к западу от Оби выполняла ту же коммуникативную функцию, что и долина р. Ини к востоку от Оби.

Как правило, могильники расположены на первой (реже второй) надпойменной террасе, либо находятся на останцах коренного берега или дюнных всхолмлениях в пойме реки. Лишь отдельные курганные могильники (Шабаново-IV, Ваганово-II) располагались на значительном удалении от водоёма, на высокой террасе (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 27–28; Бобров В.В., Васютин А.С., Горяев В.С., Михайлов Ю.И., 1998, с. 178–181).

Таким образом, можно говорить как минимум о двух группах ирменских некрополей. К первой, наиболее многочисленной группе относятся некрополи, возведённые неподалёку от крупного стационарного поселения. Так ирменские могильники ЕК-II/5, Фирсово-XIV, МГК-I/5, Милованово-I, Сапогово-I располагались неподалёку от ирменских поселений (Еловское поселение, Фирсово-XVIII, МГК-I/3, Милованово-III, Красная Горка-I). Этим, как правило, и объясняется расположение таких могильников в непосредственной близости от водоёмов. Вероятно, такие могильники функционировали достаточно долгое время и являлись местом погребения для жителей конкретного поселения или нескольких близлежащих поселений.

Ко второй группе относятся курганные могильники, сконцентрированные на территории определённого культового центра. В настоящее время такой центр выделен В.В. Бобровым в Танайском АМР (Бобров В.В., 1994, с. 17–19). Исследователь отмечает, что в расположенных на берегу оз. Танай поселениях (Танай-IV и IVa) следы проживания ирменского населения немногочисленны. Следовательно, такие грандиозные сооружения не могли быть местом погребения только местного ирменского населения. Поэтому особенностью данной группы некрополей следует считать их значительную концентрацию на небольшой территории и удалённость от мест исходного проживания населения, которое эти могильники сооружало. Как правило, могильники обеих групп содержат «следы» различных поминальных и культовых действий, осуществляемых в разное время.

Можно обозначить и наличие немногочисленных ирменских могильников и погребений, сооружавшихся в достаточном удалении от крупных водных источников, на территориях древних междуречий и водоразделов. Это, впрочем, не исключает наличия рядом с такими

могильниками небольших водных источников. Такие могильники, как правило, содержат небольшое число погребённых. Следы культовых и поминальных действий здесь так же редки. Можно предполагать, что такие некрополи оставлены небольшими ирменскими коллективами, практиковавшими отгонное скотоводство и осваивавшими лесостепные пространства юга Западной Сибири.

Библиографический список

Авраменко В.И., Кунгурова Н.Ю., Пугачев Д.А. Могильник Лебяжье – новый памятник финальной бронзы Верхнего Приобья // *Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: (Материалы 42-й РАЭСК)*. Омск, 2002. С. 220–221.

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтая*. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 237–297.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // *Погребальный обряд древних племен Алтая*. Барнаул, 1996. С. 11–20.

Бобров В.В. АМР и общие проблемы Западносибирской археологии (на примере Танайского археологического микрорайона) // *Археологические микрорайоны Западной Сибири*. Омск, 1994. С. 17–19.

Бобров В.В. Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлёво-1 // *Археология, антропология, этнография Сибири*. Барнаул, 1996. С. 64–81.

Бобров В.В., Горяев В.С. Танай-12 — новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2000. Том VI. С. 226–230.

Бобров В.В., Васютин А.С., Горяев В.С., Михайлов Ю.И. Новый ирменский погребальный памятник в Кузнецкой котловине // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 1998. Т. IV. С. 178–181.

Бобров В.В., Кулемзин А.М., Новгородченкова И.В. Работы Южносибирской экспедиции Кемеровского университета // *АО 1986 года*. М.: Наука, 1988. С. 217–219.

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // *Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы*. Барнаул, 2004. С. 4–34.

Бобров В.В., Фрибус А.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г., Баштанник С.В. Итоги полевых исследований памятника Исток (предварительное сообщение по материалам керамических комплексов) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 274–279.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлёво-4. Новосибирск, 1993. 157 с.

Бородаев В.Б., Рудометов П.Л. Некоторые итоги обследования памятников обского правобережья в Каменском районе // *Охрана и исследование археологических памятников Алтая*. Барнаул, 1991. С. 30–35.

Грушин С.П., Кокшенёв В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // *Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы*. Барнаул, 2004. С. 35–48.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // *Материалы и исследования по археологии*, №48. М.; Л., 1956. 160 с.

Есин В.Я. Разведочные работы на берегах Обского моря // *Вопросы археологии Сибири*. Новосибирск, 1972. Вып. 38. С. 72–78.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 132 с.

Илюшин А.М., Ковтун И.В. Аварийные раскопки ирменских курганов у с. Шабаново // *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла*. Барнаул, 1992. С. 11–17.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // *Вопросы археологии Северной и Центральной Азии*. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 15–53.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ села Сапогово // *Труды ККАЭЭ*. Кемерово, 1996. Т. 1. 206 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Погребения ирменской культуры из могильника Староалейка-2 // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 105–110.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // *Проблемы изучения древней и средневековой истории*. Барнаул, 2001. С. 56–68.

Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // *Советская археология*. 1964. №2. С. 122–133.

Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // *Сибирский археологический сборник*. Новосибирск, 1966. С. 164–182.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.

Матвеев А.В., Колесин А.Н., Соболев В.И., Зах В.А. Работы Новосибирской экспедиции // *Археологические открытия 1976 года*. М., 1977. С. 221–222.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // *Из истории Сибири*. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.

Матющенко В.И. Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби // *Археология и этнография Южной Сибири*. Барнаул, 1984. С. 63–69.

Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С. Баевские курганы // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. Вып. V, ч. II. Барнаул, 1995. С. 66–74.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // *Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири*. Новосибирск, 1988. С. 125–201.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Новосибирск, 1996. 191 с.

Новиков А.В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень-1 // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении*. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 62–64.

Петров А. Материалы ирменской культуры из раскопок курганного могильника Спирино-1 // *Дорогами тысячелетий*. Новосибирск, 2001. С. 11–12.

Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2. 208 с.

Пересветов Г.Ю. Ирменское погребение из Павлодара // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2000. С. 79–80.

Погодин Л.И., Полеводов А.В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-ХVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 117–133.

Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника Боровянка-ХХVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 69–77.

Полеводов А.В., Погодин Л.И. Комплекс эпохи поздней бронзы некрополя Боровянка-ХVII // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Омск, 2002. С. 40–48.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 47–62.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Ине // Проблемы Западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 122–135.

Сидоров Е.А. Курганный могильник Милованово-1 // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 35–41.

Троицкая Т.Н. Чёрное Озеро-1 — комплекс археологических памятников // Памятники Новосибирской области. Новосибирск, 1989. С. 47–54.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 184 с.

Троицкая Т.Н., Софеев О.В. Памятник Крохалевка-13 — как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 63–72.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачёвка-II // Древние погребения Обь-Иртышского междуречья. Омск, 1991. С. 72–78.

Уманский А.П. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 22–26.

Уманский А.П., Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Погребальный обряд населения андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул, 2007. 132 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б. Комплекс бронзовых украшений ирменской культуры из с. Ильинка Шелаболихинского района // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 158–168.

Фролов Я.В. Особенности погребальной обрядности большереченской культуры (топография и планиграфия могильников, погребальные сооружения) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001. С. 96–99.

Фролов Я.В., Папин Д.В. Коллективное погребение ирменской культуры в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 102–105.

Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 1969 г. М., 1970. С. 200.

Членова Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на Северном Алтае в 1970 г. // Из истории Сибири: материалы по археологии Западной Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С.112–119.

Шамшин А.Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993а. С. 120–123.

Шамшин А.Б. Новые археологические находки из Павловского района // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993б. С. 19–21.

Шульга П.И., Казаков А.А., Ведянин С.Д., Семибратов В.П., Ситников С.М. Аварийные работы на реке Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 124–128.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Н.Ю. Кунгурова

НПЦ «Наследие», Барнаул

К КАРТЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ КУРГАНОВ В СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Постановка вопроса

В 1930-е – 1940-е гг. в северных предгорьях Алтая были обнаружены крупные курганные могильники, группы курганов с земляной и каменно-земляной насыпью. Информация о них сохранилась в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки (БКМ) и в Национальном музее им. А.В. Анохина Республики Алтай (ГАРКМ). Схемы и краткие сведения о месте обнаружения могильников в Красногорском, Бийском, Смоленском районах составлены А.П. Марковым, Сергеевым, Б.Х. Кадиковым. В Заринском районе курганы были выявлены и документированы В.В. Кокшенёвым. Могильники расположены на полях, распахиваемых в течение многих лет, вследствие чего уничтожались курганные насыпи. Курганы располагались плотно в отношении друг друга и мешали проводить программу освоения целинных земель. В 1950-е гг. применялась техника глубокой вспашки, приведшая к разрушению многих древних объектов на полях. Памятники археологии, поставленные на учёт как вновь выявленные объекты Алтайского края, а также как федеральные объекты, на основании архивных записей и схем, в настоящее время оказались не опознаваемы. В 2008–2012 гг. в ходе целенаправленных поисков курганных могильников была найдена лишь часть объектов, но сопоставить их с картами и схемами, и данной объектам нумерации

удалось не полностью. Целью публикации является введение в рабочий оборот сведений о памятниках археологии, выявленных и картографированных в последние годы.

Смоленский район

В районе с. Солоновка и Сычёвка – на водоразделе р. Песчаная и Камышенка в 1937 г. на схеме А.П. Марков отметил 9 групп и отдельно стоящих курганов (рис. 1 – 1). В его «Предварительном отчёте об археологических раскопках Бийского музея в 1937 году» (Марков А.П., 1937) упомянуто детское погребение без вещей, зафиксированное выше молфермы Сычёвского сельсовета. Также у мельницы в долине р. Сычёвка находился курган с каменной обкладкой и грабительской воронкой. По его сведениям, есть курганы выше впадения ключа Разборного, не отмеченные на планах.

Курганный могильник, располагающийся на левом берегу р. Солоновка южнее с. Солоновка, по схеме и записи в отчёте был выявлен на первой террасе левого берега р. Песчаная у с. Солоновка вправо от дороги Солоновка – к-з «Красный Перекоп». В соответствии с описанием, на протяжении 250–300 м находятся 20 курганов. В центре группы – восемь курганов сосредоточены вокруг центрального, диаметр которого достигает 15 м. Он обложен камнями. А.П. Марковым было раскопано шесть курганов. Из них один – без погребения, два – ограблены. В кургане №1 на глубине 0,65 м найдено трупосожжение VIII–X вв. н.э. с железным топором, мечом, восьмью наконечниками стрел, удилами.

В кургане №4 на глубине 3,85 м находилось захоронение женщины с конём. «Женщина завёрнута в покрывало, украшенное тонкими золотыми квадратиками и прямоугольниками общим количеством до 179 шт.». В погребении находились три костяных втульчатых наконечника, бронзовые пряжки (4 шт.), глиняный сосуд. Захоронение было датировано II–I вв. до н.э. Ещё одно разграбленное захоронение принадлежит к тому же времени (БКМ, инв. №858).

Другой могильник находился на поле с правой стороны по дороге из с. Солоновка в с. Камышенка за западной окраиной села. Севернее с. Солоновка вдоль правого берега р. Камышенка по её террасе располагаются пять групп курганов.

На левом берегу р. Песчаная на месте изгиба реки между с. Сычёвка и с. Солоновка на схеме отмечены курганы. Группа курганов находится на западной окраине с. Сычёвка.

Во время разведочных работ в 2008 г. (Кунгурова Н.Ю., 2008) на правом берегу р. Песчаная и на правом берегу р. Солоновка выявлены два курганных могильника. В 2012 г. могильники найдены на террасе р. Камышенка (Кунгурова Н.Ю., 2012) (рис. 1 – 2).

Курганы на р. Камышенка были обнаружены по подсказке председателя Солоновского сельсовета. Они известны предпринимателям и агроному, поскольку при распахке участка с курганами оставляют не потрево-

женными. О других курганах, находящихся у с. Солоновка и по берегам реки Солоновка местным жителям не было известно. Курганы и курганные группы, исследованные в 2012 г., названы по наименованию реки Камышенка. От с. Солоновка и Сычёвка они находятся на расстоянии 3–5 км.

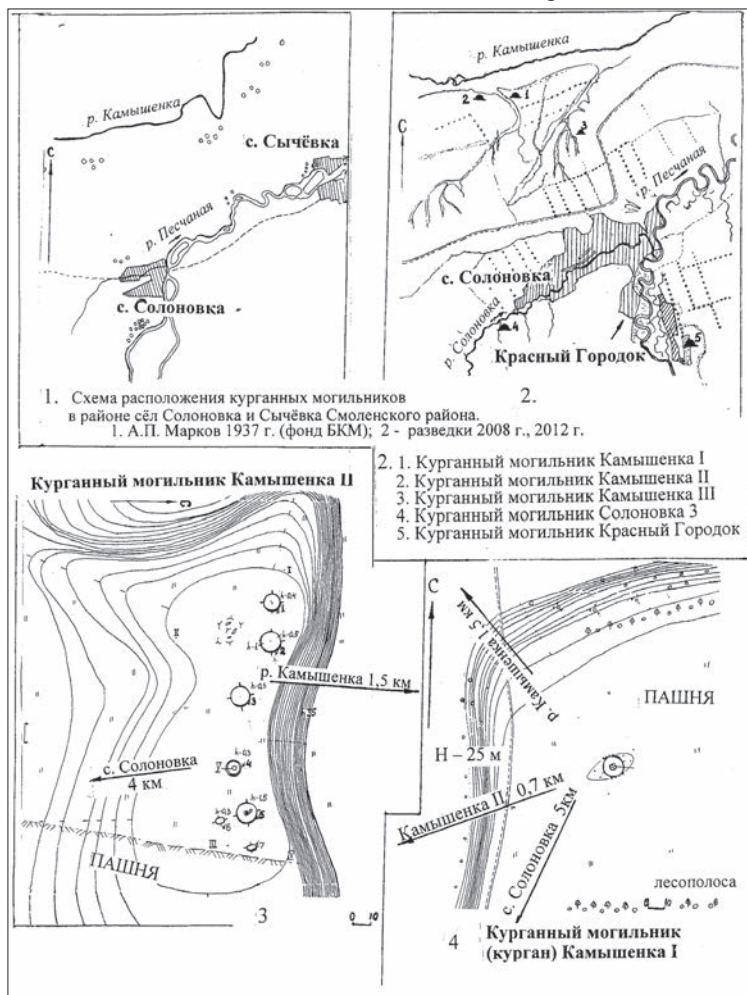

Рис. 1. Курганные могильники у с. Солоновка Смоленского района

Камышенка-I, одиночный курган находится в 5 км к СЗ от с. Солоновка (рис. 1–4) на выступе правобережной террасы р. Камышенка высотой 25 м, в 1,5 км от современного русла р. Камышенка на распахиваемых зем-

лях Солоновского сельсовета. Диаметр кургана 16 м, высота – 1,5–2 м, имеет каменно-земляную насыпь. Распашкой срезаны северный и южный края насыпи на 2–3 м с каждой стороны, в разрезе видны камни выкладки. В центре насыпи видна грабительская яма диаметром до 2 м, глубиной до 0,30 м.

Камышенка-II, курганный могильник находится в 4 км к СЗ от с. Солоновка (рис. 1 – 3), в 1,5 км к ЮЗ от кургана Камышенка-I на той же террасе, в 1,5 км от русла р. Камышенка на выступе 35–40 метровой террасы правого берега р. Камышенка, на землях сельскохозяйственного назначения Солоновского сельсовета. На мысовидном выступе террасы располагается цепочка курганов с каменно-земляной насыпью, ориентированная вдоль гряды в позиции запад–восток. В настоящее время сохранились насыпи 5–7 курганов диаметром 8–13 м, высотой от 0,3 до 1 м. В центре насыпи одного из курганов врыт бетонный столб и железный геодезический знак. Часть курганов – с грабительскими ямами. Рядом с курганом найдены две маленькие вытянутые насыпи диаметром 6х4 м, высотой 0,3 м. В их заполнениях видны обломки камня. Насыпи курганов каменно-земляные. Общая длина цепочки – 170 м. Площадь памятника 2,20 га. Курганы не распахиваются.

Камышенка-III, одиночный курган находится в 3 км к северу от с. Солоновка на выступе правобережной террасы р. Камышенка высотой 20 м, в 1,5 км от русла р. Камышенка (рис. 2 – 1). Курган хорошо виден с дороги Солоновка – Белокуриха на колене поворота трассы. На мысовидном выступе террасы, на наивысшей её точке, располагается курган с каменно-земляной насыпью диаметром 15 м, высотой 1 м. В центре насыпи имеется грабительская яма 3х3 м глубиной 0,4 м. Поверхность кургана задернована. Возможно, ранее курган опаживался – из стенок насыпи вывернуты камни. Насыпь находится в 10 м от южного края террасы р. Камышенка. Под террасой – заболоченная и высохшая пойма р. Камышенка. В этой местности берег высокий, изрезанный балками, оврагами. К западу от насыпи кургана простирается ровная площадка мысового выступа длиной 108 м, ведущая к краю балки. На ней не обнаружено курганов, и она не исследовалась шурфовкой на наличие культурного слоя, связанного с погребально-поминальным обрядом. О находках или раскопках кургана сведений нет.

Курганный могильник Красный Городок, названный по ближайшему населённому пункту Красный Городок, расположенному на правом берегу р. Песчаной, располагается на поле первой террасы р. Песчаная в области лесополосы и обводной грунтовой дороги и кладбища (рис. 2 – 2) в 0,4 км к востоку от домов посёлка. Место нахождения могильника и вид объектов сходны с описанием А.П. Маркова, но различается в отметке берегов. Не исключено, что в описание была внесена ошибка. Левый берег р. Песчаная – высокий гористый, и, возможно, имелся ввиду тот же памятник, что могильник Красный Городок. Посёлок Красный Городок в 30-е гг. назывался Красным Перекопом. Местные жители знают о курганах. В ходе ежегодной распашки поля

насыпи самых высоких двух курганов среди поля всегда огибались – не распахивались. Ещё один высокий нетронутый курган стоит за дорогой у лесополосы. В 1980-х гг. в насыпь одного из этих курганов была вкопана траншея, выкопано погребение. В погребении вместе с человеком найдены железные стремена, наконечники стрел. Вещи утеряны. Судя по описанию, погребение принадлежит времени раннего средневековья.

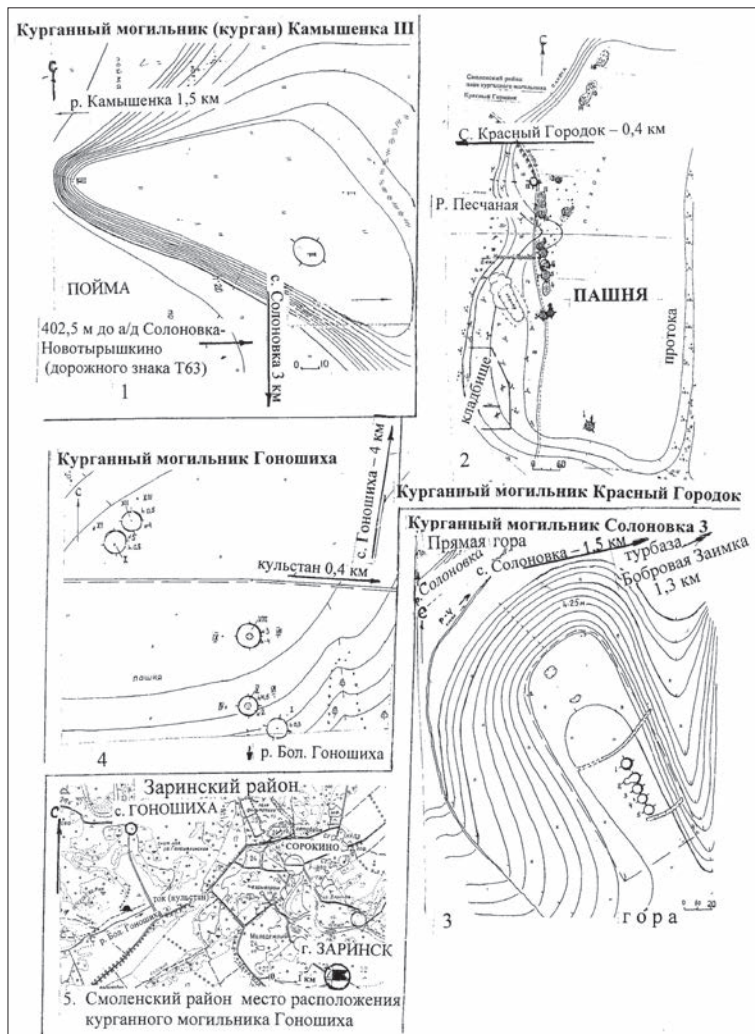

Рис. 2. Курганные могильники у с. Солоновка Смоленского района и у с. Гоношиха Заринского района

Курганная цепочка их 16 объектов распространяется вдоль дороги и края террасы с юга на север. Центральная группа состоит из 12 курганных насыпей (№2 – 13). Северная группа курганов отстоит от центральной к ССВ на 0,190 км. Она состоит из трёх каменных площадок-насыпей (№14 – 16). Южный курган (№1) находится в 0,240 км к ЮЮВ от центральной группы. Насыпи курганов сложены крупными речными валунами и гальками. Из всей группы полностью сохранились только три кургана с камнем – земляной насыпью. Остальные курганы растащены распахкой. От них остались невысокие всхолмления и овалы площадки со скоплениями валунов. Целые курганы – диаметром от 15 до 20 м, высотой от 0,8 до 1 м. Остальные курганы – диаметром от 15 до 20 м, высотой от 0,2 до 0,3 м. Оставшиеся от насыпей площадки состоят из речных галек и валунов. Растащенные насыпи объединяют курганные площадки в группы, от некоторых курганов (№10 и 11) протаснен шлейф из камней длиной до 35–40 м. Не исключено, что видны не все курганы.

Курганный могильник Солоновка-3 обнаружен впервые в 2008 г. при обследовании берегов р. Солоновка, попадающих в туристическую зону (Кунгурова Н.Ю., 2008). О нём архивных сведений нет.

Могильник расположен в 1,8 км к югу от с. Солоновка на правом берегу р. Солоновка, в 1,3 км выше турбазы Бобровая Заимка (рис. 2 – 4) напротив горы «Прямая» в устье ручья на выступе террасы, расположенной в подножии высокой горы. Ширина мыса 80–60 м, длина – 300 м, высота – 20 м. Мыс вытянут в направлении ЮВ–СЗ.

Пять курганов размещаются цепочкой вдоль склона мыса в длину 47 м с ЮВ на СЗ. Края цепочки ограничивают узкие рвы, пересекающие поперёк мыс (ЮЗЗ–СВВ). Площадь 1,3 га. На СЗ окончании мыса заметна крупная подпрямоугольная западина глубиной 0,8 м размерами 0,9х0,7 м и яма вогнуто-овальной формы глубиной 0,5 м. Время образования западин и отношение их к курганам не известно. Раскопок на участке не проводилось. Поверхность покрыта травой и ковылём. Все насыпи одинаковых размеров, диаметром 8 м, высотой – 0,3 м. Длина рвов от 30 до 70 м, ширина – 2 м. На склоне рвы видны более отчётливо, чем на площадке террасы. Датировка курганов не известна.

Обнаруженные в 2012 г. три группы курганов на берегах р. Камышенка и Солоновка совпадают со схемой А.П. Маркова, составленной в 1937 г. (Марков А.П., 1937). Однако, на схеме, на р. Камышенка указаны курганные группы и только один – самый крайний к востоку – одиночный курган, расположенный севернее с. Сычёвка. По направлению относительно сторон света самая западная группа на схеме совпадает с расположением могильника Камышенка II. Таким образом, благодаря попыткам сохранить курганные захоронения путём запрета на распахку в хозяйстве Солоновского сельсовета, места расположения древних захоронений на р. Камышенка остались не тронутыми. Но следует признать, что курганный могильник Красный Городок в настоящий момент

находится в аварийном состоянии. Места расположения погребений останутся видимыми, пока на поле ещё остаются площадки из галечника и пятна суглинка из могильного выкида.

Красногорский район

В 2012 г. проведены исследования двух курганных могильников у сёл Пильно (гора Тесьпа) и у бывшего села Никольское (рис. 3 – 3).

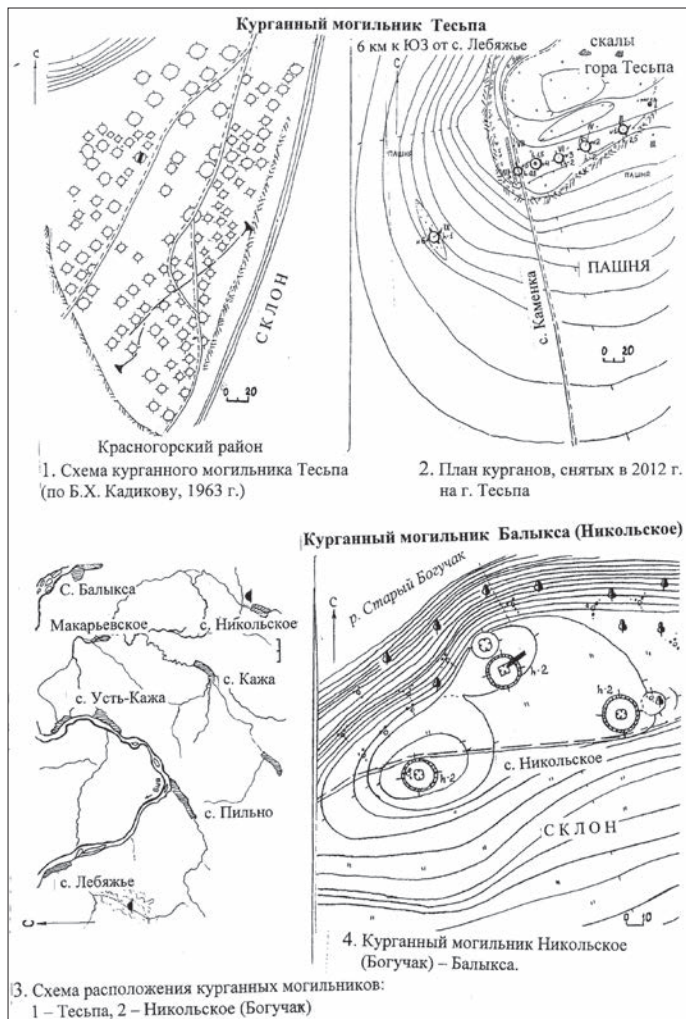

Рис. 3. Курганные могильники в Красногорском районе: Тесьпа, Никольское (Богучак)

На исследуемой территории известны курганные могильники, занимавшие водоразделы на верхней площадке бийской террасы. В настоящее время курганные насыпи могильников не сохранились, потому, как в 1950-х – 1960-х гг. были срыты глубинной распахкой.

Распахка курганных насыпей и неточное описание мест нахождения могильников в 1930-х гг. внесло осложнение в поиски и определение памятников. Так не определено место нахождения курганных могильников между сёлами Балыкса и бывшей деревней Никольское. Описание выглядело следующим образом (Абдулганеев М.Т., 2008, с. 45–46):

Балыкса (Богучак), курганный могильник, находится в 6 км к ЮЮЗ от с. Балыкса, по левому берегу р. Черновой Богучак, по дороге в с. Никольское. В состав могильника входило 15 распаханных курганов.

Никольское (Богучак), курганный могильник, находится в 1 км к СВ от с. Никольское, по правому берегу с. Старый Богучак, по дороге в с. Балыкса. В состав могильника входило 50 курганов диаметром до 16 м, высотой до 2 м.

Никольское (Кутобай), курганный могильник, находится на восточной окраине с. Никольское по правому берегу р. Кутобай, на гриве «Ледяев мыс». В 1931 г. А.П. Марков исследовал на могильнике два кургана конца I тыс. до н.э. Материалы хранятся в Бийском краеведческом музее (инв. №835), ГАРКМ (инв. №405, 556–559).

Пильно-I, курганный могильник, находится в 5 км от с. Пильно по дороге на с. Макарьевское. В состав могильника входило около 100 каменно-земляных курганов. Насыпи их распаханы.

Сохранился план курганов могильника *Тесьпа*, сделанный Б.Х. Кадиковым в 1963 г. (рис. 3 – 1) (Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., 1991, с. 64). Однако на сохранившемся экземпляре отсутствуют привязки к объектам местности и населённым пунктам. В действительности, достопримечательным является вершина на горе Тесьпа, где видны выходы скальной породы, там стоял триангуляционный знак. Дорога в с. Лебяжье и границы распахки могли меняться. Тем не менее, составленный в 2012 г. план фрагмента могильника не удалось сопоставить с отснятыми в 1963 г. курганами.

Курганный могильник Тесьпа находится в 6 км к ЮЗ от с. Лебяжье, на южном склоне горы Тесьпа, на землях сельскохозяйственного назначения с-за Лебяжинский, расположен в паевых долях фермерского хозяйства.

На южном склоне горы Тесьпа от её наивысшей точки в направлении пос. Каменка располагались курганы в количестве 120 шт. Основная площадь могильника распахана и выровнена. В настоящий момент на нераспаханных останцах сохранилась цепочка из 6 курганов с земляной – каменно-земляной насыпью, ориентированная в позиции ЮЗЗ–СВВ (рис. 3 – 2). Курганы диаметром 8–10 м, высотой от 0,8 до 2,5 м. В его центре одного кургана видна яма 2х2 м. Часть насыпи одного кургана находится в дороге, часть – срыта кюветом. В 90 м к ЮЗЗ от него сохранился на нераспаханном островке поля курган диаметром – 9,5 м, высотой – 1 м. Длина цепочки – 215 м. В 30 м к СВ от кургана №1 виден кабельный репер, в 70 м в направлении к востоку от него проходит край террасы с крутым спуском.

Предположительная остаточная площадь памятника 340x300 м (1,2 га). Б.Х. Кадиков раскопал один курган с захоронением человека с конём, материалы которого позволили датировать могильник V–III вв. до н.э. Материал хранится в Бийском краеведческом музее.

Во время съёмки курганов в 2012 г. была осмотрена распаханная местность, но ни камней, ни суглинистых пятен от выкидов обнаружено не было.

Никольское (Богучак), курганный могильник находится в 12 км к ЮЮЗ от с. Балыкса на увале – левом берегу р. Старый Богучак напротив впадения в него р. Кутобай, у дороги, ведущей к бывшему с. Никольское. В 1 км южнее его у слияния находится место бывшего села Никольское, Калташинского с/совета (Малиновский СПК).

Курганы с земляными насыпями расположены на гриве (увале) левого берега р. Старый Богучак (рис. 3 – 4) высотой до 70 м над дном низины – старого русла. Четыре земляные насыпи высотой 1,8–2 м, диаметром 13–19 м с воронками раскопов стоят у дороги, ведущей в Никольское. Курган №1 – 19x15 м, высотой 2 м, курган №2 – 17x14 м, высотой 2 м, курган №3 – 15x11 м, высотой 2 м, курган №4 – диаметром 18 м, высотой 1,8 м. Вокруг курганных насыпей заметен ровик, очерчивающий основание насыпей по периметру. Во всех курганах находятся большие ямы раскопов размерами 8x6 м, 6x5 м, от одного из них проложена траншея. Два кургана (№3 и 4) расположены на наивысшей точке местности, остальные – на краю балки.

Общая длина могильника 187,5 м, наибольшая ширина 110 м, площадь памятника 1,6 га. Скорее всего, обнаруженный могильник представляет собой тот могильник, на котором в 1931 г. А.П. Марков провёл раскопки двух курганов. В районе с. Никольское было известно два могильника. В составе могильника Никольское (Богучак) насчитывалось 50 курганов диаметром до 16 м, высотой до 2 м. Могильник Никольское (Кутобай) находится на восточной окраине с. Никольское на правом берегу р. Кутобай на гриве Лежьев Мыс. Материалы хранятся в Бийском краеведческом музее инв. №835 и ГАРКМ (Горно-Алтайском республиканском краеведческом музее) (Инв. №405, 556–559).

Картография и свод памятников Красногорского района выполнены М.Т. Абдулганеевым в 1994 и 2007 гг., в которые он внёс сведения о всех зафиксированных когда-либо объектах. Ранее группа курганов (около 50), расположенных между сёлами Балыкса и Никольское, отнесена к категории памятников федерального значения постановлением Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 №1327 (код 2210033000). Место расположения 50 курганов в настоящий момент не известно – поля распаханы. Обнаружена только группа курганов Никольское (Богучак) по описанию расположения совпадающая с имеющимся адресом. Она расположена на мысовидной гряде левого берега р. Старый Богучак у места бывшего с. Никольское, которая по малой площади и боковым склонам не смогла бы вместить 50 курганов.

Курганы не потревожены распахкой. Площадка гривы ограничивается со всех сторон склонами. Под курганом №1 на склоне видны ступенчатые

(эскарпирующие) врезки, огибающие гору. Но понять давность образования врезок не представляется возможным в связи с наличием антропогенных преобразований склона, осложнённых процессом смыва почвы.

Заринский район

Курганы у с. Гоношиха картографированы В.В. Кокшенёвым (2004, с. 17–18), им составлялись планы объектов.

Гоношиха, курганный могильник, находится в 4 км к ЮЮЗ от с. Гоношиха, в 0,4 км к западу по грунтовой дороге от «кульстана» (местное название тока) на высоком водоразделе (рис. 2 – 5). Это – земли ЗАО «Заря», распахиваемые под посевы.

Курганы располагаются на высокой береговой террасе русловой поймы р. Чумыш, в которой сохранилось множество болот, озёр, согра, сформированные притоками и рукавами реки Чумыш, с высокими береговыми останцами.

В 1979 г. В.В. Кокшенёвым были зафиксированы курганы с земляной насыпью. При рассмотрении местности, в первую очередь, попадают в зону видимости два больших кургана с земляной насыпью диаметром до 20 м, высотой до 4–4,5 м (рис. 2 – 4). В центре их насыпей находятся колодцы раскопов размерами 5х5 и 3х3 м. Рядом заметна распаханная насыпь кургана диаметром 18 м, высотой 0,3 м. Два других кургана: №4 и 5 находятся в 0,13 км к СЗ от высокого кургана №3 – за дорогой на краю террасы, обращённом к согре. Их насыпи диаметром 18 и 20 м, высотой до 0,5 и 0,8 м сильно распаханы. Вся группа вытянута в направлении ЮВ–СЗ. Таким образом, курганная группа занимает высокую часть водораздела р. Чумыш (заболоченное урочище Рям) и русла р. Бол. Гоношиха (левый берег).

Поля в районе могильника распаханы, а большие курганы поросли травой. Раскопы в насыпях курганов не затянuty и не задернованы. Предположительная площадь памятника 300х120 м (3,6 га).

Это, пожалуй, единственный в левобережной части Чумыша в Заринском районе могильник, имеющий чётко выраженную структуру объектов. На исследованных в 2012 г. могильниках: у с. Новозыково, с. Стародраченино – Афоново (Стародраченино-1, 2, Безымянная) насыпи курганов не сохранились.

Выводы

Продвигаясь к включению объектов археологии в государственный реестр, всюду застаём картину утрат памятников, зафиксированных ещё в 1930-е – 1960-е гг. Опираясь на старые схемы и описания, позволившие внести многие из них в списки федерального и муниципального учёта, в последнее время мы не видим их реальной площади и составляющих объектов. При первоначальной фиксации не были учтены привязки на местности, и составленные кроки информации не дают ориентиров для выявления объектов спустя 80 и даже 40 лет.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Древняя история Красногорского района // Красногорский район. История и современность. Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2008. С. 23–84.

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и использование археологических памятников Алтай. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 64–67.

Кунгурова Н.Ю. Отчёт. Разведочные работы Предгорного археологического отряда НПЦ «Наследие» в Алтайском крае летом 2008 г. Барнаул, 2009. (ОЛ №610 от 11.06.2008 г.).

Кунгурова Н.Ю. Отчёт. Разведочные работы Предгорного археологического отряда НПЦ «Наследие» в Алтайском крае летом 2012 г. Барнаул, 2013. (ОЛ №968 от 08.08.2012 г.).

Кокшенёв В.В. Памятные места земли Заринской. Заринск, 2004. 52 с.

Марков А.П. Предварительный отчёт об археологических раскопках Бийского музея в 1937 году. ДО. Ф. 2, д. 92, в том числе: схема маршрута, оп. 1, №214, л. 10. 1937.

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

СТЕЛЫ-МЕНГИРЫ В САКРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ АЛТАЯ И КРЫМА: ОСОБЕННОЕ И ОБЩЕЕ

В археологии многих регионов мира вопрос о ландшафтном окружении культовых объектов до сих пор остаётся одним из наименее исследованных. Ещё менее изучен вопрос о связях между сакральными памятниками в соседних и удалённых регионах Евразии.

Более глубоко осознать связи между сакральными объектами и окружающим их ландшафтом позволяет *астроархеология* – современное научное направление, объединяющее астрономию и археологию, позволяющие восстановить уровни познания Мира в отдельные исторические периоды. Комплексные исследования Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа с 1980-х гг. в разных регионах Евразии показали, что существовали свои довольно строгие требования к выбору места для сооружения святилища и связям объектов с определёнными формами горного ландшафта (Марсадолов Л.С., 2007).

Новое астроархеологическое исследование автора в 2011 г. Скельских менгиров в Крыму позволяет сравнить эти каменные стелы и их ландшафтное окружение с ранее изученными объектами с территории Саяно-Алтая, прежде всего с широко известным Чуйским камнем.

Скельские менгиры около посёлка Родниковое в Крыму (бывшее село «Скели», в переводе с греческого «стены») известны давно, но начали изучаться археологом Н.И. Репниковым только в начале XX в. В 1970-е гг. эти менгиры более детально исследовал известный крымский археолог А.А. Щепинский, который отнёс их к эпохе бронзы. В Скели ныне вертикально восстановлено 4 менгира. Самый крупный и высокий менгир (№1) находится в центре комплекса (рис. 1 – 1). Два невысоких менгира (№2 и 3) расположены севернее №1, по линии В–З

(рис. 1 – 2-3), а четвёртый менгир находится в южной части комплекса. Ориентация менгиров по основным линиям приведена в таблице 1 и показана на рис. 1 – 3.

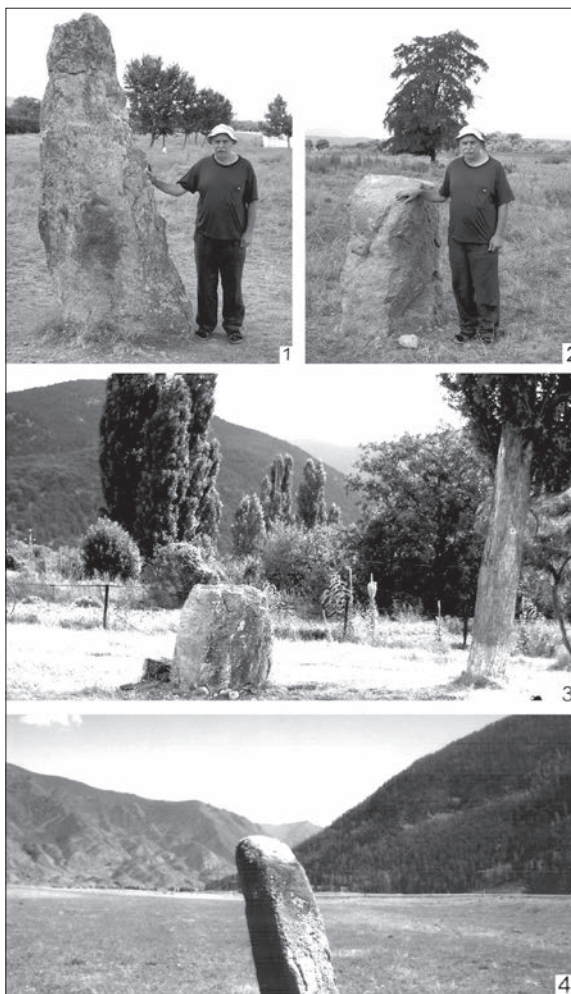

Рис. 1. Стелы-менгиры Крыма и Алтая, их ориентация в окружающем ландшафте: 1–3 – Скульские менгиры у пос. Родниковое в Крыму: 1 – менгир №1 (вид с восточной стороны); 2 – менгир №3 (вид с восточной стороны); 3 – ориентация линии 3–2 через менгир №2 на точку схождения горных склонов в восточной части (вид с запада, от менгира №3); 4 – ориентация лицевой части Чуйского камня святилища Адыр-Кан на Алтае на точку схождения горных склонов в восточной части долины

Таблица 1

Основные направления и связи между Скельскими менгирами

Линия	Расстояние	Модуль	Линия ориентирована	Объяснение
3-1	7,5 м	25 футов	На точку <i>подъема</i> в СВ части, к середине восточной горы (<i>близко</i>)	Самый большой центральный менгир №1 и менгиры меньших размеров (№2–4), использованы для показа направленного движения Солнца от точки <i>восхода</i> в день летнего солнцестояния на СВ до средней высокой точки в дни равноденствия <i>на востоке</i> , прохода через <i>юг</i> и постепенного <i>захода</i> солнца зимой и в дни равноденствия <i>на западе</i>
1	–	–	На <i>середину горы на востоке</i> (<i>близко</i> / высоко) [широкой гранью]	
1-4	15 м	50 футов	<i>Точка схождения двух горных склонов</i> в южной части (<i>далеко</i>)	
2-1	8,4 м	28 футов	На точку <i>спуска по склону южной горы</i> (в ЮВ части, <i>далеко</i>)	
1-3	(см. 3-1)	–	<i>На вершину горы на западе</i> (<i>далеко/низко</i>)	
4-1	(см. 1-4)	–	На гору-мушку (?) между двух более высоких гор (<i>далеко</i> на севере) [загорожено клубом]	Возможно, <i>на точку</i> астрономического <i>севера</i> (<i>юг – линия 1-4</i>)
3-2 (рис. 1-3)	9 м	30 футов	<i>Точка схождения двух горных склонов в восточной части</i> (<i>близко/высоко</i>)	На точку <i>восхода</i> солнца в дни <i>равноденствия</i> (<i>близко/высоко</i>)
2-3	(см. 3-2)		На низину (?) в западной части (<i>далеко/низко</i>) [загорожено постройками]	На точку <i>захода</i> солнца в дни <i>равноденствия</i> (<i>далеко/низко</i>)

Окончание линий для ряда направлений между Скельскими менгирами и окружающим их ландшафтом иногда очень трудно проследить из-за различных современных построек и разросшихся деревьев (например, линии 4-2, 1-2 и др.).

Святилище Адыр-Кан = Чуйское в Центральном Алтае расположено на правом берегу реки Чуи. Этот памятник посещали Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, В.В. Сапожников, М. Эберт, П.П. Хороших, С.С. Сорокин, Б.Х. Кадииков, В.А. Могильников, Д.Г. Савинов, Л.В. Шапошникова, Е.А. Окладникова, В.Д. Кубарев и многие другие археологи. Автор этой

работы также неоднократно изучал этот комплекс в 1976, 1980, 1985, 1995, 2003 гг. и каждый раз открывал для себя все новые детали и всё более глубокие связи между находящимися там объектами и окружающим ландшафтом. Центром комплекса Адыр-Кан является каменное изваяние в виде схематичной фигуры человека (Марсадалов Л.С., 2000, 2007, с. 27–29).

Каменные стелы-менгиры-изваяния и окружающий их ландшафт с территории Алтая и Крыма можно сравнить: 1) по временному; 2) ландшафтному; 3) навигационному; 4) астрономическому; 5) метрологическому и 6) сакральному аспектам.

Временной аспект: Скельские менгиры в Крыму А.А. Щепинский датирует III – началом II тыс. до н.э., а глубоко выбитая личина в верхней части Чуйского изваяния на Алтае также относится к эпохе бронзы (Кубарев В.Д., 2009, с. 69).

Ландшафтный аспект – это открытые степные долины, окруженные горами, у которых на востоке понижающиеся склоны нескольких гор сходятся в одну точку (Марсадалов Л.С., 2007, с. 165–167, 215).

Навигационный аспект является важной частью для ориентации на местности. В древности ориентирование могло производиться не только по звёздам, но и по вертикальным мегалитическим объектам, своеобразным прототипам дорожных указателей. Местонахождения ритуальных мест и менгиров были хорошо знакомы местным проводникам, а также могли помочь и отдельным путникам в незнакомой местности. Например, зная, что узкая и высокая часть вертикальной плиты обращена на восток, даже в ненастную погоду, особенно во время густого тумана, дождя и снегопада, когда не видны окружающие горы, можно легко выработать направление для дальнейшего пути.

Обычно на Алтае, также как и в Крыму, один конец линии ориентирован на наиболее почитаемую горную вершину, а другой – на перевал или западину. Комплекс объектов в Адыр-Кане на Алтае находится сейчас рядом с Чуйским трактом, а ранее с кочевой тропой – главным и жизненно необходимым перекрёстком путей, соединявшем Алтай с Кузнецкой котловиной, Хакасией, Тувой, Монголией и Китаем.

Скельский комплекс менгиров находится рядом со стратегически важным перевалом – «воротами» в Байдарскую долину, через которые в древности проходил путь от побережья Черного моря через горные перевалы в степные районы Крыма и далее на север, в Восточную Европу. Узкой высокой стороной самый большой менгир указывает на север, вдоль восточной горы, мимо большого озера, расположенного в центре долины.

В астрономический аспект, с одной стороны, заложены навигационные, с другой – сакральные функции. При установке и ориентировке менгиров учитывали основные астрономические направления – стороны горизонта, точки равноденствия и солнцестояния, высокой и низкой луны. На Саяно-Алтае и в Крыму в дни близкие к равноденствию солнце всходило в точке пересечения двух-трех гор (рис. 1 – 3-4; Марсадалов Л.С., 2007, с. 167). На Алтае изваяния ныне в большинстве случаев

расположены одиночно, а в Крыму – группой из 4-х разных по размерам менгиров. Разнообразные азимуты астрономически важных направлений в Крыму напоминают астроориентировки выносных стел и плит на огромном Салбыкском курганном поле, сложном комплексе разновременных объектов, часть стел которого относится к эпохе бронзы (Марсадолов Л.С., 2010; Марсадолов Л.С., Паранина Г.Н., 2011).

Метрологический аспект можно выявить как в размерах каменных стел, так и в расстояниях между объектами. В древности основные меры длины определялись антропологическими эталонами – средним ростом человека, длиной руки, стопы и т.д. (Марсадолов Л.С., 2001). Чуйское изваяние на Алтае имеет высоту – 2,1 м, ширину – 0,6 м и толщину – 0,3 м, а самый крупный Скельский менгир имеет соответственно: 2,4–0,3–1,2–0,6 м, что при модуле равном 1 футу (ступне)=0,3 м составляет: 7–2–1 фута на Алтае и 8–1–4–2 фута в Крыму.

Термин «*сакральный ландшафт*» ныне широко используется во многих научных дисциплинах, но часто при этом не учитывается *один из самых важных компонентов «сакральности» – одухотворённость*, как конкретное место в окружающем природном ландшафте для связи-контакта человека с различными божествами. Сфера *сакральности* основана: на познании в астрономии, нумерологии, метрологии (математике, геометрии), сакральном «ландшафтоведении» (древнем «фэн-шуй»), «обыгрывание» оппозиций: круглый (небо) – квадратный (земля); гора (высокая – твердая) – вода (низкая – мягкая); большой – малый; далекий – близкий, а также на вере и сложных обрядах на культовых объектах (Марсадолов Л.С., 2007, 2010).

При анализе каменных стел-менгиров и окружающего ландшафта можно отметить их следующие *особенности*. На Саяно-Алтае, как правило, для ритуальных целей выбирали в основном только межгорные долины, в которых *на востоке* и западе были *низкие* горы-визирь, а на севере и юге – более высокие горы (Адыр-Кан, Аржан, Саглы, Юстыд, Бийке и др.). Изваяния Алтая *узкой лицевой стороной* ориентированы на *восток* (Адыр-Кан, Юстыд), а самая большая скельская стела-менгир в Крыму направлена *на восток широкой стороной*, на середину самой *высокой* горы в окружающем ландшафте, а узкими сторонами по линии Ю–С (табл. 1).

Общие между менгирами-изваяниями Алтая и Крыма: они были сооружены в эпоху бронзы из почти необработанных удлиненных прочных по составу каменных плит-стел; очень близки по своим ландшафтным; навигационным, астрономическим, метрологическим и сакральным аспектам.

Библиографический список

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святителища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 206–210.

Марсадолов Л.С. Меры длины древних кочевников Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы конференции. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 229–232.

Марсадолов Л.С. Отчёт об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 2007. Вып. 5. 278 с.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010. 128 с.

Марсадолов Л.С., Паранина Г.Н. Салбыкский археологический комплекс как объект природного и культурного наследия // Известия Русского географического общества. СПб., 2011. Т. 143, вып. 2. С. 79–90.

В.К. Мерц

*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Республика Казахстан*

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ БОРЛЫ

Среди новых памятников Северо-Восточного Казахстана одним из наиболее интересных является многослойное поселение Борлы. Оно открыто в процессе реализации проекта по созданию Свода памятников Павлодарской области, проводившегося в 2007–2009 гг., в рамках республиканской программы «Культурное наследие» (Мерц В.К., 2009; Свод..., 2010, с. 474–476; 2011). Памятник расположен в Лебяжинском районе, в 100 км к юго-востоку от областного центра, на оз. Борлы. Он приурочен к ровной площадке западного берега озера, расположенной между двух родников, заросших лиственным лесом (фото 1). Площадка образована первой озерной террасой, которая активно разрушается волновым прибоем.

Наиболее мощный культурный слой с большим количеством фаунистических остатков и археологического материала обнаружен в северной части берега, на протяжении 150 м. В разрезе озерной террасы, значительная площадь которой уже разрушена, фиксируются очажные пятна, две погребенные почвы и костеносный горизонт (фото 2). Учитывая это обстоятельство, в 2011 г. вдоль данного участка обрыва был заложен раскоп общей площадью около 180 кв.м и проведены первые охраняемые работы, продолженные в 2012 г.

В результате этих работ был получен богатый вещевой инвентарь, фаунистические и палеоантропологические материалы, проведены стратиграфические наблюдения, которые позволили выяснить, что в целом на памятнике фиксируется 6 литологических слоев, вмещающих культурные остатки (фото 2):

слой 1 приурочен к дерновому горизонту и залегающей под ним современной почве, мощность которой варьирует от 0,5 до 20 см. К нему приурочена керамика раннего железного века, переотложенные фрагменты керамики эпохи бронзы и редкие кости мелких животных;

Фото 1. Общий вид на поселение Борлы. Фото 2. Стратиграфия поселения Борлы. Фото 3. Керамика с формованным валиком, поздний неолит. Фото 4. Керамика с налепным валиком, поздний неолит. Фото 5–6. Керамика с линейным орнаментом, поздний неолит. Фото 7–8. Каменные орудия позднего неолита. Фото 9. Каменная подвеска, орнаментир, украшения из раковин. Фото 10. Костяные орудия, позднего неолита. Фото 11–12. Каменные орудия среднего неолита. Фото 13–14. Каменные орудия раннего неолита

слой 2 – светло-серая супесь мощностью от 5 до 40 см – содержит керамику эпохи бронзы и переотложенные каменные орудия отщепно-пластинчатой индустрии из патинированного кварцита, местами этот слой полностью отсутствует;

слой 3 – темно-серая с коричневатым оттенком супесь – погребенная почва мощностью от 10 до 25 см, которая местами включает костеносный горизонт и содержит тонкостенную керамику с волнистым и геометрическим орнаментом, без орнамента с налепными и формованными валиками, костяные и каменные орудия отщепно-пластинчатой индустрии из патинированного кварцита;

слой 4 – светло-серая, местами светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 25 см. Содержит ямочно-гребенчатую и лощеную с гладкой качалкой керамику, каменные орудия микропластинчатой индустрии из серой яшмовидной породы и кремня, приуроченные к нижней части костеносного горизонта;

слой 5 – темно-серая супесь – погребенная почва мощностью от 5 до 15 см с разрушенной поверхностью. Местами фиксируется лишь по остаточному горизонту трещин усыхания и корней, спускающихся косыми языками клиньев, пробивающих нижележащий слой светло-желтой карбонатной супеси. Содержит редкие артефакты;

слой 6 – светло-желтая карбонатная супесь рыхлой структуры подстилает почвенные слои. В верхней части содержит неориентированную керамику, каменные орудия пластинчатой индустрии из патинированного микрокварцита и единичные кости животных, залегающих на глубине до 75 см;

Как мы видим, стратиграфическая картина довольно сложная. Она не позволяет однозначно определить связь некоторых предметов, которые, к тому же, могут быть переотложенными с тем или иным культурным слоем. Но положение основной части комплексов определяется достаточно четко. Хотя по рельефности погребенной почвы видно, что в древности поверхность террасы была неровной, поэтому местами некоторые слои, срезанные эрозией, отсутствуют, и под современной почвой сразу идет погребенная почва – слой 3, а под ней – светло-серая супесь, представляющая остатки второй погребенной почвы слоя 5 или заполнение какого-то углубления. Разобраться в этом позволят лишь дальнейшие исследования и стратиграфические наблюдения.

На памятнике выявлено несколько каменных индустрий, использовавших разнообразное приносное сырье и содержащих множество различных типов неолитической керамики, из которых особо выделяется поздненеолитический комплекс. Он представлен крупными призматическими и плоскостными, двухплощадочными нуклеусами бочонковидной формы для получения широких пластин и орудиями из них (фото 7): вкладышами с двусторонней обработкой по краю, ножами, скреблами,

концевыми скребками, скреблами и скребками из отщепов, небольшими овальными бифасами, мелкими наконечниками стрел на пластинах и отщепках с выемкой в основании (фото 8), плиточными ножами и скреблами, шлифованными теслами, абразивами из песчаника, отбойниками и наковальнями. Хотя связь некоторых макролитов с данным комплексом окончательно не установлена, но весьма вероятно. В качестве основного сырья для индустрии использовался микрокварцит светло-зеленоватого цвета в изломе, покрытого белой патиной. С этим комплексом, вероятно, связаны также небольшая лопаточка – орнаментир из шлифованного сланца, каменная подвеска с изображением змеи, выполненная из аналогичного материала, утюжок (рис. 3 – 9-10, фото 9) и просверленные раковины.

Данный тип индустрии близок поздненеолитическим комплексам региона с крупными пластинами и изделиями из них, типа стоянки Шарбакты-1 и шидертинского слоя 2 (Мерц В.К., 2004). Нуклеусы этой индустрии по своему типу также напоминают архаичные ядрища с боборькинского поселения ЮАО-ХII на Андреевском озере (Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2010, с. 78).

Среди керамики, связанной с данным комплексом, выделяется несколько основных типов:

I тип тонкостенной керамики с большим содержанием в тесте мелкого песка и слюды, или талька, делится на два подтипа: 1) с налепным и формованным валиком представлен небольшим круглодонным сосудом без орнамента, с ровной шейкой и отогнутым венчиком, по которому с внутренней стороны сделаны косые насечки, в качестве внешнего декора на шейке сосуда имеется небольшой налепный валик, рассеченный вертикальными полосками (рис. 1 – 6); крупным тонкостенным сосудом шаровидной формы без орнамента, с короткой шейкой и прямым венчиком с формованным валиком на его верхней части, рассеченным редкими косыми штрихами и аналогичными элементами по верхнему срезу венчика (рис. 1 – 1); фрагментом небольшого тонкостенного сосуда с формованным валиком, декорированным по верхней, средней и нижней части рядами округлых вдавлений (рис. 1 – 2).

Ближайшие аналогии неолитической керамики с налепными и формованными валиками широко представлены в материалах боборькинской культуры лесостепного Зауралья (Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2010), в рамках которой может быть определена культурная принадлежность посуды данного типа. А посуда с формованными валиками, или воротничками, характерна для прикаспийской энеолитической культуры Нижнего Поволжья (Юдин А.И., 2004, с. 64; 2010, с. 22). Она также широко встречается в неолитических культурах Северной Евразии, вплоть до Забайкалья (Ветров В.М., 2011, с. 35).

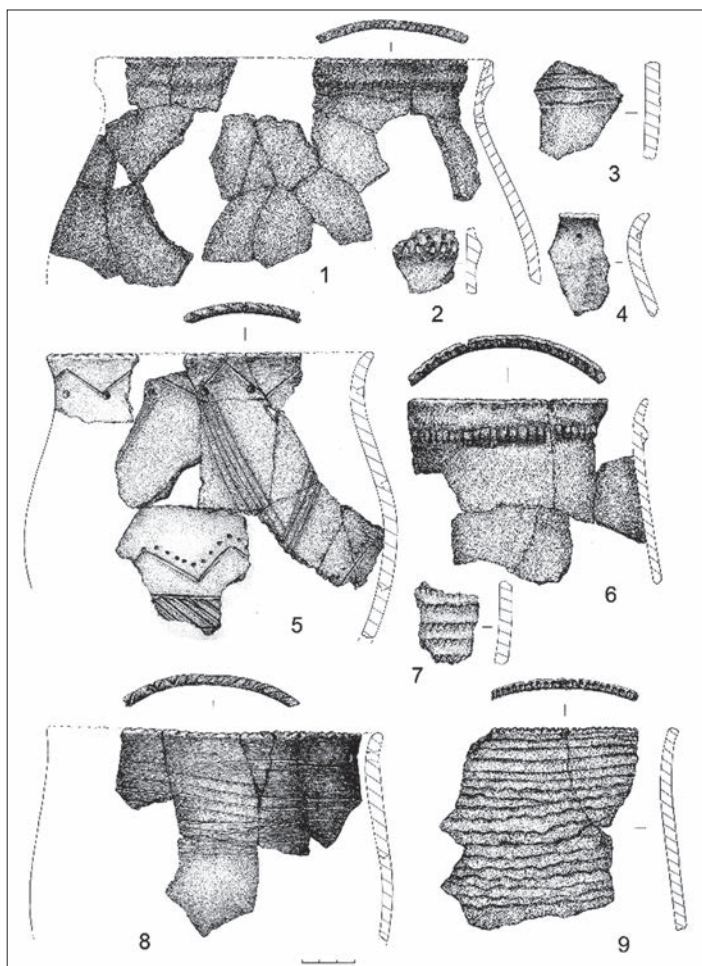

Рис. 1. Поселение Борлы, керамика позднего неолита

2) представлен крупным тонкостенным сосудом с ровной, слегка отогнутой шейкой и мелкими перпендикулярными насечками по ровному срезу венчика, верхняя часть сосуда покрыта горизонтально-линейно-волнистым орнаментом, занимающим одну треть его поверхности, средняя часть не орнаментирована, нижняя – отсутствует (рис. 1 – 9); аналогичным по форме сосудом меньшего размера и более массивными стенками с закругленным, слегка отогнутым венчиком, покрытым косыми насечками с наружной стороны и схожим линейным орнаментом в верхней части, но более тонким и ровным (рис. 1 – 8). Этот тип керамики представлен еще несколькими фрагментами от других сосудов (рис. 1 – 3).

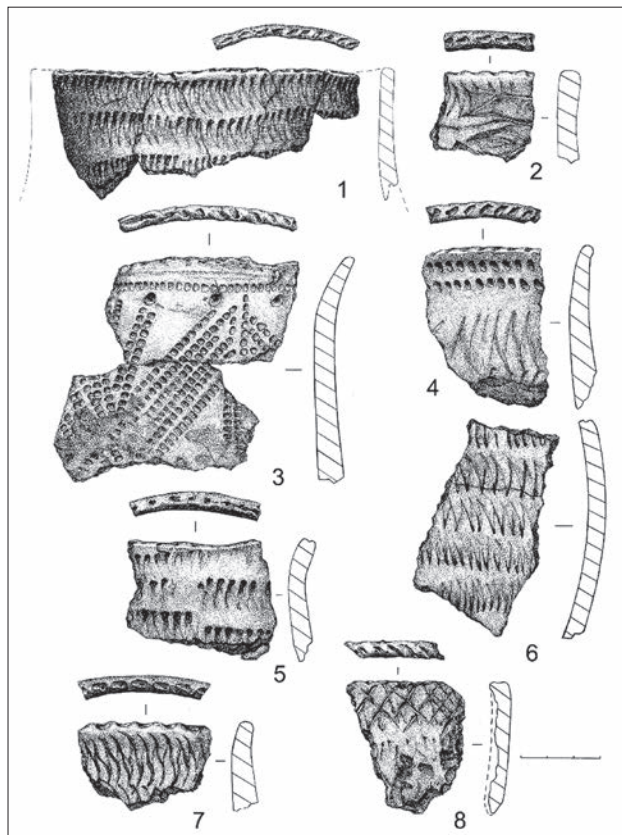

Рис. 2. Поселение Борлы, керамика среднего неолита

Некоторые аналогии данному типу керамики мы видим в материалах поселения Иня 11 в лесостепном Присалаирье (Зах В.А., 2003, с. 36, 149), в новых, еще неопубликованных материалах с Семипалатинских Дюн, и кельтеминарских материалах Лявлякана-120 (Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975, с. 68, 70) и Космолы-5 (Виноградов А.В., 1981, с. 92). В целом же данная керамика имеет определенное сходство с раннеэнеолитическими комплексами Торгая (Логвин В.Н., 2003, с. 99) и некоторыми материалами со стоянки Шидерты-3 (Мерц В.К., 2002, с. 96).

II тип керамики представлен фрагментами сосудов средних размеров с более толстыми стенками, плотным, но слоющимся черепком, округлым туловом и сильно отогнутым венчиком с косыми насечками по его верхней части, по шейке – декорированных округлыми вдавлениями и геометрическим орнаментом в виде горизонтального зигзага,

нанесенного жирной линией и рядами более крупных зигзагов, прочерченных тонкими линиями по верхней части тулова, по средней части сосуда проходит горизонтальный поясок, заштрихованный косыми линиями, параллельно ему расположен зигзаг, вдоль которого нанесен ряд мелких вдавлений (рис. 1 – 5). Аналогии данному типу керамики мы видим только среди боборыкинских комплексов (Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2010, с. 144) и некоторое сходство по принципу геометрического орнамента и форме сосуда – с кельтеминарскими материалами Лявлякана-120, 121 (Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., 1975, с. 68, 70, 89). К этому типу керамики, видимо, относятся и некоторые фрагменты с сильно отогнутым венчиком, без орнамента, а также с округлыми вдавлениями и рядами гладкой вертикальной качалки (рис. 1 – 4).

III тип керамики представлен сосудами с прямыми стенками, полностью покрытыми горизонтальными рядами оттисков уголка мелкой лопаточки (рис. 1 – 7). По способу орнаментации, эта керамика несколько отличается от основного комплекса и представляется как инородная, но по формовки и характеру излома фрагментов она идентична сосуду с геометрическим орнаментом (рис. 1 – 5). Аналогии подобного типа орнамента есть на керамике с поселения Венгерovo-3 в Барабинской лесостепи (Молодин В.И., 1977, с. 45, табл. XXXIV – 4, 6; XXXV – 1, 5; XXXVI – 4).

С этим комплексом связаны также и впервые найденные костяные предметы эпохи неолита. Они представлены рядом проникающих орудий: проколом, шильев (рис. 3 – 2-6), некоторые из них могли использоваться в качестве орнаментиров для керамики, которыми наносились округлые вдавления. Особый интерес среди них представляет тонкий длинный предмет в виде шила или крупной иглы длиной 17 см (рис. 3 – 5). Найден также обломок костяного стержня с насечками в нижней и средней части (рис. 3 – 1), обломок небольшой лопаточки для обработки керамики и обломки двух вкладышевых ножей (рис. 3. 7–8, фото 10).

Важной находкой являются палеоантропологические материалы, представленные коронкой коренного зуба, резцом, фалангой пальца, и части лобной кости. Происхождение этих находок может быть связано с разрушением, в результате хозяйственной деятельности какой-то группы поселенцев, более древнего могильника, существовавшего на этом месте, что позволяет надеяться на открытие в дальнейшем какой-либо его части.

Среди каменных изделий отчетливо выделяется комплекс из светло-серой яшмовидной породы, получившей у зауральских исследователей название «боборыкинской яшмы» (Мосин В.С., Никольский В.Ю., 2008, с. 35). Она широко применялась в памятниках атбасарской культуры (Зайберт В.Ф., 1992, с. 99) и аналогичных индустриях типа слоя 2а стоянки Шидерты-3 и других памятников региона, дати-

руемых нами средним неолитом (Мерц В.К., 2004, с. 25–27; 2008, с. 12). Этот комплекс представлен коническими нуклеусами для микропластин и орудиями из них: прямоугольными вкладышами, трапециями, угловыми и боковыми резцами на пластинах с фасетированными торцами, проколами, развертками, симметричными наконечниками стрел на пластинах, скребками из отщепов, скребками и скобелями из пластин (фото 11–12).

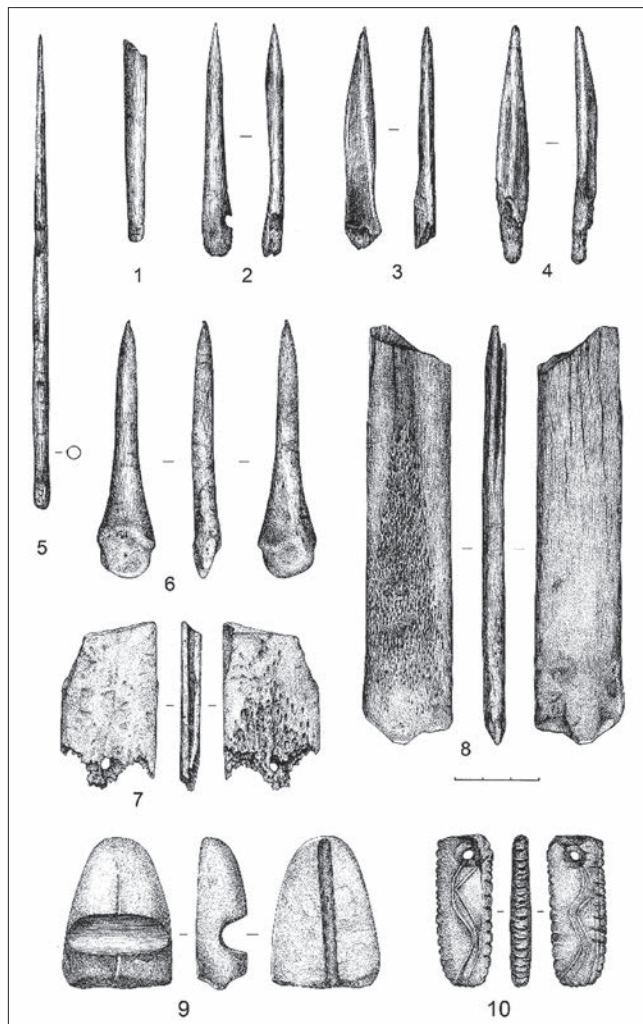

Рис. 3. Поселение Борлы, костяные орудия, утюжок и каменная подвеска, поздний неолит

С этим комплексом, видимо, связана керамика с плотным слоющимся черепком и большим содержанием органики. Она представлена тонкостенными и толстостенными сосудами с прямым и слегка отогнутым венчиком, с продольными вдавлениями по его верхней части и декорированными горизонтальными и вертикальными рядами гладкой качалки (рис. 2 – 1-2, 4-7). Один фрагмент (рис. 2 – 7) совершенно идентичен сосуду со стоянки Мичурино-2 (Мерц В.К., Ткачев А.А., 1998, с. 38, рис. 1 – 1), где керамика также декорирована в основном гладкой качалкой, что позволяет считать ее аналогичной данному комплексу поселения Борлы. Среди алтайских памятников подобная посуда встречается в 10-й группе керамики с поселения Комарово-1, которую авторы исследования относят к большемысской энеолитической культуре (Абдулганеев М.Т. и др., 2011, с. 30, 103). Здесь же она, как и на стоянке Мичурино-2, связана с более ранней микропластинчатой индустрией.

Менее представительна раннеолитическая индустрия, выполненная из серого микрокварцита, покрытого молочной патиной. Она сопоставима с раннеолитическим комплексом третьего слоя стоянки Шидерты-3. Комплекс представлен плоскостными нуклеусами конической формы, коническими и подклиновидными нуклеусами, ровными призматическими пластинами с вентральной и дорзальной ретушью по одному или двум краям, иногда очень глубокой двухрядной ретушью, пластинками с притупленным краем и скошенным торцом, скребками на отщепках (фото 13–14). Это – предварительное определение типологического набора комплексов каменных индустрий, которые будут уточняться в ходе дальнейших исследований, но сам облик индустрий хорошо сопоставляется с аналогичными индустриями региона и, прежде всего, многослойной стоянки Шидерты-3, в разрезе которой они занимают конкретное хроностратиграфическое положение.

Керамика, полученная из нижнего слоя с остатками раннеолитической индустрии немногочисленна, без орнамента, имеет черный цвет, в формовочной массе содержит большое количество песка. Кроме того, на стоянке найдено множество других типов керамики, культурную принадлежность которых пока затруднительно определить. Однако основная часть, связанная с позднеолитическим комплексом, судя по таким признакам, как разряженный орнамент, геометризизм, нарезной способ его нанесения с помощью гладкого штампа, наличие налепных и формованных валиков на шейке, может быть соотнесена с посудой боборькинского типа. У нас, правда, пока нет плоских донцев, но так как памятник только начал изучаться, их обнаружение в дальнейшем не исключено. Ближайшее поселение, содержащее плоскостную керамику, соотносимую авторами с боборькинской культурой, – Автодром-2 в Новосибирской области (Бобров В.В. и др., 2010), находится на расстоянии более 400 км к северу от оз. Борлы.

Вся крупная фауна, связанная с костеносным горизонтом, по определению Л.Л. Гайдученко, представляет в основном, кости лошади и небольшого количества КРС, принадлежащих домашним особям. Важно отметить, что кости лошади из нижних неолитических слоев, по мнению исследователя, практически ничем не отличаются от основной массы костей домашних животных, происходящих из костеносного горизонта позднего неолита. Данный факт позволяет говорить о возможности производящего хозяйства у неолитических племен Прииртышья на рубеже V–IV тысячелетий до н.э., а может быть и раньше.

Необходимо отметить, что из всех стоянок каменного века, обнаруженных на территории Северного и Центрального Казахстана за последние десятилетия, это поселение и другие памятники Борлинского археологического комплекса являются наиболее значительными и перспективными для изучения неолита и энеолита Казахстана. Они содержат информацию совершенно нового типа, которая позволит определить связи древнего населения Правобережного Прииртышья, представляющего западную часть Кулундинской равнины, с племенами юга Западной Сибири, Алтая и Сарыарки. В неолите Прииртышья, где наблюдается смешение культурных традиций неолита Северного и Центрального Казахстана с кельтеминарским влиянием, пока много непонятого.

На наш взгляд, очень важно выяснение пути этого влияния, видимо, проникавшего в Прииртышье и далее на Восток, на территорию Алтая, Монголии и Синьцзяна через Юго-Восточный Казахстан. Но представление о неолитических памятниках этого региона, к сожалению, отсутствует в современной науке из-за не изученности его территории, через которую, по всей вероятности, проходили важнейшие миграционные пути.

Таким образом, открытие и начало изучения нового многослойного поселения эпохи неолита на оз. Борлы имеет большое научное значение, так как оно относится к типу памятников, которые содержат не только богатый кремневый инвентарь, но и костяные изделия, множество керамической посуды, предметы искусства из камня и кости, остатки жилищ, хозяйственных ям и захоронений. Первые раскопки поселения Борлы также дали новые уникальные материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана, которые дополняют информацию о материальной культуре и хозяйственной деятельности неолитических племен региона и подтверждают результаты исследований, проведенных на многослойной стоянке Шидерты 3 (Мерц В.К., 2008), относительно последовательности развития аналогичных комплексов каменных индустрий. Дальнейшее изучение памятника может иметь ключевое значение для реконструкции древнейших периодов истории страны и культурно-исторических процессов, приведших к сложению неолитических культур Казахстана, Западной Сибири и Алтая.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово 1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул, 2011. 142 с.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселения Автодром-2 в Барабинской лесостепи в 2010 году (предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 9–14.
- Ветров В.М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л.н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы международной научной конференции. Иркутск, 2011. С. 34–41.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975. 278 с.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского между-речья. М., 1981. 174 с.
- Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992. - 222 с.
- Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалярия и Приобья. Тюмень, 2003. 168 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010. 308 с.
- Логвин В.Н. Ранний энеолит Тургая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №1(13). С. 98–105.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 175 с.
- Мерц В.К., Ткачѳв А.А. Неолитические материалы могильника Мичурино 2 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 34–38.
- Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002. С. 75–102.
- Мерц В.К. Об изучении голоценовых комплексов северо-восточного Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2004. №1. С. 23–33.
- Мерц В.К. Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3: автореф. дис. ... к.и.н. Кемерово, 2008. 26 с.
- Мерц В.К. Некоторые результаты исследований по Своду памятников Павлодарской области // Маргулановские чтения-2009. Петропавл, 2009. С. 167–171.
- Мерц В.К. Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Алматы, 2011. С. 178–186.
- Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург, 2008. 96 с.
- Свод памятников истории культуры Республики Казахстан. Павлодарская область, Алматы, 2010. 600 с.
- Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.
- Юдин А.И. Прикаспийская энеолитическая культура нижнего Поволжья // Археологи Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань, 2010. С. 19–26.

И.В. Мерц, В.К. Мерц

*Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова, Павлодар, Республика Казахстан*

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ КУЛУНДИНСКОЙ РАВНИНЫ¹

В настоящее время об эпохе ранней бронзы Кулундинской равнины мы имеем лишь общие представления. Археологические материалы в основном представлены сборами, практически отсутствуют стационарно исследованные памятники (Редников А.А., 2010, с. 38), изучение же стратифицированных объектов здесь только начинается. Актуальнейшей проблемой в исследовании региона является культурная идентификация имеющихся археологических комплексов, соотношение которых на данном этапе не определено, а разработка проблематики только начинается. Поэтому целью нашей работы является публикация новых археологических материалов с поселений Баргана и Тате и их культурно-хронологическая интерпретация. Первым этапом в реализации поставленной задачи станет сравнительный анализ различных способов орнаментации по следам-отпечаткам на керамике и орнаментальных композиций. В основании подразделения технологических приемов по способу нанесения орнамента лежит принцип механического движения орнамента относительно поверхности сосуда. В работе над материалами мы использовали терминологию, разработанную И.В. Калининой и Е.А. Устиновой (1990).

Поселение **Баргана** расположено в 4 км к юго-западу от с. Шоктал в Лебяжинском районе Павлодарской области, на древнем берегу оз. Баргана в северной части, между бором и березняком (рис. 1 – 1, 3, 4). Поселение содержит материалы эпохи неолита, ранней бронзы и раннего железа, обнаружено и обследовано в 2009 г. В.К. Мерцем (2010, с. 484). В течение ряда лет (2009–2011 гг.) на эродированных участках проводились сборы подъемного материала.

В 2010 г. на разрушенном противопожарной полосой участке поселения был заложен шурф площадью 1 кв.м (рис. 1 – 4), выявивший наличие культурного слоя, представленного черной супесью мощностью до 25 см. В раскопе был выявлен очаг в виде ямы с пологими краями подчетыреугольной формы размером 0,48х0,35 м и углубленный на 4–6 см, ориентированный длинной осью по линии С–Ю. Очажная яма, заполненная золой и кальцинированными костями, также содержала фрагменты керамики эпохи ранней бронзы (рис. 3 – 3, 5). Всего в шурфе найдено 73 фрагмента раннебронзовой керамики (6 шт. венчиков, 64 шт. стенки, 3 шт. придонной части) и 20 фрагментов керамики РЖВ, ещё 10 фрагментов были получены во время сборов, всего же со всей площади памятника был собран 221 фрагмент керамики РЖВ.

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержки бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2012–2014 гг. №92/1960.

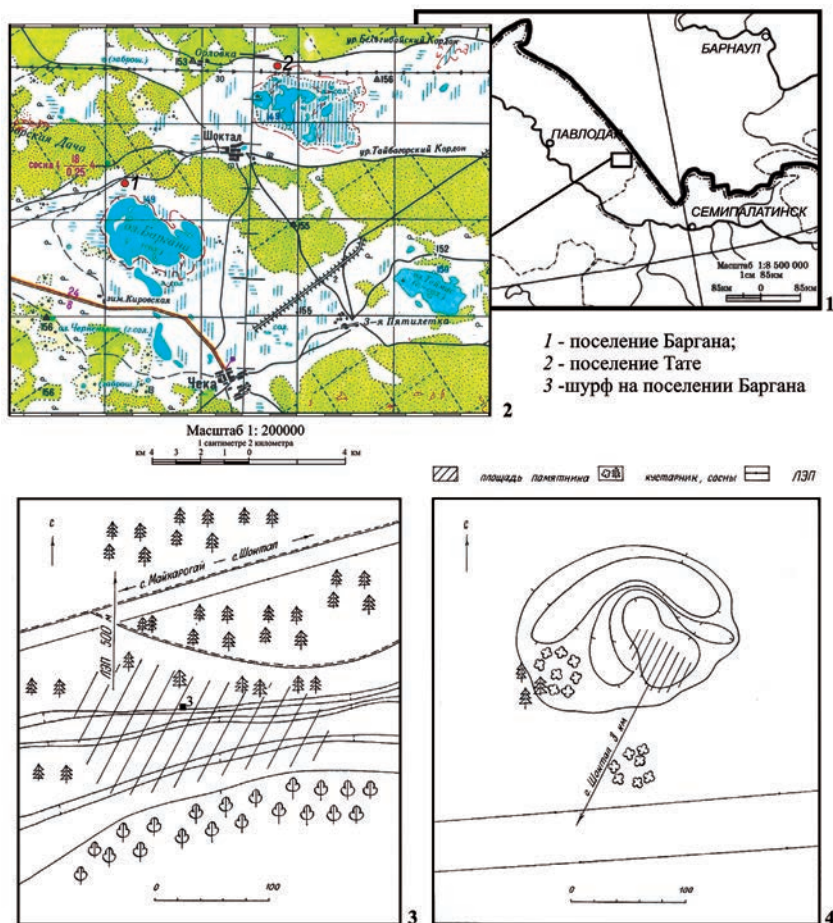

Рис. 1. План расположения памятников на картах: 1 – Восточный Казахстан; 2 – район с. Шоктал, Лебяжинский район Павлодарской области Республики Казахстан; 3 – план поселения Баргана; 4 – план поселения Тате

Керамический комплекс раннего бронзового века в коллекции насчитывает 133 фрагментов не менее чем от 19 сосудов: венчики – 13 шт., стенки – 101 шт., придонные части – 6 шт., не диагностируемые – 13 шт. Керамический комплекс представлен плоскодонными сосудами баночной формы. По способу нанесения орнамента были выделены следующие группы¹ керамики:

¹ Под «группой» мы понимаем – любую совокупность объектов, объединяемых некой общей им всем характеристикой (одночленной или составной) или выделенных по некоторому единому для этой совокупности принципу (Клейн Л.С., 1991, с. 359).

1 группа представлена 11 фрагментами стенок от 2 сосудов, орнаментированных отступающе-накольчатой техникой – протаскивание с накалыванием, выполненное палочкой с округлым рабочим краем («отступающая палочка») – 8,3% (рис. 2 – 11-13). Керамика сильно фрагментированная, вследствие чего не представляется возможным реконструировать форму сосудов. Орнаментальная композиция представлена горизонтальными линиями. На внутренней стороне фиксируется заглаженность зубчатым инструментом.

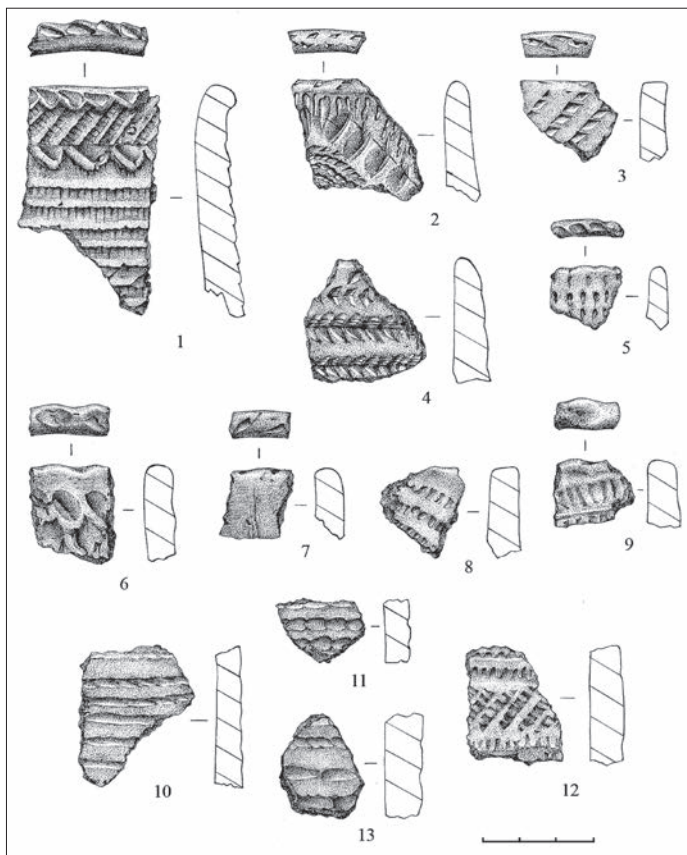

Рис. 2. Керамика поселения Баргана

2 группа представлена 19 фрагментами (18 фр. стенок и 1 фр. венчика) от 2 сосудов, орнаментированных техникой «штампования» – получение оттисков при перпендикулярном положении штампа к поверхности – 16% (рис. 2 – 2-9; 3 – 5). Для нанесения орнамента был использован гребенчатый штамп с прямоугольной формой зубцов.

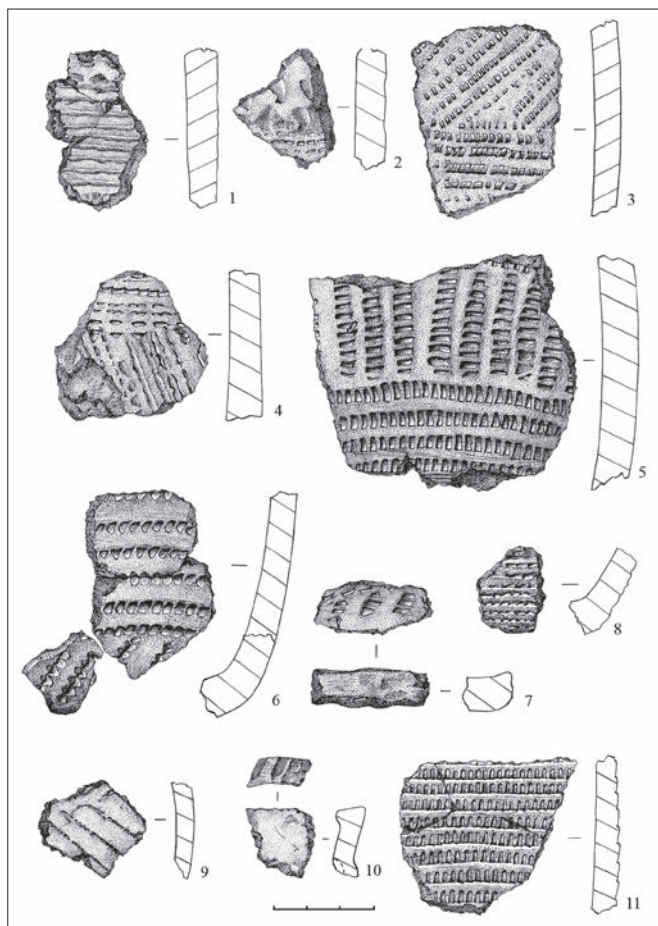

Рис. 3. Керамика поселения Баргана (1–8); поселения Тате (9–11)

Форма сосудов, по-видимому, была баночной, срез орнаментирован «наколами» или пальцевыми вдавлениями (?), что придает венчику волнообразный вид. Орнаментальная композиция линейная – ряды горизонтальных линий чередуются с рядами вертикальных линий. На внешней поверхности фиксируется заглаживание «мягким» предметом, поверх которого был нанесен основной орнамент. На внутренней стороне фиксируются следы выгоревшей органики и заглаживания «мягким» предметом. Орнамент нанесен гребенчатым инструментом с трапециевидной формой зубцов, некоторые из которых имеют округлый рабочий край. В формовочной массе присутствует дробленый гранит с включениями слюды (рис. 3 – 5).

3 группа насчитывает 33 фрагмента (6 фр. венчиков, 25 фр. стенок, 2 фр. придонной части) не менее чем от 6 сосудов, орнаментированных техникой «накалывания» – получение оттисков при наклонном положении штампа к поверхности – 28% (рис. 2 – 1, 3, 8, 12; 3 – 6). Для нанесения орнамента были использованы гладкие и гребенчатые штампы с подтреугольной и квадратной формами зубцов.

Необходимо отметить, что **группа** не однородна по морфологическим признакам: плоскодонные сосуды представлены баночно-горшечной, баночной и закрытой баночной формами; разнообразна орнаментальная композиция, отличаются инструменты, используемые для нанесения орнамента, и комбинирование техник орнаментации. В целом для группы отмечается отсутствие дополнительной обработки внутренней поверхности. Срезы венчиков либо прямые без орнаментов, либо украшены наколами гребенчатого штампа. Орнаментальная композиция представлена рядами горизонтальных линий, сменяющимися рядами косых линий.

Исключение составляет фрагмент сосуда горшечной формы (рис. 2 – 1). Срез венчика прямой, без орнамента, но внешний край отогнут и украшен наколами (левонаправленными), нанесенными инструментом с гладким рабочим краем. По шейке идет ряд косых линий (правонаправленных), ниже зону шейки ограничивает ряд косых наколов (левонаправленных), под которыми идут горизонтальные ряды. На пятом ряду, поверх горизонтального ряда, нанесены косые (правонаправленные) наколы инструментом с гладким рабочим краем. Для нанесения орнамента был использован гладкий и гребенчатый штамп. Внутренняя сторона заглажена зубчатым инструментом.

4 группа – 56 фрагментов (5 фр. венчика, 47 фр. стенок, 4 фр. придонной части) не менее чем от 9 сосудов, орнаментированных «шагающей» техникой (шагающая гребенка с протаскиванием) – движение штампа при очередном развороте на концах с элементом протаскивания – 44% и (гребенчатая качалка) – такое же движение штампа, но с протаскиванием – 3%. Общее количество фрагментов, орнаментированных «шагающей» техникой, составило 46%. Для нанесения орнамента был использован гребенчатый штамп (рис. 2 – 2, 5, 7; 3 – 1-4, 7, 8).

Форма сосудов баночная с плоским дном, срез венчика орнаментирован «наколами», что придает ему волнообразный вид. Орнаментальная композиция представлена косыми лентами, треугольниками, под которыми расположены горизонтальные ряды. Для разделения орнаментальных зон создавали ряды, выполненные пальцевыми защипами. На внутренней стороне фиксируется заглаженность зубчатым инструментом. Орнамент нанесен гребенчатым инструментом. В группе отмечается следующее сочетание орнаментальных техник:

1) «накалывание» + пальцевые «защипы» + «шагание» с протаскиванием – 1 фр.;

2) пальцевые «защипы» + «шагание» с протаскиванием – 7 фр. от одного сосуда. Видимо, к такому же сочетанию относится и обломок венчика, украшенного пальцевыми защипами (рис. 2 – 6);

3) «накальвание» + «шагание» с протаскиванием – 4 фр. от 4 сосудов, причем суммарное количество в группе составляет 5 фр.

Преобладающим сочетанием в группе, как и во всей коллекции, является «шагание» с протаскиванием + «накальвание» или в сочетании с иной техникой, когда техникой накальвания украшается срез венчика, а «шаганием» с протаскиванием – вся остальная поверхность сосуда.

Поселение **Тате** расположено в 3 км к северо-востоку от с. Шоктал, на дюнах древнего берега озера, в северной его части, между линией ЛЭП и кромкой бора (рис. 1 – 3). Памятник обнаружен и обследован в 2008 г. В.К. Мерцем, совместно с краеведом Т.П. Шокармановым, указавшим это место (Мерц В.К., 2010, с. 485). Поселение приурочено к дюнным образованиям, на эрозионных участках которых найдены фрагменты керамики эпохи ранней бронзы и РЖВ. За 2008 и 2009 гг. на памятнике было собрано 17 фрагментов керамики (1 фр. венчик, 16 фр. стенок).

К раннему бронзовому веку относится 8 фрагментов (1 фр. венчика, 7 фр. стенок) от 4 сосудов, орнаментированных техникой «накальвания». Форма сосудов не реконструируется. Для нанесения орнамента были использованы гребенчатые штампы с подчетыреугольной формой зубцов. Орнаментальная композиция – в виде горизонтальных линий и зигзагов (рис. 3 – 9, 11). Венчик украшен «жемчужинами» и наколами по срезу (рис. 3 – 10). Внутренняя сторона имеет заглаженность зубчатым инструментом только у фрагмента, орнаментированного горизонтальными линиями (рис. 3 – 11). В целом материалы поселения Тате близки к **3-й группе** керамики поселения Баргана, однако имеют свою специфику. В частности среди орнаментальных композиций поселения Барганы отсутствуют «зигзаги», тем не менее, близкое расположение памятников, аналогичная топография, схожесть керамического материала позволяют рассматривать их комплексы совместно.

Полученные материалы с поселений Баргана и Тате мы относим к раннебронзовому веку. Необходимо отметить, что они не однородны, в керамическом комплексе выделяется несколько культурных типов¹.

Керамические **группы №1, 4** поселения Баргана мы рассматриваем в рамках **елунинской**² археологической культуры. Перечисленные группы характеризуют две орнаментальные традиции, типичные для елунинского керамического комплекса (всего 67 фр.): 1) «*кротовская*» – «шагающая»

¹ Под «культурным типом» мы понимаем – тип, сформированный согласно группировке предметов, введенной в материал самими создателями исследуемой культуры (в археологии – давними создателями исчезнувшей культуры прошлого), когда они упорядочивали и подчиняли своим нормам материал, сознательно или не сознательно, в своей привычной деятельности (Клейн Л.С., 1991, с. 380).

² Необходимо отметить, что мы разделяем позицию С.П. Грушина о разнотипности трех групп керамики (по классификации Ю.Ф. Кирюшина) включенных в елунинский керамический комплекс (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 48–51) и под елунинской керамикой мы рассматриваем только керамику первой группы (Грушин С.П., 2003а; 2003б, с. 50).

техника (**группы №4** – гребенчатая качалка – 4,5%, «шагающая гребенка» с протаскиванием – 79%, итого 83,5%); 2) «*логиновская*» – «отступающе-накольчатая» техника (**группа №1** – отступающая палочка – 16,5%). Необходимо отметить, что «отступающе-накольчатая» техника (хоть и в малых количествах) устойчиво присутствует с «шагающей» в комплексах Барабы и Верхнего Приобья (Грушин С.П., 2003а, с. 58).

Специфика елунинских материалов поселения Баргана выражается в несколько более широком, чем в памятниках Лесостепного Алтая сочетании техник «шагания» с «накалыванием», использовании в орнаментации пальцевых защипов и применении их при разделении орнаментальной композиции на зоны (Грушин С.П., 2003б, с. 51). Эти моменты сближают керамику поселения Баргана с кротовскими поселенческими материалами Среднего Прииртышья (Стефанова Н.К., 1988, с. 63).

Особого рассмотрения требует вторая и третья группы керамики поселений Баргана и Тате.

Вторая группа украшена техникой «штампования» – подобная техника нанесения орнамента встречается среди второй группы керамики, но является типичной именно для третьей группы керамики, относимой Ю.Ф. Кирюшиным к елунинской (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 50–51; Грушин С.П., 2003а, с. 55), а также для комплексов стоянки Чемар-1 (Мерц В.К., 2004, с. 169; рис. 2 – 13-15). Однако иная орнаментальная композиция, иной инструмент орнаментирования не позволяют сопоставить эти материалы. *Прямых аналогий этой керамике в регионе нам неизвестно.* Более далекие аналогии наблюдаются в материалах стоянки Саксаульская в Северном Приаралье (Формозов А.А., 1951, с. 7; рис. 3 – 6) и среди комплексов эпохи развитой бронзы поселения Тух-Сигат-IV в Васюганье (Кирюшин Ю.Ф., 2004, с. 78–79; рис. 113 – 3; 117), однако говорить о полной идентичности этих материалов пока преждевременно.

По предварительным определениям Н.Ф. Степановой образцы *елунинской* и **второй группы** керамики (рис. 3 – 3, 5) поселения Баргана различаются по исходному сырью и составу формовочных масс, что говорит об их инокультурности, а совместное залегание в одном объекте – о синхронности.

Отдельно выделяется керамика **третьей группы** – не однородная по своему составу, что отражает её синкритичность. В целом она отлична от елунинской. Отдельные фрагменты находят аналогии среди раннебронзовых комплексов поселений Першеечное-3, Павловка-I (Кирюшин Ю.Ф., Ключин Г.А., 1985, рис. 3 – 2; 5 – 6), Шипуновка-2 (Иванов Г.Е., рис. 1 – 26). Но эти материалы происходят из сборов с развешенных памятников, что затрудняет их культурно-хронологическую атрибуцию. Нечто подобное наблюдается среди керамики второй группы памятников Приобья на поселении Крохалева-1, относимой к самусьской культуре (Кирюшин Ю.Ф., 2004, рис. 33 – 1), и среди второй группы керамики поселения Новенькое-6 (Абдулганеев М.Т., 1985, рис. 6 – 5).

Таким образом, материалы поселений Баргана и Тате дополняют наши знания об эпохе ранней бронзы Кулундинской степи, демонстрируя весьма сложную этнокультурную ситуацию в регионе. Необходимо отметить, что наблюдается устойчивая закономерность в совпадении топографии поселений эпохи неолита, раннего бронзового, раннего железного века и этнографического времени, что может свидетельствовать о схожих формах хозяйственной деятельности раннебронзового населения, связанного с кочевым или полукочевым скотоводством (Мерц В.К., 2003, с. 75).

Самым многочисленным керамическим комплексом поселения Баргана является елунинский, характеризуемый «отступающе-накольчатой» и «шагающей» техниками. Наряду с ним сосуществует отличный от него комплекс керамики, орнаментированный техникой «штампования». В связи с чем нужно отметить, что тезис о постоянном сопровождении елунинской керамики крохалевской (Редников А.А., 2010, с. 40) в Кулунде не распространяется на юго-западную часть региона.

На данном этапе исследования не совсем понятной остается положение **третьей группы** керамики, не находящей прямых аналогий среди раннебронзовых комплексов региона, но, по-видимому, эту группу пока надо рассматривать как синхронную елунинской и второй группе. Существенно дополнить и уточнить ситуацию смогут только дальнейшие полевые работы.

Библиографический список:

Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 117–129.

Грушин С.П. Керамический комплекс поселения Березовая Лука как источник по изучению орнаментальных традиций елунинской культуры // Источники по истории Западной Сибири. Сургут, 2003а. Ч. 1. С. 54–60.

Грушин С.П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003б. Кн. 1. С. 49–56.

Иванов Г.Е. Комплекс археологических памятников у пос. Шипуново // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 119–123.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической – энеолитической керамики Уральского региона // Археологический сборник. 1990. №30. С. 7–19.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза Юго-Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 295 с.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.

Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991. 448 с.

Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 132–141.

Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзы Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана – Тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения – 15». Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. С. 165–169.

Мерц В.К. Поселение Баргана // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. Алматы, 2010. С. 484–485.

Мерц В.К. Поселение Тате // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. Алматы, 2010. С. 485–486.

Редников А.А. Ранний бронзовый век на территории Кулундинской равнины Алтайского края // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы: сборник научных трудов. Барнаул: Слово, 2010. С. 38–48.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 53–75.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 3–18.

С.В. Неверов, О.С. Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул

ОРУЖИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА НОВОТРОИЦКОЕ-1 (материалы раскопок 1977 г.)

Каменная культура была выделена в начале 1980-х гг. В.А. Могильниковым и А.П. Уманским (Могильников В.А., 1997, с. 4). Она являлась во второй половине I тыс. до н.э. одним из наиболее мощных этнокультурных образований на юге Западной Сибири и занимала достаточно обширную территорию (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников А.В., 2009, с. 4). На настоящий момент исследовано значительное количество погребальных комплексов данной культуры, материалы которых в последнее время активно вводятся в научный оборот. Так, опубликованы памятники Масляха-1, Казенная Заимка, Локоть-4а, Рогозиха-1, большой массив источников был включен В.А. Могильниковым в его обобщающую монографию (Могильников В.А., Уманский А.П., 1992; Могильников В.А., 1997; Лузин С.Ю., Тишкин А.А., 1999; Шульга П.И., 2003; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005).

Наиболее крупным исследованным комплексом каменной культуры является Новотроицкий некрополь. Его материалы опубликованы монографически, кроме самых первых раскопок (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников А.В., 2009, с. 7–8). Они были проведены на данном памятнике С.В. Неверовым в 1977 г. (Новотроицкое-1, курганы 1–4). Материалы этих раскопок хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, коллекция №77.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот предметов наступательного вооружения из этой коллекции. Все они относятся к одному боевому комплекту, который был найден в могиле-1 кургана №2. В его состав входит оружие дальнего и ближнего боя. Первое представлено 11 наконечниками стрел, второе – чеканом.

Все наконечники стрел из рассматриваемого объекта изготовлены из железа (рис. 1 – 2-9, 11-13). Несмотря на то, что они сильно корродированны, их абрис и сечение вполне читаемы, за исключением одного экземпляра (рис. 1 – 13), перо которого обломлено у самого основания. У трех изделий практически полностью отсутствуют черешки (рис. 1 – 3-5). В целом их сохранность можно считать удовлетворительной. Общая длина изделий варьирует от 3,4 до 5,7 см.

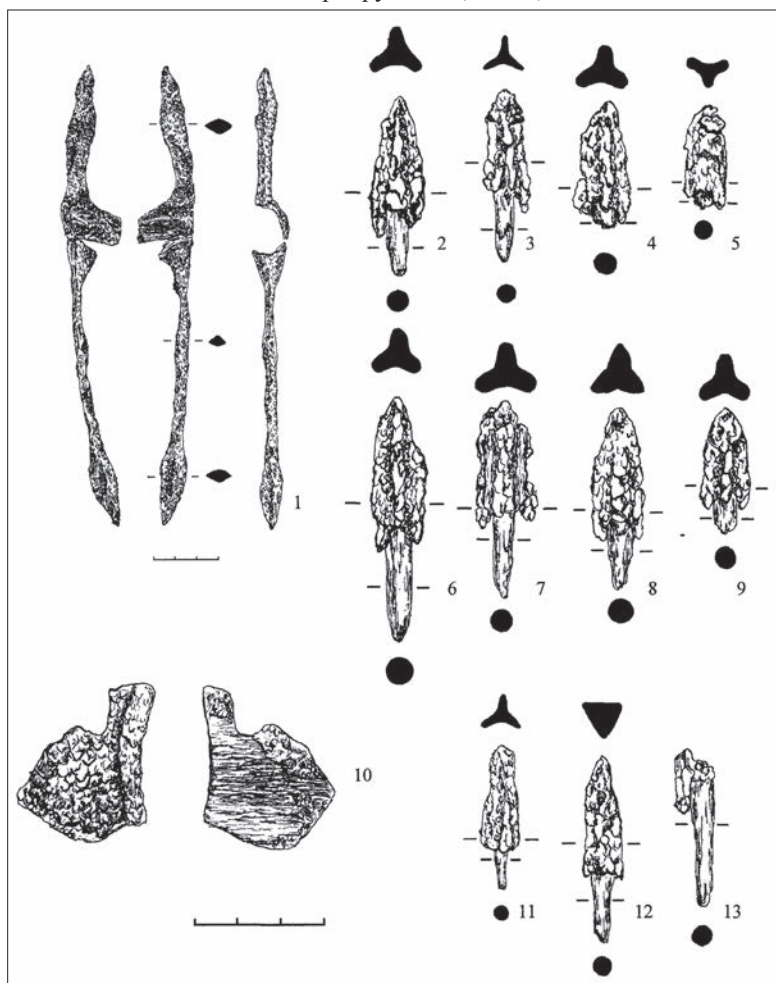

Рис. 1. Новотроицкое-1. Курган 2. Наступательное вооружение из могилы 1: 1 – чекан; 10 – вток; 2-9, 11-13 – наконечники стрел. 1-13 – железо, дерево

По способу насада на древко изделия являются черешковыми. Черешки округлые в сечении, диаметр их 0,3–0,5 см, а длина 1,6–2,9 см. На всех сохранились остатки дерева от древков стрел.

Перья рассматриваемых наконечников обладают следующими параметрами: длина 2,3–3,6, ширина 0,9–1,8, толщина 0,8–1,3 см. По форме тела пера среди них можно выделить трехлопастные изделия – 10 экз. (рис. 1 – 2-9, 11, 13) и одно трехгранное (рис. 1 – 12). Первые практически все имеют шипы (рис. 1 – 2-9, 13), которые являются опущенными вниз продолжениями лопастей, они отсутствуют лишь у одного изделия (рис. 1 – 11). Трехгранный экземпляр не имеет данного конструктивного элемента. Среди трехлопастных наконечников выделяются изделия с килевидным абрисом пера (рис. 1 – 4-9, 11), который преобладает в данной серии, и треугольным (рис. 1 – 2-3). У трехгранного наконечника абрис пера килевидный (рис. 1 – 12).

Железные трехлопастные изделия без шипов с килевидным абрисом аналогичные публикуемым изделиям, известны в материалах тасмолинской культуры с V в. до н.э. (Вишневская О.А., 1992, табл. 52.- 3). Трехлопастные наконечники с шипами и килевидным абрисом пера в основном датируются IV–III вв. до н.э. и находят аналогии в материалах прохоровской, саргатской и тасмолинской культур, а также в Бактрии (Вишневская О.А., 1992, табл. 52.- 3; Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Потро Ж.-П., 1997, рис. 9.- 5; Ковригин А.А., 1997, с. 65; Литвинский Б.А., 2001, с. 94, табл. 25.- 9–10; Яблонский Л.Т., 2010, с. 75, 187). Экземпляры с треугольным абрисом пера и шипами известны в Бактрии с IV в. до н.э., но наибольшее распространение они получают там в III в. до н.э. (Литвинский Б.А., 2001, с. 94). Аналогичные по форме изделия происходят из памятников саргатской культуры III–I вв. до н.э. (Матвеева Н.П., 1993, с. 62–63, рис. 11.- 63, рис. 16.- 19, рис. 22.- 36; Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Потро Ж.-П., 1997, рис. 9.- 3–4; Ковригин А.А., 1997, с. 65). Трехгранные наконечники с килевидным абрисом пера встречаются в сарматских материалах с конца IV в. до н.э., а на более восточных территориях они появляются с III в. до н.э. и начинают выходить из употребления во II в. до н.э. (Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Потро Ж.-П., 1997, рис. 13.- 4; Ковригин А.А., 1997, с. 66; Яблонский Л.Т., 2010, с. 82, рис. 69.- 3, рис. 73.- 1).

Исходя из вышеизложенного отметим, что этот набор формировался под влиянием сакских и сарматских традиций. К первой можно отнести килевидный абрис пера и отсутствие шипов. Вторая выражается в треугольном абрисе и наличии шипов. В целом такая встречаемость типов в одном колчанном наборе могла существовать в III в. до н.э.

Железный чекан из рассматриваемого объекта имеет более плохую сохранность, чем наконечники стрел. Он сильнее изъеден коррозией и сохранился в двух фрагментах: обух с частью втулки (одна из сторон ее стенки не сохранилась совсем) и клинок. Общая длина изделия 21,2 см.

Обух чекана находится под углом относительно плоскости втулки и отведен назад по направлению к древку. Он имеет стержневидную форму с листовидным расширением окончания и ромбическое сечение. Подобная форма, на наш взгляд, свидетельствует о том, что эта деталь могла также как и клинок использоваться для нанесения удара. Общая длина обуха 6,3 см; размеры стержневидной части 2,9x0,8x0,7 см; листовидной – 3,4x1,2x0,8 см. Втулка, по всей вероятности, представляла собой цилиндр с проухом округлой формы. На внутренних стенках сохранились фрагменты дерева от древка. Эта деталь имеет следующие параметры: 2,8x2,7x0,25 см, диаметр проуха 2,2 см. Клинок расположен под углом ко втулке и отведен назад к древку. Основная его часть стержневидная, окончание оформлено в виде ассиметрично ромбического расширения, что служило для усиления поражающей функции. Сечение основной части клинка и его основания ромбовидное. Общая длина клинка 13 см, параметры стержневидной части: 9x0,7x0,5, параметры окончания: 4x1,3x0,7 см.

Чекан из кургана №2 не имеет полных аналогий, но их можно отметить для ряда его признаков. Фигурное расширение обуха характерно для сакских железных чеканов и топоров, где появляется еще в VI в. до н.э., а наибольшее распространение получает в V–IV вв. до н.э. (Литвинский Б.А., 2001, с. 420–422, табл. 83.-3–4, 6–7). Оформление окончания клинка в виде ромбовидного расширения известно только у бронзовых экземпляров. Подобный элемент встречается в материалах тагарской культуры начиная с VI в. до н.э. и сохраняется у некоторых экземпляров вплоть до IV в. до н.э. (Горелик М.В., 2003, табл. XVIII.-46, 54). Очень похожее расширение клинка наблюдается у деревянной модели чекана из памятника булан-кобинской культуры II в. до н.э. – I в. н.э. (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2006, рис. 7.-1). Данные аналогии позволяют предполагать бытование чекана из кургана №2 между IV и II вв. до н.э.

От железного втока чекана сохранилась только часть одной из стенок с отверстием для крепления к древку и валиком, окаймляющим венчик. На внутренней стороне стенки фиксируются остатки дерева. К сожалению, по дошедшему фрагменту невозможно установить общую форму изделия и форму отверстия, куда вставлялось древко.

Сравнивая стрелковый набор из кургана №2 с другими наборами из Новотроицкого могильника можно отметить его более поздний облик. В пользу этого говорит отсутствие бронзовых наконечников и мелких железных наконечников (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников А.В., 2009, рис. 57.-12–14; рис. 68.-10–11, 19). Также на более позднюю дату указывают развитые шипы у большинства публикуемых экземпляров.

Рассмотренный чекан ближе всего к изделиям из могилы-1 кургана №15 Новотроицкое-1 и могилы-2 кургана №18 Новотроицкое-2 (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников А.В., 2009, рис. 109.-3–4). Окончания у данных экземпляров также оформлены в виде ромбовидного по абрису и сечению расширения, проухи втулок округлые, а обухи и клинки отведены назад по направлению к древку. Последние два признака присущи и двум другим чеканам, происходящим из этого памятника

(Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников А.В., 2009, рис. 109.-1–2). Характерными особенностями экземпляра из кургана №2 Новотроицкое-1 является ромбовидное сечение обуха и клинка, их меньшая толщина и узкая короткая втулка. Что касается втока, то такие его элементы как отверстие для крепления к древку и валик вокруг венчика, встречаются у двух других изделий из Новотроицкого некрополя: курган №15, могила-1, Новотроицкое-1; курган №18, могила-9, Новотроицкое-2 (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников А.В., 2009, рис. 109.-2, 4).

В целом, комплект оружия из могилы-1 кургана №2 Новотроицкое-1 можно датировать концом IV–III вв. до н.э. По всей вероятности он является наиболее поздним набором в комплексе вооружения этого памятника.

Библиографический список

- Вишневская О.А. Центральный Казахстан // Археология СССР. Т. 11: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 130–140.
- Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.
- Ковригин А.А. Хронология погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. С. 64–71.
- Корякова Л.Н., Булдашев В.А., Порто Ж.-П. Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. С. 10–48.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. 528 с.
- Лузин С.Ю., Тишкин А.А. Курганный могильник Казенная Заимка-1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 149–160.
- Матвеева Н.П. Абатский-1 курганный могильник саргатской культуры. Тюмень, 1993. 77 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.
- Яблонский Л.Т. Пророчка: у истоков сарматской археологии. М., 2001. 384 с.

Д.В. Папин, А.А. Редников, А.С. Федорук, Я.В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА ПИКЕТ¹

Городище Пикет расположено на юго-западной окраине села Сростки Бийского района и занимает площадку на правой береговой террасе р.Катуни высотой до 50 м, на восточном мысовом выступе горы Пикет и с трёх сторон ограничено крутым склоном. Площадь памятника составляет до 1,5 га. Горо-

¹ Работа подготовлена в рамках госзадания Минобрнауки РФ №6.3990.2011.

дно состоит из 57 жилищных западин размерами 13x14 м, глубиной 0,4 м. С напольной стороны его огораживает ров шириной до 7 м, глубиной до 1,3 м. Жилищные западины располагаются вдоль мыса по направлению запад – восток и концентрируются в центральной части памятника (рис. 1).

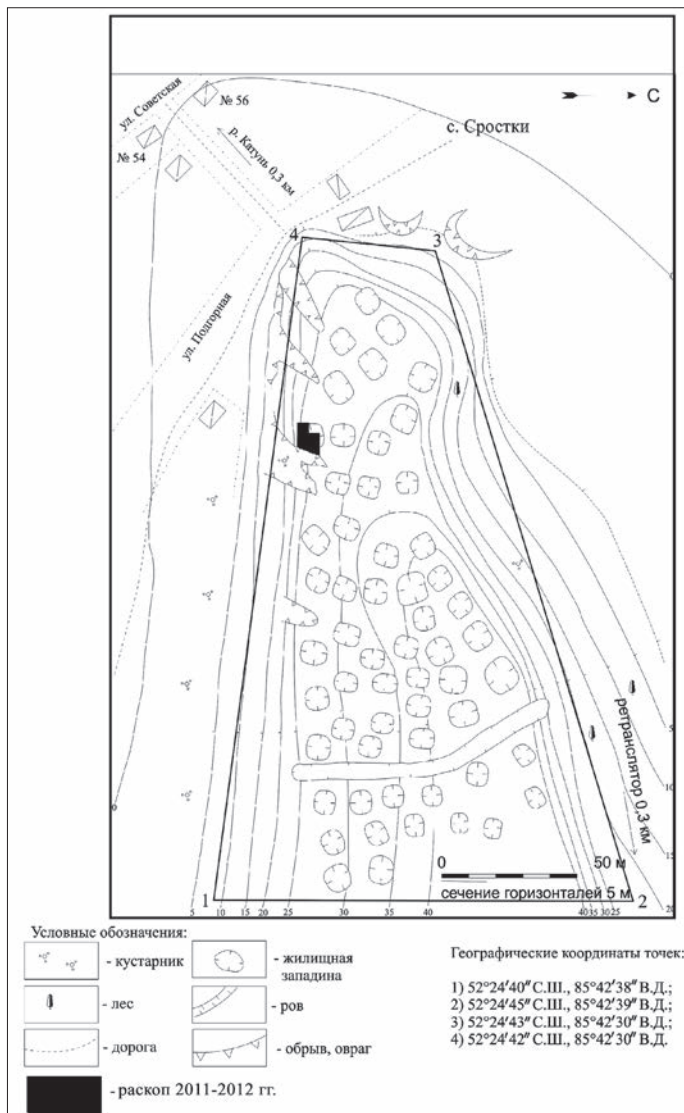

Рис. 1. Городище Пикет (план выполнен М.Т. Абдулганеевым)

Хотя материалы памятника широко используются в научной литературе, археологических раскопок ранее не производилось. Коллекция Бийского краеведческого музея была сформирована из подъемных материалов С.М. Сергеева и в последствие памятник не раз посещался археологами. В полевом сезоне 2011–2012 гг. раскапывался аварийный участок памятника, разрушаемый оврагом. Площадь раскопа составила 72 кв.м и охватывала часть жилищной западины (рис. 2). Максимальная глубина исследованной части котлована, от дневной поверхности, составила 1,90 м. Жилище подпрямоугольной формы вытянуто с юга на север представляет собой, по – видимому, строение земляночного типа со скатной крышей. В центре расположен очаг округлой формы диаметром 1,6 м, обложенный крупной галькой. В самом очаге найдены кальцинированные кости. В восточной и северо-восточной части жилища находились деревянные сгоревшие плашки и прокол, возможно это было перекрытие – крыша данного сооружения. Расположены плашки с востока на запад. Столбовые ямки округлой формы располагаются как по периметру жилища, так и с юга на север, образуя при этом цепочку. Ямки, входящие в цепочку диаметре 0,2–0,4 см и глубиной 0,50–0,70 м, что может говорить о том, что это были деревянные опоры для крыши сооружения.

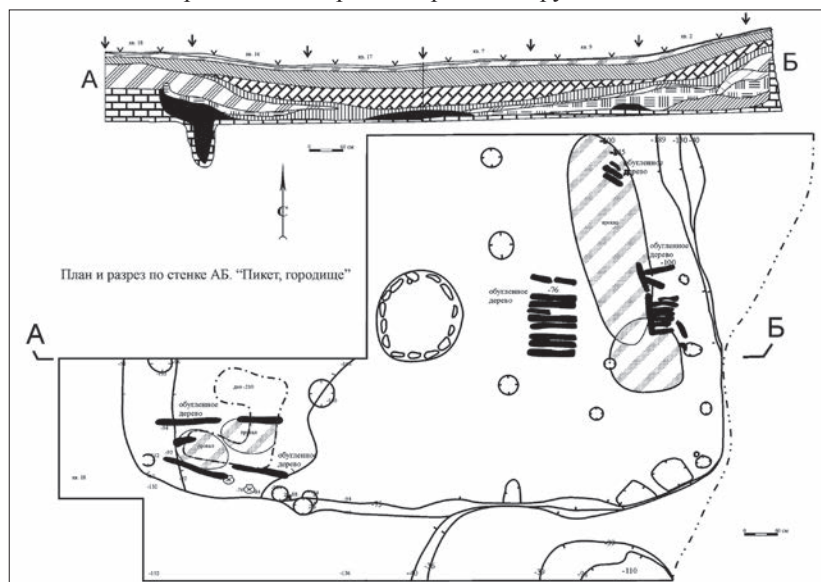

Рис. 2. Городище Пикет. План и разрез жилища

Находки представлены фрагментами керамики, развалами сосудов и фрагментами камня, в том числе и со следами утилизации. Керамический комплекс представлен сосудами двух типов (рис. 3). Первый тип наиболее

массовый – крупные плоскдонные профилированные сосуды горшкообразной формы в подавляющем числе случаев орнаментированные двойным рядом жемчужника с разделителем; в качестве разделителя выступают наклонные отпечатки штампа или подтреугольные вдавления, иногда перемежающиеся с сеткой, ёлочкой, наклонными отпечатками штампа. Своеобразным индикатором этого типа является оформление сосудов срезом венчика наружу, при этом он украшен наклонными отпечатками штампа. Вторым тип – полусферические чашки. Чаще всего без орнамента, или нанесены горизонтальные линии и сетка. Данная орнаментальная схема широко распространена среди раннескифских древностей Бие-Катунского междуречья, что позволяет отнести данное городище к кругу памятников большереченской культуры переходного времени (Абдулганеев М.Т., Папин Д.В., 1999, рис. 2).

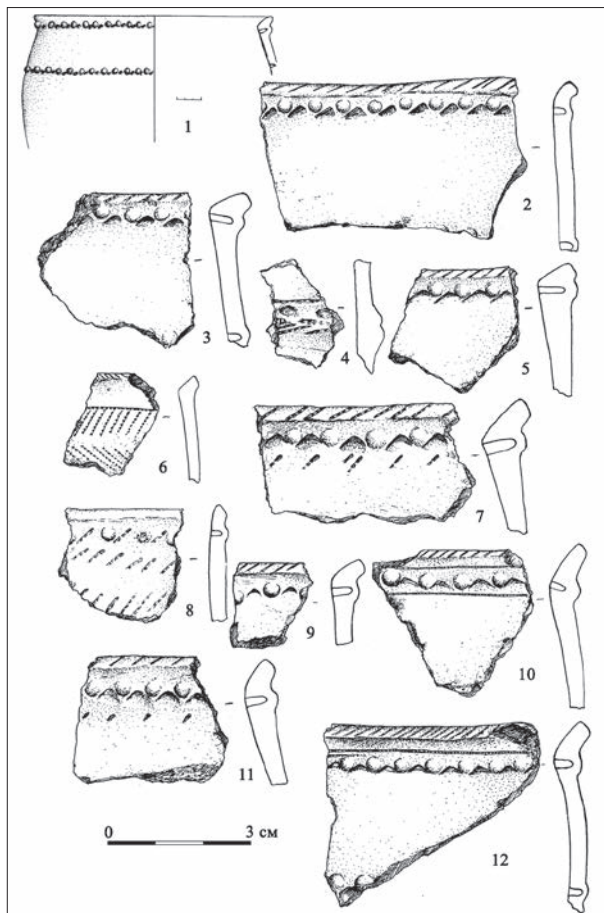

Рис. 3. Городище Пикет. Керамика из раскопок жилища

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Папин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 5–13.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.Л., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Археологическое изучение памятников эпохи бронзы и раннего железного века Алтайского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Том XVII. Новосибирск, 2011.

Папин Д.В. Особенности расположения памятников рубежа бронзового и железного веков на территории Алтайского Приобья // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 121–125.

Ю.Ю. Раиткина

Алтайский государственный университет, Барнаул
**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ (опыт использования
методов многомерного количественного анализа)¹**

Прежде чем начать исследование непосредственно ирменской погребальной обрядности, мы считаем целесообразным, обратиться к самому определению понятий «погребальный обряд» и «поминальный обряд».

Погребальный обряд – это совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-мифологическую нагрузку, с целью погребения умершего (Ольховский В.С., 1995, с. 88). Причем практическая сфера обряда является формой, а идеологическая – его содержанием (Ольховский В.С., 1986, с. 67).

Поминальный обряд – совокупность реальных и символических действий, совершаемых в соответствии с определенными представлениями и нормами в процессе захоронения и в течение определенного времени после него с мемориальной целью (Ольховский В.С., 1986, с. 68).

Погребальный обряд принадлежит к явлениям исключительно традиционным, а, следовательно, как и всякая традиция, существующая в рамках системы общественных отношений, постоянно изменяется. Динамика трансформации может зависеть от разных причин и иметь различный характер (Митько О.А., 1994, с. 208).

В данной работе анализируются погребальные памятники, оставленные носителями ирменской культуры на территории Алтайского Приобья.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», 2012-1.1-12-000-3001-017).

На рассматриваемой нами территории известны два типа могильников относящихся к ирменскому времени – курганные, в которых фиксируются надмогильные сооружения, и грунтовые, где такие сооружения не зафиксированы.

Для описания структуры погребального обряда использовалась схема, предложенная В.С. Ольховским (1991). Он выделил в структуре некрополя три уровня сложности: погребения, погребальные комплексы (надмогильные конструкции, подкурганные сооружения, следы ритуальных действий и пр.), погребальные группы (метаструктура погребального комплекса).

При анализе погребального обряда учитывались все известные на сегодняшний день погребальные памятники ирменской культуры в Алтайском Приобье. Всего на территории Алтайского Приобья на сегодняшний день исследовано 202 ирменских захоронений в 16 могильниках (Камышенка, Новотроицк-I, Телеутский Взвоз-I, БЕ-IX, Суртайка, Змеевка, Чесноково-II, Плотинная-I, Фирсово-XIV, БЕ-IV, МГК-I/V, Староалейка-II, Плотинная-V, Мельничихин Лог-I, Кытманово-I, Фирсово-I). Для количественного анализа, возможно, использовать 15 некрополей. Несколько погребальных памятников были объединены в общую серию, в связи с тем, что они представлены малым количеством погребений (Змеевка и Чесноково-II – общая серия (курганные); Плотинная-V, Кытманово-I, Фирсово-I и Мельничихин Лог-I – общая серия (грунтовые)).

Для применения методов многомерного количественного анализа были созданы матрицы, описывающие отдельные захоронения, для которых выявлялись наиболее характерные признаки, разделяющиеся на три группы:

1. Останки костяка – ориентация погребенного в могиле.
2. Погребальная камера – глубина могильной ямы и внутримогильная конструкция.
3. Состав сопроводительного инвентаря – сосуд, украшения, орудия труда и следы ритуальных действий (следы огня).

Для анализа мы взяли только те признаки, которые имели значительную вариабельность внутри исследованной группы объектов.

Не принимались во внимание единичные и характерные для подавляющего большинства могил признаки. В итоге были составлены матрицы, в которых в виде наблюдений отражены захоронения, а в виде переменных – признаки погребальных объектов. Эти данные были взяты за основу при проведении количественного анализа, и далее применялись на всех последующих этапах нашей работы. По их материалам, были составлены матрицы характеристики могил.

Из всей совокупности погребальных памятников как отдельные объекты рассматривались те могильники, в которых выявлены погребения в достаточном объеме для проведения количественного анали-

за (более трех). В результате следующие некрополи были объединены в общие серии (курганную и грунтовую соответственно): Змеевка, Чесноково-II, Староалейка-II, Плотинная-V, Кытманово-I, Фирсово-I и Мельничихин Лог-I.

В некоторых случаях дробные признаки объединялись в более общие, для этого использовался принцип свертывания, то есть сведения различных вариантов до сути их содержания.

Расчеты производились с помощью применения модулей стандартного программного пакета Statistika 6.1.

Для того чтобы организовать наблюдаемые данные в наглядные структуры мы использовали кластерный анализ. Кластерный анализ (впервые ввел Тьюн, 1939) в действительности включает в себя набор различных алгоритмов классификации. Данный анализ применяет следующие общие методы: иерархическая классификация, двухходовое объединение и метод К средних.

В основу нашего анализа был положен метод иерархической классификации. Назначение этого алгоритма состоит в последовательном объединении объектов в один кластер, используя некоторую меру сходства или расстояние между объектами. Типичным результатом такой кластеризации является иерархическое дерево.

Для оценки расстояний между кластерами применялся метод Варда. Он минимизирует сумму квадратов (SS) для любых двух (гипотетических) кластеров, которые могут быть сформированы на каждом шаге. В целом метод представляется очень эффективным, однако он стремится создавать кластеры малого размера.

Значительная численность погребений курганного могильника Камышенка и грунтового могильника Плотинная-I позволила не только получить общую характеристику погребального обряда этих памятников, но и проанализировать вариабельность его элементов.

По частоте встречаемости значительного числа признаков, погребальный обряд могильников Камышенка и Плотинная-I достаточно сходен. Наибольшее различие между ними проявляется в ориентации погребенных. В Плотинной-I преобладает южное направление с отклонениями к западу либо к востоку (80,54%). В Камышенке южное направление встречается только в 22,93% случаев, для 32,35% погребений характерно западное направление, в остальных захоронениях ориентация не определена (44,12%). Также различия отмечаются в наличии внутримогильных конструкций. Для Плотинной-I это более характерный признак он встречается в 43,14% случаев, в то время как в Камышенке лишь в 16,18%. Значительно чаще на Плотинной выявляется и присутствие следов огня (13,73%), в Камышенке 1,47% случаев. Некоторые различия демонстрирует состав орудий труда – чаще они встречаются на Камышенке (14,7%) и 7,84% в захоронениях Плотинной.

Проведенный анализ признаков показывает, что погребальный практика исследуемых некрополей достаточно устойчива. А некоторые различия инвентаря можно соотнести с половой дифференциацией захороненных.

Сравнение проводилось по 7 признакам, описывающим, ориентацию костяка (З, Ю), внутримогильную конструкцию, состав сопроводительного инвентаря (по категориям) – наличие сосуда (один, два, три и более сосудов), украшений, орудий труда, а также присутствие следов огня в могиле.

Учитывались материалы 5 грунтовых могильников – материалы Плотинной-V (П-V), Кытманово-I (К-I), Фирсово-I (Ф-I), и Мельничихин Лог-I (МЛ-I) (даны суммарно, так как они представлены малым количеством погребений), Плотинная-I, БЕ-IV, Староалейка-II, МГК-I/5 и 6 курганных, Змеевкой и Чесноково-II (представляют собой общую серию), Камышенка, Новотроицк-I, БЕ-IX, Суртайка и Телеутский Взвоз-I (не рассматриваются материалы одного могильника, данные которого не опубликованы). Матрица исходных данных приводится в таблице №4.

При кластеризации признаков в пространстве (по методу Варда) в составе исходного комплекса памятников выделяются три основные группировки, одна чисто курганная и две смешанные, содержащие как курганные, так и грунтовые некрополи. Курганный кластер объединяет четыре памятника общую курганную серию, Телеутский Взвоз-I, Суртайку и Камышенку. Следующий кластер состоит из трех могильников двух грунтовых (БЕ-IV и Староалейка-II) и одного курганного (БЕ-IX). Вполне возможно, что второй кластер является не смешанным, а чисто грунтовым. Так многие исследователи объединяют БЕ-IV и БЕ-IX в единый комплекс, и скорее всего он является грунтовым. А наличие невысоких насыпей объясняется надувом песчаных дюн. Третий кластер включает в себя четыре памятника один курганный и три грунтовых. В этом кластере объединены Новотроицк-I, МГК-I/5, Общая серия грунтовых могильников и Плотинная-I. Все эти памятники связывает преобладание южной ориентации костяка в могиле.

Также нами был проведен анализ, учитывающий более дробные компоненты. Мы сопоставили и проанализировали названные выше памятники по трем группам признаков: глубина могильных ям, ориентация костяка в могиле и наличие различных видов украшений.

Дендрограмма для кластеризации могильных ям (по методу Варда) дала следующие результаты, исходная совокупность памятников разделилась на четыре группы.

В первой группе объединились два курганного могильника Телеутский Взвоз-I и Камышенка. В отдельную группу выделился грунтовой могильник МГК-I/5. Данный памятник имеет наименьшую глубину погребений из всего рассмотренного нами комплекса, она колеблется от

0,05 до 0,3 м. Третья группа включает в себя два курганных некрополя Новотроицк-I и Суртайку и общую грунтовую серию. В последний кластер сгруппировались комплекс БЕ-IV, БЕ-IX и Плотинная-I. Эту группу памятников от общей совокупности ирменских могильников Алтайского Приобья отличает наличие наиболее глубоких могильных ям. Это может быть объяснено как природными факторами, так и хронологией представленных некрополей. Вероятно могильник МГК-I/5 наиболее поздний из исследованных нами памятников, поэтому погребения совершены практически на уровне древней поверхности, что приближает его к более поздней погребальной традиции. А памятники образующие четвертую группу, напротив, вероятно, наиболее ранние, поэтому отличаются значительно глубиной могильных ям.

Анализ составленной нами матрицы для кластеризации вариантов ориентации костяка в могиле погребальных памятников Алтайского Приобья показал, что в исходной группе некрополей выделяются три группировки. Первая включает общую грунтовую серию, МГК-I/5, Плотинную-I и Новотроицк-I, вторая Староалейку-II, БЕ-IV и общую курганную серию, соответственно оба этих кластера являются смешанными. Только третий кластер содержит все могильники одной группы (курганные некрополи БЕ-IX, Телеутский Взвоз-I, Суртайка и Камышенка).

Дендрограмма кластеризации (по методу Варда) украшений также позволила выделить три кластера, два из которых включают контрастные в обрядовом отношении варианты, один содержит грунтовые погребально-поминальные комплексы.

В результате проведенного анализа мы выявили, что четкого разделения на курганные и грунтовые памятники не наблюдается не по одной из совокупностей выбранных нами признаков. В каждой из дендрограмм отмечается лишь по одной группировке содержащей памятники одного типа, при этом это могут быть как курганные, так и грунтовые некрополи. Четко фиксируется связь только у двух курганных могильников – Суртайка и Камышенка, она отмечена при анализе почти по всем группам признаков.

Библиографический список

Митько О.А. Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тыс. н.э. Кемерово, 1994. С. 207–226.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. М., 1986. №1. С. 55–76.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. 256 с.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социальные реконструкции // РА. М., 1995. №2. С. 85–99.

Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ
АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА¹**

Основой для реконструкции этногенетических и социокультурных процессов, происходивших на территории Алтае-Саянского региона в раннем средневековье, являются археологические памятники. Наиболее информативными представляются материалы раскопок погребальных комплексов, изучение которых позволяет рассматривать различные аспекты существования обществ кочевников в это время. Большое значение для реконструкции истории региона во 2-й половине I тыс. н.э. имеет всесторонний анализ некрополей тюркской культуры. Одним из аспектов такого исследования является рассмотрение истории их изучения и интерпретации.

Специальной работы, посвященной анализу истории исследования погребальных комплексов тюркской культуры Алтае-Саянского региона, до сих пор не предпринималось. Имеются краткие обзоры в исследованиях, представляющих итоги систематизации памятников на различных территориях (Кызласов Л.Р., 1969; Могильников В.А., 1981; Кубарев Г.В., 2005; Худяков Ю.С., 2004). Известны также публикации, затрагивающие отдельные аспекты обозначенной тематики (Кубарев Г.В., 1994; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2000; Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007; и др.). Результаты раскопок раннесредневековых объектов учтены в специальных монографиях по истории археологического изучения Сибири (Белокобыльский Ю.Г., 1986; Демин М.А., 1989; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2005; Китова Л.Ю., 2007; Матющенко В.И., 2009). Написание обобщающей работы, в которой будут отражены основные этапы изучения погребальных комплексов тюрок раннего средневековья в различных районах Алтае-Саянского региона, позволит обозначить специфику источниковой базы, собранной на сегодняшний день, а также будет способствовать определению приоритетных направлений дальнейших исследований и путей решения имеющихся дискуссионных вопросов.

В настоящей статье представлен опыт построения периодизации истории исследования погребальных памятников тюркской культуры Алтае-Саянского региона. Взгляды археологов на специфику истории

¹ Работа выполнена в рамках программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» на 2012–2016 годы «Развитие Алтайского государственного университета в целях модернизации экономики и социальной сферы Алтайского края и регионов Сибири», мероприятие «Конкурс грантов» (№2012.312.2.30).

кочевников данной общности в значительной степени определялись имевшейся в их распоряжении источниковой базой. Анализ работ исследователей позволил выделить четыре этапа в процессе накопления и интерпретации материалов раскопок некрополей раннесредневековых тюрок. Для каждого из периодов характерны определенные особенности методологии и методики работ, различная интенсивность практических и теоретических изысканий, уровень осмысления и др. Характеристики выделенных этапов в значительной степени определялись особенностями развития отечественной исторической и археологической науки, а также общей социально-экономической ситуацией в стране. Ограниченный объем публикации не позволяет представить подробную характеристику каждого из периодов, поэтому акцент сделан на обозначении основных тенденций.

Первый этап (1965–1924 гг.) – время первоначального знакомства ученых с раннесредневековыми материалами Алтае-Саянского региона и Монголии. Археологические памятники тюркской культуры были известны уже в XVIII в. благодаря исследованиям «поминальных» объектов – каменных изваяний, оградок и мемориальных «каганских» комплексов (Кызласов Л.Р., 1969, с. 5–7; Войтов В.Е., 1996, с. 12; Худяков Ю.С., 2004, с. 6). В 1865 г. В.В. Радловым (1989) осуществлены первые раскопки погребений рассматриваемой общности на территории Алтая. Частичная публикация этих материалов состоялась в 1926 г. (Захаров А.А., 1926). Таким образом, погребальный обряд раннесредневековых тюрок во 2-й половине XIX – 1-й четверти XX вв. был известен только по фрагментарным и неточным сведениям, приведенным в письменных источниках (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230; Лю Маоцай, 2002, с. 21). Окончание рассматриваемого периода в историографии связано с реализацией первых массовых раскопок памятников Алтае-Саянского региона 2-й половины I тыс. н.э. и получением значительного объема материалов, изучение которых стало основой для реконструкции различных аспектов истории рассматриваемой общности.

Второй этап (1924 г. – 1940-е гг.) – время формирования и развития советской археологии. В эти годы осуществлены первые крупные раскопки погребальных комплексов тюркской культуры. Начиная с 1924 г. полевые работы в различных районах Алтае-Саянского региона проведены С.А. Теплоуховым, С.И. Руденко совместно с А.Н. Глуховым, М.П. Грязновым, С.В. Киселевым, Л.А. Евтюховой, В.П. Левашовой, А.А. Гавриловой. Следует отметить серьезное развитие методики археологических исследований в рамках выделенного периода, что позволило ученым получать значительно больший объем информации в ходе раскопок.

Результаты интерпретации материалов исследований погребальных комплексов получили отражение в ряде обобщающих работ. В монографии Л.А. Евтюховой (1948, с. 60–67) систематизированы за-

хоронения тюркской культуры Минусинской котловины. Памятники рассматриваемой общности были объединены исследовательницей в рамках «четвертого типа погребений» и ошибочно соотнесены с кыргызами. Сведения о некрополях тюркской культуры Алтая проанализированы в обобщающей работе С.В. Киселева (1949, с. 273–313). Погребальный обряд раннесредневековых кочевников археолог рассмотрел в рамках характеристики выделенных им трех социальных групп.

Третий этап (1950-е – начало 1990-х гг.) – время наиболее интенсивных археологических исследований погребений тюркской культуры. Развитие науки в начале данного периода в значительной степени связано с общим послевоенным экономическим подъемом в стране. Масштабные раскопки, проводившиеся с 1953 г. на территории Тувы, Минусинской котловины и Алтая, зачастую были вызваны необходимостью спасения памятников археологии, находившихся в зоне строительства крупных хозяйственных объектов. Работы в регионах осуществлялись как центральными, так и местными учреждениями.

В 1950–1970-х гг. наиболее масштабные раскопки проводились в Туве. Погребальные комплексы тюркской культуры исследовались С.И. Вайнштейном, А.Д. Грачом, Г.В. Длужневской, М.Н. Комаровой, А.М. Мандельштамом, Б.Б. Овчинниковой, Ю.И. Трифоновым. Работы в Минусинской котловине проводились Э.Б. Вадецкой, А.А. Гавриловой, М.П. Грязновым, Л.П. Зяблиным, Ю.С. Худяковым. Меньшие по объему, но не уступающие по значимости полученных материалов, полевые исследования осуществлялись на Алтае. Погребения тюркской культуры в это время были раскопаны С.И. Руденко, А.А. Гавриловой, Д.Г. Савиновым, С.С. Сорокиным. В конце 1970-х – 1-й половине 1990-х гг. уже на территории Алтая проводились наиболее масштабные исследования памятников раннего средневековья. Комплексы рассматриваемой общности в указанном регионе, а также в различных районах Минусинской котловины, раскопаны А.П. Бородовским, А.С. Васютиным, С.М. Киреевым, Ю.Ф. Кирюшиным, В.А. Кочеевым, В.Д. Кубаревым, Л.Р. Кызласовым, О.В. Лариным, Ю.Т. Мамадаковым, О.А. Митько, В.А. Могильниковым, В.И. Молодиным, А.И. Поселяниным, А.И. Соловьевым, А.С. Суразаковым, Ю.В. Тетериним, Ю.С. Худяковым.

Накопленная значительная источниковая база стала основой для исследований, посвященных интерпретации полученных материалов. Главной тенденцией третьего периода является преимущественное развитие региональной тематики, то есть рассмотрение различных аспектов истории тюркской культуры на основе изучения памятников отдельных территорий. Итоги интерпретации результатов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых кочевников Алтая отражены в работе А.А. Гавриловой (1965). Опыт анализа материалов памятников тюркской культуры Тувы представлен А.Д. Грачом (1966), С.И. Вайнштей-

ном (1966), Л.Р. Кызласовым (1969), Ю.И. Трифионовым (1971), Г.В. Длужневской (1976, 1980), Б.Б. Овчинниковой (1984, 1987). В статьях Ю.С. Худякова (1979) и С.П. Нестерова (1985) приведена систематизация погребений с лошадьё, исследованных в Минусинской котловине. В работах В.А. Могильникова (1981) и Д.Г. Савинова (1984, 1987) представлен опыт изучения памятников раннесредневековых тюрок на всех территориях распространения культуры.

Четвертый этап (2-я половина 1990-х гг. – начало XXI в.). В это время интенсивность полевых археологических исследований резко снизилась, что было обусловлено сокращением финансирования и кризисной социально-экономической ситуацией в стране. С другой стороны, повысился уровень интерпретации накопленных материалов. В конце XX – начале XXI вв. отдельные погребения раннего средневековья на памятниках Алтая исследованы К.Ю. Кирюшиным, В.И. Соеновым, А.А. Тишкиным, Ю.С. Худяковым, П.И. Шульгой.

Среди наиболее серьезных обобщений этого времени отметим опыт периодизации тюркской культуры Алтая, представленный в ряде совместных статей В.В. Горбунова и А.А. Тишкина (2002, 2003), а также в докторской диссертации и монографии последнего (Тишкин А.А., 2006, 2007). Итоги многоаспектного анализа памятников тюрок Минусинской котловины приведены в работе Ю.С. Худякова (2004). Определенное значение имеет полная публикация результатов раскопок в Юго-Восточном и Центральном Алтае, проводившихся в 1970-х – начале 1990-х гг. (Кубарев Г.В., 2005). Различные аспекты изучения погребальных комплексов тюркской культуры Алтае-Саянского региона и Монголии рассматривались в работах автора данной статьи (Серегин Н.Н., 2009, 2010, 2011; и др.).

Таким образом, на сегодняшний день на территории Алтае-Саянского региона раскопано более 330 погребений тюркской культуры. Если сравнить с количеством объектов раннего железного века, исследованных в любой из частей данной историко-культурной области, эта цифра покажется весьма скромной. Тем не менее, накопленные материалы 2-й половины I тыс. н.э. являются важным источником, а их анализ позволяет рассматривать различные стороны существования раннесредневекового населения Алтае-Саянского региона.

Библиографический список

Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). Новосибирск, 1986. 168 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1. 380 с.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Памятники культуры древних тюрок в исследованиях В. Радлова // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 11–13.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. №3. С. 60–81.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культовых поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II. С. 227–229.

Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 188–193.

Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.

Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 21. С. 193–200.

Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 77–94.

Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007. 197 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА №9).

Китова Л.Ю. История сибирской археологии (1920 – 1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск, 2007. 272 с.

Кубарев Г.В. История изучения древнетюркских курганов Алтая // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Барнаул, 1994. С. 106–109.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. 126 с. Прил. 1.

Магющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. Омск, 2009. 550 с.

Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 28–43. (Археология СССР).

Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 111–121.

Овчинникова Б.Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток. История, филология. М., 1984. С. 215–223.

Овчинникова Б.Б. Систематика погребального обряда древних тюрков Саяно-Алтайского нагорья // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. II. С. 183–185.

- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. 749 с.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.
- Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири: автореф. дисс. ... д.и.н. Новосибирск, 1987. 54 с.
- Серегин Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. №4/2 (64/2). С. 190–194.
- Серегин Н.Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.
- Серегин Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая (2-я половина V – XI вв. н.э.): системный анализ и социальная интерпретация: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 24 с.
- Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... д.и.н. Барнаул, 2006. 54 с.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. 2002. №9. С. 82–91.
- Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112–122.
- Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.
- Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 194–206.

А.Ю. Скоробогатова

*Новосибирский государственный
педагогический университет, Новосибирск*

ДАТИРОВКА АТЛЫМСКОГО КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПОСЕЛЕНИЯ СЫРОЙ АГАН-5

Данное сообщение является представлением результатов исследования атлымского керамического комплекса поселения Сырой Аган-5 с целью его датировки и определения места этого поселения в кругу изученных памятников Сургутского Приобья.

Атлымская культура была выделена в 1982 г. Е.А. Васильевым по материалам раскопок Малоатлымского городища в Нижнем Приобье. С тех пор открыто и в разной степени изучено более 40 памятников атлымской культуры. Ареал атлымской культуры охватывает Нижнее и Среднее Приобье, северные районы Нижнего Прииртышья. Сургутским Приобьем называют меридиональный участок Оби между устьями её притоков – реками Аган и Большой Юган, включая нижнее течение р. Б. Юган.

Для атлымской культуры Е.А. Васильевым выделено два хронологических этапа, каждому из которых соответствует свой набор декоративно-морфологических признаков посуды.

Для первого этапа, датирующегося XII–X вв. до н.э., характерны слабопрофилированные горшки, полностью орнаментированные поясами из оттисков косоугольного креста и характерных конических ямок. Посуда данного вида встречается только в Нижнем Приобье. С этим этапом Е.А. Васильев связывает генезис атлымской культуры.

Второй тип керамики представлен хорошо профилированными горшками с характерной дугообразно выгнутой шейкой. В орнаментах появляется большее разнообразие за счет появления геометрических композиций, меандров, появления гребенчатого и струйчатого орнаментов (Васильев Е.А., 1982. с. 9–13). Этот этап развития атлымской культуры датируется X–VIII вв. до н.э. и связывается исследователями с миграцией атлымского населения вверх по Оби и Иртышу (Васильев Е.А., 1982. с. 7–14; Глушков И.Г., Захожая Т.М., 2000., с. 28–30.)

Именно к этому типу относится керамика, распространенная в Сургутском Приобье.

Поселение Сырой Аган-5 расположено в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа, в 23 км к ЮЗ от г. Сургута в урочище Городской Остров, расположенном в пойме р. Обь.

Раскопки поселения Сырой Аган-5 проводились в августе 2008 г. отрядом под руководством С.Ю. Пархимович при участии автора статьи. Основной задачей было исследование западной и южной частей поселения.

Керамический комплекс поселения Сырой Аган-5 представлен фрагментами посуды трех археологических культур – атлымской, белоярской и калининской. Коллекция атлымской керамики представлена 117 разрозненными фрагментами, 2 развалами стенок и 1 развалом придонной части сосуда. Керамика, в основном, залегала скоплениями, приуроченными к поселенческим объектам: жилищам и ямам.

Самым крупным артефактом явилась нижняя часть большого сосуда диаметром до 30 см, найденная на дне в ямы с костром (рис. 1 – 18). Поскольку фрагментов венчика этого сосуда в раскопе не обнаружено, можно предположить, что данная часть использовалась в качестве самостоятельной посуды.

Поверхность керамики хорошо заглажена как снаружи, так и внутри. На некоторых фрагментах снаружи видны следы залощенности. Тесто достаточно плотное, с примесью песка и дресвы. Цвет черепков светло-коричневый или красноватый.

В профиль венчики в основном дугообразно выгнутые, реже – прямые. Верхний срез округлый, иногда с наплывом внутрь, в основном орнаментирован снаружи наклонными оттисками (рис. 1 – 2). В двух

случаях верхний край приострен и оформлен пальцевыми вдавлениями (рис. 1 – 1, 4). Переход от шейки к плечу — как резкий, выраженный гранью, так и плавный. Днища плоские, неорнаментированные. Посуда с внешней стороны полностью украшена, о чем говорят орнаментированные фрагменты придонных частей сосудов (рис. 1 – 11, 18).

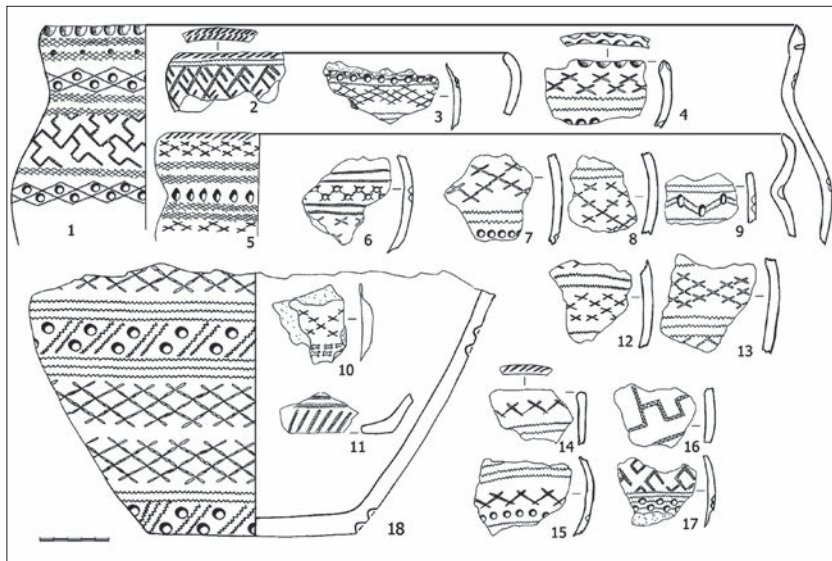

Рис. 1. Поселение Сырой Аган-5.
Керамика атлымской археологической культуры

В качестве орнаментов использованы в основном мелкоструйчатый штамп, косой крест и коническая палочка. Гладкий инструмент использован только в одном случае. Половину всех узоров составляют одинарные, двойные и тройные горизонтальные ряды, выполненные ямочными вдавлениями, оттисками крестового или наклонного мелкоструйчатого штампа (рис. 1 – 4-6, 12). В качестве разделителей орнаментальных зон выступают горизонтальные линии, сгруппированные от одной до трех, и выполненные мелкоструйчатым штампом (рис. 1 – 3, 4, 6-9, 11-15, 17, 18). Небольшую часть узоров составляют пояса, заполненные меандровидными фигурами, в основном это ломаные линии с отростками, иногда сложные взаимопроникающие фигуры, в одном случае это узор: построенный на основе треугольных и ромбовидных фигур с отростками (рис. 1 – 1, 2, 16). Реже встречаются пояски из геометрических фигур, выполненных крестовым штампом (рис. 1 – 3, 8, 10, 13).

По декоративно-морфологическим признакам, данная керамика относится ко второму типу атлымской посуды по классификации Е.А. Васильева (1982, с. 9–13) и датируется X – VIII в. до н.э.

Чтобы определить место атлымского керамического комплекса поселения Сырой Аган-5 в кругу памятников Сургутского Приобья, было проведена статистическая обработка керамического комплекса по типу нанесения орнамента (табл. 1). Сравнение сосудов по другим морфологическим признакам затруднено.

Таблица 1
Статистическая таблица элементов орнамента керамики Сырой Аган-5

Элемент узора	Способ нанесения				Всего
	Струйчатый штамп	Крест	Ямка	Гладкий штамп	
Горизонтальный ряд	–	1	26	–	27
Двойной ряд	–	4	1	–	5
Оттиски в шахматном порядке 2 ряда	–	11	12	–	23
Оттиски в шахматном порядке 3 ряда	–	9	–	–	9
Сетка	6	5	–	–	11
Горизонтальная линия	16	–	–	1	17
Горизонтальная линия двойная	24	–	–	1	25
Горизонтальная линия тройная	4	–	–	–	4
Наклонные оттиски	3	–	–	–	3
Ромб пустой	1	7	–	–	8
Ромб заполненный	–	3	–	–	3
Зигзаг	–	1	–	–	1
Треугольник	–	2	–	–	2
Меандр 1 типа	1	–	–	–	1
Меандр 2 типа	2	–	–	–	2
Меандр 3 типа	7	–	–	–	7
Крест	2	14	–	–	16
Ямка	–	–	4	–	4
Всего	66	57	43	2	168
В процентах	39,30%	33,92%	25,60%	1,18%	100%

В связи с тем, что керамика сильно фрагментирована, форму и размеры сосудов можно реконструировать только частично. По той же причине сложно восстановить достоверно количество сосудов оставленных

на поселении. Всего по венчикам насчитывается 15 сосудов, по донышкам 4. Помимо этого можно сказать, что всего на фрагментах стенок, венчиков и донышек насчитывается около 45 вариантов орнаментальных композиций, что указывает на большее количество сосудов, чем насчитывается их по венчикам или донышкам.

Самые изученные на сегодняшний день атлымские поселения Сургутского Приобья располагаются в археологическом микрорайоне Барсова Гора, в окрестностях г. Сургута.

Несмотря на многолетние исследования, полноценное сравнение атлымских керамических комплексов Сургутского Приобья затруднено. Это связано с частичной изученностью большинства памятников, малочисленностью коллекций, сильной фрагментированностью большей части материала. Тем не менее, исследователям удалось выделить 2 группы атлымской керамики: Для сосудов 1 группы характерны отпечатки мелкоструйчатого (32,9 – 51,0%) и крестового (30,7 – 45,9%) штампов. Реже встречаются гладкий и гребенчатый штампы. Ямки в качестве разделительных зон и как самостоятельные элементы узора составляют 14,5–34,8% элементов орнамента. Во 2 группе наблюдается уменьшение доли мелкоструйчатого и крестового штампов. Зато увеличивается значение гребенчатого и гладкого штампов. По-прежнему велика роль ямок (25,1–34,8%) (Рогозникова Ю.В., 2004. с. 193–195).

Первую группу керамики исследователи связывают с начальным этапом расселения атлымцев в Сургутском Приобье, и датируют XI–IX вв. до н.э. Вторая группа керамики, датирующаяся IX–VII вв. до н.э., отражает процесс ассимиляции пришлого атлымского населения с местным барсовским (Чемякин Ю.П., 2005. с. 58–59).

В таблице №2 отражено процентное соотношение использованных орнаментов для исследуемого комплекса и выделенных ранее групп керамики. Как видно из таблицы, процентное соотношение использованных орнаментов в керамическом комплексе поселения Сырой Аган-5 полностью соответствует 1 группе керамики.

Таблица 2

Сравнительная таблица керамического комплекса Сырой Аган-5 и типов атлымских керамических комплексов Сургутского Приобья

Орнамент	1 тип	2 тип	Сырой Аган-5
Струйчатый штамп	32,9–51,0%	1,6–22,5%	39,30%
Крест	30,7–45,9%	17,5–34,6%	33,92%
Ямка	14,5–34,8%	25,1–34,8%	25,60%
Гладкий штамп	0,7–1,8%	8,5–31,1%	1,18%
Гребенка	0,8–9,1%	10,0–19,7%	0,00%

На основании приведенных выше данных, можно утверждать, что на территории поселения Сырой Аган-5 атлымцы проживали в X–IX вв. до н.э. на начальном этапе своего переселения в Сургутское Приобье.

Библиографический список

Архивные источники

Арефьев В.А. Отчет о НИР Исследование поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО в 2000 году. Архив СА, 46 НАУЧ.

Пархимович С. Ю. Отчет о НИР Исследование поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО в 2008 году Сырой Аган. Архив СА, 261.1-2 НАУЧ.

Литература

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 188 с.

Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 3–14.

Глушков И.Г., Захожая Т.М. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья. Сургут, 2000. С. 28–30.

Елькина М.В. Новые данные о поселении раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. С. 72, 73.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. 182 с.

Кокшаров С.Ф., Ермакова Н.Н. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атльмского типов // Орнаменты народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 12–21.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения института археологии №185. С. 43–50.

Рогозникова Ю.В. Поздний бронзовый век Сургутского Приобья // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности): Мат-лы XLIV региональной конф. студентов и молодых ученых. Кемерово: КемГУ, 2004. С. 193–195.

Троицкая Т. Н. О культурных связях населения Новосибирского Приобья в VII–VI вв. до н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 150–163.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.

В.И. Соёнов, Н.А. Константинов, Д.В. Соёнов

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ МАНЖЕРОКСКОГО ГОРОДИЩА¹

Манжерокское городище (Манжерок-3) представляет собой редкий для Горного Алтая тип археологических памятников – остатки древнего укрепленного поселения, защищенного серией фортификационных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы Минобрнауки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы» (проект № 2.1.3/11293 «Древняя и средневековая фортификация Алтая»).

сооружений. Объект находится на восточной окраине с. Манжерок Майминского района Республики Алтай, на краю террасы левого берега р. Манжерок. Остатки его оборонительных сооружений сейчас выглядят как задернованные валы и рвы. Памятник открыт Б.Х. Кадиковым в конце 1950-х или в начале 1960-х гг.

Археологические исследования на городище начал в 2001 г. А.П. Бородавский, который снял план объекта, составил его описание и дал первоначальную хронологическую и историческую интерпретацию. Памятник сначала был датирован II тыс. н.э. (Бородавский А.П., 2002). Но в последующем городище передатировано исследователем ранним железным веком (Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородавский А.П., Бородавская Е.Л., 2008).

Из-за особенностей топографического расположения и территориальной близости к населенному пункту, памятник получил серьезные повреждения. Во время расчистки просеки и прокладки двух линий электропередач в 80-х гг. XX в., а также линии связи в начале 2000-х гг., строителями были сделаны существенные разрушения посередине городища по всей его длине. Больше всего разрушений зафиксировано в местах установки опор. Кроме того, на протяжении нескольких десятилетий верхняя часть культурного слоя на некоторых участках разрушалась проселочными дорогами.

С 2004 г. экспедицией ГАГУ производился ежегодный мониторинг состояния объекта и сбор подъемного материала на участке грунтовой дороги на восточной окраине Манжерокского городища (Соёнов В.И., 2009а; 2009б). В 2010 г. осуществлены работы в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Древняя и средневековая фортификация Алтая» (проект №2.1.3/6768) АВЦП Минобрнауки РФ «Развитие научного потенциала высшей школы» (Соёнов В.И., 2010).

В ходе очередного осмотра городища весной 2011 г. было зафиксировано внушительное разрушение культурного слоя при недавней прокладке трубы межрайонного газопровода. Под трубу была вырыта траншея глубиной более 1 м и шириной около 1 м, проходящая посередине просеки через всю территорию городища, параллельно линиям ЛЭП и линии связи. Учитывая размеры памятника, можно предполагать, что объемы вскрытой площади составляют более 500 куб.м. Более того, поверхностный слой участка городища, прилегающего к траншее, получил значительные деформации вследствие закапывания трубы с применением тяжелой гусеничной техники. В зоне траншеи газопровода нами был собран подъемный материал, представленный в основном фрагментами керамики. Официальная информация о факте разрушений с фотографиями была передана в региональный орган охраны памятников истории и культуры – Министерство культуры Республики Алтай для принятия соответствующих мер.

Шурф размерами 1x1 м, заложенный нами в центральной части городища в 2010 г. показал, что культурные остатки там располагались в гумусированном слое на глубине 15–30 см (Соёнов В.И., 2010). Находки из шурфа представлены 178 небольшими фрагментами керамических сосудов (рис. 1 – 4, 6, 8, 14, 17, 25, 31, 33) и одним обломком камня со следами сработанности.

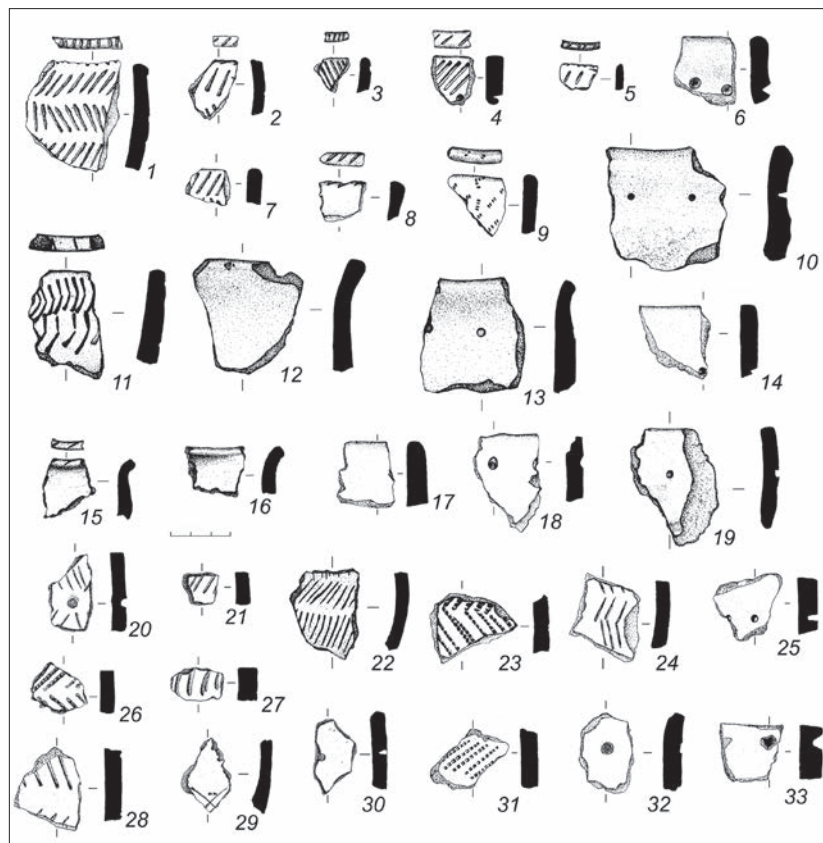

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов. Манжерокское городище: 1–19 – фрагменты венчиков; 20–33 – фрагменты стенок (1–3, 5, 7, 9–13, 15, 16, 18–24, 26–30, 32 – подъемный материал; 4, 6, 8, 14, 17, 25, 31, 33 – шурф 1)

Остальные вещественные материалы являются подъемными. Они были собраны нами в разные годы на грунтовой дороге в юго-восточной части городища и в отвале траншеи под газопроводную трубу, которая проходит по центру всего городища с запада-северо-запада на восток-

юго-восток. Наибольшее количество находок было сделано в восточном секторе памятника. В западном секторе найдено всего несколько фрагментов керамики.

Материал, собранный в местах разрушений культурного слоя, представлен 1006 фрагментами керамических сосудов (рис. 1 – 1-3, 5, 7, 9-13, 15, 16, 18-24, 26-30, 32; 2 – 1-12), тремя обломками курантов зернотерок, одним целым пряслищем и фрагментами еще двух, кусочком шлака, тремя кусочками обожженной глины, 19 фрагментами костей и зубов животных, а также обломком нижнего камня зернотерки и гальками со следами использования.

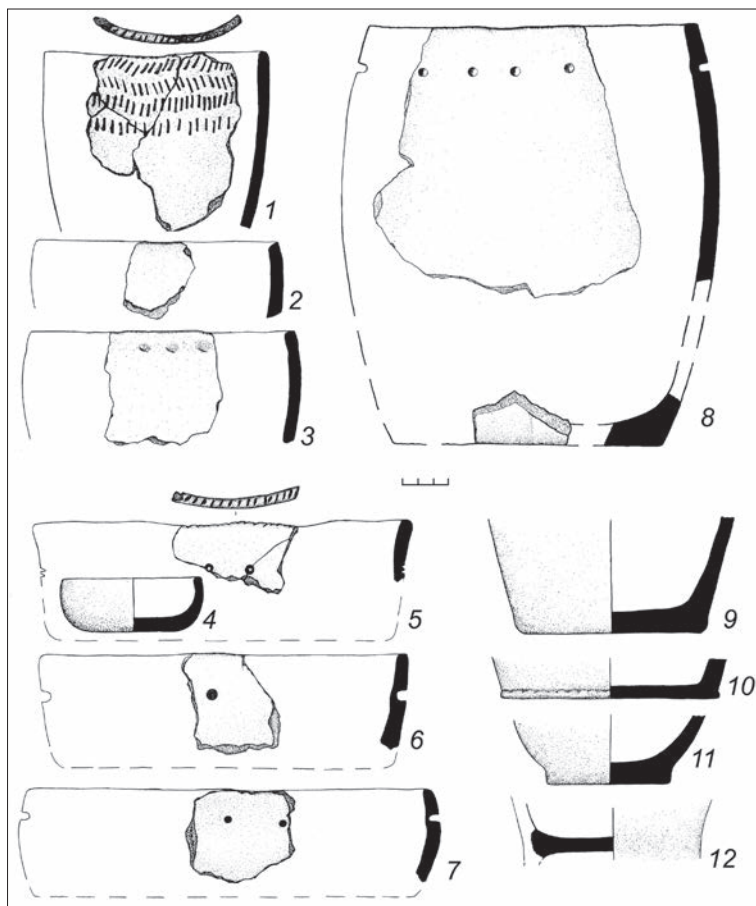

Рис. 2. Графические реконструкции керамических сосудов и их частей.
Манжерокское городище

Каменные изделия, кусочки шлака и обожженной глины специальным исследованиям пока не подвергались. Пряслица были изготовлены из глины и обожжены. Целое пряслице имеет уплощенно-цилиндрическую форму в разрезе, неорнаментировано. Один из фрагментов также принадлежит изделию уплощенно-цилиндрической формы в разрезе. Судя по сохранившимся следам, оно было орнаментировано округлыми мелкими вдавлениями. Второй фрагмент относится к изделию подовальной в разрезе формы. Верхняя часть пряслица была украшена пятью концентрическими поясками вдавлений заостренным предметом. Два нижних пояска имеют отклонения книзу.

Общее количество фрагментов керамики, найденных в шурфе и разрушениях, составляет 1184 экз., из них 71 – фрагменты венчиков, 62 – фрагменты придонных и донных частей сосудов. Судя по ним, сосуды были изготовлены лепным способом, тесто довольно рыхлое. Отдельные изделия были ангобированы. В качестве отощителя использовались дрова и шамот.

Основные формы керамики представлены горшками и невысокими чашами. Все сосуды были плоскодонные, дно довольно четко профилировано (рис. 2 – 9-12). Некоторые днища вогнуты внутрь, образуя небольшой поддон (рис. 2 – 12). Венчики прямые, некоторые слегка загнуты внутрь или отогнуты наружу. Срезы венчиков прямые, округлые, иногда скошенные наружу или вовнутрь. Незначительная часть венчиков имеет наплывы наружу (рис. 1 – 1-19; 2 – 1-8). Два керамических сосуда графически реконструируются полностью: горшок (рис. 2 – 8) и небольшая чашка (рис. 2 – 4). Часть сосудов реконструируются частично (рис. 2 – 1-3, 5-7, 9-12).

Орнаментированной керамики немного: 59 фрагментов стенок сосудов и 28 фрагментов венчиков сосудов. Ведущие орнаментальные мотивы представлены поясами различного рода округлых вдавлений (рис. 1 – 6, 10, 13, 14, 18, 19, 25, 30, 32, 33; 2 – 5-8) и рядами оттисков гладкого и гребенчатого штампа, в основном образующих елочку (рис. 1 – 1-3, 5, 7, 9, 11, 21-24, 26-28, 31; 2 – 1). Встречаются сочетания гладкого штампа с округлыми вдавлениями (рис. 1 – 4, 20). Значительная часть венчиков орнаментирована на срезе, чаще всего косыми и поперечными насечками (рис. 1 – 1-5, 8, 9, 11, 15; 2 – 1, 5). Один венчик украшен неглубокими вдавлениями, сделанными пальцем руки с ногтем (рис. 2 – 3).

Манжерок-3 по своим топографическим и фортификационным характеристикам относится к террасным городищам (Соёнов В.И., Константинов Н.А., 2011). Его крепостные сооружения довольно мощные (в виде нескольких рядов валов и рвов) и лишь частично подчинены рельефу. Эти характеристики отличают памятник от более ранних укрепленных поселений большебереченской (Солонцы-3, Пикет, Королев Лог, Усть-Иша-2 и 3) и быстрианской (Усть-Карагуж-1, Березовка-2) архео-

логических культур (Абдулганеев М.Т., 1997а; 2000; 2007). Городища VII–II вв. до н.э. расположены на мысах или останцах и с напольной стороны имеют укрепления в виде рва.

В гунно-сарматское время мысовые городища продолжают существовать (Курлапское и Сайлапское) (Скопинцева Г.В., 1993). Но на Северном Алтае и предгорьях в этот период появляются городища, расположенные на террасах: Нижний Чепош-3 и 4; Барангольское, Усть-Иша-3а, Курлап-2, Бийские городища. Укрепления на перечисленных городищах довольно мощные: включают в себя до нескольких рядов валов и рвов (Казаков А.А., Кунгуров А.Л., 1993; Абдулганеев М.Т., 1997б; Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.В., 2001; Бородовский А.П., 2007; Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И., 2009).

Такая топографическая особенность городища Манжерок-3, как расположение на террасе, а не на мысу, также наличие линии укрепления из нескольких рядов валов и рвов косвенно свидетельствует о его более позднем сооружении, чем большереченские и быстрианские укрепленные поселения (Соёнов В.И., 2011). Следовательно, по топографии и фортификации Манжерокское городище может датироваться гунно-сарматским временем.

Основной датирующий вещественный материал представлен фрагментами керамических сосудов. По форме, качеству изготовления и орнаментации вся керамика довольно однородна, что свидетельствует об ее привязке к культурному слою городища. Правда, на территории городища найдено несколько фрагментов иной керамики, относящейся к афанасьевской культуре (Бородовский А.П., 2006). Но эти находки были локализованы только в юго-восточной части территории объекта и вряд ли имели какое-то отношение к городищу, поскольку не были распространены на его остальных участках.

Керамический комплекс близкий к манжерокскому известен на поселениях Северного Алтая, относящихся к первой половине I тыс. н.э.: Майма-1, Чепош-2, Кызыл-Озек-II, Урлу-Аспак-1, Черемшанском городище (поселение Черемшанка), на поселениях по р. Улалушка и др. (Киреев С.М., 1987; 1991; 1995; Абдулганеев М.Т., 1992а; 1998; Шульга П.И., 1996; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008; Акимова (Вдовина) Т.А., 2008). Формы сосудов на этих поселениях представлены, в основном, горшками и невысокими чашами. Распространена орнаментация в виде поясков округлых вдавлений под венчиком, рядов оттисков гладкого и гребенчатого штампа, встречаются оттиски уголка лопаточки. Кроме того, имеется орнаментация из поясков вдавлений в сочетании с оттисками гладкого штампа. Часть срезов венчиков орнаментирована гладким, иногда гребенчатым штампом и насечками. П.И. Шульга датирует поселение Чепош-2 второй половиной I тыс. до н.э. (Шульга П.И., 1996). Некоторые исследователи

с такой датировкой не согласны, и относят Чепош-2, как и остальные выделенные им «земледельческие» поселения, к памятникам гунно-сарматского времени (Абдулганеев М.Т., 1992б; 1998; Киреев С.М., Ларин О.В., 2004).

На неукрепленном поселении Усть-Куба и городище Нижний Чепош-3 также обнаружены фрагменты сосудов баночных форм, горшков и невысоких чаш (Киреев С.М., Ларин О.В., 2004; Соёнов В.И., Трифанова С.В., 2010; Соёнов В.И., Константинов Н.А., 2011). Орнамента керамики представлена, в основном, округлыми вдавлениями и насечками. В отличие от манжерокской керамики, орнаментация на этих памятниках довольно бедная, вариативность различных сочетаний незначительная. Скорее всего, это связано с недостаточной изученностью данных поселений, хотя нельзя исключать возможность хронологических и локальных особенностей отдельных памятников единой культурной общности.

Керамика, близкая по составу и качеству теста, орнаментации и форме венчиков, обнаружена нами в 2010 г. на Барангольском городище (Барангол-5) (Соёнов В.И., 2010). Схожие орнаментальные мотивы и формы сосудов встречены в керамических комплексах поселений первой половины I тыс. н.э., расположенных в северных предгорьях Алтая: Ушлеп-5, Сайлап, Курлап, Усть-Иша-3а и др. (Скопинцева Г.В., 1993; Кунгуров А.Л., Горбунов В.В., 1993; Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачев Д.А., Скопинцева Г.В., 1995; Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.В., 2001). Формы сосудов на этих поселениях представлены невысокими чашами разных размеров, горшками, баночными формами сосудов и мелкими сосудами (чашки и стопки). Там встречены фрагменты сосудов с намечающимся поддоном, как на некоторых сосудах из Манжерока-3. Этот факт важен тем, что появление на Алтае сосудов с поддоном относится именно к гунно-сарматскому времени. Орнаментация представлена поясами из округлых вдавлений, полукруглых вдавлений, вдавлениями в виде запятой, гребенчатым штампом округлых вдавлений, отпечатками ногтя, оттисками гладкого и гребенчатого штампа. Встречается также орнаментация ногтевыми вдавлениями.

Систематический состав найденного инвентаря также не противоречит датировке городища гунно-сарматским временем. Нередкими находками на поселениях первой половины I тыс. н.э. являются керамические пряслица. Они обнаружены практически на всех вышеназванных поселениях и свидетельствуют о развитии прядения и, видимо, ткачестве у населения Северного Алтая и его предгорий (Скопинцева Г.В., 1993). На большинстве поселений гунно-сарматского времени обнаружено значительное количество обломков курантов и нижних камней зернотерок. Наличие большого количества курантов на поселениях и находки россыпей зерна на некоторых поселениях говорят о существовании развитого зем-

леделия (Абдулганеев М.Т., 1998). Фрагменты шлака также известны на поселениях гунно-сарматского времени Северного Алтая и его предгорий (Скопинцева Г.В., 1993; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008). Возможно, какая-то часть железоделательного производства находилась непосредственно на поселениях.

Таким образом, Манжерокское городище по специфике топографического расположения, керамике и составу инвентаря можно отнести к укрепленным поселениям первой половины I тыс. н.э. Судя по технологическим особенностям керамики, вероятно, он относится к кругу памятников майминской археологической культуры.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Раскопки у Маймы и Енисейского // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск, 1992а. С. 52–53.

Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в сер. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992б. С. 59–63.

Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища северных предгорий Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997а. №2. С. 53–61.

Абдулганеев М.Т. Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997б. Вып. VIII. С. 73–77.

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма I и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 165–171.

Абдулганеев М.Т. Археологические памятники у села Березовка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 172–175.

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачев Д.А., Скопинцева Г.В. Раскопки и разведки в северных предгорьях Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул, 1995. Ч. 2. С. 129–133.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.В. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 93–97.

Акимова (Вдовина) Т.А. Поселение Урлу-Аспак-1 в Майминском районе Республики Алтай // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 37–42.

Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 42–52.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуня // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 84–95.

Бородовский А.П. Продолжение археологического обследования правобережья горной долины Нижней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 183–189.

Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 219–231.

Киреев С.М. Поселения долины р. Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 65–73.

Киреев С.М. Поселение Черемшанка // Охрана и исследование археологических памятников Алтая: тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1991. С. 84–88.

Киреев С.М. Новое обследование городища Черемшанка // Алтай и тюркомонгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 135–139.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 144 с.

Киреев С.М., Ларин О.В. Разведки на поселении Усть-Куба // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. №12. С. 53–58.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Средневековое поселение Ушлеп-5 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 99–107.

Скопинцева Г.В. Новые памятники первой половины I тыс. н.э. в предгорьях Алтая (по материалам Сайлапского и Курлапского городищ) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 62–71.

Соёнов В.И. Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009а. №1–2 (13–14). С. 186–188.

Соёнов В.И. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2009 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2009 г. (Археология, этнография, устная история). Барнаул, 2009б. Вып. 6. С. 51–55.

Соёнов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. №3 (15). С. 3–6.

Соёнов В.И. Особенности топографического размещения и хронология городищ Алтая и северных предгорий // Международный симпозиум «Terza Scythica». Новосибирск, 2011. С. 68–69.

Соёнов В.И., Константинов Н.А. Хронологическая и культурная принадлежность Манжерокского городища (Северный Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. №6.

Соёнов В.И., Трифанова С.В. О хронологической принадлежности городищ Нижний Чепош-3 и 4 (Горный Алтай) // Туухийн Товчоон. Улаанбаатар, 2010. Том V. Т. 285–294.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–124.

Шульга П.И., Тишкин А.А., Соёнов В.И. Городища Нижний Чепош-3 и 4 // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: история и политология. 2010. №4/2(68/2). С. 249–253.

Н.Ф. Степанова, В.И. Соёнов

*Алтайский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаул;
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск*

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ КАТУНИ¹

Археологические памятники – это часть общего культурного достояния и важнейший источник получения знаний о прошлом, особенно дописьменной истории общества. Тем не менее, ежегодно разрушаются и исчезают сотни археологических памятников. Не является исключением и территория Республики Алтай.

В ходе выполнения работ по грантам РГНФ в 2009, 2011 и 2012 гг. было проведено обследование современного состояния афанасьевских памятников на территории Республики Алтай. В результате было установлено, что ряд археологических объектов уничтожен, разрушается или им угрожает разрушение, в частности потому, что территории, на которых находятся археологические древности, продолжают отводиться под строительство туристических баз, кемпингов и т.п. без согласования со специалистами-археологами.

В этом отношении особенно показателен участок Средней Катунки от с. Чепош до с. Куюс, который исследован достаточно полно в начале 80-х гг. прошлого века, когда здесь велись интенсивные археологические исследования с целью паспортизации археологических памятников, а также проводилось обследование ложа планируемого водохранилища Катунской ГЭС и подъездных путей к ней. В результате этих работ были выявлены более тысячи курганов и десятки поселений разных эпох, установлены закономерности расположения памятников всех периодов, что позволяет определить перспективные участки для выявления археологических объектов на местности, где исследования ещё не проведены. Поселения на этой территории располагаются как в устьях рек и ручьев, так и у подножия гор, в т.ч. вдали от воды, в местах непригодных с точки зрения современного человека для проживания. Разновременные могильники обнаружены также на всей площади. Некоторые объекты были выявлены в результате стационарных работ, т.к. практически не прослеживались из-за сильной задернованности, как например, курганы раннескифского времени на могильнике Элекманар-2 и скифского времени на могильниках Кайнду и Тыткескень-VI, что позволяет утверждать, что количество археологических памятников больше чем в 2 раза

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию», проект №11-01-00191а.

по сравнению с тем, что известно сейчас (Абдулганеев М.Т., 1985; 1986; Степанова Н.Ф., 1995; 1996; Шульга П.И., 1991; 1996; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; Степанова Н.Ф., Соёнов В.И., 2009; и др.).

Обращает внимание плотность расположения археологических памятников. Установлено, что правый берег р.Катунь, в частности, на участке от устья р. Куюм до р. Эликманар (протяженность около 10 км) полностью занят археологическими объектами разных эпох от мезолита до средневековья (стоянки эпохи камня, поселения, могильники, местонахождения). Похожая ситуация с археологическими древностями и по притокам Катуня, например, в долине р. Куюм. Вероятно, аналогичная картина по всему правобережью р. Катунь. На левом берегу (от р. Аскат до р. Тьткескень) в устье каждого притока также выявлены многослойные поселения, а на террасах – полураспаханные курганы. К тому времени, когда проводились археологические исследования (1980-е гг.), эти террасы были распаханы, поэтому сохранились насыпи тех курганов, которые выделялись крупными размерами и которые не смогли уничтожить без применения мощной землеройной техники. Однако внушительное количество открытых памятников позволяет составить представление об еще не выявленном богатом археологическом наследии рассматриваемой территории.

Из раскопок, проведенных на Средней Катуня, а также сборов в местах расположения археологических объектов, разрушенных при сооружении домов, хозяйственных построек в сёлах Эликманар и Чепош, в устье р. Куюм и др., получены ценные материалы, которые позволили в значительной мере заполнить белые пятна в древней истории Горного Алтая. Эти данные чрезвычайно важны для изучения древней истории Южной Сибири и Центральной Азии. Некоторые предметы, происходящие из случайных находок или найденные в разрушенных погребениях (бронзовые наконечники копий, кинжалы, ножи и др.) относятся к периодам, которые до сих пор в Горном Алтае практически не изучены, в частности – к средней и развитой бронзе (Кочеев В.А., 1995; 1999; Степанова Н.Ф., Соёнов В.И., 2009; и др.). Результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод, что территория Средней Катуня уникальна тем, что здесь известны памятники всех эпох, как поселения, так и погребальные комплексы, что позволяет реконструировать древнюю историю края от палеолита до средневековья, а также тем, что здесь нет территорий свободных от археологических памятников.

Материалы археологических исследований введены в научный оборот и поэтому широко известно, что район Средней Катуня насыщен древними памятниками (Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В., 1992; Степанова Н.Ф., 1995; 1996; Шульга П.И., 1996; Степанова Н.Ф., Соёнов В.И., 2009; и др.). Тем не менее, согласо-

ние землеотводов не проводится должным образом, и территории застраиваются. Так, уникальному поселению Малый Дуган, где выявлены культурные слои от эпохи неолита до средневековья (памятников эпохи неолита в целом в Горном Алтае и на сопредельных территориях известно очень мало), грозит уничтожение. Афанасьевский культурный слой поселения Малый Дуган одновременен погребениям на Усть-Куломском могильнике, расположенном на противоположном берегу. Пока это единственный случай для афанасьевской культуры, когда выявлены могильник и поселение, которые оставлены одной группой населения. Рядом с поселением расположен карьер, а северная часть памятника уже разрушена постройками турбазы. Комплекс археологических памятников в устье р. Кулом, имеющих мировую известность, (наиболее древние находки относятся к эпохе палеолита, а наиболее поздние – к средневековью), стоящий на федеральном учете, также подвергается разрушениям (Сосновский Г.П., 1941; Марсадалов Л.С., 1981; Кунгуров А.Л., 1994; 2005; Кунгурова Н.Ю., 1992).

В долине р. Кулом, в 1–1,5 км от поселения Малый Дуган уничтожены поселения афанасьевской культуры, эпохи бронзы и раннего железа. Разрушаются памятники в окрестностях с. Узнезя, в т.ч. карьером уничтожено одно из поселений открытых еще в конце 1950-х гг. Б.Х. Кадиковым. Полностью уничтожен, находившийся на северной окраине с. Эликманар, уникальный могильник Эликманар, на котором исследован только один объект позднеафанасьевского времени (Степанова Н.Ф., 1993). Отмечены разрушения на могильнике Эликманар-2, где выявлены раннескифские и средневековые курганы, а также находящемся здесь поселении эпохи мезолита-неолита. Список разрушенных и разрушаемых памятников можно продолжить. Если не принять меры, то будут уничтожены и многие другие археологические объекты.

Для того чтобы сохранить археологические памятники Средней Катунь – территории активно вовлеченной сегодня в сферу коммерческого туризма, необходимо не только изменить сложившуюся в последние годы практику землеотводов без археологического обследования участка, но и активизировать процесс вовлечения памятников в круг объектов рекреации и включения их в наиболее посещаемые туристские маршруты.

Если для изменения системы землеотводов требуется всего лишь некоторое государственное финансирование, политическая воля и управленческие решения на уровне Республики Алтай, то для использования памятников требуется соблюдение ряда довольно сложных условий. Самое главное из них – это то, что использование памятников должно диктоваться задачей их полноценного сохранения: любое использование должно быть основано только на высшем уровне научно-исторической индустрии туризма. Задачу сохранения историко-культурного наследия

нельзя решить отдельно, в отрыве от современного использования памятников, поэтому в Чемальском районе необходимо, в первую очередь, четко сформулировать стратегию и тактику использования археологических памятников, составить схемы менеджмента мероприятий по использованию и управлению объектами, предназначенными для показа туристам.

Рис. 1. Усть-Куюмская стоянка

Рис. 2. Поселение Малый Дуган

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // Археологические открытия 1983 г. М., 1985. С. 189.
- Абдулганеев М.Т. Разведки на Алтае // Археологические открытия 1984 г. М., 1986. С. 165.
- Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катуні // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуні. Барнаул, 2004. 292 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.
- Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. 1. С. 133–135.
- Кочеев В.А. Погребение в с. Эликманар и оружейный комплекс в курганах кара-кобинского типа (по материалам горно-алтайских курганов скифского времени) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 82–84.
- Кунгуров А.Л. Палеолитическая стоянка Усть-Куям // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 3–9, 188–192.
- Кунгуров А.Л. Неолитический комплекс поселения Малый Дуган на р. Куям (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI. С. 126–130.
- Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куяма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С.3-22.
- Марсадоллов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куяме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // Археологический сборник. Л., 1981. Вып. 22. С. 11–22.
- Сосновский Г.П. Отчет об археологических исследованиях 1934–36 гг. в Ойротской автономной области Алтайского края // Археологические исследования в РСФСР 1934–36 гг. М.; Л., 1941. С. 304–306.
- Степанова Н.Ф. Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 1. С. 94–97.
- Степанова Н.Ф. К археологической карте Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 62–66.
- Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 54–69.
- Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.
- Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поисков // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 155–159.
- Шульга П.И. Поселение Чепош 2 на средней Катуні // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.

А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

Алтайский государственный университет, Барнаул

**БРОНЗОВЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ ИЗ НОВИКОВО
(Бийский район Алтайского края)**

Весной 2012 г. от бывшего выпускника исторического факультета АлтГУ А. Баскакова поступила информация, что в с. Новиково (Бийский район Алтайского края) найдено крупное копье. Для обследования места находки выезжал один из авторов данной публикации. В результате оказалось, что древний предмет вооружения был случайно обнаружен при ремонте водопровода почти в центре села. Никаких других археологических материалов вместе с ним не зафиксировано. Изделие находилось у местного жителя, который пообещал предоставить важную находку для изучения в АлтГУ с последующей передачей в государственный музей. Однако этого не случилось. Только в результате действий сотрудников Федеральной службы безопасности копье оказалось в Алтайском государственном краеведческом музее (АГКМ, г. Барнаул). С любезного разрешения директора АГКМ О.В. Падалкиной за короткий срок удалось сделать описание предмета и его графический рисунок (выполнен А.Л. Кунгуровым). Кроме этого, с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра, коорый имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ, получены данные о химическом составе сплава.

Копье имеет длину почти 35 см (точнее – 34,9 см). Из них 11,6 см приходится на втулку, остальные (23,3 см) – на перо. Изделие местами покрыто «благородной» патиной темного цвета. Светло-зеленые окислы фиксируются у петли на втулке. Поверхность предмета вооружения пористая, местами имеются выщербленности и потертости. Края лопастей неровные.

Изделие изготовлено в двухсторонней литейной форме. При отливке одна часть формы, по-видимому, сдвинулась, поэтому один край основания втулки оказался деформированным, а валики на ней не идеально состыковались. Деформация видна по валикам и петле. Следует указать, что валики получились не очень качественно. Литейный шов фиксируется на втулке от валиков до пера.

Максимальная ширина пера – до 5,25 см. Толщина его в середине по нервюрам составляет 1,4 см. Основание пера укрепляют три нервюры, одна самая крупная и длинная. Она начинается еще с верхней части втулки и идет по центру пера до острия. Ее длина – 24,1 см, толщина – около 0,2 см по верху. От верха она плавно расширяется и переходит в тонкие лопасти пера. Высота нервюры относительно лопастей достигает с одной стороны 0,7 см. Две другие нервюры идут почти параллельно длинной с двух сторон, но они существенно короче, длина 6,2 и 6,4 см. Имеющиеся элементы выполняли не только необходимые функции, но и могли являться декором. Обе стороны схожи по оформлению. Края лопастей пера деформированы, есть зарубины, сломы. Острие не заточено.

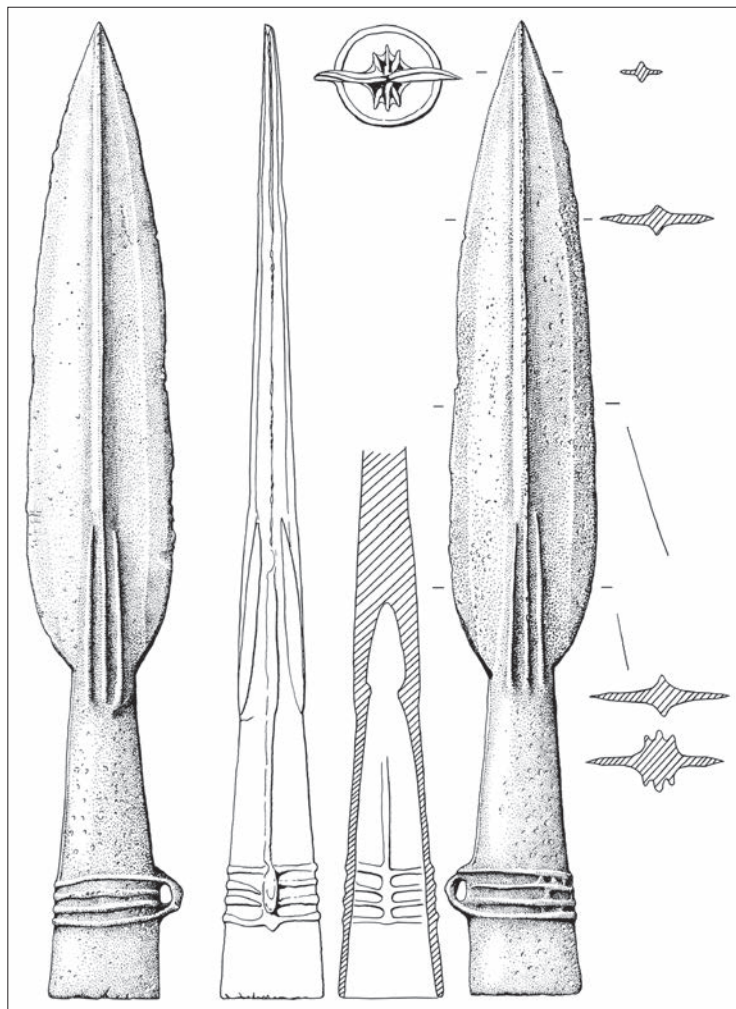

Рис. 1. Копье из Новиково (Бийский район Алтайского края)

Диаметры втулки следующие: внешний – в среднем 3,8 см, внутренний – 3,5х3,4 см. Длина сужающейся полости для древка – 13,9 см. Толщина стенок втулки 0,2–0,25 см. Втулка не имеет литейного шва на участке от основания до нижнего валика, скорее всего его убрали и заплотировали. От края основания до нижнего валика – с одной стороны 2,2 см, с другой стороны 2,3, а с третьей 2,4 см. Просматриваются четыре валика. Это неровная полоса занимает на втулке около 1,6 см. Петля вписана как

часть декора. Верхний и нижний края связаны с валиками. Петля выступает от втулки почти на 1 см. Диаметр отверстия 0,65x0,4 см. Внутри литейный шов прослеживается. Основание втулки – неровное, есть обломы, трещины, зазубрины. Расстояние между валиками составляет местами 0,2, 0,3 и 0,4 см. Литейный шов пересекает их на стороне, противоположной петле. Общее состояние сохранности может свидетельствовать, что это случайная находка и залегала она не глубоко.

Для установления элементного состава сплава копьё всесторонне изучалось с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США).

Рис. 2. Бронзовое копьё

Сначала были получены показатели с потемневшей поверхности втулки, покрытой окислами: Cu (медь) – 66,9%; Sn (олово) – 31,75%; Pb (свинец) – 0,94%; Fe (железо) – 0,42%. Затем аналогичным образом изучались обе поверхности пера и ребро жесткости:

- 1) Cu – 76,22%; Sn – 23,05%; Pb – 0,73%;
- 2) Cu – 66,44%; Sn – 32,62%; Pb – 0,81%; Fe – 0,13%;
- 3) Cu – 80,58%; Sn – 18,71%; Pb – 0,6%; Fe – 0,11%.

Все приведенные данные позволяют уверенно заключить, что копьё бронзовое.

Кроме существенных тестирований, изучались места стертостей на лопасти и на втулке:

- 1) Cu – 81,87%; Sn – 17,46%; Pb – 0,67%;
- 2) Cu – 78,37%; Sn – 20,99%; Pb – 0,64%.

Дальнейшие исследования были направлены на выяснение более точного количественного состава сплава. Для этого осуществлялись механические снятия окислов. Данная процедура не наносит ущерба музейному экспонату в отличие от высверливания, отпиливания, отламывания и других подобных вариантов отбора проб. Более того, максимальное удаление окислов, в том числе и механическим путем, является обязательным этапом деятельности при осуществлении реставрации древних металлических изделий. Но прежде, чем предмет будет отреставрирован, его нужно обязательно всесторонне исследовать.

В результате получены следующие показатели:

- 1) край втулки: Cu – 88,13%; Sn – 11,46%; Pb – 0,41%;
- 2) край пера: Cu – 89,92%; Sn – 9,64%; Pb – 0,39%; Fe – 0,05%.

Эти данные существенным образом корректируют соотношение основы (меди) с легирующей добавкой (оловом). Наличие свинца, скорее всего, демонстрирует естественную рудную примесь.

Серия бронзовых копий и часть литейной формы обнаружены в разных местах Алтайского края. Эти сведения аккумулированы в монографии Ю.Ф. Кирюшина (2002, рис. 151–154). Все они датируются периодом ранней бронзы и относятся к елуинской археологической культуре. Следует обратить внимание, что большинство находок носит случайный характер. Однако совсем недавно в Калманском районе Алтайского края бронзовое копьё обнаружено в разрушенном погребении. Памятник обозначен как Калистратиха-III и еще не введен в научный оборот.

Очередная находка бронзового копья в очередной раз демонстрирует наличие изделий так называемых сейминско-турбинских форм на территории юга Западной Сибири.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

А.А.Тишкин, Н.Н.Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ
ПАМЯТНИКОВ УРКОШСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МИКРОРАЙОНА (Центральный Алтай)¹**

Информация о памятниках Уркошского археологического микро-района (Онгудайский район Республики Алтай) в основном представлена результатами разведочных работ (Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2006; Тишкин А.А., Матренин С.С., Серегин Н.Н., 2009; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2009а–б; 2010; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2011). Наличие небольшого количества раскопанных курганов (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994), безусловно, ограничивало возможности рассмотрения особенностей этнокультурной ситуации на данной территории. Позднее в ходе сплошных и неоднократных обследований урочища Уркош, всесторонней фиксации обнаруженных объектов и анализа имеющихся описаний был получен существенный объем разноплановых сведений, которые обеспечивают решение ряда научных проблем, а также позволяют оптимизировать процесс стационарных исследований или вообще пока обойтись без них. Опыт изучения Центрального Алтая способствует достаточно уверенному хронологическому и культурному определению выявленных памятников и их осмыслению. В настоящее время на такой основе можно представить краткий очерк освоения урочища Уркош древними и средневековыми группами населения.

Наиболее ранние комплексы, обнаруженные на рассматриваемой территории, относятся к энеолиту. Их появление связывается с носителями так называемой афанасьевской общности. Обозначенным периодом может быть датирована часть объектов некрополя Яломан-ХV (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С., 2004), а также одиночный курган Уркош-VIII (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2009; 2012). Такая идентификация указанных памятников основывается на изучении признаков наземных погребальных конструкций, представляющих собой ограду из вертикально вкопанных плит. Именно этот тип сооружений является наиболее характерным для энеолитических объектов Алтая, которые мы склонны связывать с «сальдырской культурой» (Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 86; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2012, с. 202). Отмечаемое многими исследователями многообразие вариантов оформления наземных конструкций носителями данной древней общности (Ларин О.В., 2005, табл. 1; Абдулганеев М.Т., 2006, с. 10; Погоже-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», 2012-1.1-12-000-3001-017).

ва А.П. и др., 2006, с. 28; Степанова Н.Ф., 2005, с. 122; 2008, с. 89; Тюрина Е.А., 2009; Афанасьевский сборник, 2010; и др.), по всей видимости, будет зафиксировано и в ходе раскопок характерных курганов Уркошского археологического микрорайона. Многие характеристики погребальных комплексов сальдярской культуры рассматриваемого урочища совпадают с показателями, зафиксированными для памятников Средней Катуни в целом (Абдулганеев М.Т., 2006, с. 10; Суразаков А.С., Тишкин А.А., 2007, с. 78–86; и др.). Среди основных признаков отметим расположение курганов на оконечности долин небольшими микрогруппами, ориентировку цепочек параллельно течению реки (Яломан-ХV), а также фиксацию одиночных оград (Уркош-VIII). Памятники рассматриваемого микрорайона имеют значительное внешнее сходство с объектами одного из наиболее крупных комплексов афанасьевского времени Сальдяр-1, находящемся прямо напротив урочища Уркош, на другом берегу Катуни (Ларин О.В., 2005; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2012).

Хронология афанасьевской общности на сегодняшний день остается дискуссионной. Учитывая результаты радиоуглеродного датирования памятников Алтая, Минусинской котловины и Монголии (Ковалев А.А. и др., 2008; Грушин С.П., 2009; Степанова Н.Ф., 2009; Поляков А.В., Святко С.В., 2009; Кирюшин Ю.Ф. и др., 2010, с. 54–61; Поляков А.В., 2010; и др.), представляется возможным предварительно отнести обозначенные курганы Уркошского микрорайона ко 2-й половине IV – 1-й половине III тыс. до н.э.

Комплексы бронзового века на территории Центрального Алтая известны пока в незначительном количестве. Не исключено, что к рассматриваемому времени могут относиться памятники Уркош-IX и Уркош-X. Раскопки, произведенные на последнем (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2011, рис. 1), позволили выявить своеобразный объект. Он состоял из вертикально вкопанных камней, напоминающих «балбаль» и образующих прямоугольную ограду, у северной длинной «стенки» которой находился небольшой каменный ящичек из поставленных на ребро плит. Какие-либо находки не обнаружены. Аналогии данному комплексу известны в других районах Алтая (Буржуа Ж. и др., 2011), однако в связи с отсутствием вещественных материалов вопрос о датировке подобных объектов остается открытым.

Представления о культуре населения Уркошского археологического микрорайона эпохи бронзы дополняются результатами изучения памятников наскального искусства. Судя по всему, к одному из периодов относится часть изображений писаницы Большой Яломан-III и, в частности, сцена с лучниками (Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004, с. 396–398). Вероятно, завершающим концом бронзового века датируются некоторые изображения памятника Уркош-XIV. Так, по мнению М.О. Сидоровой и Е.П. Маточкина (2010, с. 168), рисунки, обнаруженные на третьем камне рассматриваемого скопления петроглифов, отно-

сятся к рубежу II–I тыс. до н.э.¹ Наследие эпохи бронзы, по наблюдениям исследователей, фиксируется и при изучении изображений маралов на первом камне комплекса Уркош-XIV (Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010, рис. 2, с. 168). Отмеченная композиция по совокупности показателей относится к аржано-майэмирскому стилю.

«Раннескифское» время в истории освоения Уркошского археологического микрорайона иллюстрируется и другими материалами. О том, что рассматриваемое урочище использовалось населением бийкенской культуры (конец IX – 2–3 четверти VI вв. до н.э.) (Тишкин А.А., 2007, с. 95–97), свидетельствуют результаты обследования ряда памятников. Прежде всего к указанному хронологическому отрезку относится курган №5 могильника Яломан-XV (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матернин С.С., 2004). Это демонстрируют зафиксированные особенности погребального сооружения указанного объекта, представляющего собой насыпь, в центре которой находился каменный ящик. Обозначенный тип наземной конструкции является наиболее характерным для населения бийкенской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 43–49; Тишкин, 2011). Не исключено, что отмеченный курган могильника Яломан-XV каким-то образом связан со святилищем Уркош-XV, находящемся в 40 м к северо-западу от него. Зафиксированные там крупные изображения оленей характерны для аржано-майэмирского времени и находят аналогии среди петроглифов и реалий на предметах того периода (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2009б, с. 52).

Наибольшее количество уверенно датированных объектов Уркошского археологического микрорайона связывается с пазырыкской культурой скифо-сакского времени (2-я половина VI – III вв. до н.э.). Данный период истории в рассматриваемом урочище иллюстрируется не только памятниками, выявленными в ходе разведок, но и материалами раскопок курганов №1–3 на могильнике Большой Яломан-II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 41–43, рис. 4–11, 13.-3–4). Находки предметного комплекса в могилах почти полностью отсутствовали, однако осуществить культурно-хронологическую атрибуцию объектов позволяет анализ показателей погребального обряда (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 45), которые характерны для соответствующих объектов пазырыкской культуры Алтая и находят аналогии в материалах раскопок на многих памятниках данной общности (Руденко С.И., 1960; Кубарев В.Д., 1987, 1991, 1992; Суразаков А.С., 1989; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; и др.).

¹ Исключение представляют более «свежие» изображения на третьем камне памятника Уркош-XIV, объединенные в рамках участка 6. Они отличаются от остальных рисунков монолита более глубокой выбивкой и слабой патинизацией (Сидорова М.О., Маточкин Е.П., 2010, с. 168, рис. 4).

Типичным могильником пазырыкской культуры является памятник Уркош-ХIII, расположенный неподалеку от рассмотренного выше комплекса (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., 2011). Это подтверждается характерной планиграфией некрополя, представляющего собой цепочку курганов по линии юг–север. К скифо-сакскому времени также относится ряд объектов погребально-поминального комплекса Уркош-VII (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2009б, рис. 2). Показательной чертой, зафиксированной на данном памятнике, является расположение жертвенника к западу от курганов, что характерно для обрядовой практики населения пазырыкской культуры (Руденко С.И., 1960, с. 25–26; Могильников В.А., 1983, с. 52–53; Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 173; и др.).

Дополняют реконструируемую картину этнокультурной ситуации на территории Уркошского микрорайона в скифо-сакское время ряд местонахождений петроглифов (Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2010). Датировка обозначенных петроглифов находит подтверждение во многих работах по наскальному искусству Алтая и сопредельных территорий (Шер Я.А., 1980; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; Самашев З.С., 1992; и мн. др.). Особенностью рассматриваемого урочища является расположение небольших скоплений рисунков на небольшом расстоянии к западу от курганов, большинство из которых относится к скифо-сакскому времени.

Бурные военно-политические и этногенетические процессы, происходившие на территории Центральной Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанское время, когда Алтай являлся северной полупериферией крупных объединений кочевников, нашли отражение и в материалах Уркошского археологического микрорайона. К рассматриваемому периоду относится наиболее крупный погребальный комплекс урочища, получивший обозначение Уркош-I (Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2006, рис. 2). Целый ряд визуально фиксируемых отличительных особенностей некрополя позволяют уверенно отнести его к булан-кобинской культуре Алтая. Топография данного памятника, расположенного на высокой террасе, неподалеку от объектов других периодов, достаточно часто фиксируется при рассмотрении комплексов обозначенной общности (Соенов В.И., 2003, с. 29–30; Матренин С.С., 2005, с. 11). Характерна и планиграфия некрополя, состоящего из нескольких ориентированных в широтном направлении «цепочек» курганов, выстроенных в плотные ряды (Матренин С.С., 2005, с. 11–12). Большинство объектов представляет собой каменные насыпи с крепидой или выкладкой-стенкой из плоских плит. Подобные варианты оформления надмогильных сооружений, а также небольшие параметры насыпей являются весьма распространенными в культуре населения Алтая первой половины I тыс. н.э.

Период раннего средневековья представлен в материалах урочища Уркош достаточно фрагментарно. Некоторые особенности культуры населения данной территории во 2-й половине I тыс. н.э. иллюстрируются

результатами раскопок выкладки №4, исследованной на могильнике Большой Яломан-II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 43, рис. 12, 13.-2, 14, 15). Авторы публикации (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 47) предложили рассматривать данный объект как кенотаф. Однако совокупность показателей (отсутствие предметов, предназначенных для человека, отсутствие каких-либо внутримогильных сооружений и погребальной камеры, а также места для умершего) позволяет отнести объект №4 могильника Большой Яломан-II к «самостоятельным» захоронениям лошадей (Серегин Н.Н., 2008, с. 146–147). Расположение выкладки с западной стороны от цепочки курганов пазырыкской культуры (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, рис. 4.-1) в целом не характерно для тюрок раннего средневековья, однако находит аналогии в материалах ряда памятников Алтая (Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т., 1985, рис. 7; Кубарев Г.В., 2005, табл. 14, 120). Анализ сопроводительного инвентаря, главным образом предметов конского снаряжения, позволяет отнести рассматриваемое захоронение к катандинскому этапу тюркской культуры (2-я половина VII – 1-я половина VIII вв. н.э.) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с. 162).

Итак, изучение памятников Уркошского археологического микро-района позволяет в общем виде представить локальную специфику этнокультурных процессов, происходивших в Центральном Алтае в древности и средневековье. Безусловно, сделанные наблюдения носят в значительной степени предварительный характер, что связано с малым количеством раскопанных комплексов. Хронология ряда объектов, обнаруженных на территории урочища, до осуществления дополнительных исследований может быть определена только в широких рамках. Вместе с тем, проведенные обследования демонстрируют широкие возможности первоначального осмысления результатов археологических разведок и являются базой для возможных дальнейших стационарных работ. В заключение необходимо отметить важный момент, касающийся обнаруженной надписи рядом с петроглифами упомянутого святилища Большой Яломан-III. Первоначально важный источник соотносился с тюркским периодом (Тишкин А.А., 2009). Однако более широкое обсуждение скопированного текста позволяет констатировать его более позднее происхождение и дает возможность датировать джунгарским временем.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 4–19.
- Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. 293 с.: илл.
- Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 51–88.

Буржуа Ж., Гейли У., Эбель А.В., Федосова Т.В. Работы по датированию объектов в долине Юстыд // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 49–52.

Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 110–112.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуня (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Зайцева Г.И., Бурова Н.Д. Радиоуглеродное датирование курганов Монгольского Алтая, исследованных Международной Центрально-азиатской археологической экспедицией, и его значение для хронологического упорядочивания памятников бронзового века Центральной Азии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 172–186.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 270 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 218 с.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 132 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.

Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников буланкобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 23 с.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 40–71.

Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 38–48.

Погожева А.Н., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. Ч. 1. 234 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Поляков А.В., Святыко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата, 1992. 287 с.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово, 2008. С. 144–153.

Сидорова М.О., Маточкин Е.П. Комплекс петроглифов Уркош-14 (Горный Алтай) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 164–170.

Соенов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск, 2003. 160 с.

Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 121–125.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура: особенности погребального обряда памятников Горного Алтая и Среднего Енисея // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 89–92.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 154–159.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 216 с.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-1 в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007. 232 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А. Редкая тюркская надпись в центре Алтая // «Номо Eurasicus» у врат искусства. СПб., 2009. С. 422–425.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмйрского времени: содержание и опыт периодизации // «Тетра Scythica». Новосибирск, 2011. С. 272–290.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2004. С. 93–97.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Продолжение археологических исследований в Онгудайском районе Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 132–138.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В. Археологические памятники в урочище Уркош // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3, 4. С. 156–165.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Серегин Н.Н. Уркошский археологический микрорайон на Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск, 2009. С. 129–134.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Выявление новых и мониторинг известных объектов в Онгудайском районе Республики Алтай // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2009а. Вып. V. С. 36–40.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Итоги археологического обследования в Онгудайском районе Республики Алтай // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2009б. Вып. 1–2 (13–14). С. 49–59.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Энеолитические объекты Уркушского и Кур-Кечуского археологических микрорайонов (Центральный Алтай) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 196–203

Тишкин А.А., Чекрыжова О.И. Сцена охоты лучников с писаницы святилища Большой Яломан-III (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 394–398.

Тюрина Е.А. Опыт классификации погребальных сооружений афанасьевской культуры // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2009. №4/2 (64/2). С. 237–242.

А.А. Тишкин, Е.В. Шелепова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТОВЫХ МЕСТ АЛТАЯ И ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ в XIX – НАЧАЛЕ XX вв.¹

За последнее время интерес к древним, средневековым и современным памятникам культовой деятельности существенно вырос. Это находит отражение в монографиях, сборниках статей и сообщениях (Молодин В.И., Ефремова Н.С., 2010; Алтай сакральный..., 2010; Древние и современные..., 2011; Клешев В.А., 2011; Методика исследования..., 2012; Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2012; Кирюшин К.Ю. и др., 2012; и др.). Сейчас одной из актуальных проблем является разработка адекватных мероприятий по сохранению сакральных территорий. Обозначилась вполне справедливая тенденция рассматривать святилища как элементы культурных ландшафтов и заповедных зон (Воробьева Е.А., 2007; Занданова Б.А., 2007; и др.). Внимание к указанной проблеме стали проявлять региональные власти. В частности, в Республике Алтай поставлен вопрос о создании карты священных мест (В Горном Алтае составят карту... URL: [http://www.ded-altai.ru/news/v-gornom-altae-sostavjat-kartu-svjashhennykh-dlja-altajitsev-mest/](http://www.ded-altai.ru/news/v-gornom-altae-sostavjat-kartu...)).

Тем временем в научной среде предпринимаются попытки решения комплекса задач, связанных с изучением культовых памятников. Среди них наиболее важными стали такие: использование адекватной терминологии и методики, хронология и культурно-локальное своеобразие объектов, определение их границ, структуры и др. (Шелепова Е.В., 2011; 2012).

Большое количество наскальных рисунков, изваяния, выкладки и разные сооружения, являвшиеся показателями крупных святилищ, открыты в XVIII–XIX вв. и начале XX в. на территории Центральной

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая») и РГНФ «Изучение историко-культурного наследия Западной Монголии в XIX – начале XX вв.» (№12-31-01222а/2).

Азии. Ученые и путешественники обследовали такие памятники в основном визуально. Они не воспринимали их как комплексы взаимосвязанных природных и рукотворных объектов. При этом исследователи имели возможность наблюдать и фиксировать мировоззренческие представления и особенности традиционной культуры местных этносов. Собранные материалы имеют значительную ценность, так как касаются верований скотоводов в XVIII–XIX вв., то есть до того, как они подверглись сильной трансформации и утрате значительного числа исконных элементов в следующем столетии (Тишкин А.А., Шелепова Е.В., 2012).

В первой половине XVIII в. Г.Ф. Миллер одним из первых описал наскальные рисунки Сибири. В их большой древности он сомневался, но считал, что изображения необходимо тщательно изучать (Элерт А.Х., 1999, с. 37–38). Культовые комплексы и отдельные объекты подобного плана в ходе своего путешествия по Сибири отмечал П.С. Паллас (1786, с. 206, 209, 284–285, 288, 291). В конце 90-х гг. XVIII в. древностями Алтая заинтересовался горный инженер П.К. Фролов. Он собирал произведения искусства, сделал ряд чертежей и рисунков с остатками разнообразных сооружений. Отдельный вклад в обозначение проблем охраны древнего искусства Сибири внес Г.И. Спасский. В наскальных рисунках он видел глубокое смысловое содержание и рассматривал их в качестве важнейших исторических источников. Исследователь считал, что изображения необходимо тщательно копировать, фиксировать особенности топографии местности, где они находятся, и по возможности рассматривать памятники в связи друг с другом (Демин М.А., 1989, с. 48).

Внимание других краеведов было приковано к необычным памятникам, выделявшимся на фоне природного ландшафта: изваяниям, курганам, выкладкам, ярким наскальным композициям и т.д.

В 1860-е гг. археологические и этнографические исследования в Южной Сибири проводил В.В. Радлов (1989). Во время второй поездки по Алтаю ученый впервые отметил крупный петроглифический комплекс у боба Бичикту-кая. Подробных описаний данного места он не дал, однако отметил, что там имеются «...монгольские и китайские надписи, которые теперь уже едва ли можно различить, так как низ скалы почернел от дыма» (Радлов В.В., 1989, с. 33). В разных уголках Алтае-Саянской горной страны В.В. Радлов видел культовые места, сакрализованные современным населением. Например, коренные жители чтит древние скульптуры из камня, что проявлялось в смазывании их жиром и даже своеобразном ритуале «кормления» (Радлов В.В., 1896, с. 24–26).

В 1876 г. первые самостоятельные обследования в Западной Монголии осуществлял Г.Н. Потанин. Он также неоднократно отмечал, что местные жители поклоняются каменным средневековым скульптурам. Рядом с оз. Даян-нуур исследователь нашел изваяние, вокруг которого

местные жители соорудили своеобразный деревянный сруб и повязали на шею ленточки (яламы) (Потанин Г.Н., 1881, с. 72–73, фиг. 34). Спустя более чем столетие, В.Д. Кубарев (2004, с. 112) в ходе осмотра этого же изваяния деревянной конструкции не зафиксировал, но обратил внимание на другие элементы культового характера. Например, хорошо сохранились следы краски на губах каменной скульптуры, а также остатки жира или масла на правом плече (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., 2000, с. 53, 55).

В 1879 г. путь Г.Н. Потанина пролегал по Алтаю в направлении Западной Монголии. В центральной части горной страны, по р. Чуе, на правом берегу Катуня и в долине Урсула им были обнаружены «оленьные» камни и другие изваяния (Потанин Г.Н., 1885, с. 52–53, табл. I-11, 13). Важным результатом поездки стало то, что исследователь открыл и описал знаменитое Чуйское изваяние (Потанин Г.Н., 1885, с. 53, рис. 1, 12–14). Скала с петроглифами поблизости также привлекла его внимание, но связь скульптуры с рисунками не рассматривалась. Кроме того, Г.Н. Потанин (1881, с. 46) обнаружил святилища, которые ныне обозначаются как Калбак-Таш-I и Калбак-Таш-II (Чуй-Оозы). В ходе обследований там крупных местонахождений петроглифов была проанализирована техника нанесения рисунков: сначала древний художник делал эскиз фигуры острым предметом, а уже потом заполнял ее силуэтной выбивкой (Потанин Г.Н., 1885, с. 51).

Во время очередной поездки на Алтай в 1907 г. Г.Н. Потанин интересовался не только древностями. Он обращал внимание на традиционные, новые и синкретичные верования местного населения. Например, была возможность увидеть, в каком направлении развивается бурханизм после событий 1904 г. (Данилин А.Г., 1993, с. 27).

Вместе с Г.Н. Потаниным в первой монгольской экспедиции работал впоследствии известный востоковед А.М. Позднеев. Поездка продолжалась до 1879 г. (с 1877 г. без Г.Н. Потанина) и была инициирована Министерством народного просвещения. В Архиве востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (СПбФ ИВР РАН) хранится дневник с путевыми заметками А.М. Позднеева, которые датируются, скорее всего, 1879 г. Часть информации из указанного сочинения касается описания пути по Алтаю из Западной Монголии: «...по дороге от Кош-Агача к Онгудаю верстах в 50 от последнего, находится скала с ойратскими письменами. Скала носит имя «Бичикая» и находится на устье Чуи по Катуня» (Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 37. Л. 1, 17).

В Западной Монголии (в Цаган сара) А.М. Позднеев зафиксировал традицию поклонения таким культовым памятникам, как обо. Местные жители строили их на вершинах, украшали ленточками (Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 37. Л. 9). Еще в одном дневнике,

не имеющем даты, А.М. Позднеев пишет о сооружении калмыцких обо (видимо, на Алтае) прямо на могилах (Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 210. Л. 7об.).

С ситуациями использования археологических объектов современным населением неоднократно встречался Д.А. Клеменц (1895, с. 267, 270) в ходе поездок по Западной Монголии в 1894–1896 гг. В 1894 г. южнее Улясутая он увидел херексуры, превращенные в обо (Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 88. Л. 125об.). В 1895 г. было сделано фото подобного обо на могильнике близ Улангома (МАЭ РАН, колл. 574-28). Недалеко от этого населенного пункта исследователь зафиксировал тюркское изваяние, подобное тому, которое описал Г.Н. Потанин. Над камнем была выстроена глинобитная избушка, и весь он увешан лоскутами (Архив востоковедов СПбФ ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 89. Л. 21об.).

На Алтае Д.А. Клеменц имел уникальную возможность соприкоснуться с «живой» религиозной культурой и проследить трансформацию традиционных верований в начале XX в. Свое впечатление от поездки 1904 г. он изложил на специальном заседании Императорского Русского Географического общества (ИРГО) в г. Санкт-Петербурге. В докладе подчеркивалось, что движение носит чисто религиозный характер и ничего общего с политикой не имеет. Тем самым Д.А. Клеменц опровергал одну из популярных точек зрения (Бурханнизм..., 2004, с. 52–53). В 1906 г. ученый вновь побывал на Алтае, где выступал в качестве эксперта в судебном процессе над бурханистами (Данилин А.Г., 1993, с. 26–27).

Неоднократно бывал на Алтае А.В. Адрианов. В 1881 г. во время своего путешествия он обследовал археологические памятники Чулышмана и Башкауса, описал курганы, изваяния. По его мнению, археологические работы следует сосредоточить на небольшой территории, чтобы все объекты изучить более подробно (Демин М.А., 1989, с. 89). Во время путешествия по Алтаю в составе второй экспедиции Г.Н. Потанина в Монголию А.В. Адрианов обратил внимание на современные свидетельства культовой деятельности: специальные постройки-жертвенники, ленточки на жердочках и деревьях. Некоторые из культовых мест он сфотографировал (Дэвлет М.А., 2004, с. 46).

В 1878 и 1880 гг. Западно-Сибирским отделением ИРГО на Алтай были снаряжены экспедиции Н.М. Ядринцева. Практически на всем пути продвижения по Чуйскому тракту исследователь занимался фиксацией изваяний («кожи-таш») и петроглифов (Ядринцев Н.М., 1883, с. 193–195, 197, 200; 1882, с. 32). Осмотрев Чуйский «оленный» камень, Н.М. Ядринцев оценил размеры и внешний вид изваяния; побывал на святилище Калбак-Таш. Скалу с надписями он назвал «Пичикту-кая» (по названию бома). В последующем материалы по древним «письменам» Н.М. Ядрин-

цев обобщил в отдельной статье. В ней сказано, что петроглифы «...дают понятие об образе жизни дикарей и первых попытках увековечивать изображениями события» (Ядринцев Н.М., 1885, с. 1).

Существенная работа по изучению культовых мест Алтая проделана членами статистической экспедиции, направленной в 1897 г. управлением Алтайского округа для изучения «калмыцких» стойбищ (С.П. Швецов, М. Швецова, П.М. Юхнев и Н.Я. Никифоров). Члены экспедиции еще раз опубликовали копии Чуйского «оленного» камня и впервые сделали подробный рисунок изваяния «Кезер» из Курайской степи. Оба памятника, по мнению В.Д. Кубарева (1984, с. 6–7), были зафиксированы для своего времени отлично.

В течение нескольких лет (1887–1889 гг.) изучением археологических памятников Южной Сибири и Северной Монголии занимался финский ученый И.-Р. Аспелин (*Alt-Altäische Kunstdenkmaler...*, 1931; Тишкин А.А., 2000, 2002). Продвигаясь по Алтаю, он опрашивал местных жителей об археологических находках и изображениях на скалах, собирал сведения о курганах. Есть данные, что на правом берегу Чарыша, близ с. Тюдрала путешественник отметил наскальные рисунки. Но, судя по всему, к настоящему времени они утрачены (Тишкина Т.В., 2010, с. 60–61). Изваяния обнаружены у Ильгуменя и в долине Чулышмана (Тишкина Т.В., 2010, с. 63).

Кроме археологических памятников, исследователем производился осмотр культовых мест аборигенов. Чаще всего они представляли собой деревья с повязанными на них ленточками, небольшие кучи камней с воткнутыми ветками и др. В одном из своих писем И.-Г. Аспелин написал следующее: «Далее мы натолкнулись на следы шаманизма калмыков. В кустарнике на берегу реки Улгумен (Ильгумень. – Авт.) на ветвях висели две головы коровы и бычьей челюсти; недалеко от этого места мы увидели натянутую между двумя деревьями веревку, с которой свисали узкие (примерно тридцатисантиметровые) обрывки платков. Похожие ленты висели также на дереве у парома через Катунь, и Хабаров утверждал, что калмыки почитали эту реку как божество. На возвышениях по пути мы встречали небольшие кучки камней, откуда торчали украшенные тонкие ветки; проходя мимо, я отломил веточки от двух священных лиственниц с веревочками и конскими волосами...».

В Туве и Минусинском крае И.-Г. Аспелин наблюдал особое отношение местного населения к каменным скульптурам эпохи средневековья. Некоторые из культовых мест оказались размещенными на древних курганах. Таким образом, наблюдения за традиционной культурой народов Тувы и Минусинского края позволили финскому специалисту обозначить элементы почитания древних скульптур, выявить современные культовые места и святилища (*Alt-Altäische Kunstdenkmaler...*, 1931).

По территории Алтая проходила часть маршрута экспедиции еще одного финского исследователя Й.-Г. Гранё – географа, путешественника и стипендиата Финно-угорского общества (г. Хельсинки). Самыми результативными можно считать три его поездки на территорию Большого Алтая (1906, 1907 и 1909 гг.). Наряду с подробными картами местности, на которые даже наносились типы археологических объектов, изучалась традиционная культура народов, населявших Южную Сибирь и Западную Монголию (Gräno I.G., 1910a, б). В 1907 г. из г. Бийска Й.-Г. Гранё направился в Горный Алтай, прошел вдоль Чуи к Кош-Агачу. Дальнейший маршрут экспедиции пролегал по Западной Монголии в направлении г. Улангома.

На Алтае финский исследователь отметил множество древних объектов, ряд из которых были выявлены впервые (например, на плато Укок, в долине Канаса и Калгуты). Й.-Г. Гранё зафиксировал могильники, выкладки, ряды тюркских оградок с изваяниями и другие памятники (Gräno I.G., 1910a, p. 13–14, Taf. I, fig. 2, VI, fig. 1–2, VIII, fig. 2–4, X, fig. 2). Далее исследования были продолжены в Монгольском Алтае, в долине Цаган-гола, где Й.-Г. Гранё (1910a, p. 19–20, Taf. I, fig. 4–6, II, fig. 1) обнаружил несколько курганов-херексуров. В устье Мусту-Булака был найден херексур и курган неясной культурной атрибуции, а также «наскальные рисунки», в композицию которых входили изображения лошадей, оленей, собак, людей (Gräno I.G., 1910a, p. 20–21, Taf. II, fig. 2–3, XI, fig. 2–3).

На основании полученных материалов экспедиционных исследований Й.-Г. Гранё пытался реконструировать древние верования и их влияние на устройство святилищ. Он справедливо полагал, что раньше при строительстве культовых мест ориентировались на движение солнца и природные объекты (священная гора и др.). В древности человек сравнивал день с жизнью, ночь – со смертью (Gräno I.G., 1910b, p. 18). Наблюдения за движением солнца, по мнению Й.-Г. Гранё, отражены в изображениях на «оленных» камнях. «Кружок», например, помещался на той стороне камня, на которую падало солнце в момент изготовления изваяния и его установки (Gräno I.G., 1910b, p. 41). «Поясок» показывает горизонт, другие изображения могли символизировать звезды. Кроме того, ряды каменных стел возле могил указывали направление в сторону нахождения потустороннего мира.

Исследования финского ученого затронули и современные верования. Так, в своих поздних работах Й.-Г. Гранё писал о бурханизме и его влиянии на культуру и религиозную жизнь народов Алтая (Гранё Й.Г., 2012, с. 44).

Значимый вклад в изучение прошлого Алтая внесли С.И. и Н.С. Гуляевы (Тишкина Т.В., 2010). С.И. Гуляев был знаком с информацией о петроглифах Алтая. Исследования на правом берегу Иртыша (Западный

Алтай) позволили ему выявить новые свидетельства. Среди них можно идентифицировать рисунки хорошо известного в настоящее время святилища Ак-Баур (Тишкина Т.В., 2010, с. 36). С.И. Гуляев писал также об изображениях, встреченных по Аную и Чарышу (Демин М.А., 1989, с. 67).

Благодаря Г.И. Чорос-Гуркину древние памятники и разные сюжеты из традиционной культуры алтайцев получили отражение в изобразительном искусстве. Художником скопированы наскальные рисунки Алтая, правда, особым способом: фиксировались наиболее понравившиеся изображения. В 1902–1903 г. Григорий Иванович предпринял специальную поездку на Алтай, чтобы найти новые изображения (Кубарев В.Д., 2004, с. 26). Были обследованы петроглифы на левом берегу Катуня, напротив устья р. Сумульты. Во время поездок 1908 и 1912 гг. Г.И. Чорос-Гуркин осмотрел и зарисовал петроглифические композиции на памятниках Калбак-Таш, Бичикту-Бом, а также наскальные рисунки в долине Аргута (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992). В 1911 г. он впервые скопировал петроглифы скалы Кок-Кан в устье Урсула (левый приток Катуня) и рисунки у с. Каянча. В.Д. Кубарев (2004, с. 26) отмечал, что даже такие зарисовки «на глаз» весьма ценны, так как к настоящему времени часть из них погибла. В своих картинах Г.И. Гуркин постоянно подчеркивал взаимосвязь древних сооружений с окружающим ландшафтом (Кубарев В.Д., 2004, с. 27).

В своих картинах известный художник запечатлел и элементы религиозной жизни Алтая начала XX в. Во время поездки 1908 г. Г.И. Чорос-Гуркин зарисовал представителей бурханизма, жертвенник «Сан» выше бома Кынырар и др. (Еркинова Р.М., 2004, с. 259). Сейчас эти рисунки хранятся в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск) и Художественного музея Алтайского края (г. Барнаул). В дальнейшем, путешествуя по Алтаю, художник привез ряд новых зарисовок бурханистских святилищ (Еркинова Р.М., 2004, с. 259). Среди них – комплекс возле с. Шашикман нынешнего Онгудайского района (Бурханизм..., 2004, с. 132).

Различные древние памятники в Горном Алтае выявил и обследовал один из сотрудников Алтайского подотдела ЗСО ИРГО В.И. Верещагин. Он несколько раз бывал на Алтае в период 1905–1908 гг., занимался фиксацией разнообразных древностей. «Чудские» памятники (курганы со стенами, оградки с изваяниями и др.) Был также сфотографирован знаменитый «Кезер» (Тишкина Т.В., 2010, рис. 47). Путешественник выявил в Теньгинской степи, в долине Ян-Улагана, на правом берегу Башкауса и в других местах (Тишкина Т.В., 2010, с. 107–108); обратил внимание на письмена скалы Бичикту-Кая (Демин М.А., 1989, с. 65–66). Отдельные замечания путешественника касаются бурханизма. Он писал о районах его распространения, особенностях и атрибутах новой веры, отождествлял их с «ламаизмом» (Бурханизм..., 2004, с. 61).

Несколько раз бывал на Алтае известный российский географ В.В. Сапожников (1895, 1897–1899, 1905–1906 гг.). В 1895 г. он посетил гору Алтын-Туу, западнее Телецкого озера. Со слов провожатого, ученый записал следующее: «...распространено поверье, что вершина Алтын-ту священна и при всякой попытке взобраться на нее духи скрывают ее от дерзких глаз, укутывая в облака» (Сапожников В.В., 1949). Ученый проходил через места «Кор-Кечу», «Юр-Кош» («Уркош»), но сведений об имеющихся там археологических памятниках не оставил.

Интересные данные получены во время поездки 1905 г. через Алтай в Монголию. После с. Иня была отмечена скала с рисунками Бичиктукая. По этому поводу В.В. Сапожников (1911, с. 7) написал: «Название это скала приобрела от древних писаниц, которые на ней были прежде, но теперь, кажется, утрачены». Далее по пути к Юстыду он отметил курганы (Сапожников В.В., 1911, с. 11).

В 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии на Алтае работал А.В. Анохин. Итоговым трудом предпринятых им этнографических изысканий стал труд «Материалы по шаманству алтайцев» (1924), в котором охарактеризованы особенности традиционных верований. Представлен пантеон, обрисована культовая практика. Исследователя интересовали и новые верования (типа бурханизма). Позднее, в 1925 г. А.В. Анохин участвовал в экспедиции по Онгудайскому району. Работы производились в урочищах Туякта, Янчет, Каракольской долине (Бурханнизм..., 2004, с. 66).

Обобщая все наблюдения путешественников и ученых, побывавших на Алтае и сопредельных территориях до начала XX в., следует сказать, что в это время было зафиксировано и описано большое количество памятников культовой деятельности, выявлены элементы традиционной культуры, обозначены возможности и перспективы их дальнейшего изучения. Отмечалось современное отношение коренных жителей к некоторым объектам (особенно изваяниям) в пределах древних и средневековых святилищ. Все эти сведения важны, так как многие из описанных в XIX и начале XX в. культовых объектов утрачены или сильно пострадали в ходе антропогенного и природно-климатического воздействия.

Библиографический список

Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Hrsg. von Hjalmar Appelgren-Kivalo. Hfors, 1931. 47 s. + 76 kuvas.

Gräno J.G. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolen Jahre 1909 // Journal dela Societe Finno-Ougrienne. XXVIII. Helsinki, 1910a.

Gräno J.G. Nordwestmongolei. Formen der Altertümer. Helsingfors, 1910b.

Алтай сакральный: культовые и археоастрономические смыслы святилищ: сб. ст. Барнаул, 2010. 144 с.

- Бурханизм – Ак-Ян: документы и материалы. Горно-Алтайск, 2004. 144 с.
- В Горном Алтае составят карту... URL: <http://www.ded-altai.ru/news/v-gornom-altae-sostavjat-kartu-svjashennykh-dlja-altajitsev-mest/> (Дата обращения: 12.03.2013)
- Воробьева Е.А. Культурный ландшафт как фактор бытийности пространства культуры (на примере этнической картины мира эвенков Восточного Забайкалья): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 26 с.
- Данилин А.Г. Бурханизм (из истории освободительного движения в Горном Алтае). Горно-Алтайск, 1993. 208 с.
- Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.
- Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст. Барнаул, 2011. 124 с.
- Дэвлет М.А. А.В. Адрианов (к 159-летию со дня рождения). Кемерово, 2004. 64 с.
- Еркинова Р.М. Бурханизм в документальных рисунках и живописи Г.И. Чорос-Гуркина // Движение Ак Янг (белая вера) – бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: мат. конф. Горно-Алтайск, 2004. С. 257–260.
- Занданова Б.А. Культовые места как элементы культурных ландшафтов (на примере национального парка «Тункинский»): Автореф. ... дис. канд. географич. наук. Улан-Удэ, 2007. 23 с.
- Кирюшин К.Ю., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Культовый объект бурханизма в предгорьях Алтая // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012. С. 37–41.
- Клеменц Д.А. Краткий отчет о путешествии Д. Клеменца по Монголии за 1894 г. // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1895. Т. III. С. 261–274.
- Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. Горно-Алтайск, 2011. 246 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 230 с.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша-I (Российский Алтай). Новосибирск, 2011. 444 с.
- Кубарев В.Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»: Из полевого дневника археолога. Новосибирск, 2004. 130 с.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д. Terra incognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №1. С. 48–56.
- Методика исследования культовых комплексов: сб. ст. Барнаул, 2012. 144 с.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск, 2010. 264 с. + 2 вкл.
- Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук / Пер. с нем. Ф. Томанский. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. 1770 год.
- Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии // Древности. М., 1885. Т. X. С. 50–57.
- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии (Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества): В 3-х вып. СПб., 1881. Вып. II.
- Радлов В.В. Сибирские древности (из путевых записок по Сибири). СПб., 1896. 70 с. + табл.
- Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. 718 с.

Сапожников В.В. Монгольский Алтай в истоках Иртыша и Кобдо. Путешествия 1905–1909 г. Томск, 1911. 408 с.: ил., карты.

Сапожников В.В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. М., 1949. 580 с.

Тишкин А.А. И.-Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири (краткий биобиблиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2000. С. 66–72.

Тишкин А.А. О пребывании И.-Р. Аспелина на Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири: Третьи научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 124–130.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Актуальные вопросы изучения современных культовых мест Алтая // Сибирь и Центральная Азия: актуальные вопросы политического и социокультурного развития. Барнаул, 2012. С. 88–94.

Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. 288 с.

Шелепова Е.В. Актуальные вопросы изучения святынь Алтая и сопредельных территорий // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Международной научной конференции (Улан-Батор, 05–09 сентября 2012 г.). Улан-Батор, 2012. Т. 2. С. 540–546.

Шелепова Е.В. Теоретические аспекты изучения памятников культовой деятельности Алтая // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул, 2011. С. 100–108.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. 239 с.

Ядринцев Н.М. Древние памятники и письмена в Сибири. СПб., 1885. 21 с.

Ядринцев Н.М. Отчет о поездке в 1880 г. в Горный Алтай к Телецкому озеру и в вершины Катунь // Записки ЗСО ИРГО. Омск, 1882. Книжка IV. С. 1–46.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей // ТИМАО. М., 1883. Т. 9. Вып. II и III. С. 181–205.

О.А. Федорук, А.С. Федорук, Д.В. Папин

Алтайский государственный университет, НПП «Наследие», Барнаул

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПАРНЫХ
ЗАХОРОНЕНИЙ РАЗНОПОЛЫХ ИНДИВИДОВ
В АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ
(по материалам раскопок могильника Фирсово-XIV 2010–2011 гг.)¹**

Совместные захоронения мужчин и женщин, несмотря на свою малочисленность, являются одной из наиболее ярких черт погребальной обрядности андроновской культуры. Подобные погребения встречаются практически на всем ареале распространения андроновской культурно-исторической общности (Хлобыстина М.Д., 1989, с. 119–120). И, хотя данный способ захоронения и не являлся ведущим, совместные погребения, несомненно, представляют особый интерес для исследователей.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ – проект №12-01-00159 Этнокультурная характеристика населения андроновской культуры Алтая (по материалам погребальных комплексов).

В данной работе рассматриваются совместные захоронения, обнаруженные в ходе раскопок грунтового могильника Фирсово-ХІV в 2010–2011 гг. Всего за два полевых сезона здесь было исследовано три парных погребения разнополых субъектов – могилы №7, 26, 29 (антропологические определения выполнены к.и.н. С.С. Тур).

Планиграфически эти погребения не обособлялись от других могил и располагались в цепочках образованных одиночными захоронениями. Могилы №7 и 26 находились рядом, в одной линии, друг за другом, могила №29 была обнаружена на небольшом расстоянии от первых двух.

В целом исследованный в 2010–2011 гг. участок некрополя выделялся большим количеством совместных захоронений: на площади около 410 кв.м. было сосредоточено шесть парных и три коллективных погребения, что составило 31% от всех подобных захоронений памятника.

Могила №7 (рис. 1) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры в центральной части 2,06x1,41 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На глубине 1,39 м от современной поверхности найдены остатки древесного тлена от перекрытия и деревянной рамы. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,59 м от современного дневного горизонта. В погребении располагалось два костяка. Женщина лежала в ЮВ части могилы скорченно на левом боку, лицом к мужчине, лежавшем в аналогичной позе напротив нее на правом боку. Кисти рук и колени погребенных, очевидно, соприкасались. Могила оказалась насыщена сопутствующим инвентарем. На черепе женщины, в районе ушных раковин, обнаружено два набора составных украшений из бронзы покрытой золотой фольгой в виде серег в полтора оборота, височного кольца, лапчатой привески, ряда гофрированных трубчатых пронизей и гофрированной конусовидной пронизки. На кистях обоих погребенных находились бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями и, видимо, браслет из трубчатых золотых пронизок и пастовых бусин. В районе таза умершей найдены бронзовая листовидная подвеска и биметаллическая обоймочка (очевидно, остатки наконечника украшения), а в районе щиколоток – бронзовые бусы. Рядом с черепами погребенных располагалось два керамических сосуда.

Могила №26 (рис. 2) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры в центральной части 2,7x1,9 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На глубине 1,57 м от современной поверхности найдены остатки древесного тлена от деревянной рамы. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,66 м. В погребении располагалось два человеческих скелета. Левый скелет – женский, чрезвычайно плохо сохранился, лежал в ЮВ части могилы скорченно на правом боку лицом к стенке могильной ямы. Часть костей была смещена, анатомический порядок нарушен. Правый, мужской, скелет был лучшей сохранности, располагался в аналогичной

позе, на левом боку в СЗ части могильной ямы. Инвентарь погребения представлен украшениями и керамикой. На черепе женщины обнаружен набор биметаллических украшений состоящий из кольцевидных серег и подвесок в полтора оборота, конусовидных пронизей, на запястьях – бронзовые бусины, пастовые и золотые пронизи и браслеты со спиралевидными окончаниями. В районе костей ног погребенной найдены бронзовые и пастовые бусы и лапчатая привеска. На черепе мужчины обнаружены трубчатые кольцевидные биметаллические серьги и обломок подвески в полтора оборота. За черепами погребенных, в один ряд были установлены четыре керамических сосуда. Между сосудами и обкладкой обнаружены ребра животных.

Могила №29 (рис. 3) имела подпрямоугольную форму, размеры 2,27x1,3 м в центральной части, ориентирована по линии ЮЗ–СВ. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,85 м от современной дневной поверхности. При выборе заполнения на глубине 1,49 м обнаружены остатки деревянного поперечного перекрытия, на дне могильной ямы найден тлен от деревянной рамы. В центральной части могилы располагалось два человеческих скелета. Мужской скелет, находился на левом боку, в сильно скорченном положении в правой части могилы. Часть его костей была смещена. За его спиной в скорченном положении также на левом боку располагался скелет женщины. В районе висков черепа женского костяка обнаружены бронзовые подвески в полтора оборота, а на его щиколотках найдены бронзовые бусы. В южном углу могильной ямы, ближе к женскому костяку обнаружено два керамических сосуда.

Таким образом, эти погребения имели ряд сходных черт: 1) мощные деревянные конструкции; 2) наличие различных типов украшений; 3) присутствие нескольких керамических сосудов.

Проведенный антропологический анализ показал, что возраст захороненных вместе мужчин и женщин был примерно одинаковым: в могиле №29 находились останки мужчины и женщины 40–45 лет, в могиле №26 – женщины 30–35 лет и мужчины около 45 лет, а в могиле №7 – мужчины и женщины 20–25 лет.

В то же время могилы имели немало различий, прежде всего заключавшихся в особенностях положения скелетов. В могиле №7 погребенные были уложены лицом друг к другу, в «позе объятий». В могиле №26 умершие оказались расположены друг к другу спиной, а в погребении №29 – оба лежали на левом боку – женщина находилась за спиной мужчины. Такая ситуация может быть связана прежде всего с самим процессом захоронения.

Несмотря на плохую сохранность костных останков в могиле №7, мы можем однозначно констатировать факт одновременности совершения данного захоронения. В других случаях вырисовывается более сложная картина.

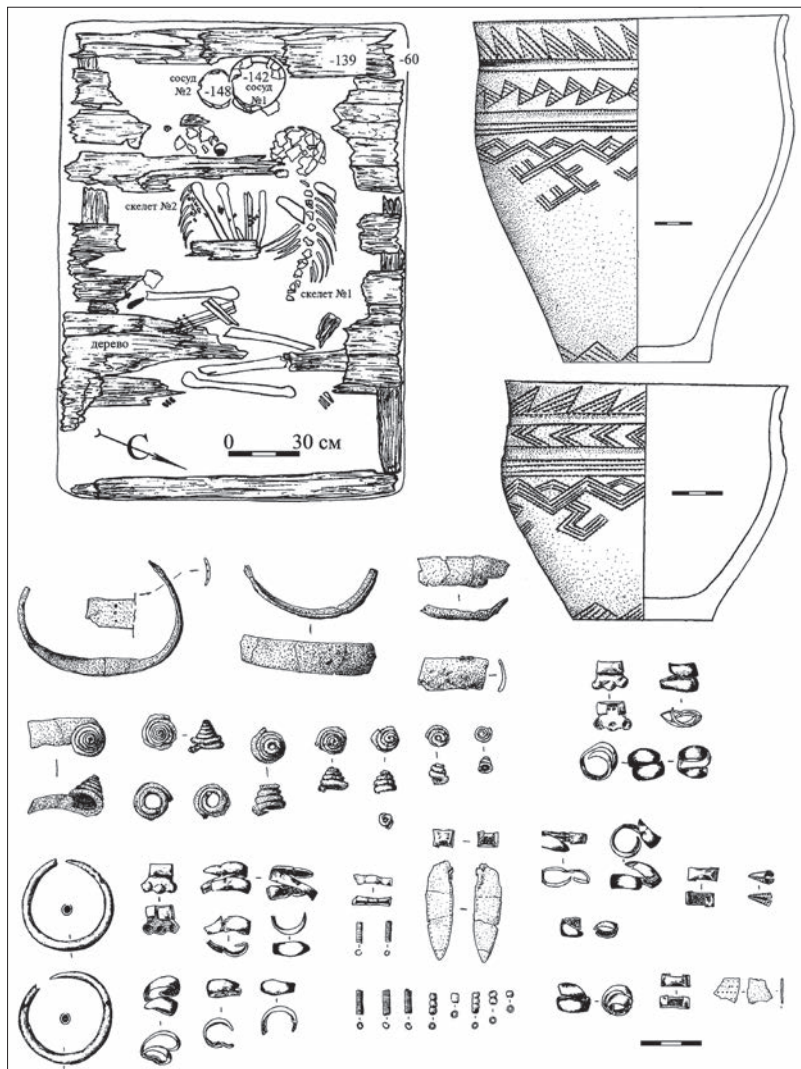

Рис. 1. План и инвентарь погребения №7

Положение погребенного в могиле №29 мужчины можно охарактеризовать как «сильно скорченное», кости рук и ног были смещены так, как если бы их плотно прижали к телу уже после разложения связочного аппарата. В результате позвонки и ребра также оказались перемещены относительно первоначального положения. Поскольку мужской скелет

частично перекрывал женский (при этом не нарушая его), то можно предположить, что он был помещен в могилу позднее. На факт подхоронения указывает также то, что часть перекрытия, находящаяся над мужским скелетом, отсутствовала.

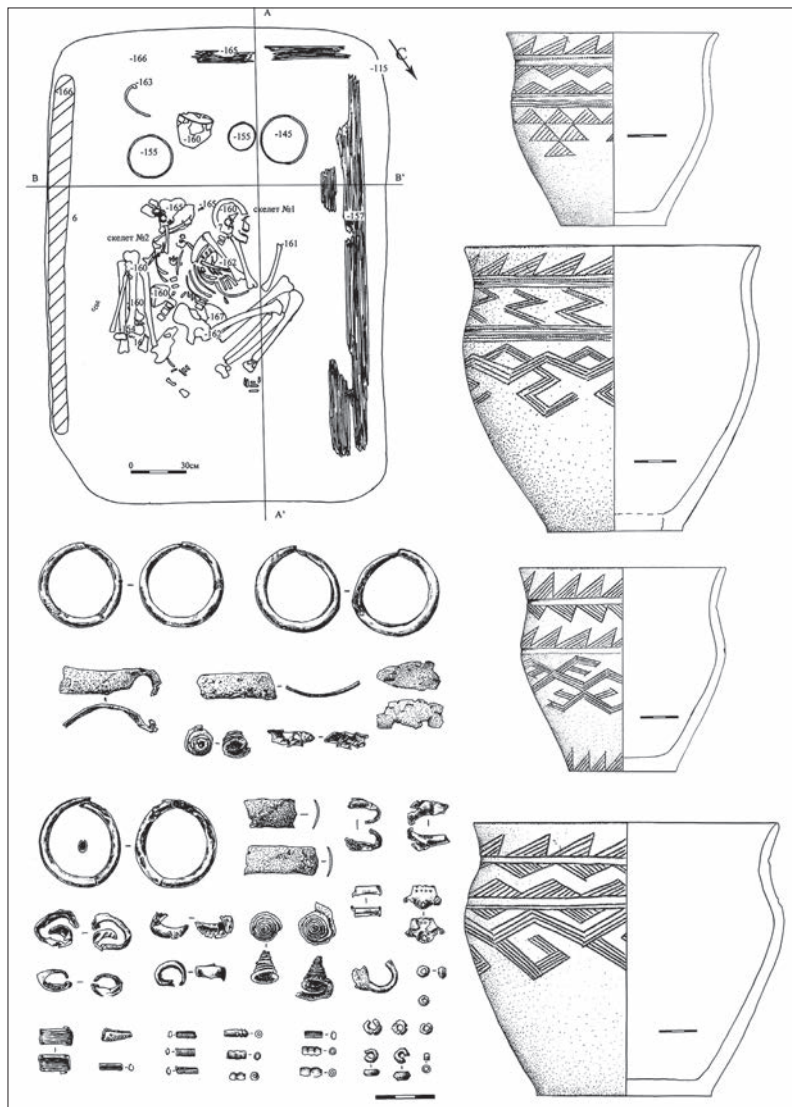

Рис. 2. План и инвентарь погребения №26

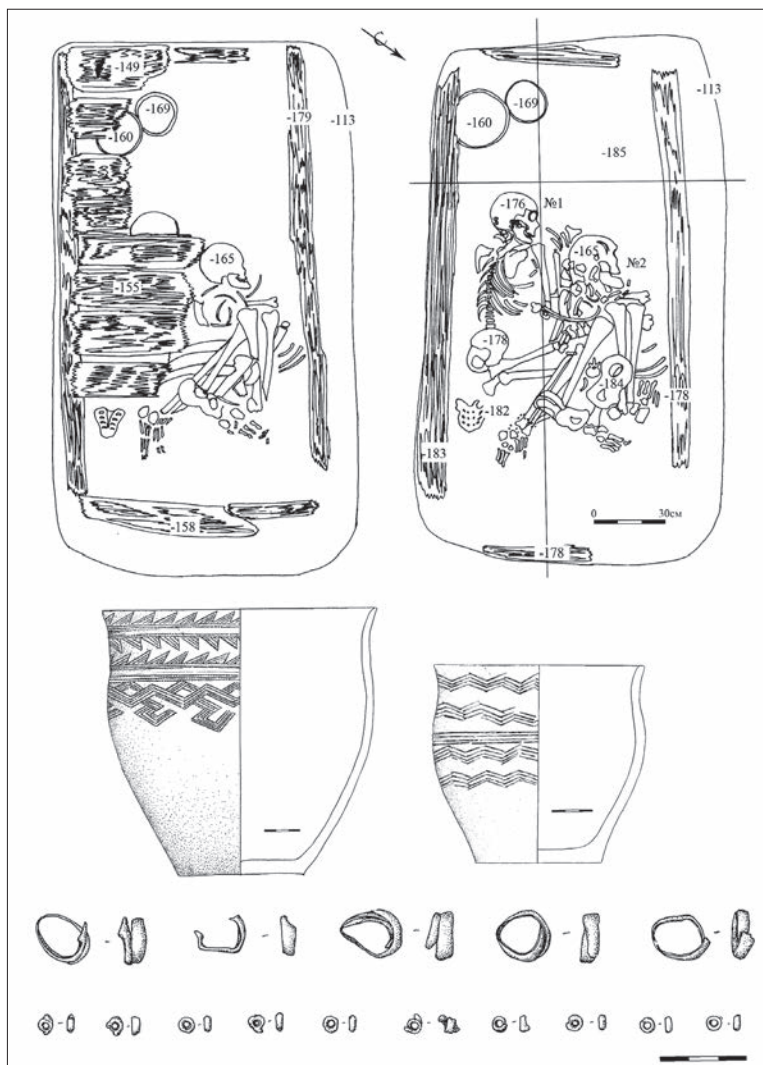

Рис. 3. План и инвентарь погребения №29

Вероятнее всего, после смерти тело мужчины было связано или помещено в мешок и хранилось во временном погребении. По истечению определенного времени, после частичного разложения связок, останки были подхоронены в данную могилу. Сама могильная яма выглядит «тесноватой» для двоих погребенных.

В могиле №26 мужской скелет также частично перекрывал женский. При этом женский костяк сохранился заметно хуже, некоторые его кости явно смещены. Таким образом, в данном случае реконструируется несколько иная картина. Скорее всего, здесь также было совершено подхоронение, но во время помещения в могилу тела мужчины, останки женщины были сдвинуты ближе к левой стенке могилы.

Таким образом, в двух случаях мы можем с большой вероятностью говорить о подхоронении второго умершего в уже существующую могилу, при этом в обоих случаях это были мужчины.

Несмотря на существенные различия в положении погребенных, обращает на себя внимание тот факт, что женщина всегда располагалась слева от мужчины. Вероятно, соблюдение данного принципа было важной частью погребального ритуала. В обнаруженных ранее (раскопки А.Б. Шамшина – конец 1980-х – 1990-е гг.) на данном памятнике парных погребениях этот принцип также был соблюден. Исключением является лишь биритуальное захоронение №222, где кремированные останки женщины были помещены справа от мужчины (Шамшин А.Б., Ченских О.А., 1997, с. 54).

Данный вид захоронений исследователи чаще всего интерпретируют как захоронения «супругов» (Хлобыстина М.Д., 1989). Небольшая разница в возрасте погребенных, может быть свидетельством в пользу данной теории. Однако подобная интерпретация парных разнополюх погребений еще не объясняет саму причину их возникновения. Редкость подобных захоронений позволяет нам говорить об их неординарном характере. Вероятно, что погребенные здесь люди имели особый, вероятно повышенный социальный статус в обществе. На данный факт также указывает снабженность умерших большим количеством бронзовых и биметаллических украшений, а также планиграфическое расположение подобных погребений среди других «богатых» захоронений.

В связи с этим возможны два варианта интерпретации данного вида захоронений, не исключаящих друг друга:

1) обычай совместного захоронения супругов был распространен среди части андроновского населения, имеющей повышенный социальный статус в обществе («родовой знати»);

2) это ритуальные захоронения (захоронения индивидов, вступивших в ритуальный брак).

Наличие одновременных парных захоронений отсылает нас к текстам Ригvedы, Атхарваведы и др. индоарийских источников, описывающих обряд *Sati*, в соответствии с которым вдова подлежит сожжению вместе с её покойным супругом на погребальном костре (Кузьмина Е.Е., 2008, с. 164). В нашем случае захоронение в могиле №7 может рассматриваться как разновидность данного обряда. Однако в таком случае погребения №26 и №29 не вписываются в данное объяснение. Вместе с тем, наличие одновременных захоронений ставит под вопрос возможность насильственного умерщвления супругов, в случае смерти одного из них, хотя и не исключает подобного варианта.

Кроме того, факт подхоронения свидетельствует о том, что в андроновской среде существовало убеждение, что какие-то категории покойных обязательно должны быть захоронены совместно. Семейно-брачные отношения связывали супругов не только при жизни, но и после смерти.

В данном контексте важно обратить внимание и на то, что во всех изученных нами случаях женщины были снабжены головными уборами. И хотя сами уборы различались количеством и наличием определенных типов украшений, в своей основе они идентичны. По мнению О.А. Поздняковой подобные головные уборы могли выполнять религиозно-магическую функцию, а женщины, носившие их, имели отношение к культуре (Позднякова О.А., 2000, с. 47–53). Таким образом, если данные женщины выполняли в обществе жреческие функции, то и брачный союз, заключенный с ними, имел особое, религиозно-магическое значение, а совместные захоронения должны были подчеркивать их значимость.

Так или иначе, наличие парных разнополых погребений в андроновских некрополях может свидетельствовать о значимости семейно-брачных отношений, а также появлению в обществе признаков нуклеарной семьи.

Библиографический список

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., 2008. 558 с.

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т. 3. С. 47–52.

Хлобыстина М.Д. Андроновский керамический комплекс // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989. С. 118–134.

Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 52–56.

Я.В. Фролов

Научно-производственный центр «Наследие», Барнаул

ПОЛОЖЕНИЕ УМЕРШЕГО В ЗАХОРОНЕНИИ КАК МАРКЕР ПОЛОВОЗРАСТНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ¹

Комплексный анализ половозрастной структуры смертности могильника скифского времени Фирсово 14 на основе изучения антропологического материала и погребального обряда позволил сравнить захоронения разных половозрастных групп (Тур С.С., Фролов Я.В.,

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №11-06-00360а.

2006; Фролов Я.В., Тур С.С., 2003). Результатом стало выявление ряда закономерностей, связанных с половозрастной дифференциацией погребального обряда. В частности, прослежены особенности расположения костяка в могилах разных половозрастных групп. Наиболее распространенным положением умершего в могиле для некрополя Фирсово-14 является поза на спине, с вытянутыми вдоль туловища прямыми руками и вытянутыми ногами. Выделяется группа погребенных, в которых умершие лежали вытянуто на спине с «нестандартными» вариантами расположения конечностей – с согнутыми в локте и слегка отставленными в сторону руками, с руками, расположенными на тазе, с согнутыми в коленях ногами. Ряд погребенных был уложен в классической «позе всадника». Нестандартные положения рук и ног умершего, погребенного вытянуто на спине, встречаются в подавляющем числе случаев в захоронениях мужчин. Основываясь на этом, было сделано предположение, что захоронения детей с нестандартным положением рук и ног являются могилами мальчиков (Тур С.С., Фролов Я.В., 2006). Прослеженные особенности расположения умершего в могиле коррелируют с данными по составу погребального инвентаря – часто сочетаются с предметами «воинского набора» (Тур С.С., Фролов Я.В., 2006).

Наиболее часто «поза всадника» встречается в воинских захоронениях. Нестандартное положение рук в могиле часто связано с тем, что в руку умершему вкладывался какой-либо предмет. Так, например, в воинских погребениях в руку умершему вкладывалось какое-либо оружие.

Выделенные закономерности находят свое подтверждение в погребальной обрядности других некрополей староалейской культуры. Так же как и для могильника Фирсово-14, только в захоронениях мужчин и детей, встречены согнутые руки и ноги в могильнике Обские Плесы-2. Могильник Староалейка-2 демонстрирует удивительное единообразие. Только в двух могилах мужчины и ребенка зафиксированы нестандартные положения конечностей. На могильнике 1 Малый Гоньбинский Кордон-1 также подавляющее большинство умерших уложено вытянуто на спине с прямыми руками и ногами. Зафиксировано всего два случая нестандартного положения рук у взрослых мужчины и женщины.

Нестандартные положения конечностей у умерших, уложенных вытянуто на спине, встречаются и в могильниках каменной культуры. Причем процентное соотношение умерших, уложенных в «стандартном» и «нестандартном» положении в каменных и староалейских некрополях практически одинаково. Нестандартные положения конечностей встречаются в 20–30% захоронений (Фролов Я.В., 2008, с. 88–89, рис. 25).

Среди группы каменных могильников, так же как и в староалейских, выделяются некрополи, где преобладает «стандартное» положение умершего (вытянуто на спине с прямыми, уложенными вдоль туловища руками и прямыми вытянутыми ногами). Это такие могильники как Елунинский курганный могильник-1 и Рогозиха-1. А вот в могильниках Новотроицкое-1 и 2, Камень-2, Раздумье-4 и 6, наоборот, довольно

часто встречается нестандартное положение конечностей (Фролов Я.В., 2008, с. 89). Но, в отличие от староалейских некрополей, в каменных «нестандартные» положения конечностей встречается и у женщин, хотя нестандартные «положения» и «поза всадника» все же более характерны для погребений мужчин. Так, в могильниках Новотроицкое-1 и 2 встречено 15 случаев расположения умерших в «позе всадника». Из них среди тех могил, где был определен пол умерших, 6 могил принадлежали мужчинами и три женщинам. Также на этих могильниках мужчины, в целом, преобладают и среди умерших, уложенных на спине с другими вариантами «нестандартного» положения конечностей (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 144).

Если для староалейских могильников выделяется довольно четко разделение обряда погребений мужчин и женщин, прежде всего это проявляется в наборе погребального инвентаря, то для каменных некрополей данные различия не столь явно выражены (Фролов Я.В., 2008, с. 94–95). В каменных могильниках встречаются как захоронения женщин с предметами, характерными для мужских могил – это, прежде всего, предметы вооружения, так и захоронения мужчин с вещами, присущими для набора погребального инвентаря женских могил (Фролов Я.В., 2008, с. 95). Т.Н. Троицкая (1984; 1987, с. 59–63) даже рассматривала последние особенности погребальной обрядности среди захоронений скифского времени Верхнего Приобья как появления травестизма.

Сходные закономерности выявляются и при рассмотрении гендерных особенностей погребальной обрядности, в частности, положения погребенных в могилах каменных некрополей. Здесь, так же как и в случае со снабжением «специфическим» набором инвентаря умерших разных половозрастных групп, нет четкого разграничения стандартов погребения. Следует подчеркнуть, что, например, в могильнике Новотроицкое-1 в погребениях женщин, уложенных в могилу вытянуто на спине в «позе всадника» присутствует инвентарь, характерный для «женского» погребального набора (к. 6, м. 4; к. 15, м. 3) (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 144, рис. 5 – 10; 24 – 3). Значительный процент погребенных в позе всадника на некрополе Новотроицкое-1 связан еще и с тем, что в данной позе погребена значительная часть умерших из коллективных могил, по своему погребальному обряду стоящих особком среди каменных захоронений (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 144, рис. 20, 38, 42). В этих погребениях в «позе всадника» погребены как мужчины, так и женщины.

Если для староалейской культуры можно говорить о довольно жестком гендерном разграничении погребальной обрядности, что, в частности, проявляется в особенностях расположения умершего в могилах разных половозрастных групп, то для каменной культуры данная зависимость не так явно выражена. Это, возможно, свидетельствует о существовании различающихся культурных стереотипов, связанных с гендерной дифференциацией общества в каменной и староалейской культурах.

«Нестандартные» положения конечностей умерших, погребенных на спине, характерны для многих некрополей эпохи раннего железа Западной Сибири и Казахстана. Данная черта погребальной обрядности известна у саков Приаралья, в пазырыкской, саргатской, тагарской и др. культурах. (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997, рис. 42; Мартынов А.И., 1973, рис. 24, 35, 38; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. XVII – 4, Матвеева Н.П., 2000, рис. 61; Боковенко Н.А., 1995, с. 38). Вследствие того, что исследователи, обращавшиеся к анализу погребального обряда культур скифского времени Западной Сибири и Казахстана на этой детали обрядности не заостряли внимания, нет возможности привести сравнительные данные по этой особенности обряда из других сопредельных с Верхним Приобьем регионов.

Проявления такой универсальной для многих культур скифского мира черты обрядности как расположение умершего в «позе всадника», говорит о том, что традиции населения Верхнего Приобья демонстрируют значительные черты единства с другими скифоидными культурами. Это, возможно, так же свидетельствует о единой основе происхождения погребальной обрядности культур скифского времени Западной Сибири и Казахстана.

Библиографический список

Боковенко Н.А. Новые археологические исследования в Юго-Западной Хакасии // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб., 1995. С. 37–39.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997. 188 с.

Мартынов А.И. Ягуня. Кемерово, 1973. 320 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке (лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск, 2000. 399 с.

Троицкая Т.Н. Пережитки матриархата в религиозных воззрениях племен большереченской культуры // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 69–70.

Троицкая Т.Н. Явление трагизма в скифо-сибирском мире // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 59–63.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.

Тур С.С., Фролов Я.В. Половозрастная дифференциация смертности и ее отражение в погребальном обряде населения староалейской культуры (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Вып. 2. С. 87–98.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я.В., Тур С.С. Особенности распределения предметов погребального инвентаря в захоронениях умерших различных половозрастных групп в могильнике староалейской культуры Фирсово XIV // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: ООО «Компания радуга», 2003. С. 100–108.

Археологические исследования в зоне проектируемого строительства магистрального газопровода «Алтай»

Е.С. Богданов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

РАБОТЫ ЮЖНО-АЛТАЙСКОГО ОТРЯДА В 2011 ГОДУ В КОШ-АГАЧСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

В 2011 году Южно-Алтайский отряд двумя рабочими группами (под руководством Н.В. Полосьмак и Д.В. Черемисина) в составе Алтайской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) провел археологическое обследование Кош-Агачского районе на участке: перевал Канас – Калгутинский перевал – Чуйская степь. Эта работа была проведена в связи с планирующимся строительством газопровода «Алтай». Всего участниками экспедиции было пройдено более 160 км. И хотя ширина зоны отчуждения по плану работ составляла всего 200 метров, нами обследовалась по крайней мере километровая зона от оси предполагаемого газопровода.

Весь участок можно условно разделить на две ландшафтные зоны, имеющие свои особые не только природно-климатические, но и исторические особенности. Это Укок (участок от перевала Канас и до Калгутинского перевала) и долины р. Усай, р. Тархата и р. Кокозек (участок Чуйской степи). Несмотря на достаточно слабое антропогенное воздействие от древности до современности, на этих землях располагаются уникальные погребальные и поминальные комплексы, наскальные изображения и писаницы, разнообразных археологических культур. Именно этими факторами обусловлена научная значимость исследуемого региона.

Первые археологические разведки на исследованных нами участках Кош-Агачского района были произведены в 1964 г. сотрудником Эрмитажа С.С. Сорокиным (1969) в долинах р. Усай и р. Тархата. До этого археологи посещали эти места лишь эпизодически (Сорокин С.С., 1969, с. 71). После этого в течение нескольких десятков лет в этих местах и на Укоке работала экспедиция Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством В.Д. Кубарева (1980). Однако результатом работы экспедиций С.С. Сорокина и В.Д. Кубарева стало несколько статей, в которых были перечислены открытые памятники, описаны некоторые местонахождения наскальных изображений, а так же даны схематичные глазомерные планы отдельных

могильников. Ситуация по каталогизации памятников улучшилась в результате планомерных работ на Уюке в 1990–1995 гг. экспедициями под руководством В.И. Молодина и Н.В. Полосьмак. Кроме масштабных раскопок, давших совершенно удивительный научный результат, были проведены и археологические разведки, результаты которых были опубликованы в коллективной монографии (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В. и др., 2004). Но, начиная с 1996 г. после введения Правительством Республики Алтай моратория на раскопки и объявления плоскогорья Уюк «зоной покоя», работы по поиску новых археологических памятников в Кош-Агачском районе производились лишь эпизодически.

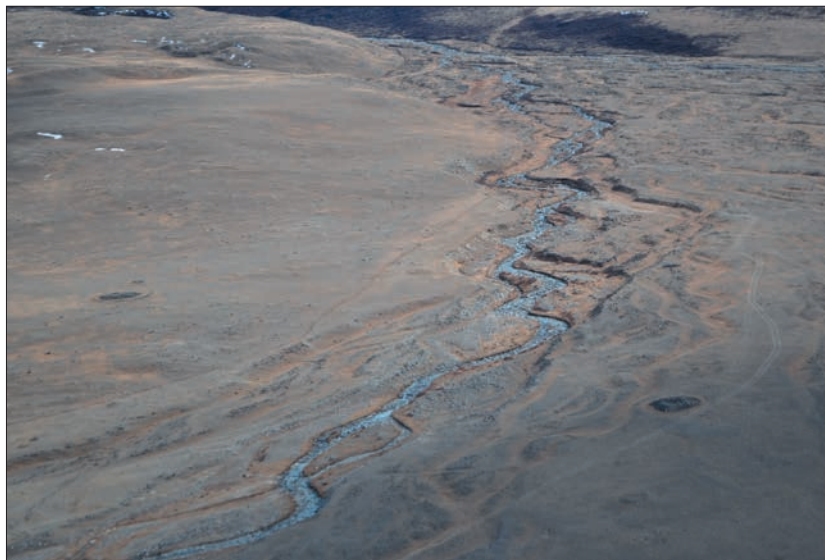

Рис. 1. Уюк. Долина р. Аргамджи. Слева памятник Таван-Богдо-Ула-1, объекты №2 (керексур) и №1, справа – памятник Богдо-Ула-14, объект №1.
Фото с северо-востока

Поэтому совершенно не вызывает удивления то, что в результате нашей работы в 2011 году было обнаружено 42 археологических памятника неизвестных ранее. И это только в окрестностях трассы планирующегося газопровода! Так, на участке от Калгутинского перевала и до перевала Канас было обнаружено 16 новых археологических памятников. Два – в районе ущелья Бетсу-Канас (могильники пазырыкского времени), 14 – в долине р. Аргамджи, у Гусиного озера (погребальные и поминальные комплексы раннего железного века и

средневековья). В долинах р. Тархата и Кокозек (участок Чуйской степи) было зафиксировано 26 новых памятников. Семь из них в долине р. Усай, 19 – в междуречье р. Тархата и Кокозек. Это разнообразные погребальные и поминальные комплексы раннего железного века и средневековья, а также 4 местонахождения наскальных рисунков. Все материалы были переданы Заказчику археологических работ, и в случае строительства газопровода «Алтай» нами было предложено либо археологические раскопки, либо варианты обхода. Особую тревогу у нас вызывают несколько объектов культурно-исторического наследия, которые могут быть уничтожены или повреждены при прокладке трассы газопровода.

1. Местонахождение петроглифов Калгутинский рудник, открытое В.И. Молодиным и Д.В. Черемисиным (1999) в 1996 году. Часть петроглифов, по-видимому, относится к эпохе бронзы. Отчетливо определяются рисунки в скифо-сибирском зверином стиле. Знаки, сходные с тамгами гунно-сарматского времени можно датировать в пределах соответствующей эпохи. Зафиксированы и современные изображения. Но фигуры лошадей, быков, оленя по стилю, технике нанесения, сохранности и другим особенностям можно отнести к эпохе финального плейстоцена (около 10 тыс. лет до н.э.) и атрибутировать как древнейшие наскальные изображения Горного Алтая (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В. и др., 2004, с. 19–21). Эти петроглифы представляют огромную научную и культурно-историческую ценность, так как на других памятниках наскального искусства Алтая пласт петроглифов, относящихся к эпохе верхнего палеолита, не представлен.

2. Поминально-погребальный комплекс Аргамджи-1, состоящий из керексуров и двух оленных камней, датирующихся приблизительно VIII–VII вв. до н.э. Обе стелы представляют собой символическое изображение героя-воина-предка. На стелах изображены диадемы, серьги, пояса, диск (видимо, зеркало?), а также оружие: чекан, лук в горите (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В. и др., 2004, с. 26–29, рис. 48–50). Данные оленные камни чрезвычайно редко встречаются в Горном Алтае, и являются единственными в своем роде на Укоке.

3. Огромный керексур (памятник Кокозек-9) в Чуйской степи, расположенный в междуречье р. Кокозек и Тархата (Богданов Е.С., Бородавский А.П., 2012, рис. 1). Это грандиозное сооружение в виде кольца диаметром 78 м, сложенное из мелкой гальки в один слой. В центре кольца располагается насыпь диаметром 20 м и высотой 1,5 м. Уникальность комплекса состоит не только в его размерах и сложной конструкции (есть и лучи и каменные насыпи), но и в том, что на территории керексура, практически на дневной поверхности фиксируются части деревянных конструкций – срубов из бревен. Исходя из того, что на

некоторых бревнах видны железные гвозди, можно предположить, что данные конструкции датируются более поздним, чем сам керексур, этнографическим временем. Таким образом, этот выдающийся комплекс, по-видимому, имел огромное значение для местного населения в различные эпохи.

В настоящее время, насколько нам известно, работы по строительству газопровода «Алтай» приостановлены. Пока не ясно, каким образом прокладчиками трассы будут учитываться пожелания и требования археологов, а также общественности. Но работа по выявлению памятников археологического наследия была очень своевременна и ее просто необходимо продолжать. Так, результаты наших работ в 2011 году в виде база данных могут использоваться для создания археологической карты (или хотя бы общего свода памятников) Кош-Агачского района Республики Алтай.

Библиографический список

Богданов Е.С., Бородовский А.П. Новые данные по керексурам Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 428–432.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск: Наука, 1980. С. 67–77.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 159 с.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 256 с. (Материалы по археологии Сибири. Вып. 3).

Сорокин С.С. Материалы к археологии горного Алтая // Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института Истории, языка и литературы. Вып. 8. Барнаул, 1969. С. 71–88.

**Д.В. Папин, А.А. Редников, А.С. Федорук,
С.П. Грушин, В.П. Семибратов, Я.В. Фролов**

Алтайский государственный университет, Барнаул

РАБОТЫ СЕВЕРОАЛТАЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОТРЯДА В ЗОНЕ ПРОЕКТИРУЕМОГО СТРОИТЕЛЬСТВА МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ» В 2011 ГОДУ

В связи с проектированием магистрального газопровода «Алтай», задачей североалтайского отряда Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН являлось проведение ар-

хеологических изысканий с целью выявления памятников археологии в зоне будущей трассы, на территории Бийского, Советского и Алтайского районов Алтайского края. Объектом исследований стала территория, испрашиваемая под строительство газопровода в границах указанных районов. Общая протяженность магистрали газопровода обследованного участка составила 135 км (рис. 1). Деятельность отряда осуществлялась в рамках Алтайской археологической экспедиции (начальник д-р ист. наук А.П. Бородавский) (Бородавский А.П., Горохов С.В., 2011). Были выполнены следующие виды работ:

1) выполнены архивно-библиографические изыскания по сбору данных об ОАН (объект археологического наследия), расположенных на указанной территории;

2) изучен картографический материал;

3) выполнены текстовая и графическая часть, включающая: историю исследований, географическое описание территории, описание ОАН, описание шурфов и разрезов, альбом иллюстраций;

4) проведена полномасштабная археологическая разведка на территории, испрашиваемой под строительство. Археологическая разведка включала три основных вида работ: визуальный осмотр территории, поиск подъемного археологического материала, закладку разведочных шурфов (размерами 2х2 м);

5) проведена топографическая съемка местности, на которой локализуется ОАН, созданы топографические и ситуационные планы ОАН с привязкой к ним всех археологических вскрытий;

6) на основе проведенных полевых исследований и камеральных работ выполнена итоговая текстовая и графическая часть научно-технического отчета.

Ось трассы магистрального газопровода «Алтай» расположена в границах км 1900–2035 (согласно картографическому материалу, предоставленного Заказчиком). Протяженность обследованного участка по оси трассы составляет 135 км. Ширина полосы земельного отвода под строительство по оси трассы составляет 50 м (по 25 м слева и справа от оси трассы). Земельные отводы, прилегающие к оси магистрального газопровода «Алтай» с обеих сторон расположены по всей протяженности обследованной части оси трассы. Ширина полосы обследования составила 200 м (по 100 м слева и справа от оси трассы). Разведка проводилась по методике, соответствующей требованиям ОПИ ИА РАН к проведению археологической разведки. Ориентирование на местности осуществлялось по картографическим материалам заказчика и вынесенным в натуру углам поворота участка работ, с применением приборов глобального позиционирования – GPS навигатора. Определение маршрута разведки основывалось на предоставленном заказчиком картографическом материале.

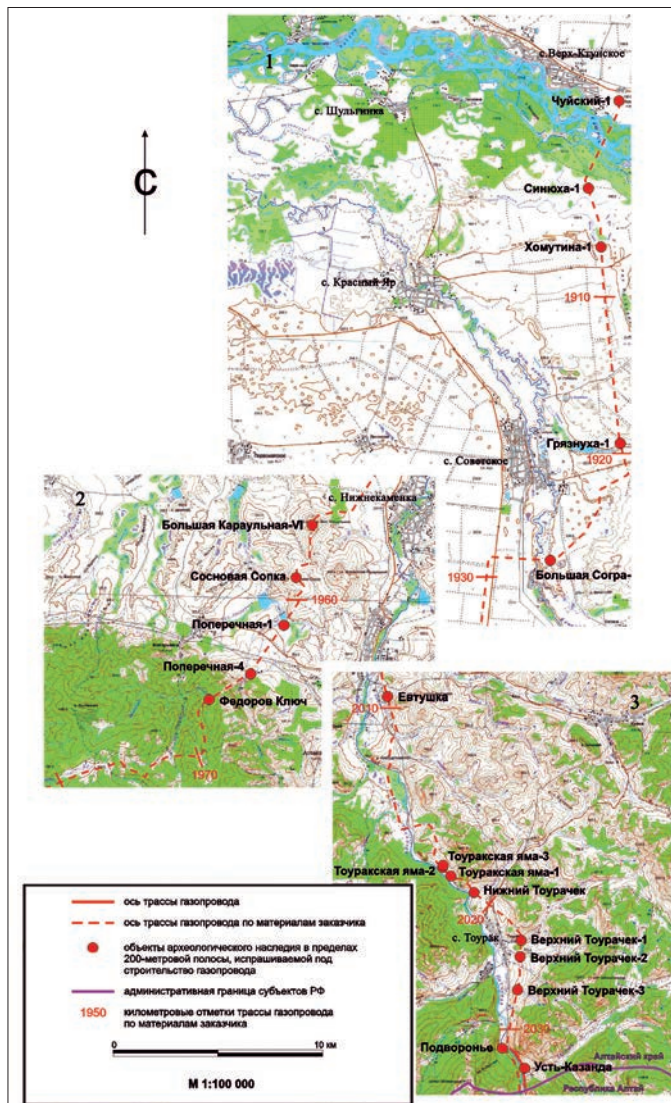

Рис. 1. Карта расположения памятников археологии на трассе газопровода «Алтай»: 1 – участок трассы газопровода «Алтай» с 1890 по 1930 км; 2 – участок трассы газопровода «Алтай» с 1950 по 1980 км; 3 – участок трассы газопровода «Алтай» с 2010 по 2030 км (по Научно-технический отчет №20/07/11-ИТЦ-ИАЭТ ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз. Приложение 2. Рисунок 4)

Серьезной проблемой стало то, что на отдельных участках присутствовали *расхождения* с трассой газопровода по материалам заказчика и фактической трассой, особенно между с. Куяган и Тоурак, в целом на обследуемой территории это более 35 км.

В отличие от правобережья Катуня, рассматриваемый регион нельзя отнести к категории достаточно изученных. Первые открытия связаны с именем научного сотрудника Бийского краеведческого музея С.М. Сергеева, им были сделаны открытия курганных комплексов у с. Красный Яр, впоследствии районы не раз посещались сотрудниками Алтайского государственного университета и НПЦ «Наследие»: М.Т. Абдуганеевым, А.Л. Кунгуровым, Д.А. Пугачевым, ими были выявлены новые памятники и велись работы по созданию археологической карты региона.

С географической точки зрения, рассматриваемый регион входит в состав Предалтайской равнины и северный фас Алтайских гор. Рельеф расчленён многочисленными водотоками, наиболее крупным из которых является Катунь, в предгорной части это долины рек Каменки и Песчаной. Данные особенности, выразившиеся в ярко выраженном террасировании, предопределили специфику проводимых работ, когда основной акцент делался на шурфовку всех перспективных участков. Как правило, закладывалось два-три шурфа в створе предполагаемого строительства и в случае фиксации находок, еще дополнительные с целью установления границ памятника. В результате проведенных работ, был выявлен двадцать один новый памятник археологии, а так же обследованы ранее открытые. В основном это поселения, и только одно местонахождение (скорее всего, распаханные курганы) и один курганный могильник. Находки представлены фрагментами керамики и каменными изделиями (рис. 6–7).

1. Чуйский-1, поселение. Памятник расположен в 0,68 км к западу-юго-западу от поселка Чуйский в Бийском районе Алтайского края. Поселение находится на мысовидном выступе первой надпойменной террасы долины р. Катунь. Высота террасы около 6 м. Южный склон террасы ранее раздувался, в настоящее время слабо задернован. Гребень выдува в виде небольшой гривы аккумулярован по краю террасы. Территория памятника распахана. На момент обследования была засеяна кормовой культурой. Вдоль западной границы памятника проходит полевая автодорога. Памятник обнаружен в ходе работ по обследованию трассы газопровода «Алтай» в 2011 г. На площади памятника были заложены 3 шурфа размерами 2x2 м. За 0 отметку был принят верх репера установленного ЗАО «Лимб» на краю террасы (рис. 2).

Шурф №1 заложен в центральной части поселения в 12 м от края террасы. Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 60 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Верхний слой пахоты пронизанный корнями. Мощность 2–4 см.

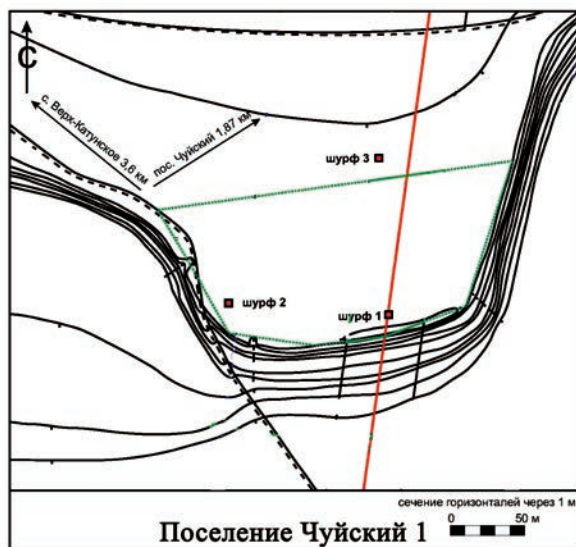

Рис. 2. План памятника Чуйский-1. Бийский район Алтайского края

2 горизонт. Серо-черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты. Мощность 20–25 см. Этот слой вычленяется слабо, так как последние несколько лет участок, где заложен шурф не распахивался. Мощность 20–25 см.

3 горизонт. Серо-черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь однородной структуры. У дна горизонта встречены отдельные гравийные включения. Мощность 16–23 см.

4 горизонт. Коричневато-серая тяжелая супесь. Пограничный прослой связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. В слое встречены отдельные включения гравийника. Мощность 8–12 см.

5 горизонт. Бело-желтый суглинок с включениями фракций песка и гравийника. Глубина горизонта снятия 5–10 см.

Артефакты встречены во 2 и 3 горизонтах. В 4 и 5 горизонтах находок нет. 5 горизонт принят за условный материк.

Находки встречены на глубине 25–30 см от дневной поверхности. Представлены четырьмя фрагментами стенок керамических сосудов без орнамента. Один фрагмент является придонной частью плоскодонного сосуда, со слабо выраженным ребром перехода днища к тулову (рис. 6–9).

Шурф №2 заложен в 100 м к западу от шурфа №1. Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 70 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Верхний слой пахоты пронизанный корнями. Мощность 2–4 см.

2 горизонт. Серо-черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты. Мощность 20–25 см.

3 горизонт. Серо-черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь однородной структуры. У дна горизонта встречены отдельные гравийные включения. Мощность 14–23 см.

4 горизонт. Коричневато-серая тяжелая супесь. Пограничный прослой связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. В слое встречены отдельные включения гравийника. Мощность 10–18 см.

5 горизонт. Бело-желтый суглинок с включениями фракций песка и гравийника. Глубина горизонта снятия 10–15 см. Находок нет.

Шурф №3 заложен в 100 м к северу от шурфа №1. Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 60 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Верхний слой пахоты пронизанный корнями. Мощность 2–4 см.

2 горизонт. Серо-черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь однородной структуры. У дна горизонта встречены отдельные гравийные включения. Мощность 14–23 см.

3 горизонт. Коричневато-серая тяжелая супесь. Пограничный прослой связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. В слое встречены отдельные включения гравийника. Мощность 10–18 см.

4 горизонт. Бело-желтый суглинок с включениями фракций песка и гравийника. Глубина горизонта снятия 10–15 см.

Фрагмент керамики без орнамента. Находки представлены 2 фрагментами стенок керамических сосудов без орнамента. Один фрагмент является придонной частью плоскодонного сосуда, со слабо выраженным ребром перехода днища к тулову. Предварительная датировка памятника – эпоха железа. Насыщенность артефактами культурного слоя слабая. Памятник представляет собой временную стоянку скотоводов. Географические координаты: N52.43965 E85.47545.

2. Синюха-1, поселение. Памятник расположен в 5,6 км к северо-западу от с. Кокши в Советском районе Алтайского края. Поселение находится на невысокой гриве в пойме р. Катунь, приуроченной к небольшому высохшему водотоку в 500 м к югу от заболоченной р. Синюха, мелкого левого притока р. Катунь. Памятник занимает наиболее возвышенный участок с северного края гривы, вдоль высохшего русла. Вдоль северного края гривы проходит полевая автодорога. Площадь памятника распахана. В 40 м к востоку и в 115 м к востоку от центральной оси газопровода «Алтай» на пахоте собран подъемный материал, состоящий из трех неорнаментированных фрагментов керамики, обломка каменного орудия (абразива?) неясного характера (рис. 6 – 1). Географические координаты: N52.40167 E85.45519. К востоку от оси газопровода был заложен шурф.

Шурф. Размеры 2x2 м. Максимальная глубина от дневной поверхности 60 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Черно-коричневая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты. Мощность 20–25 см.

2 горизонт. Черно-коричневая гумусированная супесь однородной структуры. Мощность 20–23 см.

3 горизонт. Желто-серая супесь. Глубина горизонта снятия 10–15 см.

1 и 2 горизонта содержат артефакты – 3 фрагмента керамики без орнамента. На 3 горизонте материалов не обнаружено. Предварительная датировка памятника – эпоха железа. Насыщенность артефактами культурного слоя слабая. Памятник представляет собой временную стоянку скотоводов.

3. Хомутина-1, поселение. Памятник находится в 4,2 км к востоку от с. Кокши Советского района Алтайского края. Поселение расположено на краю первой надпойменной террасы долины р. Катунь, в южной части выемки, террасы к западу от небольшого лога с юга на север прорезающего террасу. Памятник занимает ровную площадку с севера ограниченной склоном террасы с востока западным бортом лога и с запада небольшой ложбиной. Географические координаты: N52.37694 E85.46496. Площадь памятника распахана. В 70 м к западу от оси газопровода у края террасы на пахоте обнаружен фрагмент лепной керамики без орнамента. На месте находки заложен шурф №2.

Вдоль края террасы заложены 3 шурфа.

Шурф 2. Размеры 2x2 м. Максимальная глубина от дневной поверхности 65 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Черно-коричневая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты. Ближе к дну этого горизонта зафиксировано несколько тонких линз-прослоев мешанки желто-серого цвета с серо-черными вкраплениями. Мощность 20–28 см.

2 горизонт. Коричневато-серая супесь. Пограничный прослой, связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. Мощность 25–30 см.

3 горизонт. Желто-серая супесь. Глубина горизонта снятия 10–15 см.

Находок не обнаружено.

Шурф 3. Размеры 2x2 м. Максимальная глубина от дневной поверхности 65 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Черно-коричневая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты. Мощность 20–25 см.

2 горизонт. Черно-коричневая гумусированная супесь однородной структуры. Мощность 5–18 см.

3 горизонт. Коричневато-серая супесь. Пограничный прослой, связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. Мощность 25–35 см.

4 горизонт. Желто-серая супесь. Глубина горизонта снятия 10–15 см. Находок не обнаружено. Предварительная датировка памятника – эпоха железа. Насыщенность артефактами культурного слоя слабая.

Памятник представляет собой временную стоянку скотоводов.

4. Грязнуха-1, поселение. Памятник расположен в 4,2 км к востоку от с. Советское Советского района. Памятник расположен на краю северного борта лога, прорезающего 2-ю надпойменную террасу р. Каменки – левого притока р. Катунь. По дну лога протекает ручей Грязнуха. Вдоль края склона проходит полевая дорога. С северо-востока и юго-запада площадка поселения ограничена склонами не больших ложбин. Центральная и северная часть площади поселения распахана (рис. 3). Географические координаты: N52.29250 E85.48129.

У края склона лога заложено два шурфа.

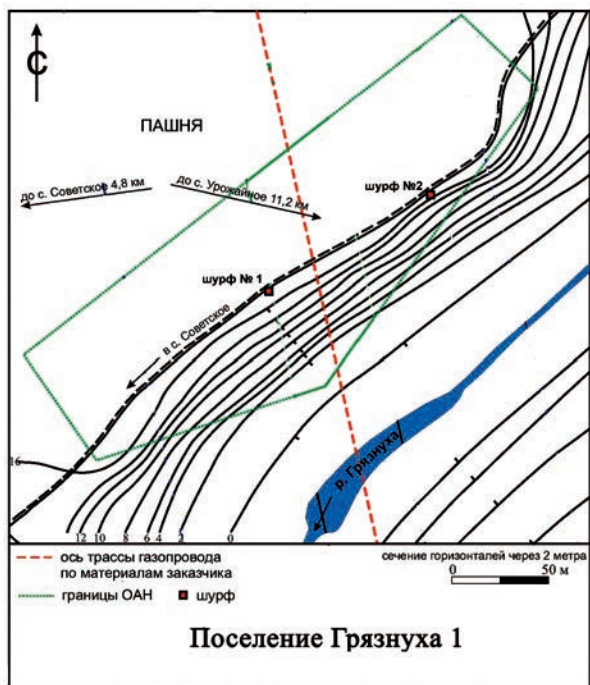

Рис. 3. План памятника Грязнуха-1. Советский район Алтайского края

Шурф №1. Заложен в 10 м от края террасы. Размеры 2х2 м. Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 70 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Мощность 2–4 см.

2. горизонт. Черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты (?). Мощность 10–15 см.

3 горизонт. Серо-черная гумусированная рыхлая зернистая супесь. Мощность 40–50 см.

4 горизонт. Коричневато-серая тяжелая супесь. Пограничный прослой, связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. Мощность 10–15 см.

5 горизонт. Бело-желтый суглинок. Глубина горизонта снятия 5–10 см.

Артефакты встречены в 1-м горизонте. Представляют собой осколки оконного стекла, битый кирпич, фрагмент керамики с поливой, сделанной на круге. Железное изделие. Данный материал датируется XX веком. На 3 горизонте найден отщеп и кость животного.

Находки в 3-м горизонте встречены на глубине 30–40 см от дневной поверхности.

Шурф №2. Заложен в 10 м от края террасы. Размеры 2х2 м. Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 100 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Мощность 2–4 см.

2. горизонт. Черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты (?). Мощность 8–10 см.

3 горизонт. Серо-черная гумусированная рыхлая зернистая супесь. Нижняя часть слоя ближе к подошве сильно повреждена норами грызунов. Мощность 60–75 см.

4 горизонт. Коричневато-серая тяжелая супесь. Пограничный прослой связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. Слой поврежден норами грызунов. Мощность 10–15 см.

5 горизонт. Бело-желтый суглинок. По уровню зачистки зафиксированы многочисленные норы грызунов. Глубина горизонта снятия 5–10 см.

Артефакты встречены в 1 горизонте. Представляют собой битый кирпич, фрагменты керамики с поливой, сделанной на круге. Данный материал датируется XX веком. В подошве 3-го горизонта на границе с 4 найден скребло. Предварительная датировка памятника эпоха верхнего палеолита (рис. 6 – 2, 4). Насыщенность артефактами культурного слоя слабая. Памятник представляет собой временную стоянку.

5. Большая Согра-1, поселение. Памятник расположен в 3 км к юго-юго-востоку от с. Советское Алтайского края. Поселение находится на 1-й надпойменной террасе долины р. Каменки. Вдоль края террасы тянется высохшее старое русло р. Каменки, частично заросшее кустарником. Поселение занимает ровную площадку вдоль края террасы. Восточный край поселения распаивается. Через центр памятника проходит

полевая дорога. В настоящее время территория памятника используется как пастбище. В южной части памятника сооружены временные постройки – загоны для скота, летняя дойка. Географические координаты: N52.24172 E85.43458.

Вдоль края террасы заложены два шурфа.

Шурф №1. Заложен в 7 м от края террасы. Размеры 2x2 м. Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 67 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Мощность 2–4 см.

2 горизонт. Черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты. Мощность 15–25 см.

3 горизонт. Серо-черная гумусированная тяжелая супесь. Мощность 35–45 см.

4 горизонт. Бело-желтый суглинок. Глубина горизонта снятия 5–10 см.

Артефакты встречены во 2 и 3 горизонтах. На глубине 15–40 см от дневной поверхности. Находки представлены многочисленными фрагментами керамики. Встречены венчики, с орнаментом в виде наколов, стенки орнаментированные прочерченными линиями и ямками, придонные части плоскодонных сосудов. Так же встречены отдельные кости животных.

Шурф №2. Заложен в 7 м от края террасы. Размеры 2x2 м. Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 67 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Мощность 2–4 см.

2 горизонт. Черная, слегка коричневатая тяжелая гумусированная супесь рыхлой, неоднородной структуры. Слой пахоты. Мощность 15–25 см.

3 горизонт. Серо-черная гумусированная тяжелая супесь. Слой поврежден норами грызунов. Мощность 35–45 см.

4 горизонт. Бело-желтый суглинок. Глубина горизонта снятия 5–10 см.

Артефакты встречены во 2 и 3 горизонтах. На глубине 15–40 см от дневной поверхности. Находки представлены многочисленными фрагментами керамики без орнамента (рис. 6 – 3, 5). Так же встречены отдельные кости животных. Предварительная датировка памятника – эпоха раннего железа. Насыщенность артефактами культурного слоя средняя. Памятник представляет собой временную стоянку скотоводов.

6. Курганный могильник Большая Караульная-VI. Расположен на небольшой площадке южного склона одноименной горы, в 260 м к югу от ее вершины, в 5,1 км к северо-западу от с. Алтайское Алтайского района Алтайского края. Через памятник проходит полевая дорога. Могильник состоит предположительно из четырех каменно-земляных курганов. Географические координаты: N52.03236 E85.30460.

Курган №1 самый большой в группе расположен в 24 м к юго-востоку от пикета «ЛСГС 0046 “ЗАО ЛИМБ 2011 г.”». Имел округлую

форму диаметром 15 м, высотой 0,5 м, в центре насыпи округлая западина диаметром 3 м, глубиной около 0,5 м.

Курган №2 расположен в 10 м к востоку от кургана №1. Имел округлую форму диаметром 5 м, высотой 0,2 м.

Курган №3 расположен в 10 м к югу от кургана №1. Имел округлую форму слегка вытянутую по линии запад-восток, диаметром 3 м, высотой 0,3 м.

Курган №4 расположен в 7 м к югу от кургана №3. Имел округлую форму слегка вытянутую по линии запад-восток, диаметром 4 м, высотой 0,2 м.

К востоку и юго-востоку от обозначенных объектов визуально фиксировались многочисленные всхолмления с камнями. Не исключено, что часть из них может являться курганами, а часть скальными выходами.

7. Сосновая Сопка, Местонахождение. Памятник расположен в 3,7 км к северо-западу от с. Алтайское Алтайского района Алтайского края. На восточном отроге сопки Сосновая, в его плоской возвышенной части на распаханном поле в нескольких метрах от оси газопровода «Алтай» обнаружен обломок железного наконечника стрелы (?). В 200 м западнее, на восточном склоне одноименной горы, в 300 м от ее вершины, на краю пашни был обнаружен обломок зернотерки (рис. 6 – 10). Не исключено, что эти находки происходят из полностью распаханного могильника, расположенного на водоразделе, образованном р. Поперечная и ручьем – ее правым притоком. Географические координаты: N52.00980 E85.29428.

8. Поселение Поперечная-1. Памятник расположен в 3,9 км к западу-северо-западу от с. Алтайское Алтайского района Алтайского края. На левом берегу р. Поперечная, между двумя ручьями, впадающими в речку Поперечная, один из которых – западный, имеет название «Овиновская стоянка», восточный ручей – безымянный. В 0,5 км к северо-западу от поселения расположен пруд и дамба. Площадь памятника в настоящее время распахивается. Ближе к восточному краю оси газопровода, на пашне, был заложен шурф. Географические координаты: N51.98928 E85.28657

Шурф №1 Максимальная глубина шурфа от дневной поверхности 80 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Верхний слой пахоты пронизанный корнями. Мощность 2–4 см.

2 горизонт. – Слой черной гумусированной почвы. Мощностью до 60 см.

3 горизонт. Темно-серая гумусированная почва. Пограничный прослой, связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. Мощность 20 см.

4 горизонт. Светло желтый суглинок (материк). Ниже 80 см.

В шурфе был обнаружен один фрагмент неорнаментированной керамики. Археологические находки приурочены к горизонту черной гумусированной почвы. Поселение, предварительно датируется ранним железным веком.

9. Поселение Поперечная-4. Памятник расположен в 5,3 км к западу-юго-западу от с. Алтайское Алтайского района Алтайского края на левом берегу р. Поперечная в 0,7 м выше по течению (к юго-западу) от поселения Поперечная-3. Памятник приурочен к небольшой округлой возвышенности, расположенной на левом берегу реки, в 250 м к северо-востоку от места выхода реки из горного ущелья. На памятнике было заложено два шурфа. Площадь памятника в настоящее время распаивается (рис. 4). Географические координаты N51.96804 E85.26462.

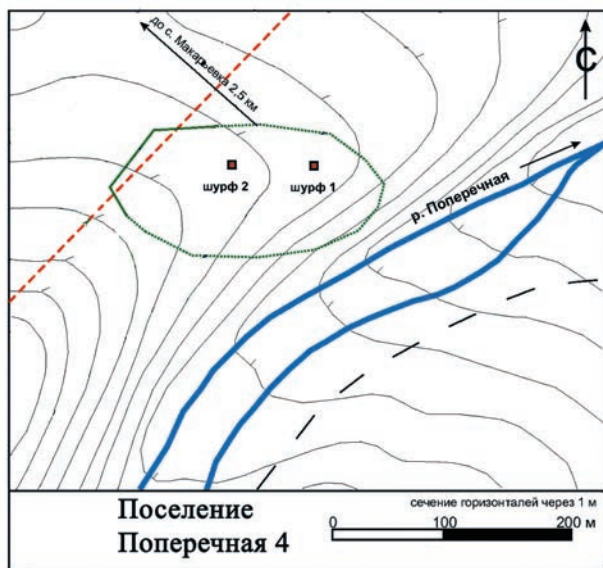

Рис. 4. План памятника Поперечная-4. Алтайский район Алтайского края

Шурф №1. Размечен в центре возвышенности, на самом высоком участке, на пашне. Максимальная глубина 80 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Верхний слой пахоты, пронизанный корнями. Мощность 2–4 см.

2 горизонт. Слой черной гумусированной почвы. Мощностью до 25 см.

3 горизонт. Темно-серая супесь. Мощность 20 см.

4 горизонт. Слой светло-серая супесь с вкраплениями суглинка светло-желтого цвета. Пограничный прослой, связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. Мощность 20–30 см.

5 горизонт. Светло желтый суглинок (материк). Ниже 80 см.

Археологические находки приурочены к слоям серой супеси. Обнаружено большое количество (более двух десятков) неорнаментированных фрагментов керамики, обломки оббитых галек. Во втором шурфе, размеченном в 50 м к западу от первого шурфа найдено три фрагмента керамики, среди которых можно отметить венчик сосуда. Поселение, предварительно датируется ранним железным веком.

Шурф №2. Заложен в 50 м. на запад от шурфа №1, на пашне. Максимальная глубина 80 см.

Стратиграфия:

1 горизонт. Слой дерна. Верхний слой пахоты пронизанный корнями. Мощность 2–4 см.

2 горизонт. Слой черной гумусированной почвы. Мощностью до 25 см.

3 горизонт. Темно-серая супесь. Мощность 20 см.

4 горизонт. Слой светло-серая супесь с вкраплениями суглинка светло-желтого цвета. Пограничный прослой, связанный с гумусовой пропиткой нижнего горизонта. Мощность 20–30 см.

5 горизонт. Светло желтый суглинок (материк). Ниже 80 см.

Археологические находки приурочены к слоям серой супеси. Найдено три фрагмента керамики, среди которых можно отметить венчик сосуда (рис. 6 – 6). Поселение, предварительно датируется ранним железным веком.

10. Поселение Федоров Ключ. Памятник расположен в 5,6 км к западу-юго-западу от с. Алтайское Алтайского района Алтайского края в горной местности на правом берегу ручья Федоров Ключ – правый приток речки Большая Поперечка, в 2 км от устья. Памятник приурочен к небольшой треугольной конусовидной площадке, образованной выносом рыхлых отложений из ущелья по которому проходит ручей, впадающий в Федоров Ключ. Через поселение проходит полевая дорога из с. Макарьевка на лесозаготовки, расположенные в верховьях Федорого Ключа. При обследовании многочисленных кротовин на этом участке был обнаружен небольшой фрагмент неорнаментированной керамики. Памятник представляет собой, вероятно, кратковременную стоянку скотоводов раннего железного века. Географические координаты: N51.95662 E85.23638.

11. Стоянка Евтушка. Памятник расположен в 1,3 км к востоку от южной окраины с. Куяган Алтайского района Алтайского края на правом берегу р. Песчанной, на цокольном останце, перекрытом делювиальным шлейфом конус-выноса. Через памятник проходит полевая дорога, его

площадь в настоящее время используется под покос, край террасы задернован. Гипсометрически площадь памятника соответствует уровню третьей надпойменной террасе р. Песчаная. Памятник датируется каменным веком. Географические координаты: N51.67951 E84.93124.

Шурф №1. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину до 112 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью до 4–6 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до 60 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину 40–55 см. Обнаружено два каменных изделия.

Шурф №2. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину до 90 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью до 4–6 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до 80 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину до 14 см. Обнаружено три каменных отщепа.

12. Поселение Тоуракская Яма-1. Памятник расположен в 2,5 км к северо-западу от северной окраины с. Тоурак Алтайского района Алтайского края на участке второй надпойменной террасе правого берега р. Песчаная в месте ее пересечения безымянным ручьем. Вдоль памятника проходит полевая дорога с. Тоурак – с. Куяган. Памятник датируется каменным веком. Географические координаты: N51.60309 E84.97838.

Шурф №1. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину 142 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью до 8 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до 127 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину до 12 см. Обнаружено два каменных изделия.

13. Поселение Тоуракская Яма-2. Памятник расположен в 3,1 км к северо-западу от северной окраины с. Тоурак Алтайского района Алтайского края на первой надпойменной террасе правого берега р. Песчаная. Географические координаты: N51.60664 E84.97248.

Шурф №1. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину 115 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью 6–8 см, гумусированный слой черного цвета мощностью 40–60 см в подошве которого фиксируется прослой гравийника мощностью до 15 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину 28–38 см. Обнаружен венчик керамического сосуда ориентированный по срезу насечками (рис. 6 – 8).

14. Поселение Тоуракская Яма-3. Памятник расположен в 3,2 км к северо-западу от северной окраины с. Тоурак Алтайского района Алтайского края на мысовидном выступе образованном третьей надпойменной террасе правого берега р. Песчаная. Памятник датируется каменным веком. Географические координаты: N51.60753 E84.97370.

Шурф №1. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину 102 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью 4–6 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до

70 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину до 30–34 см. Обнаружено одно каменное изделие.

15. Поселение Нижний Тоурачек. Памятник расположен в 1,4 км к северо-северо-западу от северной окраины с. Тоурак Алтайского района Алтайского края на мысовидном выступе образованном первой надпойменной террасой и правого берега р. Песчанная и Нижний Тоурачек, в месте ее выхода в долину р. Песчанной. Географические координаты N51.59630 E84.99517.

Шурф №2. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину до 84 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью 4–6 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до 52 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину до 29 см. Обнаружено два фрагмента керамики.

Шурф №3. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину 105 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью 4–6 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до 92 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину до 8 см. Обнаружено три фрагмента керамики, один из фрагментов орнаментирован отпечатками гребенчатого штампа, возможно, датируется эпохой ранней бронзы (рис. 6–7).

16. Поселение Подворонье. Памятник расположен в 4 км к югу от южной окраины с. Тоурак Алтайского района Алтайского края на первой надпойменной террасе правого берега р. Песчаная. Площадь террасы в месте расположения памятника ровная с небольшим уклоном в сторону реки. Через памятник проходит полевая дорога из с. Тоурак в с. Ильинку Республики Алтай (рис. 5). Памятник датируется каменным веком. Географические координаты: N51.52988 E85.01761.

Шурф №2. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину 105 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью 4–6 см, гумусированный слой черного цвета мощностью 90–95 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину до 6 см. Обнаружено одно каменное скребло (рис. 7).

Шурф №3. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину 112 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью 4 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до 88 см в подошве которого фиксируется прослой гравийника мощностью до 20 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину до 6 см. Обнаружено три каменных отщеп.

Шурф №5. Размеры шурфа 2х2 м. Ориентирован стенками по сторонам света. Выбран на глубину 122 см. Стратиграфия: слой дерна мощностью 4 см, гумусированный слой черного цвета мощностью до 106 см, суглинок желтого цвета, пройден на глубину 8–10 см. Обнаружено три каменных отщеп.

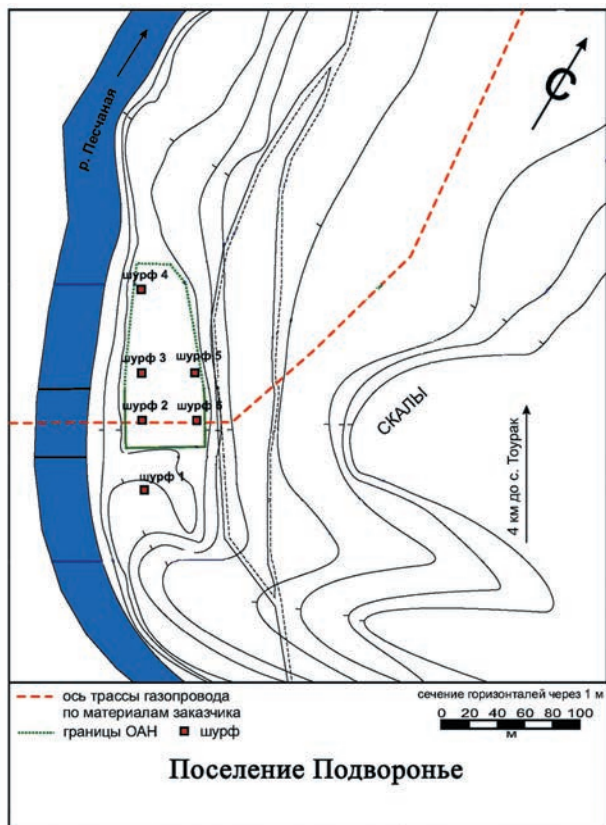

Рис. 5. План памятника Подворонье.
Алтайский район Алтайского края

В культурно-хронологическом плане памятника, предварительно, можно отнести к раннему железному веку, и четыре датировать каменным веком. Такое ранжирование объектов, на наш взгляд во многом объясняется тем, что данный регион, с точки зрения природно-климатических условий является, одной из зон традиционного хозяйства основанного на скотоводстве.

Наиболее перспективными объектами для раскопок являются поселение Чуйское, расположенное на правом коренном берегу р. Катуня, и комплекс поселений Поперечное, находящихся в районе выхода из гор ручья Поперечный. Памятники относятся к раннему железному веку, выявленная стратиграфия показала наличие значительного культурного слоя.

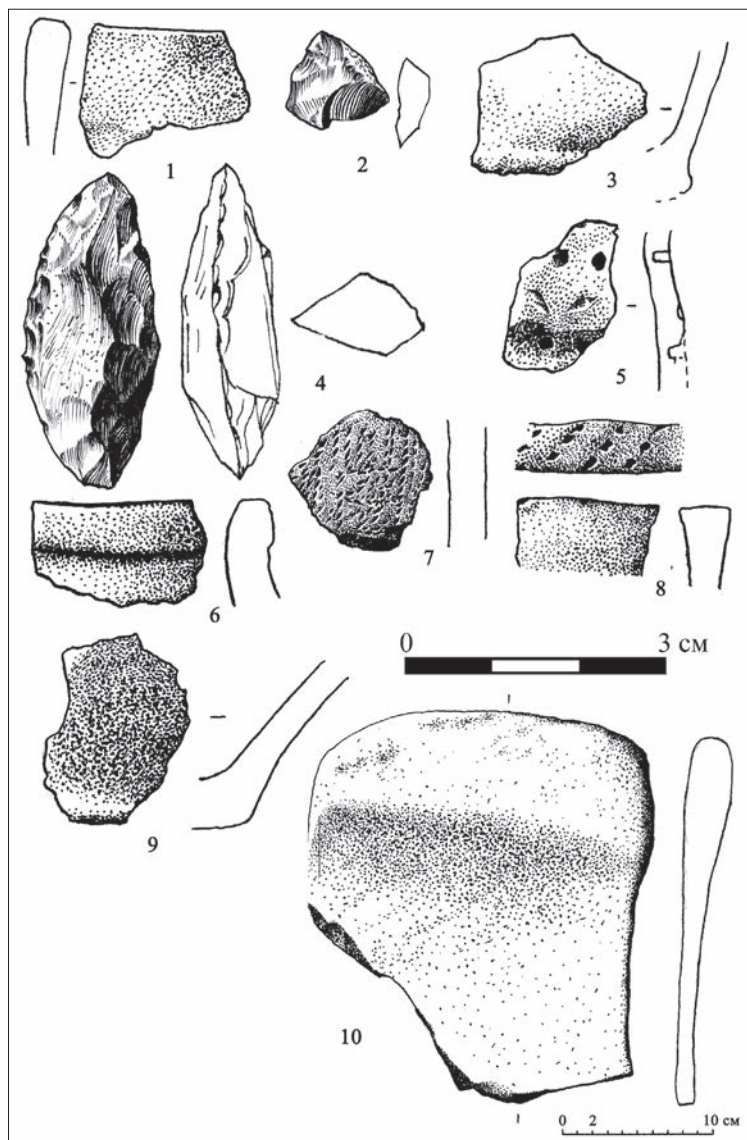

Рис. 6. Археологический материал с памятников, попадающих в створ трассы газопровода «Алтай»: 1 – поселение Синюха-1; 2, 4 – поселение Грязнуха-1; 3, 5 – поселение Большая Согра-1; 6 – поселение Поперечная-4; 7 – поселение Нижний Тоурачек; 8 – поселение Тоурацкая Яма-2; 9 – поселение Чуйский-1; 10 – Сосновая Сопка

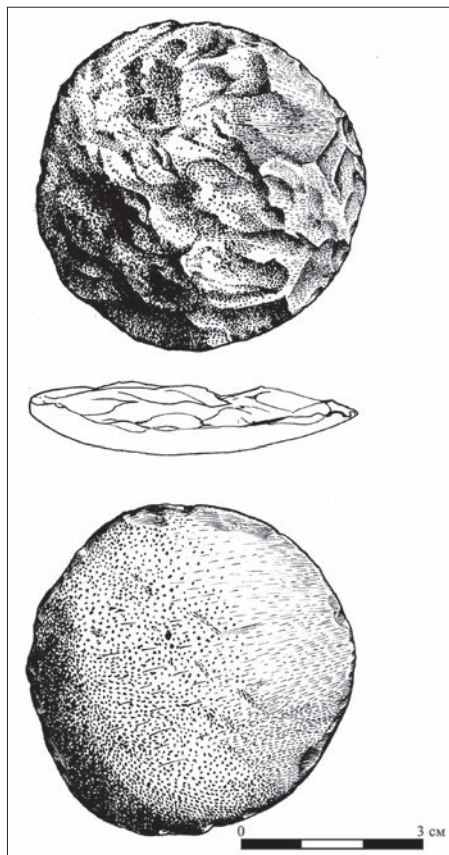

Рис. 7. Поселение Подворонье. Каменное скребло

В ходе археологического обследования 200 м полосы землеотвода трассы магистрального газопровода «Алтай» на территории Алтайского края северо-алтайским отрядом было выявлено 16 ОАН (курганный могильник Большая караульная-VI, местонахождение Сосновая сопка, поселения Чуйский-1, Синюха, Хомутина, Грязнуха, Большой согра, Поперечное-1, 2, Федоров Ключ, Евтушка, Тоуракская яма-1, Тоуракская яма-2, Тоуракская яма-3, Нижний Тоурачек, Подворонье). Кроме того, непосредственно примыкают к 200-метровой охранной зоне четыре выявленных памятника: ручей Топучий-1, Топучий-2 и Поперечная-2, Поперечная-3, которые могут пострадать при строительстве. Кроме того, палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН было выявлено еще три объекта каменного века (Верх Тоурачек 1.2,3).

Для данных ОАН предложен перечень мероприятий для обеспечения их сохранности в случае строительства газопровода по существующему проекту, а также варианты обхода трассой газопровода ОАН в случае корректировки существующего проекта строительства магистрального газопровода «Алтай».

Библиографический список

Бородовский А.П., Горохов С.В. Результаты археологических изысканий по трассе магистрального газопровода «Алтай» в 2011 году (Алтайский Край и Республика Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. Новосибирск, 2011. Т. XVII. С. 373–377.

Научно-технический отчет №20/07/11-ИТЦ-ИАЭТ-ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз «Археологическое обследование с целью выявления объектов археологического наследия на территории Бийского, Советского, Алтайского районов Алтайского края, Шебалинского, Онгудайского, Улаганского Кош-агачинского районов республики Алтай, испрашиваемой под строительство магистрального газопровода «Алтай». Том. Часть 1. Новосибирск, 2011.

**Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук,
А.А. Редников, С.П. Грушин, А.Л. Кунгуров,
С.С. Матренин, В.П. Семибратов, Н.Н. Серегин, Я.В. Фролов**

Алтайский государственный университет, Барнаул

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ ПО ТРАССЕ МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ» НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 2012 ГОДУ

В июне – августе 2012 г. археологами ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» было проведено археологическое обследование на территории, испрашиваемой под строительство магистрального газопровода «Алтай» в Алтайском крае (Залесовский, Первомайский, Заринский, Кытмановский, Троицкий, Зональный, Бийский районы) (рис. 1). Работы проводились на основании договора с Институтом археологии и этнографии СО РАН и заключались в проведении археологического обследования (археологических разведочных работ) с целью выявления ОАН (объектов археологического наследия) в границах землеотвода под строительство магистрального.

Археологические разведки проводились четырьмя разведочными отрядами общей численностью 30 человек. Были проведены следующие виды работ:

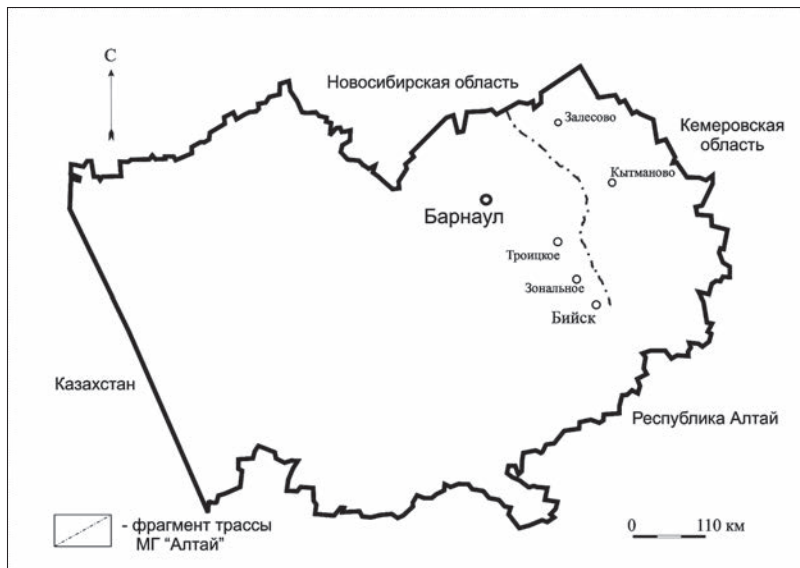

Рис. 1. Схема прохождения трассы газопровода по территории Алтайского края

- 1) выполнены архивно-библиографические изыскания по сбору данных об ОАН, расположенных на указанной территории;
- 2) изучен картографический материал;
- 3) выполнены текстовая и графическая часть, включающая: историю исследований, географическое описание территории, описание ОАН, описание шурфов и разрезов, альбом иллюстраций;
- 4) проведена полномасштабная археологическая разведка на территории, испрашиваемой под строительство. Археологическая разведка включала три основных вида работ: визуальный осмотр территории, поиск подъемного археологического материала, закладку разведочных шурфов (размерами 2x2 м);
- 5) проведена топографическая съемка местности, на которой локализируются ОАН, созданы топографические и ситуационные планы ОАН с привязкой к ним всех археологических вскрытий;
- 6) на основе проведенных полевых исследований и камеральных работ выполнена итоговая текстовая и графическая часть научно-технического отчета.

В результате проведенной археологической разведки в полосе отвода земель и на прилегающих к ней участках было обследовано и выявлено семь ОАН – поселений, курганная группа, местонахождение.

Территория, по которой проходит трасса магистрального газопровода «Алтай», относится к региону Верхнего Приобья и располо-

жена на Бийско-Чумышской возвышенности. Бийско-Чумышской возвышенность или Обь-Чумышское плато расположено между долинами рек Бии, Оби и Чумыша, представляет собой вытянутую в северо-западном направлении возвышенную холмисто-увалистую равнину с абсолютными отметками высоты 260–400 м. Плато глубоко расчленено притоками Оби и Чумыша. Примыкает к подножию Салаирского кряжа и вытянуто по простиранию его в северо-западном направлении. Характеризуется оно пологоувалистым рельефом с абсолютными отметками 200–300 м на севере и 350–400 м на юге. Значительная приподнятость над базисом эрозии Обью – (120 м), обуславливает развитие густой сети балок, долин с узкими водоразделами, имеющими характер вытянутых увалов и холмов. Продольный профиль Обь-Чумышского водораздела характеризуется наличием седловин, образованных в результате сближения вершин притоков, принадлежащих различным речным системам. По обе стороны осевой линии водоразделов начинаются пологие склоны, расчлененные притоками рек Оби и Чумыша. Долины притоков прямолинейные и ориентированы в северо-восточном направлении.

Разведка проводилась по методике, соответствующей требованиям ОПИ ИА РАН к проведению археологической разведки. Ориентирование на местности осуществлялось по картографическим материалам заказчика и вынесенным в натуру углам поворота участка работ, с применением приборов глобального позиционирования – GPS навигатора. Определение маршрута разведки основывалось на предоставленном заказчиком картографическом материале.

Ось трассы магистрального газопровода «Алтай» расположена в границах км 1656 – 1900 (согласно картографическому материалу, предоставленного Заказчиком). Протяженность обследованного участка по оси трассы составляет 244 км. Ширина полосы земельного отвода под строительство по оси трассы составляет 50 м (по 25 м слева и справа от оси трассы). Земельные отводы, прилегающие к оси магистрального газопровода «Алтай» с обеих сторон расположены по всей протяженности обследованной части оси трассы. Ширина полосы обследования составляет 200 м (по 100 м слева и справа от оси трассы).

Разведка проходила пешим маршрутом, каждый из участков тщательно осматривался, дополнительно изучались обнажения почвенных слоев (природные и техногенные осыпи). Производилась фотофиксация с масштабных реек стандартных геодезических длиной 3 и 5 м. В результате натурного обследования территории были выделены перспективные для расположения ОАН места, которые обследовались наиболее тщательно. Здесь проведен визуальный осмотр на предмет поиска визуальных признаков ОАН и археологического материала в подъемном залегании.

Серьезной проблемой стало то, что на отдельных участках присутствовали расхождения с трассой газопровода по материалам заказчика и фактической трассой. В частности это относится к местонахождению Пурьсево-1, поселению Енисейское-6, Чемровка-1, Енисейское гора, в районе перехода р. Белой и на участке от р. Чемровка и до Катуня, включая переход через р. Бия.

Началом обследования трассы МГ «Алтай» стал 1656 км на границе с Новосибирской областью. Трасса газопровода проходила по болотистой местности – пойме р. Чумыш, затем на Бийско-Чумышскую возвышенность, изрезанную глубокими логами и истоками рек и лишь перейдя р. Бия трасса газопровода вышла на Предалтайскую равнину. Определенную трудность выполнения разведочных работ представляли болота в пойме р. Чумыш, а также с/х уголья. Высокая луговая растительность осложняла поиск пикетов без деревянных вешек, а также выявление археологических объектов даже с отчетливо выраженными признаками на современной поверхности.

Как уже было указано, было зафиксировано семь объектов археологического наследия попадающих в проектируемую зону магистрального газопровода «Алтай»:

1. Видоново-1 (курганый могильник) расположен на правом берегу р. Чумыш, в 2,23 км к ЮВ от восточной окраины с. Видоново Залесовского района Алтайского края, в 1,85 км к Ю от дороги с. Видоново – с. Черемушкино, на высоком мысу второй надпойменной террасы вдающемся в первую надпойменную террасу. Открыт в 1955 г. А.П. Уманским, в 1988 г. А.Н. Телегин (1991) раскопал два кургана. На территории могильника визуально фиксируется 30 курганных насыпей и котлованы от трех раскопанных объектов (рис. 2). На площади зоны землеотвода визуально фиксируется два кургана (курган №21 имеет насыпь округлой в плане формы диаметром 9 м и высотой 0,7 м, курган №22 также округлой в плане формы диаметром 8,5 м и высотой 1 м). Возможно, наличие захоронений в межкурганном пространстве. Памятник датируется скифской эпохой. Географические координаты: 1) N-53°58'21,5', E-084°06'08,6'; 2) N-53°58'21,8', E-084°05'51,7'; 3) N-53°58'18,6', E-084°05'52,8'; 4) N-53°58'17,4', E-084°05'52,3'; 5) N-53°58'14,4', E-084°05'48,9'; 6) N-53°58'13,5', E-084°05'46,8'. 7) N-53°58'12,1', E-084°05'47,6'; 8) N-53°58'11,5', E-084°05'49,0'; 9) N-53°58'12,3', E-084°05'50,2'; 10) N-53°58'12,3', E-084°05'51,0'; 11) N-53°58'13,1', E-084°05'52,2'; 12) N-53°58'14,0', E-084°05'53,3'; 13) N-53°58'15,1', E-084°05'54,1'; 14) N-53°58'16,3', E-084°05'53,3'; 15) N-53°58'17,2', E-084°05'58,4'; 16) N-53°58'17,9', E-084°05'57,7'; 17) N-53°58'18,2', E-084°05'58,5'; 18) N-53°58'18,2', E-084°06'01,4'.

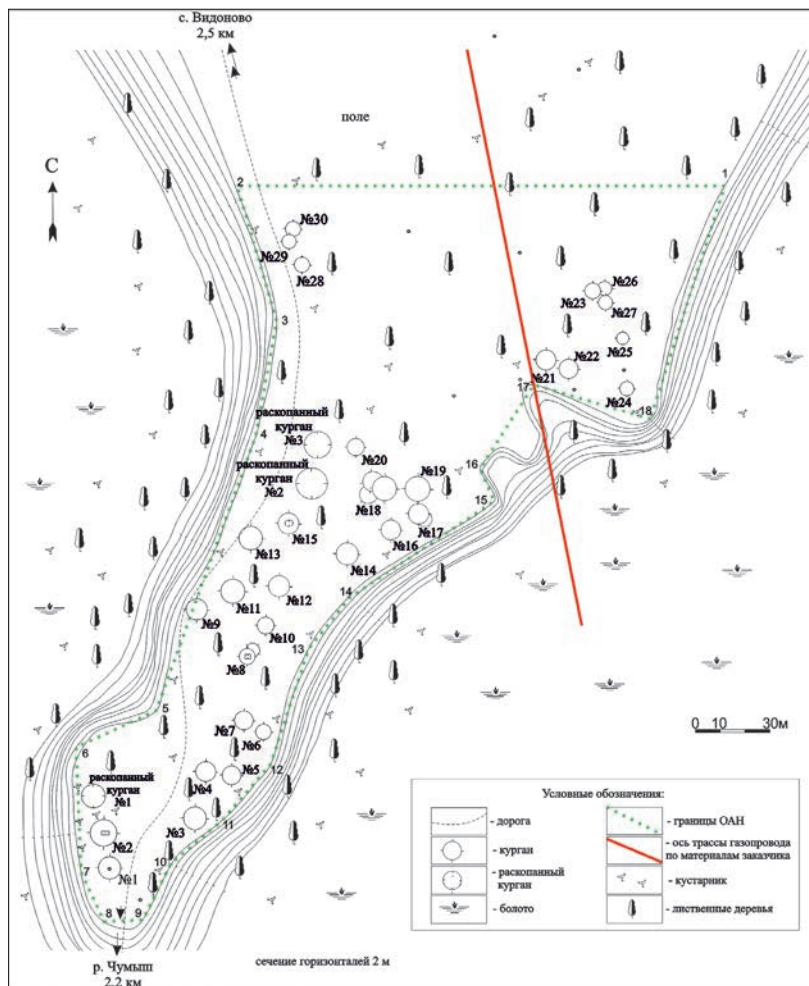

Рис. 2. План курганного могильника Видоново-1

2. Пурысево-1 (местонахождение) расположено на левом берегу р. Чумыш, в 2,44 км к СВВ от восточной окраины с. Пурысево Залесовского района Алтайского края, в 0,8 км к ЮВ от р. Чумыш на второй его надпойменной террасе (рис. 4). На территории памятника визуально следов поселения не фиксируется. Вдоль полевой дороги проходит старая противопожарная траншея, при осмотре которой был обнаружен фрагмент железного черешкового ножа (рис. 5 – 24). На месте находки (40 м к В от центральной оси зоны землеотвода) был заложен шурф координаты:

Н-53°56'56,1', Е-084°07'48,8') размерами 2х2 м. Стратиграфия: дерн (в противопожарной траншее отсутствует) – 0,06–0,11 м, почва А (гумусированная супесь черного цвета) – от 0,02 м (в противопожарной траншее) до 0,2 м, ниже – материк (серо-желтая супесь). Находок в шурфе не обнаружено. Объект датируется ранним средневековьем. Памятник расположен в стороне от трассы выданной по материалам заказчика.

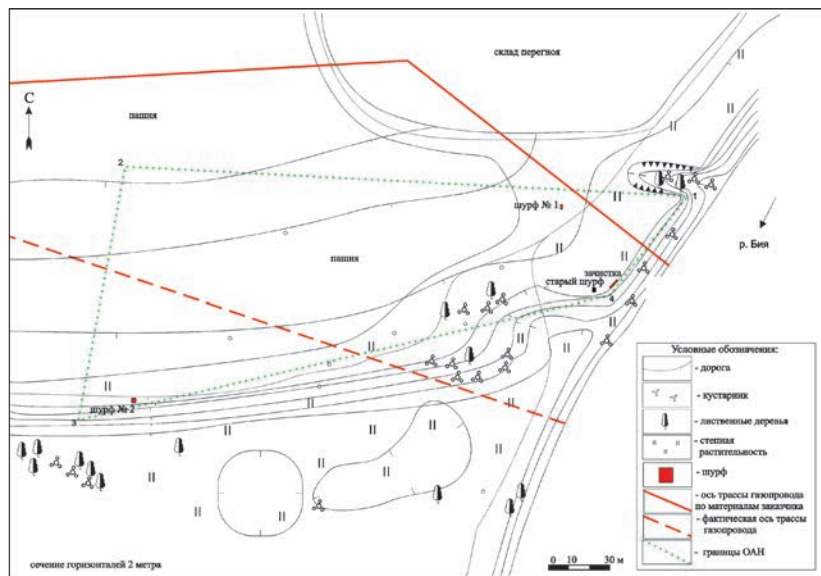

Рис. 3. План поселения Енисейское-VI

3. Луговское-4 (поселение) расположено на правом берегу р. Шубенка, в 2,35 км к СВ от восточной окраины с. Луговское Зонального района Алтайского края, в 1,4 км к ЮЗ от летней фермы с. Луговское, на пологом краю второй надпойменной террасы. На территории памятника визуально фиксируется ряд западин различных размеров и форм. С поверхности территории поселения собран ряд металлических изделий (железный коловорот, два железных кованых гвоздя, два железных проволочных гвоздя, железное кольцо, пуговица медная, монета в одну копейку 1929 года, фрагмент свистульки гармошки их цветного металла) (рис. 5 – 1). На краю террасы заложен шурф №1 размерами 2х2 м (координаты: N-52°46'51,6', Е-085°12'59,3') размерами 2х2 м. Стратиграфия: дерн – 0,02–0,04 м, почва А (супесь серо-коричневого цвета) – 0,18–0,28 м, почва Б (коричнево-серая супесь) – 0,2–0,3 м, слой коричнево-желтой супеси – 0,3–0,45 м, ниже – материк (желто-белая супесь). Находок в шурфе не обнаружено. В 65 м к СЗ от шурфа №1 заложен шурф №2 (координаты: N-52°16'53,2', Е-085°12'57,3') размерами 2 (по линии С–Ю) х 1 (З–В) м.

Стратиграфия: дерн – 0,02–0,04 м, песчаный надув – 0,1–0,12 м, почва А (темно-серая супесь) – 0,17–0,28 м, почва Б (серая супесь) – 0,45–0,5 м, ниже – материк (серо-желтая супесь). Находок также не обнаружено. Поселение датируется новейшим временем.

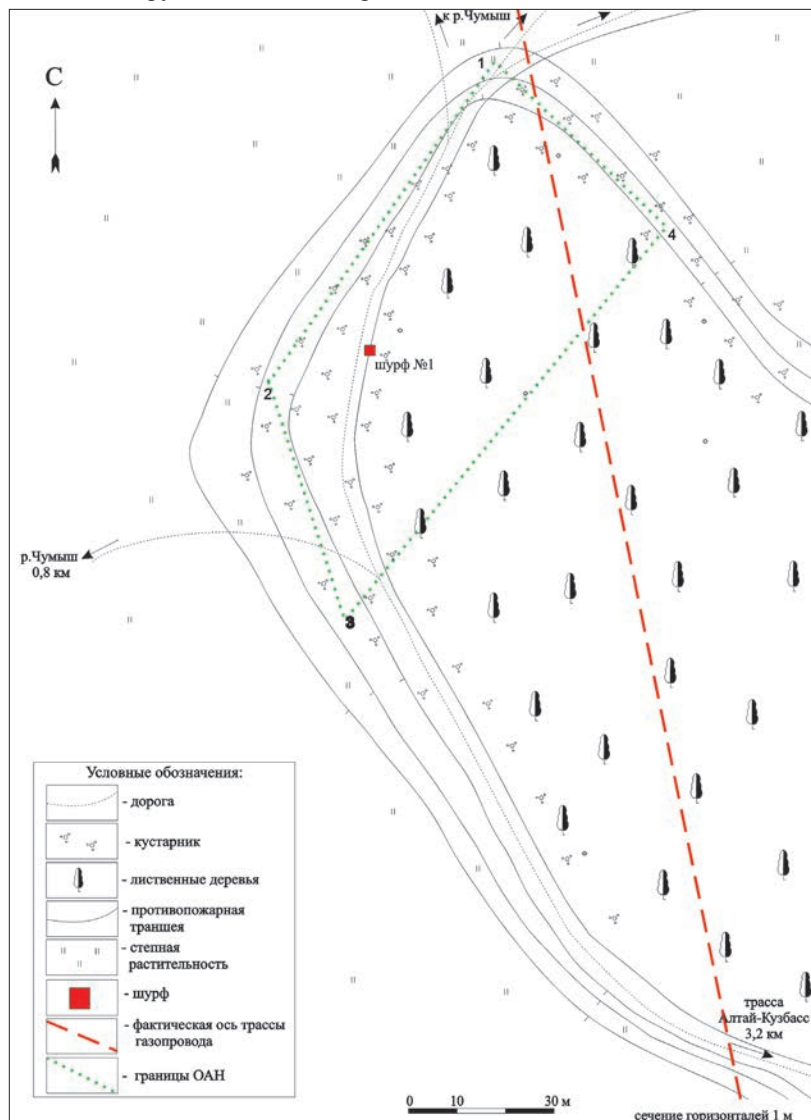

Рис. 4. План поселения Пурьсево-1

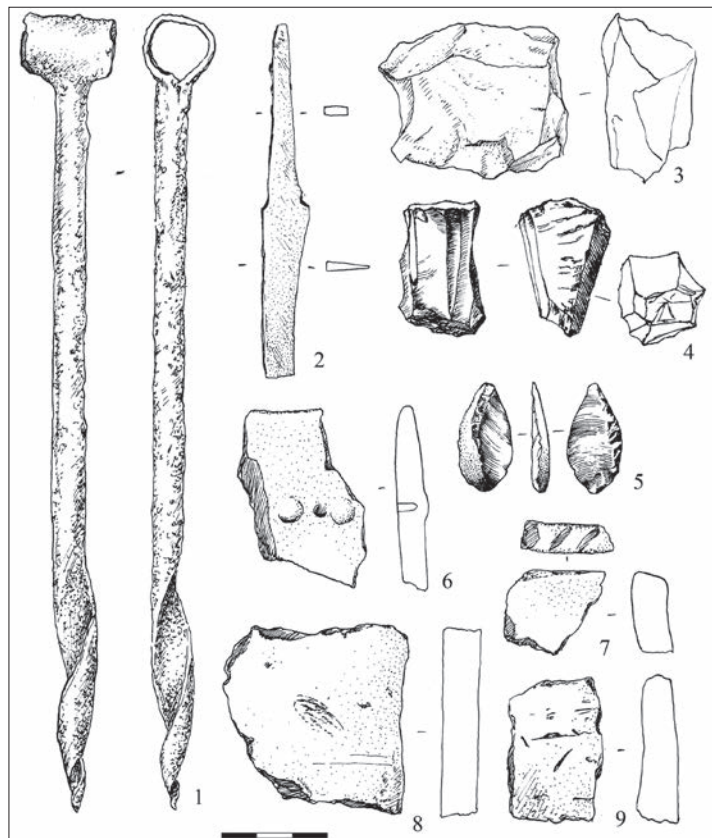

Рис. 5. Материалы, обнаруженные при прохождении трассы газопровода

4. Луговское-3 (поселение) расположено на левом берегу р. Шубенка, в 2,27 км к СВ от восточной окраины с. Луговское Зонального района Алтайского края, в 1,46 км к ЮЗ от летней фермы с. Луговское (расположена на правом берегу р. Шубенка), на обрывистом краю первой надпойменной террасы. На территории памятника визуально следов поселения не фиксируется. На обрыве берега р. Шубенка в центральной части зоны земледелия произведена зачистка №1 (координаты зачистки N-52°46'46,9', E-085°13'04,0') береговых обнажений (1x4 м). Стратиграфия разреза: дерн – 0,05 м, почва А (черно-серая супесь) – 0,34–0,44 м, почва Б (желто-коричневая супесь) – 0,06–0,1 м, слой мешаной черно-серой супеси с белесыми вкраплениями – до 0,12 м, ниже – материк (бело-серая супесь). В ЮЗ части зачистки с верхнего уровня почвы Б прослежена ямка диаметром до 0,3 м заполненная слоем

черно-коричневой супеси. В СВ части зачистки в средней части почвы А обнаружен один фрагмент стенки керамического сосуда. В 55 м к ЮЗ от зачистки №1 произведена зачистка №2 (координаты: N-52°46'45,9', E-085°13'01,7') размерами 1x2 м. Стратиграфия: дерн – 0,05 м, почва А (коричнево-серая супесь) – 0,14–0,2 м, почва Б (каштановая супесь) – 0,2–0,25 м, ниже – материк (светло-желтая супесь). Находок не обнаружено. В 30 м к ЮЮВ от зачистки заложен шурф №1 (координаты N-52°46'46,1', E-085°13'04,8') размерами 1 (по линии З–В) x 2 (по линии С–Ю) м. Стратиграфия: дерн – 0,02–0,05 м, почва А (коричневая супесь) – 0,13–0,18 м, почва Б (супесь серо-черного цвета) – 0,04–0,08 м, супесь коричнево-желтого цвета – 0,12–0,15 м, ниже – материк (желтая супесь). Находок в шурфе не обнаружено. Поселение датируется ранним железным веком.

5. Чемровка-1 (поселение) расположено на левом берегу р. Чемровка, в 6,14 км к СВ от восточной окраины с. Старая Чемровка Бийского района Алтайского края, в 0,1 км к ЮВ от р. Чемровка на второй его надпойменной террасе. На территории памятника визуально следов поселения не фиксируется. В 50 м к ЮВ от зоны землеотвода заложен шурф №1 (координаты: N-52°42'06,5', E-085°15'55,1') размерами 2x2 м (рис. 638–645). Стратиграфия: дерн – 0,02–0,05 м, почва А (серо-черная гумусированная супесь) – 0,18–0,28 м, ниже – материковые отложения (каштаново-коричневая супесь). В шурфе №1 в слое почвы А обнаружено 14 фрагментов стенок керамических сосудов и один фрагмент кости животного, а на стыке почвы А и материка – один каменный отщеп (рис. 5 – 5, 8, 9). Поселение датируется неолитом и эпохой средневековья. Памятник расположен в стороне от трассы выданной по материалам заказчика.

6. Енисейское гора-1 (поселение) расположено на правом коренном берегу р. Бия, в 3,8 км к ЗСЗ от западной окраины с. Большое Енисейское Бийского района Алтайского края, в 0,185 км к Ю от трассы г. Бийск – с. Артыбаш. Визуально на территории памятника фиксируется одна крупная западина размерами 9x10 м ориентированная длинной стороной по линии С–Ю. Западная часть террасы в прошлом, очевидно, была снята тяжелой техникой. На территории поселения обнаружен ряд фрагментов металлических изделий: два железных кованых гвоздя, два железных проволочных гвоздя, головка железного болта, четырехгранная железная гайка, однокопеечная монета 1987 года выпуска и ряд фрагментов металлических изделий неясного назначения. В центральной части зоны землеотвода вдоль склона мыса нами заложен шурф (координаты шурфа: N-52°34'53,0', E-085°25'08,6') размерами 1 м (по линии С–Ю) на 4 м (по линии З–В). Стратиграфия шурфа: дерн – 0,02–0,05 м, почва А (темно-серая супесь) – 0,04–0,2 м, ниже – материк (желто-белая супесь). В шурфе находок не обнаружено. Датируется новейшим временем. Памятник расположен в стороне, от трассы, выданной по материалам заказчика.

7. Енисейское-6 (поселение) расположено на правом берегу р. Бия, в 2 км к ЗЮЗ от западной окраины с. Большое Енисейское Бийского района Алтайского края, в 1,3 км к ЮЗ от фермы с. Большое Енисейское, на высокой надпойменной террасе р. Бия (рис. 3). Памятник не раз ранее посещался археологами и стоит на государственном учете. На территории памятника визуально следов поселения не фиксируется. Однако, практически на всей площади присутствуют свидетельства современной хозяйственной деятельности человека (кучи перегноя, распахиваемый участок, дороги). На территории поселения в обрыве берега р. Бия обнаружено четыре камня со следами обработки и пять фрагментов стенок керамических сосудов, один из которых орнаментирован жемчужником, а второй имеет сквозное отверстие (рис. 5 – 3-6). На месте обнаружения материалов произведена зачистка береговых обнажений (координаты зачистки: N-52°33'58,9', E-085°26'42,9. Стратиграфия разреза: дерн – 0,05 м, почва А (супесь серо-черного цвета) – 0,4–0,5 м, почва Б (светло-коричневая супесь) – 0,4–0,45 м, ниже – материк (желто-белый суглинок с известковыми вкраплениями) – 0,25–0,35 м. В северной части зачистки в средней части почвы А обнаружен один фрагмент стенки керамического сосуда. В 45 м к СЗ от зачистки заложен шурф №1 (координаты N-52°34'00,3', E-085°26'41,7') размерами 2x2 м. Стратиграфия: дерн – 0,05–0,1 м, почва А (гумусированная супесь черного цвета) – 0,12–0,16 м, почва Б (серо-черная мешаная супесь) – 0,06–0,18 м, ниже – материковые отложения (светло-коричневый суглинок). Находок в шурфе не обнаружено. В 240 м к ЮЗ от шурфа №1 на краю террасы заложен шурф №2 (координаты: N-52°33'57,2', E-085°26'29,9') размерами 2x2 м. Стратиграфия: дерн – 0,05–0,1 м, почва А (гумусированная супесь черного цвета) – 0,06–0,2 м, почва Б (присутствует в С и З частях шурфа) (серо-черная мешанка с белесыми вкраплениями) – до 0,2 м, ниже – материк (светло-коричневая супесь с белесыми вкраплениями). В ЮВ части шурфа в верхней части почвы А обнаружен один фрагмент верхней части керамического сосуда (венчик) и фрагмент рукояти железного инструмента (гаечный ключ?) (рис. 5 – 7). На поселение присутствуют несколько культурных горизонтов, ранний – относится к периоду палеолита, следующий представлен эпохой бронзы и так же найдена керамика раннего железного века. Памятник расположен в стороне от трассы выданной по материалам заказчика.

Таким образом, в ходе археологического обследования территории, испрашиваемой под строительство магистрального газопровода «Алтай», объектом работ стали ось трассы газопровода, притрассовые отводы и прилегающие к ним перспективные для расположения ОАН территории, расположенные в границах Алтайского края (Залесовский, Первомайский, Заринский, Кытмановский, Троицкий, Зональный, Бийский районы). Общая протяженность обследованного участка трассы газопровода составила 244 км при максимальной ширине полосы обследования 200 м.

Вся указанная территория была сначала тщательно осмотрена на предмет наличия признаков культурного слоя и ОАН (рельефные признаки ОАН и подъемный материал). Всего было заложено 78 разведочных шурфов и семь зачисток. Все шурфы имеют размеры 2х2 м, глубину до 1,5 м. В ходе археологического обследования 200-метровой полосы землеотвода трассы магистрального газопровода «Алтай» на территории Алтайского района выявлено семь ОАН – поселений, курганная группа, местонахождение.

Для данных ОАН предложен перечень мероприятий для обеспечения их сохранности в случае строительства газопровода по существующему проекту, а также варианты обхода трассой газопровода ОАН в случае корректировки существующего проекта строительства магистрального газопровода «Алтай».

**В.И. Соёнов, С.В. Трифанова, Н.А. Константинов,
Д.В. Соёнов, Е.А. Константинова, А.В. Эбель**

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

**АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ УЧАСТКА,
ИСПРАШИВАЕМОГО ПОД ПРОЕКТИРУЕМЫЙ
МАГИСТРАЛЬНЫЙ ГАЗОПРОВОД «АЛТАЙ»,
НА ТЕРРИТОРИИ ШЕБАЛИНСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (км 2035 – км 2120)**

Работы по сбору исходных данных и формулировке требований по формированию предпроектной документации при разработке раздела «Охрана объектов культурного наследия и проведение фондовых археологических и этнологических исследований» проекта «Строительства газопровода «Алтай» проводились нами в сентябре 2006 – марте 2007 г. По литературным и архивным данным тогда были собраны сведения о месторасположении 226 отдельных археологических памятников и комплексов, а также 38 этнографических объектов на участке от границы с Алтайским краем около с. Ильинка до пограничной заставы «Солонешенская» в юго-западной части Чуйской котловины (Бабин В.Г., Соёнов В.И., Трифанова С.В., Акимова Т.А., 2008, с. 211–213). В итоговом отчете 2007 г. нами было отмечено, что при детальном полевом археологическом обследовании количество выявленных памятников могут возрасти в несколько раз, поскольку большая часть предполагаемой трассы газопровода «Алтай» проходит по недостаточно изученным в археологическом отношении местам, характеризующимся многочисленными удобными долинами, логами и террасированными участками, которые

могли использоваться древним и средневековым населением для проживания, а также хозяйственной и иной деятельности (Отчет о научно-исследовательской работе..., 2007).

В дальнейшем, при подготовке документации по трассе газопровода «Алтай», проектировщиками были учтены сведения о месторасположении объектов историко-культурного наследия: линия предполагаемого прохождения газопровода была запланирована в обход известных на тот момент памятников, указанных нами в итоговом отчете.

В сентябре-октябре 2011 г на размеченной линии трассы газопровода в верховьях р. Песчаная были проведены полевые работы сотрудниками Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГАГУ (Соёнов В.И., 2012, с. 3; 5). Исследования производились в рамках договора «Археологическое обследование с целью выявления объектов археологического наследия на территории Шебалинского района Республики Алтай, испрашиваемой под «Строительство магистрального газопровода «Алтай» (км 2035 – км 2120) между Горно-Алтайским государственным университетом и ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертизы» (г. Санкт-Петербург).

Разведки осуществлялись по Открытому листу (разрешению) №401, выданному В.И. Соенову Росохранкультурой на основании распоряжения №46 от 06 июня 2011 г. и по Открытому листу (разрешению) №855, выданному Н.А. Константинову на основании распоряжения №58 от 27 июля 2011 г. В ходе работ обследовался участок предполагаемого прохождения трассы газопровода по долине р. Песчаной от границы Республики Алтай и Алтайского края (устье р. Казанда) до перевала Каменное Седло на границе Шебалинского и Онгудайского районов Республики Алтай (исток р. Песчаная). Протяженность обследованного линейного участка газопровода составила 85 км (рис. 1).

В ходе полевых работ применялись традиционные методы исследований археологических памятников, включающие различные приемы и способы, направленные на детальное поэтапное изучение участка предполагаемого прохождения газопровода «Алтай».

Первый этап, предшествовавший полевым исследованиям, заключался в получении у Заказчика картографических материалов, ознакомление с геологическими данными и получения основных привязок трассы газопровода в системе WGS-84. Была получена информация в органах, уполномоченных на осуществление функций **по государственной охране объектов культурного наследия Республики Алтай**, о степени изученности территории и состоянии объектов археологического наследия в полосе землеотвода под строительство. Кроме того, было осуществлено ознакомление с литературными и архивными материалами, касающимися археологических памятников, расположенных на исследуемом участке.

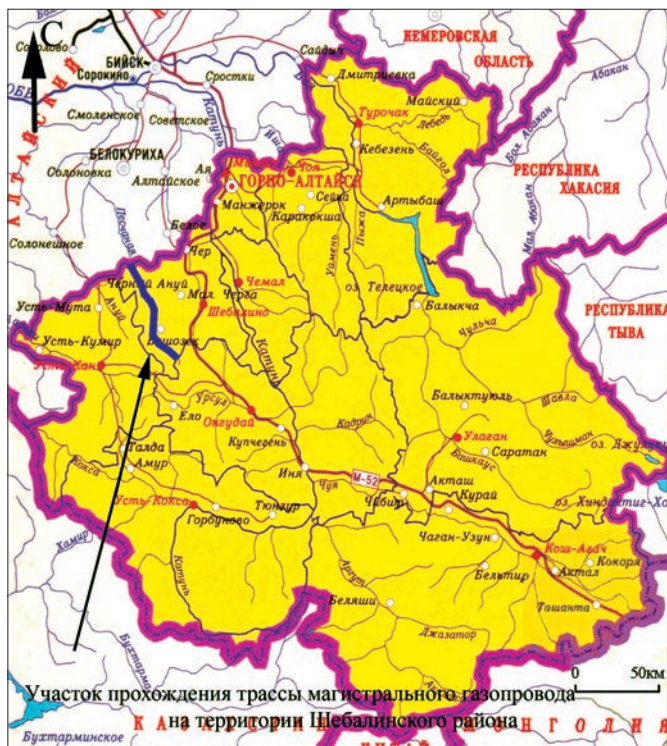

Рис. 1. Участок проектируемой трассы магистрального газопровода «Алтай» на территории Шебалинского района Республики Алтай (км 2035 – км 2120)

Второй этап включал натурное обследование территории по трассе магистрального газопровода «Алтай» на территории Шебалинского района Республики Алтай. Полевые работы проводились в соответствии с требованиями Положений «О порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия» (утв. приказом Росохранкультуры от 03.02.2009 г. №15) и «О порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчётной документации» (утв. Ученым советом Института археологии РАН 30 марта 2007 г.).

Район верховий реки Песчаная географически относится к Северо-Алтайской провинции. Это низкогорная северо-западная часть Российского Алтая (Маринин А.М., Самойлова Г.С., 1987, с. 91–92). Песчаная – левый приток р. Оби – берет свои истоки с северных отрогов Семинского хребта. В горной части бассейна река протекает между

Ануйским и Чергинским хребтами. Со склонов этих хребтов в верховьях долины Песчаной стекают многочисленные притоки, из которых можно выделить реки Кыргызту, Адаткан, Ортолык, Верхняя и Нижняя Кудаты, Шиверта, Большой Ак-Кем, Верхняя и Нижняя Ширгайта, Кубаш, Барагаш, Барагашонок, Верхний и Нижний Асгат, Курзун, Верх-Арбайта, Арбайта, Арбайтушка, Шиверта, Верх-Этогол и др. Эти притоки образуют довольно обширные долины, приуроченные к бассейну р. Песчаная. В археологическом отношении эти долины изучены относительно слабо. Это связано, в первую очередь, с мощным гумусным слоем и густым высоким травяным покровом, которые в значительной мере затрудняют поиск и обнаружение археологических памятников. Тем не менее, на протяжении последних трех десятилетий исследователями, на указанном участке обнаружены десятки археологических объектов относящихся к разным историческим периодам от палеолита до средневековья. Информация о них содержится в публикациях и неопубликованных отчетах С.С. Сорокина, С.В. Цыба, В.А. Могильникова, Л.П. Потапова, Г.В. Кубарева, В.Д. Кубарева, А.С. Суразакова, Н.Ф. Степановой, П.И. Шульги, В.И. Соёнова, В.А. Кочеева, О.В. Ларина, В.Н. Елина, В.П. Ойношева, С.В. Трифановой, Т.А. Вдовиной, Н.А. Константинова и др. (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., Штанакова Е.А., Эбель А.В., 2012а, с. 28–30).

Изучение трассы газопровода на местности включали тщательное изучение картографических материалов, полученных у Заказчика, составление заданий на археологические работы, согласование схем маршрутов поездок и графиков проведения работ. Затем производился выезд на маршрут и прибытие на предполагаемое место прохождения трассы, поиск закрепленных на местности вешек оси и створа трассы газопровода «Алтай». Далее производилось определение истинных географических координат по GPS-приемнику. После этого осуществляли сравнение географических координат предполагаемой трассы и размеченной. Затем производилось определение географических координат створа трассы (100 м от оси трассы в каждую из сторон).

В процессе выполнения полевых работ, выявлялись объекты археологического наследия, попадающие в зону обследования. Намеченные участки обследовались визуально, производился поиск подземного материала, осмотр незадернованных и слабо задернованных поверхностей, естественных обнажений, осыпей, карьеров, кротовин. С помощью шупа производилось прощупывание почвы для выявления каменных объектов и для определения их границ и пр. Памятники, по мере обнаружения, фиксировались с помощью GPS-приемника для получения точных географических координат. Затем составлялось описание местонахождения памятников с характеристикой его географического положения, отношения к соседним рекам и населенным пунктам, ре-

льефа и топографических особенностей, формы, размеров, состояния поверхности, площади распространения находок. После этого производился осмотр, обмер объектов и их деталей. При описании планиграфии памятника расстояния указывались от центра одного объекта до центра другого. Затем вычерчивался план, который характеризует место расположения памятника и имеет конкретные, легко находимые на местности ориентиры, позволяющие в дальнейшем легко обнаружить объект. Расстояние от населенных пунктов до памятников указывалось от центра села. Планы составлялись в масштабах, либо 1:1000, либо 1:2000, либо 1:5000 в зависимости от сложности участка и площадного распространения памятника. На плане отражался рельеф, показанный горизонталями, передающий особенности объектов и местности. Затем производилось определение географических координат границ памятника, а также прилегающей территории по сторонам света для предложения вариантов обхода в случае прокладки магистрального газопровода «Алтай». Затем производилась фотографическая съемка памятника с таким расчетом, чтобы фотоснимки наиболее точно передавали особенности рельефа и топографическую ситуацию. Все измерения высот сделаны от современного уровня поверхности.

В ходе полевых работ производилось обследование перспективных участков, попадающих в зону обследования, даже если они не содержали объектов, обладающих признаками культурного наследия. Производилась фотографическая съемка участка и закрепленных на местности вешек оси и створа трассы газопровода «Алтай».

Полевые материалы обрабатывались на стационарной базе в с. Ильинка, где составлялись электронные чертежи в AutoCAD, формировались тексты описаний памятников в Word и подбирались фотографии объектов, инвентаря и процесса работ для включения в итоговый отчет.

В ходе разведочных работ на участке предполагаемого прохождения трассы магистрального газопровода «Алтай» в долине р. Песчаной нами было обследовано 40 разновременных археологических памятников: 32 могильников и одиночных курганов, 4 местонахождения, 3 поселения и 1 культовое место (Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., Штанакова Е.А., Эбель А.В., 2012б, с. 152–154). Из этого числа только 7 объектов были известны ранее (Соёнов В.И., Ойношев В.П., 2006), остальные выявлены и зафиксированы в ходе полевых работ 2011 года. В планируемый створ газопровода из числа этих обследованных памятников попадают 28: 18 могильников, 4 одиночных кургана, 2 местонахождения, 3 поселения и 1 культовое место.

Большую часть объектов сложно датировать без проведения раскопочных работ. Однако предварительно определить по внешним признакам хронологическую принадлежность некоторых из них все же можно. Сильно задернованные плоские курганы предположительно могут быть

датированы эпохой энеолита–бронзы (могильники Шиверта, Кубаш-3, Кыргысту-1, Ортолык-2, и др.). Цепочки курганов со сферическими насыпями, возможно, относятся к пазырыкскому времени. Такие цепочки, например, зафиксированы на могильниках Талду-I (центральная и восточная часть), Талду-II (западная часть), Суела-1–3, Верхний Аскат-2, Халуста-4–6, Кубаш-5, Беш-Озек-2 и 3, и других. Некоторые изученные объекты, скорее всего, датируются этнографическим временем (XVIII – началом XX в.): отдельные слабозадернованные объекты могильника Холодильник-2, впускные погребения на могильнике Суела-2.

Вещественные материалы, собранные на местонахождениях и поселениях, относятся к разным историческим периодам. Наиболее ранней находкой является каменное орудие с местонахождения Кара-Суу. По облику оно относится к позднепалеолитическому времени. Сложно датировать невыразительные каменные сколы с местонахождения Шадрин Лог-2. Предварительно их можно отнести к концу каменного века – началу периода бронзы. Фрагмент керамического сосуда с местонахождения Суела-4, судя по качеству изготовления и орнаментации, может относиться к афанасьевской культуре ранней бронзы. Часть стелы, найденная на берегу рч. Большой Илуш, возможно, также следует датировать эпохой бронзы. Фрагменты керамики с культового места Шибе и поселений Дергун-1 и 2, Сухой Лог датировать сложно из-за мелких размеров и неорнаментированности, но судя по качеству теста и внешнему облику, они относятся к нашей эре.

Разведочные работы, произведенные нами в верховьях р. Песчаной, расширили сведения о памятниках археологии Горного Алтая и показали перспективность дальнейших исследований территорий, остающихся еще слабоизученными в археологическом плане. В частности, это касается районов северной части Алтая. Полученные данные позволяют оценить историко-культурное наследие в районе изучения как многочисленное по количеству и уникальное по значению для древней и средневековой истории Алтая и человечества в целом, а также предложить варианты обхода памятников трассой газопровода или их частичных/полных аварийных раскопок.

В случае принятия решения о целесообразности инвестирования строительства газопровода необходимо предусмотреть корректировку линии газопровода для обхода участков наибольшей концентрации памятников или памятников с особо ценными объектами. На части участков, выделяющихся особой плотностью концентрации памятников в сочетании с особенностями рельефа, где при строительстве магистральной трубы сложно обойти памятники, необходимо производить заблаговременные аварийные археологические раскопки. Эти работы могут занять существенное количество времени из-за их трудоемкости и значительного числа зафиксированных памятников.

По предварительной оценке, на проведение всех необходимых мероприятий по выявлению, изучению и охране объектов историко-культурного значения потребуются значительные финансовые средства. Кроме расходов на проведения раскопок на памятниках археологии, камеральной обработки материалов и лабораторных исследований, подготовки отчетов, публикации материалов и т.д., необходимо предусмотреть расходы на музеефикацию объектов и создания историко-культурных заповедников на участке трассы прохождения магистрального газопровода, а также создание музея археологии в центральной части Алтая (например, в Онгудайском районе).

При проектировании трассы газопровода необходимо учесть тот факт, что автохтонное население Горного Алтая – алтайцы отрицательно относятся к археологическим раскопкам древних и средневековых погребений, проводимым сегодня на территории республики. Игнорирование этого обстоятельства может привести к конфликтной ситуации. Также в процессе строительства необходимо предусмотреть обязательный археологический надзор за производством земляных работ, поскольку не все археологические объекты могут быть обнаружены при производстве разведочных работ.

Информация, полученная в ходе работ, будет использоваться в научных и учебно-методических разработках, при составлении свода археологических памятников Республики Алтай. Результаты произведенных разведочных работ могут быть использованы для формирования и ведения Единого государственного реестра памятников истории и культуры народов Российской Федерации, а также для формирования планов мероприятий по обеспечению сохранности памятников, попадающих в полосу отвода магистрального газопровода «Алтай».

Библиографический список

Бабин В.Г., Соёнов В.И., Трифанова С.В., Акимова Т.А. Сбор исходных данных и формулировка требований по формированию предпроектной документации при разработке раздела по охране объектов культурного наследия проекта газопровода «Алтай» // Научный вестник Горно-Алтайского госуниверситета. Горно-Алтайск, 2008. №3. С. 211–213.

Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. Барнаул, 1987. 110 с.

Отчет о научно-исследовательской работе. Проект: Строительство газопровода «Алтай». Раздел: Охрана объектов культурного наследия. Тема: Проведение фондовых археологических и этнологических исследований на территории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2012. 123 с. (Архив научного управления ГАГУ).

Соёнов В.И. Полевые работы научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГАГУ в 2011 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012. №4(16). С. 3–8.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шибалинского района. Горно-Алтайск, 2006. 100 с.

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Соёнов Д.В., Штанакова Е.А., Эбель А.В. Археологические памятники верховьев р. Песчаной // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012а. №4(16). С. 27–69.

Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А., Соёнов Д.В., Эбель А.В. Отчет о научно-исследовательских работах по договору «Археологическое обследование с целью выявления объектов археологического наследия на территории Шебалинского района Республики Алтай, испрашиваемой под «Строительство магистрального газопровода «Алтай» // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета. Горно-Алтайск, 2012б. №7. С. 152–154.

Ю.Т. Мамадаков, О.Б. Беликова, В.Б. Бородаев

*ООО «Наследие Сибири»;
ФГБОУ ВПО «Алтайская государственная
педагогическая академия», Барнаул*

**НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ НА УЧАСТКЕ 2175–2310 км
МАГИСТРАЛЬНОГО ГАЗОПРОВОДА «АЛТАЙ»
(Онгудайский район Республики Алтай)**

В 2011 г. Обществом с ограниченной ответственностью Научный Центр «Наследие Сибири» были проведены значительные по объёму разведочные изыскания на территории Онгудайского района Республики Алтай. Полевые исследования осуществлялись в рамках рабочего проекта подготовки документации для строительства магистрального межгосударственного газопровода «Алтай», предназначенного для поставок российского газа в Китай. Обществу с ограниченной ответственностью Научный центр «Наследие Сибири», по договору с Обществом с ограниченной ответственностью «**Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз**», было поручено археологическое обследование территории на отрезке проектируемого газопровода «км 2175 – км 2310». Протяженность участка работ составила 135 км при ширине обследования в 200 м. Начало трассы изысканий (км 2175) расположено на правом берегу р. Урсул в 800–1000 м к север-северо-западу от крайних домов села Бичикту Бом. Конец исследуемого коридора (км 2310) находится на левом берегу р. Чуя в устье безымянного лога (напротив, на правом берегу р. Чуя расположено урочище Чалкан).

Памятники археологии, расположенные в Онгудайском районе вдоль магистральной автомобильной дороги М-52 «Чуйский тракт», изучались ранее другими исследователями. Наиболее полная сводка таких объектов приведена в справочном издании «Древности Чуйского тракта» (Горно-Алтайск, 2005). В частности, там описаны курганы и

петроглифы, расположенные между селами Шашикман и Онгудай, археологический комплекс Кур-Кечу, петроглифы и могильники левобережья р. Катунь у с. Иня, а также курганные группы правобережья р. Чуя в урочище Чуй Озы.

В ходе поисковых работ вдоль проектируемой трассы газопровода в 2011 г. нами зафиксированы неизвестные ранее археологические памятники. В основном это курганные могильники, состоящие из различного количества разнотипных, разновременных объектов, а также одиночные курганы, местонахождения петроглифов, участки древних оросительных каналов. Единично обнаружено: местонахождение палеолитического оружия, олений камень и древнетюркское каменное изваяние.

Ниже приводится краткая характеристика вновь найденных памятников культурного наследия. Археологические объекты сгруппированы и названы в зависимости от географического названия местности, особенностей рельефа и расстояния между ними.

Курганный могильник Кыдыевка (км 2179 – км 2180). Расположен в устье одноименного вытянуто-сужающего лога, постепенно переходящего в пологий склон горы (правобережье р. Урсул), в 3 км к юго-востоку от с. Курота. Состоит из 2-х объектов округлой формы с каменно-земляной насыпью диаметром 14 м и 18 м, высотой до 0,6–0,8 м. В центральной части курганов имеются воронки больших размеров (диаметр 5–8 м, прослеживаемая глубина до 0,9–1 м). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: курган №1 – N 50°47.589' E 085°58.976'; курган №2 – N 50°47.672' E 085°59.318'.

Памятник – в коридоре обследования. Предварительно может быть отнесен к эпохе раннего железа.

Курганный могильник Верхний Юдукман (км 2179 – км 2180). Расположен в устье лога Верхний Юдукман, постепенно переходящего в пологий склон гор (правобережье р. Урсул). Рельеф местности представляет межгорное расчлененное неглубокими впадинами пространство, в недавнем прошлом распахивавшийся под многолетние травы. Находится в 2,5 км к юго-востоку от с. Курота. Содержит 29 курганных сооружений с каменно-земляной насыпью округлой формы диаметром 4–12 м, высотой до 0,4–0,45 м. В центральной части курганов прослеживаются незначительные углубления – видимо, это результат естественного проседания насыпи в границах могильной ямы. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°47.666' E 085°59.409'; N 50°47.612' E 085°59.411'; N 50°47.700' E 085°59.511'.

В коридоре обследования – 22 объекта. Памятник может быть отнесен к раннему средневековью.

Курганный могильник Нижний Юдукман-1 (км 2180). Расположен в логу Нижний Юдукман, переходящего в крутой склон гор (правобережье р. Урсул). Находится приблизительно в 3,5 км к юго-востоку от с. Ку-

рота. Содержит 14 древних объектов. Насыпь курганов (преимущественно земляная) округлой формы диаметром 5–9 м, высотой до 0,2 м. В центральной части курганов прослеживаются незначительные углубления – видимо, результат естественного проседания насыпи в границах могильной ямы. Географические координаты объектов по GPS-приемнику: N 50°47.601' E 086°00.446'; N 50°47.593' E 086°00.484'; N 50°47.616' E 086°00.482'.

Памятник – в коридоре обследования, может быть отнесен к эпохе раннего железа.

Одиночный курган в урочище Нижний Юдукман (км 2180). Находится на расстоянии около 850–1000 м к востоку от курганного могильника Нижний Юдукман-1, на распахивавшемся в недавнем прошлом межгорном склоне. Диаметр кургана 16 м, высота 0,8–0,9 м. В центральной части кургана имеется западина диаметром до 12 м, глубиной до 0,8–0,9 м. Курган попадает в коридор обследования. Датируется, видимо, эпохой раннего железа.

Курганный могильник Нижний Юдукман-2 (км 2180). Расположен на коренной террасе правого берега р. Урсул, около 5,5 км к востоку-юго-востоку от с. Курота. Содержит 7 курганных сооружений с задернованной каменной насыпью, имеющих округлую форму диаметром до 8 м, высотой 0,3 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°47.340' E 086°01.486'; N 50°47.253' E 086°01.404'. Могильник расположен в коридоре обследования, может быть отнесен к эпохе раннего средневековья.

Курганный могильник Дидегем-1 (км 2200). Расположен на пологом левом склоне верховий урочища Дидегем, на расстоянии около 5–5,5 км к северо-востоку от с. Онгудай и около 4–4,5 км к северо-северо-западу от с. Улита. Состоит из 15 объектов археологии различной формы. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°45.666' E 086°12.549'; N 50°45.647' E 086°12.543'; N 50°45.473' E 086°12.536'; N 50°45.291' E 086°12.446'.

Все объекты могильника попадают в проектный коридор магистрального газопровода.

Курганный могильник Дидегем-2 (км 2200). Расположен в центральной части устья лога Дидегем в 150–180 м к юго-востоку от последних объектов памятника Дидегем-1, в 5–5,3 км к северо-востоку от с. Онгудай и в 4–4,3 км к северо-северо-западу от с. Улита. Включает не менее 12 объектов археологии, разной формы и конфигурации. Высокая степень задернованности и густой травостой не позволили точнее определить их количество. GPS-навигатором определены 2 точки полосы (северная и южная): N 50°44.982' E 086°12.455'; N 50°44.959' E 086°12.456'.

Памятник входит в проектный коридор магистрального газопровода. Может быть отнесен к двум хронологическим периодам: эпохе раннего железа и раннего средневековья.

Курганный могильник Тебе-Кудюр-1 (км 2200). Расположен на расстоянии около 5,5–6 км к северо-востоку от с. Онгудай и около 3–3,5 км к северу от с. Улита. Находится на распахиваемой, относительно широкой и изрезанной ложбинами межгорной долине левобережья р. Урсул, в урочище Тебе-Кудюр. Включает 5 объектов археологии округлой формы диаметром до 9 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°44.696' E 086°13.303'; N 50°44.696' E 086°13.286'; N 50°44.690' E 086°13.457'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Памятник может датироваться ранним средневековьем.

Курганный могильник Тебе-Кудюр-2 (км 2200). Расположен на расстоянии около 160–180 м к востоку-юго-востоку от курганного могильника Тебе-Кудюр-1. Включает 17 искусственных сооружений различной формы, высотой до 0,2 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°44.653' E 086°13.470'; N 50°44.644' E 086°13.463'; N 50°44.605' E 086°13.568'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Памятник может быть отнесен к средневековью.

Курганный могильник Тебе-Кудюр-3 (км 2200). Расположен в 5,8–6 км к востоку-северо-востоку от с. Онгудай, в 80–100 м к юго-востоку от курганного могильника Тебе-Кудюр-2. Насчитывается около 22 искусственных сооружений малых размеров (их диаметр колеблется от 2,5 до 4–5 м, высота 0,10–0,15 м), расположенных вплотную друг к другу (каменные насыпи объектов слились). Указаны две крайние точки объектов по GPS-навигатору: восточная точка – N 50°44.534' E 086°13.532'; западная точка – N 50°44.541' E 086°13.537'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный могильник Тебе-Кудюр-4 (км 2200). Находится в 100–120 м к востоку-северо-востоку от могильника Тебе-Кудюр-3. Состоит из 8 округлых сооружений диаметром до 14 м, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°44.600' E 086°13.628'; N 50°44.560' E 086°13.612'; N 50°44.555' E 086°13.613'.

Памятник – в зоне обследования.

Курганный могильник Тебе-Кудюр-5 (км 2200). Расположен на расстоянии около 6–6,5 км к востоку-северо-востоку от с. Онгудай, в 150–180 м к востоку от курганного могильника Тебе-Кудюр-4. Памятники разделены ложбиной. Установлены 4 четко фиксируемые сооружения и не менее 30 объектов нечетких округлых очертаний диаметром до 5–6 м, слившихся каменными насыпями. Географические координаты по GPS-навигатору четырех углов памятника: северо-западный угол – N 50°44.512' E 086°13.649'; северо-восточный угол – N 50°44.508' E 086°13.679'; юго-западный угол – N 50°44.454' E 086°13.637; юго-восточный угол – N 50°44.459' E 086°13.683'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода попадают 20 объектов. Памятник может быть отнесен к средневековью.

Курганный могильник Тебе-Кудюр-6 (км 2200). Находится на левом коренном берегу р. Урсул в 6,5–6,8 км к востоку-северо-востоку от с. Онгудай, около 250–300 м к юго-востоку от могильника Тебе-Кудюр-5 (они разделены распахиваемой ложбиной). Включает 7 округлых каменных конструкций диаметром 8–15 м, высотой до 0,7 м, вытянутых по оси север-юг. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°44.432' E 086°13.826'; N 50°44.428' E 086°13.832'; N 50°44.424' E 086°13.828'; N 50°44.410' E 086°13.834'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода попадают 4 объекта. Могильник может быть отнесен к эпохе раннего железа.

Курганный могильник Тебе-Кудюр Переход (км 2200). Расположен на левом коренном берегу р. Урсул в 2,5–3 км к востоку-северо-востоку от с. Улита. Состоит из 4 сооружений округлой уплощённой формы, диаметром 6–8 м, высотой до 0,5 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°43.913' E 086°14.681'; N 50°43.924' E 086°14.705'; N 50°43.927' E 086°14.703'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода попадают 4 объекта. Могильник может быть отнесен к раннему средневековью.

Курганный могильник Содон-Таш-1 (км 2201). Расположен на правобережной террасе р. Урсул, плавно переходящей в пологий склон горы, в 2,5–3 км к востоку-северо-востоку от с. Улита (646 км со стороны с. Улита и 317 км со стороны с. Хабаровка Онгудайского района автомагистрали М-52 «Чуйский тракт»). Состоит из 8 объектов округлой уплощенной формы диаметром от 4 м до 12 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°43.727' E 086°14.513'; N 50°43.715' E 086°14.519'; N 50°43.707' E 086°14.536'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный могильник Содон-Таш-2 (км 2201). Расположен на правобережной террасе р. Урсул, плавно переходящей в пологий склон горы, в 2,8–3,4 км к востоку-северо-востоку от с. Улита, в 350–400 м к востоку-юго-востоку от памятника Содон-Таш-1. Включает 7 сооружений округлой формы диаметром до 12 м, вытянутых цепочкой по оси северо-восток – юго-запад. В центре курганов имеются западины. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°43.501' E 086°14.620'; N 50°43.505' E 086°14.628'; N 50°43.508' E 086°14.632'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – все объекты. Могильник может быть отнесен к эпохе раннего железа.

Одиночный курган (км 2202). Расположен в 3,5–4 км к востоку от с. Улита, в 500–600 м к востоку от могильника Содон-Таш-2, на высоком склоне. Курган овальной формы, размером 2,2 x 1,5 м, высотой 0,15 м. Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°43.243' E 086°14.631'.

Курганный могильник Малый Ильгумень Склон (км 2209 – км 2210). Расположен в 1,5–2 км к северо-востоку от окраины с. Хабаровка, на склоне горы, в 500–600 м к юго-востоку от могильника Малый Ильгумень-1. Включает 4 округлых сооружения диаметром 10–16 м, высотой до 0,60 м, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток, в центре курганов имеются западины. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°42.727' E 086°18.326'; N 50°42.718' E 086°18.334'; N 50°42.706' E 086°18.356'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный группа Нижняя Карасу (Алтыгы Кара Су) (км 2210). Расположена на коренной террасе левого берега рч. Черная (правый приток р. Урсул), в 7–8 км к востоку-северо-востоку от окраины с. Хабаровка. Группа состоит из трех курганов округлой формы диаметром 4, 7 и 10 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°42.504' E 086°20.292'; N 50°42.328' E 086°20.378'; N 50°41.978' E 086°20.366'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный могильник Купчеген Ичи-1 (км 2230). Находится в 1,8–2,5 км к юго-юго-западу от окраины с. Купчеген, в одном из вытянуто-сужающих распадков широкого лога Купчеген Ичи на левобережье р. Купчеген, плавно переходящего в пологий склон горы. Могильник включает 15 объектов округлой формы, диаметром 5–8 м, высотой до 0,3 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°36.680' E 086°23.424'; N 50°36.653' E 086°23.423'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть отнесен к раннему средневековью.

Курганный могильник Купчеген Ичи-2 (км 2230). Расположен в 2,5 км к юго-юго-западу от окраины с. Купчеген, в одном из вытянуто-сужающих распадков широкого лога Купчеген Ичи на левобережье р. Купчеген. Памятник состоит из 10 объектов округлой формы диаметром 6–11 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°36.591' E 086°23.519'; N 50°36.573' E 086°23.528'; N 50°36.567' E 086°23.545'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть отнесен к раннему средневековью.

Древняя оросительная система (сувак) (км 2230). Зафиксирована в 1,7–2 км к юго-юго-западу от окраины с. Купчеген, на склоне вытянуто-сужающегося распадка широкого лога Купчеген Ичи на левобережье р. Купчеген. В зону обследования входит участок древней оросительной системы протяженностью не менее 200–250 м. Сувак тянется по склону горы на приблизительно на 3–4 км, ширина сохранившейся части канала колеблется от 0,25–0,3 до 0,9–1 м, глубина до 0,35 м. На топографических картах суваки указаны как тропы. В зону обследования входит участок древней оросительной системы протяженностью не менее 200–250 м.

Курганный могильник Купчеген Ичи-3 (км 2230). Находится на расстоянии около 2 км к югу от окраины с. Купчеген. Расположен на взгорке-холмике, на левом берегу р. Купчеген. По подножью взгорки-холма проходит полевая дорога в урочище Купчеген. Зафиксировано 12 сооружений округлой формы диаметром 6–10 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°36.374' E 086°23.804'; N 50°36.378' E 086°23.808'; N 50°36.361' E 086°23.888'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник предварительно может быть отнесен к эпохе средневековья.

Курганный могильник Кичинек Курманак-1 (км 2230). Расположен в 4,5–4,8 км к юго-востоку от с. Купчеген, в урочище Кичинек Курманак, на восточном склоне горы Байлу Туу (на алтайском языке – священная, почитаемая гора), перевал которого называется Кедейек Ажу. Памятник включает не менее 40 разнотипных объектов (курганные захоронения, древнетюркские ритуальные оградки с балбалами и без таковых, стелы). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°36.140' E 086°27.116'; N 50°36.169' E 086°27.128'; N 50°36.197' E 086°27.139'; N 50°36.221' E 086°27.134'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник предварительно относится к раннему средневековью.

Курганный могильник Тюнурлу Болчок (км 2230). Находится в 4,5–5 км к юго-востоку от с. Купчеген, в урочище Кичинек Курманак, на восточном склоне горы Байлу Туу. На восточном склоне горы в расщелине скалы был похоронен известный кам со всеми культовыми атрибутами (в частности тюнур – бубен). Этот взгорок склона называется Тюнурлу Болчок. Памятник археологии Тюнурлу Болчок находится в 450–500 м к северо-северо-востоку от курганного могильника Кичинек Курманак-1. Включает 17 сооружений округлой формы, диаметром 6–10 м, высотой до 0,4 м, вытянутых цепочкой вдоль склона горы преимущественно по оси север-юг. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°36.305' E 086°27.229'; N 50°36.324' E 086°27.236'; N 50°36.335' E 086°27.233'; N 50°36.342' E 086°27.250'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода попадают все объекты.

Курганный могильник Кичинек Курманак-2 (км 2230). Находится в 4,5–4,8 км к востоку-юго-востоку от с. Купчеген. Расположен в урочище Кичинек Курманак, на западном склоне горы, в 500–600 м к северо-востоку от могильника Тюнурлу Болчок. Включает 11 объектов округлой формы диаметром 6–10 м, высотой до 0,4 м. У полы одного из курганов находится рваный скальный камень, на верхней неровной плоскости которого выбито углубление (чаша?). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°36.458' E 086°27.706'; N 50°36.471' E 086°27.723'; N 50°36.496' E 086°27.772'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный могильник Чолтык Кобы (км 2230). Расположен в устье лога Чолтык Кобы, на восточном склоне горы, в 5–5,5 км к востоку от с. Купчеген. Включает 6 объектов округлой формы диаметром 7–10 м, высотой до 0,25 м. Географические координаты объекта по GPS-навигатору: N 50°36.454' E 086°28.136'.

Древняя оросительная система (сувак) Дьян Кобы (км 2233 – км 2234). Выявлена в урочище Дьян Кобы, в 5,8–6,3 км к востоку-юго-востоку от с. Купчеген. Суваки выявлены в приустьевой части левого борта лога (урочища) Дьян Кобы. Ширина сохранившейся части сувака колеблется от 0,4 до 1 м, глубина до 0,25 м. На топографических картах суваки в большинстве случаев указаны как тропа.

В коридор проектируемого магистрального газопровода попадает не менее 100 м сувака.

Курганный могильник Дьян Кобы-1 (км 2233 – км 2234). Расположен в 5,8–6,3 км к юго-востоку от с. Купчеген, в приустьевой части правого борта лога (урочища) Дьян Кобы. Включает не менее 22 фиксируемых на современной поверхности объектов округлой формы диаметром 4–12 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты объекта по GPS-навигатору: N 50°35.986' E 086°29.342'; N 50°36.024' E 086°29.292'; N 50°35.976' E 086°29.194'; N 50°35.977' E 086°29.274'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода попадает 5 объектов. Могильник предварительно может быть отнесен к эпохе железа.

Курганный могильник Дьян Мегелю-1 (км 2235). Находится в урочище Дьян Мегелю, в 14–15 км к северу от с. Малый Яломан, на правом коренном берегу р. Катунь, ограниченного с востока склоном горы. Памятник включает 24 объекта (курганные захоронения, древнетюркские ритуальные оградки, стелы). Ритуальные оградки сопровождаются стелами и балбалами. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°36.231' E 086°30.753'; N 50°36.199' E 086°30.730'; N 50°36.181' E 086°30.778'; N 50°36.172' E 086°30.777'.

Все объекты в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть отнесен к раннему средневековью.

Курганный могильник Кайынду Кобы-2 (км 2236). Расположен на правом коренном берегу р. Катунь, в логу Кайынду Кобы, ограниченном с востока и юго-востока склоном горы, в 13–13,7 км к северо-западу от с. Малый Яломан. Зафиксировано 4 курганных сооружений округлой формы диаметром 5–8 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°35.598' E 086°31.509'; N 50°35.579' E 086°31.558'; N 50°35.581' E 086°31.632'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть отнесен к раннему средневековью.

Курганный могильник Кайынду Кобы-3 (км 2236 – км 2237). Находится на правом коренном берегу р. Катунь, в 12,5–13 км к западу-северо-западу от с. Малый Яломан, в 200–250 м к юго-востоку от памятника Кайынду Кобы-2. Могильник включает 4 объекта округлой формы диаметром 4–5 м, высотой 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°35.457' E 086°31.639'; N 50°35.464' E 086°31.641'; N 50°35.406' E 086°31.712'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть отнесен к эпохе раннего железа (ранние этапы).

Курганный могильник Кара Корум-1 (км 2237). Расположен в урочище Кара Корум, на правом коренном берегу р. Катунь, в 11,8–12 км к северо-западу от с. Малый Яломан. Могильник включает 17 курганных сооружений (некоторые с балбалами, от 3 до 7 штук). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°35.294' E 086°31.851'; N 50°35.308' E 086°31.846'; N 50°35.300' E 086°31.810'; N 50°35.282' E 086°31.835'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный могильник Кара Корум-2 (км 2237). Находится в 11–11,7 км к западу-северо-западу от с. Малый Яломан, на правом коренном берегу р. Катунь, в 220–250 м к востоку-юго-востоку от памятника Кара Корум-1. Могильник включает 22 каменных округлых конструкции диаметром от 6 до 9 м, высотой от 0,2 до 0,5 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°35.221' E 086°31.953'; N 50°35.229' E 086°32.078'; N 50°35.239' E 086°32.030'; N 50°35.240' E 086°32.046'.

В коридор проектируемого газопровода входит 9 объектов. Могильник предварительно датируется эпохой раннего железа.

Курганный могильник Кара Корум-3 (км 2238). Находится в 11–11,6 км к западу-северо-западу от с. Малый Яломан, на правом коренном берегу р. Катунь, в 120–150 м к юго-востоку от памятника Кара Корум-2. Могильник включает 18 сооружений диаметром от 6 до 9 м, высотой до 0,5 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°35.123' E 086°32.087'; N 50°35.139' E 086°32.116'; N 50°35.174' E 086°32.145'; N 50°35.204' E 086°32.160'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода попадают 10 объектов. Предварительная датировка: афанасьевское время и эпоха раннего железа.

Курганный могильник Кара Корум-4 (км 2238). Находится в 11–11,4 км к северо-западу от с. Малый Яломан, на правом коренном берегу р. Катунь, в 350–400 м к юго-востоку от памятника Кара Корум-3. Состоит из 10 каменных сооружений (курганы, прямоугольные оградки с балбалами). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°35.029' E 086°32.292'; N 50°35.018' E 086°32.291'; N 50°34.956' E 086°32.325'; N 50°34.835' E 086°32.672'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Предварительно датируется ранним средневековьем.

Курганный могильник Кара Корум-5 (км 2239). Расположен в 9,5–10 км к северо-западу от с. Малый Яломан, на правом коренном берегу р. Катунь. Могильник состоит из двух относительно удаленных друг от друга групп и включает 46 сооружений разных форм. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°34.661' E 086°32.915'; N 50°34.611' E 086°32.893'; N 50°34.610' E 086°32.883'; N 50°34.603' E 086°32.886'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Разновременной комплекс.

Курганный могильник Кара Корум-6 (км 2239). Находится в 8–9 км к северо-западу от с. Малый Яломан, на правом коренном берегу р. Катунь. Памятник состоит из 21 сооружения (курганы округлой формы со стелами, конструкции овальной формы). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°34.401' E 086°32.857'; N 50°34.384' E 086°32.933'; N 50°34.382' E 086°32.950'; N 50°34.358' E 086°32.953'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Предварительно датируется ранним средневековьем.

Курганный могильник Убан Кобы (км 2241). Находится в логу Убан Кобы в 7–8 км к западу-северо-западу от с. Малый Яломан, на правом коренном берегу р. Катунь. Памятник включает 17 каменных конструкций разной формы (курганные сооружения, прямоугольная ограда со стелой и балбалами). Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°34.259' E 086°33.278'; N 50°34.211' E 086°33.272'; N 50°34.190' E 086°33.297'; N 50°34.216' E 086°33.536'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода входят 16 объектов. Памятник может быть отнесен к раннему средневековью.

Курганный могильник Сальдьяр Бел (км 2243). Расположен на правом берегу р. Катунь, в 5,5–6 км к северо-северо-западу от с. Малый Яломан, на относительно ровной площадке – седловине восточного склона горы с крутым подъемом левого борта лога (урочища) Сальдьяр, изрезанного ложбинами. Планиграфическая разбросанность объектов вызвана неглубокими ложбинами в рельефе. Могильник включает 10 сооружений с каменной насыпью разных размеров – от 3 м до 10 м, высотой от 0,1 м до 0,5 м. Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°33.390' E 086°35.718'; N 50°33.399' E 086°35.716'; N 50°33.436' E 086°35.802'; N 50°33.447' E 086°35.805'.

В коридор проектируемого магистрального газопровода входят все объекты. Могильник может быть датирован эпохой бронзы и раннего железа.

Курганный могильник Сальдьяр Оозы (км 2244). Находится на правом берегу р. Катунь, в 4,8–5,5 км к северо-северо-западу от с. Малый Яломан, в устье лога Сальдьяр, на левом берегу ручья Сальдьяр. Могильник

включает не менее 50 древних сооружений с каменной насыпью округлой формы диаметром от 5 м до 9 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°33.265' E 086°35.839'; N 50°33.260' E 086°35.845'; N 50°33.259' E 086°35.853'; N 50°33.260' E 086°35.859'.

В коридоре проектируемого газопровода – 10 объектов. Могильник может быть датирован ранним средневековьем.

Курганный могильник Аныйак-1 (км 2245). Расположен на правом берегу р. Катунь, в 4–4,8 км к северо-западу от с. Малый Яломан в урочище Аныйак. Памятник включает 6 сооружений округлой формы диаметром 3–5 м, высотой 0,4 м. Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°32.973' E 086°35.704'; N 50°32.971' E 086°35.699'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Древняя оросительная система (сувак) (км 2245). Проходит рядом с объектами могильника Аныйак-1 (правый берег р. Катунь). В коридор проектируемого магистрального газопровода входит участок не менее 100 м оросительной системы, ширина её от 0,5 до 0,9 м, глубина до 0,3 м.

Курганный могильник Аныйак-2 (км 2246). Находится в 4–4,5 км к северо-западу от с. Малый Яломан, в урочище Аныйак на правобережной коренной террасе р. Катунь. Поле распахивалось в советский период, его чистили от камней, которые зачастую складировали на поверхность древних объектов. Включает 33 объекта округлой формы диаметром от 3 до 7 м, высотой до 0,5 м. Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°32.615' E 086°35.355'; N 50°32.603' E 086°35.379'; N 50°32.599' E 086°35.349'.

Курганный могильник Аныйак-3 (км 2246). Находится в 3,5–4 км к западу от с. Малый Яломан, в урочище Аныйак на правобережной коренной террасе р. Катунь, в 250–300 м к востоку-северо-востоку от памятника Аныйак-2. Поле распахивалось в советский период. Памятник включает 10 объектов с каменно-земляной насыпью. Выделяется большой курган округлой формы диаметром около 26 м, высотой 0,6 м. Насыпь каменно-земляная, в центре имеется западина диаметром около 8 м, глубиной 0,3–0,4 м. Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°32.467' E 086°35.212'; N 50°32.460' E 086°35.235'; N 50°32.455' E 086°35.239'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть датирован эпохой раннего железа.

Курганный могильник Кор Кобы Оозы (км 2247). Находится в 3,3–3,5 км к северо-западу от с. Малый Яломан, в приустьевой части лога Кор Кобы, на относительно узкой полке правобережной коренной террасы р. Катунь. Могильник состоит из 34 разнотипных древних объектов (курганные захоронения, древнетюркские ритуальные оградки с балбалами, стелы). Географические координаты объектов по

GPS-навигатору: N 50°32.090' E 086°35.176'; N 50°32.114' E 086°35.197'; N 50°32.128' E 086°35.144'; N 50°32.126' E 086°35.205'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Памятник может быть датирован эпохой раннего железа, средневековьем.

Курганный могильник Кор Кобы-1 (км 2248). Находится в 3,5–3,8 км к северо-северо-востоку от с. Малый Яломан, на высокой правобережной коренной террасе р. Катунь, в устье лога Кор Кобы. Могильник включает не менее 52 разнотипных объектов разной конструкции и параметров (курганные захоронения, древнетюркские ритуальные оградки, стелы). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°31.545' E 086°35.842'; N 50°31.550' E 086°35.838'; N 50°31.550' E 086°35.890'; N 50°31.553' E 086°35.797'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Памятник может быть отнесен к разным хронологическим периодам (эпоха бронзы, раннего железа, раннего средневековья).

Курганный могильник Кор Кобы-2 (км 2249). Находится в 3,7–4 км к северо-северо-востоку от с. Малый Яломан, в логу Кор Кобы (правый берег р. Катунь). Включает не менее 41 разнотипных объектов разной конструкции и параметров (курганные захоронения округлой, овальной формы, древнетюркские ритуальные оградки с балбалами и без таковых, стелы). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°31.471' E 086°36.176'; N 50°31.465' E 086°36.179'; N 50°31.456' E 086°36.181'.

У одной из древнетюркских оградок зафиксировано каменное изваяние (каменная баба). На широкой стороне необработанной короткой стелы нечеткой точечной техникой подчеркнуто очертание головы. Каменная баба лицевой частью (она разрушена) обращена в долину р. Катунь, стоит в 3 м к юго-востоку от квадратной древнетюркской оградки размерами 1,2x1,2 м, ориентированной по оси северо-восток – юго-запад.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть датирован эпохой раннего железа, раннего средневековья. Не исключаются объекты и более раннего периода.

Курганный могильник Кор Кобы Бажы (км 2249 – км 2250). Находится на правом берегу р. Катунь, в 4–4,5 км к северо-востоку от с. Малый Яломан, в верховьях лога Кор Кобы. Включает 17 объектов археологии разной конструкции и параметров. Диаметр курганных сооружений – от 3 м до 12 м, высота от 0,1 м до 0,5 м. Самостоятельный тип объектов представляют прямоугольные «ограды» под скалой, под останцами, с включением их в конструкцию сооружения. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°31.303' E 086°36.496'; N 50°31.281' E 086°36.637'; N 50°31.283' E 086°36.745'; N 50°31.269' E 086°36.755'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Могильник может быть датирован эпохой средневековья.

Курганный могильник Ак Кая (км 2252). Находится на коренной правобережной террасе р. Катунь, в 3,5–3,8 км к западу-северо-западу от с. Иня. Терраса с незначительным углублением («старелочка») является одновременно приустьевой частью лога Ак Кая, переходящей в склон горы. Выявлено 6 курганных сооружений диаметром 7–8 м, высотой от 0,4–0,7 м.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный группа Асфальтовый завод Бел (км 2256). Находится на высокой левобережной террасе р. Катунь, в 0,8–1 км к северо-западу от крайних домов с. Иня. У подножья террасы находится асфальтовый завод. Группа состоит из двух округлых сооружений диаметром 8 м, высотой 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°28.223' E 086°37.179'; N 50°28.215' E 086°37.155'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный могильник Иня Старый Мост (км 2257). Расположен на крутом склоне безымянного лога левобережной террасы р. Катунь, в 700–900 м к западу от крайних домов с. Иня. Напротив устья лога находится висячий деревянный мост через р. Катунь. Могильник включает 5 сооружений округлой формы диаметром 5–7 м, высотой до 0,5 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°27.677' E 086°37.093'; N 50°27.673' E 086°37.100'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Памятник может быть датирован ранним средневековьем.

Курганный могильник Булан Кобы Бел-1 (км 2262). Расположен в 4,7–5 км к юго-юго-западу от с. Иня, на правом борту лога юго-западного склона горы, являющегося одновременно высокой террасой древнего водотока на левобережье р. Катунь. Включает 7 объектов археологии. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°25.010' E 086°36.915'; N 50°25.036' E 086°36.899'; N 50°25.042' E 086°36.896'.

Все объекты – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Предварительная датировка – ранние этапы эпохи раннего железа.

Курганный могильник Булан Кобы Бел-2 (км 2263). Расположен на правом борту лога, являющегося одновременно террасой древнего водотока на левобережье р. Катунь, в 4,7–5 км к юго-юго-западу от с. Иня. Памятник состоит из 13 курганных сооружений, разделенных на две группы ложбиной. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50° 24.871' E 086° 37.196'; N 50° 24.870' E 086° 37.191'; N 50° 24.856' E 086° 37.169'; N 50° 24.846' E 086° 37.169'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 5 объектов.

Местонахождение палеолитического орудия Булан Кобы Бел (км 2263). Нуклеидное орудие найдено на правом борту лога, являющегося одновременно террасой древнего водотока на левобережье р. Катунь, в 4,7–5 км к юго-юго-западу от с. Иня. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50° 24.820' E 086° 37.224'. Возможная хронология – 40–30 тыс. лет назад.

Курганная группа Булан Кобы Переход (км 2265). Расположена на первой надпойменной террасе левого берега р. Катунь, на расстоянии около 5,8 км к юго-востоку от с. Иня. Два сооружения округлой формы, диаметром 8 м, 9 м, высотой 0,5 м.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Могильное поле Юстуги От Тюшкен (км 2271). Левый берег р. Чуя на всём протяжении участка обследования (до урочища Каракол, км 2310 проектируемого магистрального газопровода «Алтай») представляет коренную террасу р. Чуя, переходящую в склон горы. Терраса расчленена ложбинами водотоков и локализована бомами (скальными оконечностями хребтов) на замкнутые самостоятельные участки. Естественный рельеф местности в комплексе с другими факторами (этнокультурными, хронологическими и т.д.) влиял на характер размещения древних сооружений.

Могильное поле Юстуги От Тюшкен расположено в 17–18 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя, в урочище Юстуги От Тюшкен, на коренной надпойменной террасе левого берега р. Чуя. Могильное поле включает 2 группы древних объектов, содержащих не менее 71 разнотипных объектов разной конструкции и параметров (курганные захоронения округлой, овальной формы, древнетюркские ритуальные оградки с балбалами и без таковых, стелы). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50° 24.090' E 86° 42.971'; N 50°24.094' E 086° 42.995'; N 50°24.077' E 086° 43.028'; N 50°24.072' E 086° 43.021'; N 50° 24.052' E 86° 43.045'.

В коридор проектируемого газопровода попадают 62 объекта.

Могильное поле Алтыгы Ашкайакту (км 2273 – км 2275). Расположено в 17–17,8 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя, в урочище Алтыгы Ашкайакту, на надпойменной террасе левого берега р. Чуя, плавно переходящей в склон горы. Условной границей, разделяющей урочище Юстуги От Тюшкен и урочище Алтыгы Ашкайакту, служит естественный скальный прижим к р. Чуя. Могильное поле включает 3 относительно самостоятельные группы древних объектов, содержащих не менее 103 разнотипных объектов разной конструкции и разных размеров (курганные захоронения округлой формы, древнетюркские ритуальные оградки с балбалами и без таковых, стелы). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°24.228' E 086°45.209'; N 50°24.205' E 086°45.258'; N 50°24.194' E 086°45.543'; N 50°24.202' E 086° 46.395'; N 50°24.222' E 086°46.364'; N 50°24.223' E 086°46.380'; N 50°24.224' E 086°46.476'; N 50°24.174' E 086°46.653'; N 50°24.145' E 086°46.668'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 45 объектов.

Могильное поле Узун-Ашкайакту (км 2276). Расположено в 15–15,5 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя, в урочище Узун Ашкайакту, на надпойменной террасе левого берега р. Чуя, плавно переходящей в

склон горы (условной границей, разделяющей урочище Алтыгы Ашкайакту и урочище Узун Ашкайакту, служит естественный скальный прижим к р. Чуя). Могильное поле включает 2 группы древних объектов, содержащих не менее 44 археологических объектов и древнюю оросительную систему в дельте пересохшей горной речки Ашкайакту. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°24.017' E 086°47.433'; N 50°23.899' E 086°49.718'; N 50°23.868' E 086°49.821'; N 50°23.875' E 086°49.870'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 17 объектов.

Курганный могильник Ойык Оозы 1 (км 2281). Расположен в 14–14,5 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя в урочище Ойык Оозы на надпойменной террасе левого берега р. Чуя. Условной границей, разделяющей урочище Ойык Оозы и урочище Узун Ашкайакту, служит бом Саксы. Памятник состоит из 11 сооружений округлой формы, разных диаметров и плоской выкладки.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 8 объектов. Могильник может быть отнесен к эпохе раннего железа.

Курганный могильник Ойык Оозы-2 (км 2282). Расположен в 13–13,5 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя. Включает 5 сооружений округлой формы диаметром 5–8 м, высотой до 0,35 м.

Все – в коридоре проектируемого магистрального газопровода. Памятник может быть датирован ранним средневековьем.

Курганный могильник Юстуги Кадынтай-1 (км 2283). Расположен в 12–12,5 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя, в урочище Юстуги Кадынтай на террасе левого берега р. Чуя. Состоит из 10 курганных сооружений округлой формы диаметром 4 м, высотой 0,2 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°24.337' E 086°52.789'; N 50°24.324' E 086°52.817'; N 50°24.332' E 086°52.896'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 4 объекта. Памятник может быть отнесен к раннему средневековью.

Курганный могильник Юстуги Кадынтай-2 (км 2284). Расположен в 11,5–12 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя, на террасе левого берега. Могильник состоит из 11 курганных сооружений округлой формы разных диаметров, высотой до 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°24.447' E 086°53.278'; N 50°24.454' E 086°53.294'; N 50°24.454' E 086°53.311'; N 50°24.657' E 086°53.890'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 7 объектов. Памятник может быть отнесен к периоду раннего средневековья.

Курганный группа Юстуги Кадынтай-3 (км 2286). Расположена в 10–11 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя. Состоит из 3 курганных сооружений округлой формы диаметром 4–8 м, высотой 0,3 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°24.508' E 086°54.434'; N 50°24.509' E 086°54.394'; N 50°24.506' E 086°54.385'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 3 объекта.

Курганная группа Юстуги Кадынтай-4 (км 2287). Расположена в 9,5–10 км от с. Июдро, вниз по левому берегу р. Чуя, на левобережной террасе. Памятник включает не менее 40 древних сооружений (курганы, оградки со стелами). Диаметр курганов от 3–4 до 12–14 м, высота от 0,2 до 0,85 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°24.496' E 086°55.172'; N 50°24.496' E 086°55.172'; N 50°24.469' E 086°55.176'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 33 объекта.

Курганный могильник Сырнак (км 2297). Расположен в 2–2,5 км к западу-северо-западу от с. Белый Бом, в урочище Сырнак, на коренной террасе левого берега р. Чуя. Включает 9 округлых сооружений диаметром от 6 до 10 м, высотой до 0,5 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°22.836' E 087° 00.925'; N 50°22.843' E 087°00.908'; N 50°22.851' E 087°00.886'; N 50°22.855' E 087°00.857'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода – 9 объектов.

Курганный могильник Усть-Сарколди (км 2303). Расположен в 3,5–3,8 км к юго-востоку от с. Белый Бом, на левой коренной террасе р. Чуя (правый приток р. Катунь), выше по течению реки, на первой надпойменной террасе. Три кургана округлой формы, диаметром 8–10 м, высотой до 0,4 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°20.419' E 087°03.164'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода. Относится к эпохе раннего железа.

Одиночный курган Сеп (км 2305). Расположен в 4–4,3 км к юго-востоку от с. Белый Бом, выше по течению р. Чуя, на мысу левой коренной террасы р. Чуя, в урочище Сеп. Курган овальной формы, размером 6x3 м, высотой до 0,2 м. Географические координаты по GPS-навигатору: N 50°20.164' E 087°04.385'.

Курганный могильник Сеп-1 (км 2305). Расположен в 4,5–5 км к юго-востоку от с. Белый Бом, выше по течению р. Чуя, на краю ее левой коренной террасы. Видимо, в составе могильника присутствует большее количество курганов, чем зафиксированные визуально 34 древних сооружения (насыпи сильно задернованы). Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°20.056' E 087°04.536'; N 50°20.038' E 087°04.650'; N 50°20.034' E 087°04.639'; N 50°20.033' E 087°04.658'; N 50°20.032' E 087°04.670'.

Все – в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Древняя оросительная система (сувак) Сеп (км 2305). На площади курганного могильника Сеп-1 выявлены каналы древней оросительной системы. Ширина канала около 1 м, глубина около 0,3 м. Фрагмент сувака имеет следующие координаты по GPS-навигатору: N 50°19.982' E 087°04.693'.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Древняя оросительная система (сувак) Каракол (км 2309). Суваки выявлены в дельте ручья Каракол, в 12–13 км к востоку-юго-востоку от с. Белый Бом, выше по течению р. Чуя, на её левобережной коренной террасе. Ширина суваков до 0,7–0,8 м, глубина до 0,3 м.

В коридор газопровода попадает отрезок древней оросительной системы протяженностью не менее 100 м.

Курганный могильник Каракол-1 (км 2309). Расположен в 12–13 км к востоку-юго-востоку от с. Белый Бом вверх по течению р. Чуя, на коренной левобережной террасе Чуи, в устье ручья Каракол, на его правом берегу. Памятник включает 8 древних сооружений округлой формы диаметром 3–5 м, высотой 0,2 м. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°20.102' E 087°08.228'; N 50°20.106' E 087°08.278'; N 50°20.131' E 087°08.229'; N 50°20.137' E 087°08.221'.

Находится в коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Курганный могильник Каракол-2 (км 2309). Расположен в 12–13 км к востоку-юго-востоку от с. Белый Бом, выше по течению р. Чуя, на коренной левобережной террасе Чуи, в устье ручья Каракол, на его правом берегу. Находится восточнее могильника Каракол-1. Памятник включает 14 сооружений округлой формы диаметром 4–6 м, высотой до 0,3 м. Примечательно, что один из курганов позднее перерезан арыком, при сооружении которого была частично разобрана каменная насыпь. Географические координаты объектов по GPS-навигатору: N 50°20.157' E 087°08.318'; N 50°20.156' E 087°08.327'; N 50°20.156' E 087°08.423'; N 50°20.168' E 087°08.463'.

Не попадают в коридор проектируемого магистрального газопровода.

Памятники искусства

Олений камень. Находится в окрестностях с. Онгудай, на самой вершине относительно узкого лога, высота над уровнем моря по GPS-навигатору – 922 м. Четырехсторонняя стела возвышается на 0,80 м над современной поверхностью. Ширина камня неравномерная. Лицевой стороной стела обращена на долину р. Урсул, т.е. в южном направлении. Мелкой точечной техникой подчеркнута линия разделения «пояс». Выше линии «пояса» точечной техникой выбита округлая «серьга» (?), ниже линии «пояса» – трудно уловимые изображения предметов («кинжал», «кожаная сума – каптарга»?). Стела стоит внутри сильно задернованной квадратной оградки из цельных плит, ориентированной по сторонам света.

В коридоре магистрального газопровода.

Петроглифы. Находятся в окрестностях с. Онгудай. Рисунки нанесены на относительно ровную поверхность камней. Изображены горные козлы, выбитые точечной техникой. Предварительно могут быть датированы ранним средневековьем.

В проектном коридоре магистрального газопровода.

Петроглифы урочища Кара-Корум. Наскальные рисунки обнаружены на многих отдельных скальных выступах, скальных плоскостях урочища Кара-Корум на правом берегу р. Катунь, в 7–8 км к северо-западу от с. Малый Яломан. Петроглифы нанесены на южную и восточную, относительно ровные стороны скальных плоскостей, на разных уровнях. Изображены козлы, маралы (олени), быки (буйволы?). Выполнены точечной техникой и сплошной линией.

Не входят в коридор проектируемого газопровода.

Петроглифы урочища Аныйак. Находятся на правом берегу р. Катунь, в окрестностях с. Малый Яломан. Выявлены на отдельных скальных выступах, плоскостях урочища Аныйак. Петроглифы точечной техникой и сплошной линией нанесены на южную и восточную, относительно ровные стороны скальных плоскостей, на разных уровнях. Изображены козлы, быки (буйволы?).

Входят в коридор проектируемого магистрального газопровода. Могут быть отнесены к эпохам бронзы, раннего железа, средневековья.

Петроглифы урочища Аныйак. Находятся на правом берегу р. Катунь, в окрестностях с. Малый Яломан, примерно 200–300 м от группы петроглифов, попадающих в трассу проектируемого газопровода. Рисунки нанесены на южную и восточную, относительно ровные стороны скальных плоскостей, на разных уровнях. Плоскости с петроглифами тянутся вверх по узкому логу. Изображены козлы, быки (буйволы?). Изображения нанесены точечной техникой и сплошной линией. Наскальные рисунки эпохи бронзы, раннего железа, средневековья.

Не входят в коридор проектируемого газопровода.

Петроглифы урочища Кор Кобы Бажы. Находится в окрестностях с. Малый Яломан. На отдельных скальных выступах, каменных плоскостях урочища Кор Кобы выявлено не менее 3-х местонахождений с древними рисунками. Петроглифы нанесены на относительно ровную поверхность скальных плоскостей. Точечной техникой изображены козлы. Олени с рогами нанесены на отдельной скальной плоскости. Рисунки выполнены по основным канонам скифского искусства, датируются ранним железным веком, выполнены сплошной линией.

Древнетюркские граффити выполнены на северо-восточной стороне широкой плоскости скалы. Сложная композиция наскальных рисунков выполнена тонкой сплошной линией. На другой скальной плоскости рисунки нанесены на северо-восточной стороне широкой плоскости скалы. Изображены козлы, маралы, человеческие фигуры. Сложные композиции рисунков отражают сцену охоты (?).

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Петроглиф у с. Иня. С восточной стороны плоской скалы изображен козел, рисунок выполнен точечной техникой. Петроглиф древнетюркского времени.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Петроглиф в урочище Булан Кобы. Выявлен примерно в 5 км, к юго-юго-востоку от с. Иня, на восточной стороне скалы.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Петроглифы Юстуги От Тюшкен. Находится на левом берегу р. Чуя, в границах могильного поля Юстуги От Тюшкен. Скала-останец с петроглифами и загородкой из камней, высота каменной загородки до 0,7 м. На скальной плоскости точечной техникой выполнены петроглифы (горные козлы). В 5 м к северу от основной скалы, на малом останце также имеются петроглифы (изображение человека). Рисунки выполнены точечной техникой.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Петроглифы Ойык Оозы. Находятся примерно в 13 км от с. Иодро, вниз по левому берегу р. Чуя, на скалах оконечности невысокого горного хребта, спустившегося перпендикулярно к р. Чуя. Наскальные рисунки тонкой прочерченной линией нанесены на относительно ровную поверхность скалы. Техника нанесения позволяет датировать их древнетюркским временем.

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

Древнее культовое место Сырнак. Расположено на левом берегу р. Чуя, в её долине, на левом берегу высохшего ручья Сырнак. Рисунки нанесены на плоской восточной стороне скалы, вытянутой по оси север-юг. Высота скалы более 6–7 м, длина не менее 30–35 м. На большей части данной плоскости нанесены рисунки (буйволы, маралы, горные козлы, тамгообразные знаки, антропоморфные изображения и т.д.). В нижней части скалы не исключается наличие древнетюркской надписи. Наскальные рисунки выполнены точечной техникой и сплошной прочерченной тонкой линией. Под скалой зафиксирована площадка – бугор высотой около 1,3 м, из чернозема. Длина площадки около 25 м, ширина около 15 м (от скалы к ручью Сырнак).

В коридоре проектируемого магистрального газопровода.

В ходе полевых работ 2011 г. в рамках рабочего проекта «Строительство магистрального газопровода “Алтай”» обследован участок протяженностью 135 километров (км 2175 – км 2310). Результаты полевых исследований отражены Ю.Т. Мамадаковым в «Отчете об археологических работах по проекту «Строительство магистрального газопровода «Алтай», км 2175 – км 2310». Онгудайский район. Республика Алтай. 2011 г.», который хранится в архиве Института археологии Российской академии наук (г. Москва).

Новые памятники археологии, обследованные в 2011 г., существенно дополняют список памятников культурного наследия Онгудайского района в частности и Республики Алтай в целом.

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ
В ДОЛИНЕ р. ЧУИ НА АЛТАЕ**

В августе-октябре 2011 года Чуйский отряд Алтайской экспедиции ИАЭТ СО РАН проводил археологические разведочные работы в долине р. Чуи и в Чуйской степи на территории Онгудайского, Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай¹. Чуйским отрядом был обследован участок полосы отчуждения под проектируемый газопровод «Алтай» общей протяженностью 180 км. Исследованный участок начинается близ слияния рек Чуи и Катунь и заканчивается в Чуйской степи, в окрестностях с. Мухор-Тархата. На этом протяжении проектируемый газопровод трижды пересекает р. Чую и местами проходит по труднодоступным скальным, либо поросшим тайгой участкам. Дополнительную сложность представлял собой отрезок проектируемого газопровода длиной около 60 км, проходящий в нижнем течении р. Чуи по ее левому берегу – противоположному от правого берега, на котором проложен Чуйский тракт. Несмотря на наличие нескольких мостов через Чую, этот участок зачастую приходилось обследовать, пересекая реку на лодке и совершая в основном пешие переходы.

Створ проектируемого газопровода «Алтай» на указанном участке частично проходил по археологическим памятникам, которые уже были открыты ранее и в той или иной степени исследованы. Так, в 1991 году Восточноалтайский отряд ИАЭТ СО РАН под руководством В.Д. Кубарева скопировал петроглифы местонахождения Калбак-Таш-II, в число которых входил и отдельный крупный скальный останец – т.н. «Игнатов камень» (Кубарев В.Д., 1992, с. 8–9, рис. 18–20; Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, рис. 31). Он находится приблизительно в 300 метрах к востоку от туристического комплекса Чуй-Оозы. Сюжеты и персонажи на «Игнатовом камне» относятся в основном к эпохе бронзы, но есть и петроглифы, нанесенные в раннем железном веке.

Участок левого берега р. Чуя от с. Идро до самого ее устья довольно сильно насыщен наскальными рисунками. Они встречаются на отдельных выходах, скальных останцах и огромных камнях. Местонахождения петроглифов в данном районе были впервые выявлены в ходе разведок в кон. 1980-х гг. (Черемисин Д.В., 1990, 1993, 1997). Условно они разделены на четыре пункта: Чуя I–IV (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 50). В разной степени эти памятники попадают в створ газопровода и были обследованы заново.

¹ Некоторым итогам проведенных разведочных работ посвящено несколько предварительных публикаций (Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., 2011; Кубарев Г.В., 2012а, 2012 б).

В число известных и исследованных памятников входит и могильник Белый Бом-II, который расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Чуи, в 2,5–3 км к юго-востоку от с. Белый Бом. В 1980 году экспедиция АГУ исследовала здесь 8 курганов и 6 поминальников (Глоба Г.Д., 1983, с. 116). Из них 4 кургана принадлежали гунно-сарматской эпохе. Автор раскопок датировала могильник в пределах II в. до н.э. – III–V вв. н.э. (Глоба Г.Д., 1983, с. 121). Отсутствие нумерации объектов на опубликованном плане могильника Белый Бом-II (Глоба Г.Д., 1983, табл. I) затрудняло их идентификацию на местности. Это в полной мере относится и к могильнику Белый Бом-I, о составе, размере и местоположении которого остается только догадываться.

Палеолитическое местонахождение Куяхтанар также пересекается трассой будущего газопровода. Это местонахождение находится на правом берегу р. Чуи близ впадения в нее р. Куяхтанар. Первые сборы подъемного материала здесь были сделаны еще в конце 1970-х годов (Кубарев В.Д. и др., 1978, с. 245). Немногочисленный подъемный материал сконцентрирован в основном в районе песчаных выдувов (Дервянко А.П., Маркин С.В., 1987, с. 11).

Включая вышеперечисленные и уже известные памятники, нами на всем протяжении 180-километрового участка газопровода было зафиксировано 95 памятников. Часть из них представляет собой одиночные или немногочисленные объекты (курганы, выкладки, оградки, стелы), другие – большие погребальные и погребально-поминальные комплексы, насчитывающие от 20 до 60 объектов. В процессе работы снимались глазомерные планы памятников с использованием GPS-приемников. Все объекты были описаны, сфотографированы и отмечены те из них, которые непосредственно попадают в полосу отчуждения для строительства газопровода. Обследованы возможные варианты обхода археологических памятников трассой газопровода. Для большинства археологических объектов еще до проведения раскопочных работ можно было с большой степенью уверенности предположить их культурную и хронологическую принадлежность. Четко определяются цепочки пазырыкских курганов, ориентированные по линии С–Ю (рис. 1), либо поперек долины реки, расположенные в «сотом» порядке объекты гунно-сарматского времени, древнетюркские оградки и курганы, пристроенные к более ранним памятникам. Наконец, выявлены крупные, одиночные курганы и керексуры эпохи бронзы, тяготеющие к подножию гор и склонов (рис. 2).

Одной из наиболее интересных находок явились два древнетюркских изваяния, установленных у двух смежных древнетюркских оградок. Эти объекты входят в большой погребально-поминальный комплекс в долине сухой реки Апшиякта – левого притока р. Чуи. Они расположены обособлено и далеко к западу от курганного могильника пазырыкской культуры. Лицевые изваяния из Апшиякты, на которых на одной плоскости воспроизведены сверху мужская личина, а чуть ниже –

женская, следует признать уникальными. Нам не известны какие-либо аналогии таким изваяниям не только на Алтае, но и на всей территории распространения древнетюркских статуарных памятников – Монголии, Туве, Семиречье, Восточном Туркестане.

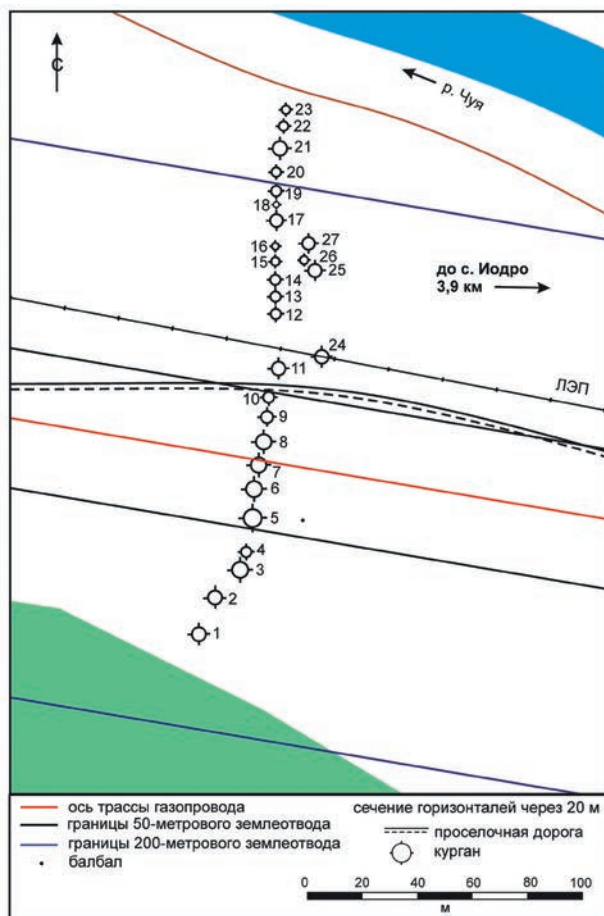

Рис. 1. План могильника Катандой-V. Общий вид на скальный выход с петроглифами в местности Сырнах-Гозы. Левый берег р. Чуи

Среди зафиксированных и обработанных нами памятников особенно хотелось отметить два новых местонахождения петроглифов на левом берегу р. Чуи. Одно из них расположено в местности Сырнах-Гозы, на левом берегу р. Чуи, в 2–3 км от с. Белый Бом вниз по течению реки. Петроглифы выполнены на хорошо заметном издальи

скальном выходе высотой около 8–10 м. Его общая длина по линии С–Ю составляет около 20 м. Вертикальные скальные поверхности с рисунками обращены на восток. Местонахождение петроглифов насчитывает порядка 11 композиций, выполненных на вертикальных поверхностях, 5 композиций на горизонтальных поверхностях, а также многочисленные отдельные изображения животных. Рисунки концентрируются на нижнем ярусе скального выхода. Скальная поверхность серого, серо-зеленого цвета, слабо патинизирована, мох и лишайники практически отсутствуют. Значительная часть изображений утеряна вследствие естественного разрушения и отслаивания камня.

Рис. 2. Вид на памятник Мештуярык-I, включающий пазырыкские курганы и керексуры. Правый берег р. Чуи

Композиции представляют собой изображения сцен охоты, групп животных (козлов, оленей, быков), воинов-охотников в характерных серповидных головных уборах с луками и «хвостами». На центральной композиции, размеры которой составляют 2х0,6 м, воспроизведена большая фигура горного барана, окруженного более мелкими фигурами козлов. Чуть ниже изображена сцена охоты лучника в серповидном головном уборе на оленя. Следует отметить также отдельные изображения человеческих фигур, воспроизведение колеса (незаконченное изображение колесницы?), параллельные выбитые линии, два вырезанных и глубоко прошлифованных тамгаобразных знака. У самого подножия скалы имеется несколько плоскостей с тонкими и изящными гравировками животных. Таким образом, на скале Сырнах-Гозы петроглифы выполнены практически во всех возможных техниках: выбивка, гравировка, шлифование. Часть наскальных композиций скопирована нами и эту работу в дальнейшем предполагается продолжить.

Под скалой фиксируются основания стен, сложенных из огромных плит. Вероятно это остатки загонов для скота, подобно тому, как это неоднократно встречено у других наскальных комплексов на территории Российского и Монгольского Алтая. Почва под скалой Сырнах-Гозы сильно гумусирована и поросла высокой травой.

Основной массив петроглифов Сырнах-Гозы, представляющий собой выбитые изображения оленей, быков, охотников в серповидных головных уборах, относится к эпохе ранней и развитой бронзы (начало и середина II тыс. до н.э.). Среди многочисленных аналогий в петроглифах Алтая наиболее близкой и яркой можно считать основную и самую многочисленную группу наскальных изображений в Калбак-Таше-I (Кубарев В.Д., 2011, с. 61).

Тамги, вырезанные на скале Сырнах-Гозы (рис. 3), имеют прямые аналогии с тамгами известных тюркских памятников Монголии. Подобные родовые знаки встречены на скале Дэл уул (Самашев З. и др., 2010, рис. 47), на стеле Ел етмиш кагана (Мойын Чура) (Самашев З. и др., 2010, рис. 48), на стеле из мемориального комплекса Кутлуг-кагана в Шивэт-Улане (Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., 2006, рис. 33). Это помогает не только с достаточной степенью уверенности определить время нанесения тамг в Сырнах-Гозы в пределах VII–VIII вв., но и лишний раз подтверждает факт вхождения территории Алтая в состав Второго Тюркского каганата и тесные связи с родственным тюркским населением Монголии в указанный период. По-видимому, гравированные изображения в Сырнах-Гозы также должны быть датированы древнетюркской эпохой.

Рис. 3. Изображение древнетюркских тамг в петроглифах в Сырнах-Гозы

Вне зависимости от дальнейших планов по строительству газопровода на территории Республики Алтай, проведенные разведочные работы позволили получить ценные и многочисленные данные по археологическим памятникам долины р. Чуи. Большинство из них были впервые открыты и предварительно обследованы.

Библиографический список

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом-II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.

Дервянко А.П., Маркин С.В. Палеолит Чуйской степи. Горный Алтай. Новосибирск, 1987. 113 с.

Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана, 2006. 360 с.

Кубарев В.Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Республики Горный Алтай в 1991 году. Новосибирск, 1992. 56 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша-I (Российский Алтай). Новосибирск, 2011. 444 с.

Кубарев В.Д., Зяблицкий С.С., Чевалков Л.М., Гребенщиков А.В. Разведка в Горном Алтае // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 244–245.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992. 123 с.

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю. Археологическая разведка в долине р. Чуи на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. XVII. С. 409–413.

Кубарев Г.В. К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 1. С. 339–346.

Кубарев Г.В. Петроглифы Сырнах-Гозы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012, Т. XVIII. С. 195–200.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы, 2010. 168 с.

Черемисин Д.В. Петроглифы в устье р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 162–165.

Черемисин Д.В. К изучению поздних петроглифов Горного Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993. С. 122–132.

Черемисин Д.В. Петроглифы левого берега реки Чуи (Горный Алтай) // Наскальное искусство Азии. Кемерово, 1997. Вып. 2. С. 78–88.

РАЗДЕЛ 3

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

Ю.П. Алёхин

Рудно-Алтайский научный историко-культурный центр, Змеиногорск

ЗМЕИНОГОРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

В Сибири сохранилось немного некрополей русского периода, имеющих историческое значение. На Алтае до последнего времени были известны лишь два таких, сохранившихся частично, некрополя – в г. Бийске и п. Колывань. Выявление новых памятников истории и культуры этого типа – крайне редкое и важное для науки явление. Кроме научной значимости, исторические некрополи, как правило, эффективно используются в сфере культурного туризма.

В 2007 г. в рамках плановых работ Рудно-Алтайского научного историко-культурного центра с помощью школьного краеведческого кружка «Исследователь»¹ было исследовано старое Змеиногорское кладбище, функционировавшее со второй половины XVIII в. и закрытое в 2006 г. В результате было выявлено около 100 неизвестных ранее дореволюционных погребений, имеющих различную степень значимости и сохранности. Сохранились полностью либо частично надгробия горных и армейских офицеров, чиновников, казаков, купцов, мещан и крестьян. Некоторые находки оказались сенсационными (Алехин Ю.П., Алянчикова Л.В., Кошкарлова Т.С., 2008, с. 16; Фомин И., 2008, с. 11; Фурс Т., 2008, с. 16).

Так, было обнаружено надгробие **вдовы тайного советника П.К. Фролова – Марии Ивановны Фроловой**, умершей 29 февраля 1857 г. Мария Ивановна была дочерью известного военного деятеля в Сибири – полковника Дегарриги.

Сам П.К. Фролов, после должностей Томского гражданского губернатора и начальника Алтайского горнозаводского округа, был назначен сенатором и умер в Санкт-Петербурге в чине тайного советника. За весь период до начала XX в. он был единственным из коренных сибиряков, кто достиг столь высоких должностей и чина, причем исключительно благодаря своим способностям и заслугам.

Среди наиболее известных результатов деятельности П.К. Фролова нельзя не отметить постройку по его проекту в 1809 г. первой в

¹ Автор выражает особую признательность за помощь и сотрудничество руководителям кружка Л.В. Алянчиковой и Т.С. Кошкарловой, а также наиболее активным его членам – А. Никитановой, К. Дзюмак и А. Бондареву

России конной чугунно-рельсовой дороги в Змеиногорске, и основание музеев в Барнауле и Змеиногорске.

Могила П.К. Фролова в Петербурге, как и могила его отца – К.Д. Фролова (в Барнауле) не сохранились. Единственная могила его семьи – вдовы Марьи Ивановны Фроловой, сохранилась на старом Змеиногорском кладбище. То, что его вдова жила и была погребена после смерти мужа не в Петербурге, Барнауле или Томске, объясняется тем, что она вернулась на родину умершего мужа – в Змеиногорск, где и была погребена. До обнаружения этого погребения данных о месте проживания в последний период жизни и о месте погребения М.И. Фроловой не имелось.

На Змеиногорском историческом некрополе найдена также могильная плита двух княжон (сестёр) из старейшего привилегированного русского княжеского рода Рюриковичей, дочерей князя и бригадира (в XVIII в. высокий военный чин, промежуточный между полковником и генерал-майором). Это первая и единственная на Алтае находка погребений представителей княжеского рода Рюриковичей.

Крайне интересна находка надгробия с масонской символикой высокопоставленного горного офицера – **берггауптмана** (равен полковнику) **Петра Степановича Зубарева**, умершего 18 марта 1858 г. в 74-летнем возрасте. П.С. Зубарев был сыном солдата С.А. Зубарева, который к началу XIX в. дослужился до чина подполковника. Его сыну служебная карьера давалась легче, т. к. он уже был офицерским сыном и, к тому же, членом масонской ложи. Расцвет деятельности П.С. Зубарева приходится на 1820-е годы, когда Алтайским горнозаводским округом руководил П.К. Фролов. Вероятно, судя по чину, П.С. Зубарев был одним из ближайших помощников П.К. Фролова. Эта находка позволил исправить неправильную опубликованную информацию о П.С. Зубарева, согласно которой он якобы родился в 1762 г., а дата смерти его неизвестна (Исследователи Алтайского края..., 2000, с. 84).

Важна находка надгробия **подполковника корпуса горных инженеров Александра Григорьевича Бояршинова**. А.Г. Бояршинов – автор 10 известных научных публикаций (Горный журнал. 1842–1858 гг.), что является редким явлением для деятельности горного офицера и с полным правом даёт основание, наряду с его служебными заслугами, считать этого горного офицера учёным-исследователем. В геологической науке имя этого исследователя достаточно хорошо известно. А.Г. Бояршинов также выявил в архиве подлинные документы и чертежи И.И. Ползунова.

На надгробном обелиске написано: «**Дом вечного покоя подполковника (корпуса) горных инженеров Александра Григорьевича Бояршинова. Родился в 1818 г. 1 ноября, кончина 7 января 1860 г.**». Опять же, эти фактические даты жизни А.Г. Бояршинова не совпадают с опубликованными (1819 – ?) (Исследователи Алтайского края..., 2000, с. 59). Таким образом, выявленная дата на надгробии позволяет исправить допущенную в библиографическом словаре ошибку и установить неизвестные ранее исследователям точную дату и место его смерти.

Многие горные офицеры и чиновники Змеиногорского рудника были немецкого происхождения, некоторые из них известны по архивным и историческим источникам. Так, известно, что в 1820–1824 и в 1827 гг. змеиногорской полицией руководил немецкий дворянин А.Х. фон Трейблют (Пережогин А.А., 2003, с. 212). Других же данных о нём не было известно. Теперь же найдена могила бергмейстера (равен майору) **Александра Христофоровича фон Трейблюта** с надгробной плитой, где указаны его краткие биографические данные и даты жизни – **«ум. 17.07.1846 г., на 60-м году жизни»**.

На Змеиногорском кладбище также обнаружено массивное фигурное гранитное надгробие, на котором имеется надпись: **«Младенец Александра Рекс. Родился 11 сентября 1855 г., скончался 20 февраля 1857 г.»**. Определённый след в алтайской истории оставил вероятный отец этого младенца – старший лекарь Змеиногорского госпиталя Рекс, рапорт которого (1858 г.) сохранился среди архивных документов (Серебряный венец России..., 2003, с. 461). В другой публикации (Исследователи Алтайского края..., 2000, с. 177) упоминается статья 1858 г. в «Томских губернских ведомостях» с подзаголовками: «1. Описание Барабинской степи; 2. Медико-топографическое описание Змеиногорского рудника; 3. Землетрясения», подписанная «Рекс А.». Причём делается предположение, что Рекс А. – это псевдоним автора. Теперь же, на основании совокупности приведённых данных ясно, что автор научной публикации А. Рекс и старший лекарь Змеиногорского госпиталя Рекс – одно и то же лицо и что он публиковался под своей фамилией (вероятно, немецкого происхождения), а не под псевдонимом.

Некоторые памятники (в основном детям) наряду с биографическими данными имеют поэтические эпитафии, которые не могут оставить равнодушными тех, кто их прочтёт. Так, на одном из обелисков написано:

«Младенец Николай.

Сын Семипалатинского почтмейстера Ильи Евдокимова.

Родился 11 марта 1872 года. Умер 5 мая 1874 года.

Мир праху твоему.

**Господи! Пришли младенца Николая
под свой пресвятый покров.**

**Всеблагий! Ты, детей благославляя,
сказал, что их удел такой.**

**Веруем, что и этому малютке
будет оказана милость твоя.**

**Пресвятый! Нам радостно и страшно,
что сын наш, призванный тобою,
родился в свет не напрасно,
показуя благость божью собою.**

Спи, дитя моё прекрасное, баюшки-баю.

Тихо смотрит солнце ясное на могилушку твою.

**А родители болеют о потере милого тебя.
Плачут и скорбят, не видя
Колою около себя».**

Из надписи мы узнаём, что отец мальчика, Илья Евдокимов, был почтмейстером крупного тогда областного города Семипалатинска. Видимо, мальчика решили похоронить на родине его родителей или близких родственников.

Лаконичная надпись сделана на оригинальном гранитном надгробии сестры милосердия Метельской: **«Крестовоздвиженской общины Сестра Милосердия Метельская. Скончалась 30 мая 1872 года. Болен баше, посетите мене. Матф. гл. XXV ст. 36»**. В отличие от всех дореволюционных надгробных памятников, здесь нет биографических данных, кроме фамилии, деятельности и даты смерти. Но по смыслу ясно, что свою жизнь сестра милосердия Метельская посвятила не себе, а нуждающимся в её помощи. Поэтому не указаны даже имя и отчество, дата рождения, но дважды (в т.ч. и евангельской цитатой) подчёркнута её деятельность. Не исключено, что эту продуманную эпитафию сочинила сама Метельская перед смертью.

Все сохранившиеся дореволюционные надгробные памятники Змеиногорского некрополя (в виде плит,obelisks, фигурных надгробий) – из гранита. Мраморные памятники по свидетельствам старожилов в советское время были использованы для вторичной обработки на Колыванском камнерезном заводе. Сохранился только один памятник 1904 г. из низкосортного серого местного мрамора (восьмилетнему Николаю Митину, сыну купца В.П. Митина). Все памятники (кроме плит) были увенчаны коваными железными крестами, спиленными либо сколотыми вместе с камнем в советское время и от которых сохранились только основания. Самое старое из сохранившихся надгробий (плита) датируется 1794 г. (разборчивы только дата смерти и фамилия погребенного – **Чепушин**). Практически все (кроме одного, изготовленного в Томске в мастерской М.Д. Кочерженко) сохранившиеся дореволюционные надгробия изготовлены на Колыванском камнерезном заводе. Основная часть дореволюционных погребений была уничтожена в советское время – на их месте сооружались новые могилы, а надгробия использовались для вторичной обработки на Колыванском камнерезном заводе либо для местных нужд (под фундаменты домов и др.). Процесс уничтожения оставшихся исторических погребений продолжается, т.к. хотя кладбище закрыто, но нередко там и до сих пор производятся захоронения.

Из послереволюционных надгробий представляет несомненный интерес памятник **Альфреду Петровичу Хейдоку** (1892–1990 гг.). А.П. Хейдок – яркий представитель белой эмиграции, штабс-капитан армии А.В. Колчака, перед эмиграцией служил начальником амурской (Благовещенской) уездной милиции (1919 – нач. 1920 гг.). В эмиграции

стал известным писателем-романтиком. В 1934 г. в Харбине встречался с Н.К. Рерихом, после чего стал его последователем. Преподавал в Харбинском медицинском колледже, Гириномском и Шанхайском университетах. В 1947 г. добровольно вернулся в СССР, отбыл заключение в советских концлагерях, с 1981 г. жил в Змеиногорске, где и умер в 1990 г. В Змеиногорске на доме, где жил А.П. Хейдок, ему установлена памятная доска.

Змеиногорский рудник в XVIII–XIX вв. был одним из центров горнометаллургического производства России, а алтайские рудники (в основном Змеиногорский) давали основную часть российского серебра. Здесь служили многие выдающиеся инженеры, новаторы и администраторы. Среди них наиболее известны: И.И. Ползунов (1728–1766 гг.), Козьма Дмитриевич (1728–1800 гг.) и Пётр Козьмич (1775–1839 гг.) Фроловы. Но были и другие выдающиеся, но менее известные горные офицеры, чья судьба оказалась связанной со Змеиногорским рудником (И.И. Мейшнер, С.А. Аистов, А.И. Кулибин (сын знаменитого механика И.П. Кулибина), А.Г. Бояршинов, П.С. Зубарев и некоторые другие).

С середины 1960-х гг. неоднократно поднимался вопрос о создании в Змеиногорске музейного историко-технического комплекса на основе сохранившихся и восстановленных уникальных сооружений горнозаводского производства. Вероятно, в ближайшее время этот проект не будет реализован. Но и сейчас на основе сохранившихся памятников историко-культурного наследия и памятников природы Змеиногорск и регион Рудного Алтая в целом могут эффективно использоваться в деле развития алтайского туризма. Змеиногорский исторический некрополь, один из немногочисленных сохранившихся подобных памятников в Сибири, является уникальной составной частью историко-культурного наследия Алтая и должен служить отечественной науке, а после соответствующих подготовительных мероприятий быть доступным для туристов.

Библиографический список

Алехин Ю.П., Алянчикова Л.В., Кошкарлова Т.С. Новые исторические открытия // Змеиногорский вестник. Спец. прилож. «Рудный Алтай». 2008, 29 марта. №41–43.

Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX века: Библиографический словарь. Барнаул, 2000. 280 с.

Пережогин А.А. Организация управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа и Змеиногорского рудного района в 1747–1861 гг. // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2003. С. 194–212.

Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). 2-е изд., испр. и доп. Барнаул, 2003. 528 с.

Фомин И. От Рюриковичей до наших дней // Российская газета. 2008, 8 авг. №171.

Фурс Т. Что Рюриковичи делали на Алтае? // Аргументы и факты. 2008, 13–19 февр. №7 (Прилож. «Алтай». 2008, 13 февр. №7).

М.А. Ананьева

Алтайский государственный университет, Барнаул

**СПРАВОЧНАЯ РАБОТА ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
АЛТАЙСКОГО КРАЯ в 1961–1990 гг.**

Архивы являются фундаментальным элементом информационно-общества. Хранящиеся в них документы отражают необходимый в настоящем времени опыт предшествующих поколений и обеспечивают преемственность между ними. Документы Архивного фонда Алтайского края содержат ретроспективную информацию, чрезвычайно важную для всех сфер общества, и имеют научное, социальное, экономическое, политическое и культурное значение. В Государственном архиве Алтайского края (далее ГААК) деятельность по использованию документов активизируется с 1961 г. Одной из форм организации использования архивных документов была справочная работа, развитие которой можно проследить по годовым отчетам о работе ГААК.

В краевой архив в 1961–1990 гг. поступали два вида запросов: социально-правовые и тематические. Запросы социально-правового характера, которые до 1974 г. именовались биографическими, направлялись в архив в виде писем и заявлений граждан. Такие запросы, касались закрепления и защиты социальных прав, имущественных интересов, а также удостоверения юридических фактов.

ГААК в работе с заявлениями и письмами граждан руководствовался Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР: Ведомости Верховного Совета СССР, 1968, №17, ст. 144), с 4 марта 1980 г. действовал Указ «О внесении изменений Президиума Верховного Совета СССР “О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан”», а в 1988 г. в него были внесены дополнения. Помимо этого справочная работа выполнялась в соответствии с решениями Алтайского крайисполкома 1977 г. «О работе советских органов края по выполнению постановления ЦК КПСС “О дальнейшем совершенствовании работы с письмами трудящихся в свете решений XXV съезда КПСС”», 1979 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию работы с письмами и устными обращениями граждан в свете требований XXV съезда КПСС и Конституции СССР» (ГААК, Ф. Р-472, Оп. 1, Д. 361а, Л. 26), а также 1980 г. «О состоянии и мерах улучшения работы по рассмотрению писем и организации личного приема граждан в советских и хозяйственных организациях края».

В архив с заявлениями и письмами обращались рабочие, колхозники, интеллигенция, военнослужащие, пенсионеры и другие слои населения (ГААК, Ф. Р-472, Оп. 1, Д. 259, Л. 2). В большинстве случаев

граждане обращались с заявлениями о выдаче архивных справок по вопросам установления или подтверждения стажа работы, участия в партизанском движении на Алтае, установления точного года рождения, подтверждения права наследования имущества и др.

На все заявления, за редким исключением, давались своевременные ответы (до 30 дней), причем на большинство в срок до 15 дней. Для ускорения ответов на заявления граждан разрабатывался и уточнялся учетно-справочный аппарат для стола справок. В отделы социального обеспечения районов высылались справки-ориентировки о наличии документов в ГААК по установлению трудового стажа колхозников.

Для улучшения организации использования архивных документов для обеспечения социально-правовых запросов граждан проводились проверки сохранности документов по личному составу, публиковались статьи в районных газетах «Вам нужна справка?», «Обращаясь за справкой в архив, нужно знать...», а в радиозфире транслировалась передача «Если Вам нужна справка». В период с 1986 по 1990 гг. были введены бланки заявлений (по награждению и стажу), отрицательных ответов и архивных справок, запросов по стажу работы, (ГААК, Ф. Р-703, Оп. 1, Д. 1467, Л. 72) что облегчило работу с гражданами и ускорило исполнение запросов социально-правового характера.

Динамика количества социально-правовых запросов представлена на рис. 1.

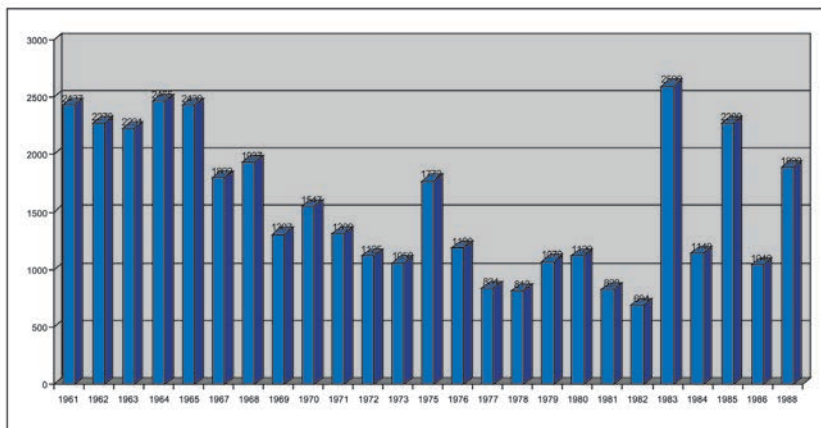

Рис. 1. Исполнение социально-правовых запросов в ГААК в 1961–1988 гг.

Источники: ГААК. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 123. Л. 38; Д. 143. Л. 17; Д. 151. Л. 21, 32; Д. 243. Л. 24; Д. 259. Л. 2; Д. 289. Л. 54; Д. 299. Л. 39; Д. 309. Л. 44; Д. 318. Л. 48; Д. 322. Л. 49; Д. 337. Л. 70, 83; Д. 351. Л. 102; Д. 361 а. Л. 3, 26, 45; Д. 365. Л. 155; Д. 377. Л. 50; Д. 399. Л. 38; Д. 406. Л. 47; Д. 447. Л. 119; Д. 464. Л. 45; Д. 510. Л. 19; Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 548. Л. 181; Д. 955. Л. 52; Д. 1092. Л. 78; Д. 1138. Л. 61.

Наряду с исполнением социально-правовых запросов, краевой архив исполнял тематические запросы. В отличие от первых они поступали в основном от учреждений, организаций и предприятий. Это были высшие учебные заведения, школы, музеи, театры, органы власти и управления, а также промышленные предприятия.

Темы запросов могли быть самыми разными: о возникновении и развитии населенных пунктов, датировке организации театров, музеев, пуска в действие крупнейших предприятий и учреждений. В 1964 г. значительно возросло поступление запросов (с 30 в 1963 г. до 83) по истории края в связи с организацией краеведческих музеев на общественных началах (рис. 2).

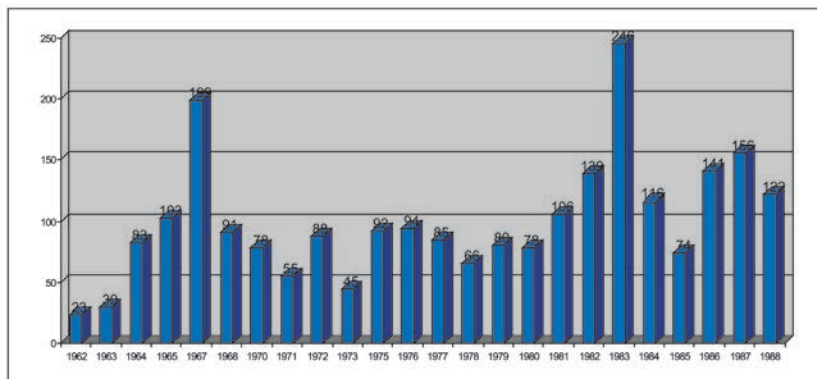

Рис. 2. Исполнение тематических запросов в ГААК в 1962–1988 гг.
Источники: ГААК. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 143. Л. 17; Д. 151. Л. 21, 32;
Д. 236. Л. 20; Д. 289. Л. 54; Д. 299. Л. 39; Д. 309. Л. 44; Д. 318. Л. 47;
Д. 322. Л. 48; Д. 337. Л. 81; Д. 351. Л. 101; Д. 365. Л. 154; Д. 377. Л. 49;
Д. 399. Л. 36; Д. 406. Л. 46; Д. 447. Л. 114; Д. 464. Л. 43;
Д. 492. Л. 13; Д. 510. Л. 17; Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 548. Л. 181;
Д. 955. Л. 11, 50; Д. 1092. Л. 76; Д. 1138. Л. 59.

В связи с празднованием победы Октябрьской революции в 1967 г. исполнено большое количество тематических запросов — 199. Следующий подъем происходил в 1983 г. В этот год запросы поступали в связи с юбилейными датами районных учреждений, организаций и предприятий, а также связанных с перерасчетом пенсий (из-за изменений в административно-территориальном делении края) и по вопросам бытового, культурного, социально-экономического развития районов, сел и деревень (ГААК, Ф. Р-703, Оп. 1, Д. 1092, Л. 76).

Таким образом, в справочной работе Государственного архива Алтайского края в 1961–1990 гг. происходили значительные изменения. Это направление деятельности краевого архива имело правовую базу, которая совершенствовалась на протяжении всего рассматриваемого периода. Имела место рационализация работы с гражданами, учреждениями

ми и предприятиями. Так в 1986–1990 гг. вводились бланки заявлений и ответов на запросы. Архивные документы также дают представление об изменяющейся в 1961–1990 гг. тематике и динамике запросов. Кроме того имеется информация о группах граждан, учреждений и предприятий обращающихся в архив. Все это говорит о том, что деятельность по исполнению запросов наряду с другими направлениями использования архивных документов с 1961 г. начинает активизироваться, а к 1990-м годам получает заметное развитие.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК), Ф. Р-472 – Государственный архив Алтайского края комитета администрации Алтайского края по делам архивов (1936–1995 гг.), Оп. 1, Д. 123, Л. 38; Д. 143, Л. 17; Д. 151, Л. 21, 32; Д. 236, Л. 20; Д. 243, Л. 24; Д. 259, Л. 2; Д. 289, Л. 54; Д. 299, Л. 39; Д. 309, Л. 44; Д. 318, Л. 47, 48; Д. 322, Л. 48, 49; Д. 337, Л. 70, 81, 83; Д. 351, Л. 101, 102; Д. 361а, Л. 3, 26, 45; Д. 365, Л. 154, 155; Д. 377, Л. 49, 50; Д. 399, Л. 36, 38; Д. 406, Л. 46, 47; Д. 447, Л. 114, 119; Д. 464, Л. 43, 45; Д. 492, Л. 13; Д. 510, Л. 17, 19.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК), Ф. Р-703 – Комитет Администрации Алтайского края по делам архивов (1937–1996 гг.), Оп. 1, Д. 548, Л. 181; Д. 955, Л. 11, 50, 52; Д. 1092, Л. 76, 78; Д. 1138, Л. 59, 61; Д. 1467, Л. 72.
3. О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР: Ведомости Верховного Совета СССР, 1968, №17, ст. 144.

Е.А. Бельгибаев

Алтайский государственный университет, Барнаул

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЧЕЛКАНЦЕВ (КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Челканцы – коренное население Республики Алтай. Ранее они были известны как лебединцы, лебединские татары, куу-кижи (букв. «человек с р. Лебедь»). Собственно этническая территория челканцев охватывает небольшую северо-восточную часть Турочакского района – бассейн р. Лебедь. Общая численность рассматриваемой группы населения составляет 855 чел. (2002 г.), в том числе в бассейне р. Лебедь – немногим более 300 чел. (поселки Курмач-Байгол, Суранаш и Майский).

Этнокультурная специфика челканцев во многом обусловлена их традиционной хозяйственной деятельностью (Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А., 2006, с. 54–69, 79–122, 127–140, 160–165, 203–208). Она являлась своеобразным ядром, вокруг которой формиро-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Трансформация этнокультурных ландшафтов Алтая в условиях изменения природной и социокультурной среды»), проект №12-31-01254-а2.

вались и замыкались различные явления культуры материального, духовного и социо-нормативного порядка. В свою очередь, традиционный хозяйственный комплекс стал результатом адаптации рассматриваемой таежной группы к занимаемой ими территории – бассейну р. Лебедь. Именно его ресурсы предопределили основной круг занятий челканцев и привело к формированию их уникальной таежной культуры.

Приоритетное место в хозяйстве челканцев длительное время занимало звероловство. Объектами охоты в бассейне р. Лебедь являлись преимущественно пушные и копытные животные. Со звероловством были сопряжены различные явления культуры (ружья, ловчие ямы, капканы и т.д.). Важную роль играли также полозные средства передвижения и различные способы перемещения груза – шкура-волокуша, заплечный берестяной короб (*комдо*), подволоки (*чана*), временные и специальные нарты (*чанач*). Значительное место в хозяйстве занимало также рыболовство. Рыбу ловили удочками, сетями, а также лучили ночью, используя острогу. Из рыбных ловушек были известны морды и запорные сооружения. Подсобную роль в традиционной структуре хозяйственных занятий челканцев занимало собирательство.

Развитие мотыжного земледелия в горно-таежных условиях привело к более активному культурному воздействию на окружающую природную среду и появлению различных сопутствующих явлений культуры (возделываемых участков земли, зерновых и технических культур, мотыги и т.д.). Оно представляло собой классический пример подсеčno-огневой системы (Потапов Л.П., 1952, с. 176–178). «Пашнями» у челканцев служили небольшие открытые или расчищенные при помощи топора и огня участки земли на южных склонах гор или косогоров. Они не удобрялись и забрасывались через каждые два года. Скотоводство являлось одной из наименее развитых отраслей хозяйства. Длительная и холодная зима с довольно высоким снежным покровом, ограниченные участки для пастбищ стали одним из основных препятствий для развития данной отрасли хозяйства на территории северных предгорий Алтая (Адрианов А.В., 1886, с. 306; и др.).

Традиционно челканцы селились преимущественно небольшими кровнородственными группами. Родственная группа (кезек) образовывала систему мелких хозяйств. Жилища членов кезека нередко располагались на близлежащих горах, но обязательно рядом с каким-нибудь водным источником – рекой, ручьем, ключом. Постоянные постройки были представлены полуподземным и наземным прямоугольными срубам и двускатными каркасными постройками. Основу традиционной одежды составляли рубаха, штаны, халат, которые кроились преимущественно из льняного домотканого холста. Обувь была представлена сапогами с холщовыми или кожаными голенищами и чирками (у женщин). Широкое распространение получили также различные по форме и берестяные изделия.

В основе традиционных верований челканцев лежал шаманизм с его богатым мировоззренческим комплексом (Бельгибаев Е.А., Бурнаков В.А., 2002, с. 21–24; Потапов Л.П., 1978, с. 3–36; Хлопина И.Д., 1978, с. 70–89; и др.). Носителем языческих представлений являлся шаман (*кам*). Он выполнял посредническую роль между людьми и духами, от отношения которых зависело благополучие родового коллектива. В вертикальной проекции мир духов распался на три сферы – верхний, средний и нижний, внутри которых, в свою очередь выделяются отдельные уровни, этажи. Механизм общения шамана с духами тесно связан с верой в душу или, точнее, в «двойника». В процессе ритуальной практики (камлания) кам сознательно мог отделить от себя своего двойника и отправить его путешествовать в различные зоны Вселенной.

В отличие от южных алтайцев у челканского шамана не было специального ритуального костюма. Он камлал в повседневной одежде. Главным культовым атрибутом являлся бубен (Потапов Л.П., 1947, с. 168–170). При его помощи кам общался с духами. Согласно воззрениям челканцев с бубном тесно связана судьба шамана. В частности, их количеством определялась продолжительность жизни кама. Процесс изготовления бубна был строго регламентирован. Первый бубен изготовлялся при большом стечении народа. При этом главным действующим лицом был не шаман, а только человек готовившимся им стать и камлавшим до этого своей родовой горе (*тос таг*) при помощи маленького лука (*ырык*). Получив разрешение от *тос таг*, начинался процесс изготовления инструмента. С вновь сделанным бубном сородичи кандидата камлали в течение одной или трех ночей, высказывая слова благодарности шаману. После этого кам, приготовив предварительно жертвенную брагу (*орто*) для угощения родовой горы, приступал к обряду оживления бубна. Центральной его частью являлось оживление дикого козла (*куран*), шкурой которого был обтянут бубен. Шаман восстанавливал жизнь животного с момента его рождения до смерти. При этом он перевоплощался, изображая поведение дикого козла – движениями, мимикой и т.д. Заканчивалось это действие с просьбой к оживленному животному хорошо служить новому хозяину. Бубен высшей категории *тазим* шаман получал от неба (*тенгри*). При этом к *«тенгри»* он обращался опосредованно через родовую гору. После этого шаман показывал вновь изготовленный бубен и показывал его небожителям, прося покровительства.

Функции шамана были различными – лечение больных, проводы души умершего человека в потусторонний мир, поиск пропавших вещей, скота и т.д. Немаловажное место отводилось ему при жертвоприношении богам. При обряде *тайылга* кам, точнее его двойник (душа), провожала душу умерщвленной лошади в Верхний мир и предоставляла ее небожителям, пытаясь снискать их благосклонность в предстоящей хозяйственной деятельности – чтобы урожай не побил градом, чтобы промысел зверя был удачен, а в реках водилось много рыбы и пр.

В ходе камлания шаман обращался за помощью к духам-хозяевам. Их происхождение связано с древними анимистическими представлениями челканцев. Одухотворялись практически все видимые объекты природы. У челканцев это проявилось в культе деревьев (Кандаракова Е.П., 1994, с. 20). При этом наиболее почитаемым и священным деревом у челканцев являлась береза, что наиболее ярко отразилось в их обрядово-ритуальной практике. Одухотворение объектов природы обнаруживается также в культе гор. На Алтае это явление достаточно подробно было описано в известной работе Л.П. Потапова (1946, с. 145–160). Оно, несомненно, носило родовой характер. Священная (родовая) гора (*тос таг*) являлась не только так сказать малой Родиной для определенного коллектива людей, но и кормилицей.

На родовых горах совершался обряд жертвоприношения лошади владыкам Верхнего и Нижнего миров, с их вершин обращались к небу. Челканцы для этой цели восходили на самые высокие горы (*ньан таг*). Одна из них находилась рядом с поселком Курмач-Байгол (г. Шонмоо), другая – в верховьях Абакана (г. Монор). Поднявшиеся ей тем самым вершину Монора люди сначала обращались к горе, оказывая ей тем самым уважение: «*Улу таг каан Минер*» (Великая гора – хан Минер). Лишь после этих слов челканцы взывали к небу, которое они именовали не иначе как «*кёк тенгри ата кудайым*» (синее небо – отец-бог). У него они просили здоровья своим близким, счастья, удачного промыслового сезона и т.д.

Рядовые члены общины могли также обращаться к духам-хозяевам с которыми они сталкивались в процессе хозяйственной деятельности. К этой категории следует отнести духов тайги, рек и огня, от расположения которых зависело благополучие человека, семьи и родового коллектива в целом. В отличие от небожителей духи-хозяева были антропоморфны. В частности хозяин тайги (*таг ээзи*) представлялся в образе седого как лунь старика. От расположения *таг ээзи* зависел промысел зверя. В этой связи челканцы по отношению к нему придерживались определенных правил поведения. По приходу к месту промысла охотник готовил необходимое кушанье для хозяина тайги. Такой пищей обычно служило толокно, распущенной в воде или чае. «Кормление» осуществлялось ложкой, с помощью которой из берестяной или деревянной емкости бралась смесь и окроплялась близлежащая тайга.

Помимо хозяина тайги особо почитались также духи-покровители охотников (Потапов Л.П., 2001, с. 89, 154). У челканцев-шакшылу (потомки прителецких телесов) им являлся Хан Сарай или Сарай-хан. Покровителем охотников считался также Шалыг. Его изображение вырезалось из дерева, которое снабжали оловянными глазами и бородой из беличьего хвоста. Кроме того, челканцы перед охотой чествовали Оон Каныма. Двухголовое изображение духа угощали ежедневно, а также в тайге во время промысла. Охотничьим бытом были пронизаны также многие другие аспекты духовной культуры челканцев.

Рыболовческий цикл занятий челканцев получил отражение в почтении хозяйки воды – *суу ээзи*. У нее, прежде всего, испрашивали удачного промысла рыбы. Так, курмач-байгольские челканцы обращались к хозяйке воды со словами: «*Эс кошту агын суу Байгол палык пер*» (с высоким берегом река Байгол дай рыбу). Эти слова, несомненно, носили магический характер и сопровождались определенными ритуальными действиями.

Особое место среди духов-хозяев занимает хозяйка огня (*от ээзи* или *от-эне* (мать-огонь)) (Кандаракова Е.П., 1999, с. 107–117). Она, прежде всего, оберегала жилище и покой проживающих в ней людей от злых духов. По отношению к хозяйке огня челканцы придерживались определенных правил поведения. Прежде всего, осуществлялись бескровные жертвоприношения в виде кропления молоком или молочной водкой, которое сопровождалось словами благопожелания (*алгыш*). Функционально к *от ээзи*, видимо, близки хозяева жилища (*дьюрт ээзи*) – Тевир-каан и Оон-каан (Сыченко Г.П., 2000, с. 12). Однако по своему статусу *дьюрт ээзи* тесно примыкают к духам Верхнего мира, хотя они и более низкого ранга.

Согласно одной из версий хозяином первого небесного уровня являлся Поктан-Пугра, девятого – Ульгень со своей женой Чаашин (или в другом варианте – Солтон) (Хлопина И.Д., 1978, с. 71). Соотношение, соподчиненность и место небожителей в структуре Верхнего мира усложняет их родовой характер. Так, по материалам Е.П. Кандараковой, трем братьям-небожителям Ульгенью, Ава-Жажыну и Курвустану поклонялись различные родовые «корни» (Кандаракова Е.П., 1999, с. 145). Данные сведения подтверждаются также исследованиями Г.Б. Сыченко, согласно которым главным богом суранашских челканцев являлся Тьяжын (Ава-Жажын – по Е.П. Кандараковой), курмач-байгольских – Ульгень (Сыченко Г.П., 2000, с. 125). Кроме этого, ученым были записаны также ценные сведения о структуре мироздания, пантеоне богов, шаманские тексты и пр. (Сыченко Г.П., 2000, с. 114–127; Она же, 2004, с. 73–101; Она же, 2005, с. 119–127).

Среди небожителей выделяется верховный бог Тьяжын (Ава-Тьяжын). Он проживает в самом верхнем слое неба. В шаманских текстах Тьяжын предстает верхом на огненно-рыжем коне. Челканцы обращались к нему посредством шамана раз в три года, принося в жертву лошадь рыжей масти. Ниже Тьяжына находились следующие боги: Кыргыз, Поктан, а также Увай и Пайана, выполнявших функцию личных охранителей человека. Среди перечисленных небожителей интерес вызывает женское божество Увай, имя которой упоминается еще в тюркских надписях в форме Умай в том же значении, что и у челканцев (Потапов Л.П., 1973, с. 268). Не менее древним представляется обозначение другого духа – Кыргыз. Оно явно обязано своим происхождением одному из древнейших народов Южной Сибири – енисейским кыргызам.

Владыкой Нижнего мира являлся Эрлик. Ему подчинялся целый сонм злых духов *аза* (*азалар* – мн. число). Они нередко проникали в

Средний мир с целью навредить людям. Для того чтобы откупиться от их злых происков Эрлику также приносились жертвы. Наиболее распространенным злонамеренных действий духа являлось похищение души человека, после чего он заболел. В таких случаях челканцы обращались к шаману. В ходе камлания его двойник находил похищенную душу и возвращал ее хозяину. В противном случае больной мог умереть. Лечение больных, пожалуй, являлось одной из распространенных практик шамана. Не случайно, что до сих пор в таежных поселках можно услышать многочисленные рассказы, описывающие данный процесс.

К сожалению, в настоящее время среди челканцев можно встретить лишь отдельные явления их богатого в прошлом культурного наследия – отдельные единично встречающиеся элементы материальной культуры, хотя подволоки и лыжный посох в условиях бездорожья и охотничьего промысла не потеряли своей актуальности. В сфере духовной культуры продолжают сохраняться отдельные языческие представления, правда, в сильно редуцированном виде. У челканцев сохраняются богатые фольклорные традиции – сказительская и шаманская (Попова Ю.С., 2005, с. 128–135). Из форм устного народного творчества распространены легенды, сказки, пословицы, поговорки, загадки (Кандаракова А.М., 2004, с. 144–175). Сохраняется также культура охотничьих сигналов и звукоподражаний.

Библиографический список

Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки Русского географического общества по общей географии. СПб., 1886. Т. 11. С. 149–422.

Бельгибаев Е.А., Бурнаков В.А. Проблемы реконструкции традиционного мировоззрения коренного населения таежного Алтая (по материалам этнографии челканцев и туба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А.П. Окладникова). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. II. С. 21–24.

Кандаракова Е.П. Легенды Северного Алтая (на материале челканского фольклора). Горно-Алтайск, 1994. 87 с.

Кандаракова Е.П. Обычай и традиции чалканцев. Горно-Алтайск, 1999. 176 с.

Кандаракова А.М. Образцы чалканских текстов // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Новосибирск, 2004. Вып. 15. С. 144–175.

Попова Ю.С. Современное состояние интонационной культуры челканцев и тубаларов (по итогам экспедиции 2005 г.) // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Новосибирск, 2005. Вып. 17. С. 128–135.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. 1946. №2. С. 145–160.

Потапов Л.П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 152–182.

Потапов Л.П. Этнографический очерк земледелия у алтайцев // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. 18. С. 176–198.

Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1973. С. 265–286.

Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: «Наука», 1978. С. 3–36.

Потапов Л.П. Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб., 2001. 168 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Издательский дом «Наука», 2006. 260 с.

Сыченко Г.П. Ульгень, Тьяжын, Кыргыз и другие... (заметки о челканском шаманстве) // Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М.: Изд-ние ИЭА РАН, 2000. С. 114–127.

Сыченко Г.П. Поэтика и структура чалканского шаманского текста // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Новосибирск, 2004. Вып. 15. С. 73–101.

Сыченко Г.П. Стиховая структура чалканского шаманского текста // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Новосибирск, 2005. Вып. 17. С. 119–127.

Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: «Наука», 1978. С. 70–89.

Е.А. Бельгибаев, В.А. Бураков

*Алтайский государственный университет, Барнаул;
Институт Археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

**ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС д. ТОНДОШКА
ЛЕБЕДСКОЙ ВОЛОСТИ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
(по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г.)¹**

Настоящее сообщение продолжает серию статей, посвященных развитию хозяйства и систем природопользования коренного тюркоязычного населения северных предгорий Алтая. Они написаны в рамках концепций и подходов связанных с изучения локальных или ареальных культурных комплексов, где хозяйственная деятельность населения исследуется на уровне отдельных населенных пунктов или их кустов с целью выявления их специфики и динамики взаимодействия отдельных коллективов людей с окружающей средой, в ходе которой формируются различные системы или модели природопользования (Селезнев А.Г., 1998, с. 57–62). Предметом данной работы является хозяйство и природопользование сравнительно не

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научно-исследовательского проекта РФГФ («Трансформация этнокультурных ландшафтов Алтая в условиях изменения природной и социокультурной среды»), проект № 12-31-01254-а2.

большой группы кумандинцев, проживавших в д. Тондошка Лебедской волости Бийского уезда Томской губернии (ГААК, Ф. 1а, Д. 245, Л. 2, 7, 17, 22, 29, 30, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46)¹. Ныне данный населенный пункт находится на территории Турочакского района Республики Алтай.

По сельскохозяйственной переписи 1917 г. в деревни было 17 кумандинских домохозяйств, в которых зафиксировано 91 чел. обоего пола, в том числе мужского – 42 чел., женского – 39 чел. При этом в возрастную категорию от 20 до 55 лет попадало: мужчин – 19 чел., женщин – 17 чел. или 45,2% и 43,6% от мужского и женского населения соответственно. Детская людность (до 14 лет) в хозяйствах составляла 35 чел. обоего пола или 38,5% от общей численности населения. Приведенные здесь демографические показатели, свидетельствуют о достаточно высоком хозяйственном потенциале коренного населения д. Тондошка. Наглядно это можно продемонстрировать на примере участия в сельскохозяйственных работах. Так в возрастной категории от 14 до 55 лет в косьбе принимало участие 17 чел. м.п. или почти 89,5% от мужского населения, ж.п. – 17 чел. или 88,3% от женского; при вспашке полей – 19 чел. м.п. (100%), 2 чел. ж.п.(11,7%); уборке полей – 16 чел. м.п. (84,2%), 15 ж.п. (88,2%). Иными словами в хозяйственный процесс было втянуто практически все трудоспособное население. Исключение составляет участие у женщин в пахоте, однако данная деятельность всегда, как известно, входила в обязанность мужчин.

Хозяйственный комплекс кумандинцев д. Тондошка характеризуется прежде всего земледельческо-скотоводческой направленностью. В хозяйствах, где занимались промыслами, и иными видами деятельности было относительно мало (таблица 1). Тем не менее данное обстоятельство указывает на возросшую социальную мобильность коренного населения в начале XX в.

Таблица 1

Виды деятельности в отдельно взятых хозяйствах

Номер переписной карточки	Волость	Населенный пункт	Занятия
42	Лебедская	Тондошка	лесопромышленность
45	Лебедская	Тондошка	председатель сел. исп. ком.
7	Лебедская	Тондошка	батрак
19	Лебедская	Тондошка	сплав леса
2	Лебедская	Тондошка	пчеловод
37	Лебедская	Тондошка	сплав леса
41	Лебедская	Тондошка	лесопромышленность

¹ Статистический материал анализировался с использованием базы данных разработанной на основе Майкрософт ACCESS 2003 г. Приложение создано для накопления и обработки данных сельскохозяйственной переписи 1917 г. сотрудниками кафедр архивоведения и отечественной истории АлтГУ (г. Барнаул).

Землевладение у кумандинцев было общинным, наделным. В нем выделялось 4 категории – усадьба, пашня, естественный покос, лес и кустарник (таблица 2). Из 17 домохозяйств лишь в одном случае отсутствовало наличие землевладения. Хозяин-одиночка занимался исключительно пчеловодством (таблица 1). Удельный вес десятин, отведенных под посевы, был сравнительно незначительным – 25,4 дес. или 4,9% от количества общинного землевладения. В среднем на одно домохозяйство приходилось 1,6 дес.

Таблица 2

Землевладение

№	Категория землевладения	Количество десятин
1.	усадьба	7,2
2.	общинная пашня	25,4
3.	естественный покос	178
4.	лес и кустарник	306,1
Итого		516,7

В 1917 г. кумандинскими хозяйствами было засеяно 22,45 дес. Из культур отдавалось предпочтение ячменю, яровой пшенице и овцу (96,2% всех высеваемых площадей) (таблица 3). Немногим более половины при этом приходилось под посевы овца, который, как известно, составлял кормовую базу для домашних животных, в частности лошадей. Лошади составляли основную тягловую силу. Группировка хозяйств по количеству рабочего скота приводится в таблице 4, где номера карточек соответствуют переписным листам по отдельным домохозяйствам.

Таблица 3

Распределение посевов по сельхозкультурам

Название волости	Название НП в 1917 г.	Число хозяйств	Название сельхозкультуры	Засеяно десятин
Лебедская	Тондошка	1	Конопля	0,3
Лебедская	Тондошка	3	Лен	0,3
Лебедская	Тондошка	11	Овес	12
Лебедская	Тондошка	11	Яровая пшеница	6
Лебедская	Тондошка	1	Яровая рожь	0,2
Лебедская	Тондошка	13	Ячмень	3,6
Итого				22,45

Анализ данных таблицы 4 свидетельствует, что рабочим скотом были обеспечены все 17 домохозяйств. В эту категорию попадают лошади. В среднем на одно хозяйство приходилось 4,5 головы. Иными словами каждое хозяйство было вполне обеспечено тягловыми живот-

ными. Из сельскохозяйственного инвентаря кумандинцы уже использовали однолемешные плуги (таблица 5).

Таблица 4

Группировка количества рабочего скота

Номер карточки	17	19	2	22	29	30	35	37	38
Кол-во голов	5	2	1	2	4	6	3	6	4
продолжение									
Номер карточки	40	41	42	43	44	45	46	7	-
Кол-во голов	5	6	7	4	5	7	6	3	-
Итого 76 голов									

Передовыми для своего времени орудиями, таким образом, было обеспечено 8 хозяйств (50% от общего числа) из 16. Остальные хозяйства использовали при вспашке земли сохи, колесухи и сабаны. Их количество составляло 7 штук, все они находились в частной собственности и были годны к использованию. При обработке земли в 13 хозяйствах использовались также железные бороны. Их количество составляло 21 единицу, 20 из них находились в частной собственности и были годными. Приведенные данные характеризуют земледелие кумандинцев д. Тондошки как пашенное. Однако недостаток земель под пашню обусловило относительно слабое развитие земледелия по сравнению со скотоводством, которое носило стойловый характер.

Таблица 5

Обеспеченность хозяйств однолемешными плугами

Номер переписного листа	Вид сельскохозяйственного орудия	Кол-во	Техническое состояние
29	Плуги однолемешные	1	Свой годный
22	Плуги однолемешные	1	Чужой
35	Плуги однолемешные	1	Чужой
36	Плуги однолемешные	1	Чужой
38	Плуги однолемешные	1	Свой годный
40	Плуги однолемешные	1	Свой годный
45	Плуги однолемешные	1	Свой годный
7	Плуги однолемешные	1	Чужой

Экономическую базу для развития скотоводства составило сенокосшение, которое позволяло содержать значительное количество домашних животных в холодное время года. Кумандинцы д. Тондошка использовали 4 категории сенокоса (таблица 6). Горный по увалам под покос использовали 15 хозяйств, болотный – 11, луговой суходольный – 6, лесной – 1.

Таблица 6

Категории сенокосов кумандинцев д. Тондошка

Категории сенокоса	Количество десятин	Количество копен
Горный по увалам	119	3617
Болотный	45,5	1230
Луговой суходольный	15	370
Лесной	2,5	82
Итого	182	5299

Из домашних животных кумандинцы д. Тондошка держали лошадей, КРС и МРС. На момент переписи здесь было зафиксировано 95 голов лошадей (таблица 6). Их содержали во всех хозяйствах. В среднем приходилось 5,7 голов на одно домохозяйство. При этом от 1 до 3 голов содержали в 4 хозяйствах (11 голов или 11,6%), 4–6 – в 8 (40 голов или 42,1%), 7–9 – в 3 (23 головы или 24,2%), свыше 10 – в 2 (20 голов или 21%).

Таблица 7

Группировка лошадей по хозяйствам

Номер карточки	17	19	2	22	29	30	35	37	38
Кол-во голов	6	3	2	3	6	10	3	7	4
продолжение									
Номер карточки	40	41	42	43	44	45	46	7	–
Кол-во голов	5	9	10	5	4	7	6	4	–
Итого 95									

На втором месте по количеству разводимых животных находится КРС (таблица 8). При этом кумандинцы преимущественно разводили коров – 60 голов или 68,2% от общего количества КРС, что свидетельствует о мясо-молочной направленности скотоводства. На втором месте по численности стоят подтелки и бычки от 1 г. до 1,5 лет – 14 голов или 16%.

Таблица 8

Группировка КРС

№	Вид КРС	Количество	Число хозяйств
1	Быки бугаи старше 2-х лет (Быки старше 2-х лет)	3	1
2	Коровы	60	16
3	Нетели старше 1,5 лет	9	5
4	Бычки от 1,5 до 2-х лет	2	2
5	Подтелки и бычки от 1 года до 1,5 лет	14	4
	Итого	88	

В незначительном количестве кумандинцы д. Тондошка разводили овец и коз. Они отмечены лишь в 6 хозяйствах. На момент переписи было зафиксировано 18 голов. Из других домашних животных в одном из хозяйств отмечены 3 свиньи. В целом в домашнем стаде кумандинцев д. Тондошка преобладали лошади и КРС, соответственно 89,7% от общей численности животных.

Таким образом, хозяйство кумандинцев д. Тондошки характеризуется как сельскохозяйственно-скотоводческое и носило пашенный характер, где использовались уже однолемешные плуги, хотя населением еще широко применялись простые орудия вспашки. Недостаточное количество пригодных для обработки земель компенсировалось наличием разнообразных категорий сенокосных участков, позволявшим содержать значительное количество домашних животных, прежде всего КРС. Использование традиционных методов природопользования и инновационных культурных явлений позволило кумандинцам д. Тондошки уже в начале XX в. перейти в состояние перехода к развитому сельскому хозяйству. Примечательно, что переписью не отмечено традиционные для кумандинцев отрасли хозяйства – охоты, рыболовства, собирательства, орехового промысла.

Библиографический список

Селезнев А.Г. Локальные (ареальные) культурные комплексы как форма существования традиционной культуры (к постановке проблемы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 2. С. 57–62.

Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Ф. 233. Оп. 1а. Д. 254.

Н.В. Воробьева

*Алтайская универсальная научная библиотека
им. В.Я. Шишкова, Барнаул*

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ РАБОТЫ С КНИЖНЫМИ ПАМЯТНИКАМИ

Согласно Федеральному закону РФ от 3 июня 2009 г. №119 ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О библиотечном деле» к книжным памятникам относятся «рукописные книги или печатные издания, которые обладают выдающейся духовной, материальной ценностью, имеют особое историческое, научное, культурное значение и в отношении которых установлен особый режим учета, хранения и использования». Таким образом, закон впервые на общегосударственном уровне поставил книгу в ряд других объектов культурного достояния, юридически закрепил положение о ее государственной защите.

В соответствии с законом книжные памятники (единичные книжные памятники и книжные памятники-коллекции) являются особо ценной частью национального библиотечного фонда, который охраняется государством как культурное достояние народов Российской Федерации, и подлежат регистрации в реестре книжных памятников.

С 2010 г. Общероссийский свод книжных памятников представляет собой банк данных библиографического и книговедческого характера о книжных памятниках Российской Федерации и является основой для централизованного государственного учета книжных памятников.

Участие в формировании Общероссийского свода книжных памятников и Регионального свода книжных памятников – одна из серьезных задач в деле сохранения документального наследия Алтайского края как части национального культурного достояния России.

В 2005 г. в Алтайской краевой универсальной научной библиотеке им. В.Я. Шишкова создан Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края, который ведет работу по выявлению, изучению, описанию, сохранению и популяризации редких и ценных изданий, как наиболее значимой части книжных собраний.

Целью создания Центра по работе с книжными памятниками Алтайского края является реализация мероприятий по подготовке и проведению государственной регистрации и учета книжных памятников фондодержателей всех ведомств на территории Алтайского края в Общероссийском и Региональном сводах книжных памятников.

Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края ставит перед собой следующие задачи:

- координация работы по выявлению книжных памятников на территории края, их идентификация, учет, унифицированное описание, включение в единый электронный каталог и государственная регистрация в Общероссийском и Региональном сводах книжных памятников;

- создание Регионального свода книжных памятников, как составной части Общероссийского свода;

- организация научно-исследовательской и научно-методической деятельности по работе с книжными памятниками Алтайского края для фондодержателей всех ведомств.

Работа Центра по работе с книжными памятниками Алтайского края ведется по следующим направлениям:

- разработка региональных нормативных документов по вопросам работы с книжными памятниками Алтайского края;

- определение круга организаций, владеющих фондами книжных памятников на территории Алтайского края;

- идентификация и учет выявленных книжных памятников;

- описание единичных книжных памятников и книжных памятников-коллекций, хранящихся на территории Алтайского края;

– методическая помощь фондодержателям всех ведомств по выявлению, идентификации книжных памятников и их описанию;

– организация взаимодействия фондодержателей всех ведомств, участвующих в создании сводного электронного каталога «Книжные памятники Алтайского края»;

– создание сводного электронного каталога «Книжные памятники Алтайского края» на базе современных информационных технологий;

– обучение на базе Регионального центра специалистов, работающих с книжными памятниками.

Продвижению информации о книжных памятниках Алтайского края, обеспечению доступа к нормативным методическим материалам способствует созданный в 2009 г. Региональный сайт «Книжные памятники Алтайского края» (www.akunb.altlib.ru).

В Общероссийском своде книжных памятников от Алтайского края зарегистрировано тринадцать фондодержателей книжных памятников, среди них библиотеки, музеи и государственный архив. Согласно предварительным сведениям, объектов попадающих под понятие книжный памятник в крае значительно больше, поэтому работа по привлечению фондодержателей всех ведомств к участию в Общероссийском своде книжных памятников и Региональном своде книжных памятников будет продолжаться.

С 2010 г. АКУНБ ведет «Региональный Свод книжных памятников», который создается для того, чтобы воссоздать репертуар книжных памятников с учетом сохранившихся в Алтайском крае экземпляров всех хронологических периодов, видов, категории ценности.

С сентября 2012 г. Центр по работе с книжными памятниками Алтайского края осуществляет автоматизированный ввод машиночитаемых записей на единичные книжные памятники из числа русских книг гражданской печати первой четверти XIX в. (1801–1825 гг.) в Общероссийский свод книжных памятников на базе программы OPAC-Global.

Необходимо отметить, что если с экземплярами, обладающими признаками книжных памятников федерального уровня все более или менее понятно, то с экземплярами обладающими признаками книжных памятников регионального уровня все не так просто. На сегодняшний день важность работы с экземплярами обладающими признаками книжных памятников регионального уровня осознается только непосредственно сотрудниками музеев и библиотек.

Редкая районная или городская библиотека или музей имеет в своих фондах книги обладающие признаками книжных памятников федерального уровня, но зато практически в каждой библиотеке собираются, формируются краеведческие коллекции изданий, отражающих историю именно данной местности. Эти коллекции можно охарактеризовать как книжные памятники-коллекции регионального уровня.

К книжным памятникам регионального уровня относятся книжные памятники, ценность которых определяется их исторической и культурной значимостью для соответствующего региона и населяющих его народностей, включая территории компактного проживания тех или иных этнических групп, а также архивы местной печати и краеведение.

К книжным памятникам местного уровня относятся книжные памятники, коллекции, представляющие особую ценность для определенной местности (город, поселок, село и т.п.).

Каждая, даже небольшая библиотека, должна формировать фонд книжных памятников, отражая свои собственные задачи, интересы и потребности, т.е. в эти фонды должны включаться издания, представляющие интерес именно для данной местности, такие, как: архивы, коллекции частных лиц, в первую очередь, личные библиотеки выдающихся жителей данного района, собрание местных периодических изданий, печатная продукция частных типографий, книги с автографами знаменитых уроженцев или гостей, краеведческие коллекции и т.д.

Возможности использования книжных памятников в работе районной и городской библиотеки или музея неограниченны, необходимо только желание и понимание непреходящей ценности этого пласта книжной культуры и творческий подход библиотекарей и музейщиков.

Деятельность Центра по работе с книжными памятниками Алтайского края по формированию Общероссийского свода книжных памятников и Регионального свода книжных памятников рассчитана на длительное время. Объединение и совместная деятельность всех фондодержателей под руководством Центра по работе с книжными памятниками Алтайского края позволит: во-первых, ввести в научный оборот тысячи особо ценных книжных объектов; во-вторых, создать значимый общедоступный информационный ресурс для развития науки и культуры края; в-третьих, сохранить книжные богатства края для будущих поколений; и, в-четвертых, включить *Алтайский край в культурное и информационное пространство России и современного мира.*

Ю.С. Дьяченко

Барнаул

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ
КОНЦЕССИОНАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ КАМПАНИЙ
АЛЕКСАНДРА ФОН ТУРН-И-ТАКСИСА И ДОКТОРА ЖАННЭ И
ЛЕНА ГОЛЬДФИЛЬДС ЛИМИТЕД В ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА**

На современном этапе жизни нашей страны одним из важнейших направлений экономической политики является развитие широкого сотрудничества с развитыми капиталистическими странами и отдельны-

ми компаниями. С привлечением иностранных капиталов, товаров, специалистов, созданием совместных предприятий связываются большие надежды в решении экономических и политических проблем.

Надежды на плодотворное сотрудничество с иностранным капиталом были свойственны советской власти еще в период ее становления. В декрете СНК РСФСР от 23 ноября 1920 г. «Общие экономические и юридические условия концессий» указывалось: «Совет народных комиссаров более года тому назад поставил на очередь, как практическую проблему, привлечение технических сил и материальных средств промышленно развитых государств как в целях восстановления в России одной из основных баз сырья для всего мирового хозяйства, так и для развития производительных сил ее вообще...» (Т. 1: 1917–1928 гг., М., 1967. С. 181–182).

Только после перехода к нэпу были созданы необходимые условия для развития концессионной деятельности. После демонтажа нэпа такая форма сотрудничества с иностранными государствами использовалась крайне редко.

С началом проведения рыночных реформ в середине 1980-х гг. эта старая форма получила новое наполнение. Но как показывает практика последнего времени, попытки наладить равноправные отношения сотрудничества пока в большинстве своем безрезультативны. Вопреки нашим надеждам и ожиданиям налаживание и расширение сотрудничества с зарубежными партнерами идет во многом так, что мы не приобретаем, а теряем сырье, валюту, специалистов, а тем самым и репутацию равноправного партнера. Вместо ожидаемого облегчения в решении стоящих перед нами проблем мы получаем их дальнейшее обострение и умножение. По нашему мнению, одной из причин такого итога является игнорирование или неверная оценки как дореволюционного, так и опыта периода нэпа концессионной политики российского, а впоследствии советского государства.

Поэтому, анализ условий концессиональных соглашений как дореволюционных, так и первых лет Советской власти позволит выявить положительные и негативные итоги этих соглашений.

В конце XIX – начале XX в. иностранный капитал активно внедрялся во все сферы народного хозяйства России. В современной исторической литературе изучение истории концессии имеет давнюю историографическую традицию. В работах Е.М. Алешина, Н.Н. Валентинова, В.И. Касьяненко, Ю.С. Дьяченко, О.Н. Разумова и других изучены многие аспекты этой темы. Но, что касается концессии Жаннэ и Турн-и-Таксиса, то до сих пор слабо изученной является сама история появления этого предприятия на Алтае. Освещению этой стороны деятельности концессии и будет посвящена данная статья.

Конечно, Алтай, как и Сибирь в целом, имели прочную репутацию богатейших кладовых мира. Помимо этого, строительство Сибирской железной дороги значительно облегчало решение транспортных проб-

лем. Большие качественные изменения происходят в технологии золотодобычи и извлечения золота из золотоносных пород. В тот период для извлечения золота из бедных руд широко использовалась ртуть. Измельченная руда, промываемая большим количеством ртути, почти все самородное золото оставляла в ртути. Извлечение золота из ртути было возможно уже при ее нагреве.

Свой экономический интерес имел и царь, ведь Алтай до февраля 1917 г. находился во владении Кабинета Его Императорского Величества (далее Кабинета).

Совпадение этих интересов, условий и возможностей приводит к тому, что на земле Алтайского округа в начале XX в. появились австрийские граждане – князь Александр фон Турн-и-Таксис и доктор права Иосиф Жаннэ. Летом 1903 г. ими была подана предварительная заявка в канцелярию земельно-заводского отдела Кабинета о проведении геологоразведочных работ в верховьях Оби, Чумыша, Алея, Кондомы, а также на территории заброшенных серебряно-свинцовых рудников вблизи Змеиногорска (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 726, Л. 15–20).

Следует отметить, что концессионеры вели деятельность одновременно по двум направлениям. Они готовили необходимые документы, завозили оборудование, набирали рабочих для проведения геологоразведочных работ и параллельно подготавливали предварительный проект соглашения с Кабинетом, в котором намечали будущие условия сотрудничества и, самое главное, условия и размеры возможного дохода Кабинета и собственной прибыли. Потенциальным концессионерам было разрешено вести разведку, но их предварительные условия соглашения были отвергнуты. Доход Кабинета первоначально оговаривался очень большим количеством технических условий (вид выработки – в шахте или открытый, содержание золота в породе, продолжительность технологических циклов и т.д.).

Новый проект договора готовился уже с учетом первых данных геологоразведки. Их организацией занимались специалисты из Австрии и России, в их числе Роман Шпринг из Санкт-Петербургского университета, маркшейдеры В. Мазани и Б. Боченин, буровые мастера Фишгауэр из Австрии и Вантух, а также штейнгеры в количестве пяти человек из Змеиногорска.

В процессе разведки главное внимание было уделено старым выработкам, особенно Крестильной штольне. Вместе с тем были заложены разведочные шурфы и пробиты разведочные скважины на очень большой площади. Изъятые образцы (более 700 штук) были отправлены для глубокого лабораторного анализа в Петербург и Вену. В летние дни ежедневно привлекалось для разнообразных вспомогательных работ 60–80 местных жителей. С их помощью удалось восстановить ранее действующую лабораторию, плавильные печи, смонтировать новые

технологические машины на опытной фабрике. Управляющий фабрикой доктор Петерсон Шмитд докладывал своим концессионерам о том, что опытная обработка руды дала следующие результаты.

В качестве основы была взята руда из старых выработок в количестве 28 т. (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 14, Л. 37). Из этого сырья получено 640 гр. золота и 1850 г серебра. Качественная сторона технологического процесса была отражена в следующих показателях: с помощью ртутных и цианистых растворов получено 39,1% от всего золота, не удалось извлечь около 12%, потери металла составляли 48,1% (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 14, Л. 38). Таким образом, можно сделать вывод о том, что фактическое содержание золота в одной тонне горной породы составляет 3,6 г золота, что позволяло начать промышленную выработку. Но концессионеры с целью уменьшения общих размеров платежей привели данные о проведенных затратах на опытные работы, чтобы определить себестоимость грамма ценного металла. Ведь на проведение экспериментов концессионерами было затрачено 70 046 руб. 13 коп. (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 14, Л. 39). Помимо указаний на бухгалтерские отчеты концессионеры отмечали и другие очень значительные траты. К этому также прибавляются расходы на выкачку воды из пяти рудников, а также расходы на содержание членов экспертной комиссии и на их транспортное обслуживание. Эти расходы могут простираться до 25 тыс. руб. Кроме того, как с грустью отмечали концессионеры, «наши доверители должны будут перерасходовать значительные суммы на возведение новых построек» (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 14, Л. 42).

Из этого документа следует, что доверители, а в их числе и горный инженер К. Шлезингер, имели большую самостоятельность, в том числе при решении как производственных, так и финансовых вопросов.

Вместе с тем были разработаны и другие предложения с целью уменьшения налогового бремени. Кабинет настаивал на минимальном уровне обязательных ежегодных платежей в сумме не менее 30 тыс. руб. Концессионерам эта сумма казалась непосильной и по размеру, и по принципу взимания. Поэтому они стремились уйти от твердых обязательств и обусловить размеры выплат уровнем запасов золота на тех или иных отводах. Они привели данные своих изысканий. На отдельных площадях по этому показателю содержание золота действительно колебалось в пределах от 2 до 30 г на одну тонну породы. Полагая, что эти условия могут быть не приняты во внимание, концессионеры предложили и такой вариант: они заключают соглашение на 60 лет, но ежегодные платежи, по их мнению, не должны превышать 20 тыс. руб. (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 14, Л. 68).

Специалисты Кабинета эти условия, после пристального рассмотрения, отклонили (ГААК. Ф. 4, Оп. 2, Д. 2, Л. 7). Концессионеры в свою очередь, видимо, надеясь все же на значительный доход, вынуждены

были принять в качестве основных условия Кабинета. После этого исполняющий обязанности начальника Алтайского горного округа отправил соответствующую просьбу в Министерство императорского двора, в Кабинет. Он писал: «Австрийский подданный князь Александр Турн-и-Таксис, лично известный господину министру Императорского двора и обладающий, по имеющимся сведениям, значительными средствами, вошел вместе с доктором прав Иосифом Жаннэ в Кабинет Его Императорского Величества с просьбой «о передаче им в аренду избранных местностей для организации разработки месторождений золота в обширных размерах, с применением всех новейших технических усовершенствований»» (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 14, Л. 70).

Это ходатайство возымело свое действие. В ответном письме говорилось: «Кабинет Его Величества, принимая в соображение, что хотя означенные лица и обладают, по имеющимся сведениям достаточными капиталами и, по видимому, являются солидными предпринимателями, не признавая, однако, принимать безоговорочно их условия – в полной мере, – но полагает возможным передать помянутому князю Турн-и-Таксису для разведки, а впоследствии и разработки золота лишь по одной свободной системе в каждом из округов Кабинета на условиях, сообразно таковых же существующих в договорах Кабинета с другими частными лицами, и с соблюдением, в случаях заключения договора с означенным просителем, установленных законоположений о договорных отношениях с иностранцами. Что же касается передачи в аренду неработающих ныне серебросодержащих рудников Алтая, то, принимая в соображение, что возобновление действий этих рудников было бы полезно для Кабинета Его Величества и для Алтайского Округа давая заработать населению последнего и имея в виду весьма значительный риск и потребность крупных затрат на указанное дело, Кабинет считает возможным передать помянутые рудники для эксплуатации предпринимателями на более льготных условиях» (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 14, Л. 70).

Кроме того, Кабинет очень благосклонно отнесся к просьбе предпринимателей передать им заброшенные рудники на Алтае, помимо новых отводов на ранее не разрабатывавшихся площадях.

В целом договор с предпринимателями А. Турн-и-Таксисом и И. Жаннэ был заключен не на тех условиях, которые предлагали концессионеры, а на тех, которые твердо отстаивал Кабинет, особенно в части доходности. В частности, в первом варианте договора, подписанного 24 марта 1903 г. (предварительная стадия согласований заняла более двух лет), говорилось, что «с разрешения инженера Императорского Двора мы, ниже подписавшиеся, австрийский подданный князь Александр Турн-и-Таксис и доктор прав Иосиф Жаннэ, заключили этот договор с Кабинетом Его Величества на оставленных разработкой местностей Алтайского округа на нижеследующих условиях» (ГААК. Ф. 4,

Оп. 1, Д. 14, Л. 71). Для оценки того, кому этот договор был более выгоден, еще на стадии соглашения был проведен более глубокий анализ этих условий. Предложение предпринимателей о 60-летнем сроке аренды не было принято. Длительность аренды определялась в пять лет, да и этот срок оговаривался рядом условий, невыполнение которых со стороны предпринимателей могло значительно этот срок уменьшить. В соглашение было введено также условие, что даже заброшенные рудники, если они не принадлежат Кабинету, не могут обследоваться без его согласия (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 16).

Очень интересным представляется пункт о том, чтобы арендаторы в течение пятилетнего срока аренды затратили на разведочные работы ежегодно 25 тыс. руб. Это нам предоставляется очень предусмотрительным, ведь в случае разрыва соглашения Кабинету в будущем не придется тратить на этот вид работ.

В Чумышской системе арендаторам удалось добиться снижения ежегодных затрат до 15 тыс. руб. Результаты разведочных работ арендаторы обязаны ежегодно представлять начальнику Алтайского округа, который при необходимости имеет право проверить достоверность результатов геологоразведки, и, разумеется, в случае недостоверности санкции распространялись бы, вплоть до расторжения договора. В этом разделе был и стимулирующий пункт. Если прииски по Чумышу за три года обеспечат Кабинету доход в 60 тыс. руб., то право разведок в этом районе продлится еще на 6 лет. Но даже в случае неполучения такой сверхприбыли, но при условии неукоснительного выполнения всех взятых обязательств, а ежегодная прибыль бы была не менее 30 тыс. руб., арендаторы получали право на продление соглашения (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 18–22).

В соглашении содержались еще некоторые ограничения. Отводы под прииски на Алтайских серебряных рудниках должны включать старые выработки, но их общая площадь не должна превышать 4-х квадратных верст. Даже если на этих отводах по каким-либо причинам не ведутся работы, то и в этом случае подесятинная плата в год должна составлять по 1 руб. с десятины (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 23).

Кроме того, чтобы принудить арендаторов к усовершенствованию технического процесса извлечения золота, а по итогам опытов они докладывали, что извлекается около 50%, вводилась дифференцированная плата в зависимости от содержания золота в руде. В Чумышской зоне при разработке рудных месторождений и рассыпного золота и при содержании золота в 100 пудах породы 5 золотников и ниже, обязательные отчисления увеличивались на 5%, при более высоком содержании золота плата увеличивалась на 10%, при содержании золота свыше 60 золотников платеж возрастал на 50%. При использовании новейших технологий плата снижалась на 2% (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 30).

При добыче золота и других металлов (серебра, меди, цинка, свинца) плата с этих металлов взимается натурой, т.е. этими же металлами в пределах сумм установленных платежей (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 30–31).

В договоре нашли отражение опасения арендаторов относительно того, что те или иные их надежды не оправдаются. Но чиновники Кабинета, не слишком вникая в суть этих оговорок, включили в качестве условия соглашения, что при любых обстоятельствах доход Кабинета с каждого отвода ежегодно должен быть не менее 20 тыс. руб. (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 33–34).

В случае задержки платежей должна взиматься пеня в размере 0,5% в месяц с общей суммы обязательных платежей. В случае невыплаты платежей в течение более 4-х месяцев вся сумма залога за данный отвод конфискуется, как правило, это 60 тыс. руб., залог переходит в распоряжение Кабинета, а договор расторгается. Кабинет также оговорил условия, что в случае, если обнаружатся убытки, он, Кабинет, имеет право на реализацию любого имущества концессионеров (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 34). Если в процессе золотодобычи обнаружатся иные, не оговоренные в договоре материалы, концессионер обязан об этом уведомить Кабинет. Потребности арендаторов в других материалах – в лесе, глине, песке, воде и ином – удовлетворяются в общем порядке по существующим таксам. В случае необходимости они сами также могут добыть глину, песок, известняк без дополнительного обложения (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 33). Арендаторам также было предложено право строить дороги, водопроводы, устраивать телефоны, телеграфы, шлюзы, «одним словом, все, что необходимо, для действия промыслов и рудников». Устройство различных торговых, фабричных и других промышленных заведений разрешается при соблюдении постановлений, изданных на этот счет (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 35). Фабрика взрывчатых веществ может быть построена по особому распоряжению. Надзор за правильностью золотодобычи возлагается на местные органы Министерства земледелия и государственных имуществ (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 36).

Подведомственные чины Министерства императорского двора имеют право знакомиться с ходом дел во всякое время. Для записи поступления золота и серебра концессионерам выдаются особые шнуровые книги (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 37–38).

В соглашении также имеется пункт, по которому вся самостоятельная золотодобыча на отведенных участках, кто бы ею ни занимался, не допустима (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 12, Л. 38).

В соглашении предусматривалась возможность того, что концессионеры могут передать часть дела или все дело другому лицу. Но это возможно только с согласия Кабинета. В заключительной части договора указывалось, что «по исполнению сего договора Александр фон Турн-и-Таксис и доктор прав Иосиф Жаннэ принимают на себя полную

взаимную друг за друга ответственность и составляют одно лицо, а поэтому требования Кабинета, предъявляемые к одному, относятся тем самым и к другому; ответственность одного – влечет за собою безраздельную ответственность другого. Настоящий договор оплачивается за счет арендаторов, установленным гербовым сбором. Все вышеизложенные условия и обязательства, как со стороны арендаторов, так и Кабинета Его Величества, хранить свято и ненарушимо».

Крупнейшее концессионное соглашение в середине 1920-х гг. было подписано с английской компанией «Лена Гольдфильдс Лимитед». Середина 1920-х гг., как известно, необычайно богата различными политическими и экономическими событиями. К этому периоду относится и так называемая полоса дипломатического признания. В 1924–1925 гг. Советский Союз установил дипломатические отношения с 13 государствами различных континентов. Особенно сложными были отношения с Великобританией. В английском парламенте в это время шла ожесточенная борьба между консерваторами и лейбористами. В августе 1924 г. руководство лейбористской партии, находившейся у власти, пошло на подписание «Общего договора» и «Договора о мореплавании» с СССР. Но осенью 1924 г. к власти в Англии пришли консерваторы во главе с Болдуином, которые, не пойдя на полный разрыв советско-английских отношений, тем не менее, торгово-экономические соглашения с СССР на ратификацию парламентом Великобритании не представили. В такой напряженной и неопределенной обстановке шли переговоры между представителями Советского Союза и компании «Лена» в 1924–1925 гг. Итогами их явилось подписание 14 ноября 1925 г. концессионного соглашения с английской компанией. Со стороны Советского Союза договор подписал председатель ВСНХ Ф.Э. Держинский, с английской стороны – представитель компании Фредерик Вильм Дэвиз Гвин (Концессиональный договор, 1925, с. 3). Вывший секретарь Сталина Б. Баженов в своих воспоминаниях данное соглашение назвал «классическим примером жульничества и хитрости со стороны руководства СССР и примером простодушия и неоправдавшихся надежд на взаимовыгодное сотрудничество со стороны компании «Лена»». Он писал: «Когда Советы ввели свою жульническую концессионную политику, в числе пойманных на эту удочку оказалась компания «Лена Гольдфильдс». Компании этой принадлежали золотые россыпи на Лене. Октябрьская революция компанию этих россыпей лишила. Россыпи не работали, оборудование пришло в упадок и было разрушено. С введением нэпа большевики предложили эти россыпи в концессию. Компания вступила в переговоры. Большевики предложили очень выгодные условия. Компания должна была ввезти новое оборудование, драги и все прочее, наладить производство и могла на очень выгодных условиях располагать почти всем добытым золотом, уступая лишь часть большевикам по це-

нам мирового рынка. Правда, в договор большевики ввели такой пункт, что добыча должна превышать определенный минимум в месяц; если добыча упадет ниже этого минимума, договор расторгается и оборудование переходит в собственность Советов. При этом советские власти без труда объяснили концессионерам, что их главная забота – как можно большая добыча и они должны оградить себя от того, что концессионер по каким-то своим соображениям захотел бы «заморозить» прииски. Компания признала это логичным и этот пункт охотно приняла – в ее намерениях отнюдь не было «заморозить» прииски, а наоборот, она была заинтересована в возможно более высокой добыче. Было ввезено все дорогое и сложное оборудование, английские инженеры наладили работу, и прииски начали работать полным ходом. Далее Б. Бажанов отмечает: «Когда Москва решила, что дальнейшее сотрудничество не оправдано, посредством определенных махинаций концессионное соглашение было разорвано» (Бажанов Б., 1989, с. 24–26).

В отечественной историографии сложились иные точки зрения на деятельность компании «Лена». Е.В. Юферева пришла к следующему выводу: «Деятельность данной концессии на территории СССР не принесла народному хозяйству той пользы, на которую государство рассчитывало, и была примером авантюристических устремлений предпринимателей к выколачиванию сверхприбылей из богатейших районов нашей страны...». В. Касьяненко занимает иную позицию, как в оценке деятельности компании «Лена», так и в целом концессионной политики: «Шестнадцатилетняя история концессий показала их высокую эффективность. В лучшее время они давали в год на вложенный рубль четыре рубля прибыли» (Газета «Правда» 1989. 14 мая).

Чтобы объективно оценить значение деятельности компании «Лена», рассмотрим подробнее условия соглашения. В первом параграфе договора указывалось, что «Правительство предоставляет «Лене» в Ленско-Витимском горном округе исключительное право добычи золота и всех иных полезных ископаемых», кроме того, «Лене» предоставлялось исключительное право разведки на все без исключения ископаемые (Концессиональный договор..., 1925, с. 15–22). В течение первых 25 лет со дня заключения договора «Лена» имела право на получение отводов по ее указанию под разработку всевозможных руд, за исключением платины, радия, гелия, вольфрама.

На территории Змеиногорского и Зырянского районов на Алтае ей предоставлялось право разработки всех полезных ископаемых. Кроме того, «Лене» было предоставлено право эксплуатации лесных богатств не только для удовлетворения потребностей в лесных материалах, но как для продажи, так и для переработки древесины на деготь, смолу, бумажную массу. Для сельскохозяйственных целей «Лене» отводились свободные и пригодные для земледелия участки. Компания имела также право рыбной ловли.

Для облегчения начального этапа производственной деятельности советское правительство» передало «Лене» в пользование все фабрики, конторы и вообще все подсобные устройства. Компании были переданы также Бодайбинская железнодорожная ветка, железнодорожные пути Ревдинского округа на Урале и речная флотилия на реке Лена. Советская сторона обеспечивала необходимую воинскую и милицейскую охрану.

Чрезвычайно интересны принципы распределения добытых драгоценных металлов и других полезных ископаемых. В §21 договора указывалось: «Золото и серебро «Лена» вывозит свободно и беспошлинно в размере 25% всей готовой продукции этих металлов, каждого в отдельности, остальные 75% этой продукции правительство вправе приобрести по средним месячным ценам Лондонской биржи на месяц сдачи... в фунтах стерлингов или в долларах со скидкой в 1%»(Концессиональный договор..., 1925, с. 19–20).

Данный параграф явно подтверждает то, что главной целью при подписании соглашения с советской стороны была не добыча золота. Ведь купить в необходимых количествах золото или серебро на мировом рынке за доллары или фунты стерлингов можно было и без посредничества компании. По-видимому, главная цель состояла в том, чтобы привлечь в советскую страну высокий промышленный потенциал Англии и других стран. Ежегодно «Лена» обязана была добывать не менее 400 пуд. золота.

Имелась в договоре и такая льгота: добытые медь, свинец, цинк «Лена» вывозит свободно в размере 100%. В течение первых 7 лет деятельности «Лена» обязалась вложить в производство (оборудование, новое строительство) 22 млн. золотых рублей, в том числе она должна была завезти и смонтировать 17-футовую драгу, построить медеплавильный завод производительностью 80 тыс. пуд. меди в год (Концессиональный договор... 1925, с. 21–25). Плата за право концессионных разработок складывалась из следующих статей: долевое отчисление за предоставленную концессию, 7% натурой от объема добываемого золота. Долевые отчисления вносятся по четвертям года; подесятичная плата с поверхностных отводов – 1 руб.25 коп. с 1 десятины в год; за сельхоз.угодья – 50 коп. с 1 десятины в год; за площади под складами и пристанями, 100 руб. с 1 десятины в год. Должна была вноситься плата да всю площадь владений, по 2 руб. 50 коп. с 1 десятины в год. Наравне с другими государственными, кооперативными и частными предприятиями компания облагалась местными налогами, сборами, акцизами. В частности, местные налоги в совокупности составляли 17 коп. с одного золотника добытого золота (Концессиональный договор..., 1925, с. 52). В §80 договора предусматривались условия досрочного прекращения деятельности концессий в случаях, «если будет установлено, что «Лена» просрочила по своей вине уплату причитающихся с нее де-

нежных отчислений», «что «Лена» по своей вине не произвела своевременных затрат на цели и в сроки, предусмотренные договором»; что ««Лена» по своей вине за какой-либо год не выполнила производственных программ» (Юферева Е.В., 1969, с. 134).

А по чьей вине в действительности могло произойти нарушение обязательств, еще надо было доказать. В дополнение к основному протоколу Дзержинским было подписано приложение №9, по которому «подтверждается, что в случае заключения концессионных договоров с подобными «Лене» предприятиями на условиях более благоприятных для концессионеров, чем условия настоящего договора при прочих равных условиях, «Лена» автоматически, без особых на то разрешений получила право пользоваться всеми правами, привилегиями или преимуществами более благоприятными, чем полученные ею по настоящему концессионному договору» (ГААК. Ф. 100, Оп. 2, Д. 12, Л. 87). В дополнение к основному договору в 1927 г. «Лене» были переданы для разработки угольные месторождения в Кузбассе близ Киселевска. Для обеспечения приисков электроэнергией компания имела право сдавить плотины и соорудать иные гидротехнические устройства. Вместе с тем, были и определенные различия. В тексте соглашения с компанией «Лена» были два больших раздела «О правах Лены на использование поверхности на территории концессии и вне ее» и об и об «Обязанностях Лены». В отличие от дореволюционной концессии выполнение многих обязательств отодвигалось на 30–50 лет в зависимости от результатов работы.

Очень важным было положение о Третьем суде. Все споры и недоразумения по поводу толкования или исполнения настоящего договора и всех приложений к нему, по заявлению каждой из сторон, рассматриваются и разрешаются Третьим судом. Третейский суд должен состоять из трех членов, из коих один будет избран Правительством, другой Леной, а третий – суперарбитр – будет избираться сторонами по взаимному соглашению.

Если такое соглашение не сможет быть достигнуто в течение 30 дней со дня получения ответной стороной вызова на Третейский суд в письменной форме, с изложением спорных вопросов и с указанием назначенного истцовой стороной члена Третейского суда, то Правительство в двухнедельный срок называет 6 кандидатов из числа профессоров Фрейбургской Горной Академии или Королевской Высшей Технической школы в Стокгольме, из коих в двухнедельный срок Лена должна избрать одного, который будет суперарбитром.

Если Лена, при отсутствии к тому непреодолимых препятствий, уклонится от выбора суперарбитра в указанный двухнедельный срок, то Правительство вправе просить Совет одного из указанных выше учебных заведений назначить суперарбитра из числа 6 кандидатов, избранных Пра-

вительством, как указано выше. Если Правительство, при отсутствии к тому непреодолимых препятствий, уклонится от выбора 6 кандидатов в суперарбитры в указанных выше двухнедельный срок, то Лена вправе просить Совет одного из указанных выше учебных заведений назначить этих 6 кандидатов и засим избирает из их числа суперарбитра, как указано выше (Юферева Е.В., 1969, с. 125). Если оценить в целом условия договора, то следует отметить, что договор был исключительно благоприятен для английской стороны. Неслучайно, что даже такой неприимый враг советской власти в 1920-е гг. как О. Чемберлен приобрел 1000 акций компании «Лена» (Юферева Е.В., 1969, с. 134).

Возможно, по замыслу авторов договора, с его реализацией связывались в первую очередь политические задачи – привлечение на свою сторону не только денег западных капиталистов, но и симпатий ведущих политиков. В таком случае можно считать, что частично эта задача была выполнена. Но в жертву политическим задачам приносились экономические интересы советской стороны уже на уровне условий сотрудничества. Особенно наглядно это просматривается при сравнении с текстами концессионных соглашений дореволюционного периода.

Так, например, в договоре Александра фон Турн-и-Таксиса и И. Жаннэ с Кабинетом его императорского величества от 24 марта 1903 г. на аренду для разведки горной промышленности и разработки золота, серебра, меди, свинца, цинка и других, попутно находящихся в разрабатываемых отводах металлов и минералов отсутствовала мелочная регламентация промежуточных условий. Но в четкой и категоричной форме было изложено главное условие: «Работа компании возможна при непременном условии доставления доходов Кабинету... по 30 тыс. руб. в год. Общий минимальный доход Кабинета должен быть в каждый целый гражданский год 20 тыс. руб., а начиная с 1912 г. – 22500 руб.» (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 1752, Л. 1, 2). В тексте договора содержалось и предупреждение: «Если же, доход будет менее, то Кабинет может лишить арендаторов исключительного права разведки и производства... если ежегодный доход будет более 50 тыс. руб., то продление договора будет на льготных условиях для арендаторов» (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 1752, Л. 2 об.).

Аналогичный подход проявляется и в договоре акционерного общества «Алтайские горные промыслы» с Алтайским управлением Министерства земледелия и государственных имуществ от 6 декабря 1916 г. В этом договоре были указаны общие размеры десятинной и попудной, с объема добытых металлов, платы. Общество должно было платить по 2 руб. с десятины отводов и по 30 коп. с 1 пуд. произведенных металлов. В договор был введен пункт, по которому минимальный объем годовой добычи должен составлять 1000 пудов и, соответственно, минимальный доход должен составлять 30 тыс. руб. Минимальный уровень дохода должен был вноситься ежегодно, в январе, за весь пред-

стоящий год. В обеспечение непрерывного платежа арендатор обязан был внести залог в сумме 30 тыс. руб. (ГААК. Ф. 4, Оп. 1, Д. 1661, Л. 3). Таким образом, сравнивая общие подходы привлечения иностранных концессионеров в дореволюционный период с принципами сотрудничества с компанией «Лена» в 1920-е гг., можно сделать вывод, что не было четких и ясных экономических обязательств сотрудничества, критерии прибыльности и доходности были заменены многочисленными промежуточными условиями, которые допускали возможность неоднозначного толкования текста договора. В тексте соглашения с компанией «Лена» очевиден также приоритет политических целей над экономическими.

Библиографический список

Алешин Е.М. Перспективы использования концессий в практике хозяйствования // Экономика строительства. 2001. №9. С. 53.

Баженов Б. Бегство // Огонек. 1989, №45. С. 24–26.

Валентинов Н. (Н. Вольский) Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.

Декрет Совета Народных Комиссаров. 23 ноября 1920 г. Общие экономические и юридические условия концессий // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1: 1917–1928 гг. М., 1967. С. 181–182.

Дьяченко Ю.С. О значении деятельности компании «Лена Гольдфильдс Лимитед» в 20-е гг. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997.

Касьяненко В.И. Из истории концессионной политики Советского государства // История СССР. 1959. №4.

Концессиональный договор Союза Советских Социалистических Республик с английским обществом «Лена Гольдфильдс Лимитед». М., 1925. С. 3, 15–25, 52.

Разумов О.Н. Иностранные акционерные общества в горной промышленности Сибири // Хозяйственное освоение Сибири. Томск, 1991.

Юферева Е.В. Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму. М., 1969. С. 125, 134.

А.В. Зимирев, О.И. Чекрыжова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПЕЧАТИ ЗЕМСКИХ СТАРОСТ И ВЫБОРНЫХ

Печати Колывано-Воскресенского горного округа на сегодняшний день являются, пожалуй, одним из самых недостаточно изученных исторических источников. Действительно, существуют единичные статьи, посвященные отдельным сфрагистическим памятникам – личным печатам начальников горного округа, духовных лиц. Однако на сегодняшний день нет сколько-нибудь полного, всеохватывающего издания, которое бы включало в себя исследование всего сфрагистического кор-

пуса Кольвано-Воскресенского горного округа. Издание такого труда, рассматривающего печати Кольвано-Воскресенского горного округа в комплексе, является неременной задачей будущих исследователей. Данная же статья призвана дать представление о небольшой части печатей Кольвано-Воскресенского горного округа, а именно о личных печатях выборных и старост земских изб. Причем упор делается на художественную составляющую печатей, нежели на их полное научное изучение.

Печати, с одной стороны, выступают в качестве критики письменного источника – удостоверяя его подлинность, происхождение, однако этой функцией они не ограничиваются.

Как писал еще Н.П. Лихачев, «Печати являются не только памятниками дипломатическими (скрепа документа), но и чисто историческими (выразители политических тенденций, общественных веяний и взглядов – в изображениях, форме, величине, материале), и памятниками истории искусства, также как и ценными документами в области истории быта (изображения зданий, одежд, разных предметов утвари и оружия)».

В ходе изучения документов, хранящихся в КГУ ГААК, было выявлено большое количество печатей земских старост и выборных. Поскольку задачей данной статьи является дать представление об этих печатях, то будут приведены иллюстрации наиболее характерных из них.

Хронологически, рассматриваемые печати датируются последними десятилетиями 18 столетия. Для успешного исследования печатей необходима правильная классификация изучаемого материала. Поэтому печати старост и выборных были сгруппированы по земским избам. Внутри этих групп они разделены по принадлежности к старостам или выборным. А уже в этих подгруппах проведена классификация по изображению на печатях.

В целом по изображению, печати можно разделить на несколько групп.

1. Печати с литерами или полным именем и фамилией владельца.

Печати самые разнообразнейшие по форме, и стилистика надписей в них также различается. На некоторых печатях, присутствуют короны. Поэтому возникает странная картина – ведь принадлежали эти печати старостам и выборным, которые были крестьянами по своему происхождению и никаких прав на изображение короны в печатях они не имели. Можно сделать предположение, что короны означали то, что Кольвано-Воскресенский горный округ находился в ведении Кабинета. Однако, если рассматривать эти короны с позиций правил геральдики, с которыми тесно связана сфрагистика, то можно утверждать, что короны были самые разнообразные, от просто дворянских до императорских. Это является еще одной загадкой, требующей дальнейшего более глубокого изучения.

2. Печати с растительным или иным орнаментом. Растительный орнамент один из самых распространенных декоративных мотивов в мире. Разнообразие элементов этого типа орнамента очень велико, помимо чисто растительных сюжетов, в оформлении печатей использованы и сочетания растительного и геометрического орнаментов.

3. Печати с животным орнаментом. Строится на изображении животных различной степени стилизации.

4. Печати с декором в виде предметного или вещного орнамента.

Среди найденных печатей этой группы попалась довольно необычная. Принадлежит она одному из сельских заседателей Кольванского нижнего земского суда. Необычна она тем, что на ней изображено. Не все детали четкие, но все-таки некоторые из них можно интерпретировать как масонские. Прежде всего, это циркуль, раскрытый на 60 градусов, – символ высшего разума, которым, как считали масоны, надо соразмерять свои действия, а также эмблема единения всех масонских кружков, лиц масонского круга. Угольник – символ закона и совести, эмблема части земного шара, освещенной солнцем. Помимо предметов, на печати также присутствуют символические изображения: солнце – означает истину, мужество, правосудие; луна – чистую любовь, воздержание, природу.

Остальные предметы менее четкие, и однозначно говорить, что изображено и, тем более, символизирует, затруднительно. Но мог бы сельский заседатель быть масоном? Или же он просто подсмотрел рисунок у заезжих из стран Западной Европы горных инженеров, среди которых, в принципе, могли быть и представители масонства? Это еще один вопрос, на который без специального исследования невозможно ответить.

Необходимо отметить, что все исследуемые печати являются так называемыми «копченными». Такое название они получили вследствие копчения матриц печатей над огнем свечи или лучины. После копчения, матрицей делался оттиск на документе. Поэтому при изучении печатей пришлось столкнуться с рядом проблем. Во-первых, истирание изображения – вследствие ненадлежащего хранения документов. Во-вторых – это утрата либо краев печати, либо середины, что затрудняет, с одной стороны, определение размеров печати, с другой – невозможно изучить рисунок печати.

Помимо проблем, связанных с изображением печатей, имеются и трудности в определении их владельцев.

Нередки случаи, когда одна и та же печать в пределах одной земской избы могла использоваться несколькими людьми. Также есть случаи употребления печатей, на которых стоят имя и фамилия другого человека, отличные от имени и фамилии, указанных в документе. На некоторых печатях стоит дата, которая может отличаться от даты доку-

мента, – что ставит под вопрос принадлежность печати. Разница в датах в отдельных случаях достигает нескольких десятилетий. Значительной проблемой выступает отделение печатей старост и выборных от собственно печатей земских изб – в том случае, если на печатях последних нет никаких надписей, а лишь абстрактный орнамент. Также вполне возможно, что печать изначально создавалась как личная, но, по прошествии какого-то времени, первоначальный владелец забывался, и печатью мог пользоваться либо другой человек, либо она могла обретать статус печати учреждения, но это уже является предметом специального исследования.

Поэтому необходимо максимально возможное выявление сфрагистических памятников. Об этом писали еще Н.П. Лихачев и В.Л. Янин. Это позволит провести сравнительный анализ и уточнить владельца печати, а также из нескольких поврежденных печатей реконструировать одну целую. В частности, благодаря такой установке на выявление материала было найдено несколько документов, которые позволили однозначно атрибутировать печать, как земскую, а не личную. Это позволило объяснить, почему одну и ту же печать использовали несколько людей на протяжении ряда лет. Так, в клаузуле этих документов мы находим следующую формулировку: «...приложена **общественная** Боровлянской земской избы печать».

По аналогии, можно предположить, что печати, используемые в других земских избах большим количеством должностных лиц, являются также печатями учреждений. Но утверждать что-то определенное можно лишь при исчерпывающем выявлении сфрагистического материала.

Изображения, имеющиеся на печатях земских старост и земских выборных, зачастую становятся единственными материальными объектами, которые в какой-то мере позволяют понять характер и стремления человека тех столетий. Ведь даже почерк их остается в большинстве случаев неизвестным, поскольку подавляющее число земских должностных лиц было безграмотными и за них писали писари.

Изображения на печатях конца 18 столетия отличаются большим разнообразием по своему художественному наполнению и значению. В дальнейшем, с продолжающейся бюрократизацией государственного управления, будет происходить рост количества печатей учреждений и должностных лиц, но при этом они будут идти по пути унификации изображений. Таким образом, в исследовании печатей еще много лакун, которые требуют тщательного изучения.

Библиографический список

- Лихачев Н.П. Из лекций по сфрагистике. СПб., 1905–1906.
Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М., 2001.
Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М., 1975.

Д.С. Калашников

НПЦ «Наследие», Барнаул

КАЗЕННЫЙ ВИННЫЙ СКЛАД В г. БАРНАУЛЕ

Постановлением АКЗС 28.12.1994 №169 на государственный учет как памятник архитектуры поставлен объект «Пивоваренный завод Аграновских. Комплекс», располагающийся по адресу: г. Барнаул, Путиловская ул. 4а // Сибирский просп., 43 (адрес на 1994 г.).

До 2006 г. в зданиях комплекса располагался и действовал Барнаульский ликеро-водочный завод. Однако основанная на исторических документах история БЛВЗ позволяет утверждать, что название присвоенное объекту Постановлением 1994 года является ошибочным и не отражает его исторического названия.

В самом деле, при взгляде на планы г. Барнаула 1907, 1912, 1925 гг., в месте, занимаемом данным объектом (в границах современных проспектов Комсомольского и Сибирского, улицы Путиловской и парка «Изумрудный») четко отмечено: «Казенный винный склад» или «Винный склад» (ГААК, ф. 50, оп. 13, д. 51). Это означает, что никакое частное пивоваренное производство, по крайней мере, с начала XX столетия, здесь располагаться не могло. Сама система казенных винных очистных складов в Российской империи стала развиваться как один из этапов введения государственной водочной монополии, разработанной Министерством финансов и растянувшейся на 8 лет.

Согласно этой реформе в 1894–1902 гг. последовательно, по губерниям, сначала в столицах, затем на окраинах империи вводятся новые порядки и правила производства и реализации крепкой алкогольной продукции:

1) изъятие производства и торговли водкой из частных рук. Полная ликвидация подпольного самогонварения, но не полицейскими, а экономическими методами, делающими его невыгодным;

2) установление высокого стандарта качества русской водки на основе исторического опыта и достижений русского винокурения в сочетании их с новейшими научными достижениями и возросшими техническими возможностями промышленности;

3) не ставя перед собой задачи скорейшей ликвидации пьянства как социального явления, попытаться сформировать культуру потребления водки и других алкогольных напитков (Похлебкин В.В., 2002. с. 297–316). Казенный винный очистной склад в Барнауле стал одним из таких государственных предприятий.

Введение государственной винной монополии провозглашено. В начале 1899 года пришел черед окружного города Барнаула. 14 апреля 1899 г. Барнаульская городская дума впервые рассматривала представленный акцизным надзирателем IV Томско-Семипалатинского участка

вопрос о выделении земельного участка под строительство казенного винного склада в городе. Предполагалось, что вопрос этот городские законодатели решат самостоятельно, при соблюдении ряда непереносимых условий, выдвинутых Министерством финансов империи. За основу «винного склада» был взят типовой английский проект, предусматривающий все возможные нюансы этого специфического производства, то и требования, предъявляемые министерством к участку, исходили из количества и площадей всех мыслимых и необходимых производственных и подсобных строений и сооружений. В частности, размеры земельного участка под строительство склада должны были составлять не менее 2 десятин. При необходимости строительства водоканализации, к нему дополнительно должно было быть прирезано еще 200 квадратных саженей. Земельный участок необходимо было выделить в особый квартал, отделенный от соседних строений достаточно широкими улицами. Кроме того, необходим был выход к реке или же право на строительство водоканализации с прокладкой к складу водопроводных труб и водоотводных – от него к ближайшей реке. В крайнем случае, водоотводные трубы могли заменяться закрытыми каналами. Также необходимо было выделить землю под установку электрических столбов (опор линии электропередач) и телефонной связи.

Городская Дума предложила отвести под строительства склада участок земли, находящийся в собственности Кабинета, находящийся на берегу Оби «напротив улиц Коряковской и Берской», который сдавался в аренду чиновнику Г.Я. Егорову. Такое предложение вполне оправдано нежеланием города отдавать в казенное пользование собственные земли, поскольку сдача в аренду городских земель, наряду с взиманием налога на собственность, была основной статьей муниципальных доходов. Городские же власти были справедливо уверены в том, что за земли, переданные в казенное пользование, арендную плату они вряд ли получат.

В мае 1899 г. из Томска в Барнаул прибыл акцизный надзиратель А.Е. Тартышев, с целью личного осмотра и выбора подходящего участка. Им были рассмотрены два соответствующие нуждам будущего производства участка:

1) вблизи города Барнаула по Московскому тракту, между тюремным замком и кладбищем;

2) по Московскому же тракту между участками, занимаемыми купцом Смирновым и чиновником Игумновым.

В свою очередь городская Дума на заседании 19 июня 1899 г. отклонила предложение об уступке первого из них. На предоставление второго согласилась при условии арендной платы от 40 копеек до 1 рубля за квадратную сажень в год.

В ответ на это управляющий IV акцизным участком напрямую обратился с письмом к начальнику округа. Начальник округа В.К. Бол-

дырев распорядился выделить землю. К вопросу же об арендной плате подключился сам С.Ю. Витте, поднявший его в Канцелярии императорского Кабинета, где настаивал на передаче земли не в пользование, а в собственность. По просьбе Витте вопрос был решен положительно, и летом 1899 г. на место будущего склада стал завозиться кирпич и прочие строительные материалы.

Барнаульская городская Дума сочла, что распоряжение начальника округа не является достаточным основанием для строительства государственного склада, и потребовала точных планов и распоряжений непосредственно из Канцелярии Кабинета Его Величества.

В конце концов, по представлению Министерства финансов, из Канцелярии на имя В.К. Болдырева последовало предписание за №12219 от 21 декабря 1899 г. (эту дату, кстати, принято считать датой основания Барнаульского казенного винного очистительного склада), согласно которому город должен был:

- осуществить безвозмездную передачу в бессрочное пользование необходимых земельных участков;
- предоставить право прокладки труб и установки столбов на землях, составляющих собственность Кабинета;
- прекратить взимать поведерную плату со времени введения винной монополии.

В начале января 1900 г. В.К. Болдырев отдает соответствующие распоряжения по исполнению предписаний Кабинета. В апреле 1900 г. управляющим Барнаульским имением императорского двора В.С. Шубенко был подписан «Акт о передаче двух участков земли под постройку казенного винного склада и водокачки». В акте оговаривалось, что и склад и водокачка выделяются в особые кварталы, в силу чего соседние постройки, кем бы они не возводились, отделялись от него широкими улицами. Собственно строительные работы начались в сезон 1900 г. и, в основном, были закончены к ноябрю 1901 г. В состав комплекса винного склада входили следующие службы:

- 1) главный комплекс с хранилищем спирта (место первичного приема поступающего спирта);
- 2) здание (склад) для хранения смолки, пробок, посуды, готовых изделий;
- 3) здание угольного завода – цеха (предприятия) по производству главного очистительного компонента спирта-сырца от наиболее вредных примесей (ацетатов, сивушных масел и пр.). Согласно технологическим приемам того времени на очистку 300 ведер спирта требовалось порядка 100 пудов угля;
- 4) баня (сооружение для кипячения воды);
- 5) конюшня и каретник, совершенно необходимые в эпоху царства гужевого транспорта;

- 6) ледник;
- 7) бондарная мастерская;
- 8) весовая;
- 9) кузница;
- 10) сторожка;

11) пожарный обоз (совершенно необходимое заведение, учитывая огнеопасность сырья и конечной продукции склада, особенно при наличии здесь огнеопасных производств, таких, как кузница, угольный завод, баня);

- 12) жилой дом и другие службы.

В 500 саженях (порядка 1 км) от склада, на левом берегу Оби, была построена водокачка, от которой по проложенным по земле трубам с помощью насосов системы «Альвеер» на склад подавалась вода. Практически сразу к водокачке подключили и городскую водопроводную линию.

По завершении строительных работ в 1901 г. к складу из города были проведены электрическая и телефонная линии.

Руководство строительными работами осуществлял находившийся на службе в Акцизном управлении томский инженер-технолог Соловьев. Сам строительство, что являлось уже традиционным, осуществлялось подрядным способом. В роль заказчика выступало Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов. Порядок торгов и взаимодействие сторон прописывался в специальном договоре, именовавшемся «Кондиции (условия) к торгам на сооружение зданий казенных винных складов, жилых домов и служб к ним». «Кондиции» содержали несколько десятков пунктов, в которых оговаривались сроки строительства, взаимные обязанности и ответственность сторон. Кроме того, устанавливался денежный залог подрядчиков, остававшийся в казне в случае невыполнения заказчиком своих обязательств. Внесение изменений в договор после его подписания не допускалось. Подряд на строительство Барнаульского (а, заодно, и Томского) казенного винного склада выиграл С.О. Шифманович со своим компаньоном Альтманом. Практически сразу после подписания «кондиций» он, ссылаясь на возможность дополнительных затрат, в письме на имя управляющего акцизными сборами по IV Томско-Семипалатинскому участку, просил о десятипроцентной надбавке к сметам, угрожая, в противном случае, отказаться от подряда (ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 91, лл. 18–19). В конечном итоге он получил отказ (уж что-что, а считать деньги Министерство финансов умело, тем более, что в запасе имелся другой подрядчик). Под конец единственное, о чем просили Шифманович и Альтман – это внесение в «кондиции» некоторых дополнений, связанных с поставками строительных материалов подряда (ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 91, лл. 26–29, 40, 42).

Наряду со строительством винных складов одновременно осуществлялись поставки технологического оборудования, машин, инструментов. Так, в составе оборудования Барнаульского казенного винного очистного склада были:

1) цистерны для хранения спирта, контрольные снаряды производства «Siemens & Co»;

2) мерные емкости «Сан-Галли» (Петербургская фирма, выпускавшая точные приборы, сейфы);

3) медные трубы, ковши, аппараты ректификации со встроенными угольными колонками производства «Гильом», «Саваль», «Барбе» (Л. Шамина, В. Башунов. 1999).

Итак, вновь построенный казенный винный склад в г. Барнауле начал свою работу, перерабатывая спирт-сырец, выпуская водки и водочную продукцию (в т.ч. и знаменитую Шустовскую рябиновую), реализуя свою продукцию в полном соответствии с законодательными нормами того времени. В работе строжайше руководствовались специально разработанной технологической документацией – «программой химико-технологического наблюдения за приготовлением питей в казенных винных складах», где подробно излагались нормативные требования к техническому состоянию оборудования, порядку, способам его осмотра и приведения в рабочий вид. Не оставалась без должного внимания и технологическая выдержанность производственных процессов.

Помимо технических и технологических вопросов, государственная регламентация касалась (как это ни удивительно) и вопросов условий труда, быта и досуга рабочих и служащих казенных винных складов. Например, запрещалось сокращать число рабочих, если это могло нанести вред качеству продукции. При прочих равных условиях, предпочтение при приеме на работу рекомендовалось отдавать женщинам и подросткам. Продолжительность рабочего дня устанавливалась в 10 часов. С 1902 г., в порядке эксперимента, было разрешено снизить ее до 9 часов. Сверхурочные работы и работа в праздничные дни не допускалась. В году рабочим полагался 2-недельный отпуск. Полагалось организовывать медицинское обслуживание работников, иметь при складе небольшой приемный покой (увы, на Барнаульском складе его не было), открывать бесплатные библиотеки (при Барнаульском складе такая существовала), выписывать газеты, организовывать и проводить семейные вечера, устраивать спектакли с привлечением рабочих и членов их семей (ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 421, л. 333; оп. 2, д. 767, л. 241).

В целом для своего времени сибирские казенные винные склады были образцовыми производственными предприятиями, оснащенными самым совершенным оборудованием, вооруженными современными технологиями, экономически эффективными, создающими достойные условия труда и быта для рабочих и служащих.

Библиографический список

- ГААК, ф. 50, оп. 13, д. 45.
ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 421, л. 333; оп. 2, д. 767, л. 241.
ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 91, лл. 18–19.
ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 91, лл. 26–29, 40, 42.
Постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 №169.
Похлебкин В.В. История русской водки. М., 2002. С. 297–316.
Шамина Л., Башунов В. Школа Диониса. 1899–1999. Барнаул, 1999.

Д.С. Калашников, В.П. Семибратов

НПЦ «Наследие», Алтайский государственный университет, Барнаул

УЛИЦА ИМЕНИ И.И. ПОЛЗУНОВА

Строительство Алтайских заводов, планировка и архитектура их рабочих поселков на начальном этапе осуществлялась под влиянием двух основных факторов. С одной стороны – древнерусских традиций, опыт которых использовался при возведении сибирских острогов и крепостей, а также при возведении укрепленных сооружений рудников и заводов. Прежде всего, это выражалось в выборе крепостных сооружений и свободном расположении церквей. С другой, оно опиралось и на опыт уральских заводов, тяготевший к сложившейся в Европе системе создания концентрированной структуры городского центра, включавшего в себя территорию заводской площади и производственных зданий и сооружений (Степанская Т.М., 1995, с. 163). Здесь играла свою роль экономическая целесообразность. Планировка заводских поселков подчинялась главным градообразующим элементам – заводской плотине, как источнику энергоснабжения заводского производства, и заводской площади, являвшейся центром административной и общественной жизни.

Барнаульский завод, строительство которого началось в 1739 году, не стал исключением из этого правила.

Одной из старейших улиц в городе Барнауле является улица им. И.И. Ползунова. Начало ее формирования относится к самой середине XVIII века, ко времени перехода алтайских заводов в собственность императорского Кабинета.

Условно формирование топографии будущего города Барнаула можно разделить на несколько этапов. Первый из них начинается с момента основания демидовского Барнаульского медеплавильного завода (1739–1744 гг.). Применительно к этому времени можно вести речь только о собственно заводе и заводском поселке при нем (Скубневский В.А., 1996, с. 57). Планировка поселка естественным образом определялась направлением плотины, расположением заводских корпусов и руслом

реки Барнаулки. Административным центром поселка стал так называемый «Двор Демидова» или «заводской двор конторы» – окруженная заплотом территория размером приблизительно 70х36 метров, находившаяся у северного края плотины и вмещавшая в себя заводскую контору и дом приказчика со всеми необходимыми службами. Этот двор задал линию строительства домов мастеровых – рабочих завода в восточном направлении – от «Двора Демидова» на левобережной террасе р. Барнаулки вниз по ее течению (Бородаев В.Б., Контев А.В., 2000, с. 207–210). Линия жилой застройки следовала изгибу русла и поэтому выходила к плотине не под прямым углом. Эта первая улица Барнаула, получившая название Ряпосовской, к 1746 г. насчитывала около 15–20 жилых дворов. Свое название она получила, как предполагают А.В. Контев и В.Б. Бородаев, по фамилии государственного крестьянина, демидовского плотника Ивана Емельяновича Ряпосова, бывшего одним из первых жителей улицы и, по всей видимости, строителей завода. Впрочем, свое первоначальное название улица сохраняла недолго. На плане барнаульского завода 1752 года она называется уже Большой, спустя несколько лет за ней закрепляется название Большой Тобольской (Бородаев В.Б., Контев А.В., 2000, с. 215–217). Сегодня начало этой улицы теряется на территории городского парка, но ее продолжение, застраиваемое в последующие годы, со временем превратилось в улицу Л. Толстого.

Приблизительно в одно время с Ряпосовской улицей стала формироваться улица, на которой проживали мастеровые и на правом берегу Барнаулки, а вслед за нею и третья улица, к северу от Ряпосовской. Началась она со строительства казарм для военнослужащих гарнизона барнаульской крепости. Срубы казенных солдатских и драгунских квартир стали ставить в ряд на небольшой возвышенности по краю болотистой местности, отделявшей их от улицы Ряпосовской. В 1747 году от плотины в направлении казарм началось жилищное строительство. Первый дом был построен бывшим демидовским специалистом Иоганном Самуэлем Христиани, годом ранее принятым на службу и ставший первым государственным управляющим завода. Согласно заводскому плану 1752 года (рис. 1), усадьба берг-лейтенанта Христиани располагалась в непосредственной близости от северного края плотины. В 1747–1748 гг. к востоку от усадьбы Христиани в одну линию с ней были выстроены еще семь офицерских домов. Таким образом, началось образование квартала, состоящего из усадеб горнозаводского начальства. Очевидно, что концентрация здесь жилья горных офицеров вызвала к жизни название улицы – «главная офицерская», которое, впрочем, одновременно сосуществовало с другим – «улица по левую сторону казарм». Любопытно, но единая сегодня улица в 1750-е годы формально была разделена на две части. Помимо линии к западу от казарм, включавшей в себя усадьбы горнозаводских офицеров, была выстроена линия дворов мастеровых, находящихся в восточном направлении от казарм и именовавшаяся «улицей по правую сторону казарм».

Рис. 1. План г. Барнаула. 1752 г.

Лишь во второй половине XVIII столетия единая линия двух улиц, разделенная по сословному признаку объединилась формально в одну улицу с общим названием. Вскоре после «взятия» демидовских заводов в императорскую собственность при барнаульском заводском поселке началось строительство церкви во имя святых апостолов Петра и Павла. Место для строительства церкви было выбрано между солдатским и

офицерским жильем. Заложенная в 1748 и освященная в 1751 году, она, со временем и дала название улице – Петропавловская.

С течением времени на «офицерской» части улицы, между плотиной и церковью, помимо жилья стали появляться и другие здания. Так, на плане 1752 г. обозначено «вновь построенное» каменное здание аптеки и «...при том дом аптекарского гезеля...» (Барнаул..., 2007, с. 44–47), к сожалению утраченные во время наводнения 1793 года. В 1845–1850 гг. в центре этого отрезка улицы возникает двухэтажное каменное здание горной лаборатории, сегодня – Алтайский государственный краеведческий музей.

Имеющиеся описания и изображения планов и фасадов домов и усадеб позволяют предполагать, что усадьбы и дома офицеров на начальном этапе развития завода и поселка мало чем отличались от жилья мастеровых. Различие появилось несколько позднее, по мере разрастания заводского поселка и расширения производства. С целью сбережения лесов «... дабы от излишних домов и строений, так и от отопления оных напрасной траты и гибели лесам отнюдь не было», горнозаводское начальство запретило рубить лес на дрова. Кроме того, был издан своеобразный регламент, определяющий количество семей работников и служащих, проживающих в одной избе (История Алтая в документах и материалах..., 1991, с. 72–73).

Как правило, усадьба имела прямоугольную или близкую к прямоугольнику форму. Жилье представляло собой шестистенную избу-связь, в которой имелись горница (чистая часть дома, летняя изба); кухня, она же «стряпчая изба», в зимнее время являвшаяся и спальней. Между этими помещениями располагались большие сени, имевшие чулан и, вероятно в ряде случаев, погреб. Обычно изба-связь выходила на улицу одним торцовым фасадом, который смыкался с забором, с устроенными в нем воротами. Забор представлял собой заплот – горизонтально уложенные между столбов плахи. Вглубь прямоугольного участка уходили огороды, в конце которых располагались бани. Обычный размер такой усадьбы составлял 200 квадратных саженей (10х20 саженей; 20х40 м). Само здание, вернее его надземная часть, строилось, как правило, из сосны, для фундаментов использовалась лиственница. Крыши были двух или четырех скатными, в офицерских домах покрыты тесом. Окна в таких домах были «косящные», затянутые, очевидно, не бычьим пузырем, а слюдой, а после пуска барнаульского стекольного завода и стеклом собственного производства (Юдалевич М., 1992, с. 20).

Исторически сложилось, что усадьбы горнозаводского начальства, «домы ассессорские и афицерские», расположились на северной стороне Петропавловской улицы между плотиной и церковью. К 1752 году к ним присоединилось каменное здание аптеки. На южной стороне улицы располагались заводские службы и общественные здания, в том числе

(исключительно на начальном этапе развития поселка) торговые лавки. Такое положение дел прослеживается практически на протяжении всей истории барнаульского меде-сереброплавильного завода и Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. Главным основанием для подобного утверждения являются планы города Барнаула разных лет, содержащие соответствующую информацию, прямо указывающую на назначение и характер использования, располагавшихся здесь строений.

Другим источником сведений, по истории данного участка служат историко-археологические исследования данной территории, проводившиеся в 2005 и 2012 гг., показали наличие здесь достаточно мощного культурного слоя, в котором выявлены остатки строений, кирпичные и деревянные фундаменты, остатки деревянных срубов, многочисленные артефакты.

Анализ находок, сделанных в ходе работ 2005 г. показали, что остатки сооружений, обнаруженных в раскопе, являются разновременными и относятся к периоду от середины – второй половины XVIII до второй половины XIX века. Это подтверждается как расположением остатков срубов и фундаментов в раскопе относительно друг друга, так и сопровождающими находками (оконная слюда, ручная неглазуванная керамика, фрагменты холодного оружия, утвари) (Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., 2006, с. 53–58). Также был обнаружен фрагмент фундамента предположительно молельного дома или часовни, отмеченной на плане г. Барнаула 1912 г.

Работы, проводимые в 2012 году под руководством В.П. Семибратова, также выявили многочисленные остатки фундаментов строений и сооружений. Среди них наибольший интерес представляют остатки фундамента с такой не встречавшейся при работах 2005 года конструктивной особенностью, как наличие кирпичных столбиков под углами и в местах перевязи лиственничных бревен. Любопытно, что из планов офицерских домов, хранящихся в краевом архиве, подобная конструкция была отмечена только на плане дома обер-берггауптмана В.С. Чулкова, датированном 22 ноября 1807 г., в конструкциях сеней, чулана и крыльца (рис. 2–3). Согласно плану, восточная часть дома Чулкова представляет собой классическую избу-связь (ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 518). Однако есть и отличие. К южной части западного фасада пристроен дополнительный объем, включающий в себя три горницы и сени. Четыре окна большой горницы, расположенной в южной части объема, обращены к улице Петропавловской. Еще два окна, выходящие на улицу, находятся в горнице восточной части объема, как раз и представляющего собой жилое помещение классической связи и образующее ее торцовую стену. Предположительно, в чулане избы-связи мог располагаться и погреб для хранения припасов. Остатки сооружения, которое вполне могло быть погребом, выявлено и в ходе проведения земляных работ на исследуемой территории. С дощатым полом и бревенчатыми стенами,

углы которых покоились на кирпичных столбиках, оно имело дополнительную гидроизоляцию, аналогичную гидроизоляции, применявшейся при возведении, например, откосных свинок заводских плотин. Срубная конструкция сооружения было дополнительно ограждена толстыми плахами на расстоянии менее полуметра от наружной стороны сруба. Пространство между срубом и плахами было плотно забито глиной, что обеспечивало оптимальный температурно-влажностный режим внутри погреба. На расстоянии около 1 метра от предполагаемого погреба расположены остатки стен бревенчатого сруба. Края составляющих его бревен располагались на кирпичных столбиках. Пространство между погребом и срубом было также плотно забито глиной.

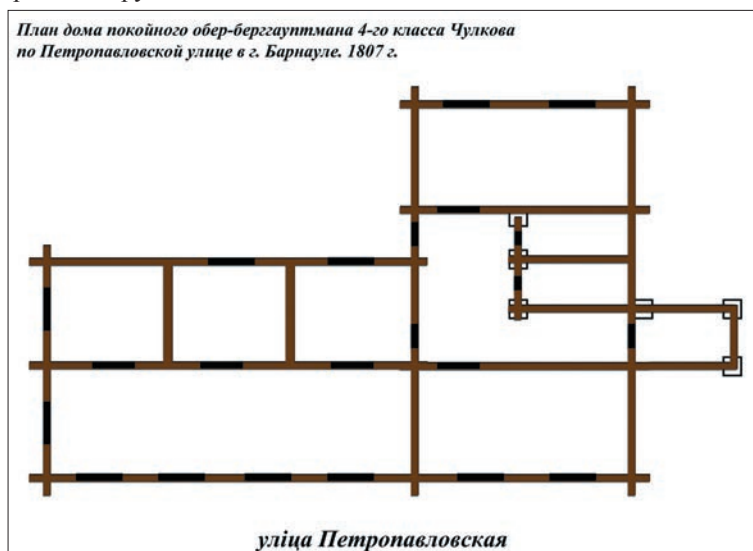

Рис. 2. План дома В.С. Чулкова. 1807 г.

К западу от данного сооружения обнаруживаются остатки кирпичных столбиков и бревенчатых свайных конструкций, очевидно являющихся остатками строения, примыкавшего к западной его стене.

Конечно, было бы неправомерным утверждать, что использование кирпичных столбиков при возведении фундаментов было единичным, уникальным случаем, характерным только для дома В.С. Чулкова. Однако других архивных или археологических данных по применению подобной конструкции на исследуемой территории нет.

Вряд ли такая конструкция могла применяться при возведении хозяйственных и/или подсобных помещений. Скорее она более характерная для жилых построек. Но в данном случае сомнение вызывает тот

факт, что обнаруженные фундаменты расположены со значительным отступом от красной линии улицы Ползунова (Петропавловской), в то время, как торцовая стена жилого дома и примыкающий к ней забор-заплот должны были выходить именно на красную линию.

Рис. 3. Фасад дома В.С. Чулкова. 1807 г.

В силу большой влажности, вызванной близким залеганием грунтовых вод, деревянные здания офицерских домов и хозяйственных построек быстро приходили в негодность. Средний срок их службы составлял 20–30 лет (Звоник Е.Ю., 2006, с. 68–72). Немного простояло и здание, остатки фундаментов которого были вскрыты при проведении археологического обследования территории. Впоследствии здесь возводили и другие дома. План города Барнаула 1012 года показывает здесь наличие как жилых, так и хозяйственных зданий, огородов и садов. Их строительство, безусловно, «загрязнило» остатки строений более раннего периода, что, в свою очередь, значительно затрудняет возможность сделать достаточно обоснованные выводы и заключения. Тем не менее, вскрытые сооружения, будучи освобождены от более поздних наслоений, представляют собой весьма интересный объект для проведения дальнейших исследований археологическими и историческими методами. Не исключена и возможность того, что со временем можно будет достаточно высокой степенью вероятности установить имя владельца.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Историко-археологические исследования в зоне исторической застройки г. Барнаула (ул. Ползунова, 35, 44а) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 53–58.

Барнаул. Научно-справочный атлас. Новосибирск, 2007.

Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул, 2000. С. 207–210.

ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 518. Сравнить: ГААК, ф. 50, оп. 13, д. 516, 517, 523, 524, 525, 696.

Звоник Е.Ю. Исторические исследования участка улицы Ползунова в г. Барнауле (ул. Ползунова, 44а) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 68–72.

История Алтая в документах и материалах: Конец XVII – начало XX века. Барнаул, 1991, док. №56.

Скубневский В.А. Барнаульский медеплавильный (сереброплавильный) завод // Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1996.

Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII – начала XX вв. Барнаул. 1995.
Юдалевич М. Барнаул. Барнаул, 1992.

Д.С. Калашников, А.А. Ситникова

НПЦ «Наследие», Барнаул

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ И ДАТИРОВКЕ ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ «КУПЕЧЕСКИЙ ОСОБНЯК»

Памятник архитектуры краевого значения, расположенный по адресу: г. Барнаул, Никитина ул., 78 (Ленина просп., 21) согласно нормативному документу о присвоении ему статуса памятника имеет наименование «Купеческий особняк» и датируется 1917 годом (Решение исполнительного комитета АКСНД от 24.03.1989 г. №108). В силу неоднократных внутренних перепланировок, осуществлявшихся в различные годы, сейчас сложно с уверенностью сказать, являлось ли здание первоначально жилым помещением или же использовалось в качестве общественного (гражданского). Однако уже на первоначальном этапе ознакомления с историческими документами, можно утверждать, что в названии и датировке данного культурно-исторического объекта содержатся серьезные ошибки.

В первую очередь это касается наименования и назначения здания. На плане г. Барнаула 1907 года на углу Московского (Ленинского) проспекта и улицы Бийской (Никитина), под №32 отмечено расположение полицейского управления и пожарного депо, находившихся в ведомстве Министерства внутренних дел (ГААК ф. 50, оп. 13, д. 45). На указанном плане комплекс полицейского управления и пожарного депо занимает северо-восточную часть квартала в границах улиц Бийской (Никитина), Павловской (Анатолия), Московского проспекта (проспект Ленина) и Соборного переулка (проспект Социалистический). Наличие пожарной части в этом же месте, мы видим и на плане города уже советского периода, в 1925 году (План города Барнаула, изданный подотделом благоустройства. Копия. Архив НПЦ «Наследие»). Общественное назначение исследуемого здания и его использование, по крайней мере,

в качестве пожарной части, подтверждается и фотографиями начала XX века, на которых отчетливо видна расположенная в непосредственной близости пожарная каланча (см. фото). В «Списке имущества, принадлежащих Барнаульскому городскому самоуправлению, сгоревших 2-го мая 1917 года во время пожара в г. Барнауле» седьмым пунктом значится «Центральное пожарное депо и полицейское управление» (ГААК, ф. 51, оп. 2, д. 103, л. 31).

В пользу того, что данное здание использовалось в качестве полицейского управления, а также строилось именно с такой целью, косвенно подтверждают другие, более ранние документы, относящиеся ко времени существования Алтайского горного округа, когда земли г. Барнаула находились в собственности императорского кабинета. Так, план города 1856 года однозначно указывает, что в этом месте уже в то время располагалось именно полицейское управление (План г. Барнаула. 1856 г. Копия. Архив НПЦ «Наследие»). Стилистика сохранившегося здания позволяет утверждать, что оно было возведено позднее на месте утраченного. Вероятно, первоначальное здание полицейского управления строилось из дерева, и было либо утрачено в результате одного из городских пожаров, либо пришло в негодность по причине ветхости.

В фондах Государственного архива Алтайского края хранится документ «План полиции с службами, предположенной к постройке в городе Барнауле» (ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 259). В описи фонда документ датирован 1850 годом, однако на самом документе никаких признаков, позволяющих поставить абсолютную его датировку, нет. Относительным признаком могут служить только фамилии авторов документа: титулярного советника И. Злобина и урядника Иванова. Скорее всего, автором проекта был барнаульский архитектор И.Н. Злобин, принимавший, в частности, участие в формировании ансамбля горнозаводской площади. Следовательно, план действительно может относиться к периоду середины XIX века. Косвенно на тот же период указывают и графические особенности почерка в экспликации к плану.

Согласно этому документу, само здание полицейского управления планировалось двухэтажным, прямоугольным в плане, каменным. Здание пожарного депо («изба для пожарной команды») должно было строиться одноэтажным, квадратным в плане, деревянным. Оба здания, расположенные в противоположных сторонах комплекса окружались различными службами, как-то: «экипажные сараи», «двор для запасных лошадей», «амбар для запасных рукавов, железных и деревянных припасов» и проч. Все службы, также, как и «изба для пожарной команды», планировались деревянными.

Других документов, содержащих планы или проекты построек для полиции и пожарной команды, в архивных фондах на сегодняшний день не обнаружено.

Очевидно, что предложенный И. Злобиным в середине XIX в. План, не был реализован. Такое утверждение возможно на основании следующих данных.

1. Стиль сохранившегося здания – эклектика с элементами модерна, характерен для периода конца XIX – начала XX века. Во времена создания плана в российской архитектуре преобладающим являлся классицизм.

2. Сохранившееся здание занимает угловое положение, оформляя угол проспекта Ленина и улицы Никитина, тогда как, согласно плану, составленному И. Злобиным, оно должно было находиться в рядовой застройке.

3. На панорамной фотографии Московского проспекта, сделанной со второго этажа Торгового дома Полякова (не ранее 1911 года) Отчетливо видна деревянная пожарная каланча при полицейском управлении и пожарном депо. Качество фотографии, конечно, оставляет желать лучшего, однако на ней можно увидеть, что крыша здания полицейского управления совершенно иная, чем на несколько более позднем снимке, сделанном до пожара 1917 года, на котором изображено уже современное здание. Третий снимок, сделанный в первое десятилетие XX века, показывает нам еще деревянное здание и полиции и пожарных служб.

Наконец, еще в 1912 году городская управа была вынуждена частично арендовать для управления полиции помещения в городской почтово-телеграфной станции на Сузунской (Интернациональной) улице, о чем говорится в постановлении городской управы от 17 июля 1912 года №248 (ГААК, ф. 219, оп. 1, д. 24, л. 89об.).

4. Другим датирующим показателем здания является выложенная кирпичом дата «1917» во фронте южного фасада здания. Однако, как показывает даже визуальное обследование данного объекта, сам фронтон и, соответственно, указанная в нем дата, являются результатом позднейшей перестройки здания. Таким образом, дата «1917» появилась в обновленном фронте, как результат восстановительных работ на здании, проводимых после пожара 1917 года, и завершенных, очевидно, в том же году. Кстати, комиссией городской управы после пожара 2 мая ущерб, нанесенный зданию, оценивался в 25%. Сохранность стен и фундамента была оценена в 60% (ГААК, ф. 51, оп. 2, д. 103, л. 32).

Таким образом, можно сделать следующий вывод о датировке данного памятника архитектуры. Согласно архивным документам и историческим фотографиям г. Барнаула, здание полицейского управления и пожарного депо было построено в промежутке между 1912 и 1917 годами.

Библиографический список

Решение исполнительного комитета Алтайского краевого совета народных депутатов от 24.03.1989 г. №108.

ГААК, ф. 50, оп. 11, д. 45, л. 259.

ГААК, ф. 51, оп. 2, д. 103, л. 31–32.

ГААК, ф. 219, оп. 1, д. 24, л. 89об.

Д.А. Кучукова

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

БЕРЕСТЯНАЯ УТВАРЬ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ¹

На территории расселения северных алтайцев преобладает низкогорный ландшафт с пихтово-кедровой тайгой, во многом определивший круг их основных занятий. Традиционное хозяйство северных алтайцев, в свою очередь стало своеобразным ядром, вокруг которого формировались различные элементы их материальной культуры. Берестяная утварь является наглядным примером её развития.

Алтайские народы исторически делились на северных и южных. Впервые такое разделение вел миссионер В.И. Вербицкий (1993, с. 19). В основу такого деления были положены различия в культуре и быте, языке и антропологическом типе, свидетельствующие о различном этническом происхождении каждой группы. Северные алтайцы (кумандинцы, челканцы, тубалары) это довольно обособленная группа тюркского населения, которая существенно отличается как по языку, так и по материальной культуре, от южных алтайцев. В настоящее время они проживают на территории Республики Алтай в Турочакском, Чойском, Майминском районах, и городе Горно-Алтайске, кумандинцы также проживают в Солтонском, Красногорском районах и городе Бийске Алтайского края. Северные алтайцы до Октябрьской революции 1917 г. были исконными пешими охотниками на зверя, наряду с этим занимались мотыжным земледелием, рыболовством, собирательством, домашним ремесленным производством. Так как домашнее ремесленное производство у северных алтайцев занимало существенное место, остановимся на описании традиционной берестяной утвари северных алтайцев, ведь изделия из бересты использовались главным образом внутри своего хозяйства. На это обратил внимание еще В.В. Радлов (1989, с. 210–214). В этнографической литературе данной проблеме касались в своих работах такие исследователи как В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, Л.П. Потапов, Ф.А. Сатлаев, Е.А. Бельгибаев и др.

Одним из важных ремесленных дел являлась обработка дерева. Наиболее распространенным материалом для деревянных изделий являлась береза и кедр. Деревянные и берестяные изделия были преобладающими в домашнем хозяйстве. По наблюдению В.И. Вербицкого, домашняя посуда, приготовляемая самими иностранцами, обуславливается местной обстановкою: на юге играет роль кожа, на севере береста (Вербицкий В.И., 1993, с. 40). Заготовка бересты производилась в июне, и, возможно, отсюда месяц получил свое название тос ай (месяц бересты).

¹ Работа выполнена при поддержке проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№6.3494.2011) госзадания Минобрнауки РФ.

Существовало два способа снятия коры с березы. В первом случае на дереве сначала делали вертикальный разрез, предварительно обстучав избранный участок коры обухом топора, а затем осторожно разворачивали бересту так чтобы не повредить ее внутренний слой. При втором способе березу срубали и распиливали на несколько частей. Кору от дерева отделяли при помощи палочки, обтыкая ею чурбак с двух сторон. Сколотень (береста, снятая целиком с чурбака) затем выворачивали руками (Бельгибаев Е.А., 2006, с. 153). Сегодня бересту заготавливают с помощью топора, продельвая небольшой надрез на березе, кора снимается, закручивается, фиксируется веревкой.

Из полученной бересты изготавливали хозяйственную утварь, начиная с маленькой чашки (тос аяк), ложки, корытца, поварешки, и до средств передвижения (сани, нарточки, телега), предметов культа и т.д. Кроме того, берестяные изделия представлены: разнообразными туесами; изделиями кошелеобразной формы, которые носились за плечами; большими коробами, небольшими табакерками и солонками. В них хранили молоко, сметану, простоквашу, мед, а также масло, яйца, соль и др., ходили в тайгу собирать ягоду, черемуху, кедровые орехи и т.д.

Деревянные изделия изготавливались домашним способом и по мере необходимости. Наиболее крупные предметы из них выделялись путем долбления при помощи простого топора, долота, ножа и тесел. Сосуды из бересты цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой имели плетенный шов. Нитка для шва изготавливалась из кедрового корня. Шов был прочен. В этих сосудах можно было хранить жидкость. Например, тубалары-охотники, находясь на промысле, в конце XIX – начале XX в. варили воду в берестяных коробках при помощи раскаленных камней, потому что железные котелки шли в уплату дани. Берестяная посуда для кипячения воды называлась у тубаларов тос казан – «берестяной котел» (Тарбанакова С.Н., Тарбанакова Т.Н., 2008, с. 135). Кроме того из бересты изготавливали специальные снаряжения для охоты. Как говорили челканцы, у них до появления ружья были широко распространены лук и стрелы. Стрелы носили в берестяном колчане, колчан называли «каптыра» (Потапов Л.П., 1974, с. 312).

Широкое применение в быту и хозяйстве туба получил короб (колчак). Прежде всего, он широко использовался охотниками для транспортировки продуктов к месту промысла. Его выполняли из длинного прямоугольного пласта бересты, сложенного пополам. Углы в виде треугольников в нижней части короба отгибали вверх к боковым стенкам. Края бересты на боковых стенках заходили друг за друга. Загнутые углы и стенки кузова сшивали саргой в виде строчных швов. Верхний край короба укрепляли при помощи обруча из черемухового прута. Обруч пришивали при помощи сарги у кромки кузова изнутри, косыми стежками (Бельгибаев Е.А., 2006, с. 155).

Береста шла также для покрытия крыши (кере) аила, из нее изготавливали колыбели для детей виде коробки. Так же из листа бересты четырехугольной формы, изготавливались различного рода солонки. Углы листа, защемив, загибали (распарив в горячей воде), затем их прошивали нитью из черемухи.

Традиционную берестяную утварь можно встретить и в коллекциях музеев Республики Алтай. Так, например, берестяная чаша хранится в фонде музея археологии Горно-Алтайского государственного университета. Экспонат был передан Н.Н. Суразаковой.

Датировка данного изделия – XIX век, сделано из бересты, путем применения техники шитья. Представленная в музее чаша, сшита из двух кусков бересты, первый кусок – составляет дно, второй «окантовку». Конструкция данной чаши имеет овальную, продолговатую форму, удобную для хранения продуктов. Края (полы) предоставленного сосуда отогнуты наружу, по-видимому, для того чтобы было можно держать предмет. Исходя из размера изделия: длина чаши 22 см, ширина 12 см, высота боковых стенок 4 см; длина сосуда 12 см, ширина – 5 см. Можно предположить, что данная берестяная чаша использовалась для приема пищи. Нужно отметить, что сохранность посуды неполная. Присутствует повреждение изделия, в правой стороне наблюдается расхождение дна и полы.

Более 15 экспонатов из бересты северных алтайцев, хранится в национальном музее Республики Алтай им В.А. Анохина. Экспонаты были переданы представителями северных алтайцев – Чаужиним Ф., Барбачаковой А., Макошевым, Заболотным С.Ф., Акпыжаевым И.Д. и др. Представленные изделия в музее это, прежде всего солонки, туеса, детская люлька, предметы культового назначения.

Поскольку береза широко использовалось для изготовления предметов быта, культа и др., ей отдавалось предпочтение перед другими деревьями. Это, видимо, породило культ дерева в виде небесной березы – бай кайын (букв: богатая береза) (Сатлаев Ф.А., 1974, с. 76). Рассмотрим использование изделий из березы в культовой практике. Так маску из бересты использовали в старинном обряде испрашивания плодородия у кумандинцев (Коча-кан), которую шаман, внезапно сняв с себя во время камлания, надевает на одного, из присутствующих. Маску делали следующим образом. Из куска бересты вырезали овал длиной 34 см и шириной 28 см. На нем намечали отверстия для глаз, носа и рта и затем все это вырезали ножом. Когда отверстия для глаз были готовы, приступали к изготовлению ресниц. Глазницы маски обкладывали вокруг шилом и в проколы вставляли пучки меха из хвоста летней белки. Точно также прикрепляли усы и бороду. К верхнему краю отверстия для носа прикреплялась полоска бересты, напоминающая по форме усеченный конус. Береста у кумандинской маски, в отличие от шорской, была об-

ращена внутренней стороной наружу и окрашивалась охрой. Берестяная посуда всегда использовалась в культовых обрядах северных алтайцев. Так в этом же обряде Коча-кан, при очищении талкана полученное от талкана сусло сливали в заранее сшитые из бересты чапчаки трех размеров, наполненные чапчаки закрывали берестяными коробками. Также отметим, что накануне праздника производили домашним духам кропление брагой, разбрызгивая её берестяной ложкой (Сатлаев Ф.А., 2008, с. 191).

В работе Л.П. Потапова описываются рассказы стариков о значении бересты в жизни черневых татар. По рассказам стариков приводит следующий пример, говорящий о значении бересты в жизни северных алтайцев: «Когда чиновник «тарга» приезжал собирать налог в черневой Алтай, ему устраивали новую юрту из бересты, делали постель из бересты (тос кожок), приготавливали брагу из ячменя (орго) в берестяном туесе и подавали из берестяной чашечки. Все это делалось с каждым приездом новое из свежей березы, то есть как жертвоприношение чистым духом...» (Тарбанакова С.Н., Тарбанакова Т.Н., 2008, с. 136).

Не случайно береза и кедр нашли свое большое отражение в культуре и считаются священными. Кедр – одно из самых почитаемых и любимых на Алтае деревьев, и совершенно не случайно праздник малочисленных народов севера Алтая носит название Тюрук-Байрам – «Праздник Кедра», на котором сегодня проводится обряд освящения (мургуул), где подвязывают белую ленту (жалама) на ветку березы.

Начиная с начала XX в. домашние изделия, особенно предметы домашнего обихода, изготавливавшиеся ручным трудом, постепенно вытеснялись изделиями фабричного и кустарного производства. Северные алтайцы перестали изготавливать трудоемкую деревянную посуду, так как появилась достаточно доступная стеклянная, фарфоровая, алюминиевая, эмалированная и чугунная посуда заводского производства. Нужно отметить, что если сейчас и делают берестяную посуду, то в основном сувениры – чашки, ложки, туески различных размеров, тепши, пиалы на продажу туристам. Сувенир – это вещь, передающая настроение, дух района. В последнее время вырос спрос на изделия из натуральных материалов: глины, дерева, кожи, бересты, расписанные натуральными красками. У северных алтайцев появляются свои мастера по изготовлению берестяных изделий.

В заключение отметим, что в традиционной культуре северных алтайцев широкое распространение получила берестяная утварь, применявшаяся в хозяйстве, функциональное назначение которое напрямую было связано с родом занятий – охота, собирательство, рыболовство.

Библиографический список

Бельгибаев Е.А. Традиционная берестяная утварь туба // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 153–158.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. 270 с.

Потапов Л.П. Заметка о происхождении челканцев-лебединцев // *Бронзовый и железный век Сибири*. Новосибирск, 1974. С. 304–313.

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. 718 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века). Горно-Алтайск, 1974. 200 с.

Сатлаев Ф.А. Коча-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // *Культура и традиции коренных народов Северного Алтая*. СПб., 2008. С. 186–201.

Тарбанакова С.Н., Тарбанакова Т.Н. Традиционные ремесла // *Туба (черневые татары) Этническая история. Традиционная хозяйственная деятельность. Культура. Этноэкология*. Барнаул: ОАО «ИПП Алтай», 2008. С. 132–139.

А.А. Ситникова

НИЦ «Наследие», Барнаул

ПРОЕКТ РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКА ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА: «ЦЕРКОВЬ КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ»

Памятник деревянного зодчества рубежа XIX–XX столетий «Церковь Казанской Божьей Матери» расположен на площади в центре села Чарышское, ориентирован основной осью, как большинство православных храмов, с запада на восток. По данным, отображенным в «Справочной книге по Томской Епархии» за 1911 и 1914 гг., строительство и освещение церкви датируется 1895 годом.

Объемно-планировочное решение храма традиционно, и соответствует образцовым проектам конца XIX в., когда на одной оси симметрии располагается несколько разных объемов. Западный объем, в настоящее время одноэтажный притвор, прямоугольный в плане, вытянут юг–север, в центральной части он ранее завершался многоярусной звонницей, состоящей из восьмерика стоящего на квадратном в плане срубе. Притвор соединен с основным помещением храма одноэтажным, прямоугольным в плане объемом трапезной, которая имеет фасады в три оконные оси и перекрытие в виде коробового свода. Основное помещение храма двухсветное, квадратное в плане, его основной объем близкий по форме к кубу первоначально завершался в средней части главой на восьмигранном барабане, внутреннее пространство перекрыто в виде сводов. С восточного фасада к основному объему примыкает трехчастная алтарная часть. Это симметрично расположенные прямоугольный в плане объем с окнами, обращенными на юг и север, к которому примыкает трапецевидный в плане объем апсиды с окнами на северо-восток и юго-восток.

Первоначальное декоративное оформление храма выполнено в классических формах. Основные объемы храма рубленые с остатком имеют декоративную обшивку из широких шпунтованных досок, имитирующую

каменное строительство. Профилированные карнизы дополнены филе-чатым фризом в уровне нижнего яруса и фризом из зубчиков во 2-м ярусе. Углы здания выделены лопатками, украшенными филе-нками во втором ярусе. Высокие окна нижнего яруса с трапециевидным завершением, имитирующим арку, украшены простыми наличниками с сандриками. Высокие сдвоенные прямоугольные окна второго яруса с наличниками в виде треугольных сандриков на консолях имеют, в отличие 1-го этажа, несколько меньший размер. Композиция южного и северного фасадов основного объема симметрична, в три оси проемов, где по центральной оси в нижнем ярусе располагались порталы входов (один из которых утрачен). Карниз основного объема фланкирован треугольными фронтонами, между которыми устроены объемные слуховые окна кровли (рис. 1).

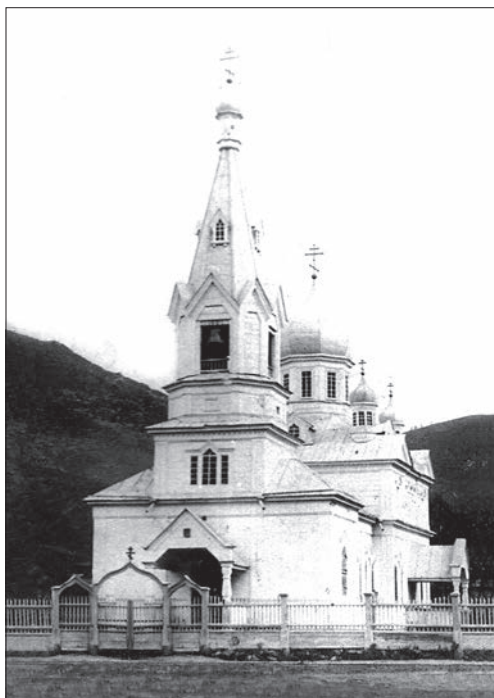

Рис. 1. Фото начала XX в.

К моменту обследования основные конструкции памятника архитектуры «Церковь Казанской Божьей Матери» сохранились, в целом здание имеет первоначальный вид. Тем не менее, ряд элементов здания утрачен, архитектурный облик здания несколько искажен (рис. 2). К утраченным элементам здания необходимо отнести:

- центральную и четыре угловые главки над основным помещением храма, главку над апсидой;
- верхние ярусы звонницы с шатровым покрытием и главкой, располагавшиеся в западной части над притвором, утрачена внутренняя лестница;
- северный портик входа, организованный над папертью и первоначальное декоративное оформление сохранившихся портиков западной и южной паперти;
- оконные проемы основного объема храма по северному фасаду;
- обшивка и декоративные элементы (наличники окон, междуэтажный карниз) по северному фасаду основного объема храма, декоративное оформление слуховых окон;
- дверное заполнение;
- конструкции иконостаса.

Рис. 2. Фото 2009 г.

В период использования здания возникли поздние элементы, нарушающие первоначальный вид объекта культурного наследия и дисгармонирующие с общей архитектурной композицией здания. Это устройство дополнительного перекрытия в основном помещении храма, пристройка к северному фасаду притвора, устройство нового перекрытия в западном объеме и устройство оконных проемов по западному фасаду, оконное заполнение по северному фасаду в трапезной во втором ярусе, мелкогабаритная обшивка северного фасада, выполненная не по первоначальному виду, а также устройство декоративных элементов из ажурной пропиленной резьбы на портиках входов в храм, выбивающиеся из общей стилистики здания.

Коллектив НПЦ «Наследие» разработал документацию, на основании которой можно вести воссоздание и реставрацию храма.

При разработке проекта были использованы материалы обследования, проведенного в 2009 г., фотоматериалы начала XX в., предоставленные заказчиком, архивные чертежи типовых проектов деревянных церквей начала XX в. Проектом предусмотрены реставрация и воссоздание объема церкви по первоначальному образцу.

Конструкции храма находящиеся в удовлетворительном состоянии, а именно объем трапезной и алтарной частей, предлагается отреставрировать. В этих объемах необходимо провести замену кровельного покрытия с организацией водостока, воссоздание шлемовидной главки над алтарной частью.

При воссоздании облика храма, как в помещении притвора, так и в основном объеме церкви, а также в алтарной части поздние оконные проемы необходимо заложить, а первоначальные, заложенные ныне, разобрать и воссоздать заполнение по существующему аналогу.

Мероприятия по воссозданию объемно-планировочного решения притвора и колокольни более объемны. Это демонтаж устроенных поздних пристроек и перекрытий, перекладка верхних венцов помещений притвора, начиная с отметки перекрытия до отметки карниза, устройство перекрытий на первоначальном уровне.

При воссоздании звонницы: над центральной частью необходимо выполнить из бруса квадратный в плане сруб высотой 3,5 м с последующей обшивкой, выше – устроить восьмигранный в плане сруб (восьмерик) высотой около 1,8 м также с последующей обшивкой. Звонницу предлагается выполнить восьмигранной в плане (неравносторонней), каркасной конструкции, завершенной шатром с главкой и крестом, а также с четырьмя слуховыми окнами.

Мероприятия по воссозданию основного помещения храма включают сохранение и использование существующих первоначальных конструкций. Для организации двухсветного пространства необходимо выполнить демонтаж промежуточного перекрытия (деревянный настил по деревянным балкам и стойкам), а также перегородки в месте иконостаса. В этом объеме храма необходимо провести усиление стен сруба деревянными стяжками с устройством обшивки как снаружи, так и внутри, а также усиление восьмигранного сруба перекрытия (имитирующего свод) деревянными стяжками с устройством подшивки и утеплением его минераловатными плитами. При воссоздании внешнего облика этой части необходимо организовать в уровне 2-го яруса по северному и южному фасадам по центральной оси парное оконное заполнение и одинарные окна по флангам, выполнить восьмигранный равносторонний сруб глухого барабана и шлемовидную главку с крестом, воссоздать на коньках фронтонов 4-х шлемовидные главки

на восьмигранных каркасных барабанах, а также провести ремонтно-восстановительные работы кровли с реставрацией 4-х слуховых окон. Для воссоздания первоначального облика храма необходимо воссоздать первоначальный вид портиков над папертями, паперть северного фасада выполнить полностью. Все декоративное оформление фасадов, включая наружную обшивку храма, необходимо выполнить аналогично существующих первоначальных образцов. Стены храма окрасить также по первоначальному образцу в белый цвет. Данные мероприятия приблизят фасады церкви к первоначальному облику.

Н.А. Тадина, Т.С. Ябыштаев, А.В. Ачимов, А.К. Мендин

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

О СТАТУСЕ РОДОВЫХ ГОР АЛТАЙЦЕВ¹

Алтайцы, один из тюркоязычных народов Южной Сибири, издревле расселены в горах Алтая. Алтай делится на два региона: северный – степной Алтай, представляющий Алтайский край, и южный – Горный Алтай, составляющий административную единицу – Республику Алтай. Для горно-алтайского ландшафта характерно чередование горных хребтов (Катунский, Аргутский, Семультинский и др.), межгорных степей (Уймонская, Чуйская и др.) и речных долин (Урскульская, Каракольская, Чарышская и др.).

Согласно традиционному мировоззрению алтайцев священной является вся Природа в образе Алтая, осмысливаемого не только как территория, но и как божество, окружающее человека. Эта древняя традиция почитания природы приобретает актуальность в наши дни, когда техногенное и антропогенное вмешательство в природу необходимо регламентировать. Актуальность проблемы сохранения Алтая обостряется туристским бумом, сезонной перенаселенностью региона, вопросом о сооружении ГЭС и проведении газопровода в Китай через священные родовые территории (Ябыштаев Т.С., 2007). Общественная организация Курултай алтайского народа предложила составить Карту священных мест алтайцев (Карту священных мест..., 2010). Там, где совершается ритуал почитания Алтая, предлагается грамотное оформление – щит с названием и объяснением ритуальной важности природного объекта, значимости белых лент, как это предложено на одном из сайтов Интернета (Священные места..., 2010). В ответ зазвучало мнение о том, что рекламирование священных мест приведет к их утрате в условиях туристского бума. В подходах к выяснению административных и юри-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РГНФ – «Символы и атрибуты родовой потестарности алтайцев в этнополитическом дискурсе Республики Алтай» (№13-11-04005а(р), рук. Н.А. Тадина).

дических проблем в связи с сохранением священных мест наблюдается взаимодействие местных органов власти и национально-культурных объединений республики, среди которых активно родовое движение алтайцев.

В последние годы этнологические знания становятся актуальными и востребованными. Изучение традиций природопользования алтайцев, проживающих в горном регионе и являющихся скотоводами и охотниками тайги, позволяет утверждать, что обычай почитания природы соблюдается и в наши дни. Дело в том, что кодекс правил и запретов по отношению к природе тесно связан с родовой структурой алтайцев, являющейся основой этнического сознания. У каждого сёока есть природные атрибуты – родовая гора, родовое животное или птица, родовая территория и необходимые предписания по отношению к ним. Родовые места в этническом сознании алтайцев не утратили своего ритуального и символического значения, выступая в повседневной и обрядовой жизни посредником между человеком и почитаемой природой.

В изменяющихся условиях развития Республики Алтай одной лишь перспективой считается туризм. Известны случаи, когда алтайцы отстаивали родовые горы от необдуманного хозяйственного освоения, руководствуясь нормами обычного права и ссылаясь на историческую память, что не всегда заканчиваются успешно (Кыдыева В.Я., 2004, с. 111). Такая попытка за статус родовой горы была предпринята частью представителей сёока майман в 1990 г. В результате оказалось, что защитить родовую гору и живность на ней заинтересованные в этом люди не могут, так как юридически не определен статус культовых мест алтайцев. Очередная попытка была предпринята в защиту горы тодошей – Бабырган, где корпорация «Экорегон» планировала добывать гранит.

Экология региона, связанная с определением статуса культовых мест алтайцев, особенно родовых гор. Под определением «родовая гора» следует понимать не только высокую гору, но и близлежащие гряды гор, переходящие в ее вершину, истоки рек и целебные источники «аржан», дикие животные, обитающие в высокогорной тайге. У каждого сёока есть родовая гора, называемая «бажырган тайгазы», которой его представители поклоняются как своему покровителю. Родовые территории почитают, их принято осмысливать как старших родственников из сакрального мира. На такую гору запрещено подниматься, особенно женщинам, устраивать в ее окрестности шум, сорить и срубать деревья. По отношению к ним, по сведения информаторов, замужние женщины соблюдали ритуал избегания вплоть до середины прошлого века – не появлялись с непокрытой головой вблизи родовой горы сёока мужа. На родовые горы не принято подниматься, через нее не прокладывают дорогу, а лишь у ее подножия, поэтому она остается в стороне от трассы, видимая на далеком расстоянии.

Сведения о таких горах, называемых «ыйык», сохраняются в родовом сознании представителей сёока, проживающих порою вдали от своих родовых мест. Приведем несколько примеров. Одним из многочисленных сёоков-родов является тодош, представители которого расселены по всему Горному Алтаю. Его родовая гора Бабырган возвышается на территории Алтайского края, при въезде в Республику Алтай – в низовье р. Катунь. Другой пример – родовым местом сёока тёлёс считается район Телецкого озера, покрытый густой тайгой Абаыш (Турачакский и Улаганский р-ны). Сегодня тёлёсы представляют многочисленный сёок, встречающийся во всех районах республики. В местах наибольшего сосредоточения представителей сёока имеются родовые символы. Так в долине р. Урсул (Онгудайский р-н) есть родовая гора кыпчака, называемая *Тоотой*, и родовая гора тёлёсов – *Тумечин*. В верховье р. Короты родовая гора майманов *Жал Мон-кү*, видимая с Семинского перевала (Онгудайский р-н).

Как любой природный объект, гора обладает тремя признаками: одухотворена (*тынду*), имеет хозяина (*ээлү*), почитаема (*байлу*). Она наделена антропоморфными чертами. Ее вершина называется «головой» (*баиш*), ее северный склон, поросший лесом, «хребтом» (*арка*), южная сторона с солнцепеками, «передняя» (*меес*), подножье горы – «подолом» (*эдек*), нижний выступ – «нога» (*бут*), верхний выступ – «плечо» (*ийин*) и она представлена в образе спящего богатыря. В алтайском языке бытуют разные наименования гор и горной местности: высокие горы, выделяющиеся на фоне других, называются «*туу*», средней высоты – «*кыр*», группа высоких гор в верховьях рек – «*тайга*», цепь гор равной высоты – «*сын*», небольшая гряда гор – «*межелик*». Обычно это высокая гора (*туу*), по отношению к которой соблюдается табу.

Самые высокие и необычной формы горы наречены именами. Такие горы известны, например, в Усть-Канском р-не: «*Эмеген*» – «женщина-гора», «*Обдгбн*» – «мужчина-гора», «*Баиштуу*» – «голова-гора», «*Кыштуу*» – «девушка-гора»; по имени эпического героя – «*Балакы*» – гора. В одной местности очеловеченных гор может быть несколько. Образ родины-Алтая одухотворен и состоит из двух взаимосвязанных половин: тайги, которой покрыты горы, и рек, текущих с гор. Самая полноводная р. Катунь берет начало у высокой вершины Сибири – Белухи. Эта мировая гора названа «*Кадын-Бажы Ыч Сүмер*» (Исток Катунь Трехвершинный), а мировая река именуется «*Эне-Кадын киндиктү*» (Мать-Катунь, имеющая пуповину (т.е. вершину).

В постсоветский период сложилась традиция проведения родовых праздников (*сёоктин-байрамы*). В них участвуют не только представители данного сёока, но и их родственники по материнской «*таай*» линии и сватовских «*куда*» сёоков. Собрание сёока прово-

дится на родовой территории, где вкапывают каменную стелу, называемую «*кб̄жб̄ таиш*», с изображенной на ней родовой тамгой. Такой камень был установлен сёком годош в 1996 году в долине р. Каракол, в окрестности с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на, сёком тѣёлѣс в долине р. Урсул в 2012 г. В местах, связанных с историческими преданиями, также ставят знак. В 2010 г. недалеко от с. Ябаган Усть-Канского р-на у дороги был вкопан камень по форме древнетюркского изваяния, названный «*Кыпчак таиш*» (Камень кыпчаков). Он напоминает о подвигах богатыря Ирбизека из сёока кыпчак, спасшего Алтай в джунгарское время (XVII – 1-я половина XVIII в.). В честь его богатырской силы сложены камни «*Көдүрге таиш*» (Поднятый камень) перед перевалом Чакрыр – у с. Беш-Озёк Шебалинского р-на (Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С., 2011, с. 75).

Подъезжая к селу можно видеть «священные места» у гор, у которых принято останавливаться отправляющимся в дальний путь. Обычно в таких местах, где начинается и кончается гора, вдоль которой тянется дорога, следует совершить ритуал почитания Алтая, что способствует удачному исходу поездки. Почти в каждом селе имеется своя священная гора, которую почитают все жители села, относящиеся к разным родам-сёокам. Появление «священных гор села» связано с изменением формы поселения алтайцев. Вместо расселения по логам (*өзёк*), разоренные скотоводы-алтайцы стали переселяться в села, основанные русскими переселенцами. Постепенно появлялись алтайские села со своими символами – священными горами, имеющими название. Так, священная гора с. Шыргайты названа Чан-кыр, что означает «голубая» (это один из культовых цветов: белый, голубой, зеленый, желтый), а в с. Ело (Онгудайский р-н) священная гора не имеет особого названия, и она значится как «Байлу кыр», что значит «почитаемая гора». Словом, священная гора выступает символом почитания божества Алтая.

Библиографический список

Карту священных мест предлагают создать на Алтае [Электронный ресурс] // РИА Новости – <http://ria.ru/religion> (дата обращения 01.10.2012).

Кыдыева В.Я. Земельный вопрос в Горном Алтае и ак жан: история и современность // Движение Ак Жан (Белая вера) – Бурханизм на Алтае: взгляд через столетие: матер. науч. конф. Горно-Алтайск, 2004. С. 110–122.

Священные места народов Республики Алтай [Электронный ресурс] // Национальная библиотека им. М.В. Чевалкова <http://nbra.ru/index.php> (дата обращения 01.10.2012).

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Священные места Горного Алтая как граница культур // Древние и современные культовые места Алтая: сб. ст. Барнаул, 2011. С. 71–75.

Ябыштаев Т.С. О роли газопровода «Алтай» в сохранении алтайских священных мест // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: матер. науч. конф. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 34–38.

М.А. Целищева

НПЦ «Наследие», Барнаул

**ИСТОРИЯ ЗДАНИЙ ГОРОДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ С НАЧАЛА
XX в. ДО КОНЦА 1930-х гг., 1940-е гг. XX в. – XXI в. (г. Барнаул)**

11 января 1905 г. на заседании Думы был рассмотрен вопрос об устройстве городской больницы. Заслушали обращение председателя врачебной комиссии г. Барнаула, в котором говорилось, что настала необходимость построить городскую больницу, но прежде дать задание составить проект и смету. Городская Управа со своей стороны не возражала против решения данного вопроса. О размере суммы на постройку больницы Дума высказала свое мнение еще 22–23 мая 1903 г., а именно, что необходимо построить больницу на 40 кроватей и поручить составление эскиза проекта гражданскому инженеру Носовичу. В данном же заседании гласные уточнили, что вознаграждение Носовича составит 0,4 процента от стоимости больницы, и что необходимо ассигновать на означенный предмет 120 рублей (ГААК, Ф. 51, Оп. 1, Д. 1, Л. 3).

18 февраля 1905 г. городская Дума единогласно определила строить больницу за рощей по Московскому тракту, между усадьбой Карпова, рядом с пивоваренным заводом братьев Суховых и уполномочила Управу произвести заготовку леса, известки и кирпича для постройки больницы, предварительно запросив Носовича о необходимом количестве материалов. (ГААК, Ф. 51, Оп. 1, Д. 1, Л. 40, Д. 4, Л. 355, 556). В конце марта 1905 г. Дума большинством голосов приняла решение построить главный корпус больницы каменным и утвердила план здания, предложенный гражданским инженером Носовичем. Гласные свое решение мотивировали тем, что расходы на ремонт деревянного здания через десять лет достигнут ценности каменного здания, выгода же каменной постройки перед деревянной, в смысле прочности и в пожарном отношении, не подлежала сомнению. На эти цели гласные разрешили взять ссуду в Нижегородско-Самарском земельном банке и дала согласие Управе до получения ссуды из Банка кредитоваться у частных лиц или у Банка до 10000 рублей (ГААК, Ф. 51, Оп. 1, Д. 1, Л. 58–59). 27 июня 1906 г. на заседании городской Думы был вынесен вопрос об отводе помещения в здании новой городской больницы под родильный приют (ГААК, Ф. 51, Оп. 1, Д. 5, Л. 86, 109, 112). 20 марта 1907 г. городская Дума рассмотрела вопрос о достройке здания городской больницы (ГААК, Ф. 51, Оп. 1, Д. 6, Л. 46).

В 1907 г. в г. Барнаул переехал Нил Михайлович Руднев и стал работать ординатором в хирургическом отделении в городской больнице. До переезда в г. Барнаул, с 1898 по 1904 г. он обучался на медицинском факультете Томского университета. После выпуска был оставлен при клинике университета. В Томске работал практикующим врачом, лечил

мочеполовые, ушные и носовые болезни, был хирургом. Работал ординатором в хирургическом отделении госпитальной клиники (Целищева М.А., 2006, с. 82). По данным «Памятной книжки Томской губернии» за 1913 г. Н.М. Руднев указан как больничный врач г. Барнаула (Томск, 1913, с. 32). По общему мнению, был одним из лучших хирургов города. Занимался и частной врачебной практикой. Он известен и тем, что был учителем выдающегося барнаульского хирурга А.Н. Чеглецова (Юдалевич М.И., 1992, с. 178).

1 сентября 1911 г. в газете «Жизнь Алтая» был опубликован список двенадцати врачей, практикующих в г. Барнауле, из них пять были городскими врачами – Завадовский Н.А., принимал больных на ул. Бийской в своем доме, Лубяных И.И. – ул. Пушкинская, с/дом, Орлов Т.В. – ул. Гоголевская, 50, Руднев Н.М., ул. Пушкинская, Щуцкий И.М. на Сузунской улице. Четыре врача были вольнопрактикующие – Петров В.Т., ул. Бийская, 60, Смирнов А.И. – ул. Бийская с/дом, Хасин Л.Б. – ул. Павловская, Элисберг М.П. вел прием на ул. Гоголевской. Агентов Л.Н. был военным врачом, принимал пациентов на ул. Гоголевской, 62, Тронов В.Д., врач Алтайского округа – на ул. Пушкинской, Щепетильников А.А. – переселенческий врач (№192, Л. 4).

30 октября 1917 г. на заседании городской Управы заслушали доклад С.А. Таракановой о состоянии городской больницы. Комиссию, обследовавшую учреждение, поразила скученность больных и невероятная теснота помещений. Больница, рассчитанная на 45 кроватей, вмещала в себя до 90 больных, причем больные из-за отсутствия помещения размещались в коридоре, что, по мнению членов комиссии, было недопустимо. В коридорах в основном были помещены хроники, которым вообще по заключению комиссии и врача Н.М. Руднева не место в больнице. По мнению членов комиссии, в здании необходимо было провести срочный капитальный ремонт, особенно ватерклозетов, канализации и водоснабжения, вода постоянно ручьями бежала по полу, который подтачивался, что грозило обвалом на лестнице. Осенью проводился ремонт, но осталось много недоделок. Например, в ванной остались нетронутыми полы с вывороченными камнями, так же отсутствовал душ. Заслушав доклад, городская Управа постановила препроводить данную записку в технико-строительный отдел для устранения выявленных замечаний. Врач Н.М. Руднев должен был представить доклад о необходимом количестве белья для больницы и выяснить возможность выселения из помещений больницы всего служебного персонала. А так же разгрузить городскую больницу путем перевода некоторых больных в другие имеющиеся в городе лечебные учреждения, в частности в железнодорожный барак и прекратить прием в больницу хронических больных (ГААК, Ф. 51, Оп. 2, Д. 104, Л. 12–13).

В справке за сентябрь и октябрь 1918 г. можно проследить за движением больных в городской и заразной больнице:

	на 1.09. состо- яло	При- было	Вы- здоро- вело	Умер- ло	на 1.10 со- стоит	Ск. вре- мени будет болеть	Амбу- латор- но
						число больных дней	
Городская больница	77	221	190	29	79	2415	28
Заразная больница	40	49	64	6	19	831	—

В примечании было отмечено, что городских жителей – 754 человек, иногородних – 77 (ГААК, Ф. 233, Оп. 5, Д. 17, Л. 23).

В октябре 1918 г. администрация больницы обратилась в городскую Управу и сообщила, что до перехода в каменное здание, больнице без электричества требовалось керосина на 12 часов. С переходом в каменное здание, потребуется керосина по числу 34 покоев в каменном здании и 26 покоев в четырех бараках, при наличии электричества на 6 часов гарантии с 1 часа ночи до 7 часов утра и 1 лампу переносную для перевязок. Кроме того имелись в употреблении 3 примуса. Ежедневная потребность больницы в керосине по 1 фунту в день, составит в месяц – 90 фунтов (ГААК, Ф. 233, Оп. 5, Д. 17, Л. 28). 25 октября 1918 г. городская Управа сообщила, что заведующий лагерями военнопленных разрешил брать необходимое количество военнопленных для работ в больнице (ГААК, Ф. 233, Оп. 5, Д. 17, Л. 30). 29 октября Управа, заслушав обращение Врачебно-Санитарного Совета о повышении окладов жалованья врачам до 750 рублей, а фельдшерам до 500 рублей, отклонила данное предложение, оставив для медработников прежние оклады в виду обилия у врачей практики, дающей хороший заработок. (ГААК, Ф. 233, Оп. 5, Д. 17, Л. 60).

13 ноября 1918 г. состоялось заседание Ревизионно-Контрольной комиссии, на которой контролер доложил о ревизии им городской больницы после проведенного ремонта. По его мнению, водопроводная труба и насос пришли в ветхость, дают постоянную течь. Штат служащих при больнице на момент проверки составлял – один врач, один фельдшер и одна акушерка (в день очередного дежурства пользуются готовым столом), далее указывались служащие, которые платили за квартиру и стол ежемесячно по 75 рублей – пять сестер милосердия, одна кастилянша, один смотритель, одна повариха, по одной – помощница поварихи и посудница, двенадцать сиделок, два кучера, сторож, швейцар, ночной сторож, всего тридцать человек.

Норма провизии: служебному персоналу на человека было положено в месяц – хлеба печеного 2 фунта, мяса $\frac{3}{4}$ ф., масло 7 золотника, молока 1 ф., крупы гречневой и просовой $\frac{1}{4}$ ф., чаю $\frac{1}{4}$ ф. Прислуга получала в месяц – хлеба 2 ф., мяса $\frac{3}{4}$ ф., масло 4 зол., крупы гречневой

и просовой $\frac{1}{4}$ ф., чаю $\frac{1}{4}$ фунта. Стационарные больные получали хлеба 2 ф., мясо $\frac{1}{2}$ ф., гречки и проса $\frac{1}{4}$ ф., масло 4 зол., чаю $\frac{1}{4}$ золотника. Слабым больным выдавали хлеба 1 ф., масло $\frac{1}{2}$ ф. (бульон), риса или манной крупы $\frac{1}{8}$ ф., молоко в кашу $\frac{1}{2}$ ф., кроме того, столько же молока в чистом виде, чаю $\frac{1}{4}$ золотника. Провизию для больных выписывали дежурные фельдшера по назначению врачей, продукты получали из продовольственного отдела. Больных, пользующихся столом от больницы, в октябре было 2384 человека.

На момент проверки заразных барачков было три. Служащих в них 3 сестры милосердия, 1 фельдшер и 12 человек прислуги. Довольствие у них было тоже, что и в больнице. Больных в октябре было 967 человек. Семь прачек обслуживало больницу и барачки, они пользовались бесплатной квартирой со светом и отоплением при собственном столе питания. В распоряжении больницы имелось три лошади, овес и сено для них получали из пожарного депо. Две лошади предназначались для разъездов врачей, фельдшеров и акушерки, а третья лошадь предназначалась для разъезда смотрителя. Больнице необходима была еще одна лошадь для перевозки трупов из больницы на кладбище. Солома, необходимая для набивки матрасов находилась под навесом на открытом воздухе, мокла от сырости. В итоге комиссия постановила просить Управу провести ремонт водопроводного насоса, трубы и водоприемного бака. Принять все меры к скорейшему перемещению больных в отремонтированное здание больницы (ГААК, Ф. 233, Оп. 1, Д. 17, Л. 76).

После ремонта в больнице городская Управа разрешила в ноябре 1918 г. повысить плату за лечение. Так, для жителей г. Барнаула устанавливалась плата в четыре рубля в день, члены больничной кассы должны были платить 7 рублей в день, с беженцев предлагалось брать так же по 7 рублей, с отнесением этой суммы на отпускаемые городу средства по оказанию помощи беженцам. С крестьян, земских плательщиков, так же брать по семь рублей в день, с тем чтобы причитающиеся за лечение суммы оплачивались соответствующим уездным земством (ГААК, Ф. 233, Оп. 5, Д. 17, Л. 54). В декабре 1918 г. в здании из-за халатности администрации оказались разморожены и засорены трубы, идущие с верхнего этажа. По словам акушерки, топка нескольких печей не производилась из-за отсутствия топлива. Акт, составленный Управой, был передан заведующему больницей доктору Н.М. Рудневу с просьбой вменить в обязанность персоналу строго следить за целостностью и сохранностью здания больницы и имущества (ГААК, Ф. 233, Оп. 1, Д. 17, Л. 104–105, 107).

В связи со все возрастающей в г. Барнауле эпидемией сыпного и возвратного тифов, дающих громадное количество заболеваний среди населения города, Алтайский губернский революционный комитет отдела народного здоровья в декабре 1919 г. обратился в отдел городского хозяйства с просьбой открыть еще одно отделение заразной больницы на 100 коек. Для открытия добавочного отделения требовался следующий инвентарь – кровати, табуретки, столы, лампы (ГААК, Ф.Р. 17,

Оп. 1, Д. 326, Л. 17–18; Целищева М.А., 2004, с. 94). В январе 1920 г. Алтайская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом («Губчекатиф») просила командировать в городскую больницу техника для составления плана и сметы на постройку вокруг аппарата «Гелиос» двух отделений – входное для заразного и выходное для чистого белья и одежды больных. План и смету требовалось представить не позже двух дней (ГААК, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 326, Л. 35).

На заседании Губчека в феврале 1920 г. рассмотрели вопрос о недостатках в зданиях городской больницы. Так, в бараках необходимо было устроить электроосвещение, заменить двери, исправить печи, шесть ванн, пять уборных, две топки, сделать вытяжку, исправить водогрейный куб. В каменном здании очистить трубы от сажи, исправить калорифер и очаг на кухне, поставить пароотводную трубу, заменить окна. В заражном бараке (около городской роши) в кухне не было котла для варки пищи, над плитой необходимо было устроить вытяжку (ГААК, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 326, Л. 29).

17 февраля 1920 г. заслушали вопрос о пожаре в учреждении, который произошел от неудачной постройки печей, из-за чего, как отмечали пожарные, в этом здании за короткое время пожар возникал уже в третий раз (ГААК, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 326, Л. 26). В этом же месяце в Горкомхоз было направлено письмо, в котором предлагалось на основании постановления «Губчекатифа» в спешном порядке провести проводку электроосвещения в пятом бараке заразной больницы. Письмо было подписано зав. подотделом технико-строительного отдела М. Кованевым и городским архитектором И. Носовичем. Последний обратился к технику с просьбой о необходимости устройства при больнице цейхгауза, нового погребка и покойницкой и просил переговорить с врачом и завхозом больницы и, выяснив требования, составить смету. Отдел здравоохранения так же настаивал на постройке цейхгауз для хранения одежды больных из-за того, что вещи теряются, так как их негде хранить (ГААК, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 326, Л. 23, 27, 30).

В июне 1920 г. больница попросила технический подотдел коммунального хозяйства прислать специалистов снять мерки для устройства в хирургическом и глазном отделениях двух стерилизаторов «Турнер». В этом же месяце поступила жалоба в коммунальный отдел на то, что устройство ограды вокруг городской уездной больницы продвигается медленно из-за работы одного рабочего. В целях изоляции больничных зданий от окружающих построек и жилья, а так же для охраны имущества и огорода больницы администрация учреждения просила увеличить число рабочих, чтобы закончить ограду через две недели (ГААК, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 326, Л. 52, 60).

Со 2 на 3 октября 1920 г. опять произошел пожар, была создана комиссия для осмотра места пожара. 13 октября 1920 г. составлен акт на предмет пожарной безопасности здания, в нем было отмечено, что городская больница находится в каменном двухэтажном здании с подвальным

помещением, где помещается калорифер. При здании находились деревянные службы, каменная прачечная, покойницкая, деревянные часовня и пять одноэтажных заразных барачков. Здания находились в законных разрывах, печи больницы нуждались в частичном ремонте, но трубы необходимо было отремонтировать немедленно, так как из-за неисправности дымохода и произошел пожар крыши. В больнице имелось 89 печей, 12 плит, 13 колонок ванн, из них 21 печка, 2 трубы, 4 ваннных коробок и 5 дымоходов требовали срочного ремонта. Главный двухэтажный корпус не отапливался после пожара, больные замерзли в палатах. Главный врач сообщил в Губчека, что в учреждении около ста разбитых стекол. После осмотра, было дано предписание технико-строительному подотделу срочно вне очереди, приступить к ремонту всех печей и крыши (ГААК, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 326, Л. 4, 111, 114, 117, 139, Ф.Р. 10, Оп. 2, Д. 8, Л. 18).

С 23 мая по 2 июня 1923 г. вновь было обследовано здание Алтайской губернской больницы, которая размещалась в одном двухэтажном кирпичном здании и семи деревянных бараках. Из документа следовало, что все здания частично требуют капитального ремонта по окраске полов, дверей, окон, крыши, побелке и штукатурки стен и потолков, перекладке и исправлению печей, ваннных комнат, ватерклозетов. На момент проверки больница функционировала в составе 300 штатных коек, в том числе хирургическое отделение – 50 коек, родильное – 20, терапевтическое – 40, заразное – 140, глазное – 20, венерическое – 30 коек. Медицинский персонал по штату составлял 152 человека, на момент проверки – 151. Больных по состоянию на 24 мая было: тарифицированных (страховых) – 57 чел., не тарифицированных (не страховых) – 139 чел., всего 196 человек. Не тарифицированные больные в подавляющем большинстве лежали в собственном грязном белье, без наволочек и простыней. В хирургическом отделении из-за неисправного примуса постиранные бинты не проходили стерилизацию, отсутствовало необходимое количество хирургических инструментов. Далее из акта следовало, что питание производилось из одного котла, материальная база больницы требовала коренного изменения, отсутствовало годное нательное и постельное белье, прачечная содержалась грязно. Движение больных за время с 1 января по 1 мая 1923 г.:

больных	прошло через больницу	выписано	умерло
Тарифицированных	412	388	20
Не тарифицированных	984	940	106*
Итого:	1396	1328	126

*Указано в документе.

В итоге Губздрав обязали принять меры и предоставить необходимое количество белья со своих складов (ГААК, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 79, Л. 10, 50).

17 ноября 1924 г. администрация учреждения отчиталась в Алтайгубздрав о полученных по смете на ремонт своих зданий 7,0 тысяч рублей. На эти деньги был проведен следующий ремонт: каменный корпус – побелка на 2 раза, покраска полов и панелей, частичная штукатурка и остекление окон, ремонт калорифера. В бараках – побелка стен и покраска полов (ГААК, Ф.Р. 29, Оп. 1, Д. 143, Л. 7). В декабре 1924 г. Алтайгубздрав заказал инженерам Шидловскому и Будкевич выполнить проекты переустройства городской больницы. Предполагалось построить новые здания – конюшню с сеновалом, аптеку, баню, цейхауз, ледник и переустроить существующие – главный корпус, бараки, прачечную. В пояснительной записке к проекту канализации и биологической очистки сточных вод в больнице они написали, что больничные постройки располагаются на песчаном холме дюнного происхождения. Больница имеет свой водопровод и спускает свои сточные воды в полагающиеся колодцы, расположенные у каждого отдельного здания. 19 мая 1925 г. губернский здравотдел принял по описи выполненные проекты (ГААК, Ф.Р. 29, Оп. 1, Д. 143, Л. 7, 23, 27–28, 118–119). Из карточки учета торговых заведений мы можем узнать, что в 1924 г. на усадьбе больницы находилась аптека №5, торговый оборот которой составлял 4600 рублей в год (ГААК, Ф.Р. 212, Оп. 1, Д. 1242, Л. 6). По данным сводного баланса по здравоохранению за 1924 г. в городской больнице находилось 175 коек для больных (ГААК, Ф.Р. 16, Оп. 3, Д. 54, Л. 61).

Комиссия по распределению муниципализированных и национализированных строений 10 марта 1926 г. составила список зданий, занимаемых барнаульской городской больницей им. Семашко, в него вошли: каменный двухэтажный корпус, деревянные бараки с 1 по 7 включительно, прачечная каменная, часовня. Все строения постановили считать муниципализованными (ГААК, Ф.Р. 102, Оп. 1, Д. 155, Л. 8).

2 ноября 1926 г. заведующий окружного здравотдела Челябин, окружной инженер Филатов, заведующий под. отделом благоустройства Казаков в присутствии главного врача больницы Ларина и техника Уманского осмотрели проведенные ремонтные работы. В каменном корпусе была выполнена окраска полов, дверей, окон и панелей, ремонт электроосветительной, канализационной и водопроводной сетей, перекладка печей и очагов, капитальный ремонт калориферов, устройство лестниц на крышу и в подвал, побелка стен и потолков. В деревянных бараках были проведены такие же работы. Наружные работы: на всех зданиях были отремонтированы и покрашены крыши и водосточные трубы, выгребные ямы, смотровые колодцы. Для каменного корпуса и двух барakov частично отремонтировали и покрасили белилами всю больничную мебель. Все работы комиссия признала удовлетворительными. В то же время она отметила, что в каменном корпусе у части дверей и окон не было ручек, масляная окраска панелей перевязочной

нижнего этажа, из-за осадки старой переборки, дала несколько трещин, температура воздуха была слишком высокой из-за недостаточной регулировки ходов калорифера (ГААК, Ф.Р. 529, Оп. 1, Д. 112, Л. 15).

В январе 1927 г. здравотдел вместе с пожарными осмотрели здания и оборудование лечебного учреждения в связи с имевшими случаями загорания от проводки, затопления от водопроводной сети и пожара в главном корпусе больницы от неправильно устроенной трубы, что привело к воспламенению обрешетки крыши. В итоге комиссия порекомендовала исправить железную трубу путем включения ее в футляр с воздушными прослойками по образцу существующих, отремонтировать краны у баков, составить проект на включение водопроводной сети в общегородскую сеть, принять на работу слесаря и не допускать к ремонту случайных людей. Во всех зданиях и квартире главного врача необходимо было заменить потолочные розетки на фарфоровые, в главном корпусе собрать предохранители на щиток и поставить групповой предохранитель, убрать лишние шнуры (ГААК, Ф.Р. 529, Оп. 1, Д. 112, Л. 20–21, 27). По данным барнаульского окружного отдела Союза Медсантруда в 1927 г. в больнице находился красный уголок (ГААК, Ф.Р. 328, Оп. 1, Д. 36, Л. 30).

В 1936 г. Президиум ГорСовета принял решение о размещении туберкулезных больных в помещении, занимаемой аптекой на территории больницы и предложил временно свернуть работу аптеки до окончания постройки здания последней (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 10, Л. 125). В 1937 г. арестовали шестидесятилетнего Н.М. Руднева, продолжавшего работать хирургом-консультантом городской больницы. Он был арестован по ложному обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации, якобы созданной в г. Барнауле из врачей «старой школы». Был осужден судебной тройкой при УНКВД по АК 8 декабря 1937 г. по ст. 58–2, 6, 8, 11 УК к высшей мере наказания. Расстрелян 27 декабря 1937 г. в г. Барнауле. Дело было прекращено Военным трибуналом Сибирского Военного Округа за отсутствием состава преступления 8 мая 1956 г. (Барнауль. 2001. Том 3, Ч. 2, с. 149).

История зданий городской больницы 1940-е гг. XX в. – XXI в.

В июле 1938 г. на Президиуме ГорСовета заслушали вопрос о ходе строительства хирургического корпуса. В феврале 1939 г. в газете «Алтайская правда» (№25) было напечатано, что бригады барнаульского строительного треста «Сиблегпромстрой» взяли на себя обязательство досрочно сдать в эксплуатацию хирургический корпус к 10 марта 1939 г. (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 25, Л. 16, газета «Алтайская правда» от 1.02.1939 №25, Л. 2). 26 июня 1940 г. в помещении нового хирургического корпуса состоялась научная конференция врачей больницы, на которой с докладом «Лечение лучами Рентгена (показания и противопоказания)» выступил врач Тонконогов (газета «Алтайская правда» от 23.07.1940, №143, л. 40).

Рис. 1. Памятник истории и архитектуры «Хирургический корпус городской больницы, где работал А.Н. Чеглецов – хирург, заслуженный врач РСФСР, первый в крае сделавший операцию на сердце» 1939 г.

На протяжении последующих десяти лет городской Совет депутатов трудящихся неоднократно поднимал вопрос о работе и состоянии городской больницы. Так, в марте 1940 г. в связи с жалобами больных на плохое питание, депутатская комиссия обследовала больницу и составила справку. В документе было отмечено, что в терапевтическом отделении имелись случаи, когда больных принимали невымытыми, по две недели не менялось у них постельное белье, по 2–3 дня не мылись полы в палатах. По всем отделениям наблюдался большой недостаток белья, как нательного, так и постельного, один халат приходился на три-четыре человека, а на 80 больных – 20 тапочек. Не хватало коек, больные лежали на диванах в коридоре. В апреле 1940 г. городской Совет рассмотрел вопрос о работе городской больницы. С докладом о работе учреждения выступил главный врач Норкин. Он сообщил, что пущенный в 1939 г. новый хирургический корпус значительно увеличил обслуживание хирургической помощью население. С 1939 г. было введено круглосуточное дежурство врачей. В то же время помещения психбольницы и гинекологического отделения переполнено больными, штат врачей и среднего медперсонала укомплектован не полностью, текучесть за 1939 г. составила: уволено 217 человек, за два первых месяца 1940 г. – 59 человек. Качество питания поставлено неудовлетворительно, наблюдалось грубое обращение с больными со стороны обслуживающего персонала. В постановлении депутаты ГорСовета указали директору Текстилькомбината на невыполнение им решения горисполкома об окончании постройки хирургического корпуса (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 47, Л. 217, Д. 50, Л. 250–251).

22 ноября 1941 г. ГорСовет принял решение освободить здание по ул. Никитинской, 102, занимаемое гинекологическим отделением и перевести его в помещение горбольницы. Для размещения инфекционных больных решили предоставить помещения, занимаемые больницей Водного транспорта и в связи с этим амбулаторный прием в больнице закрыть (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 63, Л. 589).

В январе 1943 г. депутаты вновь рассмотрели вопрос о состоянии больницы. Было отмечено, что положение с отоплением зданий и питанием больных остается напряженным. ГорСовет обязал главного врача Лехтмана образцово поставить в больнице лечебное дело и уход за больными. Председателю райисполкома Воронкову в течение пяти дней необходимо было подключить к зданию канализацию. Депутаты взяли на особый контроль обеспечение учреждения продуктами питания. В марте 1943 г. был рассмотрен вопрос о готовности к весеннему севу 1943 г. подсобных хозяйств городской больницы, Барнаулторга, БМК и треста столовых и ресторанов. В постановлении депутаты ГорСовета обязали директора подсобного хозяйства больницы Пучкова и главного врача Лехтмана закончить полностью работы по подготовке к весеннему севу 1 апреля. В апреле 1943 г. в связи с принятыми мероприятиями по борьбе с туберкулезом, в больнице развернули за счет существующих, 35 коек для туберкулезных больных (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 75, Л. 33, 132, 186). В справке от 24 марта 1945 г. указывалось, что здравпункт №73 находится в старом хирургическом корпусе (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 117, Л. 1, 66).

В январе 1946 г. на заседании исполкома барнаульского ГорСовета постановили к первому февраля 1946 г. ввести в эксплуатацию главный корпус горбольницы и восстановить физиотерапевтический кабинет (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 121, Л. 7). В июле 1946 г. на заседании постоянной комиссии ГорСовета рассмотрели вопрос о состоянии здравоохранения города. В своем письме на имя председателя горисполкома главный врач больницы Казаков отмечал, что ремонт главного хирургического корпуса, прачечной, кухонного блока и остальных объектов трестом «Алтайстрой» не закончен. Ремонтные работы по санитарному тех. монтажу главного хирургического корпуса и прачечной так же не закончены. Нет полной выдачи фондов Горторготделом для питания больных, снабжение медикаментами не улучшилось, нет перевязочного материала даже для срочной хирургической помощи, а так же нет пенициллина, глюкозы в ампулах и других лекарств. В больнице отсутствовал врач-рентгенолог, работники больницы не были обеспечены промтоварами и продуктами питания (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 117, Л. 39).

В августе 1946 г. на 24 сессии городского Совета главный врач больницы Зеров сообщил, что в больнице ремонт затянут. В результате чего хирургический корпус, являющийся главным зданием больни-

цы, до сих пор не введен полностью в эксплуатацию. Не решен вопрос системы подачи электроэнергии в новый корпус, поэтому может встать вопрос о закрытии здания в зимний период. Тяжелым для учреждения оставался вопрос с бесперебойным снабжением водой. Так, летом больницы по несколько дней не имела совершенно воды, чем нарушалась ее работа (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 123, Л. 31).

На начало 1948 г. в больнице было развернуто 667 коек, из них в терапевтическом отделении – 110, 1 хирургическом – 80, 2 хирургическом – 75, 3 хирургическом – 60, гинекологическом отделении – 60, инфекционно-диагностическом – 40, 2 инфекционно-диагностическом (скарлатина) – 60, 4 инфекционно-диагностическом (дифтерия) – 22, 5 инфекционно-диагностическом (тифозно-дизентерийное) – 90, психологическое отделение – 70.

В акте от 3 февраля 1948 г. отметили, что лечебное учреждение размещено в девяти корпусах, из них два каменных; санитарное состояние главного корпуса удовлетворительное, но в операционной и особенно в предоперационных первого и третьего отделений отваливается штукатурка. В терапевтическом отделении не была подведена горячая вода к ванне, вследствие чего ее брали из котла ведром. На 110 больных этого отделения приходилось 3 судна, один шприц, лампочки не в каждой палате. Психиатрическое отделение – помещения в зимнее время не были пригодны для использования, все окна забиты до верхних переплетов, поэтому в палатах и днем пользуются электроосвещением. На момент проверки вместо 70 человек находилось в отделении 90. Комиссия отметила, что гинекологическое отделение занималось почти исключительно лечением неполных аборт, так из 3104 больных за 1947 г., 2088 – неполных аборт, отделение переполнено. В целом снабжение больницы инструментарием было недостаточным, аптека закрытого типа не организована.

19 июля 1948 г. горисполком рассмотрел вопрос о выполнении своего решения от 3 февраля 1948 г. №53 о работе городской больницы. Главный врач Тищенко сообщил, что за данный период улучшилось снабжение медикаментами, все отделения имеют по три смены нательного и постельного белья, заведены стандартные формы истории болезни, регулярно проводятся научные конференции врачей. Вместе с тем к ремонту больницы еще не приступили, не заготовлен строительный материал, не налажено питание больных, недостаточно укомплектовано учреждение врачебным кадрами, особенно это касалось хирургического отделения. В итоге было предложено изучить возможность вывода психологической и инфекционных отделений за пределы больницы (Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 183, Л. 157–159, 99, 103, Д. 186, Л. 18–19).

15 ноября 1956 г. решением горисполкома №482 заводу синтетического волокна (ЗСВ) был выделен земельный участок площадью 1,0 га

в кв. 284 по ул. Димитрова, пр. Комсомольскому и пер. Шлиссельбургскому (ул. Молодежная) для строительства лечебного соматического корпуса на 150 коек, прачечной и морга за счет свободной от строений территории городской больницы (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 5, Д. 31, Л. 224).

За период своей работы больница неоднократно меняла названия: городская больница (до 1918 г.); городская губернская больница (1918–1925 гг.); окружная горбольница (1926–1937 гг.); краевая горбольница (1937–1948 гг.); краевая больница (1948–1950 гг.); городская больница (1950–1970 гг.); больница скорой медицинской помощи (БСМП, 1970–1992 гг.); городская больница №1 (с 01.01.1993 г.).

Рис. 2. Памятник архитектуры «Городская больница» 1907 г.

В августе 1988 г. барнаульским городским Советом народных депутатов было принято решение №243 о возведении в г. Барнауле памятного знака в честь интернационального движения и филиала краевого музея с залом интернационального движения. Отделу здравоохранения горисполкома до 1 января 1989 г. необходимо было передать здание бывшего инфекционного корпуса городской больницы по пр. Комсомольскому, 73 на баланс краевого краеведческого музея для размещения в нем филиала музея боевой и трудовой славы, зала интернационального движения. Установить памятный знак в честь интернационального движения необходимо было в комплексе со зданием будущего филиала музея. ГорСовет обязал трест «Барнаулжилстрой» в период 1989–1990 гг. провести капитальный ремонт здания и общестроительные работы по возведению памятного знака. Выполнить памятный знак поручили Алтайскому творческо-производственному комбинату.

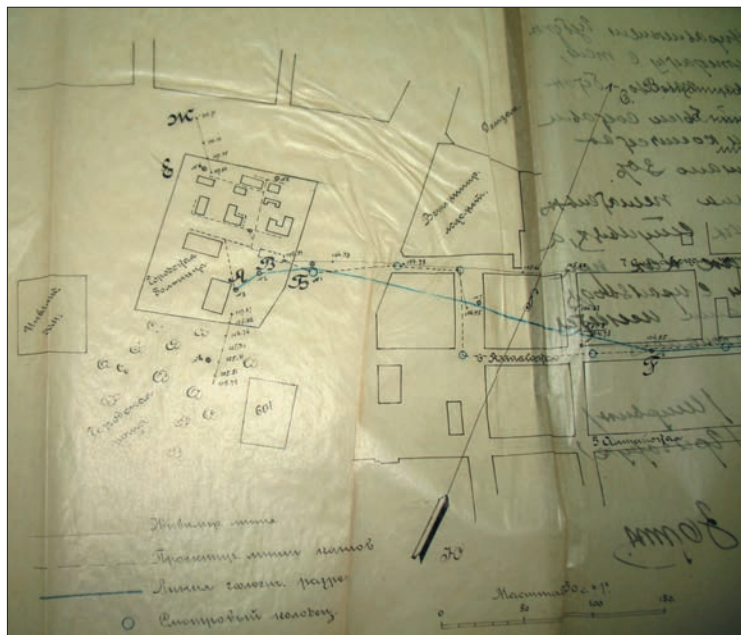

Рис. 3. План усадьбы барнаульской городской больницы. 1924 г.

В настоящее время МУЗ «Городская больница №1» – это многопрофильное лечебное учреждение, мощностью 510 коек. У нее на балансе следующие строения: лечебно-диагностические корпуса №1, 2 и 3; административный корпус; пищеблок; гараж. Структура и коечная мощность отделений больницы: отделение хирургии №1 – 75 коек; хирургии №2 – 75, травматологии – 75, тяжелой сочетанной травмы – 50, нейрохирургии – 75, гинекологии – 60, кардио-инфарктное – 70, травмы кисти – 30, отделение анестезиологии-реанимации с ПИТ на 15 коек, экспресс-лаборатория, гемодиализный зал. Вспомогательные: приемное отделение; травмпункт; операционный блок; отделения – эндоскопическое, рентгенологическое, функциональной диагностики, физиотерапевтическое, аптека, отделение переливания крови, патологоанатомическое; клиничко-диагностическая лаборатория; дез. камера; прачечная и пищеблок (<http://bgb1.ru/history>).

В 1994 г. постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания №169 два здания городской больницы 1907 и 1939 годов постройки были поставлены на государственную охрану как памятники архитектуры и истории: «Больница городская» и «Хирургический корпус городской больницы, где работал А.Н. Чеглицев – хирург, заслуженный врач РСФСР, первый в крае сделавший операцию на сердце».

Библиографический список

Целищева М.А. Городская почтово-телеграфная контора (к 90-летию здания) // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Барнаул. 2006. Т. II. С. 82.

Памятная книжка Томской губернии. Томск, 1913. С. 32.

Юдалевич М.И. Барнаул. Барнаул, 1992. С. 178.

Целищева М.А. Барнаульский местный военный госпиталь // «...За род свой, за отечество...»: материалы научной конференции. Барнаул, 2004. С. 94.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае 1937 г. Барнаул, 2001. Т. 3, ч. 2. С. 149.

М.А. Целищева, М.А. Дышлюк

НПЦ «Наследие», Барнаул

ИСТОРИЯ ЗДАНИЯ – ПАМЯТНИКА АРХИТЕКТУРЫ «ДОМ ТОРГОВЫЙ», ПО АДРЕСУ: г. БАРНАУЛ, ЧЕХОВА, 17 (старый адрес: ул. 2 Луговая, 17)

Город Барнаул знаменит многими местными достопримечательностями. В том числе и своим положением на берегу одной из крупнейших рек мира – Оби. Такое расположение сыграло большую роль в градостроительстве и развитии транспорта города.

В Барнаул первый пароход пришел летом 1854 г. В 1865 г. барнаульские судовладельцы установили пароходную связь с Бийском. В 1870-е барнаульский дворянин М.Е. Функ основал в Барнауле пароходную компанию. Из Барнаула по водным путям отправляли сельскохозяйственные продукты, в основном пшеницу и сливочное масло для торговли.

К 1908 г. на обских берегах города разместилось 13 пароходных причалов частных барнаульских, томских и тюменских компаний. (Наиболее крупными были компании Е.И. Мельниковой, Е.В. Ельдештейна, Г.И. Фуксмана). Общая численность их флотилии составляла 39 пароходов, барж и паузков (больших лодок).

В связи с развитием пароходства, строительством пристаней, скупкой и вывозом за пределы Алтая сливочного масла, продажей принадлежностей молочного хозяйства, сельхозмашин связано развитие прибрежных улиц г. Барнаула, таких как ул. 1 Луговая, (ул. Прибрежная), ул. 2 Луговая, (ул. Чехова), ул. 3 Луговая, (ул. Луговая), ул. Набережная р. Оби и др.

Дома возводились на данных улицах в основном деревянные и полукаменные, позже к ним пристраивались каменные дома или каменные торговые помещения, а так же шло строительство различных служб, конюшен, навесов, складов, ледников и бань.

Со второй половины XIX века – в начале XX в. строились дома, которые в дальнейшем стали сдавать в аренду под постоялые дворы, меблированные комнаты, чайные столовые, частные небольшие мага-

зины для хлебно-бакалейной торговли, а также здесь торговали шубами и валяной обувью. Торговый Дом «Андроновский с С», Торговый Дом «Бр. Ворсины и Олюнина» и другие держали на этих улицах пивные лавки. Торговый Дом «Бр. Волковы в Барнауле» на 2 Луговой осуществлял в начале XX в. хлебные операции.

В 1900 г. по спискам торговых предприятий, поданных в городскую Управу, на улицах 2 Луговая и 3 Луговая мы насчитали всего одну лавку с хлебным товаром, чаем, сахаром, и пр., два постоянных двора и три пивные лавки, а в 1914 г. на 1, 2 и 3 Луговой постоянных дворов было уже 10, меблированных комнат – 7, чайных столовых – 1.

Складские помещения предназначались для закупленного у населения сливочного масла и продажи на Алтае сельскохозяйственных машин и оборудования для маслодельных заводов, ввозимых в 1910-х гг. зарубежными компаниями, такими как Датско-Сибирская экспортная фирма, датская торговая фирма «Сибирская Компания», фирма «Теодор Лунд и Петерсен», датскими подданными А.Ф. Ланге, И.И. Линд, В.В. Кнудсен, Э.В. Мортенсен, Карл Гергенсен, английской фирмой французского гражданина Г.Г. Фиента.

Позже на данных улицах появились такие арендаторы, как представители общества коломанского машиностроительного завода Товарищество «Работник» – снимали помещения под контору и склад, занимались продажей всевозможных сельхозмашин и орудий, нефтяных двигателей, станков, Товарищество «Земляк» – проводили скупку сливочного масла, торговали запчастями для сельхозмашин.

В 1911 г. пароходства наследников В.Е. Ельдештейн, Г.И. Фуксман и торгового Дома «Плотников и С-я» через газету «Жизнь Алтая» довели до сведения маслоотправителей, что они с 8 мая принимают на доставку экспортное масло от Барнаула до Ново-Николаевска (современный г. Новосибирск) по пяти копеек с пуда (№103 от 13.05.1911).

Как пример, можно привести торговый оборот за 1913 г.: у датского подданного А.Ф. Ланге (1 Луговая, 6, занимал одну комнату под контору, осуществлял покупку сливочного масла) – оборот составил 238590,8 руб. в год, у М.О. Исакова (3 Луговая, 16, д. Ягунова, постоянный двор) – оборот составил 1500 руб., у К.Ф. Колесникова (2 Луговая, 9, одно помещение, хлебно-бакалейная торговля) – доход составил 2500 руб. (ГААК, Ф. 52, Оп. 1, Д. 21, Л. 169, 1289, 298).

Интересующий нас дом с усадьбой (современный адрес: ул. Чехова, 17) на 2 Луговой находился в собственности у барнаульского купца Родиона Григорьевича Козлова. Часть помещений купец сдавал в аренду под постоянный двор. Так, по данным городской Управы от 3 февраля 1900 г. И.Е. Кузнецов в доме Козлова на 2 Луговой держал постоянный двор (ГААК, Ф. 52, Оп. 2, Д. 3, Л. 26).

В 1910 г. купец Р.Г. Козлов дал свое согласие на определение городской Управой налога, указав, что проживает по адресу: 2 Луговая, 17 в своем доме (ГААК, Ф. 52, Оп. 1, Д. 5, Л. 63–64). В декабре 1911 г. купец

2 гильдии Р.Г. Козлов написал заявление в городскую Управу с просьбой выдать ему гильдейское свидетельство на 1912 г. В заявлении он указал, что на данный момент ему 64 года, имеет трех детей – сына Климента, 36 лет, дочерей Пульхерию, 40 лет и Ефрасинью, 29 лет. У сына была жена и пятеро детей, у Пульхерии одна дочь (ГAAK, Ф. 219, Оп. 1, Д. 86, Л. 3).

Из журнала г. Барнаула по налогу с недвижимого имущества, введенного в 1911 г. мы можем узнать, что Родион Григорьевич Козлов по адресу: ул. 2 Луговая, 17 построил дом стоимостью 5320 рублей (ГAAK, Ф. 52, Оп. 1, Д. 14, Л. 128). В 1913 г. его брат Аверьян Григорьевич Козлов на соседнем участке по 2 Луговой, 19 построил каменный двухэтажный дом, в котором находилась чайная столовая П.Т. Ипатова с оборотом в 2500 рублей за первый год (ГAAK, Ф. 52, Оп. 1, Д. 35, Л. 218, Д. 21, Л. 167).

Из Списков владельцев недвижимым имуществом мы можем узнать, что доходность принятая Управой за 1917–1919 гг. на строения Р.Г. Козлова по ул. 2 Луговая, 17 (оклад 2992) составила 1711 рублей, облагаемый налог 136,88 руб. в год. У его брата А.Г. Козлова по ул. 2 Луговой, 19 доходность на строения составила лишь 745 руб. (ГAAK, Ф. 51, Оп. 2, Д. 62, Л. 5).

В 1920 г. была проведена национализация зданий. В составленных 27 ноября 1920 г. списках национализированных домов под №120 по 2 Луговой, 17 указано имущество Родиона Григорьевича Козлова – дом двухэтажный, кладовая, баня, конюшня, ледник, уборная и по 2 Луговой, 19 имущество его брата Аверьяна Григорьевича Козлова – дом двухэтажный, конюшня, скотник, ледник, баня (ГAAK, Ф.Р. 10, Оп. 2, Д. 8, Л. 25).

По документам справочного бюро за 1920 г. в доме Козлова по 2 Луговой, 17 в этот период располагался гарнизонный полковой суд при Алтгубвоенкоме (ГAAK, Ф.Р. 9, Оп. 1, Д. 224, Л. 175).

В мае 1920 г. хозяйственный подотдел Губтрудообеспечения обратился в технико-строительный отдел Горкомхоза с просьбой произвести ремонт дома Козлова по 2 Луговой, 17 для детского приюта. Необходимо было сложить в кухне комелек с плитой, в подвальном этаже для прачечной установить котел, произвести побелку всех помещений (ГAAK, Ф.Р. 17, Оп. 1, Д. 326, Л. 65).

19 июня 1922 г. комиссия по уплотнению советских учреждений заслушала вопрос о размещении учреждений губернского народного образования и постановила закрепить за Губнаробразом помещения для школы №10 по адресу: ул. 2 Луговой, 17 (ГAAK, Ф.Р. 141, Оп. 1, Д. 58, Л. 104).

В этом же году были составлены списки учреждений г. Барнаула, занимающих жилые площади. Школа №10 занимала семь комнат на втором этаже, общей площадью 41,15 кв.с., в учреждении работало 12 человек. Склад и лавку занимали пчеловоды, второй склад арендовал губернский продовольственный комитет. (ГAAK, Ф.Р. 14, Оп. 1, Д. 338, Л. 50, 74).

В 1923 г. был составлен акт, в котором указали, что в здании располагается хозяйственная часть конторы «Сибгосторг», занимающая семь комнат площадью 86,38 кв.с., в конторе работает 30 сотрудников. Дополнительно контора арендовала на усадьбе склад площадью 47,78 кв.с (ГААК, Ф.Р. 12, Оп. 2, Д. 520, Л. 168)

По окладной книге по налогу со строений за 1923–1924 гг. здание числилось за коммунальным хозяйством и было оценено в сумму 26454,0 золотых руб., налог составлял 66,13 руб. Соседнее здание по 2 Луговой, 19 оценили в 10020,0 зол. руб. (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 167, Л. 52).

В 1925 г. был составлен список строений по Барнаульскому округу, признанных муниципализированными в порядке декрета ВЦИК и СНК от 30.11.1925 г. В данном списке было указано и каменное здание по ул. 2 Луговая, 17, общей площадью 388,71 кв.м (ГААК, Ф.Р. 102, Оп. 1, Д. 155, Л. 22).

В 1926 г. по 2 Луговой, 17 числилось следующее имущество: дом каменный площадью 388,71 кв.м, дом деревянный 22,36 кв.м, склад деревянный – 64,39 кв.м, склад каменный – 123,25 кв.м, баня деревянная – 13,5 кв.м, амбар деревянный – 15,75 кв.м, навес – 221,22 кв.м (ГААК, Ф.Р. 102, Оп. 1, Д. 155, Л. 23).

В отчете городского отдела местного коммунального хозяйства за 1927/1928 г. было указано, что в здании по ул. 2 Луговой, 17 проведен ремонт текущего характера на сумму 7,05 рублей (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 85, Л. 106, 102).

В Сравнительной описи сметных сумм по предварительным и исполненным сметам за 1927/1928 г. по адресу: ул. 2 Луговая, 17 была проведена разборка кирпича на сумму 297,33 руб. (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 85, Л. 91, Д. 107, Л. 48).

В Акте обследования коммунальных домов от 19 июня 1928 г., назначенных для ремонта, по ул. 2 Луговая, 17 указано следующее имущество: дом и кладовые каменные, сдано в аренду коллективу сапожников. Каменная кладовая, у которой задняя стена на деревянных подпорках, а передняя стена имеет 2 трещины и грозит обвалу – находится в сыром виде, пол сгнил. Комиссия предложила – кладовую и подвал назначить к продаже (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 141, Л. 1).

В списках муниципализированных домов г. Барнаула за 1928 г. указано, что двухэтажное здание по ул. 2 Луговая, 17, находится в аренде у коллектива сапожников, общей площадью 141,12 кв.м (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 140, Л. 3–4).

В составленных списках неплательщиков за электроэнергию и воду с указанием задолженности на 1 июня 1928 г. по ул. 2 Луговая, 17 находилось кустарное заведение Гущева, долг за электроэнергию которой составил 17,17 рублей (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 178, Л. 23).

На 1 октября 1928 г. здание по ул. 2 Луговая, 17 (бывшее Р.Г. Козлова) было оценено в сумму 36222,79 рублей, а здание по ул. 2 Луговая, 19 (быв. А.Г. Козлова) в – 10048,16 рублей (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 174, Л. 90).

11–13 июля 1929 г. в Акте обследования Жилищного подотдела в части правильности заключения им договоров на коммунальные строения, сдаваемых в пользование, по ул. 2 Луговая, 17 было указано следующее: арендатор – артель «Сапожник» Промсоюза, занимает: под промышленное предприятие – 385,5 кв.м, арендная плата в год составляет 289,13 руб.; складское помещение 72,55 кв.м – арендная плата 33,4 руб. в год; навес 34,05 кв.м – 7,82 руб. в год; под учреждение 16,64 кв.м с оплатой 19 руб. в год. Всего годовая арендная плата у артели «Сапожник» составила – 349,35 рублей (ГААК, Ф. 166, Оп. 1, Д. 72, Л. 19).

В другом документе, в перечне промысловых предприятий за 1928–1929 гг., указано следующее: здание арендует артель «Сапожник» под мастерскую и сапожное производство, площадь – 312,06 кв.м ставка новая – 90 руб., старая – 75 руб. и помещение под склад готового товара, площадью 142,07 кв.м, новая ставка – 60 руб., старая – 46 руб. (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 142, Л. 8-9).

Позже в здании появился новый арендатор. Так, в списке арендаторов за 1929–1930 г., по ул. 2 Луговая, 17 указана артель «Октябрь» (сапожное производство), 142 члена коллектива, занимает 393,13 кв.м за 1320 руб. в год. У артели «Сапожник» на 1 января 1930 г. по данному адресу остался в аренде только склад (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 183, Л. 24, Ф.Р. 312, Оп. 3, Д. 397, Л. 213, Ф.Р. 328, Оп. 1, Д. 164, Л. 87).

В дальнейшем в здании расположился Дом колхозника. Так, 7 октября 1938 г. барнаульский межрайонный Дом колхозника по ул. 2 Луговая, 17 обратился в плановую комиссию Горкомхоза с просьбой прирезать земельный участок от участка частного, находящийся рядом с домом колхозника от ул. 1 Луговая и часть ограды от дома по ул. 2 Луговая, 19 (ГААК, Ф.Р. 490, Оп. 1, Д. 1, Л. 32).

На 10 сентября 1940 г. в списках дислокации сети общественного питания треста столовых г. Барнаула по ул. 2 Луговая, 17 находилась столовая №7 Дома колхозника с количеством посадочных мест – 44, работала столовая с 8 до 24 ч., без выходных (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 55, Л. 430).

27 мая 1958 г. отдел коммунального хозяйства обратился в барнаульский горисполком с письмом, о том, что в нарушение п. 4 постановления Совета Министров РСФСР от 19.07.1955 г. №910 горисполком передал ведомствам других министерств ряд домов, находящихся на балансе Горжилуправления. В том числе и строение по ул. Чехова, 17 – Дом крестьянина (решение 14/04.1955 г. №154). Горкомхоз просил отменить данное решение (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 6, Д. 61, Л. 235).

В конце 1970-х гг. здание передали психо-неврологическому диспансеру, объединенному в 2000 г. с краевым государственным учреждением здравоохранения «Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Эрдмана Юрия Карловича».

В настоящее время в здании по адресу ул. Чехова, 17 находится дневное отделение данного учреждения и судебно-медицинская психиатрическая экспертиза.

Здание является памятником архитектуры «Дом торговый», поставлено на государственную охрану постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания №169 от 28.12.1994 г.

Библиографический список

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. С. 57, 69–70.

М.А.Целищева, М.А. Слуцкий

НПЦ «Наследие», Барнаул

УСАДЬБА ПЛАТОНОВЫХ (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40)

Усадьба Платоновых находилась в центре г. Барнаула, главным (жилым) домом выходила на улицу Иркутскую (ул. Пушкинская), затем по Московскому проулку (позднее проспекта, современный пр. Ленина) выходила на Кузнецкую (переименованную в Гоголевскую) улицу. В отличие от сохранившейся до наших дней усадьбы купца И.И. Полякова, граничившей через Кузнецкую улицу с Платоновым, усадьба последнего в целом не сохранилась, остался только жилой двухэтажный каменный дом, все остальные постройки были перестроены в современные магазины.

Иван Константинович Платонов с 1877 г. проживал в г. Барнауле на усадьбе своего отца на углу Иркутской (Пушкинской) улицы и Московского проспекта, был потомственным дворянином. После смерти отца – Константина Павловича Платонова, коллежского советника, владел винокурным, мукомольным и стекольным заводами, имел собственное пароходство. В декабре 1899 г. Торговый дом «И.К. Платонов и К» (г. Барнаул, ул. Пушкинская) получил свидетельство 4 разряда на работу крупчатой мельницы в д. Зудилово, а Торговый дом «К.П. Платонов и Е.И. Судовская» – свидетельство 5 разряда на водочный завод по Мостовому (ул. М. Горького) переулку (ГААК Ф. 52, Оп. 2, Д. 5, Л. 7, 8).

В феврале 1899 г. городская Дума рассмотрела вопрос об установке столбов для подачи электроэнергии в магазины города. И.К. Платонов желал устроить у себя на Иркутской улице электрическую станцию с целью освещения своего дома и принадлежащего ему магазина, арендуемого А.Ф. Второвым и торговавшего в нем мануфактурными и галантерейными товарами, готовым платьем, чаем и сахаром (находился на ул. Б. Тобольская (ул. Л. Толстого, 32). В 1913 г. здание перешло в собственность Тов. «А.Ф. Второва с С-ми») (ГААК, Ф. 52, Оп. 2, Д. 2,

Л. 11, Д. 9, Л. 1, Оп. 1, Д. 20, Л. Л. 166, 183). Электроэнергию у Платонова предполагали получать и магазины Смирнова, Сквородова, и два Собрания – Общественное и Алтайское. Для этой цели Платонов просил разрешение Думы на установку столбов по улицам г. Барнаула. Гласные предложили И.К. Платонову, в замен платы в доход города за предоставленное право пользоваться принадлежащим городу имуществом (землей) для установки столбов, поставить несколько фонарей на разных улицах для их освещения до трех часов ночи. Иван Константинович дал свое согласие поставить четыре фонаря за свой счет. Фонари были размещены на углу Пушкинской улицы и Московского проспекта, на углу Кузнецкой (Гоголевской) и Соборного (пр. Социалистический), на углу Пушкинской и Острожного (пр. Комсомольский) переулка, на углу Московского проспекта и Бийской (ул. Никитина) улицы (ГААК, Ф. 31, Оп. 1, Д. 158, Л. 33–36, 66).

В 1900 г. на территории своей усадьбы в центре г. Барнаула он построил электростанцию (на месте современного магазина «Ультра»). Изменения, допущенные при строительстве станции, были одобрены гражданским инженером Носовичем в акте, составленном при освидетельствовании парового котла 4 ноября 1899 г.

5 апреля 1900 г. был составлен акт по осмотру электрической станции, построенной на усадьбе И.К. Платонова. Станция занимала каменное здание, разделенное каменной стеной на две половины, в первой помещался водотрубный паровой котел, во втором отделении была установлена паровая машина и динамомашинка. В итоге комиссия, в которую вошли и.о. механика Томского округа Путей Сообщения инженер-электрик А. Кац, губернский архитектор, инженер Хомич, проводивший электроосветительную установку инженер-технолог Федулов, полицейский надзиратель Юркевич и другие лица, подтвердила, что станция и сеть проводов исполнены правильно (ГААК, Ф. 31, Оп. 1, Д. 158, Л. Л. 43, 66, 69).

На момент строительства электрической станции на усадьбе находились следующие строения: жилой дом, мастерские, ледник, службы, ренсковый погреб (выходящий на Московский переулок), баня, склады, навесы и во дворе усадьбы был сад. Каменный жилой дом усадьбы, расположенный по красной линии улицы Пушкинская, первоначально Г-образный в плане, вытянутый вглубь участка (на плане усадьбы 1899 г.), состоял из двух прямоугольных, сообщающихся объемов – двухэтажного и одноэтажного. По нашему предположению на первом этаже в пристройке располагалась кухня. В магазине по Московскому проулку И.К. Платонов в 1904 г. торговал крупчаткой (ГААК, Ф. 52, Оп. 2, Д. 9, Л. 16).

В феврале 1905 г. Дума рассмотрела заявление Ивана Константиновича Платонова, который хотел провести телефонную проволоку от дома по Пушкинской улице до своих складов по Павловской (ул. Анатолия) улице и просил Управу разрешить ему поставить четыре столба от угла

Московского проспекта на Павловской улице до угла Мостового переулка, от дома по Пушкинской улице до угла Павловской улицы по Московскому проспекту. В заявлении он указал, что провода будут подвешены к его столбам электрического освещения. Городская Дума разрешила Платонову поставить столбы для телефона (ГААК, Ф. 51, Оп. 1, Д. 1, Л. 41).

В 1907 г. потомственный дворянин И.К. Платонов предоставил в городскую Управу проект торгового помещения на принадлежащем ему участке земли – на углу Пушкинской улице и Московского проулка. По осмотру членом Управы места оказалось, что означенное на генеральном плане торговое помещение с коридорами и брандмауэром уже построено. Было отмечено, что при строительстве здания нарушений и отступлений от плана не обнаружено. Место имело по ул. Пушкинской 47 сажени и по Московскому проулку 22,5 сажени. На своем заседании 28 декабря 1907 г. №234 Управа утвердила план данного торгового помещения с условием, что за занятие коридорами при торговом помещении городской земли, владелец будет вносить в доход города налог в размере, установленном городской Думой (ГААК, Ф. 219, Оп. 1, Д. 4, Л. 113). По архивным документам за 1908 г. А.П. Бухалов в лавке Платонова по Пушкинской улице торговал шубами и пимами (ГААК, Ф. 52, Оп. 2, Д. 15, Л. 7). Сегодня на данном месте построен магазин, торгующий бытовой техникой.

В 1909 г. были составлены списки предполагаемых плательщиков подоходного налога по первому податному участку Барнаульского уезда, где И.К. Платонов облагался налогом в сумму 22 688 рублей (ГААК, Ф. 52, Оп. 2, Д. 22, Л. 163). 22 августа 1909 г. городская Управа разрешила И.К. Платонову произвести постройки, обозначенные на плане литером А на усадьбе, стоящей в 3 части г. Барнаула на Пушкинской улице, при условии сломки части здания под литером Б и деревянной пристройки под литером В, с тем, чтобы не допускалось никаких уклонений от поправок строительного Устава, обязательных постановлений г. Барнаула и выданного разрешения. На постройку выдали разрешение с утвержденными чертежами и направили уведомление о данном решении полицейскому надзирателю 3 участка (ГААК, Ф. 219, Оп. 1, Д. 10, Л. 68). 2 января 1910 г. в заявлениях плательщиков квартирного налога на 1910 г. И.К. Платонов указал, что в своем доме живет сам (ГААК, Ф. 52, Оп. 1, Д. 1909, Л. 9).

В 1910 г. И.К. Платонов ходатайствовал о разрешении ему устройства электроосвещения по улицам г. Барнаула. Так, 6 февраля 1910 г. в строительное отделение Томского губернского управления от владельца электрической станции в г. Барнауле И.К. Платонова поступило заявление, в котором говорилось, что в следствии отношения г. Начальника Томского Почтово-Телеграфного округа от 4 ноября 1909 г. за №30036 при сем предоставляется им схематический план электроосвещения в

г. Барнауле (ГААК, Ф. 31, Оп. 1, Д. 200, Л. 1). В газете «Жизнь Алтая» было опубликовано объявление, что электрическая станция торгового дома «И.К. Платонов и К» отпускает энергию с установкой в казенные здания и частные дома. На складе всегда большой выбор установочного материала. «Недавно получены экономические лампочки ГРЕЦ, дающие 70% экономии, 220 вт. – цена 1,6 руб. и 110 вт. – 1,2 руб. за штуку» (№195 от 04.09.1911, Л. 2). В начале 1911 г. был составлен список торгово-промышленных предприятий по первому барнаульскому податному участку. Торговому Дому «И.К. Платонов и К» принадлежала крупчатая мельница в д. Зудилова, лавка с крупчаткой в г. Барнауле на базаре и электростанция в собственном доме (ГААК, Ф. 52, Оп. 1, Д. 12, Л. 90). В августе 1911 г. городская Управа разрешила И.К.Платонову на своей усадьбе построить градирню (помещение для охлаждения технической воды) (ГААК, Ф. 52, Оп. 1, Д. 15, Л. 72).

1 сентября 1911 г. в газете «Жизнь Алтая» было опубликовано объявление, что с 16 августа открыт Московский магазин готового платья (мужского, дамского и детского верхнего платья), который находился на ул. Пушкинской в доме И.К. Платонова (№178, Л. 2, №192, Л. 1).

24 июля 1913 г. Дума на своем заседании рассмотрела возражения ТД «И.К. Платонов и К» на оценку электрической станции на 1913 г. В виду пристроек к зданию электрической станции, возведенных в 1912 г., Центральная оценочная комиссия, пригласив городского архитектора И.Ф. Носовича и механика С.Д. Шалавина, произвела осмотр и подробную оценку электростанции для обложения ее городским сбором в сумме 85 147,92 рублей. И.К. Платонов просил оставить оценочный сбор в сумме 60 856,49 рублей, мотивируя тем, что станция существует с 1900 г., машины приходится постоянно менять и что комиссия в оценку включило здание самой станции, которая принадлежит лично И.К.Платонову и находится в аренде у Торгового Дома. Городская Дума постановила еще раз вернуться к данному вопросу (ГААК, Ф. 51, Оп. 1, Д. 13, Л. 33–34).

1 декабря 1915 г. в газете «Жизнь Алтая» (№265, Л. 1) Сибирский Торговый Банк извещал жителей г. Барнаула, что согласно постановления судебных приставов от 28 ноября 1915 г. и на основании 1129 статьи Устава гражданского суда, Банк вступил в управление недвижимым имуществом И.К. Платонова по Пушкинской улице, в том числе и электростанцией. И предлагал расчет за электроэнергию производить в Сибирском Торговом Банке (угол Московского проспекта и Гоголевской улицы, в доме И.И. Полякова). В тоже время в списках, поданных 6 июля 1916 г. в Томскую казенную Палату часть недвижимого имущества по ул. Пушкинской, 32 значится за Платоновым. В объявление, поданном в январе 1916 г. в газету «Красный Алтай» говорится, что требуется горничная в дом Платонова по адресу: ул. Пушкинская, 32 (ГААК, Ф. 52, Оп. 1, Д. 52, Л. 153, Д. 190, Л. 25, газета №1 от 01.1916 г.).

В 1916 г. был составлен список лиц владеющих в г. Барнауле недвижимым имуществом с оценочным сбором не ниже 45,0 тысяч рублей. У И.К. Платонова оценочный сбор составил 135 626 рублей (мукомольное производство) (ГAAK, Ф. 219, Оп. 1, Д. 50, Л. 103). 2 января 1917 г. И.К. Платонов в заявлении граждан по подоходному налогу на 1917 г. указал, что его имущество, расположенное между Павловской (ул. Анатолия) и Сузунской (ул. Интернациональная) улицами по Мостовому (ул. Горького) переулку – жилье и амбар для ссыпки хлеба, находится в аренде у Торгового Дома «А.Г. Морозов с С-ми» (ГAAK, Ф. 52, Оп. 1, Д. 1946, Л. 116).

2 мая 1917 г. в г. Барнауле произошел большой пожар, в котором пострадало много жилых и административных построек. Выгорело 52 квартала, 506 усадеб с 1000 на них строениями и 1/3 всей жилой площади города. Сгорело большинство общественных и торговых помещений, электростанция, новая водопроводная станция, много частных домов, всего около 30 000 куб. саж. каменных и 700 куб. саж. деревянных зданий (ГAAK, Ф.Р. 10, Оп. 1, Д. 298, Л. 20). В составленных списках построек г. Барнаул, сгоревших в пожаре 2 мая, числятся и строения И.К. Платонова по адресу: ул. Пушкинская, 32 и 32/1 (оклад №3106) (ГAAK, Ф. 51, Оп. 2, Д. 322, Л. 56).

20 мая 1917 г. исполком барнаульского городского народного Совета разрешил взять кредит до 120 рублей для оборудования электроосвещения в помещениях городского самоуправления и Народного дома с электростанции Платонова (ГAAK, Ф. 51, Оп. 2, Д. 3, Л. 52). В 1917 г. сумма оценки строений И.К. Платонова составила 8,8 тысяч рублей, в 1918 г. – 147,5 тыс. рублей и в этом же году часть строений (в том числе электростанция) перешли городу по регистрационной карточке №285, сумма уплаченного налога со строения составила 708 рублей (ГAAK, Ф. 51, Оп. 2, Д. 151, Л. Л. 132, 143, Д. 62, Л. 8). После революции И.К. Платонов проживал на своей даче в д. Зудилово. В феврале 1919 г. городская Управа разрешила Исааку Даниловичу Розену поставить бильярдные столы в чайной третьего разряда по ул. Пушкинской, 32 (ГAAK, Ф. 235, Оп. 1, Д. 33, Л. 16).

В 1918–1919 гг. во время захвата города войсками Колчака в здании Платонова располагалась губернская контрразведка. 11 апреля 1919 г. в технико-строительный отдел городского хозяйства поступил запрос о том, что в помещениях занимаемых контрразведкой по ул. Пушкинской, 32 (дом Платонова) необходимо срочно сделать нары по размеру на 25 человек. 24 апреля 1919 г. поступило повторно заявление с требованием установить в одной из комнат на первом этаже нары длиной 10 аршин, в другой камере произвести укладку двух кирпичных простенков длиной 3 аршина и высотой до 3,5. Поставить одну дверную перегородку с тремя дверями и установить в этих камерах на четырех окнах железные решетки (ГAAK, Ф. 51, Оп. 2, Д. 307, Л. 35, 43).

В 1920 г. усадьба была национализирована, в ее состав входили: дом двухэтажный, флигель (значились за Платоновым), торговый корпус, кладовые, конюшня, сарай, ледник (ГААК, Ф.Р. 10, Оп. 2, Д. 8, Л. 28). Из приказа по гарнизону г. Барнаула от 30 января 1920 г. №36 мы можем узнать, что в доме Платонова в данное время проводился ремонт для расквартирования в нем войсковых частей до 500 человек (ГААК, Ф.Р. 9, Оп. 1, Д. 216, Л. 12).

В дальнейшем в бывших зданиях Платонова по Пушкинской улице разместились уездный военный комиссариат и уездный комиссариат (ГААК, Ф.Р. 14, Оп. 1, Д. 4, Л. 3, Ф.Р. 207, Оп. 1, Д. 16, Л. 112–116). В январе 1920 г. в чрезвычайную жилищную комиссию поступила просьба от уездного комиссариата – выдать ордер для учреждения комиссариата на дома Платонова и Черных по адресу: ул. Пушкинская, 32 и 38. По его словам дома эти были заняты комиссариатом с первых дней формирования последнего (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 112, Л. 64, Ф.Р. 593, Оп. 6, Д. 2, Л. 16). В марте 1920 г. барнаульский уездный военный комиссариат просил поставить телефон в канцелярию уездного военкомата по ул. Пушкинская, 32 (ГААК, Ф.Р. 396, Оп. 4, Д. 10, Л. 57). В этот же период отдел металлов Совнархоза просил отвести ему помещения под склад сырых материалов по ул. Пушкинской, 32 (помещения городского общественного банка) (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 112, Л. 4).

В 1921 г. бывший жилой дом Платонова занимали губернский военкомат, комендантское управление и небольшую комнату отвели под военную цензуру, электростанция находилась на балансе городского отдела коммунального хозяйства (ГААК, Ф.Р. 14, Оп. 1, Д. 328, Л. 98, Ф.Р. 12, Оп. 2, Д. 202, Л. 93). В октябре 1922 г. часть помещений в бывшем жилом доме Платонова занимала губернская санитарно-техническая комиссия при Алтайском губернском военном комиссариате. В 1923 г. нижний этаж здания занимало управление коменданта (ГААК Ф. 593, Оп. 4, Д. 66, Л. 123, Д. 28, Л. 46). Из отчета ячейки РКП(б) за январь 1923 г. мы можем узнать, что в здании по ул. Пушкинской, 32 находились организации: губвоенкомат, у/военкомат и комендант города. Всего работало 22 человека, из них 21 мужчина и 1 женщина, клуба и красного уголка не имелось. Ячейка объединяла 7 членов и кандидатов в члены РКП(б) трех учреждений, состоящих по штатам губернского военкомата (губпродгос, упродкомгор и гарнизонная хлебопекарня) и местный военный госпиталь. Из 7 только двое имели высшее образование, остальные – низшее, в том числе и военком Л.А. Грубер (ГААК, Ф.Р. 217, Оп. 1, Д. 2, Л. 3, 7, 12, 15).

С октября 1923 г. по январь 1924 г. в двух каменных зданиях электростанции по ул. Пушкина, 32: одноэтажного и двухэтажного, прошел капитальный ремонт на сумму 3652,96 рубля с приспособлением их под мастерские ГорСовета, ремонт был выполнен на 78 процентов (ГААК,

Ф.Р. 10, Оп. 1, Д. 298, Л. 22, Ф.Р. 16, Оп. 3, Д. 54, Л. 141). По окладной книге по налогу со строений за 1923–1924 гг. помещения отдела коммунального хозяйства по ул. Пушкинская, 32, занимаемые военведом, были оценены в 58,23 золотых рублей, налог составил 145,57 в золотых рублях (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 167, Л. 62). В 1924 г. в Барнауле составили Ведомость требований и контрпретензий к Франции со стороны СССР по Алтайской губернии. В президиум губисполкома было направлено сообщение о том, что архивы в военкомате за 1920–1921 гг. не сохранились, и поэтому нет возможности посчитать и указать суммы убытков от интервенции Колчака. А за 1918–1919 гг. ущерб составил 400 тысяч рублей.

Если судить по данной Ведомости, всего убытков от Колчака в Алтайской губернии вышло на сумму 1 088 998,25 золотых рублей, из них на содержание партизанской армии – 747 680,65 рублей, частей 26 стрелковой дивизии за 1919–1920 гг. – 54 748,64 рублей; Колчак забрал серебряных монет на сумму 214,94 тысяч в золотых рублях. 15 ноября 1924 г. была составлена вторая Ведомость на 562 листах требований и контр-требований теперь уже к Антанте со стороны СССР по Алтайской губернии, в ней было указано, что ущерб составил – 47 770 170,37 рублей золотом. Здесь же сообщалось, что за период с мая 1918 – по декабрь 1919 гг. было убито граждан 1095 человек, повешенных – 12, изнасилованных – 2, поротых – 625 человек. В конце документа уточняли, что Ведомость составлена без учета причиненного ущерба губернской промышленности: обрабатывающей, добывающей и сельскохозяйственной (ГААК, Ф.Р. 16, Оп. 2, Д. 158, Л. 2, 16, 69, 95, 207).

16 апреля 1926 г. комиссия по распределению муниципализированного и национализированного строений в г. Барнауле составила список зданий, находящихся в ведении военного ведомства. По ул. Пушкинской, 32 – помещения военкомата со складами, комиссия постановила считать национализированными, закрепленные за Военведом (ГААК, Ф.Р. 102, Оп. 1, Д. 155, Л. 10). В августе 1926 г. в помещении окружного военкомата проходили торги, об этом сообщила газета «Красный Алтай» (от 1.08.1926 г. Л. 4). В этот период на усадьбе находились следующие строения: двухэтажное каменное здание, площадью 705,93, два склада одноэтажных каменных площадью 376,97 и 96,07, конюшня одноэтажная тесовая площадью 68,73 и временный склад тесовый площадью 67,0 (ГААК, Ф.Р. 102, Оп. 1, Д. 155, Л. 19). За период 1927/1928 гг. Горкомхоз по бухгалтерским книгам списал здания, переданные учреждениям. По ул. Пушкинской, 46 (32) числилось два дома, две уборные, пристрой, мастерская, сторожка, навес, сарай, ворота, забор, палисадник на общую сумму 23 775 рублей, занимал эти строения окружной военкомат (ГААК Ф.Р. 14, Оп. 1, Д. 74, Л. 101). В 1927/1928 гг. в здании был проведен текущий ремонт на сумму 90,75 рублей. По данным Горкомхоза на 10 июня

1928 г. по жилищному фонду, сдаваемому учреждениям, состоящим на госбюджете, военкомат занимал здание по ул. Пушкинской общей площадью 667,62 (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 85, Л. 107, Д. 174, Л. 109, Д. 178, Л. 15). В июне 1928 г. был составлен список неплательщиков за электроэнергию и воду. Военкомат имел задолженность за электроэнергию в сумме 93,55 рублей (ГААК, Ф.Р. 166, Оп. 1, Д. 178, Л. 22).

В декабре 1936 г. постановлением ГорСовета закреплялось в бессрочное и безвозмездное пользование за Военведом три здания – по ул. Республики, 40 (для Кав. дивизии), пр. Ленина, 54 (под учебный пункт военкомата) и по ул. Пушкина, 46 под военкомат (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 10, Л. 445).

Во время войны часть помещений на бывшей усадьбе И.К. Платонова отдали под макаронную фабрику. Об этом было принято решение барнаульского ГорСовета от 5 апреля 1943 г. №149, в котором предлагалось председателю Многопромсоюза освободить к 15 апреля складские помещения по ул. Гоголевской, занимаемые артелью «Пекари» для расширения промышленной площади под макаронную фабрику (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 75, Л. 294, Д. 75, Л. 187).

В мае 1943 г. на заседании ГорСовета был утвержден список предприятий, где вводятся дворники. Военкомату полагался один дворник (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 75, Л. 297). В 1946 г. на XXIII сессии городского Совета депутатов трудящихся был утвержден список каменных домов, подлежащих наружному архитектурному оформлению и благоустройству. Зданию по ул. Пушкинской, 40, занимаемому краевым военкоматом и Военторгом, требовалась окраска фасада и ремонт тротуара (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 1а, Д. 123, Л. 27). В апреле 1956 г. конторой «Крайпроект» был разработан проект пристройки к зданию военкомата (ГААК ФР. 490, Оп. 1, Д. 4, Л. 154). 21 июня 1958 г. в военкомате на собрании заслушали вопрос о ремонте помещений. Было доложено, что в мае и июне проведен текущий ремонт основного здания и помещений финансового отдела. С учетом помещений 2-го, 4-го отделов и АХО, заканчивается капитальное переоборудование электроосвещения в данном здании (Ф.Р. П. 7684, Оп. 1, Д. 13, Л. 49–50).

16 февраля 1961 г. исполком ГорСовета рассмотрел вопрос об увеличении Алтайскому краевому военкомату земельного участка. Приняли решение увеличить земельный участок на 217 м² под строительство двухэтажной каменной пристройки к существующему зданию военкомата по ул. Пушкина (кв. 41), доведя общую площадь до 0,25 га. Участок следовало образовать за счет отрезки территории автотреста и проезда проезной мастерской. Проезд к последней образовать с ул. Гоголя за счет территории краевого военкомата площадью 298,0 м². Городской Совет обязывал Алтайский крайвоенкомат разработать проектное задание на строительство пристройки согласно плановому заданию заказчика и

согласовать его с УПО, ГорСЭС и Горкомхозом (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 6, Д. 8, Л. 269). В ноябре 1964 г. горисполком разрешил Алтайскому военкомату провести капитальный ремонт и реконструкцию существующего здания (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 7, Д. 26).

В мае 1967 г. исполком ГорСовета, рассмотрев обращение управления хлебопекарной промышленности провести реконструкцию и строительство пристроек к существующему зданию макаронной фабрики по пр. Ленина, 10, обязал заказчика составить проект реконструкции и строительства пристроек к существующему зданию макаронной фабрики в соответствии с архитектурно-планировочным заданием и согласовать его с управлением главного архитектора города. Пристройки должны быть трехэтажные, со стороны ул. Гоголя размером 28x15 м, а со стороны ул. Пушкина размером 36x15 м (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 7, Д. 137, Л. 65). 30 июня 1969 г. решением горисполкома №299/8 утвержден акт 2-х этажной административной пристройки к зданию крайвоенкомата по ул. Пушкина, 40 (кв. 41). Акт подписан в присутствии военкома Фильгинкова (Ген. подрядчик – БСУ-4 треста «Барнаулжилстрой»), проект был выполнен институтом «Алтайгражданпроект». Начались работы 8 августа 1967 г. Объем новых помещений составил 1629 м³, полезная площадь – 368,3 м² (ГААК, Ф.Р. 312, Оп. 7, Д. 207, Л. 213–215).

В 1992 г. в процессе приватизации макаронно-булочного комбината часть помещений на бывшей усадьбе И.К. Платонова перешла в собственность данной организации. На данный момент ОАО «Макаронная фабрика» является собственником помещения площадью 93,6 м², непосредственно примыкающей к бывшему жилому дому Платонова.

В настоящее время от большой усадьбы Платоновых сохранился только жилой дом, поставленный на государственную охрану как памятник архитектуры Постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 г. №169.

Библиографический список

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг.: Энциклопедия. Барнаул: Демидовский фонд, 1996. С.78–79.

Целищева М.А. Усадьба купца И.И. Полякова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 126–132.

Целищева М.А. Усадьба А.А. Лесневского. ул. Ползунова, 56 /Старый адрес –ул. Набережного Пруда, 2/3 //Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2006. Вып. XV. С.138–145.

Целищева М.А. 140 лет со времени постройки зданий, входящих в комплекс усадьбы купца А.Г. Морозова / Барнаулский хронограф, 2013 г.: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул: Изд-во «Алт. Дом печати», 2012. С. 69–75.

РАЗДЕЛ 4

МАТЕРИАЛЫ К СВОДУ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЗМЕИНОГОРСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

А.В. Контев

Алтайская государственная педагогическая академия, Барнаул

ЗМЕИНОГОРСК НА ПЛАНАХ 1745–1772 ГОДОВ¹

Основание поселения на Змеиной горе относится к 1744 году. Это факт документирован самим главным приказчиком Кольванской заводской конторы Григорием Сидоровым. На вопрос Безра, во что обошлось строительство Змеевской крепости, он в августе 1745 г. отвечал: «Построенная при Змиевском руднике крепость со всем строением в прошлом 1744-м году в поденной работе в лесной воске и в строении и со всеми употребленными при том припасы ценою стала во сто рублей» (Бородаев В.Б., 2003, с. 121, рис. 4). Таким образом, несмотря на официальную дату основания Змеиногорска – 1736 год, – известна точная дата основания крепости, давшей начало рудному поселку.

С февраля 1745 г. на Змеиной горе работала комиссия, возглавляемая бригадиром Андреем Безром. Главной задачей представителей Кабинета, направленных на Алтай императрицей Елизаветой Петровной, была проверка сведений о змеиногорской золотой руде (ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 6, Л. 12 об.). Почти все алтайское золотистое серебро 1745 года было получено из змеиногорских руд.

В самый разгар работ, 1 августа, Безру пришел указ прибыть в Екатеринбург с полученным к тому времени серебром для составления отчета (Там же, л. 30). Исполняя это приказание, начальник экспедиции в первой половине августа, взяв драгоценный груз, отправился на Урал. Прежде чем покинуть Кольвань, он выставил караулы на всех серебряных месторождениях и около рудных куч на заводах, чтобы «руд плавить никто не мог» (Там же, л. 121). Особо полагалось охранять Змеиногорский рудник, который в августе 1745 г. был выкуплен у демидовских приказчиков за 100 рублей.

Так в 1745 году в демидовских владениях на Алтае появился первый кабинетский рудник и первый казенный населенный пункт – Змеевская крепость. Разные формы собственности предполагали и разную администрацию. Теперь на Алтае параллельно с демидовскими управ-

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №09-01-00332а.

ляющими, ведавшими Колывано-Воскресенскими предприятиями, действовала и временная кабинетская администрация, сформированная бригадиром Безром (Там же, л. 44, 58 об.). С сентября 1745 г. главным представителем Кабинета в Колывано-Воскресенском горнозаводском ведомстве был оставлен бывший демидовский штейгер Иоганн Георг Герих, с которым А.В. Безр заключил новый трехлетний контракт (РГИА, Ф. 468, Оп. 18, Д. 93, Л. 82, 214–214 об.).

После отъезда комиссии А.В. Безра, с осени 1745 по 1747 год, крепость оставалась обитаемой. Горных работ на месторождении до осени 1746 г., по-видимому, не велось, но запечатанный рудник по-прежнему охранялся. «А по отбытии моем, – вспоминал в 1748 году А.В. Безр, – на том руднике велел караульным военным служителям оную защиту крепить и строить по крепостному образцу, чтоб вместо крепости впредь быть могла. И для того определен от военной команды господина генерал-маэора (что ныне и ковалер) Киндермана капитан с ротой. И шахта мною запечатана, а руды оставшие велено хранить и никому брать не давать до указу» (Там же, л. 207 об.).

Особенность возникновения Змеиногорска состояла в том, что первоначально поселение на Змеевой горе возникло не как промышленный поселок, а как оборонительное укрепление, построенное для защиты рудника от возможного нападения кочевников. Судя по всему, первыми жителями Змеиногорска были служилые, посменно охранявшие новозаведенные крепость и рудник.

В Государственном архиве Алтайского края сохранилась копия уникального чертежа (44x83 см), выполненного в июле 1745 г. вице-маркшейдером Герихом (ГААК. Ф. 50. Оп. 18. Д. 1709). Полное название чертежа звучит: «Грунд и зейгер рис имеющемуся при Колывановоскресенском заводе, которой расстоянием от завода в 36 верстах Змеевскому (что ныне нарицается Кресной) серебряному руднику. Сочиненной при Колыва[не] саксонцом вице маркшейдером Иоганн Георхи Герихом 1745 году июля дня». Копия выполнена в 1740-х годах маркшейдерским учеником Дмитрием Поповым.

На рисунке запечатлены не только первые два года развития рудника, но и места разведок 1735–1736 гг., названные на чертеже «шахтами Угримова»: «I, K – шахты, которые разработаны в бытность при Колыванском заводе подполковником Урумовым [Так в копии – А.К.]»; «L, M, N, O – шурфы разработаны в бытность же Угримова, и в почве шурфов видом является, подобно чюцкой осыпи. И на оных шурфах вглубь работу производить не надлежит, того ради, что под горой близ речки Змеевки». Дело в том, что с начала 1735 по май 1737 г. Колывано-Воскресенские заводы были взяты у А. Демидова в казенное содержание. На юге Западной Сибири для управления государственным горным ведомством было создано Томское и Кузнецкое горное начальство под

руководством премьер-майора Леонтия Угримова (ГАСО, Ф. 24, Оп. 1, Д. 486, Л. 1–2, 4–5 об.; ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 24, Л. 149).

На карте впервые изображена Змеиногорская крепость – место рождения современного города Змеиногорска (рис. 1).

Рис. 1. Крепость и Комиссарская шахта Змеиной горы. Фрагмент чертежа 1745 г.

Известно единственное описание крепости и демидовских построек на Змеевой горе. Оно принадлежит А.В. Безру и составлено им по памяти в конце 1740-х годов:

«... На том руднике построено было демидовым коштом не крепосца, но забрано забором в столбы и несколько поставлено было рогаток; а не только рва и надолбов, но и рогатками не все было обнесено. И для работных людей было построено три избушки, да над воротами была заведена малая каланча для стояния часовому, только она не достроена и не покрыта. А ззади заведен был малой анбарчик, и задняя стена была в том дворе не забрана» (РГИА, Ф. 468, Оп. 18, Д. 93, Л. 205 об.).

Сохранившийся чертеж дополняет сведения А.В. Безра. Размер крепости по периметру окружающих её рогатин составлял 20x20 сажень, а внутренний двор занимал вдвое меньшую площадь. На чертеже 1745 года крепостные строения не подписаны, но все они отмечены на плане Змеиногорского рудника, созданном в ноябре 1749 года.

Недалеко от Комисской шахты и крепости располагались огромные кучи добытой руды. Лагерь же рудокопов, состоящий из 13 шалашей-палаток и большого навеса, показан под горой на берегу реки Змеевки. Здесь же располагалась баня.

К июлю 1745 г. южнее крепости были построены кузница и «Часовня каменная Честнаго креста господня». Поскольку в перечне приказчика Сидорова это единственное каменное строение на руднике не упоминается, можно предположить, что часовня была построена по инициативе Беэра. Причем автор чертежа пояснил, что по часовне «та гора ныне нарицается Крестная».

Описываемый чертеж уникален тем, что на нем впервые показана «Комисская шахта» – место добычи первого рудного золота России.

Как же выглядел демидовский рудник на Змеевой горе? Описание его сохранилось в ведомости, составленной в Колыванской заводской конторе. К февралю 1745 года «шурф», пройденный в 1736 г. по древней чудской копи, которую пытались расчистить еще в начале 1730-х годов, превратился в «шахту» – горную выработку «глубиною 5 сажень 1 аршин [11,5 м], по дну длина 3, шириною 1 сажень 5 четвертей аршина [6,5 мх3,0 м]». В шахте имелась небольшая горизонтальная горная выработка («штольня») длиной около 2 м и высотой примерно 1,8 м (РГИА, Ф. 468, Оп. 18, Д. 93, Л. 115).

Другое описание того же самого демидовского рудника принадлежит генерал-майору А.В. Беэру. Сделано оно по памяти, в конце 1740-х годов: «А шахты было не построено, но был ширф произвожен по старой чютской копи ... И я, прибыв на Змеевской рудник ... усмотря тот ширф и начатие к производению шахты. И срублено было к низу в ширфе к лежащему боку горнштейна и в других сторонах к крепкому камню бревнами, помнитца мне, только в три венца, еще без всякой закрепы. И в тот ширф по лежащему боку входили мы без лесниц, и токмо отрубленных бревен вниз в сажень, или малым чем больше, входили по поставленной стремянке. И осмотрели, что хотя уже чютская работа и разборной камень вынесен, и очищено до твердого камня, и штольня по чютской работе дойдена до крепкого ж камня, а другая штольня ... еще была не очищена...» (Там же, л. 205 об. – 206).

На чертеже отражены результаты разработки рудника с февраля по июль 1745 г. Для Комисской шахты в экспликации дана подпись: «Шахт, которой разработан в бытность в порученную от ея императорскаго величества комисию господину брегадиру Беэру, косяя, глубиною 8 ½ сажень». То есть за время работы удалось углубиться на три с половиной сажени. На чертеже над шахтой изображен ворот. На плане 1745 г. в разрезе шахта показана вертикальной (рис. 2), но на всех последующих чертежах её рисовали идущей под уклоном почти в 45 градусов (рис. 3).

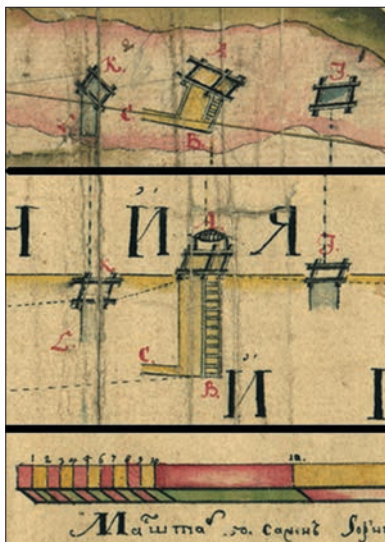

Рис. 2. Разрез Комисской шахты на Змеиной горе. Фрагмент чертежа 1745 г.

Рис. 3. План и разрез Комисской, Западной и Восточной шахт. Фрагмент чертежа 1749 г.

Практически все выработки, имевшиеся в 1745 г. (и «угримовские», и «комисские»), располагались на месте огромной чудской копи более 100 саженей в длину и до 22 в ширину. Автор чертежа особо подчеркнул, что «на почвах явлетца видом старые чоцкие насыпи, а до плотного камня еще не дойдено». Это те самые древние выработки, которые описал в 1771 г. академик П.С. Паллас. Не случайно на некоторых картах 1730-х гг. Змеиная гора подписана «Старая копь чудская». К северо-западу от Комисской шахты на поверхность выходили не менее значительные древние развалы, которые были обследованы Безром. Здесь в пяти заложенных шурфах «во время работы находилась серебряная руда с самородным золотыми блесками и серебряными». Как писал в одном из документов сам начальник комиссии, в руде, добытой на Змеиной горе до его приезда и лежащей на Колыванском заводе, он «несколько камешков с самородным золотом нашел». Поэтому бригадир приказал, чтобы и другие члены комиссии, при разборе руды, «положа бумагу вынимали из тех штуфов [золото и серебро. – А.К.] на которых оно было и некрепко держалось» (Там же, л. 91, 206 об.).

Сосуществование демидовских и кабинетских предприятий характеризовало переходный период и было недолгим. Весной 1746 г. Кабинет, пользуясь смертью А.Н. Демидова и ссорой между его наследниками, послал на Колывано-Воскресенские заводы своего управляющего И.С. Христиани с широкими полномочиями. А 1 мая 1747 г. все алтайские предприятия Демидовых по именному указу Елизаветы Петровны были взяты в государственную казну и переданы под управление императорского Кабинета (Алтайские горные офицеры..., 2006, с. 27–32).

В 1747 году рядом с опечатанной Комисской шахтой на Змеевой горе казенными горными мастерами велась проходка двух новых шахт для того, чтобы «о довольстве оных руд на том Змеевском руднике ... разведать». В августе посланные Кабинетом немецкие специалисты Самуэль Христиани и Готлиб Улих начали выплавку роштейна из ранее заготовленных серебряносодержащих руд. Через полгода на Барнаульский завод пришла Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства во главе с А.В. Безром, который получил к тому времени чин генерал-майора.

В конце мая 1748 г. руководство горного ведомства отправилось на осмотр Колыванского завода и рудников. Улиху был направлен указ «при Змеевском руднике запечатанную в 1745-м году в бытность комиссии шахту... распечатать, воду вылить и к приезду ево, генерал-маюра, на тот рудник очистить и к добыче руд совсем приготовить» (Документы и материалы..., 2003, с. 374–375).

Наконец, рано утром 10 июня начальник заводов А. Безр, его заместитель А. Порошин и управляющий Колыванским заводами Г. Улих прибыли на Змеиную гору. Здесь их встретил управляющий рудником вице-маркшейдер Герих и горные специалисты Битнер и Качка. Они показали начальству многочисленные новые места, где были обнаружены выходы

серебряных руд. К этому времени к западу от крепости, там, где позже возник «Большой разнос», были заложены шахты №1 и 2, первая глубиной 9, вторая 8½ саженой (РГИА, Ф. 468, Оп. 18, Д. 93, Л. 43 об. – 44).

11 июня 1748 г. бывшие члены комиссии осмотрели шахту, запечатанную два года назад (согласно документам её глубина составила 7½ сажень), и законсервированный почти на три года рудник вновь стал действующим (РГИА, Ф. 468, Оп. 18, Д. 93, Л. 43 об. – 44).

Результаты работ на Змеиной горе отражены на плане рудника, сочиненном «мая в первых числах 1748 году вице маркшейдером Герихом». Несмотря на то, что в надписи на самом чертеже указано о проведении съемки последних числах апреля, он реально отражает ситуацию на июнь, когда рудник уже посетил Беэр (об этом явно говорится в экспликации).

Главной являлась Комисская шахта, «ныне во оной работа производитца и руды добывается довольно», сказано в экспликации. На чертеже видно, что основные работы в 1746 – начале 1747 г. велись в 400 метрах к западу от Комисской шахты, на месте будущего Большого разноса. К весне 1747 г. здесь были обнаружены места, где «серебряные золото-содержащие руды оказываются». По ним смогли пробиться к «старым чюдским работам», скрывавшимся за верхним слоем шпата.

На плане в этом месте отмечены «новоначатые работы, которые произвожены ассесором Улихом» – шахта №1 «разношена по чутской насыпи и по попадаемым гнездами серебряным с самородными золотого знаку блестящими» и шахта №2 (Паллас П.С., 1786, с. 337).

«В почве той [второй] шахты руда явилась содержания небогатого», поэтому с 7 августа 1747 по 1 мая 1748 года от речки Змеевки в её сторону велась пробивка штольни «для пересечения жил и разведывания руд». В описании штольни, сделанном в июне, её длина указана в 20 сажень, а на чертеже показано не более 16 саженой. В описании указано также, что, помимо разведки недр Змеиной горы, штольня предназначалась для отвода воды и поступления воздуха («отдыху»).

Недалеко от крепости на чертеже показаны еще две разработки. В экспликации поясняется, что «ныне в бытность на оном руднике господином генерал мазором Беэром начаты вновь близ шахты лежащая жила». По документам известно, что решение о «близ Комисской шахты вновь начать шахты ж: 1) противу углу крепости, где ныне бревна лежат, [2)] за часовой» (Документы и материалы..., 2003, с. 377). Решение о пробивке этих шахт было принято 11–12 июня 1748 г., что позволяет более точно датировать чертеж.

На плане 1748 г. впервые показаны «вновь строящаяся плотинка и похверк» на речке Змеевке. Решение о создании рудообогатительной фабрики было принято А.В. Беэром во время посещения Змеиногорска в июне 1748 г. На фабрике планировалось рядом с рудником организовать дробление и промывку руд для удаления пустой породы.

Торжественная закладка плотины первой рудообогатительной фабрики в Змеиногорске состоялась 9 августа 1748 г. в присутствии управляющего рудником И.Г. Гериха, начальника Колывано-Воскресенской заводской конторы И.Г. Улиха и других специалистов. «Сего числа поутру воду заперли и в том месте, где вода течение имела, землю завалили и крепко тиною натолкли и сделали вал выше порогу с три четверти аршина». Позже эта фабрика получила название Верхний змеевский похверк, построен он был под руководством «плотинного мастера» Афанасия Рябикова (Моисеев В.А., 2003, с. 138).

К лету 1748 г. поселение на Змеиной горе разрослось. Недалеко от похверка, там, где раньше был лагерь из шалашей, началось строительство нового лагеря из мазанок. На чертеже 1749 г. этот лагерь назван «крепосцей», построенной из мазанок, «где летом живут по мазанкам служивые и солдаты, а зимой в другой половине содержатся драгунские и служивские лошади». Здесь же, на противоположном берегу Змеевки, под горой показано два ряда драгунских избушек. На самой горе в районе новых шахт (№1 и 2) уже были построены большие новые казармы. Вместо старой кузницы подальше от крепости построили новую, рядом с ней отмечен угольный сарай.

После посещения А.Б. Беэра работы на Змеиногорском руднике резко активизировались. План рудника, выполненный 12 ноября 1749 г. геодезии прапорщиком Пименом Старцовым, отражает значительные изменения, произошедшие на главном месторождении Рудного Алтая (ГААК. Ф. 50. Оп. 18. Д. 1711)¹. Сама Комисская шахта почти не углублена, но от неё в соседние шахты, заложенные в июне 1748 г., уже проведены две штольни. Эти некогда безымянные шахты теперь названы Западной и Восточной. Первая была глубиной 7½ сажени, вторая на сажень меньше. На чертеже показан как разрез, так и план единой системы бейэровских шахт (рис. 3).

Будущий Большой разнос по-прежнему состоит из двух основных шахт №1 и 2 (рис. 4). Сопоставление с чертежом 1748 г. показывает, что глубина их не увеличилась, следовательно, работы велись по закладке новых шахт и пробивке штолен. За год уже начал формироваться первый горизонт будущей многоярусной системы.

¹ Чертеж имеет собственный номер, но вшит в дело №1739. Сохранились и более ранние чертежи 1748 года: ГААК, Ф. 50, Оп. 18, Д. 1739 – четыре листа чертежей Пимена Старцова, объединенные тематически и стилистически, в едином формате. Все чертежи скреплены подписью: «Сочинял геодезии прапорщик Пимен Старцов», которая показывает их изначальную последовательность. Каждый из четырех листов имеет собственный учетный номер как отдельное дело: 1) «О шахте Комисской» – Д. 1728-б; 2) «О шахте №1» – Д. 1729-а; 3) «О езенге» – Д. 1732; 4) Д. 1728-а – «Шахта №2». Чертежи не датированы автором. По реалиям относятся примерно к 1749 г. Ошибочно вшиты после чертежа рудника 1760 года.

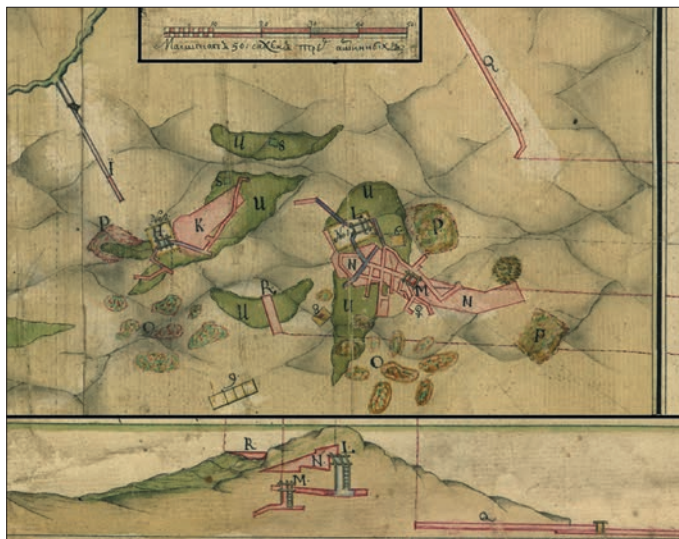

Рис. 4. План и разрез шахт №1 и 2 в районе Большого разноса на Змеиной горе. Фрагмент чертежа 1749 г.

К первой шахте «для отдуху и розведания всей той горы» летом 1748 года началась пробивка штольни «от речки Змеевки в северную сторону» (рис. 4, разрез – Q). Это была самая большая штольня, длиной 42 сажени, «кроме того, что лугом пройден до речки Змеевки канал». На кромке чертежа в разрезе хорошо видно, как штольня входит в тело горы. Очевидно, что на этом рисунке впервые показана будущая Луговая штольня (Паллас П.С., 1786, с. 338). Длина второй штольни, идущей от Змеевки к шахте №2, составляет уже 22 сажени (на разрезе и плане буквой I). П.С. Паллас в 1771 г. называл эту штольню Подрядной (Документы и материалы..., 2003, с. 337).

Значимость чертежа 1749 г. заключается и в том, что на нем впервые отмечены строения, составлявшие первую Змеиногорскую крепость. В экспликации говорится: «Деревянная крепость и около оной рогатки и по углам оной казармы». Периметр крепости образовывали контора – «светлица, где содержат письменные дела и правление» (рис. 3, №3); казенные конюшни (№5); «казенные хлебной и протчии припасные анбары» (№6); деревянный сарай, в котором разбираются руды (№10); дом ротного командира (№11). Вход в крепость со стороны поселка венчала проезжая башня (№4). Невдалеке от западного угла крепости размещались пороховой погреб (№7), кузница (№8) и казармы.

Заложенный год назад похверк превратился в действующее производство. На чертеже в разрезе видна высота плотины, она составляла около 2,5 сажени при длине 20 саж. На противоположных берегах

реки разместились толчейная (№15) и промывальная (№17) фабрики. Здесь же располагались каменная стена с 14 ящиками для осадки шламов (№16)¹, казенные анбары, в которые кладутся шламы (№19), светлица, в которой жил штейгер – смотритель фабрики (№20), (служивские землянки) (№21). Примечательно, что от Комисской шахты прямо под горой, ниже по течению Змеевки уже назначено место для второго похверка с прудом и плотиной.

К западу от похверка, на противоположном склоне Змеиной горы, уже сформировался поселок из домов горных офицеров, ундер-шихтмейстеров и берггауов (горных работников). Видна попытка наметить улицы рудничного поселка. Крестьяне, приезжавшие работать за подушный оклад, селились в казарме недалеко от шахт №1 и 2.

Чертежи последующих лет отражают поэтапное развитие рудника и формирование его поселка: 1750 г. – недалеко от шахты №1 соорудили весы для отпуска руд, другая весовая располагалась рядом с первым похверком. На этом же чертеже изображен внешний вид мазанковой крепости. Недалеко от неё были построены кирпичные сараи.

В 1752 г. был построен Нижний змеевский похверк. Фабрику и пруд соорудили на р. Змеевке у юго-западной подошвы Змеиной горы, на дне обширной котловины (Моисеев В.А., 2003, с. 140).

Вслед за строительством Нижнего змеевского похверка в 1753–1754 гг. И.И. Ползуновым была создана деривационная установка, т. е. искусственный канал. Канал шел от плотины верхнего похверка к лесопилке. Вода в канале не замерзала даже в лютые морозы и лесопилка исправно работала круглый год (Моисеев В.А., 2003, с. 139).

В 1753 г. на руднике действовало уже 9 шахт. Во все стороны от шахтных стволов для разведки руд прорубались орты, гезенги, квершлагги, штреки. Начиная формироваться сложная, разветвленная и многоэтажная структура подземного города, следующая по направлению залегания рудных жил (гангов) (Моисеев В.А., 2003, с. 137).

Наиболее информативным представляется план 1753 г., сохранившийся в ГААК в двух экземплярах: один более схематичный, второй с подробной экспликацией. Подробный: «рисовал ундер-шихтмейстер Иван Денисов при Змеевском руднике месяца июля 1753 году», схематичный: «рисовал ундер-шихтмейстер Яков Беэр ноября 2 дня 1753 году»².

¹ Шлам (от нем. Schlamm – грязь) – осадок, отложение в виде очень мелких твердых частиц, выделяющихся при отстаивании и фильтрации какой-либо жидкости. В данном случае – порошкообразный продукт, содержащий благородные металлы.

² Данные чертежи имеются в деле ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 144: в него включено «Дело о сносе драгунских домов и землянок» (л. 197–215, начало дела может быть на л. 123) На л. 138 распоряжение «делать чертежи». Весь материал скреплен по полю «Бухгалтер Василий Пастухов» (л. 200–201, 207–215). Две карты вшиты в дело на листах 205–206 об.

Цели создания чертежей определили их содержательную специфику: на них изображен только поселок, без горнорудной системы. Причем на чертеже пронумеровано 70 объектов, а в экспликации только 31.

В крепости показаны (рис. 5): №12 – контора («Светлица, где содержатся горные письменные дела»); №13 – дом ротного командира; №14 – конюшня; 15 – казарма для конюхов; №16 – амбары; №17 – Лазарет или госпиталь; №18 – угловая казарма; №19 – разборный сарай; №20 – проезжие ворота и над ними башня. Рядом располагалась часовня каменная (№22) и пороховой погреб. В одном из описаний 1766 г. имеется пояснение: «зелейн погреб из плитняка, а своды из кирпича».

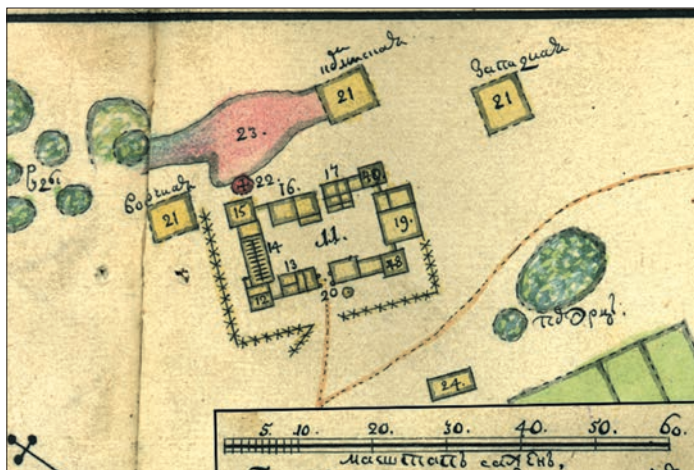

Рис. 5. Комисский разнос и Змеиногорская крепость на плане 1753 г.

Изменения 1753 года связаны с расширением поселка и реконструкцией похверка. В поселке начали строить дом для главного командира.

Объем статьи не позволяет дать детальный анализ каждого чертежа. Отмечу лишь, что в июне–июле 1753 г. старая плотина верхнего похверка была значительно увеличена, её новые размеры составили 35 сажен в длину, $3\frac{1}{2}$ в ширину, $3\frac{1}{8}$ в высоту. Здесь же показаны: толчейная фабрика; промывальная; ящики, в коих садятся шламы; места для сушки шлихов; анбары для шлихов; весы; кирпичный сарай; Обжигальная кирпича печь, «складеная из плитняка» (по описанию 1766 г. – ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 348, Л. 259). Глинобитная крепость уже названа ветхой. Поскольку чертеж выполнен в ноябре 1752 г., когда И. Ползунов только прибыл на рудник, на плане ещё не отечен описанный выше канал.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении карты позволяют детально проследить пространственное развитие Змеиногорского рудника. Подобную работу в 1999 г. неплохо выполнил Вениамин Ми-

хайлович Чекалин (2003, с. 12, рис. 2). Однако опубликованный им план очень мелкий, не имеет авторского обоснования и ссылок на использованные источники.

Использованная нами методика предполагает определение реперных (неизменных) объектов, расположение которых со временем не претерпело серьезных изменений. Относительно Змеиногорска такими ориентирами являются: Комисский разнос и Батарейная сопка, сохранившиеся на вершине Змеиной горы; Большой разнос, основные контуры которого хотя и претерпели изменения, но позволяют сопоставить старинные чертежи. Менее надежным ориентиром является река Змеевка, русло которой по мере формирования селитебной территории несколько изменялось.

Для перенесения объектов XVIII века на современную топооснову пришлось выполнить подробную прорисовку каждого из проанализированных выше чертежей и послойно сопоставить их с современной планировкой города. Поскольку проекции чертежей, выполненных в разное время и разными картографами, несколько разнятся, пришлось вносить небольшие коррективы в реконструкцию рудничного поселка. Поэтому предложенный чертеж-реконструкция представляет собой авторскую гипотезу, нуждающуюся в реальной проверке на местности.

Анализ чертежей позволил четко определить место демидовской крепости 1744–1745 гг. и часовни (цв. ил. 1). Более приблизительно локализуется расположение лагеря первостроителей и шурфов 1730-х годов. Наибольшие проблемы вызвала локализация точного места пруда верхнего похверка, эти сведения нуждаются в дополнительном анализе.

Опора на комплекс чертежей 1740–1750-х гг. позволяет планиграфически представить описание рудника, составленного обербергмейстером Иоганном Готлибом Леубе в 1764 году. Согласно его сведениям на Змеиной горе имелись следующие горные выработки:

Шахты: Комисская (1745), №1 и 2 (1748), Западная (1749), Восточная (1749, в 1759 завалена); Трейб-шахта (1753, здесь находился конный ворот), Надежда, Николая Чудотворца (1759). Штольни: Луговая (1749), Ивана Крестителя (1758, главная на руднике), Надежда (1759); гезенк¹ Веселовский (Документы и материалы..., 2003, с. 429–439; Алтайские горные офицеры..., 2006, с. 404–405).

Эти объекты достаточно легко отождествляются на местности по чертежу рудника 1772 г. Его полное название: «Генеральной план Змеиногорского рудника казенному, фабричному, домовому и партикулярному строению, в каком положении оной ныне находится. Сочинен при том руднике месяца ноября 2 дня 1772 года» (ГААК, Ф. 50, Оп. 18, Д. 1741). Достоверность источника подтверждают заверительные подписи коллежского советника Ивана Леубе и бергмейстера Николай Делиль дела Кроера.

¹ Гезенк (нем. Gesenk) – подземная вертикальная горная выработка, не имеющая непосредственного выхода на поверхность. Гезенк соединяет различные уровни в шахте.

Чертеж отражает существенные изменения, произошедшие в планировке поселка (рис. 6). В первую очередь, значительно увеличена крепость. Согласно сведениям путешественника И. П. Фалька, её построили в 1757 г. (Фальк П.С., 1824, с. 472). Это была уже мощная земляная крепость с валом, четырьмя земляными и двумя каменными бастионами, дополнительной преградой в виде сухого рва, шедшего параллельно земляной стене (рис. 7). Вход внутрь крепости защищали три деревянные будки на каменных фундаментах и под ними проезжие ворота.

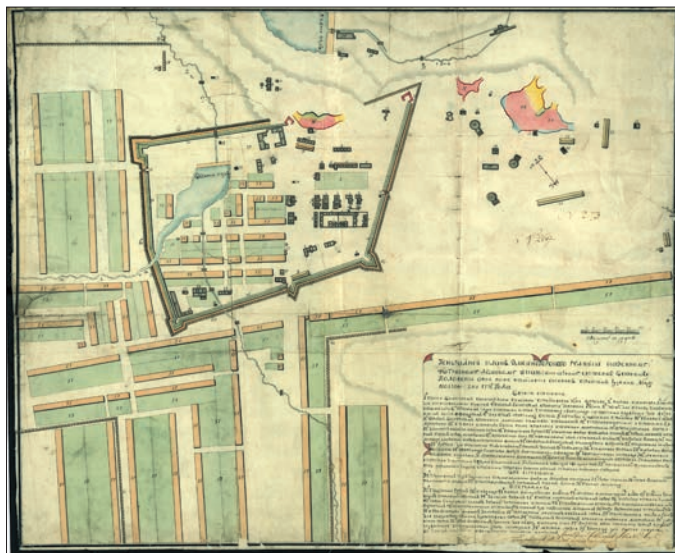

Рис. 6. План Змеиногорского рудника. 2 ноября 1772 г.

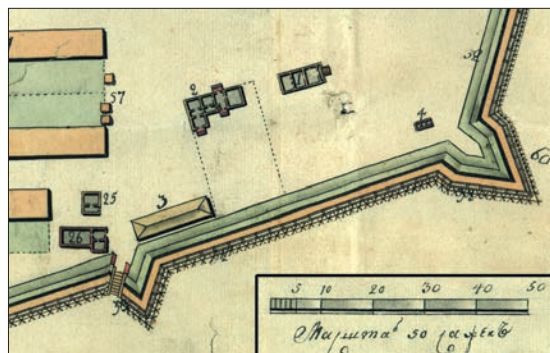

Рис. 7. Фрагмент крепостной стены Змеиногорского рудника в районе новой конторы (№2) и артиллерийской галереи (№3). 2 ноября 1772 г.

Дополнительную информацию об этих башнях дает описание рудника 1766 г.: первая проезжая башня выходила на Колыванскую дорогу. Она была на каменном фундаменте с шатриком и выкрашена зеленой краской. Вторая такая же башня вела на Барнаульскую дорогу (совр. ул. Карла Маркса). Третья башня «за старым похверком» называлась Пихтовской (совр. ул. Коммунальная), она была без фундамента и построена из брусьев. В 1766 г. под ней располагалась «караульна» для содержания арестантов (ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 348, Л. 260).

Свое описание крепости оставил и академик П.С. Паллас, посетивший рудник в августе 1771 г. Крепость имела два «наверху горы находящихся каменных бастионов» и земляной вал, «с двумя бастионами на северном углу и одним полубастионом на южном» (Паллас П.С., 1786, с. 358).

Своей стационарной церкви в поселке еще не было, но на плане 1772 г. под №1 значится «Покой, в котором поставлена походная Преображения господня церковь». Храмы практически на всех чертежах XVIII–XIX вв. всегда помещались в экспликацию первыми.

Решение о том, чтобы на Змеиногорском руднике не строить «настоящей церкви» императорским Кабинетом было принято в марте 1754 г. Поэтому Канцелярия горного начальства закупила походную полотняную церковь 4х8 сажен (ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 348, Л. 251), которую называли Преображенской.

Паллас писал, что ко времени его приезда на рудник здесь уже было намечено построить красивую каменную церковь, «между тем довольствуются худою часовнею» (Паллас П.С., 1786, с. 359). Интересно, что и на плане 1785 г. в поселке оставалась все та же походная церковь, но её перенесли на новое место – туда, где в 1760–1770-е гг. находился рынок и «будка для публикации указов», т.е. самое публичное место поселка (ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 348, Л. 260).

Административный центр рудника, напротив, переместился туда, где раньше находился «покой, в котором поставлена походная Преображения господня церковь». Новая контора размером 13 на 3 сажен была построена на каменном фундаменте (Там же, л. 251 об.), рядом с ней располагалась «галлерея для постановления пушек» и «подвал, в котором хранится денежная казна». Фальк упоминает, что крепость в 1757 году имела 12 пушек, возможно, к 1772 г. их собрали у конторы.

Реконструкция планировки Змеиногорского поселка на 1770-е годы показывает, что линии кварталов во многом совпадают с направлениями современных улиц города (цв. ил. 2). При этом надо учитывать, что в 1785 г. было проведено спрямление кварталов и перепланировка поселка (ГААК. Ф. 50. Оп. 11. Д. 865).

За крепостью рядом с восточным склоном горы располагался «горной лазарет и при нем погреб, изба, конюшня» и баня. Общие размеры связи составляли 18х3 сажени (ГААК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 498, Л. 229 об.). В избе жил подлекарь Тимофей Андреев, первым в Сибири осуществивший привива-

ние оспы жителям рудника (Там же, л. 263). Из других социальных объектов на руднике показана «словесная и арифметическая школа». Всего, по данным И.Фалька в поселке «было 362 двора, а жителей мужского пола 2449 душ, из коих 1500 человек рудокопов» (Кладова В.П., 2001, с. 33).

Комисский разнос и Верхний похверк были уже заброшены. Зато вне крепости появился второй пруд с Нижним похверком. Из него шел канал к лесопилке, проведенный еще Ползуновым (Паллас П.С., 1786, с. 361).

Основным с конца 1750-х годов стал «Большой разнос», где располагались перечисленные выше шахты, в том числе «с конным воротом» на Преображенской шахте и «конною рудоподъемною машиною» на Екатерининской. Здесь приходится отметить, что согласно нашей реконструкции каменный свод, который принято называть входом в Екатерининскую шахту, скорее всего, является лишь провалом свода штольни, подводившей воду к Екатерининскому кунштату.

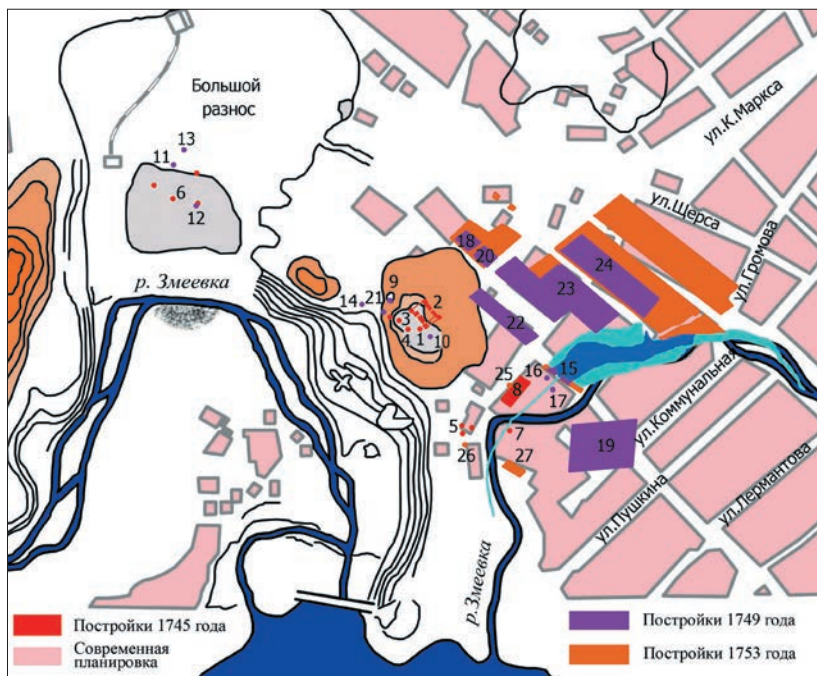
Реконструкция планировки поселка по чертежу 1772 г. позволила установить расположение крепостных стен и бастионов (пересечение ул. Громова и Щерса, вал шел по улице Коммунальной и по Щерса). Удастся выяснить место рынка, где позже построили походную церковь.

Указанные сведения представляются важными как для определения охраняемых зон исторического города России, так и поможет более грамотно использовать сохранившиеся объекты для экскурсионного показа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЗМЕИНОГОРСКОГО РУДНИКА ПО ПЛАНАМ 1745–1753 гг.

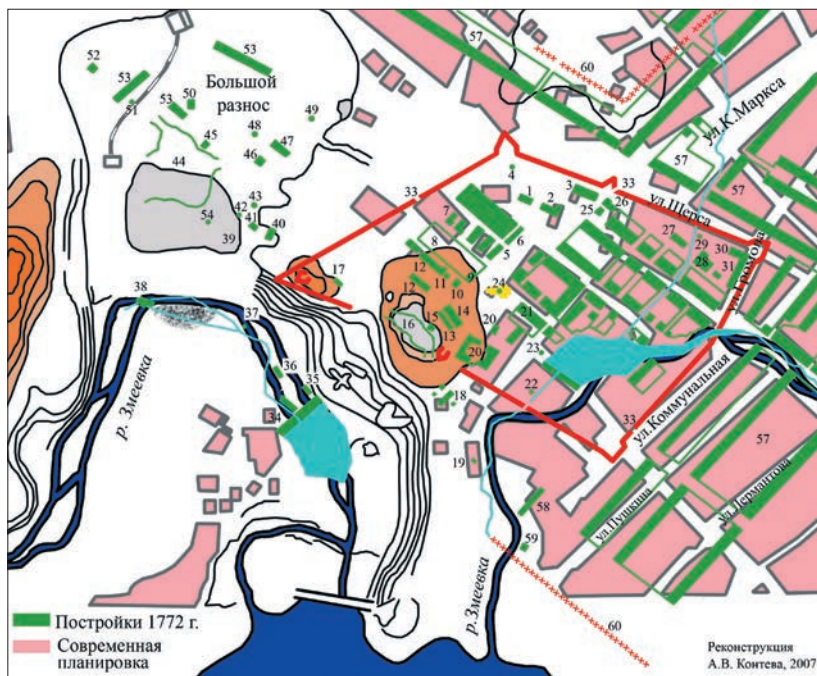
1. Часовня каменная «Честнаго житворящаго креста господня.
2. Крепость (малая).
3. Комисская шахта.
- 4–5. Шурфы Угримова 1735 г.
6. Шурфы 1745.
7. Баня.
8. Лагерь.
9. Шахта Западная.
10. Шахта Восточная.
11. Шахта №1.
12. Шахта №2.
13. Новая шахта 1749 г.
14. Кузница.
15. Плотина верхнего похверка.
16. Толчейная фабрика.
17. Промывальная фабрика.
18. Дома берг-гешворена, шихтмейстера, обер-штейгера и шихт-мейстера.
19. Глиняная крепость (мазанки).

20. Дом для главного командира.
21. Пороховой каменный погреб.
22. Солдатские землянки.
23. Драгунские дворы.
24. Унтер-шихтмейстерские и берггаурские дворы.
25. Весовая.
26. Обжигальная печь для кирпича.
27. Кирпичный сарай.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЛАНИРОВКИ ЗМЕИНОГОРСКОГО
РУДНИКА ПО ПЛАНУ 1772 ГОДА ЭКСПЛИКАЦИЯ К
ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ ЗМЕИНОГОРСКОГО РУДНИКА 1772 г.
(сохранена орфография)

- 1-е. Покой, в котором поставлена походная Преображения господня церковь.
- 2-е. Новая кантора
- 3-е. Галлерия для постановления пушек
- 4-е. Подвал, в котором хранится денежная казна.
- 5-е. Дом для приезда главного командира.
- 6-е. При оном доме конюшня и сарай.

7-е. Казенные светлицы с протчими службами для жития штаб и обер-офицерам.

8-е. Для тех светлиц огороды.

9-е. Старая каменная пробирна.

10-е. Соляные анбары.

11-е. Анбар, в котором хранится линейной команды провиант.

12-е. Провиантские и припасные магазины.

13-е. Прежняя кантора, в коей ныне хранятся казенные материалы.

14-е. Артиллерийской сарай.

15-е. Шахт Надежда и над нею сарай.

16-е. Коммиской разнос.

17-е. Каменной новой пороховой погреб.

18-е. Горной лазарет и при нем погреб, изба конюшня.

19-е. Лазаретская баня.

20-е. Конюшенной двор с пригоном и избою.

21-е. Казармы, в которых писменная словесная и арифметическая школа.

22-е. Анбарчик, в котором полагается известь.

23-е. Каменная салотопня.

24-е. Бутка для прибития публикованных в народе указов.

25-е. Гобвахта.

- 26-е. Каменная тюрьма.
- 27-е. Казармы военной команды.
- 28-е. Светлица, в которой живут баталионные офицеры.
- 29-е. Баталионная кузница.
- 30-е. Линейной команды казарма.
- 31-е. Баталионная конюшня.
- 32-е. Вокруг всего вышеписанного строения земляной вал с четырьмя земляными и двумя каменными бастионами, и вокруг его сухой ров.
- 33-е. На каменных фундаментах три деревянных бутки и под ними проезжие ворота, и из ни при одной небольшая караулна.

Вне крепости

- 34-е. При нижнем пруде Змеевская промывальная фабрика с девятью тестами.
- 35-е. Старое сушило.
- 36-е. Сарай, в котором полагаются шлихи.
- 37-е. При прежде бывшем пороховом погребе бутка.
- 38-е. Пильная мельница.

При руднике

- 39-е. Полуденной разнос.
- 40-е. Кузница.
- 41-е. Новая Николаевская шахта.
- 42-е. Старая Николаевская шахта.
- 43-е. Прежней трейб-шахт с конным воротом.
- 44-е. Большой разнос.
- 45-е. Пятой лигтлог и над ним сарай.
- 46-е. Казарма и при ней чулан.
- 47-е. Сарай, в котором делают разные деревянные припасы.
- 48-е. Преображенской трейб-шахт с коннодействуемым воротом.
- 49-е. Екатерининской трейб-шахт с конною рудоподъемною машиною.
- 50-е. Ново Вознесенской трейб-шахт.
- 51-е. Изба, в которой делают затравки.
- 52-е. Четвертой лихтлог Вентиляция осуществлялась через стволы шахт и специально пробиваемые отверстия – лихтлоги.
- 53-е. Построенная на столбах для дождливого времени рудоразборный сарай.
- 54-е. Подвалчик, в котором хранятся казенные материалы.
- 55-е. Кирпишной сарай.
- 56-е. Сарай, в котором сделана для обжегу кирпича печь.
- 57-е. Внутрь и вне крепости горных и протчих служителей партикулярные дворы с огородами.
- 58-е. Мясная лавки.
- 59-е. Бойница для битья скота.
- 60-е. Вокруг крепости и форштата рогатки и надолбы.

Библиографический список

Алтайские горные офицеры XVIII–XIX вв.: сб. док. Барнаул: Управление архивного дела Алтайского края, 2006. 496 с.

Бородаев В.Б., Контев А.В. Возникновение российского сереброплавильного производства на Алтае и основание города Змеиногорска // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 2003. С. 75–130.

Документы и материалы // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 2003. С. 299–488.

Кладова В. П. Историческая замечательность Алтая // Змеиногорск в культурном пространстве Алтая: материалы краевой научно-практ. конф. «Малые города России: история и перспективы Змеиногорска». Барнаул, 2001. С. 32–43.

Моисеев В. А. Змеиногорский рудник во второй половине XVIII века // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 2003. С. 131–159.

Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. 571 с.

Чекалин В. М. Роль Змеиногорского месторождения золото-серебро-баритополиметаллических руд в истории основания и развития города Змеиногорска // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул, 2003. С. 9–21.

[Фальк П.С.] Записки путешествия академика И.П. Фалька. СПб., 1824. 446 с. (Полное собрание ученых путешествий по России; т. 6).

А.Л. Кунгуров, О.Г. Лыжникова, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет;

Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, Барнаул

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ЗМЕИНОГОРСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Территория Змеиногорского расположена на юго-западе Алтайского края и является частью региона, который в историко-географическом отношении обозначается Рудным Алтаем. Административно он входил в Кольвано-Воскресенский (Алтайский) горный округ. Первые сведения об археологических памятниках на территории Рудного Алтая относятся к XVIII в. и связаны они с началом освоением алтайского рудного региона русским населением. На протяжении XVIII–XIX вв. были открыты сотни древних рудников, так называемых «чудских копий». Известны их описания того периода и первые попытки осмысления (Демин М.А., 1989; и др.).

Первые прямые письменные свидетельства археологических находок в Змеиногорском районе относятся к 1764 г., когда старший горный мастер Кольвано-Воскресенских заводов Иван Иванович Лейбе в записке для «Российской минералогии» М.В. Ломоносова кроме сведений о Змеиногорском руднике и других месторождениях дает описание руд и минералов, указывая на «чудские» работы на Змеевой горе в виде древних шахт и шурфов, и находок там медных литых инструментов и каменных молотов

(Шуныков М.В., 1987, с. 10). Определенную роль в открытии памятников древностей Рудного Алтая и собирании археологических материалов сыграли местные краеведы (Алехин Ю.П., 199, с. 18–19). Стоит при этом отметить, что целенаправленных научных археологических исследований на территории Змеиногорского района в XVIII в. не проводилось.

Следующие достоверно зафиксированные археологические находки Змеиногорского района относятся к началу 40-х гг. XIX в. При проведении геологических изыскательских работ на Мельничной горе под руководством горного инженера А.Б. Остермейера были обнаружены захоронения в каменных ящиках, в одном из которых находился скелет человека, а во втором кости и череп лошади. Там же найдены наконечники стрел с деревянными древками, «медный» нож, бронзовые удила, подпружная пряжка и псалий У-образной формы с шипом. Оба ящика находились в глубокой могиле, сверху которой фиксировалась округлая насыпь диаметром около 12,8 м и высотой до 1 м. Захоронения относятся к раннескифскому времени (Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., с. 396–400; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 10; Алехин Ю.П., 1999, с. 18).

Так же имеются различные сведения о наличии археологических памятников на северных отрогах Мельничной горы и в окрестностях г. Змеиногорска. По данным Л.С. Марсадолова (1996) в 1843 г. путешественником А.И. Шренком у Мельничной Горы была раскопана (?) «чуждая могила», в которой вместе с хорошо сохранившимся скелетом были найдены бронзовые удила, подпружные пряжки и другие предметы, хранящиеся ныне в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в коллекции №35 (Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2003, с. 396–398).

В 1-й половине – середине XX в. обнаружены случайные находки бронзовых, каменных и железных орудий, которые позже были переданы в музей. В 1945 г. на территории г. Змеиногорска на р. Змеевке Н.А. Ветров обнаружил каменный рудодробильный молот, местонахождение получило название в литературе – Змеиногорск III (Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с. 21). Кроме этого, в 1956 г. на территории г. Змеиногорска найден металлический идол в виде стоящего человека с согнутой правой рукой, кисти левой руки нет, местонахождение получило название Змеиногорск V. В разные годы, на территории г. Змеиногорска школьниками были собраны различные археологические находки – бронзовый кинжал карасукского типа, железный черешковый наконечник стрелы тюркского времени, бронзовые ножи с растительным орнаментом, которые были осмотрены и зафиксированы в 1982 г. Ю.П. Алехиным (Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с. 14).

В 1959 г. на сопке Караульной П.И. Казбеком найден железный наконечник копья (Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с. 14–15).

Появляются и свидетельства о более ранних эпохах заселения Змеиногорского района. В 1978 г. студентка ИФ АГУ Н. Банникова сделала

первые палеолитические находки на озере Колыванском. Позднее каменные изделия палеолитического облика там были найдены Ю.П. Алёхиным (Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с. 17), а в 1994 г. сборы каменных артефактов на северо-западной оконечности озера проводились участниками экспедиционных и разведочных работ АГУ в северо-западных предгорьях Алтая.

С начала 80-х гг. проводятся непрерывные работы Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции под руководством Ю.П. Алехина. В результате были открыты десятки новых археологических объектов, в том числе курганный могильник и одиночные курганы – Змеиногорск 1 и Змеиногорск 2, Сосновка 1–2, Саввушка 1–4, Слюдянка 1–2; поселения – Колыванское 1 и ряд других памятников археологии. Кроме того, были обследованы ранее известные: Березовка I (Карамышево), позже исследованная А.А. Тишкиным, Змеяевая Гора I, Змеиногорск III – VI, Саввушка (Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с. 12 – 21). Кроме того, Алехиным Ю.П. проводилась работа по систематизации ранее полученных материалов, составлен свод археологических памятников Змеиногорского района.

В 1981 г. В.Б. Бородаевым был открыт курганный могильник Щепчиха I. В 1991 г. А.А. Тишкиным раскопано 8 разновременных захоронений этого памятника.

Поселение Колыванское-1 исследовалось Ю.П. Алехиным в 1984–85 гг., в 1987–88 гг. – Ю.П. Алехиным. За этот период на поселении вскрыто около 2000 кв.м. В результате проведенных исследований, автором раскопок был получен разнообразный материал, позволяющий реконструировать хозяйственную деятельность населения, проживающего на этом поселении (Алехин Ю.П., 1999, с. 25). По мнению автора раскопок Ю.П. Алехина, основной комплекс относится к выделенной им «колыванской» археологической культуре эпохи энеолита (Алехин Ю.П., 1999, с. 27). Исследование данного памятника продолжилось в 2010–2012 годах под руководством С.П. Грушина.

В 1987 г. школьницей села Саввушка Е. Аверцовой было найдено каменное скульптурное изображение, являющееся частью обломанного каменного жезла, в верхней части которого изображена голова человека с длинным вытянутым лицом, которая была датирована первой половиной II тыс. до н.э. и изображает европеоида среднеазиатского типа (Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с. 20).

В 1990 г. археологическим отрядом НИСа Горно-Алтайского педагогического института под руководством А.В. Эбеля была проведена археологическая разведка в окрестностях г. Змеиногорска в радиусе 15 км. Им были обследовано пять курганных могильника, три из которых находятся вблизи бывшего с. Лифляндка Третьяковского района (могильник I–III, по отчёту Эбеля А.В., 1990 г.), два других – могильник V, VI были открыты позднее А.А. Тишкиным и получили названия – Пожарка 1 и Пожарка 2.

В 1990–1991 гг. обследование археологических памятников на территории Третьяковского и Змеиногорского районов проводила работы Юго-западная экспедиция АГУ под руководством А.А. Тишкина. На территории совхоза «25 лет Октября» Змеиногорского района были проведены аварийные археологические раскопки курганной группы Щепчиха-1, попадающего в зону строительства проектируемого орошаемого участка. Курганный могильник Щепчиха – 1, находился на гребне холма, между речками Ближняя и Дальняя Щелчиха, на поле многолетних трав в 2,5–3,5 км к ЮЮЗ от с. Локоток. На памятнике были раскопаны 8 каменноземляных курганов округлой формы диаметром от 5 до 14 м, высотой от 0,2 до 0,85 м, имели в центре грабительские воронки (Тишкин А.А., 1993, с. 90). Раскопанные курганы были разновременными – от эпохи раннего железного века до эпохи средневековья. Кроме этого, вблизи с. Локоток были открыты ещё два курганных могильника – Локоток 1 и Локоток 2.

В 1993 году Саяно-Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Л.С. Марсадалова было открыто поселение Слюдянка, расположенное в 5 км к северо-востоку от с. Саввушка, в 1,5 км к ССЗ от заброшенного с. Слюдянка в Змеиногорском районе. Памятник находится на небольшой возвышенности, которая частично была разрушена в результате антропогенной деятельности. На памятнике был собран различный материал представленный керамикой, украшенной отступающей палочкой, каменными и костяными орудиями был отнесен Л.С. Марсадаловым к неолиту (Марсадалов Л.С., 1998, с. 58, рис. 2.-5).

В 1994 г. на территории района проводились археологические исследования Змеиногорским археологическим отрядом Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина. Основной целью отряда было картографирование памятников археологии на территории двух хозяйств – колхоза «Восход» и совхоза «25 лет Октября». В результате было выявлено 13 новых объектов – курганные могильники и одиночные курганы и картографированы 15 памятников археологии. Кроме этого, были обследованы древние выработки на медь, расположенные вокруг с. Карамышево в радиусе 2,5 – 3 км на сопках и у подножья гор. Помимо работ по выявлению и картографированию памятников археологии в 1994 г. А.А. Тишкиным было осуществлено исследование могильника раннескифского времени Берёзовка 1, расположенного на правом берегу р. Корболихи, в 1,3 к западу от водонапорной башни с. Берёзовка (Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2003, с. 398–399), который ранее обследовался Ю.П. Алёхиным, В.Б. Бородаевым и В.Х. Смирновой. Памятник был открыт в 1985 г. учащимися Карамышевской школы с учителем П.Э. Швеммлером, (Кирюшин Ю.Ф., Алёхин Ю.П., 1996, с. 12).

После небольшого перерыва археологические исследования на территории Змеиногорского района возобновились в 2000 г. и были связаны, в первую очередь, с поиском, картографированием и исследова-

нием памятников эпохи палеолита. С 2000 г. Змеиногорскими археологическими экспедициями Алтайского госуниверситета под руководством А.Л. Кунгурова проводятся активные исследования района. Обследования проводилось на широкой территории – бассейн р. Машинка, бассейн руч. Холодный, бассейн р. Харьковка; бассейн р. Корболиха на участке от г. Змеиногорска до бывш. с. Лифляндка; бассейн р. Гольцовка. В результате только одного года исследований были зафиксированы десятки новых памятников, в том числе: стратифицированные комплексы мустьерской эпохи и верхнепалеолитического времени, представленные стоянками (Усть-Берёзовка 8, Лифляндка 3, Гора Кукушка, Усть-Машинка 2, Усть-Машинка 3, Петровский 1, Лифляндка 2 и др.), мастерскими и каменоломней; курганными могильниками (Усть-Берёзовка 4 – 7, Холодный 1, 2 и др.) и поселениями (Усть-Берёзовка 1, 2, Машинка 1, Машинка 2, Новокузнецовка 3, Новокузнецовка 5, Новокузнецовка 6, Оторванка 1 и др.).

В следующие годы археологическое обследование территории Змеиногорского района продолжилось в рамках Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова. Проводилось сплошное обследование участков долин больших и малых рек (Алей, Гольцовка, Корболиха, Харьковка, Машинка, Каменка) с фиксацией ранее неизвестных объектов. Выбор зон обследования проводился с учетом перспективности поиска ранних памятников. В результате были обнаружены ранее неизвестные памятники различных археологических периодов (от мустьерской эпохи до средневековья), тем самым расширен источниковедческий фонд, для реконструкции древнейших периодов истории Евразии, а также расширен ареал распространения различных культур. Помимо проведения разведочных работ, А.Л. Кунгуровым проводились раскопки на ряде памятников каменного века – на стоянке мустьерского времени Усть-Машинка 3 и каменоломни-мастерской Давыдовка 1.

В 2003–2004 гг. исследования на территории Рудного Алтая продолжались. А.В. Гончаровым совместно с А.Л. Кунгуровым были обследованы окрестности с. Карамышево, а также правый берег р. Каменки, берущей начало в отрогах горы Ревнюхи и впадающей в Алей слева, выше обследованных ранее А.Л. Кунгуровым рек Гольцовка и Корболиха. При осмотре водораздела рек Корболиха и Харьковка ими было обнаружено пять новых курганных могильников (группа курганов Стрижки), палеолитическая стоянка (Стрижки 1), горнорудный комплекс «Матвеевская плотина» и культовое место на горе Кукушка, а также комплекс памятников на горе Сыровой (Гончаров А.В., Кунгуров А.Л., 2003, с. 327–330).

В 2005 г. на территории Змеиногорского района археологические исследования проводил Рудно-Алтайский археологический отряд АлтГУ под руководством С.П. Грушина. В районе оз. Колыванского отрядом был и обследованы и открыты два новых памятника – поселения Слюдянка 4 и Усть-Колыванка 2.

В 2009 г. А.Л. Кунгуровым совместно с С.П. Грушиным проводилась археологическая разведка по обоим бортам долины р. Харьковки от с. Новокузнецовка до с. Белянинский. В результате было обнаружено восемь новых памятников различной фациальной и хронологической принадлежности – поселения раннего железного века Раскат 1, Раскат 3, Раскат 4, Белянинский 1, Белянинский 2; поселения и стоянки Раскат 5 и Раскат 6; курганный могильник Раскат 2.

В 2010 году сотрудником НПЦ «Наследие» О.Г. Лыжниковой в рамках реализации мероприятий краевой целевой программы «Культура Алтайского края» на 2007–2010 годы проводился мониторинг памятников археологии Змеиногорского района. Исследования проводились в районе оз. Колыванского, в окрестностях сс. Карамышево и Воронеж. В ходе мониторинга обследовано 14 памятников археологии, открытых в 1980–2000 е гг., в том числе: Саввушка 1, курганный могильник, Усть-Колыванка 2, поселение, Слюдянка 1, одиночный курган, Пожарка 1, одиночный курган, Сосновка 2, курганный могильник, Карамышево 1, курганный могильник, Карамышево 2, одиночный курган, Воронеж 4, одиночный курган, Воронеж 6, поселение и стоянка, Давыдовка 1, каменоломня – мастерская, Машенка 1, стоянка, Колыванское 1, поселение,

Слюдянка 4, поселение, Слюдянка, поселение. В ходе мониторинга проводилась фотофиксация объектов археологии, уточнена информация об их положении, составлены глазомерные планы, зафиксированы их топографические координаты устройством GPS, объекты нанесены на землеустроительные карты.

К настоящему времени, по данным НПЦ «Наследия» на территории Змеиногорского района зафиксирован 121 памятник археологии, в хронологическом диапазоне от эпохи палеолита до средневековья. Почти все типы памятников, распространенные на территории Алтайского края представлены в Змеиногорском районе – стоянки, местонахождения, поселения, курганные могильники и одиночные курганы, древние горные выработки. Большая часть памятников была открыта за последние 10 лет, усилиями археологов Алтайского государственного университета. В последние годы были обследованы широкие территории вблизи сел Карамышево, Воронеж, Новокузнецовка, Гольцовка, Рязановский, окрестности г. Змеиногорска и другие. Тем не менее, необходимо отметить, что сплошного обследования территории Змеиногорского района не проводилось. Наиболее изученными в археологическом плане является центральная часть района – окрестности г. Змеиногорска и наиболее близко расположенные к нему территории. Наименее изученными остаются юго-восточные и северо-западные части района. Лишь в единичных случаях на памятниках проводились раскопки – Щепчиха 1, Колыванское 1, Давыдовка 1, Усть-Машинка 3, Давыдовка 5.

На государственном учёте состоит только один памятник федерального значения – горные выработки эпохи бронзы и раннего железного века в долинах рек Змеевка и Карболиха (Указ Президента РФ № 176 от

20.02.1995 г.), расположенные на территории г. Змеиногорска и получившие в литературе названия «Змеева Гора 1» (Алёхин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996, с. 13). Все остальные памятники археологии являются вновь выявленными и в соответствии с существующим законодательством также подлежат государственной охране с момента их обнаружения.

В 2010 году в ходе подготовки раздела по обеспечению сохранности объектов культурного наследия Змеиногорского района для Схемы территориального планирования МО «Змеиногорский район Алтайского края», разрабатываемой ОАО «АлтайНИИГипрозем» О.Г. Лыжниковой был сформирован свод памятников археологии района, объекты нанесены на соответствующую схему, что и представлено в настоящей публикации.

Стоит также отметить, что при подготовке схемы территориального планирования Змеиногорского района было уточнено месторасположение некоторых памятников, которые находятся на границе соседних районов или расположены в других районах. Уточнение месторасположение данных памятников основывалось на ряде источников, в том числе: археологические отчёты, планы памятников с привязками, схемы их расположения и соотнесение этих данных с данными программы Google Планета Земля. К ним относятся памятники: Слюдянка 2–3 – Курьинский район; курганные группы Плахино 1–2 – Поспелихинский район; Плахино 3–7 – Рубцовский район (рис. 1–4).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗМЕИНОГОРСКОГО РАЙОНА

- 1. Локоток-I** – курганный группа. Расположена к западу от одноименного села. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка курганов определяется в рамках эпохи средневековья.
- 2. Локоток-II** – курганный группа. Расположена у восточной окраины одноименного села. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка курганов определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
- 3. Карамышево-1.** Курганный группа. Находится за восточной окраиной с. Карамышево. Датировка не ясна. Состояние памятника – аварийное. Памятник открыт А.А. Тишкиным в 1994 г.
- 4. Карамышево-2** – одиночный курган. Расположен в 300 м к юго-западу от шоссе Карамышево-Новокузнецовка, в 3,5 км от с. Воронеж. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка кургана определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
- 5. Карамышево-3** – одиночный курган. Расположен близ с. Новокузнецовка, в 1,2 км на северо-запад от с. Карамышево. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда

- АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка кургана определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
6. **Карамышево-4** – одиночный курган. Расположен в 2 км на северо-восток от окраины с. Карамышево, в 2,5 ам юго-восток от с. Новокузнецовка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка кургана определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
 7. **Карамышевские древние выработки на медь**. Расположены в 2 – 3 км вокруг с. Карамышево. Открыты А.А.Тишкиным в 1994 году.
 8. **Новокузнецовка-1** – курганная группа. Расположена рядом с шоссе Карамышево-Новокузнецовка, в 700 м на юго-восток от с. Новокузнецовка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка курганов определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
 9. **Новокузнецовка-2** – курганная группа. Расположена в 1,2 км к северу от с. Новокузнецовка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка курганов определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
 10. **Воронеж-1** – курганная группа. Расположена в 1 км от кладбища с. Воронеж. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка курганов определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
 11. **Воронеж-2** – курганная группа. Расположена в 1 км на юго-восток от с. Воронеж, в 200 м на юго-запад от р. Хорьковка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г.
 12. **Хорьковка 1** – одиночный курган. Расположен посередине между с. Воронеж (до него 1,7 км) и с. Новокузнецовка (до него около 2,2 км). Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка кургана определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
 13. **Большой Госфонд** – одиночный курган. Расположен в 5 км на юго-запад от телевышки г. Змеиногорск, к югу от р. Бухаловка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка кургана определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
 14. **Пожарка-1** – одиночный курган. Объект расположен на возделываемом поле близ одноименного урочища, в 4 км на юг от г. Змеиногорск. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка кургана определяется в рамках раннего железного века – средневековья.

15. **Пожарка-2** – курганная группа. Памятник расположен в 1,5 км на юго-восток от с. Березовка. Объекты обнаружены в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.А. Тишкина в 1994 г. Датировка памятника определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
16. **Березовка-1 (Карамышево)** – курганный могильник. Находится на правом берегу р. Корболихи, в 1,3 км к западу от водонапорной башни с. Березовка и в 1 км вниз по течению р. Корболихи от детского трудового лагеря. Состоял из двух земляных курганов диаметром 6–7 м, находившихся внутри кольцеобразных каменных выкладок. Курганы были раскопаны в 1985 г. школьниками Карамышевской средней школы вместе с учителем П.Э. Швеммлером. В 1986 году памятник был обследован Ю.П. Алехиным и В.Х. Смирновой. В 1994 г. Змеиногорским археологическим отрядом под руководством А.А. Тишкина на данном могильнике был раскопан один курган. В ходе исследований подтверждена датировка объекта раннескифским временем.
17. **Кольванское-1** – поселение древних металлургов. Расположено на северо-восток к берегу оз. Кольванского, в 0,2 км к северо-западу от Старой Деревни. Открыто в 1982 г. Ю.П. Алехиным. Исследовалось в 1984–86 гг. Ю.П. Алехиным и в 1987–88 гг. Ю.П. Алехиным совместно с М.А. Деминым, в 2010–2012 гг. С.П. Грушиным совместно с Ю.П. Алехиным. Вскрыто около 2000 кв. м площади поселения. Основную часть площади памятника занимает культурный слой эпохи энеолита (2-ая пол. III – начало II тыс. до н.э.). Слои эпох поздней бронзы и раннего железа занимают незначительную площадь поселения. Очевидно, долговременное поселение существовало лишь в эпоху ранней бронзы, а в эпохи поздней бронзы и раннего железа существовали лишь кратковременные стоянки. В культурном слое эпохи ранней бронзы выявлены хозяйственные ямы и очаги. Жилища, вероятно, были наземного типа, не углубляющиеся в материк. Материал поселения обилен и разнообразен: развалы и фрагменты керамических сосудов, различный каменный, костяной, бронзовый инвентарь и оружие, кости домашних (крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки) и диких животных. Кроме скотоводства и охоты жители поселения занимались рыболовством (каменные и керамические грузила от сетей). Обильны следы горно-металлургического производства: каменные рудодробильные песты, обломки каменных и керамических литейных формочек, керамических тиглей, шлаки, куски медной руды. Комплекс раннего бронзового века относится, по мнению С.П. Грушина к елунинской археологической культуре. Среди керамики эпохи поздней бронзы встречена и ирменская, что позволяет считать поселение Кольванское I самым юго-западным памятником ирменской культуры (Алехин Ю.П., Владимиров В.Н.,

- 1984, с. 189; Алехин Ю.П., 1986, с. 82–84; 1987, с. 221–222; 1990, с. 51–52; Алехин Ю.П., Демин М.А., 1988; Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е. и др., 1986, с. 202).
18. **Колыванское-2** – стоянка. Находится на юго-запад к берегу оз. Колыванского, в 2,5 км к востоку от с. Саввушка. Памятник открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным, которым при шурфовке найдено каменное орудие верхнепалеолитического облика (Алехин Ю.П., 1986, с. 84).
 19. **Саввушка-1** – курганный могильник. Находится в 0,5 км к западу от с. Саввушка. Состоит из 8 каменно-земляных курганов диаметром 4–24 м, из которых 4 ограблены. Памятник открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным.
 20. **Саввушка-2** – курганный могильник. Находится в 0,6 км к северо-востоку от курганной группы Саввушка-1, в 1,8 км к В от с. Саввушка. Состоит из 6-ти каменно-земляных курганов диаметром 4–15 м, высотой 0,3–0,7 м, из которых 5 ограблены. Памятник открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным.
 21. **Саввушка-3** – курганный могильник. Находится в 0,14 км к западу-юго-западу от курганной группы Саввушка-2, в 1,3 к В от с. Саввушка. Состоит из 5-ти курганов диаметром 12–32 м, высотой 0,3–0,55 м. Все курганы ограблены, распахиваются. Памятник открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным.
 22. **Саввушка-4** – курганный могильник. Находится в 4 км к северо-востоку от с. Саввушка и в 1,5 км от северного берега оз. Колыванского. Состоит из 6-ти каменно-земляных ограбленных курганов диаметром 13–40 м и высотой 0,3–2,2 м. Датируются эпохой раннего железа. Памятник открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным.
 23. **Саввушка-5** – стоянка. Находится на северо-восток от окраины с. Саввушка, на территории, занятой под огороды, близ западного берега оз. Колыванского. Найден разнообразный каменный инвентарь.
 24. **Слюдянка-4** – поселение. Расположено на левом берегу одноименной реки, в 1 км к юго-востоку от ее устья, в 1,9 км к северо-востоку от северного берега оз. Колыванского. Памятник зафиксирован в ходе работ Рудно-Алтайского отряда археологической экспедиции АлтГУ в 2005 г. (Грушин С.П., Кунгуров А.Л., 2005). Обнаружен неопределимый фрагмент керамики.
 25. **Сосновка-1** – курганный могильник. Находится в 6 км к юго-западу от с. Барановка, в 3,25 км к востоку-юго-востоку от заброшенного с. Сосновка, в 2 км к югу от левого берега р. Гольцовка, на пашне. Состоит из 2 каменно-земляных ограбленных курганов диаметром 20 и 22 м, высотой, соответственно, 1,0 и 0,8 м. Все курганы ранее распахивались, ныне опахиваются. Памятник открыт в 1985 г. Ю.П. Алехиным.
 26. **Сосновка-2** – курганный могильник. Находится в 1 км к юго-западу от водонапорной башни заброшенного с. Сосновка, в 4 км к северо-западу от курганной группы Сосновка-1, на пашне, состоит из 5 курганов диаметром 10–18 м, высотой 0,1–0,4 м. Памятник открыт в 1985 г. Ю.П. Алехиным.

27. **Щепчиха-1** – курганный могильник. Находился в 2,5–3,5 км на юг-юго-запад от с. Локоток, на поле многолетних трав между речками Ближняя и Дальняя Щелчиха. Памятник был обнаружен В.Б. Бородаевым в 1981 году при проведении разведочных работ в зоне предполагаемого орошения. В 1991 году А.А. Тишкиным раскопано 8 разновременных захоронений.
28. **Усть-Колыванка-1** – местонахождение. Расположено в месте выхода р. Усть-Колыванка из акватории озера. Находки с памятника известны начиная с 1970-х гг. (Грушин С.П., Кунгуров А.Л., 2006). Обнаруженные в ходе обследования изделия, относятся к различным периодам каменного века.
29. **Усть-Березовка-1** – поселение. Расположено на мысу напротив с. Березовка, на южной окраине. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны каменные артефакты, относящиеся к завершающему этапу каменного века.
30. **Усть-Березовка-2** – поселение. Расположено на левом берегу р. Корболиха, в 700 м к северо-востоку от с. Березовка. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Обнаружено каменное орудие, датировка которого не определена.
31. **Усть-Березовка-3** – мастерская. У южной окраины с. Березовка, в 0,3 км ниже моста через р. Березовка. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны каменные артефакты, относящиеся к завершающему этапу каменного века.
32. **Усть-Березовка-4** – курганная группа. Расположена в 350 м к юго-западу от Усть-Березовки-3. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Датировка – ранний железный век – средневековье.
33. **Усть-Березовка-5** – курганная группа. Расположена в 1,35 км к юго-западу от с. Березовка. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Датировка – ранний железный век – средневековье.
34. **Усть-Березовка-6** – курганная группа. Расположена в 0,7 км к юго-западу от с. Березовка, в 675 м к северо-западу от Усть-Березовки-5. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Датировка – ранний железный век – средневековье.
35. **Усть-Березовка-7** – курганная группа. Расположена в 1,3 км к востоку от мастерской Усть-Березовка-3, в 0,7 км к западу юго-западу от с. Березовка. Открыта Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Датировка – ранний железный век – средневековье.

36. **Усть-Березовка-8** – стоянка. Расположена в 0,8 км к западу юго-западу от с. Березовка, к югу от Усть-Березовки-7. Открыта Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны каменные орудия, относящиеся к концу верхнего палеолита.
37. **Лифляндка-3** – стоянка. Расположена в 0,5 км к северо-востоку от бывшего с. Лифляндка, напротив стоянки Лифляндка-1. Открыта Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны изделия, относящиеся к верхне-палеолитическому времени.
38. **Гора Кукушка** – стоянка. Расположена на юго-восточной окраине с. Карамышево, в районе сельского кладбища. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Собранный материал относится к мустьерской эпохе.
39. **Холодный-1** – курганный группа. Расположена в 0,42 км на юг-юго-восток от кладбища с. Карамышево, на левом берегу ручья Холодный. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Датировка – ранний железный век – средневековье.
40. **Холодный-2** – курганный группа. Расположена в 1,1 км к юго-западу от кладбища с. Карамышево, по дороге в бывшее с. Лифляндка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Датировка – ранний железный век – средневековье.
41. **Холодный-3** – поселение. Расположено в 1 км к юго-западу от кладбища с. Карамышево, в 250 м к востоку от объекта Холодный-2. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Собрана керамика, относящаяся к раннему железному веку.
42. **Усть-Холодный-1** – курганный группа. Расположена в 850 м к северу от устья ручья Холодный, на правом берегу р. Корболиха. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Датировка – ранний железный век – средневековье.
43. **Машинка-1** – поселение. Расположено в 2,5 км выше впадения р. Машинки в р. Корболиху. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Собранный материал относится к раннему железному веку и эпохе палеолита.
44. **Машинка-2** – поселение. Расположено в 300 м к северо-западу от поселения Машинка-1, в 2,8 км выше впадения р. Машинки в р. Корболиху. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Собранные каменные орудия относятся к эпохе палеолита.
45. **Давыдовка-1** – мастерская-каменоломня. Расположена на правом берегу р. Машинка в 450 м к северо-западу от кладбища с. Давыдовка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экс-

- педиции АлтГУ в 2000 г. В 2001 году на памятнике проводились раскопки. Общий облик индустрии Давыдовки 1 можно определить как позднемустьерский леваллуазский пластинчатый (Кунгуров А.Л., 2002).
46. **Новокузнецовка-3** – поселение. Расположено на левом берегу р. Харьковка, в 3 км к северо-востоку от с. Воронеж и в 1,35 км на юго-юго-запад от с. Новокузнецовка. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собранные каменные артефакты относятся к палеолиту.
 47. **Новокузнецовка-4** – одиночный курган. Расположен на левом берегу р. Харьковка, в 3,6 км на северо-восток от с. Воронеж, в 0,55 км на юго-юго-запад от с. Новокузнецовка. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Памятник относится к раннему железному веку – средневековью.
 48. **Новокузнецовка-5** – поселение. Расположено рядом с курганом Новокузнецовка-4. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. На памятнике обнаружены металлургические шлаки и керамика, которые можно предварительно отнести к неолиту.
 49. **Новокузнецовка-6** – поселение. Расположено в 0,45 км к югу юго-востоку от с. Новокузнецовка. Открыто Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г.
 50. **Новокузнецовка-6 (а)** – курганный группа. Расположена в 0,4 км юго-западнее с. Новокузнецовка на одном из изгибов сложнопоостроенной долины правого борта р. Харьковки. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. По-видимому, курганы 1 и 2 относятся к различному времени. Первый объект напоминает раннескифские сооружения 8–6 вв. до н.э., известные в Рудном Алтае достаточно широко. Его отличия заключаются прежде всего в крупных размерах и плоской насыпывыкладке. Второй объект – обычный средневековый курган.
 51. **Новокузнецовка-7** – поселение. Расположено на северо-западной окраине с. Новокузнецовка (400 м), на мысе правого борта ручья, впадающего в р. Харьковку справа перед селом. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. В пашне собрана керамика без орнамента, по облику аналогичная посуде раннего железного века, обломки костей крупного и мелкого рогатого скота, кусочки прокала красного цвета, кальцинированные кости и металлургические шлаки.
 52. **Новокузнецовка-8** – стоянка. Расположена на восточной (левобережной) окраине с. Новокузнецовка в 100 м юго-восточнее машинного двора. Памятник огибает дорога, идущая вдоль края берега р. Харьковки, обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. В разрушениях колеи дороги найден крупный подтрапцевидный скол мустьерского облика, из-

- готовленный из серого роговика. Собраны невыразительные каменные сколы из зеленовато-серого давыдовского роговика и фрагменты керамики эпохи бронзы.
- 53. Новокузнецовка-9** – поселение и стоянка. Расположена в 980 м севернее памятника Новокузнецовка-8 на мысовидном изгибе кромки лёссового левобережного плато р. Харьковки. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г.
- 54. Мылинские Сопки-1** – местонахождение (стоянка). Памятник расположен на склоне правого борта долины р. Харьковка между селами Воронеж (1,5 км) и Новокузнецовка (2,5 км). Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Найден двухплощадочный однофронтальный нуклеус леваллуазского облика.
- 55. Мылинские Сопки-2** – одиночный курган. Расположен в 2,3 км к ССВ от с. Воронеж, в месте выхода грунтовой дороги, на которой найден нуклеус (местонахождение Мылинские Сопки 1) на водораздел. Одна из находящихся рядом развилки дороги следует по водоразделу на север в с. Новокузнецовка (1,5 км), другая, огибая долину ручья, в с. Воронеж (2 км). Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Возможная датировка кургана – эпоха развитого средневековья.
- 56. Усть-Машинка-1** – местонахождение. Расположено в 0,5 км выше впадения р. Машинка в р. Корболиха. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Зафиксированные находки каменных орудий относятся к верхнему палеолиту.
- 57. Усть-Машинка-2** – стоянка. Расположена в 700 м выше устья р. Машинка, на правом ее берегу. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Собрана коллекция каменных артефактов, относящихся к первой половине верхнего палеолита.
- 58. Усть-Машинка-3** – стоянка. Расположена в 1,2 км к северо-востоку от устья р. Машинка, на левом ее берегу. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Зафиксированы каменные орудия леваллуазского облика.
- 59. Пасека-1** – местонахождение. Расположено в 1,9 км к ССЗ от кладбища с. Карамышево, к югу от карьера, в 260 м на северо-восток от объекта Воронеж-4 по другую сторону от трассы Карамышево – Воронеж. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны фрагменты керамики и обломки поделочного камня, датирующиеся в широких рамках.
- 60. Пасека-2** – местонахождение. Расположено в 1,5 км к ССЗ от кладбища с. Карамышево, в 400 м к югу от объекта Пасека-1. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны фрагменты керамики и обломки поделочного камня, датирующиеся в широких рамках.

- 61. Пасека-3** – местонахождение. Расположено в 2 км к ССЗ от кладбища с. Карамышево. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны фрагменты керамики и обломки поделочного камня, датирующиеся в широких рамках.
- 62. Холодный (исток)** – местонахождение. Расположено в 1 км к СЗ от кладбища с. Карамышево, в 50 м к юго-востоку от объекта Воронеж-4 и в 120 м к югу от местонахождения Пасека-2. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Обнаружены металлургические шлаки, фрагменты керамики. Материал относится к раннему бронзовому веку и эпохе палеолита.
- 63. Петровский-1** – стоянка. Расположена в 1,5 км к С от своротка на с. Староалейское с трассы Змеиногорск-Корболиха. На этом участке раньше находился пос. Петровский, связанный своим происхождением с одноименным рудником, расположенным в 0,5 км северо-западнее стоянки. Поверхность памятника сильно повреждена антропогенной деятельностью, старыми и новыми геологоразведочными траншеями и шурфами. Через памятник проходит грунтовая дорога от берега Корболихи к северо-восточной окраине Змеиногорска. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собранные каменные артефакты относятся к первой половине верхнего палеолита или даже мустьерскому времени.
- 64. Гора Воронкова** поселение. Расположено на правом берегу р. Корболиха в месте своротка с трассы Змеиногорск-Карамышево ответвления на села Староалейка и Третьяково. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собрана керамика, относящаяся к раннему железному веку.
- 65. Оторванка-1** – поселение. Расположено в 220 м юго-восточнее моста через р. Корболиха, на трассе Змеиногорск-Карамышево. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. Собраны фрагменты керамики и каменные орудия, относящиеся к раннему бронзовому и раннему железному веку.
- 66. Первая Бутановка-1** – стоянка. Памятник расположен на левом берегу р. Первая Бутановка в 1,5 км северо-западнее места через нее. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. (Кунгуров А.Л., 2001). Обнаружен ряд изделий верхнепалеолитического облика.
- 67. Первая Бутановка-2** – поселение и стоянка. Памятник расположен в 1,2 км к северо-западу от окраины с. Гольцовка, на правом берегу р. Первая Бутановка. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова

ва в 2000 г. (Кунгуров А.Л., 2001). Собрана коллекция фрагментов керамики, относящаяся к раннему железному веку и несколько каменных орудий, датировка которых определяется завершающими этапами каменного века.

68. **Первая Бутановка-3** – поселение и стоянка. Памятник расположен в 1,5 км к северо-западу от окраины с. Гольцовка. Работы проводились Змеиногорским археологическим отрядом АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. (Кунгуров А.Л., 2001). Обнаружено 16 обломков глиняных литейных форм, фрагменты керамики, видимого раннего железного века, и несколько каменных орудий, относящихся к различным этапам каменного века.
69. **Первая Бутановка-4** – стоянка. Памятник расположен на 50-метровом цокольном мысе правого берега р. Первая Бутановка, на северо-западной окраине с. Гольцовка. Объект обнаружен в ходе исследований Змеиногорского археологического отряда АлтГУ под руководством А.Л. Кунгурова в 2000 г. (Кунгуров А.Л., 2001). Собрана коллекция изделий из окремненного песчаника, относящихся к верхнему палеолиту.
70. **Усть-Буточная-1** – стоянка-мастерская. Расположена в 4 км западнее с. Гольцовка на правом борту долины р. Гольцовка в 2,1 км ниже впадения в неё левого притока р. Буточная. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. В целом пагинированный роговиковый комплекс стоянки-мастерской Усть-Буточная 1 имеет леваллуазский облик и может быть датирован позднемустьерским временем.
71. **Усть-Буточная-2** – стоянка. Расположена на левом берегу р. Гольцовка напротив памятника Усть-Буточная-1. Объект обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Материал памятника демонстрирует два хронологических комплекса: позднемустьерский и верхнепалеолитический.
72. **Басиловский-1** – стоянка. Расположена в 2,5 км ниже по течению Гольцовки от устья ручья Басиловский, протекающего по западной окраине пос. Рязановка. В 40–50 м северо-восточнее памятника проходит трассы Барановка (4,4 км) – Гольцовка (5,5 км). Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. В пашне собрано 22 артефакта. Пять из них, видимо, относятся к раннеголоценовому времени (пластина, обломок шлифованного изделия, кварцитовые отщепы). Остальной комплекс выглядит более древним за счёт лёгкой пагинизации и палеолитической техники расщепления. Облик изделий позволяет датировать ранний комплекс памятника второй половиной верхнего палеолита.
73. **Басиловский-2** – стоянка. Расположена на мысовидном выступе охарактеризованного лёссового плато в 680 м выше по течению р. Гольцовка от предыдущего памятника. Длина мыса превышает 500 м, его

основания пересекает трасса Барановка (3,7 км) – Гольцовка (6,2 км). Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Находки каменных изделий и обломков керамики без орнамента связаны с северо-западной оконечностью мыса. Керамика возможно относится к раннему железному веку. Каменные изделия датируются верхнепалеолитическим временем.

74. **Усть-Колыванка-2** – поселение. Расположено в пойме р. Усть-Колыванка, на правом берегу, в 300 м к северо-западу от впадения в нее р. Слюдянка, в 1 км к северо-востоку от северного берега оз. Колыванского. Памятник обнаружен в ходе работ Рудно-Алтайского отряда археологической экспедиции АлтГУ в 2005 г. (Грушин С.П., Кунгуров А.Л., 2005). Основной комплекс обнаруженной на объекте керамики относится к андроновской культуре бронзового века.
75. **Слюдянка 1**. Одиночный курган. Находится в 0,4 км к север-восток-востоку от заброшенного с. Слюдянка и в 8,5 км (по дороге) к север-востоку от с. Саввушка. Диаметр 52 м, высота 2 м, сооружен из земли и камня, признаков ограбления нет. Датируются эпохой раннего железа. Состояние памятника – удовлетворительное. Памятник открыт в 1984 г. Ю.П. Алехиным, им же обследовался в 2011 г.
76. **Воронеж-3** – поселение. Расположено на левом берегу р. Харьковки, в 1,15 км северо-восточнее с. Воронеж и в 2,5 км юго-западнее с. Новокузнецовка. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2000 г. Собранные каменные изделия характерны для мезолита и неолита.
77. **Воронеж 4** – одиночный курган. Расположен в 1,8 км к северу от северо-западной окраины с. Воронеж. Открыт в 2000 г. А.Л. Кунгуровым.
78. **Воронеж-4 а** – поселение и стоянка. Расположена на крутом мысе левого борта долины р. Харьковки, выделенном двумя сухими логами. Поверхность плато отсекает трасса Карамышево (4 км) – Воронеж (2 км). Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. собрана керамика без орнамента, металлургические шлаки, мелкие отщепы, скребловидное орудие средних размеров из серого кварцита, отщеп с ретушью мелких размеров из кремня и пластинчатый отщеп из кварцитовидного сливного песчаника серого цвета. Видимо, памятник содержит культурные слои раннего железного века и заключительного этапа палеолита.
79. **Воронеж-5** – стоянка. Памятник связан с длинным пологоспускающим лёссовым шлейфом северного склона скальной возвышенности, высшей точкой которой является Кудина Сопка и расположен юго-западнее объекта Воронеж-4. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Собранный коллекция насчитывает 70 артефактов. Инвентарь памятника демонстрирует яркую позднемустьеvскую леваллуазскую стратегию расщепления и орудийный набор.

80. **Воронеж-6** – поселение и стоянка. Расположена в 600 м к ЮВ от кладбища с. Воронеж, на мысе левого борта долины р. Харьковка, на 10–12-метровом мысе левого борта долины р. Харьковка, образованном крутым изгибом реки. Основание мыса пересекает трасса Карамышево (4,5 км) – Воронеж (1,5 км). Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. На поверхности мыса в пашне собрана керамика без орнамента, каменные изделия аморфных очертаний из кварцита и роговика.
81. **Воронеж 7**, курганный могильник. Кунгуров А.Л., 2002 г. В 1,5 км к ЮЮВ от кладбища с. Воронеж и в 200 м к ЮВ от карьера.
82. **Конский Пруд-1** – стоянка. Расположена на северо-западной окраине с. Карамышево, на правом борту безымянного ручья в месте, где он перегорожен дамбой. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Находки невыразительны, изготовлены из зеленой яшмы и имеют палеолитический облик.
83. **Конский Пруд-2**. Каменоломня-мастерская. Расположена напротив памятника Конский Пруд-1 на левом борту ручья. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Датировать в настоящее время каменоломню-мастерскую достаточно сложно, т.к. полученный материал фрагментарен.
84. **Сопка Маяк-1** – поселение. Расположено на правом борту долины Машинка в 5,5 км выше ее устья и в 2,6 км юго-западнее вершины сопки Маяк. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. В пашне собрана керамика без орнамента, судя по характеру эпохи раннего железа, обломок каменного рудодробильного песта. На площади памятника встречались металлургические шлаки, кальцинированные кости животных, куски прокаленной почвы, крошки охры и дробленый камень.
85. **Сопка Маяк-2** – поселение. Расположено на соседнем мысу (через лог) в 180 м севернее от памятника Сопка Маяк-1. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Зафиксированы обломки керамики без орнамента и литейных глиняных форм, металлургические шлаки, кусочки прокала, дробленого гранита и кальцинированных костей. Возможная датировка – ранний железный век.
86. **Сопка Маяк-3** – поселение. Расположено в месте выхода р. Машинка из лога северо-западного склона Сопки Маяк в 1,75 м юго-западнее ее вершины и в 6,5 км выше ее устья. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. В пашне собрана керамика без орнамента, аналогичная предыдущим находкам, шлаки, обломки глиняных литейных форм. Возможная датировка – ранний железный век.
87. **Сопка Маяк-4** – поселение. Расположено на 4-метровом пологом мысе левого борта р. Машинка в 1,8 км юго-западнее вершины горы

- Сопка Маяк и в 6,2 км выше устья Машинки. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Найдено два фрагмента керамики без орнамента.
- 88. Сопка Маяк-5** – одиночный курган. Расположен в 2,4 км на юго-запад от горы Сопка Маяк, в 5,5 км восточнее с. Новокузнецовка, в 4,8 км северо-восточнее с. Карамышево. Объект зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Предварительная датировка памятника – ранний железный век-средневековье.
- 89. Верх-Давыдовка 1** – курганная группа. Расположена в 4,2 км на юг от вершины Сопки Маяк и в 3 км на северо-запад от г. Змеиногорск. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Курган №1. Расположен на северо-восточном склоне Давыдовской горы в 150 метрах от вершины и на 10 м ниже ее. Курган №1 имеет каменно-земляную насыпь округлой формы, диаметром 9 м, высотой 0,5 м. В центре фиксируется грабительская западина диаметром 6 м и глубиной 1,3 м. От кургана до вершины Сопки Маяк (на север) – 4,2 км, до СВ окраины Змеиногорска (на юго-восток) – 3 км. Курган № 2. Расположен в 625 м северо-северо-восточнее кургана № 2 на распаханном пространстве водораздела. Диаметр ок. 11 м, высота 1 м. В центре прослежена грабительская воронка, в которой растет куст черемухи. Диаметр воронки ок. 4 м, глубина 0,5 м. Датировка курганов определяется в рамках раннего железного века – средневековья.
- 90. Давыдовка 2**, мастерская-каменоломня. Кунгуров А.Л., 2002 г. В 0,45 км к северо-западу от кладбища с. Давыдовка, в 200 м северо-западнее Давыдовки 1.
- 91. Лазурка-1** – стоянка палеолитического времени. Расположена на южной окраине с. Лазурка, на 6–8-метровом мысе правого берега р. Лазурка, частично разрушенном хозяйственной деятельностью жителей села. Памятник находится на юго-восточной окраине Лазурки, за рекой на ее левом берегу начинается пихтовый лес, покрывающий склон отрога горы Гольцовка. Он ограничивает межгорную котловину, в которой расположено село, с запада. Памятник обнаружен в ходе работ Рудно-Алтайского отряда археологической экспедиции АлтГУ в 2005 г. (Грушин С.П., Кунгуров А.Л., 2005).
- 92–95. Верх-Каменка-1-4** Расположены на протяжении 1–5 км ниже впадения ручья Пихтового в р. Каменку, в 1,2 – 2 км к югу от с. Лазурка. Памятники обнаружены в ходе работ Рудно-Алтайского отряда археологической экспедиции АлтГУ в 2005 г. (Грушин С.П., Кунгуров А.Л., 2005). Изделия, обнаруженные в данных пунктах, относятся к эпохе позднего мустье – верхнему палеолиту.
- 96. Гора Кукушка** – культовое место. Расположено на одноименной горе высотой 491,1 м над уровнем моря в 400 м юго-восточнее с. Карамышево, в 300 м северо-восточнее с. Березовка. Объект зафиксиро-

- рован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Найдены небольшие фрагменты керамики без орнамента.
- 97. Стрижки-1** – стоянка. Расположена на водоразделе левобережья р. Харьковка и ручья Матвеевский в пологонаклонной долине между цокольным холмом Сопка Стрижковская (высота 443,3 м над у.м.; 24 м от уровня долины) и цокольными возвышениями до 14 м от уровня долины реки. Памятник зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Обнаружены каменные отщепы и скребло изготовленное из роговика. Возможная датировка стоянки – позднемустьерская эпоха – начало верхнего палеолита.
- 98. Стрижки-2** – одиночный курган. Расположен на левобережье р. Харьковка в долине между цокольным холмом Сопка Стриж и цокольными возвышениями до 14 м от уровня долины реки в 150 м западнее памятника Стрижки-1. Объект зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Предварительная датировка памятника – ранний железный век-средневековье.
- 99. Стрижки-3** – курганный могильник. Расположен в 2 км к юго-западу от с. Карамышево. Памятник зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Его предварительная датировка – ранний железный век-средневековье.
- 100. Стрижки-4** – одиночный курган. Расположен в 1,8 км к юго-западу от с. Карамышево. Памятник зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Его предварительная датировка – ранний железный век-средневековье.
- 101. Гора Сыроватая-1** – стоянка. Расположена в 2,5 км к юго-востоку от с. Гольцовка, в 3 км северо-западнее г. Сыроватая на мысе, образованном поймой и ручьем, впадающем в р. Каменка севернее стоянки. Памятник зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Найдено три каменных артефакта: нуклеус с негативами снятий и два каменных отщепа. Стратифицированная стоянка ориентировочно датируется палеолитическим временем.
- 102. Гора Сыроватая-2** – поселение. Расположено в 4,4 км северо-восточнее с. Гольцовка, в 3,9 км к северо-западу от г. Сыроватая, в 0,9 км южнее памятника Гора Сыроватая-1. Памятник зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Многослойное поселение содержит невыразительную каменную индустрию голоценового времени, а также находки раннежелезного века.
- 103. Гора Сыроватая-3** – поселение. Расположено в 4,6 км северо-восточнее с. Гольцовка, в 4,1 км к северо-западу от г. Сыроватая, в 0,7 м южнее памятника Гора Сыроватая-2. Памятник зафиксирован в ходе работ Змеиногорского археологического отряда АлтГУ в 2004 г. Зафиксированы невыразительные каменные артефакты, а также фрагменты керамики раннего железного века.

- 104. Гора Сыроватая-4** – поселение. Расположено в 2 км к югу от с. Лазурка, на пологом мысовидном расширении левого берега долины р. Каменки в месте ее выхода из межгорной котловины, образованной отрогами гор Гольцовка (правый борт) и Сыроватая (левый борт). Размеры занятого поселением участка 170 м вдоль русла реки и до 70 м от береговой бровки. Памятник обнаружен в ходе работ Рудно-Алтайского отряда археологической экспедиции АлтГУ в 2005 г. (Грушин С.П., Кунгуров А.Л., 2005). Несмотря на слабую информативность комплекса поселения, он соответствует, прежде всего, характеру объектов раннего железного века второй половины I тыс. до н.э.
- 105. Раскат 1**, поселение. Расположено на северо-восточной окраине с. Новокузнецовки. Памятник занимает участок правого борта ручья, правого притока р. Харьковка. Ручей берет свое начало в логу, врезанном в юго-восточный отрог горы Раскат. В пашне найдена керамика без орнамента, фрагмент венчика сосуда баночной формы, колотые кости животных. Возможная датировка ранний железный век.
- 106. Раскат 2**. Курганная группа, находящаяся в 200 м севернее предыдущего памятника на поверхности гривы – отрога г. Раскат, имеющего простирание с СЗ на ЮВ. На юго-западном склоне, обращенном к поселению Раскат 1, расположена группа из трех курганов с каменно-земляной насыпью, вытянутая цепочкой вдоль гривы (с СВ на ЮВ). Курганы очень сильно распаханы, что почти полностью сnivelировало их высоту (0,3 – 0,2 м) и придало насыпям овально-вытянутую форму, размерами от 12 x 10 (№1) до 11 x 7 (№3) м. Датировка не определена.
- 107. Раскат 3**. Поселение. Находится на пологом террасовидном понижении, являющемся оконечностью юго-восточного отрога г. Раскат. Понижение сформировано двумя параллельными логами (западный с активным водотоком) в расширяющийся трапециевидный мыс высотой до 10 м от уровня реки. Вся площадь памятника активно распаивается. На поверхности собрана керамика (обломки не менее 6 сосудов) и металлургические шлаки. Один фрагмент орнаментирован «чистым» жемчужником, характерным для раннего железного века.
- 108. Белянинский 1**, поселение. Расположено на левом берегу р. Харьковка, в 600 м к Ю от моста через р. Харьковку у пос. Белянинский. Поселение, расположенное на мысовидном образовании высотой 4–5 м, являющемся оконечностью обширного левобережного полого наклонного цокольного плато, формирующего борт Харьковки от с. Белянинского до Новокузнецовки. В пашне обнаружена керамика без орнамента, кости животных, скопления металлургических шлаков и обмазок печей (?), а также обломок зернотерки или куранта небольших для этого типа изделий размеров. Возможная датировка комплекса – ранний железный век.

- 109. Беянинский 2**, поселение. Расположено на левом берегу р. Харьковка, в месте впадения руч. Казачий в р. Харьковка. Поселение, приуроченное к мысовидному выступу левобережного плато борта Харьковки, сформированному выступом рельефа и правым бортом крупного ручья. Находки аналогичны предыдущему памятнику – керамика без орнамента, шлаки, кости животных. Также обнаружен рудодробильный пест из аллювиальной отделимости.
- 110. Раскат 5**. Поселение и стоянка. Памятник расположен напротив горы Раскат, но на противоположном левом борту долины Харьковки и в 0,9 км к ЮВВ от северо-восточной окраины с. Новокузнецовка. На цокольном мысе подтреугольной формы, выделенном двумя сухими логами, в пашне собрано 24 каменных изделия. Общий облик индустрии и существенная патинизация поверхности свидетельствуют в пользу верхнепалеолитической датировки комплекса. Кроме этого собрана керамика раннего железного века, металлургические шлаки и обломок каменного наконечника стрелы неолитического времени.
- 111. Раскат 6**. Памятник расположен на левом борту долины Харьковки в 0,66 км к ЮВ северо-восточной окраины с. Новокузнецовка на северо-восточном крае обширного цокольного мыса, плавно понижающегося к северо-западу. В пашне собрано четыре каменных изделия верхнепалеолитического облика. Сырье – окремненный песчаник и роговик. Также найдена керамика без орнамента, обломок сосуда, украшенного широким канелюром, металлургические шлаки.
- 112. Усть-Харьковка-6** – поселение. Расположено на северной окраине с. Воронеж, вдоль которой протекает ручей – правый приток р. Харьковки. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Собраны мелкие фрагменты керамики без орнамента, кости животных, обломок шлака. Возможная датировка памятника – ранний железный век.
- 113. Змеиногорск-1** – курганный могильник. Расположен в 1,3 км к юго-западу от г. Змеиногорска, в 1 км к юго-западу от автозаправочной станции и в 0,1 км к северу-северо-востоку от триангуляционного знака, на пашне. Памятник состоит из трех земляных курганов, ранее распахиваемых, а ныне опахиваемых и уже успевших задерноваться. Курганы №№1, 3 ограблены, об ограбленности кургана №2 судить невозможно из-за его распашки. Диаметр курганов 5–12 м, высота 0,4–0,45 м. Памятник открыт в 1986 г. Ю.П. Алехиным. Состояние памятника в 1986 г. было удовлетворительное. При обследовании памятника в сентябре 2011 г. все курганы оказались уже полностью распаханы и на поверхности совершенно не прослеживаются. Памятник открыт Ю.П. Алехиным в 1986 г., им же обследовался в 2011 г.
- 114. Змеиногорск-2** – одиночно стоящий курган. Находится в 0,89 км к северо-западу от курганной группы Змеиногорск-1 и в 0,6 км к югу от дороги Змеиногорск-Карамышево, на пашне. Курган ранее был рас-

пахан почти до основания, ныне опахивается, успел задерноваться. Его диаметр 8 м, высота 0,3 м, каменно-земляной, ограблен. Памятник открыт в 1986 г. Ю.П. Алехиным им же обследовался в 2011 г. При обследовании памятника в сентябре 2011 г. курган был уже полностью распахан и на поверхности совершенно не прослеживается.

- 115. Раскат 4**, поселение. Расположено на правом берегу р. Харьковка, в 600 м к Ю от моста через р. Харьковку у пос. Белянинский. Находится на пологом понижении оконечности восточного отрога г. Раскат. Рельеф данного орографического участка очень невыразителен – отсутствуют заметные детали рельефа (мысы, лога и т.п.). Полого наклонная долина, плавно спускающаяся с уровня 50-60 м до уреза поймы, полностью распахана. На участке пашни собрана керамика без орнамента, характерная по структуре теста и обжигу для раннего железного века.
- 116. Усть-Харьковка-7** – поселение. Расположено на мысе, являющемся составляющей частью окончания пологоспускающегося водораздельного плато правого борта долины р. Харьковки. Рядом проходит грунтовая дорога из с. Воронеж (0,75 км) на ток и мост через Харьковку. Памятник обнаружен в ходе работ Змеиногорской археологической экспедиции АлтГУ в 2002 г. Собрана керамика, в том числе обломок с налепным рассеченным валиком и обломок, орнаментированный жемчужником с разделителем. Возможная датировка памятника – ранний железный век.
- 117. Карповский ручей 1**, стоянка каменного века и поселение. Расположена на юго-западной окраине г. Змеиногорска в районе старых карьеров по бортам небольшого водотока, имеющего наименование Карповский ручей. Обнаружены кремневые отщепы и керамика без орнамента, по текстуре и составу аналогичная посуде раннего железного века. Памятник открыт А.Л. Кунгуровым в 2002 г.
- 118. Карамышевская копь 1**. Осмотр скального массива, ограниченного реками Машинкой, Корболихой и Матвеевским ручьем позволил выявить новый горный комплекс, ориентированный на добывание различных видов алевролитового сланца, которым сложен внутренний участок массива. Наиболее возвышенная часть данного орографического образования представляет собой водораздельный кряж, с северной стороны которого примыкает пологое лессовое плато, а южная организована многолетним вводно-эоловым разрушением в конвекгентные крутопадающие лога, дающие начало многочисленным родникам, а в весенний период - крупным тальм водотокам. Верхний ярус толщи алевролитового сланца (мощность до 25 м), имеющего субгоризонтальную слоистость, отличается слабой цементированностью и наличием кварцевых прожилков на границах слоев (толщина от 0,01 до 0,1 м) с яркими признаками рудопроявления в виде зеленого (малахит) и синего (азурит) окраса, разноориентированных серо-фиолетовых «паутинообразных» и

нитевидных включений серебра (?). Нижний ярус массива подвергнут метоморфизации и имеет гораздо более высокие прочностные характеристики, приближаясь по твердости к кремнистому сланцу. Древнего человека привлекали оба яруса, о чем свидетельствуют обнаруженные разработки. В верхней части одной из грив, образованных смыкающимися логами, на северо-восточном склоне обследована «чудская» копь, а на ее оконечности – каменоломня.

119. Карамышевская Каменоломня 1 расположена в 400 м юго-восточнее и на 10 м ниже Карамышевской копи 1 на оконечности сланцевой гривы и на 35 м ниже уровня водораздельного кряжа. Граница между ярусами массива достаточно четко фиксируется по ступенчатому уступу, ниже которого поверхность гривы менее задренована и изобилует обломочным материалом, более устойчивым к воздействию погодных условий, поэтому не рассыпающемся в крошку, как вышележащий. Оконечность гривы выше ее окончания перерезана разведочным шурфом XVIII – XIX вв., на получившемся останце зафиксировано пять западин диаметром до 10 и глубиной до 1,5 метров, образовавшиеся в процессе добывания плит сланца с его поверхности и краев. В разрушениях оконечности гривы, связанных с постоянным выпасом скота, найдено достаточно большое количество нуклеидных изделий и сколов, имеющих палеолитический облик.

120. Слюдянка-1 – одиночно стоящий курган. Находится в 0,4 км к востоку-северо-востоку от заброшенного с. Слюдянка и в 8,5 км (по дороге) к северо-востоку от с. Саввушка. Диаметр 52 м, высота 2 м, сооружен из земли и камня, признаков ограбления нет. Памятник открыт в 1984 г. Ю.П. Алехиным. Памятник открыт в 1984 г. Ю.П. Алехиным, им же обследовался в 2011 г.

121. Матвеевский прииск, связанный с Карамышевским Вторым рудником, был заложен на месте обнаружения рудознатцами обширного комплекса «чудских» копей, однако оказался неперспективным и был достаточно быстро заброшен. Прииск расположен в 2 км от северо-восточной окраины с. Карамышево на склоне гривы, высотой около 10–14 метров, на правой стороне реки Корболихи и на правой стороне Матвеевского ключа. Месторождение прииска простирается на северо-запад. Добываемой ценностью являлась медная синь (азурит) и медная зелень (малахит) включенные в хлоритовый сланец и содержащие «0,5 золотника серебра на 9 фунтов меди». Висячий и лежащий бока составлял нефритовый порфир. Работы на прииске велись до 1744 года и позднее возобновились в 1783 г. В 1820 г. из-за усиленного притока воды и затопления пониженных открытых карьеров добыча руды была остановлена (ЦХАФАК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 36). В километре северо-восточнее Матвеевского прииска расположен Стрижковский рудник, обнаруженный в 1785 году слесарным подмастеровым Стрижковым.

Разведочные шурфы четко видны и на правом борту долины ручья (Кашкаровский прииск, который открыт в 1782 унтершихтмейстером Кашкаровым, но не разрабатывался из-за бедности руд). На гряде, являющейся водоразделом между Матвеевским и Стрижковским приисками в нетронутом состоянии сохранилось большое количество «чудских копей», перспективных для дальнейшего изучения. Стрижковский прииск весь выработан в советское время как полиметаллическое месторождение и все следы древних работ уничтожены.

- 122. Змеёвая Гора-1** – памятник федерального значения «Остатки древнего горно-металлургического производства» в долине рек р. Змеёвка р. Карболиха, (Указ президента РФ № 176 от 20.02.1995). Древние выработки на золото на Змеёвой горе (территория г. Змеиногорска) впервые описаны в 1764 г. горным инженером И.И. Лейбе. Вновь осмотрены М.Ф. Розеном в 1948 г. (Розен М.Ф., 1983). Очевидно, здесь же были найдены каменный пест, каменная ступа, каменный молот, плита для растирания руды и 2 каменных шаровидных орудия, экспонировавшиеся в АКМ в 1949 г. (инв. № 200–201), а также 3 рудодробильных песта и плоская ступа из белого камня, хранящиеся в Музеи истории горного производства им. А. Демидова – эти находки осмотрены и зафиксированы в 1983 г. Ю.П. Алехиным.

ПАМЯТНИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ НА ГРАНИЦАХ ДРУГИХ РАЙОНОВ, МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ КОТОРЫХ НУЖДАЕТСЯ В УТОЧНЕНИИ

- 1. Плахино-I** – курганный могильник. Находится в 4 км к северо-западу от заброшенного с. Плахино и в 12,5 км к северо-западу от с. Таловка, в 2,5 км к юго-востоку от с. Степнобугринского. Состоит из 4-х сильно распаханных курганов, ввиду чего судить об их ограбленности невозможно. Диаметр курганов 10–20 м, высота 0,1–0,7 м. Памятник открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным. Памятник, возможно, расположен в Поспелихинском районе.
- 2. Плахино-II** – одиночно стоящий курган. Расположен в 0,126 км к юго-западу от кургана №4 курганной группы Плахино-I. Курган ограблен в древности и поврежден современными разрушениями. Его диаметр 52 м, высота 2,5 м, сооружен из земли и камня. Датировается предварительно эпохой раннего железа. Памятник открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным, возможно, расположен в Поспелихинском районе.
- 3. Плахино-III** – курганный могильник. Расположен в 0,2 км к северо-западу от кургана Плахино-II. Состоит из 5 вытянутых цепочкой с севера на юг, ограбленных в древности и распаханных ныне курганов. Диаметр 12–34 м, высота 0,35–0,9 м. Насыпи курганов сооружены из земли и камня. Памятник датируется эпохой раннего железа, открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным, возможно, расположен в Рубцовском районе.

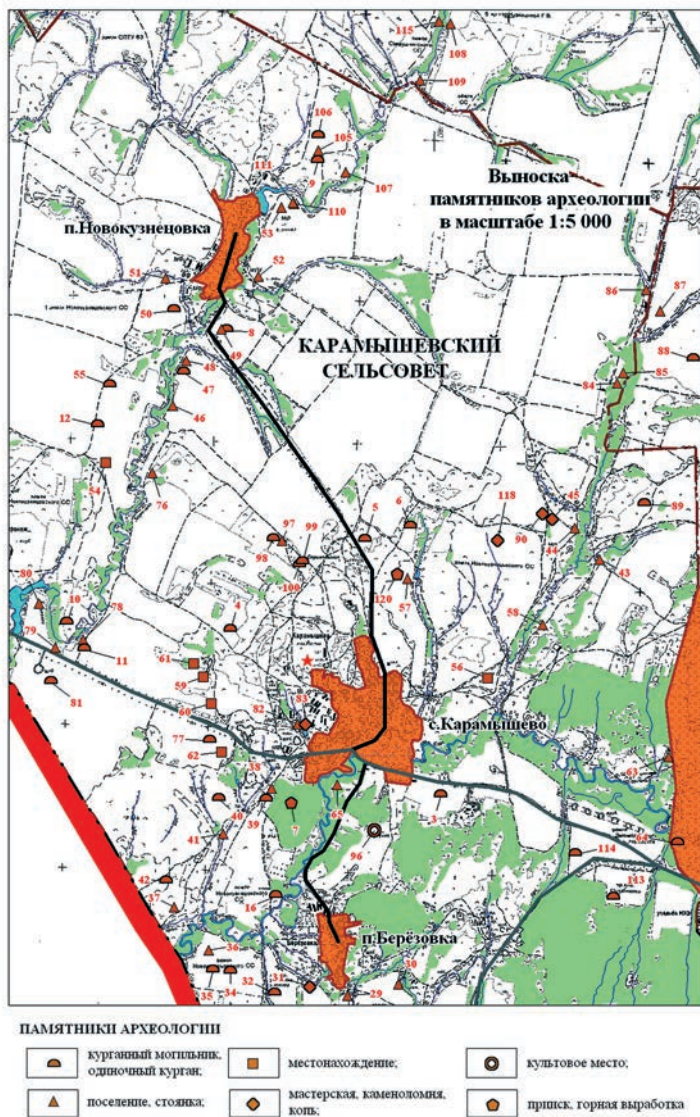
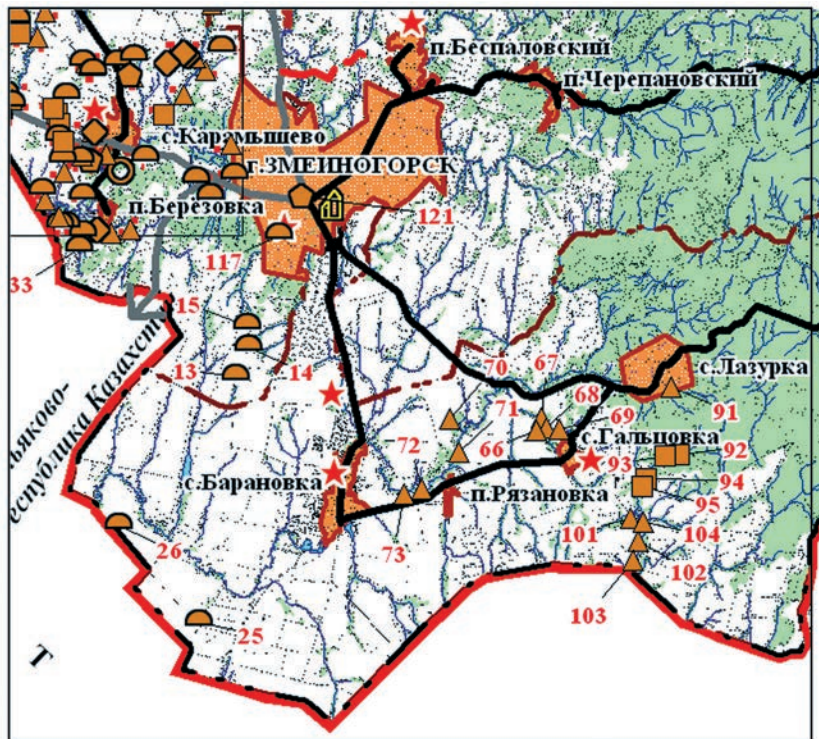

Рис. 1. Памятники археологии Карамышевского сельсовета

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ

	курганный могильник, одиночный курган.		местонахождение.		культовое место.
	поселение, стоянка.		мастерская, каменоломня, копь.		прииск, горная выработка

Рис. 2. Памятники археологии Барановского сельсовета и городского поселения г. Зmeinогорск

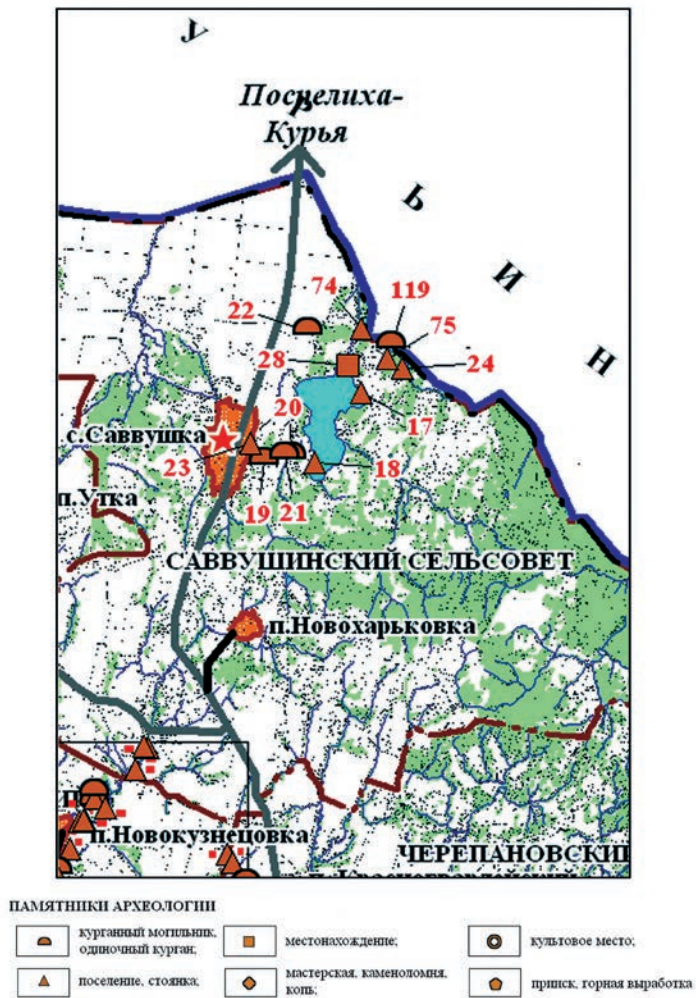

Рис. 3. Памятники археологии Саввушкинского сельсовета

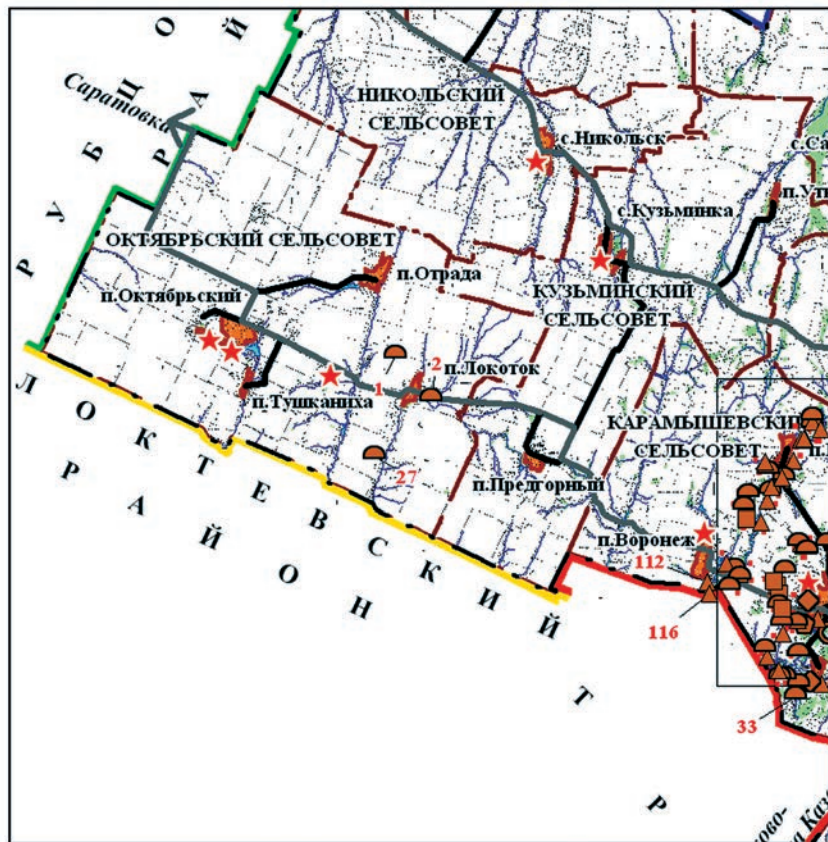

Рис. 4. Памятники археологии Октябрьского сельсовета

4. **Плахино-IV** – курганный могильник. Расположен в 0,32 км к юго-юго-востоку от курганной группы Плахино-III. Состоит из трех вытянутых цепочкой с юга-юго-востока на север-северо-запад, ограбленных в древности курганов. Два кургана сооружены из земли и камня, один земляной; ранее все курганы распахивались, ныне опахиваются. Диаметр курганов 8–12 м, высота 0,25–0,4 м. Датируется, очевидно, эпохой средневековья. Памятник открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным, возможно, расположен в Рубцовском районе.
5. **Плахино-V** – курганный могильник. Расположен в 0,23 км к юго-западу от курганной группы Плахино-IV. Состоит из 4-х вытянутых цепочкой с юга на север ограбленных курганов, диаметром 27–36 м и высотой 0,7–1 м. Насыпи сооружены из земли и камня. Памятник датируется эпохой раннего железа, открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным, возможно, расположен в Рубцовском районе.
6. **Плахино-VI** – курганный могильник. Находится в 0,5 км к юго-западу от курганной группы Плахино-V. Состоит из двух земляных, распаханных до основания курганов, диаметром 18 и 30 м, высотой до 0,3 м. На кургане №2 собраны выпаханные из его насыпи фрагменты женского черепа, кости овцы и птицы. Памятник открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным, возможно, расположен в Рубцовском районе.
7. **Плахино-VII** – одиночно стоящий курган. Находится в 2 км к югу от курганной группы Плахино-VI, в 4 км к юго-западу от заброшенного с. Плахино и в 11 км (по дороге) к западу-северо-западу от с. Таловка. Диаметр 36 м, высота 2,3 м, сооружен из земли и камня, поврежден грабительскими раскопками с применением бульдозера. Датируется эпохой железа. Памятник открыт в 1983 г. Ю.П. Алехиным, возможно, расположен в Рубцовском районе.
8. **Слюдянка II**. Курганный комплекс. Находится в 0,44 км к северу от кургана Слюдянка I. Состоит из 12 курганов диаметром 5 – 20 м и высотой 0,1 – 0,7 м, из которых 7 ограблены; сооружены из земли и камня. Датировка не ясна. Состояние памятника – удовлетворительное. Памятник открыт в 1984 г. Ю. П. Алехиным, им же обследовался в 2011 г.
9. **Слюдянка III**. Оградка из камня. Находится в 0,2 км к северу от курганной группы Слюдянка II. Оградка квадратной формы (4x4 м) со стенками из каменного плитняка. Точная датировка не ясна. Состояние памятника – удовлетворительное. Памятник открыт в 1984 г. Ю.П. Алехиным, им же обследовался в 2011 г.

Библиографический список

Источники

Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1982 года в Алтайском крае. Барнаул, 1983. 95 с. (Архив МАЭА АлтГУ №38).

Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1983 года в Алтайском крае. Барнаул, 1984 г. 146 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 47).

Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1984 года в Алтайском крае. Барнаул, 1985. 76 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 57).

Алехин Ю.П. Отчет об археологических исследованиях Юго-Западного отряда Алтайской археологической экспедиции летом 1985 г. Барнаул, 1986. 104 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 76).

Тишкин А.А. Отчет об аварийных археологических раскопках курганных групп Щепчиха-I в Змеиногорском районе Алтайского края (зона строительства орошаемого участка) и Бийске в Шебалинском районе Горно-Алтайской республики (зона предполагаемого строительства Катунской ГЭС) в 1991 году. Барнаул, 1992. 164 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 112).

Тишкин А.А. Отчет о полевых работах Змеиногорского археологического отряда Алтайского государственного университета в августе 1994 года. Барнаул, 1995. 82 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 140).

Кунгуров А.Л. Отчет о полевых работах Змеиногорского археологического отряда АлтГУ летом 2000 г. в Змеиногорском районе Алтайского края. Барнаул, 2001. 76 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 210).

Кунгуров А.Л. Отчет об археологических разведках в Алтайском, Змеиногорском и Третьяковском районах Алтайского края. Барнаул, 2004. 239 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 209).

Грушин С.П. Отчет о результатах работы Рудно-Алтайского археологического отряда (РААО) на территории Курьинского, Змеиногорского и Третьяковского районов Алтайского края в 2005 г. Барнаул, 2006. 106 с. (Архив МАЭА АлтГУ № 221).

Литература

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 17–65.

Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Памятники археологии. Змеиногорский район // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. 1996. С. 12–21.

Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том IX. Часть 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. С. 327–330.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л. Археологическое обследование долины р. Каменка (Рудный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XI. Часть 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. С.41–44.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. 1997. 232 с.

Кунгуров А.Л. Археологические памятники долины р. Харьковки // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 14. С. 99–103.

Кунгуров А.Л. Древние горные выработки в окрестностях с. Карамышево // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 84–89.

Кунгуров А.Л. История изучения каменного века Рудного Алтая // Востоковедные исследования на Алтае. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 4. С. 4–12.

Кунгуров А.Л. Итоги исследования палеолитических памятников предгорной зоны Алтая в 2000–2004 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том X. Часть 1. Мат-лы год. Сессии ИАиЭ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. С. 121–124.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. 1. Палеолитические памятники. 2002. 176 с.

Кунгуров А.Л. Новый памятник с леваллуазским расщеплением камня из Рудного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. IX. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 35–42.

Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники в окрестностях г. Змеиногорска // Змеиногорск в культурном пространстве Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 80–97.

Кунгуров А.Л. Палеолитические памятники окрестностей с. Карамышево // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. 8. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 20–28.

Кунгуров А.Л. Предварительные итоги изучения каменоломни-мастерской Давыдовка 1 (Рудный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том 7. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. С. 98–102.

Кунгуров А.Л. Тишкин А.А. Находки каменного века с озера Колыванское // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Вып. VIII. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. С. 16–20.

Кунгуров А.Л., Гончаров А.В. К археологической карте Рудного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Вып. 13. С. 81–86.

Кунгуров А.Л., Раднер Д.С. Стратиграфия стоянки мустьерского времени Усть-Машинка 3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VII. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. С. 111–114.

Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Находки раннескифского времени из окрестностей Змеиногорска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том IX. Часть 1. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. С. 396–400.

Кунгуров А.Л., Шмидт А.В. Новые памятники эпохи камня в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том VII. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. С. 115–120.

Марсаолов Л.С. Стоянка «Слюдянка» в Западном Алтае // Сохранении и изучение культурного наследия Алтайского края, Барнаул, 1998. С. 55–58.

Тишкин А.А. Исследование одного разрушенного кургана раннескифского времени в Змеиногорском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 1996. С. 119–123.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

МАТЕРИАЛЫ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ЕЖЕГОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
БАРНАУЛ, 18–19 АПРЕЛЯ 2013 Г.

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Статьи публикуются в авторской редакции